

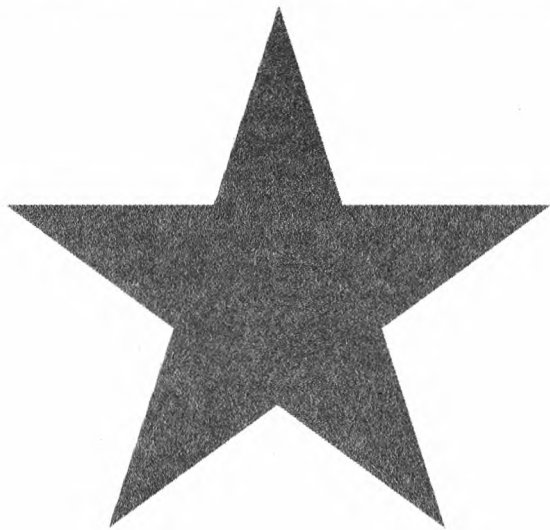
МАКАР БАБИКОВ

Отряд Особого назначения

**диверсанты
морской пехоты**

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:

КРАСНАЯ АРМИЯ ВСЕХ СИЛЬНЕЙ

МАКАР БАБИКОВ

**ОТРЯД
ОСОБОГО
НАЗНАЧЕНИЯ**
ДИВЕРСАНТЫ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2009

УДК 358.4
ББК 63.3(0)
Б 12

Оформление художника *П. Волкова*

Бабилов М. А.

Б 12 Отряд особого назначения. Диверсанты морской пехоты / Макар Бабилов. — М. : Яуза : Эксмо, 2009. — 640 с. — (Вторая мировая война. Красная Армия всех сильней!).

ISBN 978-5-699-38223-1

Боец легендарного 181-го отдельного разведотряда Северного флота Макар Бабилов в годы Великой Отечественной участвовал в самых рискованных рейдах и диверсионных операциях в тылу противника — разгроме немецких гарнизонов на берегах Баренцева моря, захвате артиллерийской батареи на мысе Крестовый и др., — а Золотой Звезды Героя был удостоен за отчаянный десант в южнокорейский город Сейсин в августе 1945 года, когда, высадившись с торпедных катеров, его взвод с боем захватил порт и стратегический мост и, несмотря на непрерывные контратаки японцев, почти сутки удерживал плацдарм до подхода главных сил.

Эта книга вошла в золотой фонд мемуаров о Второй мировой войне. Это захватывающий рассказ о подвигах советской морской пехоты, наводившей ужас на врага и прозванной «черной смертью».

**УДК 358.4
ББК 63.3(0)**

ISBN 978-5-699-38223-1

© Бабилов М.А. (наследники), 2009
© ООО «Издательство «Яуза», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

ВОЙНА В АРКТИКЕ

Глава первая

Лето в Заполярье выдалось на редкость теплое. Солнце подогрело землю, подсушило болота, вода в озерах и речках спала. В Кольском заливе напоказ выставилось дно, бугристое от валунов, заиленное, местами замусоренное коричнево-зелеными водорослями. Даже камни, раскиданные там и сям по сопкам, не казались извечно холодными, и они будто потеплели. Стояла самая середина не часто балующего северян теплого лета.

От Титовки едва заметными тропами к Могильному шли четверо. Впереди выбирал тропинку штатский человек лет под пятьдесят, за ним лейтенант, следом двое рядовых, его подчиненных.

Ходил этот приезжий по местам боев не первый день. Взялся на сопки возле Западной Лицы, заглядывал в вырубленные в скалах глубокие штольни, переправлялся через ручьи и речки, поднимался на Мустатунтури. Когда командующий флотом узнал, что бродит он там, не помышляя о возможных опасностях — через несколько десятилетий после войны люди иногда подрывались тут на старых минах и снарядах, — приказал выделить ему в сопровождение саперов из морской пехоты.

До того дня с ним тоже мерили бездорожье военные, но они не были спеццами по подрывным устройствам. Много памятных троп, сопки и полей сражений знал заместитель командира подводного атомохода по политчасти капитан 2-го ранга Коряков. Он близко к сердцу принял соседство с теми местами, где три года грохотала война, где каждый метр изрыт металлом и полит кровью. И он водил моряков туда, где

были огневые точки и батареи, где сходились в смертном бою свои и чужие, где десантники отвоевывали берег у врага. Моряки сердцем прикипели к этим святым местам, их мышцы, ослабевшие после многомесячной подводной вахты, нуждались в движении. Они вглядывались в следы войны, ощупывали остатки укреплений, собирали на память торчащее из земли оружие.

Промелькнувшие десятилетия не выкрошили горы, не высушили озера и реки. Но тропинки едва угадывались, иногда и вовсе терялись, вода и ветер даже натоптанные на камне стежки поистерли. Кое-где небольшие болотца еще больше затянуло травяной порослью и кустарничком. Местами густой алой россыпью висела созревшая морошка.

В военную пору через ручьи и речушки были наведены мостики с бревенчатыми накатниками. Время не пощадило их, они сгнили, остатки свалились в воду.

Легкий на ногу ходок подходил к берегу ручья или речки, разувался и вброд переправлялся на другую сторону. Кое-где и его спутники вынуждены были снимать сапоги с короткими голенищами и шагать по каменистому дну босиком.

В пути наткнулись на развалины поселения. Торчали остовы землянок, местами каменная кладка продолжала держаться на крепком цементном растворе. Стояли целехонькие фундаменты от орудий, виделись гнезда минометной батареи, сохранились основания пулеметных точек.

В войну горные егери возвели тут этот опорный пункт. К нему не раз наведывались разведчики из особого разведотряда штаба флота. Возле него в мартовскую стужу сорок второго вылежали целый день в снегу, недвижимо наблюдая за вражеским гарнизоном, младший лейтенант Синцов, старшина Тарашнин и с десяток их товарищей.

Тропинка повела четверку ходяков вниз, к морю. Спустились с сопок к Мотовскому заливу, подошли к Могильному. Гость остановился и какое-то время стоял неподвижно, всматриваясь в полуостровок, в лощину, в морскую даль. Казалось, он хотел запомнить это место, или прошлые воспоминания держали его как прикованного.

Неспешным шагом сошел в лощину, ходил, то поднима-

ясь по склону холма, то спускаясь к оконечности мыса. И все молчал.

Остановился у бугра, что протянулся от западного берега полуостровка до восточного. Присел на склоне, затих, ушел в свои мысли. Спутники его стояли, не проронив ни слова, не мешали нахлынувшей в его память горечи.

Потом он поднялся, одолел бугорок, пересек следующую ложину.

Выбрался на оконечность Могильного. Если смотреть сверху, она похожа на обращенную в море шляпку гриба с тонкой искривленной ножкой. Ступал шаг за шагом по довольно заметной тропинке, зигзагами петляющей по скату горбатого каменного нароста на кончике мыса. Перешагивал с одной выдолбленной в граните ступеньки на другую, придерживаясь за стальные перила, стойки которых накрепко вделаны в просверленные в скале дыры.

Прошелся возле остатков укреплений, осмотрел землянки. У одной деревянные столбы и перекладины сгнили, перекрытия и валуны, что лежали на них, рухнули вниз.

И как ходил без кепки, держа ее в руках — машинально снял с головы, когда ступил на Могильный, — так и стоял теперь на оконечности мыса, вглядываясь в виднеющийся за заливом Рыбачий.

Потом повернулся и так же безмолвно пошагал к берегу Кислой. Тут отдали жизни Рыжечкин, Михеев, Жданов, только гранитных глыб у кромки воды, возле которых укрывался и бросал гранаты Агафонов, теперь не было. Либо немцы их взорвали, чтобы не закрывали видимость, а может, время да взбирающиеся иногда на берег в сильные морозы льды искрошили их.

Остановился на поляне, где лежал тяжело израненный Кашутин. Отсюда тросом вызволили Федора Шелавина. Тут неподалеку так и не встали после первого залпа Флоринский, Шерстобитов... Влез на холмик, протянувшийся по берегу вдоль Сеннухи. На этом бугорке жизнь оставила Бориса Абрамова.

Все вчетвером повернули к тому валочку, на котором ветеран уже присаживался в молчании. Лейтенант и бойцы-саперы не отступали от него ни на шаг.

Молчаливое хождение по Могильному переполнило мыслями и впечатлениями каждого. Молодые воины попросили рассказать, что тут было. Слушали, не перебивая, и только когда рассказчик замолкал, спрашивали. Им особенно хотелось знать, как разведчики смогли высадиться под убийственным огнем целый день, отчего возникла такая крепкая вера и надежда на спасение.

Негромкий разговор не нарушил ничем не встревоженную тишину этих мест. С тех пор, как отсюда ушла война, здесь перестали бывать и люди. И на десятилетия прочно поселилось безмолвие.

В этом объявшем округу покое расплодилось живность. По краю поляны бегал зайчишка. То присядет на задние лапы, вытянет шею и посматривает по сторонам, то замрет и уставится на людей, которые сели в его владениях, и глядит долго и пристально.

С коротких подскоков перелетают с места на место куропатки. Им здесь раздолье и благодать.

Вот в такое же тихое сентябрьское утро 1942 года, при удивительной заре, когда солнце только-только поднялось на востоке и первыми лучами позолотило вершины сопков, а небо лазоревой голубизной без единого облачка, загрохотали залпы. Они накрыли разведчиков губительным огнем.

Северному флоту исполнилось пятьдесят лет. По этому поводу в Североморск съехались сотни бывших моряков. И только двенадцать разведчиков из отряда особого назначения встретились на этом торжестве. Они попросили командование помочь побывать на Могильном.

Им выделили довольно мореходное судно, во всяком случае в военную пору в десанты ходили и на более утлых катерочках. Но в пути пришло известие: на море разыгрался шторм, при такой погоде ни подойти к берегу, ни, тем более, высадиться без причалов погода не даст.

Ошвартовались в одной из бухт недалеке от выхода из Кольского залива. Место знакомое, посещавшееся в военные годы разведчиками не однажды. Тут член Военного совета дивизионный комиссар Николаев вручал ордена после

похода на Могильный. Тут новое поколение моряков воздвигло своими руками скромный монумент в честь отряда.

Пока ждали «добро» на переход в Мотовский залив, собрались в кают-компании судна.

Разговорились о былом.

— Помнишь, Витя, — по давней привычке обратился к Леонову Павел Барышев, — как Агафонов умотал ночью куда-то в сторону?

— Он ведь выбрался, нашел нас, хоть упер в темноте в сопки один.

— Да, ему бы надо было навестить Могильный. Почему его нет здесь?

— Семена приняла к себе навсегда земля Евпатории.

Тут, у конца губы Мотки, боев не было, только рвались снаряды, прилетавшие с другого берега залива, да страдали и умирали раненые, которых морем переправляли на Большую землю.

Война почти неумолчно грохотала поодаль от этого места. На перешейке со Среднего на материк, на Мустатунтури, она гремела залпами батарей в Большой Волоковой, вырывалась в море от причалов в Пумманках. На сопки Рыбачьего, на болота и низины в Эйне и в Озерках то и дело обрушивались бомбы и рвались тяжелые снаряды. Воевал Рыбачий, не знал покоя Средний, но самое долгое сражение шло три года на шестикилометровом перешейке от губы Кутовой до Малой Волоковой. Это место называется Мустатунтури. Немецкие авторы, немало написавшие о войне в Заполярье, окрестили его хребтом, видимым из Западной Европы. Проехать в те места почти невозможно, не сохранились даже фронтовые дороги, по которым месили глину и торф люди да солдаты толкали застревающие на каждом шагу машины. Не только экскурсанту, но и ветерану едва ли удалось бы добраться до Мустатунтури.

Оттого-то, пожалуй, лучшего места, чем Озерки, для монумента не сыскать. К нему разведчики возложили цветы и гирлянды из зеленого хвойного лапника.

— Многое мы тогда не знали, не предвидели ходов немецкого командования. А оно, оказывается, догадывалось о возможной крупной набеговой высадке. Считало, пусть рус-

ские нахлынут на укрепления, тут их и умыть кровью (позже Леонову попали документы о вражеских планах). Поэтому и не мешало десанникам втянуться в глубь материка.

— А руководил отражением набега командующий артиллерией горного корпуса генерал-лейтенант Росси, — продолжал Леонов.

— Немцы засыпали нас тяжелыми снарядами, как молотом по голове. — Барышев и через столько лет не забыл, как возле горстки разведчиков рвались увесистые фугасы, летевшие от Титовки.

— Мало было немецких, так еще наши с Рыбачьего не поспались, выкинули всю норму, какую им отпустило командование. — Никандров вспоминал, как пришлось уходить с Могильного под разрывами своих снарядов.

— Если бы тот запас при хорошей корректировке бросить на Могильный, нам бы осталось только подмести там да собрать трофеи. — Леонов теперь по-другому глядел на замысел операции.

— А без такого обстрела соваться на мыс безнадежно, на узком перешейке они покосили бы всех. Никто бы вперед не прорвался, да и назад не вышел. — Никандров еще с первой военной осени помнил, сколь удобен для обороны самый мысок Могильного.

— Хорошо бы поставить там гранитный столб с именами погибших, чтобы высился как маяк для судов и кораблей, — мечтал Барышев.

— Может, и придет такое время — поставят.

— Нам самим надо заняться.

— Стары мы стали сами строить. Поклонимся нынешним морякам, их попросим.

Перед глазами, как наяву, встала картина, которая заполняла тогда каждый отрядный день.

Отряд поредел почти наполовину, не все раненые смогли вновь встать в строй. Поредевшая шеренга требовала пополнения. Добровольцев было много, да не каждого можно было взять. Из большой пачки рапортов моряков, что лежала в строевом управлении флота, отобрали десятка два-три, решили приглядеться к каждому попристальнее.

А оценивать и принимать решение оказалось некому. Раненый командир отряда лежал в госпитале, потом вышел, как-то посерел, сник, покатые плечи еще более опустились, сутулость еще заметнее согнула его спину, он часто придерживал раненый живот руками, перестал улыбаться, не отрывался на задорную шутку. С людьми виделся редко, сидел в своей комнатке либо уходил в отдел, но чаще всего проводил время на подплаве. Там, в офицерском кругу, искал забвения от отрядных забот. Командир не командовал.

Оба взвода тоже были без командиров: один погиб, второй лежал в госпитале с простреленными ногами. Должности комиссаров в армии и на флоте упразднили. Старший политрук Дубровский уехал учиться в академию. Начальник отдела Визгин ходил на службу с посошком после летнего ранения. Давно уже покинули север Добротин и Инзарцев.

В отряде на какое-то время не оказалось ни одного офицера, только младшие командиры.

Командование пошло на довольно необычное решение: Виктору Леонову присвоили звание младшего лейтенанта и назначили замполитом командира отряда. На неподготовленные плечи Леонова легли нелегкие заботы: и набрать новичков, и научить их, и представлять отряд у командования, в штабах, в политуправлении, и снабжать моряков, и слить все едино, в единую боевую команду и старослужащих и новичков.

Виктор попросил умудренных жизнью ветеранов Чекмачева, Тарашнина, Чемоданова сплотить отряд. За год войны они делали и кровью завоевали моральное право и поучать, и спрашивать строго, взыскательно.

Занятия по боевому опыту в кубриках, тренировочные походы, стрельбы из своего и трофейного оружия, изучение минно-подрывных устройств, лыжное снаряжение легли на Радышевцева, Барина, Мотовилина, Никандрова. Они хорошо знали, что моряка оставлять без дела нельзя ни на час, расписывали каждый день для службы и сами водили людей на занятия.

Отряд еще не был готов к боевым походам, но он жил полноценной жизнью воинской единицы.

Летом бомба отбила то крыло дома, где размещался раз-

ведотдел, разобрать завалы не успели, еще торчали груды кирпича, известки, бревен и досок. Отрядная половина зияла пустыми глазницами окон. Зашили их наглухо досками, застекленными оставили только форточки. Отладили отопление, поправили печи, залатали штукатурку на стенах и потолках, наскребли немного краски и кое-где подкрасили. К зиме поселились в своем гнезде.

В отряд приходили новые добровольцы. Коммунистов и комсомольцев стало больше, чем до Могильного.

Не всех раненых комиссовали, кое-кто вернулся в отряд. Он снова оживал, набирал силы.

Вот в этой непростой обстановке и вступил в свою должность заместителя командира по политчасти Леонов.

В те первые недели в увольнения в город, на спектакли и концерты в Дом флота он еще ходил во фланелевке с матросским воротничком и с нашивками старшины 1-й статьи на рукавах. Но на груди его красовались орден Красного Знамени и медаль «За отвагу». По меркам военного времени это было немало, редко кто из моряков имел такую награду. Выглядел он колоритно, держался степенно. Поскольку не танцевал, то обычно стоял, прижавшись спиной к стене, а возле него товарищи, друзья из отряда и с подплава. Ни о каком озорстве, потешных затеях никто и не помышлял.

Ему было двадцать шесть лет от роду, юношеская легкомысленность уже давно осталась позади. От многих сослуживцев его отличало и то, что характер и привычки складывались в большом городе. Родился и рос он в Зарайске, районном городке на юго-восточном краю Московской области, примыкающем к землям рязанским.

После окончания семилетки уехал в Москву, на заводе «Калибр» выучился на слесаря-лекальщика. Профессия престижная, спрос на нее был большой.

Отсюда и призвали его на флот. Сначала служил на Балтике, морскую специальность приобрел в учебном отряде подплава. Потом плавал на подводной лодке на севере. В первые дни войны пришел добровольцем в разведку.

В мирное время пытался попробовать перо, во флотском литературном альманахе мелькнули его стихи.

Как все моряки той поры, не был в стороне от спорта, но особенно преуспевал на лыжах и на шлюпках.

Ходить в разведку начал с первых походов отряда. Трижды ранен: первый раз в конце июля, в операции на Пикшуев пуля прошла через стопу, долго ходил с костылем и палочкой, прострел этот дает о себе знать до сих пор.

Вторично пуля зацепила его в январе сорок второго, когда шли на лыжах в Финляндию и отряд обстреляли самолеты. Снова был ранен в ногу. А в мае на высоте 415 пуля на излете продырявила щеку и застряла во рту.

Теперь Леонову все чаще приходилось решать общеотрядные дела. Однако, переступая через порог дверей начальников, у которых нашивки на рукавах золотились чуть не до локтей, входил в кабинеты без робости, о ковры не спотыкался. И говорил ровно, не заикаясь от страха.

Так же уверенно вошел и в офицерский клуб в Доме флота. Там, на третьем этаже, были комнаты, где офицеры могли провести вечер в дружеской компании. И хотя по нашивкам на рукавах он отставал почти ото всех, боевые награды раскрывали Леонову вход в это общество.

Новички обращались к нему по уставу. Позже они стали звать его батей.

Командование, Военный совет флота уделили отряду особое внимание. Разведчики получили все, в чем нуждались.

Но нельзя было в одночасье передать новичкам тот боевой опыт, который унесли с собой погибшие. Высадки крупных формирований и всего отряда временно отложили, все внимание уделялось подготовке и заброске мелких групп по два-три человека на северное побережье Норвегии.

Все это вспомнилось в разговоре в кают-компании корабля, пока ветераны ждали разрешения на выход к Могильному.

А «добро» так и не давали, в море разгулялась волна, надвигался шторм. Выходить к Могильному, где нет никакого причальника, смысла не было.

Пошли к морякам, которые несли тут службу. Корабли у них теперь большие, современные, плавают по Мировому океану.

Говорил Антонов или Леонов, озорно рассказывал о жиз-

ни Барышев или обстоятельно вспоминали войну Никандров и Колосов, молодые слушали, не шелохнувшись.

— Писать надо об отряде, пусть молодежь читает, — предложил Колосов.

— И фильм нужно снять, отряд это заслужил, — добавил Антонов.

— Кино про нас не снимут. Старые мы. А вот прежние, военные пленки отыскать бы да показать в хронике, вот это было бы интересно, — поддержал его Барышев.

— Пока живы, оставим детям и внукам нашу отрядную летопись, — подытожил Леонов.

Корабль шел в Североморск.

Глава вторая

Командующий несколько раз спрашивал начальника разведотдела Визгина, не удалось ли добыть какие-либо новые сведения о группе, которую забрасывали на Мегерей. Однако Визгин отвечал, что ни эфир, ни пресса, ни сидящие на задании в Норвегии группы сигналов не подают. Трое разведчиков как будто в бездну канули, а с ними и краснофлотцы-переправщики с подводной лодки.

В один из докладов Головки напомнил Визгину:

— Мы с тобой в прошлый раз обсуждали, откуда немцам стало известно, что с подлодки высаживалась разведгруппа. Я тогда высказал мысль, нет ли утечки информации от вас. Вы разобрались в этой версии?

— Занимались дотошно. Пока ничего подозрительного не нашли.

— И все же сообщение настораживает. Еще раз вникните, кто имеет доступ к подготовке и упаковке продуктов, кто кормит разведчиков в столовой, кто был с ними на связи, пока они жили в Мурманске в строгой конспирации.

— Наши у меня не вызывают сомнения. Норвежцы воюют за общее дело по идейным убеждениям. Радист — доброволец, сам попросился в разведку. Проверен в прошлом году походом с группой Кудрявцева на Варангер.

— А краснофлотцы с лодки?

— Их мы не знаем. По службе характеристики положительные.

— Переговорите с Виноградовым, пусть еще раз присмотрятся к ним, перепроверят. У Горюнова ничего нет на них?

Едва слышный зуммер телефона заставил командующего снять трубку, он выслушал короткий доклад, однозначно ответил коротким флотским термином «добро».

— Немцы засчитали себе потопление нашей лодки. — Визгин решил повернуть разговор в несколько иное направление.

— Ну и пусть считают. Они уверены, что мы не знаем о пленении Коваленко.

— Коваленко теперь у них в руках. Как он выдержит допросы?... Немцы — мастера выколачивать признания и припирять провокациями в угол.

— Да, это плохо. За мою службу не было случая, чтобы из всего экипажа только командир попал в плен.

— Но и врагу, и нам не известна истинная судьба группы. — Визгин больше думал о своих людях.

— Немцам проще выяснить: стоит только сходить к Опнану.

Командующий уточнил у начальника разведотдела, нет ли каких-либо новых данных по обстоятельствам самой высадки, не проливается ли оттуда свет на судьбу людей.

— В принципе ничего нового. Только Изачик представил мне свой доклад, в котором всю вину относит на Сутягина. Так и пишет, что Сутягин самовольно нарушил все его установки и даже письменные указания, это и привело к провалу высадки.

— Я еще после твоего первого доклада говорил о вине Сутягина: он по своей инициативе послал переправщиков с лодки. Но, мне думается, делал он это из благих побуждений. Они повинны с Коваленко оба. При такой погоде надо было отложить высадку и не торопиться уходить на зарядку батарей, но не хватило распорядительности, решать полагалось Коваленко и Сутягину вдвоем. А там собралась толпа для митинга. Думаю, и переправщиками могли послать первых попавших под руку краснофлотцев. В этой высадке много несуразицы и морской малограмотности.

— У меня такое же сложилось мнение.

— А почему Изачик представил новую докладную?

— По своей инициативе, мы ее не требовали.

— А не думаете ли вы, что он этим хочет отвести от себя часть вины? — Командующий в упор посмотрел на Визгина.

— Я в этом не сомневаюсь. Он понимает, что это серьезный провал, за него кто-то должен нести ответ. Готовил группу Сутягин, но под наблюдением и по инструкциям Изачика. Поэтому он и старается выглядеть стоящим в стороне. — Визгин не только подтвердил мысль командующего, но и показал, что он продумал эту деталь основательно.

— Вы этот момент заметьте. Это характеризует Изачика. С ним мы имеем не первый сомнительный случай.

— Понял, товарищ командующий, учту.

Мысли Головка снова вернулись к людям, оставшимся на Мегерее. С минуту он молчал, Визгин сидел не шелохнувшись.

— О гибели разведчиков мог сказать немцам только Коваленко, — наконец высказал утвердившееся у него мнение вице-адмирал.

— Скорее всего вы правы. Этим он отвел врага от поисков группы. И в какой-то степени прикрыл, обезопасил себя: немцы искать группу не будут, перепроверять его показания не у кого.

— Но Коваленко не мог совершенно точно знать о судьбе разведчиков, даже о возможной их гибели. Он шел, чтобы доставить им остальной груз и вернуть на лодку переправщиков. Да у него и не было никаких оснований считать, что погибли все, кто пошел к берегу.

— Несомненно так. Он умышленно подбросил немцам эту версию.

— А если люди на берегу попали в засаду и захвачены? Тогда они устроят с Коваленко игру в кошки-мышки. — Командующий повернул рассуждение в новом направлении.

— Я считаю, что это маловероятно. Место там глухое, с материка подходы трудные. Туда люди по суше не ходят. — Визгин за последнее время не единожды всматривался в карту и вчитывался в описание Мегерея. У него перед глазами стояла лоция того берега, приложенная к плану операции.

— Если они поверили Коваленко, то искать группу не будут.

— Это на немцев не похоже, — не согласился Визгин. — Они не любят доверяться одному показанию. Наверняка обследуют побережье.

— Тогда это худо. Нашим людям несдобровать. Погибнут в схватке или попадут в плен, — с грустью заметил Головко.

— Возникает еще одно сомнение в правдивости версии, которую подбросил немцам командир лодки. Сутягин утверждает, что он и командир кричали на берег, оттуда отвечали. Утонувшие голоса не подают. — Визгин высказал еще одну обнадеживающую догадку.

— Но это слышал и Коваленко. И все же он подал их немцам за погибших.

— Но он мог вообще немцам не говорить о группе. Был в плавание в своем квадрате, ночью всплыл. Вполне могли бы поверить. — Визгин предложил командующему еще один вариант для обсуждения.

— Но он об этом сказал. Зачем? Сегодня неясных вопросов не убавилось, а даже прибыло. Думайте, ищите, не ждите, что информация сама придет к вам в руки. Бесследно люди пропасть не могли. Надо найти следы и разгадать эту загадку.

После сообщения немцев о захвате в плен командира подводной лодки прошло две недели. Доложили в Москву, что определенных сведений о группе нет.

Миновало еще две недели, потом еще...

Возвратилась с задания группа Трюгве Эриксена, которая сидела на мысе Нолнесет, недалеко от Берлевога, на противоположном берегу фьорда.

Когда Эриксен докладывал руководству отдела подробности выполнения задания и о своей двухмесячной жизни в холодной каменной норе, он сказал также, что в конце февраля прошел слух, будто в Берлевог доставили командира потопленной русской подводной лодки. Место его нахождения держится в строгом секрете.

Эриксен принес с собой газету «Лофотенпостен» за 9 марта 1942 года. В ней сообщалось, что немецкий корабль таранил советскую подводную лодку и утопил ее у берегов

северной Норвегии, на дно отправился весь экипаж корабля. Командир лодки немецкими моряками захвачен в плен. Сообщенная им на допросе фамилия — вымышленная.

О попытке высадить разведчиков с лодки на Мегерей в газетном сообщении ничего не говорилось.

Глава третья

Второй год германские войска хозяйничали в Норвегии. Свои позиции в этой стране фьордов командование вермахта считало надежными. Король и правительство с частью войск укрылись в Англии. Правил Норвегией германский рейхскомиссар. Оставшиеся в стране местные политики наладили сотрудничество с оккупационными властями. Ни малейших сомнений в лояльности они у оккупантов не вызывали.

Но после германского вторжения на советскую землю, особенно с осени сорок первого года, огонь войны все чаще стал вспыхивать в приполярных землях и водах.

Командующий германскими войсками в Норвегии генерал-полковник Фалькенхорст и командир наступавшего на Мурманск горного корпуса генерал Дитль уже не раз при личных встречах и в телефонных переговорах со все большим беспокойством подсчитывали растущие потери транспортных судов и гибель боевых кораблей.

Зимой 1942 года русские потопили транспорт с десятью тысячами шуб, которые везли в корпус Дитля. Егери в зиму остались в легком суконном обмундировании. Подводная лодка пустила на дно судно, а с ним и табун из нескольких сотен лошадей, без которых в бездорожных заполярных сопках егери вынуждены были таскать грузы на себе.

Гибли транспорты с людьми, с техникой, с продовольствием, горели танкеры.

Суда с грузами для войск на Лице и возле Мустатунтури собирались в Тромсё. Там они формировались в конвои и, сопровождаемые кораблями охранения, шли по курсу вблизи берегов к Варангер-фьорду, прижимаясь к своим береговым постам, артиллерийским батареям, прожекторным ус-

тановкам, маякам, станциям наведения, прячась в проливах, фьордах, укрываясь за островами.

Первый отрезок пути — до Нордкапа — в обход островов и полуостровов, через шхеры и проливы считался более или менее благоприятным, русским кораблям и самолетам добираться туда было далеко, но от Нордкапа до Киркенеса опасности подстерегали все чаще по мере приближения к цели, к фронту на Лице. Как говорили сами немцы, над каждым транспортом висела угроза «падения на ноль», что на обыденном языке означало потопление судна.

Еще не кончился первый год войны в северных, приполярных водах, а на дно отправилось свыше трех десятков транспортов. Больше всего гибло судов на пути от Нордкапа до Вардё. Немецкое командование тревожили узкие ворота входа в Варангер-фьорд между норвежским и русским берегами. В самом Варангере малый русский флот, артиллерия и самолеты делали мореходство по заливу далеко не спокойным.

Эту опасность плавания в прибрежных водах вблизи фронта учитывали в Верховном немецком командовании. Поэтому Дитлю было поручено разработать и осуществить во второй половине ноября 1941 года операцию по овладению полуостровом Средний. Назвали его «Визергруд».

Но отвоевывать Средний оказалось нечем, сил не хватало, дополнительную горную дивизию верховное командование не выделило.

В конце декабря 1941 года на дорогу у устья реки Западной Лицы обрушилась огромная земляная лавина. Снабжение войск опять, как и в октябре под Петсамо, на долгое время резко ухудшилось.

После двух катастроф на дороге, явной ее непригодности для больших перевозок командование торопило со строительством подвесной дороги. Ее разобрали в Альпах и привезли на север. Она протянулась от Паркино до устья Лицы на 55 километров и приводилась в движение двенадцатью моторными станциями. Вагонетки по канатам везли грузы к фронту. Вблизи Лицы вправо и влево протянули нитки проводов для подвесных кабин, чтобы обходиться без лишних перегрузок.

Путь по морю не был безопасен. При наложении на кар-

ту мест, где топили суда, прослеживалась странная закономерность: русские подлодки и самолеты как будто специально поджидали прохождения конвоев и атаковали почти в одних и тех же местах. Нападения случались через сравнительно короткое время после того, как в эфир выскакивала неучтенная радиостанция.

О первых посторонних радиосигналах малых передатчиков, выходящих на короткое время в эфир с крайних сухопутных широт северной Норвегии, с береговой полосы океанского побережья полуострова Варангер, ориентировал Берлин, станции слежения которого раньше других засекли радиопереговоры с этого удаленного от фронта участка Европы.

Потом работу этих малых передатчиков начали улавливать и станции слежения за эфиром в Норвегии.

Это наводило на мысль, что кто-то указывает русским цели для нападения.

Немецкие летчики не однажды докладывали, что видели, как с советских самолетов бросали какие-то грузы с парашютами и без них.

Прошлогодня осенняя высадка русских и норвежцев на Варангер, когда немецким агентам удалось пробраться в лагерь разведчиков, впервые заставила задуматься о том, что этот далекий от фронта, разделенный морем тыл германских войск в Заполярье оказывается не столь неуязвим, до него дотягиваются неприятельские глаза и уши.

Уже тогда к допросам норвежцев, к расследованию происшествия на Варангере подключились самые умелые спецы абвера и гестапо. С особым рвением взялась за дело немецкая контрразведывательная служба.

Когда в феврале эсминец таранил в Порсангер-фьорде советскую подводную лодку и ее командир попал в плен, немцы узнали о попытке высадить разведчиков. Но те якобы в момент переправы утонули.

Вскоре агенты немецкой службы безопасности из местных жителей-норвежцев донесли, что на остров Сёрё заброшены с подводной лодки трое разведчиков. На поиски выслали отряд. На след напали, но отыскать их не смогли. Кто-то подсказал высаженным русским, куда уйти и где скрыться. До ищеек

дошло, что разведчики остались без радиосвязи. Большой опасности в таком безголосом противнике не виделось, можно было оставить его на свободе, поддержать под наблюдением, а когда наступит время, взять с убедительными уликами.

Так день ото дня все больше накапливалось сигналов о проникновении русских в северный Варангер.

В середине января 1942 года произошла реорганизация командования германских войск в Заполярье. Стоявшие в Финляндии части вывели из подчинения армии «Норвегия», возникло самостоятельное командование армии «Лапландия». Командовать этой немецкой армией в Финляндии назначили генерала Дитля. Горный корпус на Мурманском направлении принял от него генерал Шернер. Фалькенхорст остался командующим немецкой армией в Норвегии.

Однако морские пути к фронту на Лице, воздушное прикрытие конвоем в сторону Варангер-фьорда, тревожащие вести о русских разведчиках в Финмаркене и Тромсё заставляли Дитля и Фалькенхорста по-прежнему договариваться о совместных мерах противодействия русским.

Крупные немецкие корабли, даже такие махины, как «Тирпиц», стояли в фьордах северо-западной Норвегии. Выходы их в море не всегда проходили скрытно. Очередная попытка набега на конвой в северной Атлантике завершилась торпедированием «Тирпица».

Так сложилось и к концу зимы. Оба командующих армиями условились выделить своих полномочных представителей и поручить им найти способ противодействия проникновению русской разведки в Финмаркен и Тромсё. К замыслу военных чинов подключился и рейхскомиссар оккупированной Норвегии Иозеф Тербовен. Он получил из Берлина категоричные предписания обеспечить безопасность тылов немецких войск на севере, держать норвежцев в страхе и повиновении, карать жителей даже при малейшем подозрении в соучастии и помощи русским разведчикам. И от военных чинов, и от оккупационной администрации Берлин требовал, чтобы русские и их союзники как можно меньше знали, где ходят и отстаиваются конвои, куда прячутся боевые корабли, старательно скрывать выходы их на морские коммуникации.

Для начала немцы прошли на малых кораблях от Тромсё до Вадсё, забирались в глубину фьордов, осматривали берега в бинокли и дальномеры, опоясывали большие и малые острова по всей круговой акватории. Но на берег нигде не спускались, чтобы не привлекать внимания жителей. Нигде признаков чужих дозорных постов не отыскивали. И агенты, что доносили местной полиции, и те, которые снабжали информацией оккупационные власти, настораживающих сигналов не подавали. А пеленгаторы в северной Норвегии все же иногда засекали выходы в эфир неучтенных радиопередатчиков.

Тогда решили за дело взяться более основательно, без тропливости.

Тербовен, Фалькенхорст и Дитль привлекли к готовящейся операции самых квалифицированных и опытных специалистов, чтобы выработать общий совместный план, распределить цели и объекты между абвером, гестапо и службой безопасности. Если возникнет нужда, привлечь силы стоящих в Норвегии частей. И непременно вступить в контакты с норвежской тайной полицией, использовать ее средства и местную агентуру.

Военное командование, шефы службы абвера и гестапо на севере Норвегии даже в военной обстановке не слишком жаловали друг друга, не изъявляли желания к сотрудничеству, каждый избегал попасть в роль зависимого и подчиненного.

Однако опасность плавания для судов и кораблей не уменьшалась. Снабжение войск лихорадило. Пришлось на какое-то время отбросить амбиции, приглушить самолюбие и сесть за стол переговоров.

В Киркенесе собрались представители 210-й пехотной дивизии, чьи гарнизоны рассредоточились по Варангеру, чины из командования военно-морских сил, пятого воздушного флота, высокие посланцы абвера и гестапо.

Сначала, казалось, ведущая роль была у представителей армейского командования. Они первыми высказали свои соображения о цели встречи, назвали потери грузов и людей, которые не дошли до фронта, а оказались под толщей морской воды, и предостерегли о неизбежных новых утратах, если не обезопасить плавание кораблей и судов. Снабжение

войск ведется с перебоями, пополнения поступают не вовремя и не полностью, гибель судов в море отрицательно сказывается на психологии солдат.

Но по ходу разговора участники встречи не торопились брать на себя главные обязательства, поглядывали и подумывали, кого бы заставить таскать каштаны из огня. В затеваемом деле могли быть не только удачи, никто не мог уберечься от промахов. А за провалы Берлин по головке не погладит.

Когда все выговорились, пришли к суждению, что руководить операцией будет гестапо. Предстояло старательно скрыть от неприятеля готовящуюся карательную акцию.

Таким образом, дирижером этого небольшого, предназначенного быть бесшумным оркестра оказался оберштурмфюрер СС Вилли Лакуа, возглавлявший немецкую контрразведывательную службу в северной Норвегии.

В начале оккупации ему достались документы неопределимой важности: картотека коммунистов и других симпатизировавших Советскому Союзу норвежцев в Финмаркене и картотека норвежской агентуры, служившей отечественной полиции и жандармерии. Он отладил прямой контакт с полицейским подразделением особого назначения. В слежку за растущим Сопротивлением вовлекли тех из местных полицейских, кто не гнушался служить любым хозяевам. Так складывался костяк агентуры из жителей прибрежных селений для надзора за соседями и за приезжими.

Почти весь сорок первый год Лакуа провел в должности офицера связи между Тербовеном и Дитлем. Но это не мешало ему, когда осенью каратели через своих соглядатаев и доносчиков выследили группу Кудрявцева, мгновенно появиться вблизи места события. Он расспрашивал не только гонявшихся за разведчиками солдат, но с глазу на глаз сидел с Хегалой, соглядатаем, проникшим в отряд разведчиков, сам вел допросы жителей прибрежных селений, заподозренных в связях с русскими. Его рук не миновал и Альфред Матисен.

Это был один из тех несчастных случаев, когда он позволил себе снизойти до рядового следствия. Обычно его правилом было стоять на высоте, но не впереди других. Он не афишировал свою фактическую власть.

Не надеясь на полноту и достоверность информации, которая поступала по официальным каналам и скрытными путями, абвер развернул свою службу и под видом нескольких фирм по закупке рыбы. Этим путем перепроверялись и официальная информация, и донесения негласных сотрудников.

Инструкции абвера по конспирации и зашифровке предостерегали членов этих подставных фирм от контактов с другими лицами и службами, занятыми разведкой и контрразведкой, заставляли вести дело строго самостоятельно.

А условия северной Норвегии не подпадали под параграфы инструкций. Селения здесь были редки, одно от другого отдалены иногда на десятки километров. Жителей в них можно пересчитать поименно, все друг друга хорошо знали, иногда поселки были малолюдными, правда, нередко семьи были многодетными. Вся жизнь теплилась возле моря, чуть отойдешь подальше от берега на километр-другой в горы — и не увидишь ни огонька, ни дороги, ни строеньица. А теперь, в войну, в некоторых городках пришлых властителей больше, чем местных жителей. В Киркенесе горожан стало намного меньше, чем чужеземных солдат. Замаскироваться тут было не так просто.

Как ни остерегались заправила «рыбозакупочных контор», обойти стороной Лакуа не было никакой возможности. Даже пропуск для проезда без его ведома никто им не выдавал. От него соперничающая служба не укрылась. И вес его еще более возрос.

И на этой встрече, занятый мыслями, как с наибольшей пользой для себя ухватиться за предложенную ему роль рулевого на судне, нацелившемся в лабиринт темных ходов в поисках разведчиков, оберштурмфюрер остался верен себе: мнений не высказывал, предложений не вносил, но все обсуждение склонилось к тому, что операции по поимке русских разведчиков должен возглавить он. Власть и влияние сами шли к Лакуа.

Условились, что Лакуа проведет переговоры с норвежской полицией, а по своей линии сам решит, как ему дейст-

вывать. Но русских оставлять без тайного наблюдения дальше нельзя.

Целью поставили отловить хотя бы несколько русских агентов, заброшенных из-за моря с советского берега. Попадут в поле зрения — не торопиться брать, поддержать, сколько надо, под наблюдением, засечь связи. А потом уже захватывать с неопровержимыми уликами. Может быть, кого-то удастся перевербовать, заставить работать на пользу рейха.

Стоило заняться сбором таких фактов, которые могли скомпрометировать русских, показали бы в темном цвете сотрудничающих с ними норвежцев. Тень должна лечь и на тех, и на других. Устроить какой-то крупный политический процесс, вызвать большой общественный резонанс.

Но, заметили представители гестапо, надо дать суровый урок норвежцам, покарать тех, кто сотрудничал с русскими, помогал им. Следует посеять такой страх, чтобы раз и навсегда отбить охоту становиться поперек германских интересов, препятствовать вермахту.

Так начал рождаться план борьбы с советской разведкой на севере Норвегии. Был он пока едва обозначен. Пройдет еще немало времени, прежде чем он получит всестороннюю проработку и оформление, не скоро еще будет выдана команда привести его в действие. Позже эти планы назовут «Полночным солнцем» и «Тундрой».

Самым надежным помощником Лакуа стал один из крупных государственных чинов Норвегии Ионас Лиэ. Еще в довоенные годы ему доверялись наиболее сложные задания. После прихода национал-социалистической партии Германии к власти он набирался навыков в чине наблюдателя при начальнике прусской полиции в Берлине.

Потом он вернулся в страну, где ему доверили особо важное поручение: в середине 1935 года в Норвегию на жительство приехал Троцкий. Охрану его в местечке Сундбю, где поселился этот политический деятель, поручили Ионасу Лиэ. Когда Троцкий отправился из Норвегии в Мексику, Лиэ сопровождал его на пароходе через Атлантику до нового пристанища.

Потом он в должности начальника полицейского подразделения особого назначения занимался в Киркенесе созда-

нием глубоко законспирированной жандармской агентурной сети. Ему удалось взять на учет всех коммунистов и сочувствующих им. Он отладил контакт с военной контрразведкой, составил картотеку всех жителей провинции, за которыми предполагалось установить наблюдение. Эту картотеку он привез в Осло.

После захвата Норвегии немцами он был в свите Тербовена в Киркенесе. Ионасу Лиз удалось войти в доверие к Тербовену. Возвратившись в Осло, Лиз получил комиссарский чин государственного советника министерства полиции.

Началось сотрудничество Лиз с Лакуа в борьбе против норвежского Соппротивления. А война против Советского Союза сблизила их в общей цели противодействовать советской разведке. На стадии разработки большого плана контрразведывательных операций к нему подключился и Лиз. Составленная им картотека досталась Вилли Лакуа.

И тут неожиданно удача пришла сама.

Когда в середине февраля в Порсангер-фьорде эсминец таранил русскую подводную лодку и ее командир попал в плен, прошло известие, что с лодки пытались высадить разведчиков, но те утонули. Поисками их не занялись, тем более что новых донесений не поступило, радиосигналов из этой зоны не засекли, агентура абсолютно ничем не настораживала. Исчезнувших разведчиков в активный баланс не зачли. Все внимание отвлек пленный командир подлодки. И вдруг с Мегерея получили донесение: в поселке Скарсвог на острове захвачено двое русских. Оба они с той подводной лодки, что попала под форштевень эсминца в Порсангер-фьорде.

Глава четвертая

Свой очередной доклад командующему начальник разведотдела начал не с обычной сводки, а с частного на первый взгляд факта.

— К нам поступил сигнал, который, возможно, касается группы на Мегерее. Сёдерстрем, находящийся с напарниками в Сюльте-фьорде, донес, что в Хоннингсвоге, по слухам, арестовано двое русских и двое норвежцев.

— Вы полагаете, что это люди из той группы?

— Такая вероятность не исключена.

— Где еще один, ведь на берегу осталось пятеро? — Визгин знал, что Головки четко помнит все детали, о которых ему доложено или он прочитал.

— Мог по каким-то причинам отколоться. Нам остается пока только предполагать.

— Почему в Хоннингсвоге? Это же не Опнан, где группа высаживалась.

— Этот поселок находится тоже на Мегерее. Мы вам показывали его фотопанораму. Возле него у немцев береговая батарея. Он недалеко от Опнана, на южном берегу Камё-фьорда. Мы забрасывали людей в безлюдное и недоступное место, но они могли выйти туда в поисках пищи. А возможно, наткнулись на дозорные суда либо на патрули на суше.

— Вы не задумывались, почему так долго не было никаких сигналов о захвате людей?

— А если они все это время прожили в Опнана?

— Но у них не было продуктов...

— Не исключено, что ребятам удалось отыскать рыбацкие запасы. Норвежцы часто оставляют в домиках на берегу или в тундре топливо и пищу.

— Но если люди захвачены, то почему молчат немцы?

— Они и после захвата Коваленко сидели, как с водой в роту, около трех недель. Обдумывают, что делать дальше, подыскивают выгодный вариант.

— А что они могут нам подкинуть?

— Подать сигнал от разведчиков, чтобы им помогли, сняли... А на съемке снова отловить.

— На это они сейчас не пойдут, — Головки не согласился с предположением начальника отдела, — слишком много времени прошло. И с Коваленко нашумели...

В печати публиковались снимки командира советской подводной лодки Коваленко в форме немецкого офицера и его обращение к подводникам перестать воевать за большевиков и за Советскую власть, переходить на сторону фюрера. Этих сообщений было так много, что стало трудно отделить правду от фальши.

— Когда в прошлый раз я докладывал вам сообщение из Центра о пленении Коваленко, у меня не было полного текста документа от английского военного атташе генерала Макфорлана. Теперь почтой пришло письмо. Я его внимательно изучил.

— Есть там что-то новое? — Головки внимательно посмотрел Визгину в глаза.

— В принципе, отличия нет, но некоторые детали обозначились четче. О нашей группе сказано так: «Его расспрашивали в подробностях, и он, очевидно», — я подмечаю это место в сообщении, — Визгин даже сделал короткую паузу, сделав ударение на слове «очевидно», — «дал некоторые сведения о небольшой группе людей, которых он пытался высадить с лодки вблизи Мегерея (но которые с тех пор, по слухам, утонули) и которым он указал, куда направиться, и о путях сношения с ними».

— Кроме Коваленко, дать немцам сведения о группе никто не мог. Но раз источник знает и сообщает о группе, значит, разговор о ней на допросе шел. И нам теперь даже неважно, по своей ли инициативе об этом сказал Коваленко или его к этому принудили.

— Если, конечно, группа или кто-то из нее не попал сразу к немцам. — Визгин дал командующему другое направление для размышлений.

— Но ведь источник не дает ни малейшего намека на захват группы. Более того, он сообщает, хотя и, по слухам, о ее гибели. Меня в этой части сообщения вот что настораживает: будто бы Коваленко указал, куда должны направиться высаженные и о путях сношения с ними. Откуда он это знает?

— От наших людей получить эти сведения не мог, даже от Сутягина. Он знал точное место высадки — Опнан. Ему было вполне понятно, что с таким количеством груза разведчики далеко переместиться не могли. О способах связи он мог только предполагать, так как видел радиста с рацией. Другие каналы связи не могут быть ему известны. — Визгин справедливо отвел подозрения от своих людей.

— Теперь давай поразмыслим над тем местом в сообщении, где говорится, что люди из группы, по слухам, потонули. Откуда они? Автор сообщения, видимо, находится в тесной

связи с германской разведкой. С момента захвата Коваленко до поступления информации к нам прошло восемь дней. Сигнал — и довольно подробный — должен был из Северной Норвегии прийти в Берлин, там на каком-то этапе попасть к английскому сотруднику, оттуда его передали в Лондон, а затем в Москву. Двигался он удивительно быстро. Далее, — рассуждал Головкин, — сведения об утонувшей группе шли одновременно с сообщением о захвате Коваленко и его показаниях. Значит, в Берлин они поступили тоже из Норвегии. Об этом либо сказал сам Коваленко, чтобы отвести немцев от поиска разведчиков, либо немцы ходили к Опнану и видели трупы погибших. А возможно, утонувших море выбросило на берег, тела их видели норвежцы, а от них узнали немцы... — Головкин на минуту прервал свои размышления.

— В Опнана зимой людей не бывает, мы потому и забрасывали туда группу. Если норвежцы увидели тела погибших, да тем более своих соотечественников и русских, они об этом немцам не сказали бы.

— Могли ведь оказаться и сотрудничающие с немцами.

— Не исключено. Но за такой короткий срок эти сведения столь длинный путь не прошли бы, — не согласился Визгин с предположением командующего.

— Значит, надо думать, в Берлин они пришли с первыми материалами допроса Коваленко. Если бы немцы сразу сходили к Опнану и видели погибших, сообщение о их гибели пришло бы категоричное. Зачем ссылаться на сомнительные слухи? Кроме того, они бы на Мегерее устроили облаву или оставили засаду. Скорее всего следует предположить, что автор слуха — Коваленко.

— К такому мнению приводит логика рассуждений, товарищ командующий, — согласился Визгин.

— О чем еще сообщает Макфорлан?

— Коваленко расспрашивали о путях, по которым норвежцы получают и передают союзникам сведения о судоходе и о способах взаимодействия русского флота с британским. По мнению передавшего информацию, немцы в последнее время подслушивают радиопереговоры между советскими подводными лодками и берегом.

— Это очень важная информация. Я скажу Кучерову, чтобы подготовили соответствующие контрмеры. А вы примите участие в их подготовке.

— Будет исполнено.

— К задаче, которая возникла перед нами этой выброской, — продолжал Головко, — добавилось еще одно неизвестное.

— Когда это случилось, мы не сбрасывали со счетов возможную неудачу. Но мы не теряли надежды, что люди живы.

— Если захвачено четверо, то среди них находится кто-то из моряков лодки.

— Наши разведчики живыми не сдаются. Они знают, что им пощады не будет. В прошлом году Ойен приставил ствол ко лбу. Совсем недавно Шеремет сам попросил пистолет, чтобы решить свою судьбу. Отряд не породил ни одного пленного.

— Но сейчас кто-то есть... — Головко недоговорил фразу, сказав ее неопределенным, ни утвердительным, ни вопросительным, тоном.

— Это меня беспокоит. И наводит на размышления и сомнения.

— Какие?

— О точности информации Сёдерстрема.

— Вы полагаете, что ее могли подбросить немцы?

— Едва ли... Скорее всего при передаче с рук в руки, с острова на материк она могла обрести наслоениями.

— Дайте задание Сёдерстрему: пусть попытаются разузнать — может, какие-то дополнительные сведения появились.

— Исполним. У меня возникла еще одна мысль.

— Какая?

— А если они действительно утонули и немцы нашли их трупы? Тогда наша линия существенно меняется.

— Кто же тогда арестован в Хоннингсвоге?

— В том-то и загадка.

— Это и заставляет нас как можно скорее докопаться до истины. У нас ведь в той зоне действует еще группа? — полуутвердительно спросил Головко.

— Так точно, группа Трюгве Эриксона, работающая у Бер-

левого, на мысе Нолнес. Она и подтвердила немецкое сообщение о захвате Коваленко.

— Их не спрашивали?

— Нет. Если что узнают, сами донесут. А так не стоит вызывать у них лишнее беспокойство. Ведь на Мегерей пошел брат Трюгве.

— Вы, пожалуй, правы. Но ищите путь к истине. Если люди арестованы, не попали ли к врагу радиостанция и шифры? — озабоченно заметил Головка.

— Вряд ли. Была бы цела радиостанция и жив радист, они бы вышли на связь.

— Есть ли еще возможности перепроверить?

— Думаю, нет. Ни Сёдерстрем, ни Эриксен не имели задания посылать на Мегерей маршрутчиков. Все же это далеко за проливом, на острове. Да и Эриксену скоро возвращаться. Надеялись получать сведения оттуда через эту группу.

— А сейчас они могут выполнить такое задание?

— Так точно. Но им потребуется время, чтобы найти ходок на Мегерей. Скорее получим от них сообщение, если группа жива и даже захвачена. Норвежцы наверняка передадут.

Визгин ушел от командующего озадаченным. С одной стороны, доброжелательный тон Головка помог ему более спокойно и широко мыслить. Но, с другой стороны, он понимал, сколь трудно сейчас подобраться к разгадке истории на Мегерее.

Он отдал распоряжение, чтобы в центре связи продолжали следить за позывными радиста группы. Несмотря на длительное молчание, возможен его выход в эфир.

В каждую радиограмму от Сёдерстрема и Эриксена вчитывались столь пристально, будто между строк хотели найти ответ на неразгаданную загадку.

Поступил сигнал, что в Хоннингсвог приходили из тундры два человека, один из них говорил по-норвежски, другой по облику на норвежца не похож, но в разговоры не вступал. Деньги у них были, они кое-что купили, унесли с собой. Сказали, что живут у оленеводов, больше ничем не интересовались.

Потом пришло сообщение, что об исчезнувших людях может что-то знать Иоганн Нильсен, он живет на материке в

Кюль-фьорде, домик его одиноко стоит в удалении от поселка. У него большая семья, но живет она отдельно в Хавесунде. Время от времени он уезжает туда, иногда живет подолгу, но большую часть времени, особенно теплого, проводит в своем доме. Люди подозревают, что он имеет какие-то тайные связи, кто-то к нему скрытно похаживает. У него будто бы видели автомат и гранаты.

Сведения эти настораживали, давали пищу для надежд.

Разведчики молчали, шел день за днем, неделя за неделей, но сигналов из Мегерея не было.

История с исчезновением разведчиков на Мегерее надлежала в то время много шума в Норвегии. Новый интерес к ней возник и спустя десятилетия. Особенно обстоятельно написали о ней норвежские авторы Хьёлль Фьертофт и Ханс Эриксен. По их исследованиям события развивались так.

Примерно в середине марта 1942 года житель поселка Камёйвар Сёдерхольм Густав с сыновьями Рагнарм и Асбьёрном и соседом Маркусом Карлсеном ходил на своем боте осматривать сети возле восточного побережья Мегерея. Когда шли недалеко от берега около Опнана, заметили двух человек, которые махали руками, просили пристать к причалу.

Сюда и пристал бот Густава Сёдерхольма. Рыбаки спустились на пристань, встретились с двумя незнакомцами, сравнительно молодыми людьми. Они не говорили по-норвежски. Жестами и кое-какими общепонятными словами объяснили, что они моряки с советского судна, потопленного немцами. Добрались сюда, не зная, какое это место, чья земля. Они давно не ели, нет никаких продуктов. Просят покормить и дать про запас что-нибудь из пищи. Одеты оба в русскую морскую форму и комбинезоны.

Сёдерхольм и его команда поднялись к домикам, убедились, что люди живут тут давно. По всему чувствовалось, что они обитают отшельнически: ни дорог, ни троп в горы не натоптано, следов не заметно.

Норвежцы поделились с бедствующими русскими моряками своими не очень щедрыми запасами, пообещав никому ничего о них не говорить.

Не раз Сёдерхольм снабжал этих русских парней продуктами.

Фьертофт и Эриксен пишут, что на побережье тогда ходил разговор, будто русским морякам помогали и другие рыбаки. Но никто не признавался в этом, знали, какая кара ждет их от оккупантов. Последующие события показали, что опасения эти были вполне обоснованны.

Глава пятая

Летом сорок второго года по южным степям Украины и России фашистские танковые и механизированные полчища вышли на правый берег Волги, почти полностью заняли Сталинград — только узкая полоска земли упорно держалась кровью истекающей армии. Фашистский сапог топтал земли в предгорьях Кавказа, флаг со свастикой альпинисты водрузили на Эльбрус, в обозе наступавших войск везли тропическое обмундирование с шортами и пробковыми шлемами для похода в Индию.

Пал Севастополь — главная база Черноморского флота.

К весне 1942 года главная ударная сила германского надводного флота — три линкора и три тяжелых крейсера оказались в северных норвежских портах, приблизились к путям морских караванов из Исландии в Архангельск и Мурманск.

Чувствовалось, что надвигается решающая схватка за морские пути в северо-восточной Атлантике, в Баренцевом море.

По разным каналам разведки к высшему фашистскому руководству все чаще просачивались донесения, что союзники готовят высадку своих войск в Норвегию, где собираются открывать второй фронт.

Действительно, такая совместная высадка предполагалась. Ей было присвоено условное название «Баллах». Намечалось десанты высадить в Петсамо и Киркенес. К Киркенесу должны были выйти три советские дивизии.

План этот во многом повторял замысел англичан 1940 года, когда во время советско-финского конфликта они собирались десантировать в тех же местах экспедиционный корпус английских, французских и польских войск.

Англичане не могли не считаться с позицией эмигрантского норвежского правительства, резко выступившего против всяких десантов в Норвегию, чтобы избежать людских потерь и разрушений в стране.

Германское командование полагало, что близость ударных морских сил к местам возможной высадки экспедиционных войск сможет устроить союзников, а если они все же решатся на такой шаг, то быстрым набегом линкоров и крейсеров с помощью бомбардировщиков эти десантные силы можно основательно обескровить.

Было очевидно, что германский флот и самолеты Норвегию от десанта не уберегут, здесь потребуются большие сухопутные силы, береговая артиллерия. В Норвегию было отправлено подкрепление, численность войск почти удвоилась, на севере страны был создан девятимесячный запас боеприпасов и продовольствия.

Но в конце весны 1942 года, когда в Германии поняли, что высадка десанта союзников в Норвегию маловероятна, и предстояли решительные бои на Восточном фронте, пошла ускоренная подготовка ударов по конвоям как подводными лодками, так и надводными кораблями и авиацией.

За первые три с половиной месяца 1942 года немецкие подлодки потопили в американских водах почти двести судов, а в ответ американцы пустили на дно лишь две субмарины. Начавшийся год принес американцам весьма ощутимые потери в Атлантике.

Морская война, приносившая американцам и англичанам довольно серьезные тревоги в северной Атлантике, надвигалась угрозой и на путях конвоев, что шли в Россию.

Эту возрастающую опасность видело и командование Северного флота.

После постройки в ноябре 1941 года железной дороги через Обозерскую, когда была возобновлена сухопутная связь Мурманска со страной, следовало ожидать, что конвои пойдут не только в Архангельск, но и в Мурманск. А это в зимних условиях, когда Белое море покрывалось льдом, не всегда поддающимся даже ледоколам, превращалось в еще одну гарантию ритмичности доставки грузов, приплывающих по океану.

Минувшая зима это предположение подтвердила: в Мурманск стали приходить не только боевые корабли, но и одиночные суда из конвоев, а также отколовшиеся от каравана во время атак самолетов и подлодок. В январе пришло девять транспортов.

Головко все яснее ощущал, что весной и летом более благоприятные погодные и ледовые условия, намеченные к переходу большие конвои непременно притянут в зону действия Северного флота новые немецкие подкрепления. К этому приходилось готовиться. А сил для противодействия немецкому проникновению было явно мало. Тяжелых кораблей у флота не было. Но по подводным лодкам он превосходил неприятеля. А на скорое подкрепление крупными кораблями рассчитывать пока не приходилось.

У Северного флота оставалась огромная операционная зона: от входа в Кольский залив к Белому морю до Архангельска, потом до Новой Земли и до восточной границы Карского моря, оттуда по северу обратно вдоль кромки льдов до острова Медвежьего, затем к югу и возле норвежских фьордов от Тромсё возвратилась к Рыбачьему — так на многие тысячи миль растянулась океанская акватория, в которой приходилось нести корабельную и самолетную вахту каждодневно, не прерывая ее ни на час. Базы флота, батареи, посты, патрулирующие и дозорные корабли развернулись не только на Новой Земле, но и на островах Карского моря, на Диксоне. На таких пространствах выпал бы из глаз даже огромный английский флот. Нередко суда в Арктике приходилось пускать без конвоирования. Были опасности, случались потери. Главсевморпуть требовал обязать флот добиться полной безопасности плавания в восточных морских пространствах.

Но послать туда временами было нечего. Сторожевики и тральщики, переоборудованные из судов торгового и рыболовного флота, по несколько недель, а то и месяцами беспрерывно галсами утюжили морские просторы. Их участь могла облегчить регулярная дальняя и ближняя авиационная разведка, но самолетов было в обрез, и они не могли держать море под постоянным наблюдением.

В этой сложной морской обстановке командование фло-

та осознавало необходимость четкой координации контактов с союзниками, особенно с англичанами. Прежде всего это касалось конвоев из Англии и Америки, идущих через Исландию в северные советские порты.

С приближением весны, с неизбежным улучшением погоды и видимости конвои стали подвергаться довольно сильным атакам.

В первых числах марта немецкий линкор «Тирпиц», недавно выбравшийся из Бискайского залива и через Кильский канал проскочивший в Норвегию, предпринял первую попытку выйти на караванные пути. В те дни в Мурманск шел двенадцатый конвой. Донесения, что он идет обычным маршрутом и ордером, через разведку стали известны немецкому морскому командованию. Но туманы и снежные заряды висели то над одним, то над другим участком моря.

На борту линкора шел командующий эскадрой вице-адмирал Силиакс. В охране зигзагами ходили три эсминца. Они наткнулись на советское торговое судно «Ижора», которое отстало от вышедшего из Мурманска обратного каравана, из орудий потопили его. Вскоре обнаружили самолеты с английского авианосца, двадцать пять торпедоносцев атаковали его, но все торпеды прошли мимо. Авианосцы навели на немецких моряков неописуемый страх. «Тирпиц» поспешно ушел на базу.

По переходу тринадцатого каравана почувствовалось, что для конвоев наступает тревожная пора.

Флагманом кораблей охранения шел крейсер «Тринидад», справа и слева от него и от охраняемых судов шли эсминцы и другие корабли эскорта. Суда рассредоточились широкой полосой, охранение растянулось. Немецкие подводные лодки и самолеты потопили пять судов из двадцати. Это были первые крупные потери транспортов. К оставшемуся конвою присоединились советские эсминцы «Гремящий» и «Сокрушительный».

Из снежных зарядов и тумана, при штормовой волне три вражеских эсминца атаковали крейсер. И хотя в артиллерийской перестрелке один эсминец затонул, на втором случился пожар, а третий получил прямое попадание снарядов

«Сокрушительного», в крейсер тоже попали торпеды, он под охраной эсминцев поспешил в Мурманск на ремонт.

У входа в Кольский залив попытку атаковать суда предприняла подводная лодка, но после серии глубинных бомб с «Гремящего» невдалеке всплыли обломки, соляр... Возможно, она и ушла на свою базу, но с основательными повреждениями.

Для «Тринидада» испытания, которым он подвергся на пути в Мурманск, на этом не кончились. После ремонта он держал обратный путь в Англию. Юнкеры снова нанесли ему серьезные повреждения, команда покинула корабль, крейсер затонул.

В тринадцатом караване шло судно «Индуна». Фашистская подлодка торпедировала его. Тридцать четыре человека с поврежденного судна успели попасть на бот, который спустили на таях за борт. Когда подлодка выпустила еще торпеду, судно с остальным экипажем пошло ко дну. Из тех, кто оказался на боте, за трое суток половина умерли или замерзли. Остальных подобрал советский тральщик. В мурманском госпитале некоторым пришлось ампутировать руки, ноги. Подлечившись, они вернулись к себе на родину.

В последних числах апреля для сопровождения возвращающегося в Англию каравана из Мурманска вышел крейсер «Эдинбург». Торпеды немецкой подводной лодки разрушили ему корму до четвертой башни. Хода он лишился, его взяли на буксир и вели в Мурманск.

На поиски поврежденного корабля вышли три вражеских эсминца. Они обнаружили неподвижный крейсер и небольшие корабли в его охранении. Эсминцы сблизилась для торпедного залпа, но неожиданно для немецких моряков орудия крейсера ожили и открыли меткий огонь. В самый крупный флагманский эсминец «Херман Шоеман» попало несколько снарядов, он затонул. А команду спасли другой эсминец и подводная лодка.

Но и в английский крейсер угодила еще одна торпеда. Суетившиеся возле него корабли охранения — четыре тральщика и буксир — подобрали экипаж и добились крейсер. Крейсер ушел ко дну с почти десятью тоннами золотых слитков,

которые доставлялись в Англию как плата за поставки военных материалов и оружия.

Ожесточенные стычки возле конвоев нарастали.

Фашистское командование, стремясь топить как можно больше судов союзников, не пропускало свободно и те конвои, которые возвращались из Мурманска и Архангельска обратно.

Так, в десятом обратном конвое, что шел в середине апреля, из семнадцати транспортов погибло четыре, в том числе советский пароход «Киев».

Из одиннадцатого конвоя, в котором погиб крейсер «Эдинбург», не дошло до цели советское судно «Циолковский».

Из четырнадцатого конвоя к порту назначения Мурманску не приплыло семь судов, одно погибло и шестнадцать вернулись с пути обратно в Исландию.

В пятнадцатом конвое в Мурманск пришли двадцать транспортов, три парохода и польская подводная лодка потонули.

К отплытию в северные советские порты готовился очередной, шестнадцатый конвой. Часть судов собиралась и грузилась в Англии.

В середине конвоя, вышедшего из Йорка, в числе двадцати судов плыли два однотипных парохода — «Эмпайр Баффин» и «Эмпайр Лоуренс». Это были новые, по заказу построенные сухогрузы водоизмещением десять тысяч тонн каждый.

С правого борта от них вспарывал воду форштевнем корабль противовоздушной обороны. Он был настолько оригинально закамуфлирован, что трудно было распознать, где у него нос, а где корма.

Постепенно на переходе к конвою присоединились еще десять судов. Теперь море почти не виделось, кругом плыли транспорты и корабли охранения.

В Исландии в соседних фьордах встали два линкора, шесть крейсеров, авианосец и флотилия эсминцев.

Чувствовалось, что надвигается весьма серьезная военная кампания. Тревог добавило услышанное по радио известие, что невдалеке от Мурманска немцы потопили крейсер «Эдинбург».

Шестнадцатый конвой вышел из Исландии в Мурманск

20 мая 1942 года. В нем отплыло на восток 35 транспортных судов.

Безбрежная даль океана простерлась за краями конвоя, который занял своими судами и кораблями десятки квадратных миль морской акватории. Хотя опознавательные огни были погашены, все иллюминаторы закрыты стальными колпаками-задрайками, но в этих широтах царствовал поллярный день. Расползшийся и в длину, и вширь конвой плыл внушительнейшей армадой.

Моряки проклинали ясную погоду. Сейчас бы туман, пургу, снежные заряды...

Наблюдатели в конвое глаз не сводили с неба, экипажи со страхом ждали оповещения о самолетах, о бомбежках и торпедных атаках.

Около полудня 24 мая, в воскресенье, когда по случаю церковного праздника команде полагалось получить дополнительный паек к обеду, появился воздушный разведчик.

Вслед за ним, как уж повелось по прошлым плаваниям, следует ждать налета. Почти всегда так случалось: как только воздушная разведка немцев обнаруживает конвой, они стараются больше не выпускать его из вида.

В ожидании неизбежного столкновения моряки облачились в спасательные жилеты. При этом кое-кто из более опытных, совершивших в Россию по рейсу, а то и по два, говорили, что авианосцы надежнее спасательных жилетов, но, к сожалению, их мало, и потому они не могут противостоять эскадрам люфтваффе.

Немецкие воздушные разведчики крутились возле конвоя целый день, не выпускали его из-под надзора. По самолету время от времени стреляли, но он отлетал подальше, в зону недосягаемости, и держал команды судов в напряжении, заставлял артиллеристов по тревоге сидеть у орудий.

Наконец, в половине седьмого утра 25 мая на чистом, безоблачном небе со стороны поднимающегося солнца появились бомбардировщики. Все, что могло стрелять на кораблях и судах, ошетинилось огнем. Даже два крейсера, что подошли к непосредственному охранению, били не только из своих зенитных средств, но и из довольно крупных орудий. Эс-

минцы волчком крутились по краям армады пароходов, отбивали воздушную атаку, охватывающую подковой весь караван. Бомбы рвались по краям судов и кораблей, вздымая ввысь водяные столбы. Звено «юнкеров» прорывалось к крейсерам, надеясь погасить их воздушную защиту.

Снаряд с крейсера разорвался вблизи самолета, он клюнул носом и стал быстро падать. Летчик выбросился с парашютом. Его подобрал на эсминец. Атака не принесла конвою потерь. Два «юнкера» сбили.

Конвой выдержал походный строй и продолжал свой курс.

Через полчаса появились торпедоносцы, но усеявшая небо шрапнель не позволила им подойти на нужное расстояние для сбрасывания торпед.

Караван вошел в низко плывущие над морем тучи. Одно судно все более отставало: его двигатели повредило взрывом бомбы. Едва ли доплывет до цели...

Небо скрылось за тучами. В караване с облегчением вздохнули, но ненадолго. Здесь, у кромки льдов, к каравану подплыли подлодки охранения. Крейсера опять покинули конвой, вероятно, ушли к своей эскадре, плывущей в дальнем дозоре.

Часа в четыре пополудни появились бомбардировщики. Сначала они бомбили подлодку, но в нее не попали. Зенитчики загнали их на большую высоту, откуда они сбросили бомбы. Но только одна взорвалась метрах в пятидесяти от судна, его сильно потрянуло и залило верхнюю палубу потоками падающей воды.

Из конвоя ушли эсминцы. В охранении остались только более мелкие корабли. Моряки на судах боялись, что слабые кораблики не защитят их ни от массированного бомбового налета, ни от набега крейсеров, не говоря уже о линкорах. В экипажах недоумевали, куда девались те линкоры и авианосцы, что вместе с караваном готовились к отплытию из Исландии. Три дня немцы не выпускали конвой из-под своего наблюдения, время от времени бомбили, круглосуточно держали экипажи в напряжении.

После относительно спокойной ночи конвою выпал тяжелый день. На этот раз бомбардировщики атаковали звено, сбивая орудийную прислугу с толку, либо заставляя стрелять

в сторону своих, либо вынуждая прекратить огонь, чтобы не попасть по судам. Сорок минут звено за звеном выходили в атаку.

При этом налете бомбы повредили один из трех советских транспортов — «Старый большевик». С соседних судов видели, как в нескольких местах из корпуса свистали клубы пара и вырывались языки огня. Иногда судно скрывалось за густым облаком пара.

В конвое посчитали его погибшим.

Однако команда не растерялась. Люди боролись за спасение судна, за свои жизни. И они вышли из этой схватки победителями, отремонтировали машину, справились с повреждениями, подняли пар в котлах, нагнали конвой, заняли свое место в строю. За эти дни одиночного плавания и в соседстве с другими пароходами моряки судна отбили 47 атак самолетов.

Не успели люди в караване успокоиться, как самолеты налетели снова. Опять досталось боевому кораблю, в него попала бомба. Возле пострадавшего крутился корвет, старался снять людей. Но взорвались боеприпасы в погребах корабля, море поглотило обломки взлетевшего на воздух судна и часть экипажа, не сумевшего перебраться на корвет.

В третьей за этот день атаке бомбардировщиков близкими разрывами бомб повредило «Эмпайр Лоуренс», с одного борта в судно влилось много воды, оно потеряло управление. Звено бомбардировщиков со следующего захода угодило в израненный сухогруз, до соседей донеслись взрывы, вспышки, вверх взлетели водяные смерчи, а как только потоки осели, все увидели уходящий под воду транспорт. Его собрат-близнец «Эмпайр Баффин» пока еще плыл в конвое к российским берегам.

За этот день немецкие самолеты четырежды атаковали конвой, каждый раз прилетало не менее 12—15 «юнкерсов», и все они вернулись обратно на свои базы.

В последней атаке бомбы взорвались совсем близко возле бортов «Эмпайр Баффин», его так сильно захлестнуло водой, что экипажу показалось, будто они пошли на дно.

Вода разломала шлюпку на рострах, местами скрутила в жгуты леерные ограждения вдоль бортов, наделала много

других бед. Но судно сохранилось на плаву, машины работали. Пароход держал строй, плыл вперед.

Конвой, хотя и несколько поредевший — за этот день вражеские самолеты потопили пять транспортов и подводную лодку, — шел по курсу, по-прежнему вытянувшись в ширину.

И на следующий день немецкие самолеты не оставили конвой в покое. Налетели пикировщики и торпедоносцы. Одна торпеда попала в судно, оно лишилось хода, по инерции прошло с полкабельтова, склоняясь вправо и встав поперек курса соседних судов. Крен на правый борт заметно увеличивался.

Остальные плыли безостановочно, снижать ход, терять строй из-за подбитого судна не полагалось. Возле пострадавшего остался корабль-спасатель. Но вскоре с конвоя разглядели, что судно и корабль горят. Видимо, немецкие подводники разделались с ними.

Около конвоя постоянно крутился «фокке-вульф», следил за курсом, радировал своим.

Шли пятые сутки частых тревог. Люди не высыпались, устали, любой пустяк их раздражал, глаза воспалились, покраснели, лица обросли щетиной.

Наконец, впереди показался туман. В караване возликовали, как будто перед ними была земля обетованная. В тумане ожидали спасения и от самолетов, и от подлодок.

Часов шесть шли в густой белесой мгле. Потом она стала редеть, рассеиваться, но над морем плыли низкие темные тучи.

Около полудня на сероватом горизонте показались три советских корабля. Моряки ликовали необычайно, хотя прекрасно понимали, что те не могут быть надежной защитой. Но это приплыли союзники, к кому они шли с набитыми трюмами и уставленными впритирку на палубах танками, автомобилями, самолетами, взрывчаткой. Теперь стало ближе и до советских берегов: конвой плыл Баренцевым морем.

А «фокке-вульфы», сменяя один другого, непрерывно барражировали возле конвоя. Где, в каком месте они наведут на караван самолеты или подлодки?

День плыли спокойно. К вечеру появились два бомбардировщика, но их сразу же отогнали зенитчики. «Фокке-вульф»

попытался отвлечь внимание на себя, вдруг ринулся на сближение с эсминцами. Те направили огонь на него. Из облаков вывалился бомбардировщик и ринулся в атаку. Но на советском эсминце успели заметить его и сразу же выпустили несколько порций шрапнели. Самолет в пикирование не вышел, бросил бомбы с высоты, они разорвались в воде. Эта атака для «Юнкерса» оказалась последней, зенитчики его сбили. Советские эсминцы стреляли по самолетам из орудий главного калибра дистанционными гранатами, которые при взрыве рассеивали по округе множество осколков. Они сбили на переходе пять немецких самолетов.

На следующий день семь торпедоносцев атаковали конвой, но все торпеды прошли мимо судов.

Конвой разделился надвое: одна часть повернула к Кольскому заливу, другая держала курс на Белое море, к Архангельску.

Разошлись в разные стороны в вечернюю пору при чистой, солнечной погоде.

В момент перестроения появились немецкие самолеты. На судах воцарилось беспокойство: немцы должны непременно атаковать на этом отрезке пути, еще несколько часов хода, и начнется зона советских истребителей.

В каютах, в кубриках, на боевых постах люди были в напряжении, никто не смыкал глаз, всем чудилось, что с неба или из глубины моря опять вырвется смертоносный смерч.

Следующим утром опять появились немецкие самолеты, а часа через два с половиной над караваном появились советские истребители. Они сбили пять «юнкерсов» и два «мессершмитта». В этом бою погиб любимец флота, популярнейший из североморских летчиков дважды Герой Советского Союза Борис Сафонов.

Далеко к югу начал нечетко вырисовываться контур русского берега.

Напряжение спало, люди почувствовали, что они могут добраться до земли. Разговорились, курили не в одиночку, а в компании. Самые уравновешенные пошли спать.

В Кольский залив суда и корабли охранения втягивались, прикрываемые сверху десятками истребителей.

Прошли мимо Полярного. Встали кто на якоря, кто у причальных стенок правого и левого берега залива, напротив Мурманска.

Морякам транспортов подумалось, что и тут не совсем безопасно: в разных местах залива виднелись пять транспортных судов, полузатонувших либо сидящих днищами на грунте.

До Мурманска дошло 18 союзных и 3 советских транспорта, 12 кораблей охранения. В Архангельск ушли 6 транспорта и столько же эскортных кораблей.

В пути погибло семь груженных пароходов. Транспорт и траулер вернулись в Исландию еще в начале похода.

Потери считались небольшими, в пределах допустимого на войне.

Только успели закрепить швартовы и спустить на причал сходни, как на вставшие под разгрузку суда поднялись докеры. Они без промедления принялись за дело. Иностранным морякам пришлось по душе эти плотные, мускулистые ребята, которые работали без простоя, лишь изредка останавливаясь на короткий перекур.

Сначала они выгрузили взрывчатку, потом другие грузы. Оставались только танки. Краны, установленные на причале, были слабы для таких тяжеловесов. Пришлось ждать, пока подгонят более мощные.

Кое-кто из английских моряков хотел было устроиться в гостиницу, но там жили спасенные моряки союзных конвоев. Их собралось в Мурманске около трех тысяч человек. Половину из них поселили в «Арктику».

Мурманск теснился, ужимался, устраивал всех, кого посылало море, жил лихорадочной военной жизнью. Он был еще в основном цел. Только через месяц-другой начнутся массовые налеты на него, он выгорит почти дотла, бомбы сожгут все кругом.

Глава шестая

За весенние месяцы ничего достоверного о судьбе группы на Мегерее так и не удалось получить. Много признаков говорило о том, что люди еще не потеряны, но истину выяснить оказалось необычайно трудно. Пока нет твердых сведе-

ний о гибели людей, списывать их не полагалось. Надо считать живыми и искать. Где?

Как гром среди ясного неба прозвучало сообщение из Осло, что в столице Норвегии, в стортинге состоялась пресс-конференция. На ней, кроме множества журналистов, присутствовали видные чины немецкого командования и администрации во главе с Тербовеном.

На конференции были представлены двое русских моряков, которые якобы были заброшены с подводной лодки на Мегерей для ведения разведки, но поскольку они оказались без продуктов и никакой надежды на добычу продовольствия не видели — сговорились между собой, убили троих высадившихся вместе с ними и этим питались, чтобы не умереть с голоду. Когда и этот запас кончился, вышли в поселок и сдались немецким солдатам.

Все казалось до невероятности неправдоподобным, не вязалось с теми нравственными категориями, что веками жили и складывались в нашем народе.

Это сообщение дополнило те публикации о переходе на сторону врага капитан-лейтенанта Коваленко, которыми пестрела пресса Германии и Норвегии. С этой лодки и высказывались те, о ком говорилось на пресс-конференции.

Надо было разобраться в том, что же произошло на самом деле.

Прежде всего полагалось установить, действительно ли существуют в лагере для пленных эти два краснофлотца или в Осло выступали подставные фигуры. И через это попытаться узнать, какова все же истинная судьба разведчиков.

Центр решил пойти на очень рискованный шаг. В разведотдел переправили из Норвегии газеты с материалами и снимками пресс-конференции. По фотографиям опознали моряков с подводной лодки. Их привезли в Осло из лагеря на острове Тромсё. После конференции вернули туда же.

Один из захваченных назвался Николаевым, родом из Баку. Отец его в Гражданскую войну якобы перебежал к белым, и его за это потом красные расстреляли. Самого Николаева, по его признанию, за хулиганство осудили на три года.

Второй (что выше ростом) представился Михаилом Горшковым из Уфы.

— Фамилии эти придуманы. На фотографиях изображены те краснофлотцы, что остались на берегу вместе с разведчиками, — докладывал Визгин командующему.

— Легенды с их жизнью совпадают?

— Нет. Только второй краснофлотец действительно из Башкирии. Но немцы знают настоящие фамилии пленных.

— Откуда?

— Скорее всего выбили при допросах.

Командованию было известно, что в Норвегию постоянно перемещают советских пленных с других фронтов. Из лагерей на островах бежать было трудно. Фашистское руководство с определенным замыслом пополняло Норвегию пленными.

В Центре задались целью пробраться в лагерь на Тромсё. В Норвегии имелся человек, которому можно было поручить эту задачу. И он проник в лагерь, пробыл там два месяца.

Посланец отыскал этих бывших моряков с подводной лодки среди многих тысяч. О них знали другие пленные, поскольку весть об этом ужасающем случае разнеслась слишком далеко. Когда гонец добирался в лагерь, не было полной уверенности, что они возвращены на Тромсё. Но немцы почему-то вернули их обратно.

Держались они настороженно, в откровенные разговоры не вступали. Но отыскавший их человек был основательно воспитан, грамотен, с широким кругозором, безукоризненно говорил по-русски и по-норвежски. И он расположил моряков к себе.

Они рассказали ему о случившемся так.

Все оставшиеся в Опнана на Мегерее люди, что добрались с подлодки до берега, готовились переправиться на материк. Имелась договоренность с рыбаком, который должен был перевезти их на своем боте. Намечалось уйти в пять часов утра.

Накануне оба эти краснофлотца были у норвежца — владельца магазина, который их накормил и положил продукты в рюкзаки. Они находились в парадной комнате, отделенной от других шторой. В этот момент в дом пришла норвежка-наци-

стка. Она не входила в комнату, в которой были русские, но, очевидно, видела их через портьеру и донесла немцам. Прибывшие вскоре гестаповцы арестовали краснофлотцев. При обыске у одного из них была найдена записная книжка, где был указан номер бота, на котором группа собиралась уйти.

Очевидно, арестованные и впоследствии казненные рыбаки, оказывавшие помощь группе, на допросе рассказали, что у Опнана людей было пятеро. Когда краснофлотцев спросили, где находятся остальные, те ответили, что они их убили и съели. И в качестве доказательства показали два трупа, лежавшие на берегу. Такие трупы, изглоданные и обезображенные, часто выбрасывало море.

Краснофлотцы сказали собеседнику, что их товарищи ушли в горы и там скрываются.

Донесение это, с одной стороны, опровергало все сказанное моряками на пресс-конференции. Но его нельзя было использовать как официальный документ, поскольку исчезнувшие разведчики не найдены и их невозможно предъявить любой комиссии.

Сообщение лишь ориентировало, что людей или их следы надо продолжать искать.

Известие подтверждало возникшее в самом начале мнение, что это фашистская провокация. Оно вселяло надежду, что разведчики, возможно, живы, скрываются где-то у надежных людей, но вести о себе подать пока не могут.

Только сопоставление множества фактов, изучение документов, показания других людей, последующий жизненный путь выступавших в Осло пленных, материалы, ушедшие через границы других стран, спустя годы пролили свет на истину, позволили открыть завесу над этим темным и сложным делом.

Разведчики, помнившие своих боевых друзей, отправившихся на Мегерей, хотели знать об их судьбе.

В поисках этой истины мы снова обратимся к норвежским авторам.

Как развивались события на Мегерее после того, как Сёдерхольм и другие жители Камёйвера не однажды поддерживали продуктами двух русских моряков в Опнана, норвежские исследователи повествуют следующее.

В этом богом забытом месте, всего лишь в десяти километрах к востоку от самой северной точки Европы — Нордкапа, едва ли могли быть какие-то приемлемые условия для жизни. Но еще лет за десять до событий, о которых шла речь, на том месте располагался рыбацкий поселок. В военное время от него сохранилось несколько домов, в которых в весеннюю пору, с началом семужьего промысла, останавливались рыбаки. Жители недалей округи косили там траву.

В давние времена поодаль от моря, на берегу озера Опнан стояло довольно большое поселение. Но потом столь неприхотливые, привычные к суровым условиям морского севера, устраивавшие себе жизнь в еще более трудных и удаленных местах норвежцы покинули его. Развалины, остатки домов подтверждали, что люди тут жили и в нынешнем веке.

Море здесь почти никогда не бывает спокойным. Оно ходит ходуном, высокие волны разбиваются о прибрежные валуны, течение очень сильное. Мрачное место.

В большом доме прибрежного хуторка было несколько комнат. Там стояла бочка, наполовину заполненная соленой олениной, — неприкосновенный запас норвежцев на какой-либо непредвиденный случай.

В конце марта или в начале апреля 1942 года в поселок Скарсвог, расположенный в нескольких километрах от Опна-на, пришли двое русских. Знаками они пытались объяснить, кто они такие. Жители Скарсвога поняли, что люди эти спаслись с корабля, который подорвался на mine и потонул. Выглядели они изможденными. Первые встретившие их хозяева крайних домов, в их числе был и Сигфред Петерсен, подкормили пришедших, отвели в дом местного торговца, там их угостили более сытно. И они сразу уснули. Пока гости спали, хозяин дома или кто-то другой оповестил немцев.

В доме появился военный патруль, солдаты разбудили спящих и арестовали. Из Камёйвера — это на другом берегу Камё-фьорда — на катере прибыла дюжина солдат, они забрали задержанных с собой. Из Камёйвера немцы пытались на шхуне Вальтера Юханнесена сходить к Опнану, прихватив с собой и пленных русских моряков. Море штормило, волна

бросала судно. Повернули обратно. Из Камёйвера снова пошли в Скарсвог.

На переходе шкипер заметил, как один из захваченных русских что-то спрятал между шпангоутом и обшивкой корпуса. Потом Вальтер Юханнесен подобрал засунутое в щель — это был нож в металлических ножнах с красивым орнаментом. Нож этот сохранился в семье Юханнесенов.

В Скарсвоге немцы заставили русских показывать дорогу в Опнан, велели идти проводниками на лыжах. Высокий русский сказал, что он не умеет ходить на лыжах. Повел немцев другой, что поменьше ростом.

Почему-то немцы не взяли проводниками в Опнан норвежцев, хотя те могли знать более удобный путь.

Потом ходившие в экспедицию в Опнан вернулись в Скарсвог, оттуда отправились в Камёйвер. Перед тем как русским сойти на берег, им дали шубы из овчины.

С этого момента пленные моряки надолго исчезли.

В то время, когда немцы собирались в экспедицию в Опнан, житель Камёйвера Ханс Слеттволд попросил разрешения у немецкой комендатуры сходить на катере к той же пристани, чтобы забрать там заготовленное осенью сено, но ему отказали в выдаче пропуска.

Через несколько дней, когда Слеттволд снова обратился со своей просьбой, разрешение ему дали, но при этом настойчиво просили обратить внимание на то, что он там увидит, и обо всем доложить ленцману.

Вместе с ним в переход через фьорд отправились его сын Альфон и сосед Арнульф Сёдерхольм.

В Опнane перед их глазами предстала трагическая картина.

В воде, недалеко от причала, плавало русское ватное обмундирование. В брюках и в рукавах куртки торчали обломки рук и ног. В одном из маленьких домиков на столе увидели таз с вареным мясом, сложенным пирамидой. В углу лежали остатки окровавленной одежды. В крупных кусках мяса они распознали верхние части рук и ног. В центральном доме двери сорваны, в одной из комнат на полу много крови. В двери следы пуль.

Слеттволд и его спутники примерили обрубки мяса в тазу к обмундированию — было очевидно, что расчленен один человек.

После немецкой экспедиции на лыжах из Скарсвога с русским проводником сюда никто не приходил. Слеттволд с сыном и соседом были первыми посетителями. Ленцман записал их рассказ.

На Мегерее об этом случае поговорили неделю-другую, а потом перестали, вскоре забылось. Мало ли море выносит людей, спасшихся от кораблекрушений. И этим найдут дорогу, куда отправить.

Прошло еще два месяца. И вдруг до жителей Скарсвога, Камёйвера и других селений на Мегерее газеты, радио, а потом и кинохроника донесли потрясающую весть.

Те двое русских, которых арестовали у них немцы в начале апреля, в Осло признались, что они убили в Опнане троих своих товарищей и съели их. Жители тех селений, рыбаки, которые переправляли их на своих ботах от одного поселка к другому, а потом на материк, с содроганием обсуждали, как это могло случиться, как эти люди осмелились после своего злодеяния прийти к ним и просить помощи.

Кто-то поверил, кто-то сомневался, у кого-то возникло чувство гадливости, но никто не рискнул снова сходить к Опнану. И ранее это место считалось мрачным, теперь оно навлекло на себя новую печать проклятия. Даже на ботах избегали подходить к этому берегу, боялись немцев: вдруг они за такой визит покарают.

А основания к такой боязни были.

Лучше других, точнее всего знали, что было в Опнане, Сёдерхольм с сыновьями и соседом. Они спускались там на берег, ходили по поселку, виделись и разговаривали с двумя моряками уже после того, как, по словам выступавших на пресс-конференции, они своих напарников по несчастью убили 6 марта. Ни малейших следов убийства там не было. И труп в воде не плавал.

Сёдерхольм с сыновьями и их сосед были живой уликой спектакля, устроенного нацистами. Показания о времени

убийства, о голоде явно не сводили концы с концами. Эти свидетели мешали, они были очевидцами фальсификации.

В день открытия конференции их арестовали. Несколько позднее троих взрослых казнили, а четвертого по малолетству осудили на долгие годы тюрьмы. Казалось, концы содеянного ушли в воду.

Однако сохранились документы. В живых остались норвежцы, видевшие захваченных в плен и говорившие с ними. Выжили и вышли из этой войны некоторые непосредственные участники трагедии на Опнате и разыгранного в стортинге по сценарию нацистских сочинителей представления.

Когда поврежденная тараном немецкого эсминца подводная лодка вернулась в Полярное без своего командира, его старпом, комиссар лодки и оперативный офицер отдела доложили, что они кричали с борта лодки на берег, оттуда отвечали, но вернуться на подлодку за остальным грузом не могли, поскольку остались без шлюпок.

Было еще несколько попыток сходить на шлюпках к берегу, но каждый раз безуспешно.

Настало время назвать поименно тех разведчиков, кто пошел на резиновых шлюпках к берегу в ночь на 14 февраля 1942 года.

Командир группы Карила Кале Оскар. Родился в Киберге. Ему шел сорок второй год, когда он отправился в эту операцию. Окончил семилетнюю народную школу. В компартию Норвегии вступил в 1924 году. В предвоенные годы избирался членом муниципалитета округа Вардё. В конце сентября 1940 года несколько семей из Киберга решили бежать в Советский Союз. Ушли сразу на трех ботах. В числе их плыл и Карила с женой Жозефиной. Детей у них не было. В Норвегии остались три его брата и четыре сестры.

Эриксен Арне — второй сотрудник группы. Его брат Трюгве десятью днями раньше высадился командиром группы на мысе Нолнесет, вблизи Берлевога. К моменту похода Арне было 28 лет. В Советский Союз ушел также их брат Сигвард. Четвертый брат — Хенри — жил в Англии с 1939 года. На родине остались шесть сестер. Своей семьи у Арне не было. Он член Союза коммунистической молодежи Норвегии. Когда

германские войска высадились на норвежском побережье, его мобилизовали в армию. Служил он в крепости Вардё.

Радистом шел Щетинин Сергей Николаевич. Это был второй его поход. За участие в пятидесятидневной операции на Варангер награжден медалью «За отвагу».

Подробнее о событиях высадки на Мегерей в ту февральскую ночь рассказано в моей книге «Отряд особого назначения».

Как только шлюпки отошли от борта подлодки, они попали в бурлящее море. Волны не катились привычными увалами одна за другой, а поворачивались поперек, образовывали воронки, закручивались спиралью. Порывистый ветер срывал с гребешков волн бесчисленные брызги и сыпал ими, как дождем. Легонькие надувные шлюпки кидало то вверх, то вниз, крутило ветром и течением.

Налетевший густой снежный заряд скрыл из глаз и подлодку, и берег. Через несколько минут береговая глыба вновь обозначилась, а подлодку так и не было видно.

Берег медленно приближался. Шлюпки неслись к нему толчками. Их разнесло, отделило одну от другой метров на семьдесят.

На каком-то гребне, поднятом, видимо, подводным камнем, головную шлюпку, в которой шли Карила и Эриксен, перевернуло вверх дном. Чуть ближе к берегу опрокинуло и вторую шлюпку.

Поодиночке, барахтаясь в волнах, накрываемые с головой пеной и брызгами, кое-как выкарабкались на сушу. В первые мгновения не могли встать на ноги, поползли, стараясь подальше оторваться от воды.

Потом собрались возле Сергея Щетинина. Но почему-то не было видно командира группы Карила. Шлюпок тоже не было.

Поиски командира оказались безрезультатными.

Прошло два часа. Море оставалось безмолвным. Подводная лодка и шлюпки так и не появились. Десантники разделись, отжали одежду, портянки и носки, снова надели на себя все мокрое.

Стоять на ветру было холодно. Стали мерзнуть, мокрая одежда покрылась ледяной коркой.

Поднялись по угору метров сто, увидели приземистое длинное деревянное сооружение. Подошли ближе. Это был сарай, сделанный из толстого горбыля. Обычно в таких хранят сети, бочки, иногда и рыбу.

Арне потянул за ручку чуть приоткрытую дверь.

Раздалось какое-то стрекотание, будто раскручивалась трещотка или спускалась бадья на колодезном бревне. От неожиданности все присели. В дверь вылетела сорока.

— Фу ты, нечистая сила, напугала до смерти. — Сергей Щетинин первым поднялся с корточек.

— А я струхнул, показалось, заведена адская машина, — признался один из подводников, что повыше ростом.

В сарае лежали старые сети, пустые бочки. В одной из них, прикрытой досками и придавленной камнями, оказалось полбочки рыбы.

За сараем увидели засыпанный снегом дом. За зиму на крышу навалило такую шапку снега, что он казался приземистым грибком на толстой короткой ножке.

Это был рыбацкий сезонный домик с нарами, печкой, с застекленными окнами.

У разведчиков в верхних нагрудных карманах, упакованные в пергамент, сохранились спички.

Растопили печь, подсушили одежду, портянки, сапоги. Стало теплее. Хотелось есть. Рюкзаки с аварийным запасом продуктов утонули. У Сергея Щетинина в кармане оказалась пачка галет. Сходили в сарай, принесли рыбы, с галетами поели.

Когда забрезжил зимний заполярный день, спустились к морю, пошли по берегу. Между камней нашли Карилу. Осмотрели. Видимо, волной его ударило о камни и выбросило на отмель.

Подняли его повыше на угор, утоптали снег, положили, натаскали некрупных камней, обложили с боков и сверху, засыпали снегом.

Опять спустились к морю. Бушевавшие волны выкидывали на камни водоросли, мусор, гоняли гальку. Наткнулись на застрявший между камней рюкзак.

— Это мой, — сказал Арне.

— Давайте искать, может, и мой найдем, — оживился Щетинин.

Удача снова улыбнулась им. Море выплеснуло и второй рюкзаки.

Вернулись в дом, разобрали поклажу. Это были, в основном, банки, шоколад. Все цело, только галеты размокли. Их положили возле печки сушить.

Хотя Арне и понимал, что погода не позволит подлодке появиться у берега, все же, как только стемнело, глаз не спускали с моря, но лодку в эту ночь так и не высмотрели.

Днем опять ходили по берегу, но ничего больше не нашли. Только волны неумолчно грохотали, накатывались на утесы, в ярости бились о скалы, потом, будто обессиленные, откатывались назад, крутясь водоворотами, вспениваясь и брызгая.

К вечеру Сергей сказал Эриксену, что он чувствует себя неважно. Арне украдкой приложил руку ко лбу Сергея, у того был сильный жар.

В домике Арне заставил Сергея лечь на нары, принес из сарая обрывок сети, укрыл занемогшего. Сергей в этот вечер и ночь на улицу не выходил, вахту за морем нести не мог.

Он сокрушался, что рацию его повредило при посадке, замочило водой, на связь с базой выйти было нельзя. Надеялся, что с лодки переправят запасную, тогда и отстучит радиосообщение.

Но и в третью ночь лодка не пришла, и в четвертую...

Сергей слабел с каждым днем, дышал тяжело, прерывисто, временами покрывался холодным потом. Помочь ему было нечем.

Продукты тоже подходили к концу.

Кроме соленой трески, что нашли в сарае, никакой пищи не осталось.

Подводники теперь чаще дежурили у моря вдвоем и днем ходили вместе. Арне старался больше быть с Сергеем, как-то поддерживать его. Они говорили между собой негромко, полупшепотом. Иногда изъяснялись на норвежском. Сергей за полгода неплохо овладел разговорным языком.

Ему становилось все хуже и хуже, временами он впадал в беспамятство. На десятые сутки он умер.

Сергея положили под снег и камни чуть поодаль от Кари-лы, зная наверняка, что переправить их на базу и похоронить там не удастся.

Из троих разведчиков в живых остался только Эриксен. Ему не с кем было посоветоваться. Два случайно оказавшихся с ним краснофлотца абсолютно ничем не могли ему помочь: разведка была для них за семью печатями, норвежского или немецкого языков они не знали, посылать их куда-либо было бессмысленно.

Несколько дней Арне ходил один вдоль берега моря, размышлял, искал ответа на вопрос: что делать?

Наконец, он пошел пешком без лыж в горы в поисках пути к спасению. У него не было ни карты, ни компаса. Только прежний навык да знание своих гор. Выбился из сил, оголодал. И повернул обратно, чтобы отдохнуть в домике, в тепле, напиться горячего. А потом идти снова по уже протоптанной тропе.

Вернулся он на следующий день, сказал, что едва одолел километра три, шел целиной, нигде ни дорог, ни тропинок.

Отлежавшись, Арне отправился в путь снова. И опять возвратился через сутки. Сказал, что протоптал дорогу еще километра на два. Кругом такое же снежное безмолвие, ни следочка, ни дымочка, ни живого существа. Спросил своих товарищей по несчастью: не было ли без него новостей? Но море и берег по-прежнему были пустынные. С каждым днем надежды на спасение иссякали, голод давал о себе знать.

Эриксен опять ушел в поиск. Моряки ждали его день, второй, третий... Из этого похода разведчик не вернулся.

Начался март. Треска в бочке подошла к концу.

Однажды они заметили рыбацкий бот. Сначала махали ему с тропки от дома, потом спустились к причалу. Они объяснили норвежским рыбакам, что спаслись на этом берегу после того, как их судно потопила подводная лодка. Остались ждать свою судьбу у моря.

Арне все же выбрался на проезжую дорогу. Выходить на нее не стал, сел в стороне за валунами в кустах и долго размышлял. Он решил не возвращаться в Опнан, надежд, что им троим будут помогать, было мало. Ведь они находятся

далеко от фронта. Одному ему, знающему страну, при деньгах, возможно, и удастся выбраться. И Арне пошел по дороге к Камё-фьорду. За деньги незнакомый рыбак перевез его через пролив, продал рюкзак продуктов.

Оказавшись на материке, Арне избрал себе маршрут строго на юг.

Глава седьмая

Самой трагичной в проводке конвоев в советские северные порты и обратно стала история семнадцатого конвоя.

Множество исследователей посвятили этой теме свои работы, написали немало книг. Но один вопрос так и остался открытым: кто и зачем принял решение пожертвовать судами, отправить на океанское дно огромное количество драгоценных военных грузов, утопить множество людей?

Попытаюсь изложить события кратко, не вдаваясь в комментарии и оценки.

Во второй половине дня 27 июня 1942 года караван торговых судов вышел из Хваль-фьорда в Исландии. Тридцать пять пароходов с полной загрузкой всех трюмов и палуб, без малого триста самолетов, около пятисот танков, свыше четырех тысяч двухсот автомобилей и оружейных тягачей, более 156 тысяч тонн других военных грузов пошли к советским берегам, где уже разгоралось тяжелейшее летнее сражение. В караване отправлялись в море три спасательных судна и два танкера с залитым до самых пробок горючим. Груз оценивался в 700 миллионов долларов. Этого оружия и имущества могло хватить для снаряжения армии в 50 тысяч человек.

Две кильватерные колонны — одно судно за другим — поплыли в Датский пролив, справа виднелись исландские берега, слева далеко за горизонтом даже не угадывалась заснеженная Гренландия.

Не успели еще исчезнуть из видимости белеющие от снега исландские нагорья, как одно судно наскочило на подводную скалу. В днище образовалась огромная пробоина. На этом его плавание закончилось, неудачника пришлось отбуксировать обратно в порт. Но радист его, не разобравшись, в чем дело, без команды капитана поспешил отстучать в эфир

сигнал бедствия. А эфир старательно прослушивали и свои, и чужие радиостанции.

На безбрежном просторе моря суда перестроились в девять широких колонн, по четыре судна в каждой. Строй теперь вытянулся поперек хода каравана. Курс — к острову Ян-Майен, на северо-восток, к океанским арктическим ледяным полям.

Через полтора дня в густом тумане караван подошел к тяжелым плавающим льдам. Одно судно так повредило льдинами, что ему разрешили вернуться назад. Получив большую пробоину в носовой части, танкер тоже не мог идти дальше, его оставили ожидать возвращающийся из советских портов встречный караван, чтобы подпитать горючим.

30 июня в начале четвертого часа дня к каравану подошли эскортные корабли прикрытия. Командовал ими капитан 3-го ранга Брум.

Плывший как городок в океане караван из 37 судов, окутанный темным дымом, с разных сторон охватили шесть эскадренных миноносцев, четыре сторожевых корабля, три тральщика, два противовоздушных корабля и четыре противолодочных траулера. Невдалеке держались в надводном положении две английские подводные лодки. Пятьдесят восемь выпелов, разноцветные флаги: английские, американские, советские, датские, польские, норвежские, французские... Притянутые до предела к верхним палубам, покачивались на тросах огромные гондолы аэростатов заграждения. Конвой выглядел внушительно.

1 июля в 2 часа ночи крейсерская эскадра контр-адмирала Гамильтона — он держал свой флаг на крейсере «Лондон» — вышла из Сайдис-фьорда в Исландии и курсом на северо-восток пошла догонять семнадцатый караван. В составе крейсерских сил ближнего прикрытия шли два английских и два американских крейсера, три эсминца.

На следующий день они сблизились с конвоем. Крейсера держались севернее конвоя, ближе к кромке льдов.

29 июня в 15 часов из Скапа-Флоу в Северное море вышла линейная эскадра: линкоры «Дьюк оф Йорк», «Вашингтон», авианосец «Викториес», три крейсера, 14 эскадренных мино-

носцев. Флаг командующего эскадрой адмирала Тови развевался на линкоре «Дьюк оф Йорк». В те же часы из Скапа-Флоу к южному побережью Норвегии вышла армада судов и боевых кораблей, изображающих десант, который якобы намеревался высадиться в Норвегии. Однако немецкие разведывательные самолеты на пути мнимых сил вторжения не появлялись. Десант пробирался к норвежскому берегу в тумане.

Из перехваченных радиogramм союзники узнали, что немцы обнаружили вышедший из Мурманска обратный, тринадцатый конвой. Об этом уведомили и штаб Северного флота. Глава английской военно-морской миссии донес по радио командованию конвоя, что Мурманск подвергся сильнейшим воздушным налетам, примерно треть города сожжена и разрушена. Эта весть дошла и до Тови, и до Гамильтона.

Немецкое командование знало о готовящемся к выходу конвое, следило за ним. Только не было известно время отплытия.

Неудачный выход «Тирпица» на перехват двенадцатого конвоя заставил немецкое верховное и морское командование основательно задуматься, как впредь действовать тяжелыми кораблями, какую применить тактику к караванам «купцов». Непредвиденная встреча с английским авианосцем спутала все карты. У германских флотских начальников сложилась твердая позиция: в зону плавания авианосцев не ходить, в море с ними не встречаться. Германским кораблям плавать только под надежным воздушным прикрытием бомбардировщиков и торпедоносцев. А превосходство в воздухе и в сорок втором году немцы имели неоспоримое.

Корабли из Бискайского залива перешли в норвежские порты с намерением ударить по конвоям в Баренцевом море, чтобы навсегда прекратить союзное судоходство на севере.

Прошло три месяца, а в немецких штабах все еще шли обсуждения, в какое время лучше выпустить линейные и крейсерские силы. Без приказа Гитлера никто не мог принять решения об отплытии линкоров. А фюрер проявлял особую осторожность.

14 марта 1942 года Гитлер подписал приказ об уничтожении конвоев на севере.

К выходу семнадцатого конвоя подготовили разгромный удар. Ждали достоверных донесений от агентуры.

После побега «Тирпица» от двенадцатого конвоя Гитлер и главнокомандующий немецкими военно-морскими силами гросс-адмирал Редер в «Волчьем логове» обсуждали основные направления ведения морской войны. Помимо намерения в недалеком будущем иметь соединение из двух линкоров, авианосца, двух тяжелых крейсеров и двенадцати-четырнадцати эсминцев — такая эскадра могла смело вступить в сражение с любой эскадрой союзников, — было решено неожиданно ударить по конвоям, плывущим в Мурманск и Архангельск.

И вот теперь удобный момент наступил.

30 июня обнаружили конвой, который возвращался из Мурманска. Значит, скоро должен появиться семнадцатый — они обычно встречались на полпути, где-то возле Ян-Майена.

Следом пришло первое долгожданное донесение: тяжелый четырехмоторный «Фокке-Вульф-200» в начале второй половины дня 1 июля наткнулся на караван судов в охранении.

Англичане через свою миссию в полярном оповестили командование Северного флота, что немецкие самолеты обнаружили семнадцатый.

Вскоре о конвое донесла и немецкая подводная лодка. Она получила серию бомб и ушла на глубину. Потом поступили донесения и от других лодок.

Командующий немецкими подводными лодками в Арктике адмирал Шмундт со штабного корабля «Танга» на рейде Нарвика приказал десяти субмаринам двигаться на восток, на сближение с конвоем и обогнать его. Командирам лодок не спускать глаз с конвоя, без команды не атаковать, постоянно доносить о караване, о встречающих советских кораблях. Все внимание семнадцатому конвою, распорядился Шмундт, — он подлежит полному уничтожению.

Эти команды явно расходились с теми установками, которые распространялись германским руководством: топить любые суда — груженные или порожние, отправлять на дно как можно больше пароходов торгового флота союзников, сокращать их тоннаж. Идущий из Мурманска конвой пред-

ставлял собой удобную, менее охраняемую приманку, но за ним не погнались, первостепенной мишенью стал конвой семнадцатый, с военными грузами в советские порты.

Вечером 1 июля немецкий самолет-разведчик обнаружил вышедшую из Скапа-Флоу эскадру англо-американских линкоров, авианосца и крейсеров. Тови вел корабли на северо-восток, на сближение с конвоем и на прикрытие его на дальней линии. Поскольку эскадра шла довольно далеко от каравана судов, немецкие морские чины посчитали, что она не только прикрывает конвой издалека, но и пересекает возможный путь немецким кораблям в северную Атлантику. Генерал-адмирал Карлс полагал, что англичане придерживаются прежнего образа действий. И это было на руку немецкому командованию. Семнадцатый конвой окажется менее защищен.

Отряду линкоров в Тронхейме приказали приготовиться к переходу на север.

Утром 2 июля гросс-адмирал Редер собрал совещание в Берлине. Сочли целесообразным набег линкоров на конвой осуществить. Линкорам из Тронхейма и Нарвика скрытно перейти в северные фьорды.

Первый удар по конвою решили нанести вечером 2 июля самолетами-торпедоносцами. Подводным лодкам приказали ритмично подавать сигналы, где идет конвой, наводить пеленги самолетам.

Эти сигналы с лодок и самолетов отчетливо слышали и понимали, зачем они, и на флагманском корабле контр-адмирала Гамильтона, и в радиоцентре английского адмиралтейства.

Немецкие корабли еще стояли на якорных стоянках, английские самолеты возле них не появлялись: разведке мешал туман.

Конвой и эскадра Гамильтона тоже шли в сплошном, как молоко, тумане. Для атаки торпедоносцев лучше условий не подыщешь.

На аэродромах Банак и Бардифосс стояло около шестидесяти самолетов.

Во второй половине дня самолет-разведчик и два торпедоносца с довольно близкого расстояния следили за конвоем. По тревоге над судами поднялись аэростаты загражде-

ния, боевые расчеты заняли посты. Об этой боеготовности сообщили с самолетов и лодок на немецкие базы.

Атаки начались после половины седьмого вечера, торпедоносцы налетели с разных сторон, внимание наблюдателей и боевых расчетов на судах и кораблях рассеивалось. Один торпедоносец корабельные зенитчики подбили, он упал в море впереди конвоя. К нему устремились три корабля охранения, чтобы снять вылезших на крыло летчиков. Они уже сели в надувную шлюпку, но появился приводнившийся второй торпедоносец, подрулил к шлюпке. По ним стреляли с кораблей из крупнокалиберных автоматов, но самолет с летчиками взмыл ввысь и улетел.

Торпедоносцы атаковали впустую, конвой плыл своим курсом.

Немецкие тяжелые корабли в это время двинулись внутренними шхерами в Вест-фьорд и в Альтен-фьорд. «Тирпиц», «Хиппер» и эсминцы сопровождения прошли сложный, извилистый путь в плотном тумане безошибочно, без происшествий миновали все опасности фарватера. Но на исходе скрытного маршрута, уже в Вест-фьорде, три эсминца наскочили на подводную скалу, повредили винты и гребные валы, об их дальнейшем походе речи не могло быть.

Из нарвикской группы «Лютцов» сел на мель, получил пробоины. Ему пришлось уйти в Германию на четырехмесячный ремонт.

Английская разведка узнала, что «Тирпица» и «Хиппера» на стоянке в Тронхейме нет. Этими известиями они поделились с советским командованием.

Семнадцатый конвой шел назначенным курсом, пять немецких подводных лодок за ним следили. Корабли охранения периодически бомбили подходы к конвою, подводники не смели приблизиться к судам, держались поодаль. Иногда лодки теряли конвой, отыскивали его по следу, по плавающему на поверхности моря мазуту. В полночь в густом тумане конвой упустили из виду и разведывательные самолеты. Никаких сигналов о линейных и крейсерских силах прикрытия в немецкие штабы не доходило.

Утром 3 июля лодки не могли точно сообщить, где конвой.

Только во второй половине дня 3 июля одна подлодка увидела, наконец, плывущие суда. Более полусуток караван шел без надзора потому, что ночью, в тумане, сменил курс строго на восток. Неожиданно для немцев он избрал путь севернее острова Медвежьего, воспользовался довольно широким проходом между островом и льдами. А крейсера Гамильтона в это время ходили переменными галсами севернее колонны судов, стараясь быть поодаль от немецких воздушных разведчиков.

Тяжелые немецкие корабли утром 3 июля собрались в Вест-фьорде и в Альтен-фьорде и ждали приказа на выход в море для атаки конвоя. Но приказа Гитлера все не было. Воздушная разведка доносила противоречивые сведения.

Наконец, немецкое морское командование убедилось, что донесение разведки с самолетов ошибочно.

Но Берлин все же не позволил никаких, даже небольших, передвижений кораблей. Времени в запасе оставалось не более шести часов. Однако Гитлера весь день в ставке не было, он рано утром улетел в штаб группы армий «Юг» в Полтаве и должен был прибыть обратно только к вечеру. Вице-адмирал Кранке сообщил, что общее отношение у фюрера было благожелательным, поэтому можно надеяться на его согласие.

Из Киля отдали команду «Тирпицу» с сопровождением перейти в Альтен-фьорд. И все же командующий эскадрой адмирал Шнивинд на «Тирпице» нервничал. Он не мог понять, что происходит.

3 июля в 18 часов Шнивинд приказал кораблям сняться с якорей и выйти в море. Он начал операцию «Найтс мув», не получив четкого приказа, что она санкционирована фюрером.

Линейные корабли и крейсера шли уже два часа открытым морем, когда генерал-адмирал Карлс в Киле узнал об их выходе. Как только на «Тирпиц» возвратился самолет и привез последнюю радиogramму Карлса, эскадра повернула на восток, к Нордкапу.

Поскольку прямого приказа на атаку конвоя еще не было, весь немецкий линейный флот к 10 часам утра 4 июля встал

в Альтен-Фьорде. Шнивинд дисциплинированно подчинился полученному приказу.

Всю вторую половину дня 3 и в ночь на 4 июля подводные лодки лишь следили за конвоем из надводного положения.

Ночная воздушная разведка на 4 июля опять не обнаружила крейсерскую эскадру союзников. Гамильтон снова ушел ко льдам.

После полуночи над судами каравана сквозь туман слышался шум самолетов.

Наконец, один из них, планировавший с заглушенными двигателями, нырнул в просвет облаков, сбросил две торпеды по транспорту «Карлтон» и, взревев моторами на полную мощность, снова потерялся в мутной мороси.

На судне переложили рули на борт, машины дали полный ход назад. Торпеды проскочили в нескольких метрах впереди транспорта, одна из них попала в американское судно, ударила ему в борт напротив машинного отделения, образовав огромную пробоину. Экипаж быстро покинул его на двух сохранившихся шлюпках. Сорок семь оставшихся в живых моряков подобрал спасатель.

Дотопить поврежденное судно приказали английской подлодке. Но после торпедной атаки, двух глубинных бомб пароход все же остался на плаву. Корабли конвоя ушли, весь караван плыл далеко впереди. Брошенное судно одиноко болталось в море.

Прошло еще около четырех часов. Подплыла немецкая подлодка, прочитала его название, порт приписки, разглядела груз на палубах, потом выпустила еще торпеду. Долго не желавший тонуть американский транспорт отправился на дно.

Первое судно в конвое погибло утром 4 июля, в субботу.

В немецком морском командовании лихорадочно пытались прояснить обстановку. На требовательные запросы моряков о нахождении линейной и крейсерской эскадры союзников летчики ответа не давали. К середине утра 4 июля они так и не отыскили потерянный ими семнадцатый конвой.

Немецкие линкоры держали свои якоря на дне Альтен-Фьорда.

Наконец в половине восьмого самолеты увидели конвой.

Он шел все тем же собранным строгим строем в плотном охранении боевых кораблей.

Днем немецкие самолеты-разведчики осмотрели обширный район моря от Нордкапа к Медвежьему. Грозные эскадры там не ходили. Кто-то из штабных чинов высказал предположение, что они могли уйти значительно севернее, к самым льдам. Туда не летали. Но такая удаленность эскадр от каравана не мешала немецким линкорам выскочить на разгром конвоя.

В полдень самолет-разведчик обнаружил эскадру Гамильтона, но позже подводные лодки противоречивыми сообщениями внесли новую струю путаницы. В десятом часу вечера ясности так и не наступило, германское морское командование не отваживалось принять решение. Зато командование пятого воздушного флота видело, что чем дальше конвой уплывет на восток, приближаясь к советским аэродромам, тем труднее будет его атаковать.

Вскоре после полудня «хейнкели» и «юнкерсы» вылетели в северную часть моря. Около семнадцати часов их заметили с кораблей непосредственного охранения. Мгновенно по сигналу воздушной тревоги и корабли, и транспорты ошестинились всем своим оружием.

Два часа немецкие торпедоносцы крутились возле конвоя, но пробиться сквозь завесу огня к судам не смогли. Бомбардировщики вслепую сбросили несколько бомб, они нырнули в море невдалеке от судов. Самолеты-наблюдатели и подводные лодки передавали сигналы наведения, но низкая облачность плотно окутала караван. Этот налет закончился безуспешно.

В девятом часу вечера с одной стороны к каравану приблизились торпедоносцы, с другой — бомбардировщики. На цель их наводил воздушный разведчик. Но бомбовозы не одолели стену зенитного огня.

Торпедоносцы на высоте трех десятков метров над морем с двух сторон устремились на караван. Разрывы снарядов вынудили летящих первыми сбросить торпеды раньше срока и отвернуть. Только один бомбардировщик упрямо шел к цели. В него попало несколько снарядов, один мотор

остановился, самолет загорелся, снизился к воде и вскоре затонул. Летчики в резиновой спасательной шлюпке отошли от воронки, поглотившей самолет. Эсминец подобрал их.

К конвою приближалась девятка торпедоносцев сзади, с кормовых углов. Корабли и суда огрызались всем своим оружием, казалось, стреляло даже то, чему не полагалось стрелять. Не долетев довольно далеко до судов, пять самолетов отвернули, но четверка упрямо надвигалась на конвой.

Головной торпедоносец задымил и резко ушел в сторону. Еще один самолет сквозь заградительный огонь напористо прорывался к цели. В его правый мотор попал снаряд, и он запылал ярким огнем. Но брошенная им торпеда попала в борт судна, прошла котельную, где взорвался котел. Судно быстро заполнялось водой, но еще держалось на плаву.

Самолет командира этой группы с горящим мотором пролетел почти сквозь весь караван, его торпеда достигла борта английского судна «Найварино» в шестой колонне. Судно перестало слушаться руля, дугой пошло в обратном направлении. Кинувший свою самоходную смертоносную сигару торпедоносец упал в море, нырнул на дно вместе со всем экипажем.

Еще один торпедоносец нацелился на танкер «Донбасс». Но и его фюзеляж охватило пламя.

Остальные самолеты поспешно побросали торпеды куда попало и повернули к норвежскому берегу.

Торпеда с самолета попала и в танкер «Азербайджан». В мгновение после взрыва над судном высоко взметнулось пламя, потом оно быстро погасло, а танкер окутался клубами дыма и пара. Он оторвался от общей походной колонны и стал отставать, но его носовое орудие все еще стреляло по удаляющимся самолетам.

Атака закончилась, самолеты улетели. Три поврежденных судна отстали от каравана, остальной конвой безостановочно плыл строем на восток. Ему не полагалось останавливаться, потери судов и людей не должны были тормозить движение. Спасатели подбирали людей. Корабли охранения добивали безнадёжные суда.

Эскадра Гамильтона шла впереди конвоя и наблюдала за

атакой торпедоносцев. Даже крупные орудия крейсеров стреляли по удаляющимся самолетам шрапнелью на пределе досягаемости.

Через полчаса конвой неожиданно догнал танкер «Азербайджан». Его машинная команда сама справилась с повреждениями, судно набрало ход до предельного и вскоре снова вошло в строй конвоя.

Поврежденные вместе с ним «Найварино» и «Уильям Хупер» все еще болтались на воде. Артиллеристам приказали расстрелять их из орудий.

А в это время немецкие линкоры все еще держались якорями за дно Альтен-фьорда. Казалось, что в открытое море на перехват каравана они так и не выйдут. Генерал-адмирал Карлс в Киле уже подсчитывал время, когда надо будет отдавать приказ об отходе кораблей в свои базы.

В половине девятого вечера, когда торпедоносцы после атаки конвоя ложились на обратный курс, из Берлина в Киль позвонил Редер и сообщил Карлсу свое согласие на исполнение плана.

Но в последующие часы будто кто-то намеренно высыпал совершенно неожиданные донесения. Подводные лодки и самолеты докладывали, что конвой вдруг поломал походный ордер, потерял строгие колонны, растянулся в одну линию на двадцать пять миль, крейсера повернули назад и пошли на запад, за ними двинулись эсминцы из непосредственного охранения, подчиненного Бруму. Штаб Шмундта в Нарвике не мог понять, что происходит.

5 июля на стол Карлса легли шифровки о труднообъяснимых маневрах флота союзников. Караван транспортных судов остался с минимальной охраной. Карлс понял, что наступил момент выпустить в море линейный флот.

Разведка подтвердила, что от Нордкапа и к западу от Медвежьего вплоть до самых льдов крупных кораблей нет.

Даже из штаба фюрера пришло одобрение. В 11 часов утра Шнивинд вывел корабли в море.

Не спускали глаз с семнадцатого конвоя и в английском адмиралтействе. По малейшим сигналам на огромных кар-

тах и глобусах в подземном бункере возле здания адмиралтейства отмечались любые изменения обстановки.

Еще в июне английской разведке стало известно, что фашисты намереваются уничтожить семнадцатый конвой восточнее Медвежьего. В том районе условия для немцев складывались выгоднее, чем для союзников. Германские самолеты с баз в северной Норвегии летают над теми районами почти постоянно. Англичане могли прикрыться самолетами только с авианосцев.

Чтобы нейтрализовать эту опасность, Тови предложил заманить немецкие линкоры западнее Медвежьего и там сокрушить их линейными и крейсерскими силами союзников и авианосцами. А приманкой должен был послужить семнадцатый конвой. Как только немецкий флот выйдет в море, конвою следовало дать другой курс. Линейная эскадра наверняка устремится в погоню. Там и захлопнуть для нее мышеловку. Но адмиралтейство не согласилось с этим замыслом.

Адмирал Тови настойчиво просил не посылать туда эскадру. Однако с опасениями его не посчитались.

Как только 1 июля немецкий самолет впервые обнаружил конвой, командир сил непосредственного охранения судов капитан 3-го ранга Брум снял запрет с радиопереговоров. Его команды кораблям и судам передавались по радиотелефону. О том, что обнаружен, он сообщил по радио Уайтхоллу, Тови, Гамильтону и в Исландию. Немцы ухватились за эти радиোগраммы. Эфир заполнился радиосигналами.

Радиোগраммы о немецких самолетах и подводных лодках возле каравана и о трех группах кораблей ложились на стол Паунда и передавались в оперативные кабинеты все чаще и чаще.

3 июля около 9 часов утра Гамильтон пошел курсом параллельно судам каравана, но севернее на двадцать пять миль. Он посчитал, что наступило время, когда его должен обнаружить немецкий флот.

На пути в довольно обширной морской акватории плавало множество полузатопленных спасательных шлюпок и резиновых надувных плотиков. Море все еще хранило следы

от шестнадцатого конвоя, который бомбили здесь немецкие самолеты.

Вскоре Гамильтона оповестили срочной радиограммой, что тяжелые немецкие корабли вышли в море. Вечером ему подтвердили эти сведения и уверили, что непосредственной угрозы конвою пока нет.

4 июля после 6 часов утра Гамильтон намеревался перевести свои крейсера южнее конвоя, плыть между Норвегией и охраняемым караваном. Линейные силы Тови двигались позади, эскадра шла на север, ко льдам, пересекала недавний след конвоя, чтобы миновать немецкие подводные лодки, находящиеся возле каравана.

Тови считал, что германские корабли нападут на караван до 6 часов утра 4 июля. В это время он займет выгодную нависающую позицию с севера. Ему и Гамильтону казалось, что клещи для неприятельского флота уготовлены. Только бы немецкие корабли погнались за приманкой.

Чтобы сбить немцев со следа, Гамильтон то уходил на север от каравана, то возвращался обратно. В одно из таких перемещений видевший его немецкий самолет донес, что перед ним плыл отряд кораблей с линкором. Путь крейсерской эскадры на восток заканчивался, скоро он должен был повернуть обратно.

Остров Медвежий, немного восточнее которого ожидали атаки конвоя, остался далеко позади. Немецкие корабли не появлялись.

4 июля у первого морского лорда в Лондоне почти весь день шли совещания. Искали ответа на вопрос: где находится немецкий линейный флот? Маршрут плавания линкоров и крейсеров близился к концу, его надо было либо продолжать, либо повернуть флот назад.

Паунд вызывал должностных лиц. Гнетущая атмосфера сгустилась в кабинете.

Наконец дали Гамильтону радиограмму с разрешением идти восточнее установленного рубежа.

4 июля в 4 часа дня Тови повернул свою линейно-авианосную эскадру на юго-запад, к Британским островам. Гамильтону он тоже отдал приказ на возвращение, но эскадра

все еще держала курс на восток. Ложная вторая труба на одном из крейсеров иногда заставляла немецких наблюдателей принимать его за линкор, два гидросамолета американского крейсера «Уичита» были восприняты торпедоносцами.

В девятом часу вечера на эскадру отправилась срочная шифровка. Через десять минут лорд Паунд написал радиogramму, в которой приказал конвою рассредоточиться и судам самостоятельно выбирать курс в русские порты. Когда Паунду сообщили, что его радиogramмы переданы, он доложил Черчиллю о своем решении.

На мачте судна, на котором шел командир каравана транспортов, взвился флаг, означающий «рассредоточиться веерообразно и поодиночке полным ходом следовать к месту назначения».

Командир отряда кораблей непосредственного охранения конвоя Брум принял решение присоединить эсминцы его отряда к крейсерской эскадре, где, считал он, они будут нужнее.

Остальным кораблям охранения Брум приказал разойтись в стороны и самостоятельно идти в советские порты. Через некоторое время такой же приказ плыть в Полярное получили от своего командования и две подводные лодки, вышедшие с конвоем из Исландии.

Никаких сообщений об этом решении ни в Москву, ни в Полярное английское адмиралтейство не послало.

Вскоре вся эскадра Гамильтона и отряд эсминцев Брума прошли на виду разбегающихся по разным курсам пароходов. На них с тоской смотрели стоящие по бортам моряки.

К полуночи все транспортные суда каравана остались без всякого охранения.

Командование Северного флота готовилось к встрече семнадцатого конвоя. Отряд надводных кораблей, специально укомплектованный и оттренированный, собирался принять суда в охранение в операционной зоне флота восточнее Медвежьего, за 20-м меридианом. На позиции у северо-западных берегов Норвегии, чтобы не пропустить выход немецких кораблей в море, уже несколько суток дежурили четыре подводные лодки, из них три крейсерские. Специалисты считали

их самыми мощными подводными рейдерами из всех флотов того времени.

В Порсангер-фьорде встали на дежурство еще две советские подводные лодки.

Большинство судов должно было разгрузиться в Архангельске. Встречать их, сопровождать через горло Белого моря, провести по фарватерам в минных полях, расставить вдоль причалов, оградить от атак подводных лодок и самолетов приготовилась Беломорская флотилия. Немецкие бомбардировщики в те дни не только разбомбили и выжгли Мурманск, причалы и городские кварталы Архангельска, они атаковали суда в Белом море.

Через английскую миссию в Полярном, возглавляемую контр-адмиралом Фишером, извещали о времени выхода конвоя из Исландии, сколько и каких транспортов и кораблей охранения в нем, о маршруте, о расписании прихода в Мурманск и Архангельск. Оперативный дежурный штаба флота следил за конвоем так же, как за своими кораблями.

С немецкой эскадры в Норвегии тоже старались не спускать глаз. Прощупывали эфир, время от времени посылали в ту зону самолеты, отстукали задания сидящим поблизости разведчикам.

О том, что немецкая эскадра покинула Альтен-фьорд, в штабе Северного флота знали. На корабли, предназначенные для встречи конвоя, и на подводные лодки на позициях пошла оповещающая радиограмма.

Известия о конвое поступали отрывочные. 4 июля радиосигналы с транспортов, атакованных подлодками и самолетами, сразу стали принимать радиоузел слежения за эфиром. Радиограммы эти немедленно докладывались командованию, но объяснения происходящему пока не находили.

О принимаемых рискованных решениях по конвою Уайтхолл командование Северного флота не информировал. Не все, видимо, знал и глава их военной миссии в Полярном. Ни предотвратить одностороннее решение о прекращении конвоирования, ни предпринять меры по охране каравана с моря и с воздуха, по встрече и проводке его в порты советское морское командование было лишено всякой возможно-

сти. Конвой подходил уже к 20-му меридиану, а советские корабли для встречи и сопровождения не были вызваны.

Во второй половине дня 5 июля подводная лодка капитана 2-го ранга Лунина несла дежурство в Норвежском море, недалеко от острова Ингей.

Лунин получил две радиограммы командующего флотом, извещавшие о выходе немецких тяжелых кораблей в море. Около половины пятого пополудни акустик услышал шум винтов приближающихся кораблей. Почти сорок минут лодка шла навстречу эскадре. Лунин подвсплыл на перископную глубину и быстро осмотрелся. Вражеская эскадра не почуяла лодку и пропустила ее под собой почти в середину.

Долго изворачивал Лунин свою огромную лодку на глубине: линкор вилял противолодочными зигзагами, постоянно менял курс. За его поворотами послушно следовали и другие корабли. В какой-то момент лодка и линкор шли встречным курсом. Лунин поставил лодку на направление для залпа. И тут бронированная машина сделала очередной поворот. Нужный курсовой угол и дистанция стрельбы совпали, когда лодка повернулась к линкору кормой. А там четыре торпеды. И лодка выпустила их по «Тирпицу».

Вскоре донеслось два взрыва.

Через полчаса лодка подвсплыла под перископ. Вражеские корабли из видимости скрылись.

Радист передал в эфир оповещение о немецкой эскадре. Радиограмму приняли в Полярном, на английских кораблях, ушедших далеко на юго-запад, в Скапа-Флоу, в Нарвике, в Германии.

Примерно через час эскадру отыскал английский самолет, а затем и их подводная лодка.

Прошло еще немногим более часа. Эскадра легла на обратный курс. «Тирпиц» двигался в охранении остальных кораблей замедленным ходом.

После непродолжительной стоянки на якоре в Альтенфьорде и пополнения горючим корабли отбыли в Нарвик. А на картах в английском адмиралтействе их все еще помечали идущими к обезоруженному семнадцатому конвою.

Линкор встал на многомесячный ремонт.

В германском Верховном и в морском командовании возобладало мнение, что выход эскадры даже без соприкосновения с неприятельскими морскими силами, не потерпев ни малейшего для себя ущерба, достиг поставленную цель: распугал конвойные корабли, заставил их бросить транспортные суда на произвол судьбы. И до нынешних времен некоторые немецкие военные историки придерживаются этой позиции. В то же время они стыдливо умалчивают, как обнаруженный Луниным торпедированный «Тирпиц» вместе с охранением не рискнул приблизиться к беззащитному семнадцатому каравану и позорно бежал в норвежские фьорды. С тех пор он больше ни разу не вышел в открытое море.

Попытка английского адмиралтейства заманить «Тирпиц» в ловушку не состоялась. Дальнейшая судьба транспортных судов теперь меньше всего занимала умы английских морских стратегов.

Для политических деятелей Британских островов представилась возможность внешне мотивированно отложить проводку конвоев или отказаться от них совсем.

Конвой распался, корабли охранения, эскадры тяжелых кораблей союзников покинули эти воды и поспешили в свои базы.

После того как Брум увел с собой шесть эсминцев, возле каравана осталось еще двенадцать кораблей охранения. Правда, по вооружению, по огневой мощи, по скорости хода они ни в какое сравнение с ушедшими кораблями Гамильтона и Брума не шли, но все же от атак подводных лодок, торпедоносцев и бомбардировщиков караван они защитить могли.

Поступившая из адмиралтейства команда рассыпаться застала на плаву тридцать транспортов, танкер, два спасательных судна, двенадцать кораблей охранения, в море сомкнутым строем шло еще сорок пять выпелов.

Никакого старшего командира над транспортными судами и кораблями охранения не оставили, и никто не принял на себя командование по собственной инициативе.

Сторожевой корабль «Даниэла» сразу же изменил свой курс на Архангельск. Старшим среди кораблей охранения остался противовоздушный корабль «Поломарес». Коман-

дир его, пользуясь правами старшего по рангу, поставил возле себя с правого и с левого бортов тральщики «Бритомарт» и «Хэлсион», и они на полной скорости оставили далеко позади себя транспортные суда. Прикрывая друг друга от подводных лодок и от самолетов, спешили строго на восток.

Два сторожевика — «Ла-Малоне» и «Лотос» — и противовоздушный корабль «Позарика» шли вместе курсом на северо-восток, к паковым льдам. Утром 5 июля к ним присоединилось спасательное судно «Рэтлин». Все помещения и палубы на нем были забиты подобранными моряками с пострадавших судов «Уильям Хупер» и «Найварино». Они вошли в мелкое ледяное крошево.

Немного южнее их набирали скорость сторожевой корабль «Поппи» и противолодочный траулер «Айршир». Не надеясь благополучно дойти через опасные подходы в Архангельск и Мурманск, командир «Айршира» повернул свой корабль на обратный, северо-западный курс. Он намеревался уйти к острову Надежды. В пути взял под охрану судно «Айронклэнд», панамский сухогруз «Трубэдуэ». Утром 5 июля присоединил к себе еще одно американское судно, «Сильвер Сод». Вечером траулер углубился от чистой воды на двадцать пять миль, завел три подобранные им транспорта во льды, приказал погасить котлы, чтобы не выдавать свое присутствие дымом. Правые борта, надстройки корабля и судов, грузы на них, обращенные в сторону чистого ото льдов моря, покрасили белой краской. Они терялись из виду даже на сравнительно небольшом расстоянии. Пролетавшие позднее немецкие самолеты не разглядели их. Отстаивались во льдах чуть более суток, до позднего вечера 6 июля. Потом ветер с юга стал сжимать льды. Командир «Айршира» малым ходом, продавливая их тяжестью корпусов, вывел пароходы на чистую воду и направился с ними к Новой Земле. Через двое суток хода впритирку к кромке льдов оказались у северной оконечности Новой Земли, оттуда перебрались в Маточкин Шар, установили контакт с русским постом, состыковались с другими пришедшими сюда судами, простояли там до 20 июля. Дальнейший их путь предполагался в Архангельск.

Первым из покинутых судов немецкая подлодка потопила

в восьмом часу утра 5 июля английское грузовое судно «Эмпайр Байрон». Трюмы и палубы его были загружены новыми танками «Черчилль». Сорок два члена экипажа спаслись на шлюпках. Подлодка всплыла, прихватила в плен капитана инженерных войск, инструктора по обучению танкистов, и судового инженер-механика. Оставшимся на шлюпках пришлось доверить свою судьбу воле случая в открытом море за многие сотни миль от берега. Восемнадцать моряков пошли на дно вместе с потонувшим судном.

Американский сухогруз «Карлтон» был загружен танками, боеприпасами, взрывчаткой. В одиннадцатом часу 5 июля в него попало две торпеды. Судно перевернулось вверх дном и ушло под воду. С ним потонуло три моряка. Остальные спасались на шлюпке и четырех спасательных плотиках, взяв курс к советским берегам — до них было не менее четырехсот миль.

Возвращавшиеся с налета немецкие торпедоносцы обнаружили шлюпку и плотики с экипажем «Карлтона». Один сел на воду, подрулил к шлюпке. Летчики прихватили в плен двух моряков. Через два часа возле шлюпки и плотиков приводнился огромный санитарный самолет «Дорнье-24», взявший в плен еще десять человек. Через три часа прилетевший самолет посадил десять моряков, четвертый подобрал двоих.

На шлюпке и плотиках осталось семнадцать человек. Они собрались на шлюпке, взяли на буксир плотики и под парусом пошли к советскому берегу.

Пленных американских моряков убедили в том, что их судно потопила английская подводная лодка. Потом немецкие радиостанции шумели в эфире, что капитан «Карлтона» норвежец Хансен сам привел судно в Норвегию и добровольно сдал его немецким властям с весьма ценным грузом. А моряков с этого парохода перемещали из лагеря в лагерь в Норвегии, в Дании, в Германии. Были они и в главном лагере пленных военных моряков в Вильгельмсхафене. И повсюду их представляли как по своей охоте сдавших судно. И из лагеря в лагерь за моряками «Карлтона» текла эта постыдная молва.

Подлодка, потопившая «Карлтон», долго преследовала американское судно «Даниэл Морган», но его атаковали «юн-

керсы» одна группа за другой. Больше суток оно отбивалось от бомб. От близких разрывов в корпусе появились пробоины, трюмы с одного борта затопило водой, крен все увеличивался. Половина команды спустилась на шлюпки. Остальные пытались заделать пробоины, откачать воду. Командир кравшейся по следу подлодки разглядел, что пароход беспомощен, выпустил одну за другой две торпеды. Море забурило и сомкнулось над еще одним утопленником. Лишь невдалеке держались на воде три спасательные шлюпки. Утром 6 июля их пассажиров подобрал советский танкер «Донбасс», державший курс к Белому морю.

Невдалеке от потонувшего судна пыхтел транспорт «Файрфилд Сити», отплававший двадцать лет американский пароход, выжимавший из своих свистящих паром котлов все до последнего предела, чтобы держаться возле противовоздушного корабля и двух тральщиков.

Противовоздушный корабль «Поломарес», получив команду покинуть конвоируемые суда, просигналил идущим невдалеке трем тральщикам, спасательному судну, чтобы они следовали за ним, и, прибавив скорость, стал уходить на восток. Его напарники не отставали, шли по бортам и в кильватер.

За ними пытались увязаться два транспорта. Один вскоре потонул, другой плыл, заметно отставая от боевых кораблей.

К «Поломаресу» и его окружению надеялись прижаться еще два транспорта: «Бенджамен Харрисон» — крупный американский пароход, недавно вошедший в строй, и «Джон Уайтерспун» — почти однотипный его однолеток.

Они рассчитывали, что корабли возьмут их под свою защиту, доведут до порта. Однако четыре боевых корабля не были намерены охранять пароходы.

Вскоре после полудня на фалах «Поломареса» взвились флаги, что он и его спутники меняют курс. Транспортным судам предписывалось идти по прежнему направлению. И корабли исчезли за горизонтом.

Капитан «Джона Уайтерспуна», не дойдя до Новой Земли миль двадцать, повернул судно ко входу в Белое море. Его настигла подводная лодка и около пяти часов вечера 6 июля

четырьмя торпедами утопила. Сигнал бедствия радист подать не успел. Почти весь экипаж — один моряк потонул с судном — на шлюпках собрался искать землю.

Три бомбардировщика навалились на «Сити». Бомбы попали в корму и на ходовой мостик. Судно с танками отправилось на дно. Спасательные шлюпки с оставшимися в живых моряками поплыли на поиски ближайшего берега. Скорее всего ожидали выйти к Новой Земле.

Два новых американских парохода все еще спешили на восток, надеясь на спасение. Почти в те же часы подводная лодка, не всплывая на поверхность, упорно старалась догнать бороздящий моря и океаны уже третий десяток лет американский пароход «Хоному». Но три ее торпеды прошли мимо. Пока лодка готовилась к новой атаке, в судно с другого борта попала сначала одна, а затем вторая торпеда. За добычей гнались два охотника. Судно разломилось пополам и быстро ушло под воду вместе с девятнадцатью моряками экипажа. Тридцать семь человек на шлюпках еще не успели отойти от бурлившей воды, когда поблизости всплыли одна за другой три подлодки. Капитана потопленного судна пленили, остальным велели искать спасения, как смогут.

С американского судна «Самуэл Чейз» видели подводную лодку, спешащую вдогонку за другим транспортом. Капитан новейшего «Самуэла Чейза» приказал экипажу спуститься в спасательные шлюпки. Два часа ходили на веслах возле дрейфовавшего парохода. Но его никто не трогал. Тогда поднялись обратно на борт и пошли опять на восток.

К вечеру 5 июля погибло десять пароходов с военными грузами.

Долго горел ярким пламенем много поплававший американский транспорт «Питер Керр». Два часа подряд его атаковали самолеты, сбросили тринадцать торпед, но рулевые и капитан столь умело маневрировали, что все они прошли мимо. Потом налетели бомбардировщики, три бомбы угодили в надстройки и трюмы. Команда пожара погасить не могла, покинула судно, оно взорвалось и затонуло.

Три судна: «Болтон Касл» — английское, «Паулус Поттер» — голландское, «Вашингтон» — американское — торо-

пились на север, поближе ко льдам и подальше от немецких аэродромов. За ними увязался американский транспорт «Олопана». Но этот великовозрастный сухогруз был слишком тихоходен. И он отстал от собратьев.

Английский пароход был самым оснащенным: здесь находилось 100-миллиметровое противолодочное орудие, зенитные пушки и автоматы, четыре легких пулемета. Поэтому два его спутника старались держаться на небольшом удалении от него.

Самолеты обнаружили эту тройку, дважды бомбили «Вашингтон», но в судно не попали. Близкими разрывами повредило рулевое управление, местами обшивка разошлась, в трюмы полилась вода.

Команда спустилась на шлюпки, пароход остался дрейфовать, начался пожар.

«Юнкерс» сбросил на «Болтон Касл» три бомбы. Одна попала в трюм со взрывчаткой, но сотни его тонн не взлетели мгновенным взрывом, а разгорелись тысячеградусным пламенем. Плавился стальной корпус, поплыло размякшее стекло в иллюминаторах. Морская вода, попав в бушующий огнем трюм, мгновенно взлетала вверх раскаленным паром.

«Болтон Касл» погружался носом в воду, команда торопливо уходила на шлюпках как можно дальше.

В «Паулус Поттер» тоже попала бомба. Судно перестало слушаться руля. Экипаж уселся в шлюпки и присоединился к шлюпочному отряду от других гибнущих судов.

Отставшая было «Олопана» приблизилась к этому скопищу шлюпок и предложила морякам принять их на борт, но те наотрез отказались. Они не хотели больше испытывать судьбу.

Шлюпочный караван разделился: экипажи двух судов пошли к Новой Земле, а третий — искать материковый советский берег. Полторы сотни моряков остались ждать свою судьбу в огромном просторе моря.

Покинутый командой «Паулус Поттер» покачивался на плаву. Через восемь дней его обнаружила дрейфующим немецкая подводная лодка. Судно казалось безжизненным. Несколько человек из экипажа лодки поднялись на борт, обошли пароход, заглянули во все помещения, взяли сейф с

документами, где были точные данные о конвое, новый сигнальный код. Последней торпедой лодка утопила пароход.

Два спасательных судна — «Замалек» и «Зафаран», полагая, что вместе они составляют внушительную огневую силу, пошли поблизости. Вечером 5 июля они наткнулись на вереницу судов: эскадренный танкер «Олдерсдейл», английское судно «Оушн Фридом» и тральщик «Саламандер». При трех боевых кораблях шло два судна.

Вскоре их атаковали «юнкеры». Танкер от близких разрывов лишился хода, но оставался на плаву. Остальные его спутники задержались возле пострадавшего собрата. Только «Зафаран» ушел один. Его настигли самолеты и потопили. Команду — почти сто человек — подобрал спасатель. Поврежденный танкер пытались затопить: в машинном отделении взорвали несколько глубинных бомб, из пулеметов обстреляли цистерны с бензином. Танкер ни тонуть, ни гореть не хотел. Его оставили плавать, предоставив судьбу либо морю, либо подлодкам, либо самолетам. Экипаж ушел на «Саламандере» к Новой Земле.

В трюмах английского судна «Иэлстон» находились взрывчатка и боеприпасы. Перископы трех подводных лодок старались не терять его из виду. Бомбардировщики сбросили серию бомб, но те, взорвавшись невдалеке от бортов, окатили палубы и надстройки огромными лавинами воды. Судно остановилось. Команда не стала ждать, когда оно пойдет ко дну, расселась на шлюпки и поспешила отойти подальше.

Всплыли три подлодки. Одна из торпед угодила в трюм со взрывчаткой. «Иэлстон» выкинул огромный всполох взрыва, разломился и исчез под водой. Капитана судна немецкие подводники переправили к себе.

Плавающее всего пятый год английское судно «Ривер Афтон» получило в борт две торпеды. Команда пыталась спасти его, но врезалась третья торпеда. Погибло 23 члена экипажа, остальные отправились на шлюпках в поисках спасения. Для этих 36 испытания закончились благополучно, их подобрал сторожевик «Лотос».

Судно «Пэнкрафт» было загружено взрывчаткой и самолетами. Вечером 5 июля на него сбросили бомбы три само-

лета. Команда оставила его, шлюпки покачивались на воде у борта парохода. Радист передал в эфир радиogramму о бомбежке и о своем местонахождении.

Сторожевой корабль «Лотос», приняв сигнал бедствия, вернулся туда, где полыхал во льдах «Пэнкрафт». Сторожевик подобрал со спасательных шлюпок около тридцати моряков, обстрелял уже безнадежное судно из орудия и многоствольных автоматов и поспешил из опасного места дальше на восток.

Горящий факелом пароход видели с «Олопаны», которая до этого оказалась свидетельницей последних минут недавних своих спутников по плаванию. Судно горело еще сутки, а потом начиненные взрывчаткой трюмы разнесли его на куски.

5 июля — в первый день безнаказанного избиения конвоя — только подлодки потопили шесть транспортов.

Как только сведения о том, что конвой рассыпался и транспортные суда разошлись по разным направлениям, дошли до Полярного, командующий флотом приказал выслать в море корабли на поиски транспортов и для сопровождения их в Мурманск и Архангельск.

Ежедневно в море выходили по три-четыре эсминца и осматривали всю акваторию от Кольского залива до Канина Носа и до 73-й параллели. Круглосуточно над этими же водами летали флотские гидросамолеты и бомбардировщики. В Поной, ближе к горлу Белого моря, перелетел 95-й истребительный авиаполк. Тральщики Беломорской флотилии почти непрерывно прочищали фарватеры от сбрасываемых с воздуха мин.

Чтобы пересечь пути возможного выхода в восточную часть Баренцева моря легких немецких надводных кораблей, на позиции возле Порсангер-фьорда встали еще две подводные лодки.

Танкер «Донбасс» донес по радио, что он идет в Белое море. Встречать его вышел сторожевик «Сапфир». Немецкие самолеты атаковали его, сбросили семьдесят бомб, все они прошли мимо корабля, но от близких разрывов в корпусе оказалось много повреждений и сторожевик лишился хода. Команде удалось частично исправить повреждения и

продолжить путь. Вскоре его встретили два тральщика и довели до базы.

«Донбасс» вместе с двумя судами союзников пришел в Архангельск.

Эсминец «Гремящий» дважды доходил до паковых льдов.

Рассыпавшиеся по огромному океанскому простору одиночные суда и корабли конвоя манил к себе пролив Маточкин Шар, разделивший Новую Землю на два острова. Там лучше всего можно было укрыться от подводных лодок и самолетов.

Около полудня 6 июля туда первыми добрались противозвоздушный корабль «Поломарес», тральщики «Бритомарт», «Хэлсион» и «Саламандер». С ними втянулось в пролив спасательное судно «Замалек», до предела переполненное экипажами с потопленных судов.

В Лагерном к борту «Поломареса» подошли на моторной шлюпке русский офицер и матрос. Произошел первый короткий разговор о трагедии конвоя. Советские представители пообещали донести своему командованию о пришедших кораблях союзников. Они же сказали союзным офицерам, что восточная часть пролива Маточкин Шар забита льдами, на кораблях через них не пройти.

В конце дня туда пришли «Позарика», сторожевики «Ла Малоне» и «Поппи», встали по соседству с теми, что бросили якоря утром.

Четыре судна — «Хузиер», «Самуэл Чейз», «Эль Капитан» и «Бенджемин Хэррисон» встретил в море вышедший из Маточкина Шара на поиски сторожевик «Ла Малоне» и привел их к стоянке кораблей в проливе, потом появились «Лорд Миддлтон» и «Нортерн Джем». Вскоре за ними в бухту вошел сторожевик «Лотос» с подобранными в море людьми с погибших судов.

В Маточкином Шаре набралось полтора десятка вымпелов. Семь судов держали курс возле льдов к Новой Земле.

После того как «Джон Уайтерспун» повернул на юг и погиб, «Алькоа Рейнджер», «Эмпайр Тайд», «Беллингэм», «Хатлбьюри», «Олопана» и «Уинстон Сэйлем» менять направление не рискнули и продолжали плыть к Новой Земле.

Их отыскал немецкий воздушный разведчик.

Американское судно «Пан Атлантик» с грузом танков, стали, никеля, алюминия, взрывчатки намеревалось с ходу прорваться в Белое море. Две подводные лодки кинулись за ним в погоню. Одна из них после многочасовой гонки изготовилась к атаке, но в этот момент появился «юнкерс», сбросил на судно бомбы. Две попали в трюм со взрывчаткой, судно переломилось и затонуло. Двадцать шесть человек канули вместе с обломками парохода.

Плавающее двадцать второй год английское судно «Олопана» упорно шло на восток.

«Олопана» подошла к северной оконечности Новой Земли. Подходящего места, чтобы ошвартоваться или встать на якорь, там не нашлось. Капитан повернул судно к южному берегу острова, надеясь найти бухту, свободную ото льда. Судно благополучно преодолело почти весь путь, но не зашло в пролив Маточкин Шар, видимо, считая, что он забит льдом.

Во втором часу ночи на 8 июля его подорвала одной торпедой подводная лодка. Торпеда попала в машинное отделение, разворотила все, словно вихрь, в пробоину хлынула вода. Подлодка всплыла и изрешетила его сорока снарядами. Шестеро из команды не могли выбраться из заполненных водой помещений.

Эта же лодка потопила перед этим американское судно «Алькоа Рейнджер». Правда, после того как экипаж покинул судно и разместился на шлюпках, продырявленный пароход держался на воде еще четыре часа.

Днем 7 июля подводная лодка на обратном пути от Новой Земли увидела танкер «Олдерсдейл». 5 июля «юнкерсы» повредили его. Команда ушла на шлюпках. Теперь болтавшийся по воле волн танкер дотопить ничего не стоило.

Плававшее всего пять лет английское судно «Хатлбьюри» в прошлом конвое при возвращении в Англию таранило и потопило вражескую подводную лодку. Немецкие подводники взяли его на заметку.

Теперь оно шло вдоль западных берегов Новой Земли на юг. Остров виделся хорошо, до него было всего три мили. Около семи часов вечера 7 июля в борт попали две торпеды. Потом взорвались еще две. Судно переломилось. Команда,

кроме трех утонувших, взобралась в спущенную шлюпку и на спасательные плотики. Но шлюпка еще при спуске зачерпнула через борта из моря, людям пришлось и сидеть и стоять в воде. К утру в живых осталось только пятеро, 15 умерли. Потом еще один выпрыгнул и поплыл к берегу... На спасательном плотике из 14 человек осталось тоже пятеро. Умерших столкнули в море. Плотик прибило в бухту на Новой Земле. Там стояло американское судно, на него подобрали пострадавших. Второй спасательный плотик с девятью моряками на следующее утро сблизился со спасательной шлюпкой, на которой оставалось только четверо. Вместе дошли до безлюдного островка. Собрали выброшенные морем бревна, разожгли костры, высушились, отогрелись. Потом отправились на шлюпке дальше, пока не наткнулись на американский пароход «Уинстон Сойлем». Капитан его, наслушавшись множества сигналов бедствия о гибнущих судах, направил свой пароход в губу Обседея. Затворы с орудий выкинули в море. Команда во главе с капитаном спустилась на берег, переправила провизию и развернула лагерь возле маяка. Туда и пришли моряки с двух потонувших судов — «Хатлбьюри» и «Олопана».

В этот лагерь прилетал известный полярный летчик Герой Советского Союза Мазурук. О том, как вел себя капитан судна, что делалось в лагере, красноречиво описал в своей книге «Вместе с флотом» адмирал Головкин.

Четырехмоторный бомбардировщик «Фокке-Вульф-200» отыскал на подходах к Белому морю американское судно «Беллингем». Впереди него шел спасатель «Рэтлин». До Архангельска оставалось ходу примерно полсуток. Атакующий бомбардировщик встретили огнем лишь небольшие судовые орудия. Два его мотора загорелись. Полыхающая машина рухнула в воду и затонула. Шестеро летчиков канули вместе с ней.

Два основных острова Новой Земли протянулись с севера, от мыса Желания, на юг, до мыса Меншикова, примерно на тысячу километров. Ширина их от 200 до 250 километров. Разделяет острова извилистый, довольно глубокий пролив

Маточкин Шар. Правда, восточная часть его несколько мельче, чаще сплошь забита льдами Карского моря.

Снежные вершины каменных гор даже в теплую летнюю пору не сбрасывают снежный покров. Туманы часто подолгу висят над островами. Жестокие штормы и снежные бураны бушуют осенью и зимой.

Война вовлекла эту нелюдимую, холодную землю в свое пожарище. Кораблям, которые несли боевое дежурство в восточной части Баренцева моря и за Карскими воротами, иногда приходилось отстаиваться в бухтах острова. Маяки, посты, радиостанции были разбросаны по острову на десятки, а то и сотни километров друг от друга.

В военное лихолетье тут тоже гибли защитники Отечества.

В июльские дни сорок второго года, держась как можно ближе к кромке льдов, сюда устремились оставшиеся на плаву суда семнадцатого конвоя.

Командир каравана транспортных судов Даунинг пришел на Новую Землю на «Лотосе». 7 июля вскоре после полудня он собрал на «Поломаресе» всех командиров кораблей и капитанов судов. После споров и выяснения разных точек зрения посчитали наиболее разумным как можно быстрее пробиваться в Архангельск. Вечером 7 июля отряд кораблей и судов вышел с надеждой прорваться в Белое море. Впереди было девятьсот миль пути.

Вскоре конвой вполз в сплошной туман. Одно судно сразу же повернуло назад.

По радио Даунинг получил сообщение, что из Архангельска встречать караван вышли три советских эсминца и сторожевик «Даниэла». Он первым из кораблей конвоя прорвался в Архангельск, принес трагическую весть о семнадцатом конвое.

8 июля во второй половине дня натолкнулись в тумане на сплошное месиво крошеного льда. В ледяной ловушке обнаружили шлюпку под красным парусом. В ней находились девятнадцать обреченных моряков с «Джона Уайтерспуна». Их подобрали на судно.

Только на следующее утро смогли выбраться на чистую воду, но к Белому морю хода не было: чтобы попасть в него,

следовало идти на север, обходить ледяные нагромождения. Подобрали еще одну шлюпку с двадцатью тремя моряками с «Пан Атлантика».

Но в тумане и во льдах конвой расползся по сторонам. На чистую воду вышли порознь и в разных местах. Те, кто в паковый лед далеко не вполз, повернули на запад и ушли вперед, оставив шесть судов, зажатых льдами. Они подобрали еще одну шлюпку с «Джона Уайтерспуна» с двадцатью девятью моряками.

9 июля в девятом часу вечера они вышли из тумана и по чистой воде повернули к Белому морю. Здесь их словно ждала подводная лодка. Она и вызвала самолеты с аэродрома Банак.

Около полуночи начались атаки пикировщиков. Первая группа сбросила бомбы мимо целей, бомбы второй взорвались поблизости от транспорта «Хузиер». Местами корпус по стыкам разошелся, вода потекла в трюмы и нижние палубы. Команда покинула пароход. Конвоирующие корабли из орудий расстреляли транспорт и оставили его полыхающим от носа до кормы.

Атаки пикировщиков чередовались волна за волной. Бомбы повредили «Эль Капитана», машинное и котельное отделение залило водой. Команда оставила объятый пламенем пароход. Ее подобрал траулер «Лорд Остин».

Конвойные корабли ушли вперед на полной скорости. На «Эль Капитане» раздалось несколько сильных взрывов, и он пошел на дно.

Около трех часов ночи 10 июля несколько бомб взорвались вблизи спасательного судна «Замалек», оно стало неподвижной целью. Весь его экипаж, моряки, подобранные спасателем, — все лихорадочно старались спасти судно. И оно ожило, пошло своим ходом, отказавшись от помощи противовоздушного корабля.

Отбившуюся в тумане и возле льдов вторую группу малых кораблей и два транспортных судна — «Оушн Фридом» и «Самуэл Чейз» — обнаружила подводная лодка и не отставала от них ни на кабельтов. Радист постоянно сообщал в эфир, куда и какой скоростью идут корабли и суда.

Бомбардировщики с аэродрома Луостари взлетели на перехват этой группы. Шестнадцать «юнкеров» несколькими заходами сбросили бомбы, ни одна в цель не попала, но от близких их разрывов на судах случилось много поврежденных. Немцы засчитали их потопленными, но одно судно своим ходом, а второе на буксире все же дошли до Иоканки.

Здесь собралось восемь эскортных кораблей из семнадцатого конвоя, вышедших с Новой Земли. В сопровождении советских эсминцев и тральщиков и под прикрытием истребителей и пикирующих бомбардировщиков они ушли в Белое море, после полудня 11 июля пришвартовались к причалам Архангельска. Раньше их там встали на швартовы спасательное судно «Рэтлин», транспорт «Беллингем» и танкер «Донбасс».

Через день в соседний беломорский порт пришел из Иоканки «Самуэл Чейз». Три судна из тридцати семи дошли до Архангельска.

Поиски рассыпавшихся по морскому простору судов продолжались. Навстречу вышедшему из пролива Маточкин Шар отряду кораблей и судов у входа в Белое море поднялись бомбардировщики и истребители. Севернее Святого Носа они сбили четыре «юнкера» и повредили три.

В залив Моллера на севере Новой Земли, где сидел днищем на грунте американский пароход «Уинстон Сэйлем» с поселившейся на берегу в палатках командой, вышли четыре тральщика, транспорт «Диксон» и три английских корвета. Транспорт сняли с мели, на буксирах повели в Архангельск. У острова Колгуев охранение пополнили два тральщика. Судно благополучно довели до причалов.

Тральщик и минный заградитель «Мурман» сходили к южной оконечности Новой Земли, обошли все бухты. На берегу и в море выбрали моряков нескольких шлюпок. 4 июля танкер «Азербайджан» был поврежден торпедой при первом налете. Позже он догнал конвой и шел с ним до тех пор, пока караван не распался. Когда все разошлись в разные стороны, капитан повел судно к Новой Земле, своим ходом доплыл до Русской гавани в пролив Маточкин Шар. Туда пришло еще пять транспортов союзников.

За ними приплыли «Мурман», тральщик и четыре корвета, у Колгуева встретили эсминцы «Куйбышев» и «Урицкий» и пять английских кораблей. В Белом море над ними висели истребители. Суда ошвартовались в Архангельске. На исходе были последние дни июля.

За 20 суток корабли Северного флота для встреч, поисков и сопровождения семнадцатого конвоя выходили в море более 190 раз.

Остатки конвоя — 11 транспортных судов — встали под разгрузку в советские порты. На причалы спустилось около 900 автомашин, 164 танка, 87 самолетов. На дно ушло 24 транспорта, с ними утонуло более 3300 автомашин, 380 танков, 210 самолетов, тысячи тонн боеприпасов.

Политическим деятелям Британских островов теперь представилась возможность убедительно и мотивированно отложить проводку конвоев или отказаться от них совсем. Драма семнадцатого конвоя осталась не полностью разгаданной тайной для историков. Многие брались за ее решение, но истину так и не нашли. Весьма обстоятельно ее исследовал английский историк Давид Ирвинг, но и он признает, что ему тоже не выпало счастья в массе документов и архивов адмиралтейства докопаться до сути.

В этой главе лишь схематично показан трагичный путь семнадцатого конвоя.

А в это время в южных степях Украины и России полыхало пламя грандиозного сражения.

Глава восьмая

Разведчики, заброшенные в Сюльтевик, несли свою вахту беспрерывно.

Время было летнее, светло круглые сутки. Видимость на море почти постоянно хорошая, лишь изредка наплывали туманы.

Немецкие конвои, опасаясь нападений самолетов и подводных лодок, иногда отстаивались в проливах либо за островами, выжидая туман, дождь или сильный ветер, чтобы в непогоду проскочить какой-либо протяженный отрезок пути,

не прикрытый с моря островами или мысами. Такой далеко просматриваемый путь не только через весь Сьюльте-фьорд, но почти от Маккеура до Хамнинберга и лежал перед глазами разведчиков.

Для Сёдерстрема, Чижевского и Енсена пятый месяц дежурства был довольно плодотворным, они передали уже более полусотни сообщений о прохождении вражеских конвоев, по их наводке на морское дно отправилось восемь транспортов.

Появившиеся у них в мае Аспос и Микельсен четвертый месяц жили вдали от своей базы на Арнее. Они помогали приютившим их разведчикам, делили с ними вахту. Помощь была весьма полезной, особенно когда Сёдерстрем или Енсен, а то и оба одновременно уходили для встреч со связными в другие селения, к рыбацким и сенокосным избушкам в десятке-другом километров в глубине материка.

Альфхильд по-прежнему готовила на эту ораву из пяти-рых мужиков, ходила на шлюпке ставить и проверять сети, приносила улов, — только в ненастье ее иногда подменял кто-то из разведчиков в этом нелегком промысле, все так же раз в неделю навещала мужа Андреаса в Хамнинберге. При крайней нужде отправлялась на связь с ближними и дальними соседями, передававшими ей вести для Сёдерстрема.

Наступил сентябрь — время темное, ненастное. Ночи стали длинными и непроглядными. Нести вахту становилось труднее, море смутно проглядывалось не только ночью, но и днем. А суда чаще всего, особенно на восток, шли с потушенными сигнальными бортовыми и мачтовыми огнями. Помогало то, что кроме разведчиков за немецкими базами и кораблями следило еще много глаз норвежцев, живших в больших и малых селениях.

В Киберг одному из братьев Эриксонов позвонил по телефону из Ньюборга Бакел Эндерсен. К такому средству связи прибегали лишь в экстренных случаях. Бакел намекнул Сигурду, что к нему привезли посылочку из Альтен-фьорда, из Боссехопа, сам он приехать не может, передаст ее Перу Эндерсену из Вадсё, а тот доставит в Киберг. Гостинец дол-

го храниться не может, его надо поскорее переправить в Перс-фьорд Гудвару Ульсену к празднику. Спустя сутки весть достигла Сюльте-фьорда, Чижевский экстренно вышел в эфир, и через полчаса Головка читал донесение, что тяжелые крейсера «Шеер», «Хиппер», «Кельн» и шесть эсминцев пришли в Альтен-фьорд, встали на якоря, готовятся к выходу в море.

Командующий флотом приказал самолетам-разведчикам не спускать глаз с этой эскадры, а если она покинет Альтен-фьорд и пойдет в открытое море, немедленно известить английскую миссию в Полярном.

— Поблагодарите людей в Сюльтевике за сведения, вернутся — присовокупите это в наградных листах, — приказал Головка.

— Есть, товарищ командующий. — Визгин быстро сделал какие-то пометки в своем блокноте.

— Сведения к ним прошли по длинной и сложной цепочке. Она может в любой момент порваться в каком-то звене. Этот канал не надежен.

Далее Головка сказал Визгину, что надо побыстрее посадить людей возле тех фарватеров, где корабли собираются для выхода из фьордов в открытое море. Лучше на островах севернее Тромсё. Прошлая неудача высадки группы Аспоса чувствуется и теперь.

В Сюльтевике Сёдерстрем и его товарищи с удовольствием прочитали радиограмму, в которой база благодарила их за сведения об эскадре. Даже устроили по этому поводу праздничное чаепитие.

Дело шло к зиме. Как-то в домике сидел Оскар Енсен и поглядывал через окно на Сюльте-фьорд и неоглядную даль за ним.

Неожиданно в прихожую вошла женщина. Альфхильд ее знала: раньше та жила в Вардё, но в войну, когда город стали то бомбить, то обстреливать и часть жителей разъехалась по мелким поселкам побережья, эта женщина обосновалась в соседнем селении.

Как только в доме появилась незнакомка, Енсен вышел на улицу и отправился по тропе в горы.

Пришелица поинтересовалась у Альфхильд, кто у нее квартирует без мужа. Хозяйка ответила, что ненадолго появился знакомый из Вардё. Гостыя сменила тему разговора, но про себя отметила, что этого человека она в Вардё не встречала.

Разведчики старались реже находиться в домике вместе, они либо спускались поодиночке к морю, либо уходили в недалекие горы. Только самая ненастная погода да ночь собирали их в дом на ночлег.

Однажды Аспос повстречал в долине неизвестного мужчину. Разговора друг с другом они не затеяли, лишь коротко кивнули в знак приветствия и разошлись каждый своей дорогой. Аспос остался в укрытии возле сопки, а пришелец зашел к Альфхильд и спросил ее, кто тут разгуливает невдалеке от ее дома. Находчивая Альфхильд за объяснениями в карман не лезла, ответила, будто мужчина из Перс-фьорда ищет пропавшую лошадь. Успокоенный ходок из Вардё ушел.

Когда Альфхильд рассказала о случившемся разведчикам, они решили, что впредь надо быть осторожнее и возле дома, и в горах, и по пути к дому старательно осматриваться, проверяться, не притащить за собой «хвост». Видимо, спокойное житье за летние месяцы их разбаловало.

Норвежские друзья при встречах тоже советовали беречься, говорили, что надо иметь какое-то запасное пристанище. Сёдерстрем попросил их что-нибудь придумать, и они сколотили невдалеке от берега дощатый, утепленный мхом и опилками домик, а потом и второй — километрах в семи-восьми от побережья в укрытой от ветров и чужого взгляда укромной теснине между сопки. Теперь на всякий неожиданный случай у ребят было пристанище. Поблизости, в каменных завалах упрятали аварийный запас продуктов и батарей.

Летом с питанием было туго.

10 июля продукты кончились. И только на одиннадцатый день в пасмурную, дождевую погоду самолет сбросил мешки с продовольствием, но они попали на скалы, разбились, все содержимое погибло. Прошло еще десять дней, самолеты сделали два вылета, пролетели прямо над целью, но сбросить груз не рискнули, видимость была отличной и рас-

крывать врагу, куда скинут груз, было по меньшей мере неразумно.

Если бы не рыба, добываемая Альфхильд, совсем было бы голодно. Приправить рыбу тоже было нечем, картошку не продавали второй год.

Разведчики бродили в горах, собирали грибы и ягоды, ими пополняли оскудевший, бесхлебный рыбный стол.

Только 14 августа самолет закинул им продукты. Разведчики ожили, повеселели, смогли вдоволь угостить и хозяйку. Через пять недель, в сумеречный сентябрьский день, их снова порадовали подарком с воздуха.

Прошло полгода их вахты в Сьюлтевике. Ребята чувствовали усталость, на зиму предполагали вернуться на базу. Решили все привести в порядок, отобрать, что взять с собой, что оставить, а с чем расстаться навсегда, утопив в море или закопав в землю. Стали приводить в порядок записи.

Сёдерстрем и Аспос — более грамотные и исходившие побережье и на восток, и на запад больше, чем их друзья по нынешней опасной службе, занялись описанием бухт, фьордов, селений, причалов, людей.

На эту работу затратили дня четыре и, когда все было готово, спрятали в пещере, в которой обосновались в первое время после высадки.

Был на исходе шестой месяц, как разведчики высадились на этом берегу. Время наступило темное, сумрачное, ночи длинные, непроглядные, дни короткие, серые, солнце показывалось изредка.

С базы получили долгожданную радиограмму: приготовиться к съемке, лодка за ними вышла. На смену шли двое, Оскару Енсону предписывалось остаться и принять новых товарищей, ввести их в курс дел, связать с местными соратниками по антифашистской борьбе.

Подвели итог. За полгода разведчики передали более 70 сообщений о вражеских судах, по их наводке потоплено 12 транспортов. Отладили обширную связь не только по северному Варангеру, но и по южному. Вражеские поисковики не наведывались в Сьюлтевик ни по суше, ни с моря ни разу. Место можно было считать надежным для новой смены, но

следовало соблюдать предельную осторожность: трудно угадать планы фашистских ищеек, иногда они не спешили брать, оставляли походить под контролем на воле.

В ночь на 2 октября у Сюльтевика появилась подводная лодка, разведчики обменялись с ней условными сигналами. Командир лодки Валентин Стариков подвел свою «малютку» близко к берегу. Через семь минут от ее борта отошла тяжело груженная резиновая шлюпка. На веслах сидел Ойен Коре, ходивший год тому назад по Варангеру с группой Кудрявцева. Он снова пришел на землю предков, но на этот раз радиостом.

У берега его встретил Оскар Енсен, помог разгрузить шлюпку, вынести на сушу многочисленные тюки, коробки, банки и ящики, в которых находилось продовольствие, имущество, новые батареи к радиостанциям.

Едва шлюпка коснулась берега, к подводному кораблю отчалила четырехвесельная шлюпка Брюволдов. На ней шли Сёдерстрем, Чижевский, Аспос и Микельсен. Мужчины навалились на весла, а за румпель взялась Альфхильд.

Пока моряки и разведчики разгружали шлюпку, командир лодки Валентин Георгиевич Стариков, в нарушение морских обычаев, провел Альфхильд по трапу на центральный пост, показал свою каюту, другие помещения.

Сопровождавший группу офицер разведотдела передал ей письма и подарки от капитан-лейтенанта Лобанова и от Нины Крымовой. Видя, как Альфхильд до слез растрогалась от внимания, Стариков взял со стола свой большой бинокль и преподнес его отважной разведчице:

— Вы не только жена моряка, но и сама морячка. Вам он всегда пригодится.

Оскар пришел на резиновой шлюпке, попрощался с друзьями, пожал руки подводникам.

На душе у него стало муторно, отяжелели веки, невероятным усилием воли ему удалось удержать готовую навернуться слезу. Он на мгновение ухватился за поручень. Молнией мелькнула мысль, что видится с друзьями последний раз. И чтобы больше не испытывать себя, он махнул рукой и торопливо сел в шлюпку. Следом за ним сошел Фигенскоу

Коре, ему предстояло нести вахту в Сюльтевике с Ойеном Коре и Оскаром Енсенем.

Последней перешагнула через борт Альфхильд и заявила: — Шлюпка моя. Гостей к своему дому я должна доставить сама, — и ухватилась за переднюю пару весел.

Она была взволнована и вдруг отчетливо поняла, какое важное дело делает, какому огромному риску подвергает и себя, и мужа, как нужна ее помощь людям за морем.

Вернувшись на базу, первое время ребята отдыхали, писали отчет, в многочасовых беседах рассказали своему руководству все, что не уместилось на бумаге.

Потом, когда отоспались, отмылись, почистились, переоделись в новое, под них подогнанное обмундирование, им разрешили отпуска. Чижевский поехал в Омск навестить мать. На его фланелевке сиял новенький орден Красного Знамени. Такой же награды был удостоен Сёдерстрем, но вручали ее уже в Москве.

Перед отъездом Сёдерстрем получил скорбную весть. Его брат Ральф вместе с разведчиком Альфом Сиблундом летел на задание под Киркенес. В Бугей-фьорде самолет сбили. Разведчики и экипаж погибли. Так семьи Сёдерстремов и Сиблундов понесли первые потери в борьбе с фашистскими захватчиками.

Жена Альфа Сиблунда Дагни подала рапорт начальнику разведотдела, просила разрешить ей учиться радиodelу, чтобы потом тоже отправиться на родину выполнять боевую задачу. Она писала, что хочет занять в строю место погибшего мужа.

Глава девятая

Трагедия семнадцатого конвоя обозначала, что морские операции в Баренцевом море не только принимают дотоле невиданный оборот, но и перемещаются все дальше на восток, на внутренние советские морские коммуникации.

У командования Северного флота еще до войны сложилось убеждение, что в случае втягивания Советской страны в разгоравшийся военный конфликт может возникнуть необходимость в защите собственных дальних морских коммуникаций.

Так оно и произошло. Уже в первую военную зиму на со-роковой год странами западного блока готовились к исполнению планы высадки десантов на северном побережье Норвегии и Финляндии и захвата Мурманска.

Командование Северного флота уже в июле 1941 года стало создавать возле Новой Земли и в Карском море базы флота, склады, устанавливать береговые батареи, минные заграждения. Когда грузили тяжелые орудия и боеприпасы к ним, чтобы они могли стрелять с Диксона, думалось: зачем везти их в такую даль, дотянется ли сюда война?

Первая военная зима в этой зоне прошла относительно спокойно. Изредка залетали воздушные разведчики, дозорные корабли иногда замечали не только перископы, но и плывшие над водой подводные лодки.

Зимние конвои прошли без существенных немецких атак.

Перевод немецких тяжелых кораблей в северные норвежские порты, сосредоточение в них новых подводных лодок с опытными экипажами, разгром семнадцатого конвоя не оставляли никаких сомнений, что вскоре последуют и другие набеги немецкого флота.

Надвигающуюся морскую войну ощущало не только командование Северного флота, ее предвидело и Верховное Главнокомандование. Стали предприниматься меры по усилению боевой мощи Северного флота, хотя сделать это в грозной обстановке лета сорок второго года было нелегко.

Беломорская флотилия за счет вновь построенных и переоборудованных из судов гражданского флота и перемещенных из других бассейнов получила бригаду траления.

Две подводные лодки — минные заградители, называемые «ленинец» — пришли в Полярное. Они могли также стрелять торпедами.

Наиболее существенное пополнение ожидалось за счет Тихоокеанского флота. Сначала с востока вышли два «ленинца», за ними четыре «эски».

Они прошли почти кругосветный путь: через Тихий океан в США, потом на юг к Панамскому каналу, а затем северной Атлантикой к Полярному. Одна лодка — Л-16 — не дошла до

цели, чей-то подводный корсар недалеко от Сан-Франциско торпедировал ее, весь экипаж ушел на дно с кораблем.

Подкрепление намечалось и за счет надводных кораблей. Северным морским путем из Владивостока в Полярное было приказано перейти лидеру «Баку», эсминцам «Разумный», «Разъяренный» и «Ревностный».

Усиливались воздушные силы флота. Ставка Верховного Главнокомандования передала Северному флоту авиадивизию ПВО, авиадивизию резерва Верховного Главнокомандования, другие подкрепления. Число самолетов должно было удвоиться.

Для защиты Мурманска и судов в порт должны были прибыть сто зенитных пушек.

История семнадцатого конвоя преподавала суровый урок взаимоотношений с союзниками.

Обе воюющие стороны не только не спускали глаз с морских просторов Арктики, но и держали в той зоне наготове весьма значительные морские и воздушные силы.

Немецкое морское командование в Норвегии выдвинуло на исходные позиции 12 подводных лодок с самыми опытными экипажами, чтобы расставить их на пути очередного конвоя. 225 бомбардировщиков и торпедоносцев ожидали на аэродромах Норвегии команды взмыть в воздух и лететь над морем к каравану судов.

Операция по уничтожению семнадцатого конвоя еще не закончилась, шли поиски рассеявшихся по океанским просторам судов, когда морской генеральный штаб в Берлине утвердил 13 июля план новой набеговой операции на очередной конвой и во внутренние советские воды за Новоземельскими проливами. Намечалось снова послать туда отряд тяжелых кораблей.

За детальной разработкой плана и подготовкой кораблей следил в Киле командующий военно-морской группой «Север» генерал-адмирал Карлс. Адмирал Шнивинд — командующий эскадрой тяжелых кораблей в Норвегии — и командующий немецкими подводными силами в Арктике адмирал Шмундт в деталях разрабатывали план операции. Германское морское руководство все более склонялось к мысли,

что удар по конвоям и по боевым кораблям союзников надо наносить еще восточнее, куда не забираются ни английские авианосцы, ни авиация дальнего действия.

Разведка ориентировала, что выход следующего конвоя отложен на неопределенное время, поэтому операцию решили провести в два этапа. На сухопутных фронтах германские войска все еще одерживали большие победы. Флотскому командованию нужна была очередная крупная акция, которая могла поднять престиж германского флота, показать миру, что он есть, боеспособен и готов драться с союзниками за морское господство, что он не уступает своих позиций в войне ни перед сухопутными, ни перед воздушными силами.

Так возник план операции «Вундерланд» — «Страна чудес».

В арктических морях восточнее Новой Земли намечалось разгромить конвой русских судов. Японцы сообщили своим союзникам, что из Владивостока на Северный флот вышел отряд боевых кораблей. Ему надо было помешать дойти до цели. Мир должен знать, что хозяином вод в Арктике становится германский флот.

В рейд в советские арктические моря наметили тяжелые крейсера «Шеер» и «Лютцов» и до полудюжины подводных лодок. Но «Лютцов» стоял на капитальном ремонте. Плыть в ледяные просторы за Новой Землей должен был «Шеер».

Сначала вышли в море пять подводных лодок. Им предписывалось разведать обстановку, осмотреть границу льдов, узнать, свободен ли проход севернее мыса Желания, встать на позиции на маршруте «Шеера», чтобы показывать ему путь, не прибегая к радиопереговорам. Когда станет очевидно, что операция идет по плану, подлодки должны были напасть на одиночные суда и на береговые посты по западному побережью Новой Земли, отвлечь внимание русского морского командования.

«Шеер», забравшийся в самую дальнюю узость Вестфьорда, где он стоял тихо уже второй месяц, 16 августа покинул стоянку и вышел в море. Лишь через несколько дней разведка сообщила, что «Шеер» из фьордов Норвегии исчез.

Более недели корабль не удавалось отыскать. Английская миссия в Архангельске сообщила, наконец, командованию Северного флота об исчезновении «Шеера». По флоту передали оповещение стоять настороже, быть готовыми к неожиданному появлению рейдера, искать его и морскими дозорами, и воздушной разведкой. К северной оконечности Новой Земли приказали выйти двум подводным лодкам. О возможном появлении корабля на внутренних морских путях в Арктике поставили в известность руководство Главсевморпути.

«Шеер» шел по чистой воде севернее мыса Желания. Впереди виднелись ледяные поля и торосы. Дежурившая в условленном квадрате подводная лодка ориентировала, что путь свободен. Германский радиоцентр оповестил командира крейсера, что к проливу Вилькицкого с востока идет караван из девятнадцати транспортов и четырех ледоколов. «Шеер» изменил курс на восток, к Северной Земле.

Зимовщики советской полярной станции на мысе Желания рано утром 25 августа увидели корабль, шедший из Баренцева моря. Свои базы и посты о нем не оповещали. Не было сомнения, что это чужой корабль. Вскоре с него полетели снаряды. Селение запылало, сгорели жилой дом, метеостанция, дом летчиков, склад, но радиоаппаратура уцелела.

Радист лишь передал, что станция обстреляна кораблем, все горит.

В командовании пришли к мысли, что станцию обстрелял потерянный «Шеер», но ошиблись, это сделала немецкая подводная лодка.

В середине августа от Новой Земли в Нарьян-Мар шел караван небольших судов. Буксирные пароходы «Комилес» и «Комсомолец» вели две баржи, на которых находились грузы и рабочие Нарьян-Марского порта. Немецкая подлодка обнаружила их невдалеке от острова Матвеева. Всплыв, подводники выпустили торпеды по близко идущим судам. Пароход «Комилес» и две баржи с людьми и имуществом потонули, пароход «Комсомолец» с повреждениями выбросился на берег, и лишь буксир «Норд» ускользнул от пиратов.

Утонуло более 300 человек, выловили из воды и спасли только 23 пассажира.

После этого трагического случая прошло несколько дней. За это время не однажды доносились сигналы об атаках немецкими подводниками береговых селений и постов по западному побережью Новой Земли и нападениях на суда. В Малых Карамулах — на юге Новой Земли — подлодка обстреляла небольшую маневренную базу полярной авиации, повредила два гидросамолета, подожгла два склада и три дома. У входа в Белушью губу, у острова Междушарский, торпедами был отправлен на дно транспорт «Крестьянин». Две подводные лодки у губы Белушья вступили в артиллерийский бой с двумя тральщиками. Еще через день подлодка выпустила торпеды по сторожевому кораблю «Литке», но промахнулась.

Эти сообщения невольно наводили на мысль, что немецкие подводники вышли на охоту за судами, которые в те дни конвоями плыли из Архангельска и возвращались обратно. Морской сектор западнее Новой Земли привлек к себе повышенное внимание, стало казаться, что немцы затевают там что-то очень серьезное.

К тому же в последних числах августа германские самолеты совершили несколько массированных налетов бомбардировщиков на Архангельск, они сбросили 10 тысяч зажигательных и 48 фугасных бомб, набросали мины у острова Мудьюгского.

Можно было подумать, что противник усиливает удары не только в связи с возможными новыми конвоями союзников, но и по каким-то другим причинам, которые пока не угадывались.

И только обстрел полярной станции на мысе Желания навел на мысль, что разбойничает «Шеер». Такое суждение приняли как обоснованное, оно долго бытовало даже в послевоенных публикациях.

На самом деле всю эту шумиху устраивали подводные лодки, они постоянно отвлекали внимание на западные воды у Новой Земли.

А «Шеер» все еще шел на восток, его точное место пока

никто не засек. Провожавшие его от Вест-фьорда до Медвежьего четыре эсминца вернулись назад, а он резал воду вблизи льдов. Новая Земля осталась далеко позади, по курсу должны быть остров Уединения и пролив Вилькицкого.

Подводная лодка, обязанная дежурить в той зоне и сообщать на «Шеер» о льдах и о советских судах, не появлялась.

С корабля спустили на воду самолет, он полетел вперед по курсу искать чистые, безо льда, морские просторы. Не дойдя ста миль до острова Уединения, рейдер повернул назад. Он не рискнул пробиться через льды к цели.

Подводная лодка встретилась на курсе на обратном пути. Она сообщила, что караван судов не обнаружен.

«Шеер» повернул на юг, надеясь на свободных ото льда просторах найти советские суда. От островов «Известий ЦИК» он взял курс на северо-восток, к архипелагу Норденшельда. Рейдер пробивался к проливу Вилькицкого, где надеялся застать караваны.

Однажды самолет-разведчик, который был у него на борту, разглядел караван из десяти судов, но в тумане не определил направления движения.

Неожиданно из-за облаков вынырнул советский самолет-разведчик. Летчик не ожидал, что далеко в наших водах обнаружит крупный вражеский корабль. Намереваясь получше его разглядеть, пилот снизился и полетел к незнакомцу. Зенитные орудия корабля несколькими выстрелами сбили его. О «Шеере» летчик донести не успел.

23 августа адмирал Шнивинд сообщил командиру «Шеера», что береговая станция Диксона весьма активно ведет радиопереговоры с судами в Карском море, а четыре ледокола и двенадцать транспортов идут с востока. Самолет с «Шеера» отыскал возле пролива Вилькицкого десять транспортов. Они пришли с запада и стояли на якорях, ожидая прихода каравана с ледоколами с востока. Более тридцати судов собирались в зоне, куда крейсер мог прийти без особого труда. Целый день рейдер крутился возле острова Русского, выясняя обстановку и выбирая себе дальнейший путь.

В очередной раз поднялся его разведывательный самолет, горючего у него оставалось на пределе. После этой

разведки командир «Шеера» намеревался идти на прорыв к судам у пролива Вилькицкого. Но из-за густого тумана самолет возвратился, сел неудачно, попал в аварию.

Командир «Шеера» в пролив идти не рискнул, стал курсировать возле островов, ожидая, когда русские суда сами выйдут к нему.

Около полудня 25 августа с крейсера заметили советское судно. Ледокол «Сибиряков» шел с персоналом и оборудованием для новой полярной станции на северной окраинности Северной Земли.

На «Шеере» подняли американский военно-морской флаг и потребовали, чтобы «Сибиряков» подошел ближе. Однако капитан судна Качарава ультиматум не принял, добавил ход и сообщил по радио на Диксон, что его преследует незнакомый крейсер под американским флагом.

«Шеер» открыл огонь из орудий главного калибра. Второй залп достиг судна.

Четыре 11-дюймовых снаряда взорвались на «Сибирякове», последнее его орудие вышло из строя, пароход тонул. В эфир понеслась радиোগрамма, что судно горит, экипаж покидает его, прощается...

«Сибиряков» затонул, с ним на дно ушли 84 человека команды и полярников. Уцелела только одна шлюпка, в нее спустились 19 человек, в их числе и раненый капитан. Катер с рейдера подошел к шлюпке и заставил русских моряков перейти к себе на борт. Один из них воспротивился, его застрелили. Остальные оказались в плену.

Теперь уже, без сомнений, «Шеер» обнаружился.

Он прошел в сторону пролива Вилькицкого в поисках караванов и кораблей, но попал во льды. Пост на мысе Челюскин заметил его, передал радиোগрамму.

Рейдер повернул к устью Енисея. Командир крейсера искал, как возместить неудачу с попыткой разгрома русских караванов и боевых кораблей. Он задумал подойти к Диксону, обстрелять его из орудий, высадить десант в 180 человек, сжечь постройки и сооружения, взять в плен гарнизон, захватить трофеи и документы.

Ночью на 27 августа осторожно приближался к внутрен-

ней гавани порта Диксон. Наблюдательный пост обнаружил его примерно в трех милях от берега. Сигнал боевой тревоги рассыпал защитников Диксона по постам, орудиям, дальномерам, приборам управления огнем.

Через семь минут тяжелые орудия «Шеера» обрушили снаряды на постройки Диксона и по оказавшимся в порту судам «Дежнев», «Кара» и «Революционер». Береговые батареи 152-миллиметровых пушек, корабельные орудия разных калибров ответили пирату. Подошел он довольно близко, поэтому снаряды орудий даже небольшого калибра долетали до цели. «Дежнев» отошел от причала и, не прекращая стрельбы, стал ставить дымзавесу. Ему повредило два малокалиберных орудия, дальномер, при обстреле погибли 7 и были ранены 22 моряка. Серьезно пострадавший корабль до конца одолел маршрут, пока поставил закрывавшую порт дымзавесу, а затем укрылся в бухте Самолетной, где командир вывел его на мелководный плес и посадил днищем на грунт.

Стрелял по «Шееру» и пароход «Революционер», но в него тоже попал вражеский снаряд, загорелась командирская каюта, пожар охватил часть верхней палубы. Судно тоже укрылось за дымзавесой.

Два снаряда 152-миллиметровых пушек разорвались на «Шеере». И он поспешил уйти в море.

Через полтора часа он вернулся, опять повел обстрел. Но ему в корму попал 152-миллиметровый снаряд, начался пожар. Выставленное крейсером облако дыма скрыло «Шеер» от стрелявших. Ни разгромить Диксон, ни высадить десант не удалось. «Шеер» повернул обратно, пошел к Земле Франца-Иосифа, где намеревался встретиться с подводной лодкой и через нее выйти на связь со своим штабом. Однако лодка, посчитав корабль за советский, при его приближении ушла на глубину.

Командиру «Шеера» ничего иного не оставалось, как передать в свой штаб радиogramму: он просил разрешения уйти к Шпицбергену, но ему приказали обстрелять Амдерму.

Капитан 1-го ранга Меендисен-Болькен размышлял, как ему поступить с выполнением этого приказа. Теперь рус-

ские точно знают о нем, непременно отыщут на маршруте, вышлют на перехват подводные лодки и самолеты. Отбиться от них будет нелегко.

Командир рейдера приказ не выполнил, ушел в Норвегию, встал на стоянку на своей базе, за что ему было выказано высочайшее неудовольствие.

Задуманный германским морским штабом второй набег на арктические коммуникации в Карском море рейдеров «Шеер» и «Адмирал Хиппер» и трех эсминцев пришлось отменить. Замыслы надводного рейдерства в советские арктические моря отпали. Их заменили посылкой в Карское море двух подводных лодок на дежурство на караванных путях и плотным минированием западных подходов к Новой Земле, всех Новоземельских проливов и горла Белого моря.

Новый надводный минный заградитель «Ульм», погрузив на борт 260 мин, вышел в море, чтобы заминировать фарватеры по западному берегу северного Новоземельского острова, но восточнее острова Медвежьего его встретили три английских эсминца и потопили. Больше минзаги посылать сочли неблагоприятным.

Эсминцы выставили минные заграждения вдоль мурманского берега и от Канина Носа к Новоземельским проливам. Тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер» в охране четырех эсминцев, взяв на борт 96 неконтактных мин, вышел к северо-западному побережью Новой Земли. Со второй половины пути эсминцы повернули обратно, а крейсер выставил семь банок минных заграждений. Подводные лодки заминировали Маточкин Шар и подходы к Югорскому Шару.

Серьезных потерь на этих минных полях пока не случилось.

Корабли экспедиции особого назначения, покинув Владивосток, шли Татарским проливом на довольно приличной скорости. Головным вспарывал буруны флагман «Баку», замыкал колонну кильватерного строя эсминец «Ревностный».

В узостях и на отмелях корабли на скорости так тянут воду под себя, что иногда судно перестает слушаться руля. Навстречу боевым кораблям полным ходом двигался транс-

порт «Терней». Командир «Ревностного» не обратил внимания, что после трех прошедших в кильватер кораблей и встречного транспорта подводные потоки устремились резко на сближение со встречными судами, потащили его корабль влево. Когда он заметил опасное сближение, было уже поздно: «Ревностный» и «Терней» коснулись один другого. Форштевни у обоих основательно повредило.

«Ревностный» не утратил плавучести, мог идти и дальше своим ходом, но командир экспедиции капитан 1-го ранга Обухов принял решение вернуть корабль обратно во Владивосток: впереди был нелегкий маршрут с возможными штормами, на пути неизбежно окажутся льды, рисковать кораблем он не мог.

В первом Курильском проливе у северного берега острова Шумшу стояли на якорях два японских эсминца. Советские корабли прошли у них перед глазами.

Вечером пришли на Камчатку, встали в Авачинской бухте.

Пополнившись горючим и пресной водой, через четыре дня отплыли дальше. В предпоследний день июля вошли в бухту Провидения. Здесь предстояла двухнедельная стоянка: чтобы пройти через Берингов пролив и ледяные поля и торосы за ним, надо было ждать ледокол «Микоян», который возвращался из США.

Стоянка в бухте Провидения оказалась непредвиденно долгой. Впереди по курсу ожидалась плотные льды. «Разъяренный» еще на переходе из Петропавловска поломал один винт. Пришлось менять обычные винты для скоростного хода на другие, с короткими лопастями и из более ломкого металла, чтобы в случае касания о льдину не повредить гребные валы. Без дока, без возможности поднять корму на осушку моряки под водой сняли штатные винты и заменили их временными.

Но стоять больше расчетного времени пришлось по другой причине.

Через ледовые поля и торосы в Беринговом проливе и на запад от него по Восточно-Сибирскому морю кораблям без ледокола пройти было более чем сомнительно.

«Микоян» привел за собой три груженных транспорта.

После короткой совместной стоянки в бухте Провидения отряд кораблей и судов отплыл к Берингову проливу. Впереди шел ледокол «Микоян», который вел капитан Хлебников, за ним боевые корабли, замыкали кильватерную колонну три доверху груженных парохода.

Берингов пролив прошли без помех. Повернули на запад. Операционная зона Тихоокеанского флота осталась позади, дальше предстояло плыть в водах, за которые полагалось отвечать Северному флоту, но в этих восточных ледяных просторах ни корабли, ни самолеты Северного флота появляться в то время не могли. Только оперативный контакт с судами Главсевморпути да посты на островах извещали об обстановке. Время от времени самолеты полярной авиации облетали эти огромные, мало изведенные просторы.

От мыса Дежнева до пролива Лонга шли в сплошных льдах, ледяные поля и мелкое крошево прижались к самому материку. Временами пробитый «Микояном» проход тут же затягивало плавающим льдом, громоздились торосы, воздвигали пирамиды льда с двухэтажный дом, крошили друг друга. Грохот, разносящийся по округе, заглушал даже шум судов.

Однажды льды стали сжимать корпус «Разумного», казалось, ни борта, ни пилерсы, ни шпангоуты не выдержат. Ледокол повернул к нему на выручку, лед стал еще более сжиматься, скрежет по кораблю пошел угрожающий, кое-где в обшивке появились трещины. С «Разумного» просигналили, чтобы ледокол отработал назад. Он очистил большую полынь, лед вскоре заполнил ее, оттянулся, сбавил напор на корабль.

За проливом Лонга вышли на чистую воду, вблизи берегов летние ветры раздвинули довольно широкий проход. Справа сверкали белизной полярные льды.

Благополучно дошли до бухты Тикси.

После тяжелых льдов поневоле приходилось остановиться на ремонт корпусов. Однако на местном судоремонтном заводе Главсевморпути их не приняли. Пришлось ждать несколько дней, пока командование флота через Москву решало эту проблему с руководством Главсевморпути.

После ремонта снова пошли курсом на запад. У пролива Вилькицкого их встретил ледокол.

Зашли на Диксон. Полярники и моряки рассказали о недавнем набеге «Шеера». Порадовались, что непредвиденные задержки в бухте Провидения и Тикси отвели их от встречи с рейдером, который после ориентировки японцев ждал встречи с ними у этого пролива. Опасность миновала.

На Диксоне сняли винты ледового перехода, поставили штатные и на полной скорости двинулись к Карским Воротам.

Шли ходко, хотя и осторожно. О немецких минах штаб флота сориентировал. Воды эти считали уже своими. Командирам они были знакомы.

Наконец, ранним утром 14 октября 1942 года приблизились к Кильдину, к Кольскому заливу. Навстречу под флагом командующего флотом показался «Гремящий». Переход завершился. Северный флот пополнился тремя кораблями.

Все более частые и продолжительные плавания немецких надводных кораблей и подводных лодок в восточной части Баренцева моря и за Новой Землей, в Карском море, попытки блокировать минными постановками западные Новоземельские бухты и проливы, подходы к Белому морю в августе и сентябре 1942 года должны были, по замыслу немецкого морского командования, показать советскому Северному флоту и его союзникам, что конвои, если они вновь попытаются пройти в Архангельск и Мурманск, ждет участь семнадцатого.

7 сентября из Исландии вышел восемнадцатый конвой. Через полярные моря в советские порты отправились 39 транспортов, спасательное судно и танкер. В караване шли три тральщика для советского флота и два эскадренных танкера для подпитки кораблей охранения и некоторых судов.

В ближнем охранении каравана плыли 17 кораблей: два эскадренных миноносца, два противовоздушных корабля, четыре корвета, три тральщика, четыре траулера, две подводные лодки.

На этот раз встреча конвоев — восемнадцатого, шедшего на восток, и возвращающегося на запад четырнадцато-

го — была назначена в 60—80 милях от Новой Земли. Караван конвоировали авианосная группа — авианосец, 2 эсминца, ударная — легкий крейсер и 16 эсминцев. Всего в охранение выставили 42 корабля.

У норвежских берегов заняли позиции 7 английских и 4 советские подводные лодки. На путях в Баренцево море дежурила в квадратах и плыла армада союзников почти в сотню выпелов.

Немецкая агентура и на этот раз заблаговременно известила свое командование о готовящемся выходе конвоя. Подготовленный еще летом план удара по конвою с санкции фюрера Редер утвердил и приказал привести в действие по его команде.

По курсу конвоя выставлялось три группы подводных лодок по четыре лодки в каждой. На северных норвежских аэродромах ожидали приказа на вылет 92 торпедоносца и 133 бомбардировщика.

11 сентября, на пятые сутки после выхода конвоя из Исландии, штаб Северного флота получил от своей разведки достоверное донесение, что отряд немецких тяжелых кораблей «Шеер», «Хиппер» и «Кёльн» в сопровождении шести эсминцев перешел на север Норвегии, бросил якоря в Альтенфьорде.

Для встречи восемнадцатого конвоя Ставка Верховного Главнокомандования основательно подкрепила воздушные силы Северного флота.

Самолеты постоянно бомбили вражеские аэродромы Луостари, Лаксельвен, Алакурти, Кемиярви. Десять неприятельских самолетов разбились на земле и четыре уничтожили в воздухе.

Конвой резал волны Норвежского моря, растянувшись вширь десятью колоннами, прикрытый кораблями охранения. Над палубами судов висели аэростаты заграждения.

Позади остались Норвежское и Гренландское моря, вблизи по курсу — проход между островом Медвежий и Шпицбергенем и воды Баренцева моря.

Временами показывались вражеские подводные лодки, наблюдали за ним, но на дистанцию торпедной атаки не

сближались. Воздушные разведчики тоже прилетали, фотографировали, но, не дожидаясь, пока взлетят самолеты с авианосца, поскорее убирались восвояси.

Наиболее удобные места для атак кораблями и подводными лодками конвой уже прошел, а немцы его не тронули.

Командование Северного флота пыталось разгадать замысел противника. Может, удар нанесут, когда конвой встретятся? Или когда тяжелые корабли союзников повернут с обратным конвоем? Или атаки начнутся возле входа в Белое море? Один за другим вставали неясные вопросы. Склонившись над картами, Головкин, Кучеров, начальник оперативного отдела штаба капитан 1-го ранга Румянцев, его заместитель Иванов искали на них ответы, хотели понять, в какой операционной зоне немцы намереваются нанести удар.

Самолетам-разведчикам приказали следить за Альтенфьордом, не сводить глаз с крейсерских сил, как только они двинутся в путь, докладывать в прямой эфир.

Немецкие подводные лодки передвинулись еще дальше к востоку. Будут ли они атаковать или опять станут наблюдать?

Наконец, напряженному ожиданию пришел конец.

Английская миссия в Полярном оповестила, что 13 сентября примерно сорок торпедоносцев дважды атаковали конвой. Потоплено десять судов.

Не повторялась ли трагедия семнадцатого? Тогда и впрямь угрозы немцев превратить дно Баренцева моря в кладбище боевых кораблей и транспортов с военными грузами станут реальностью.

У командования флота эти сведения вызвали сомнения. Во-первых, флотская разведка не засекла вылет такого числа самолетов. Только через полтора часа после того, как бомбовозы якобы вторично атаковали конвой, около 17 часов две группы «юнкеров» взяли курс в его сторону. Во-вторых, вскоре англичане поправились, что погибло не десять, а два транспорта. Но и это известие не внесло полной ясности, поскольку от конвоя пришло донесение, что на подходах к острову Надежды утоплены танкер и транспорт,

причем погибшим называется советский пароход «Сталинград».

Прошли еще сутки. Конвой плыл на восток. Дважды торпедоносцы и бомбардировщики атаковали караван. По сообщениям, от атак пока не пострадало ни одно судно. Английские истребители с авианосца сбили семь немецких самолетов.

Истинное положение в конвое все еще не прояснилось. Запрет на радиопереговоры не давал нужную информацию, она была весьма скудна и противоречива.

К концу дня 15 сентября конвой вышел на траверз мыса Святой Нос и плыл в 470 милях к северу. Это 40-й меридиан, отсюда следовало повернуть строго на юг, к Белому морю. Но курс конвоя не менялся, и английские и немецкие подлодки тоже плыли на восток. Тяжелые германские корабли стояли в Альтен-фьорде. Время для их выхода почти ушло. Все очевиднее прояснялось, что атаковать конвой будут на подходах к Белому морю.

При атаках 13 сентября погибло 12 судов. Потоплены советские транспорты «Сталинград» и «Сухона». Пароходы «Петровский» «Комилес», «Тбилиси» шли в конвое. Половину погибших транспортов добили и отправили на дно корабли конвоя. Правда, и враг понес большие потери: утоплены три подводные лодки и сбито 27 самолетов.

В ночь на 18 сентября плывущий в Архангельск восемнадцатый и взявший обратный курс к Исландии четырнадцатый конвои встретились невдалеке от Новой Земли. Ударная группа эскорта — авианосец, крейсер, 12 эсминцев и две подводные лодки повернули назад, охранять обратный конвой. К непосредственному охранению восемнадцатого присоединились эсминцы «Куйбышев» и «Урицкий» — они ходили галсами в поисках подводных лодок, — а «Гремящий» и «Сокрушительный» плыли параллельным курсом.

На пути четырнадцатого конвоя немцы выставили 18 подводных лодок. Им удалось потопить три транспорта, но столько же подлодок легло на дно моря. В охранение вошли советские сторожевики, тральщики, акваторию над морем

утожили гидросамолеты. Новоземельская база послала на поиски вражеских подлодок сторожевые катера и тральщики.

Сразу после встречи с ударным отрядом кораблей союзников конвой повернул на юго-запад, ко входу в Белое море. Немецкие подлодки у Новой Земли его упустили, но неотрывно следили «юнкерсы».

В море — шторм: то низко плывущие темные тучи, то снежные заряды закрывают временами и небо, и горизонт.

Караван взял курс на Архангельск. Впереди — самое опасное место — горло Белого моря. Там немцы постараются нанести по конвою самый чувствительный удар.

Рано утром 18 сентября к Канину Носу подошел весь конвой — около 80 выпелов, в центре плыли 28 судов с военными грузами. Армада кораблей и судов полезла в это игольное ушко. Простейший расчет показывал, что немцы не могли не воспользоваться представившимся случаем разгромить восемнадцатый конвой.

Над транспортами в небе повисли азростаты заграждения. Плывущая машина обрела еще более внушительный вид.

Немецкое командование планировало атаковать конвой одновременно и самолетами, и подводными лодками. Подлодки подобрались с двух сторон на исходные позиции. Корабли охранения их обнаружили и распугали глубинными бомбами. А у самолетов случилась задержка из-за погоды, низкий туман не позволил им прилететь вовремя. В половине одиннадцатого с кормовых углов плывущие суда атаковали торпедоносцы, а с правого борта, от Кольского берега, свалились из поредевших облаков бомбардировщики. Все способное стрелять на кораблях и на судах оборонялось лавиной огня и металла. Советские эсминцы стреляли по вражеским торпедоносцам дистанционными гранатами из орудий главного калибра. Дробью рассыпавшаяся шрапнель встала сплошной завесой. Одолеть огненную полосу торпедоносцы не смогли.

Корабельные орудия стреляли так интенсивно, что стволы не успевали остывать, их обматывали мокрой ветошью, через мгновения она высыхала и начинала чадить. Потом, уже на базе, пришлось стволы некоторых орудий менять.

Только в американский транспорт «Кентукки» попала торпеда. Пароход вывалился из общего строя, повернул назад. Экипаж бросил его, на шлюпках и плотиках спешил побыстрее отойти от поврежденного судна. Обезлюдивший транспорт добились из орудий и потопили эскортные корабли англичан. Это было единственное судно, погибшее на пути от Медвежьего до Архангельска. Пятнадцать вражеских самолетов поглотило море, шесть из них сбили эсминцы Северного флота. Два с половиной часа не умолкали орудия и пулеметы, атаки одна за другой следовали с разных сторон. Конвой отбивался, он шел строем, не теряя охранения. Советские самолеты оберегали его на оставшемся пути и на непредвиденной стоянке у Мудьюга из-за штормовой погоды.

Вражеские самолеты не оставляли конвой в покое. Командующий флотилией приказал одному из тральщиков, рискуя кораблем, переправить лоцманов на суда. В ночной темноте, при 8—9 баллах шторма, лоцманов высадили на транспорты, они повели суда по фарватеру в Двину. Только три судна, капитаны которых не захотели ждать лоцманов и сами пошли в устье реки, сели на мель. Их остались охранять корабль ПВО, эсминец «Куйбышев» и несколько тральщиков.

Немецкие бомбардировщики еще несколько раз пытались атаковать суда на переходе и у причалов в Архангельске. Но успеха не добились.

Чтобы воспрепятствовать налетам «юнкерсов» и торпедоносцев, только за темное время 21 сентября советские самолеты бомбили аэродромы Алакуртти, Лаксельвен, Лостуари, Рованиеми, Кемиярви, Хейбуктер, Наутси.

Севшие на мель пароходы сняли с грунта и ввели в порт. Все суда каравана стояли в Архангельске под разгрузкой, когда летчики люфтваффе принесли к городу свой бомбовый груз. Сначала 25 бомбардировщиков, а 29 сентября 53 бомбовоза сбросили на город 10 тысяч зажигательных, 50 фугасных и 550 осветительных бомб. Архангельск снова охватило огненное пламя, многие строения сгорели.

До цели не дошло 13 транспортов, лишь один из них погиб в советской операционной зоне.

Эпопея восемнадцатого конвоя завершилась. Для судов с грузами от союзников впереди были новые испытания.

Шел к концу 1943 год. Вести о поражениях германской армии стали привычными.

После набега «Шеера» в воды восточнее Новой Земли, не принесяшего ожидаемого разгрома каравана русских судов и отряда идущих с Тихого океана боевых кораблей, германское морское командование намеревалось основательно подкрепить пошатнувшийся авторитет своих надводных сил.

Выходить в схватку с линейными силами союзников, не будучи основательно прикрытыми с воздуха, по-прежнему не рисковали. А воздушные силы отказались вести даже дальнюю морскую разведку: самолетов не хватало, фронты ненасытно пожирали и машины, и экипажи.

Конвой из Исландии готовился к выходу в северные советские порты. За ним стали внимательно наблюдать. Календарь отсчитывал первые дни декабря 1943 года. Конвой обнаружили, когда он шел курсом на северо-восток, намереваясь пройти возле Медвежьего.

Пять эсминцев вышли в море на разведку. «Шарнхорст» изготовили к выходу. В северных широтах стояла полярная ночь, светлого времени, в течение которого можно было бы вести артиллерийский бой, набегало не более 45 минут. Это очень узкое окошко и намеревались использовать немцы.

В море бушевал штормовой ветер. Самолеты с норвежских аэродромов взлететь не могли. И все же морское командование рискнуло на проведение операции. Рождественским вечером «Шарнхорст» в сопровождении эсминцев вышел из Альтен-фьорда.

Рано утром 26 декабря командир линкора контр-адмирал Бей послал эсминец в разведку. Но корабли конвоя, в их числе и три крейсера, вскоре обнаружили немецкий линкор на экранах своих локаторов, пошли на сближение. Как только стали рваться снаряды, линкор на всех парах бросился наутек. За ним погнались четыре эсминца, не отставали и крейсера.

Плывший в 125 милях юго-западнее английский линкор

«Дьюк оф Йорк» в сопровождении крейсера и четырех эсминцев обнаружил «Шарнхорст» и кинулся ему наперерез.

Около пяти часов вечера он дал первый залп из 14-дюймовых орудий. «Шарнхорст» изменил курс и прибавил скорость. Казалось, он уходит. В седьмом часу вечера с корабля подали сообщение, что его обстреливают с расстояния 10 миль. Через шесть минут была отправлена прощальная радиোগрамма.

Линкор «Дьюк оф Йорк» сделал 77 залпов. Два крейсера и эсминец бросились в атаку, выпустили 55 торпед. Прошло еще полтора часа. Неподвижный линкор взорвался и затонул. Из 2000 человек экипажа спаслось 36.

Линейный немецкий флот понес еще одну невосполнимую потерю.

Глава десятая

Трюгве Эриксен после возвращения с задания чувствовал себя неважно. Сначала члены группы отчитались, написали докладные, подвели итоги своей двухмесячной вахты, потом им предоставили отпуска. Эриксен поехал в Москву, где ему вручили орден Красного Знамени, оттуда поездом отправился в Шадринск, навестил жившую в эвакуации семью.

Все это время его не оставляло какое-то недомогание. Ноющие боли в нижней части живота беспокоили не первый месяц. В Мурманске его отвезли в поликлинику, там определили застарелый, уже обострившийся аппендицит. Операцию сделали незамедлительно. Летние месяцы он выздоравливал, постепенно, день ото дня, ходил продолжительнее и дальше. Сам замечал, что силы прибывают. К концу лета стал готовиться к новой высадке в Норвегию.

Помощником ему назначили Харальда Утне. Он был чуть моложе своего командира, родом из Киберга. Осенью сорокового года вместе с единомышленниками покинул родину, а когда началась война, пришел во флотскую разведку. По профессии он шкипер, весьма недурно знал норвежские бе-

рега, особенно на севере. Поэтому несколько раз ходил на подводных лодках лодчманом.

Радистом шел Эйлиф Даль, ему было 23 года, родом из Киркенеса.

Группа отправлялась на задание на четыре месяца. Груза набиралось так много, что на малой подлодке разместить его было некуда, а выделить другую оказалось делом сложным, несколько «щук» и «декабристов» погибло, крейсерские несли дежурство значительно западнее, «ленинцы» и «эски» сопровождали конвои, ставили мины в дальних морях, дежурили на караванных путях возле Новой Земли, поэтому часть имущества забросили заранее с воздуха. Трюм указал на карте основную и запасную точки, куда следует скинуть тюки.

Подводная лодка М-174, которой командовал капитан-лейтенант Егоров, 15 октября подошла к берегу Сан-фьорда. Разведчики и переправщик сидели в отсеке поблизости от центрального поста, ждали команды подниматься наверх. Лодка сначала всплыла под перископ, осмотрелась. Обозрение было подходящее, берег виделся довольно четко, белел в ночи заснеженными скалами, а над морем висела серая ночная мгла. Волны захлестывали перископ, опускали лодку в провалы между гребней, тогда из зоны видимости пропадали и берег, и горизонт. Продули цистерны, всплыли на поверхность. В рубку поднялись командир лодки Егоров и командир высадки старший лейтенант Ульянов. Лодку бросало между волн. О берег бился накат, вскидывая вверх потоки воды, пены и брызг, крутя водовороты между камней.

Высаживать было не просто рискованно, но и опасно, до берега шлюпки благополучно не дойдут, к суше спокойно не пристанут. А в задании было четко оговорено: доставить разведчиков и груз на берег непременно сухими. Егоров и Ульянов решили отказаться от высадки и повернули обратно.

Через десять дней разведчики снова вышли в море, на этот раз на подводной лодке М-172, которой командовал Герой Советского Союза капитан-лейтенант Фисанович. В группе произошла замена: радист Эйлиф Даль перед самым отъездом заболел, ему пришлось лечь в госпиталь.

Вместо него в операцию отправился молодой норвежец Лейф Утне, племянник Харальда; он прошел курс обучения на радиста, все практические передачи и приемы выполнил хорошо. В операцию его отправили наспех, район, куда шел, он изучить ни по картам, ни по фотопанорамам, ни по макетам, ни по описаниям не успел.

28 октября, около трех часов ночи, начали высадку в Сан-фьорде. До берега не дошли метров 200—250, ближе подплывать было рискованно.

В первой резиновой шлюпке ушли Трюгве Эриксен и Лейф Утне. Они взяли с собой немного груза, рюкзаки с аварийным запасом продовольствия и оружия. Радист держал в руках две радиостанции и батареи к ним, командир сидел на веслах.

На второй шлюпке Харальд Утне переправил около 650 килограммов груза. На третьей и четвертой шлюпках переправщики доставили чуть больше тонны, потом сделали еще рейс, перевезли остальной груз.

За полтора часа на берег выгрузили более 2,5 тонны имущества. Переправщики распрощались с разведчиками, вернулись на подлодку, оттуда просигналили оставшимся на берегу и ушли в море. И только тут краснофлотец доложил командиру высадки Ульянову, что на его подвесной койке осталась забытая разведчиками походная аптечка.

Так в Конгс-фьорде обосновалась новая группа разведчиков, и Берлевог, Тана-фьорд — место непременного плавления вражеских судов, а иногда и отстоя конвоев — вновь попало под их надзор.

Первые дни они переносили груз, сортировали, размещали по запасным хранилищам. Только на пятые сутки, 2 ноября, Лейф Утне вышел на связь с базой. Его первый сигнал приняли, контакт через эфир налаживался.

Трюгве Эриксен начал восстанавливать прежние связи. Сначала навестил Сиверсена Эйстена и Юлиуса Ананиансена. В прошлом году они усердно помогали разведчикам, тогда Эйстен сказал Эриксену, что он давно ждал людей из-за моря, чтобы вместе воздать должное нацистам за надруга-

тельство над Норвегией, Ананиансен отменно знал все в Берлевоге, сообщал разведчикам важные сведения.

И теперь они радостно встретились. За летние месяцы накопилось много важных сообщений. Не надеясь на память, они все записали на бумаге, но хранить записи у себя было опасно. Разведчики пришли в ноябре, а не в сентябре, как обещали, поэтому норвежцы вынуждены были все уничтожить. По-прежнему Эриксен встречался с ними в рыбацкой избушке в Сан-фьорде либо в землянках и шалашах на материке.

Как и в прошлый раз, обиталище разведчиков располагалось невдалеке от хуторка семейства Луэ. Тогда они изредка навещались к супругам Освальду и Дагни, заходили попить кофе в тепле. В дела свои их не посвящали и никаких заданий им не давали. Но супруги наверняка догадывались, кто эти люди и зачем тут обосновались. Кроме того, пришедшие соседи платили за услуги не скупясь. И эту выгоду тоже было неразумно терять. Еще перед первой высадкой Эриксена командование предупредило, что Освальд не чурается нацистов. Тогда семья Луэ особых тревог у разведчиков не вызвала, но к ним сразу не пошли, в Берлевог и на другие встречи ходили окольными тропами. И все же вскоре Дагни их повстречала. Скрываться не имело смысла. Трюгве говорил с ней, как со старой знакомой, ни малейшим намеком не давая понять, что доверия к супругам у них нет.

Трюгве рассказал об этой встрече Антону Стенману, их недалекому соседу с другого хутора, попросил сходить в Берлевог и предупредить Ананиансена о возобновленном знакомстве.

Командование поручило Эриксену найти такого местного жителя, которому можно довериться и кто способен хорошо и быстро овладеть радиостанцией, уметь передавать и принимать радиোগраммы. Эриксен рассказал об этом Эйстену. Тот без раздумий предложил кандидатуру своего брата Харальда. Ему 24 года, память свежая. Но вскоре Харальда мобилизовали на расчистку аэродрома в Нейдене, и было неизвестно, когда его оттуда отправят.

Поразмыслив, Эйстен решил сам освоить радиodelo.

Раз уж он связал свою судьбу с советскими разведчиками, вступил в борьбу с оккупантами, обратного хода ему нет. Узнают немцы — не помилуют.

Эйстен прожил у разведчиков десять дней, ежедневно по многу часов занимался изучением устройства приемника, азбуки Морзе, пробовал отстукивать сигналы на ключе, а Лейф помогал ему, поправлял ошибки, одобрял удачи. Когда время, отпущенное ему для посещения знакомых, подошло к концу, он вернулся домой. Потом vykроил еще неделю для этих занятий. Но лампы в учебном аппарате сели, тренировки пришлось на время прервать, пока база не пришлет новые.

Когда группа готовилась к высадке, условились, чтобы не рисковать забросками продуктов с воздуха, доставить их разведчикам с моря.

И вот перед Новым годом подводная лодка Л-20 порадовала их новогодними подарками — из отсеков выгрузили 800 килограммов различного груза. Младший лейтенант Андрей Головин и двое переправщиков перевезли все это на шлюпках в бухту Летвик в полной целости и сохранности. Обрато взяли с собой письма, донесения, целые туюи немецких и норвежских газет и журналов.

Эйстен продолжал практиковаться с радиостанцией. Он обнаружил явные способности к этой профессии. Кроме того, он по состоянию здоровья не подлежал мобилизации на строительные или дорожные работы, мог свободно отлучаться из дома на продолжительное время. Его поездки стали привычными для соседей.

Разведчики встречались с ним довольно регулярно, в основном в горах, летних домиках, возле рыбацких стоянок. В Берлевог Эриксен не ходил, только крайняя нужда могла заставить его появиться в селении.

Эйстен осуществлял контакт с соратниками по Сопротивлению в Тана-фьорде и в Альтен-фьорде. В информации из этих мест очень нуждалось советское флотское командование: в Альтен-фьорде часто подолгу отстаивались тяжелые немецкие корабли, выжидая погоду или сообщения разведки о кораблях и конвоях союзников.

Юлиус Ананиансен тоже довольно свободно ходил по селениям. Он встречался с разведчиками в рыбацкой избушке на берегу Сан-фьорда. Специально подписался на все норвежские и немецкие газеты, выходящие в их округе, и приносил их целыми пачками.

Разведчики читали все от строчки до строчки, старательно выискивая то, что надлежало передать на базу немедленно.

Вахта на берегу велась беспрестанно. Сидеть приходилось на ветру, в пургу, неотрывно следить за морем, напрягать зрение и днем и ночью, в темень и в шторм. Служба длилась иногда по полсутки, особенно если Эриксен или Харальд уходили для встреч с соратниками из Сопротивления.

Жили все в той же каменной норе, в которую вползали на четвереньках. Собирали топливо, выброшенное морем на берег, топили крохотный очажок из валунов-окатышей. Их печурка напоминала каменку бани, которую топили по-черному. Дым вытягивался наружу через дверь. Временами в банке из-под галет грели воду, мылись с мылом до пояса, кряхтя от удовольствия, когда спина и поясница избавлялись от сажи. Раз в две недели сбрасывали валенки, сапоги, штаны, протирали все тело, меняли белье. Такой банный день считался праздником: похлебки варили побольше, а перед ней пропускали по мензурочке спирта.

Но стужа и ветер донимали, зима была в самом разгаре, часто бушевал ураган, сидеть на ветру было невыносимо, даже в полушубке, одетом сверху ватных фуфаяк и штанов, ветер пробирал насквозь. В такую вахту на ноги надевали липты и пимы, в них ноги чувствовали себя уютнее, но от долгого стояния ступни затекали и стыли, приходилось топтать короткую тропку, ходить по ней взад-вперед.

В пургу их берлогу заносило снегом, делало ее невидимой, меньше продувало, но зато засыпало все их стежки-дорожки, потом торить тропинку приходилось по колено в снегу. Старались их иметь меньше, ведь весной, когда снег начнет таять, они обнажатся, станут заметными.

В прошлую зиму Эриксен познакомился в Берлевоге с коммунистом Бертвусеном Эйгилом, человеком надежным и

делу преданным. Но тогда Эриксен представился заехавшим в поселок гостем.

Теперь встретились снова. Эриксен уже не скрывал перед Бертвусеном, кто он и чем занимается. А Эйгиль в разговоре потом признался, что он еще в прошлый раз догадался, зачем Эриксен пожаловал к ним в Берлевог. Он охотно согласился помогать разведчикам.

Изредка виделись в рыбацкой избушке в Сан-фьорде, но приходить он туда часто не мог, работа у него строго регламентирована, он должен быть на месте ежедневно, свободными оставались только ночи. Все, что узнавал в Берлевоге и через знакомых из других селений, особенно по Танафьорду, пересылал через Эйстена или Ананиансена. Не курил, а табак по карточной норме покупал, пересылал его разведчикам, снабдил их чистыми тетрадами, сильным карманным фонарем на аккумуляторе.

Еще до ухода на задание Эриксен знал, что Харальд Утне не контролирует себя при выпивках. Командир и политрук норвежской группы отряда перед выходом на задание предупредили Эриксена, чтобы он помнил об этой слабости Харальда, разрешал выпить только для согревания.

Изредка разведчики навевывались к своим ближайшим соседям, супругам Луэ. Хотя они люди еще сравнительно молодые — Освальду сорок лет, а его жене Дагни тридцать, но семья у них изрядная — как говорилось у русских, семеро по лавкам. Дети еще маленькие, старшему сыну всего десять лет. Луэ жили раньше в Берлевоге, но испытывали нужду. Чтобы как-то добиться хоть небольшого достатка, Освальд вступил в партию «Националь самлинг». Покинув Берлевог, переселился в этот одинокий хуторок: тут поменьше рыбаков в бухте, улов понадежнее и сенокосы пообширнее. В хлеву около дюжины овец и коз. Шлюпка у него с дизельным движком, выходить на лов полегче.

Эйстен и Ананиансен заверили Эриксена, что Освальд хоть человек и нетвердых убеждений, к правящей партии примкнул из-за материальной корысти, но они в нем не сомневаются.

А разведчикам миновать эту семью, как и хуторок Антона Стенмана, — невозможно, они живут в полукилометре.

В прошлом году Стенман отказался помогать Эриксену. Жизнь у него одна, узнают немцы — с семьей не посчитаются. За деньги дровишек продать или угля, кое-что из продуктов, особенно свежей рыбы, — это он может.

Стенману 36 лет, жена его Нелли постарше на два года, у них пятеро детей, все малолетки. У семьи четыре козы и десять овец.

Стенман перебрался сюда, в Летвик, тоже из Берлевога, не захотел работать на немцев.

Поскольку избежать общения с соседями было невозможно, разведчики через некоторое время отправились к ним в гости. В доме семьи Луэ сели за стол. Освальд был не прочь приложиться к стакану. Распили фляжку водки, основательно закусили, попили кофе и собрались возвращаться в свой шалаш. Эриксен и Лейф Утне ушли, а Харальд остался, сказав, что еще хочет поговорить с соседом. Выпитого за ужином ему показалось мало, он предложил Освальду еще опорожнить бутылочку. И в той ничего не осталось на донышке.

Уже под утро Освальд выпроводил Харальда из дома, но тот пошел не к своему жилищу, а к другому соседу. Стенман только что поднялся, собирался заняться по хозяйству.

Харальд достал из кармана фляжку и предложил Антону вместе с ним выпить. Тот отказался, сказав, что с утра делать этого не следует, впереди целый трудовой день, забот у него тьма. Обиженный и раздосадованный, что не находит компаньона, Харальд ударил Антона по лицу. Тот связал вконец захмелевшего Харальда, положил его на скамью, а сам пошел к Эриксену сказать, чтобы тот забрал пьяного.

Пока Антон ходил, Харальд уговорил жену Стенмана Нелли развязать его и отпустить домой. Та пожалела его, сняла с пьяного путы и выпустила на улицу.

Оказавшись на воле, Харальд побежал искать своего обидчика. Вскоре он увидел Антона, достал пистолет, выстрелил раз, потом другой...

Стенман кинулся от греха подальше бегом в Берлевог, с

перепугу по пути потерял ботинок, шапку. Не заметил даже, как пробежал четырнадцать километров, спрятался у своей матери и скрывался там три дня, пока сын не принес ему одежду и обувь.

Услышав стрельбу, Трюгве и Лейф опрометью кинулись узнать, что случилось. Последний патрон из пистолета Харальд выпустил в сторону бегущих товарищей.

Подоспевшие изловили пьяного, скрутили, привели в шалаш и уложили спать.

Проснулся он поздно вечером. Вахту стоял Лейф, а Трюгве грелся у очажка. Вид у Харальда был угрюмый, помятый. Он сидел на лежаке, опустив голову и охватив ее руками. Сознание содеянного медленно приходило к нему. Он силится вспомнить все детали, но не мог. Пошарил в кармане, пистолета не было. Трюгве молча смотрел на него. Наконец Харальд поднял голову, поглядел на Эриксена, попросил разъяснить ситуацию. Трюгве позвал Лейфа с вахты, и они описали Харальду все его хождения.

Харальд опустил голову, задумался. Потом поднял глаза на товарищей и, тяжело вздыхая, сказал:

— Простите меня, виноват. Перебрал и столько грехов натворил.

— Как теперь с Антоном и Освальдом встретишься, с их женами? — спросил Лейф.

— Стыдно. На коленях буду просить прощения.

— Хорошо, если простят. А станут ли доверять, ведь бояться будут.

— Мне в Мурманск нельзя возвращаться, меня строго накажут, выгонят из отряда.

Трюгве сказал, что все теперь зависит от него самого, сколь глубоко осознает свои ошибки, как будет дальше жить с товарищами, как станет нести службу, как сможет вернуть доверие соседей.

Когда Антон вернулся из Берлевого домой, Харальд сходил к Стенманам и к Луэ, повинился перед ними, пообещал, что больше ничего подобного не будет.

Инцидент посчитали исчерпанным, дали Харальду путь к искуплению грехов.

А вахта разведчиков на Нолнесе шла устоявшимся порядком. Несмотря на молодость и первую самостоятельную работу, Лейф Утне со своими обязанностями справлялся успешно. Материалов появилось много, и они часто были так важны, что в некоторые дни ему приходилось выходить в эфир по два-три раза. Его четкой работой на базе были довольны.

Сведения ни малейшего сомнения в достоверности не вызывали, на Эриксена полагались, он был проверенный сотрудник. Кроме того, прохождение караванов или отдельных кораблей подтверждали другие посты, летчики и подводники. На картах в штабе появлялись все новые и новые обозначения батарей, прожекторов, прослушивающих устройств, складов, минных полей.

Еще в первую высадку Эриксен подружился с Иенсеном Кристианом. Они почти ровесники. Кристиан недавно овдовел, остался с двумя сыновьями-юношами 15 и 17 лет. Как и все жители селения, он рыбак. До захвата Норвегии фашистами был социал-демократом, но в войну от политической жизни отошел.

Иенсен несколько раз встречался с Эриксеном, сообщал о вражеских конвоях, о зенитных орудиях на окрестном берегу. Помогал разведчикам честно, от чистого сердца, как настоящий патриот Норвегии.

Рядом со Стенманами пустовал дом, хозяева его жили в Берлевоге. Как-то, возвратившись оттуда, Антон сказал Эриксену, что соседи его собираются к весне приехать на хутор, хотят жить подальше от немцев.

Разведчиков беспокоило это новое соседство, неведомо, с какими целями те собирались покинуть Берлевог и поселиться тут.

Выбрали подходящее место на соседней высоте, чуть подальше от хуторочка, нашли невидимую с суши расщелину — она укрывала от ветров, и море виделось не хуже, чем раньше. Ночами перенесли туда все свое имущество, уложили его в удобном порядке, а на старом месте старательно прибрали, чтобы не осталось следов пятимесячного прожи-

вания людей. О новом укрытии разведчиков никто не знал, кроме Луэ.

Срок, на который группу забросили сюда, подходил к концу.

В отделе знали, что группа сидит на удобном месте, тревожных сигналов не поступало, но понимали, что быть на задании в столь сложных условиях нелегко. И все же решили оставить группу на мысе Нолнес до осени, еще на семь месяцев.

Эриксен доложил руководству, что здоровье его неважное, прошлогодняя операция дает о себе знать. Поэтому он просил отозвать его.

Командиром группы решили послать Франца Матисена, он в первую высадку был помощником у Эриксена. Людей, с которыми контактировали разведчики, знал, места были ему знакомы. Сообщили об этом Эриксену, он преемника одобрил.

На начало апреля наметили частичную замену группы и заброску продовольствия и снаряжения.

Ночью 8 апреля подводная лодка подошла к Нолнесу. Младший лейтенант Андрей Головин и двое переправщиков за час перевезли на берег семимесячный запас продуктов и снаряжения. Помогали им Харальд и Лейф Утне. Оставаться на длительный срок им было тяжело. В своих письмах в отдел они писали, что хочется вернуться на базу, но они понимают военную необходимость их службы и приложат все силы, чтобы выполнить боевую задачу.

На разведывательном посту остались Франц Матисен, Харальд и Лейф Утне. Они обновили свое холодное жилище, наполнили кладовую запасами на семимесячное житье.

В отделе изучали материалы, привезенные Эриксеном, читали справочники, недавно выпущенные в Германии и в Норвегии.

Эриксен доложил руководству о прискорбном случае, который произошел с Харальдом, подчеркнул, что это стало суровым уроком для него, за все оставшееся время он был безупречен.

На Нолнес пошла радиограмма, в которой руководство

высоко оценивало работу Харальда и Лейфа и выражало надежду на то, что они и впредь будут добросовестно нести службу и помогут новому командиру в выполнении задания.

Еще зимой Эриксен получил письмо из Шадринска. Жена его Сигне писала, что все семьи эвакуированных норвежцев живут очень трудно, питание скудное, обносились. Местное руководство не помогает, ничего истинного о них не ведаёт, считает их эмигрантами, поэтому не знает, как их содержать. А сами они всю правду тоже сказать не могут.

Эриксен обратился в отдел за помощью. В Шадринск поехал заместитель начальника отдела по политчасти майор Орлов. Он взял с собой запас продуктов, носильные вещи. У него в кармане лежало письмо от Военного совета флота. В беседах с областным партийным и советским руководством Орлов дал понять, какие сложные задания выполняют мужья и братья этих женщин.

Вскоре Эриксену пришло от жены письмо, полное слов признательности. Семьи почувствовали заботу о них.

Трюгве Эриксену вручили вторую советскую государственную награду — орден Красной Звезды.

Когда в отделе выслушали рассказ Эриксена, прочитали письма Харальда и Лейфа, изучили отчеты группы, возникло серьезное беспокойство в правильности решения оставить группу на новый большой срок.

Разведчики жили на одном и том же месте семь месяцев. О них знали все ближние соседи, известно стало и нескольким жителям Берлевога.

Такое положение становилось рискованным.

Группу надо было снимать раньше установленного срока, радиоаппаратуру следовало оставить Ананиансену, чтобы тот время от времени из разных пунктов передавал свои сообщения. Либо внедрить радиста, знать которого должен только Ананиансен.

Трюгве Эриксен считал, что новую точку следовало разместить на другом берегу Сан-фьорда, на участке от Гамвика до Мехавны, где можно было наблюдать за движением конвоев.

Тревога за группу на Нолнесе появилась в отделе. Неяс-

ное предчувствие опасности не покидало оперработников, следивших за ней. Они с каким-то особым трепетом хватались за каждую радиограмму с Нолнеса.

Глава одиннадцатая

Альфхильд Бруволд высадила на причал троих мужчин — Фигенскоу Коре, Ойена Коре и оставленного на новый срок Юнсена Оскара. Бездетный дом Альфхильд, хозяин которого вот уже много месяцев отбывал наложенную оккупантами трудовую повинность на оборонительных сооружениях в Хамнинберге, лишь какие-то пару часов не слышал мужских голосов. Ушли четверо, пришли трое.

Вахта на Сьюльте-фьорде, не прерываясь, шла сложившимся чередом. Разведчики поселились в доме Бруволдов, только свое громоздкое имущество упрятали поблизости в скалах, в пещере, особняком схоронили аварийный запас.

Новому командиру группы Фигенскоу Коре было 25 лет, он на пять лет моложе своего помощника Юнсена Оскара, но опытнее житейски, прошел основательную политическую закалку. Его соотечественники с южного побережья фьорда, из селений, примыкающих к Киркенесу, уходили нередко на советскую землю по сухопутью, а Юнсен пришел осенью сорокового года на Рыбачий морем. Еще до высадки немецких войск в Норвегию он вступил в Норвежскую компартию, а до этого три года был комсомольцем. И по идейной подготовке, и по умению подходить к людям Фигенскоу был значительно подкованнее Юнсена. Поэтому он и был назначен руководителем группы. Оскар тоже парень честный, порядочный, но он по натуре исполнитель, по характеру более мягок, добродушен. Жена его осталась на родине, в Киберге.

Радист группы Ойен Коре — из обрусевших норвежцев, родился в Цып-Наволоке, на Рыбачьем, оттуда и пришел в разведку.

Первой военной осенью он с группой Кудрявцева ходил на Варангер, в том походе погиб его брат Хокон. Ойен вместе с несколькими норвежцами вернулся на Рыбачий через Варангер-фьорд на шлюпке.

В северных широтах властвовала полярная ночь, но сухоходство не прекращалось. Немецкая армия нуждалась в каждодневном подвозе питания, в поставках стратегического сырья. Даже пассажирские перевозки между портами востока и запада не приостанавливались.

Юнсен свел Фигенскоу с норвежскими соратниками, которые помогали следить за немецкими гарнизонами, за перевозками, за военными сооружениями.

Радиограммы с точки шли в той же последовательности. До конца года от Коре получили более пятидесяти донесений, большинство из них пополняло сводки разведотдела, представляемые в штаб флота. Сообщали не только то, что видели сами, но и то, что добывали и передавали соратники из норвежского Сопротивления. Контакт действовал бесперебойно не только к Перс-фьорду, но и к западу от точки группы, и по южному берегу полуострова вплоть до Несюбю. На встречи теперь ходил в основном Фигенскоу.

Норвежцы воспряли духом. Армия Паулюса под Сталинградом была окружена, дни ее сочтены. Успехи советских войск заронили надежду на неизбежный разгром фашизма, освобождение Норвегии от оккупантов и их прислужников.

В конце января до группы дошла тревожная весть: в Якобнесе, родном селении командира группы Фигенскоу, оккупанты арестовали сразу 24 местных жителя. Причины ареста были неизвестны. Но ходили слухи, что им предъявлено обвинение в пособничестве противнику.

Разведчики серьезно обеспокоились: в том селении у них были контакты, оттуда поступали донесения. Правда, не напрямую, а через передаточные посты. Если при допросах это обнаружится, всплывет и фамилия Фигенскоу...

Доложили на базу. Оттуда поступила установка затаиться, ни собой, ни соратниками не рисковать, на прямые контакты выходить реже, сведениями обмениваться в тайниках, о новостях по Якобнесу доносить без задержек.

Однако через некоторое время поступило сообщение, что Алмар Сиблунд — самый надежный сотрудник — на свободе. Его не задерживали и на допросы не вызывали. Два его брата находились в Советском Союзе, оба в разведке,

готовились к заброске. Третий — Альф — погиб при выполнении задания. Но беспокойство не прошло. Гестаповцы могли оставить Алмара на свободе с умыслом, чтобы понаблюдать за ним, через него выяснить его контакты и связи.

Альфхильд постепенно стала незаменимой связной. Когда ни Фигенскоу, ни Юнсену нельзя было отправляться в дальние точки, а связь не допускала отлагательства, в маршрут отправлялась Альфхильд. Она еженедельно навещала своего мужа Андреаса в Хамнинберге, иногда для нее там уже были припасены сообщения из других мест.

Изредка она ходила на боте в Перс-фьорд, там ее тоже ждали вести для разведчиков. Однажды Гудвар Ульсен рассказал ей, что возле их поселка укрывается группа разведчиков, но они подчинены командованию в Мурманске. У них что-то случилось с радиостанцией, связь с базой прервалась. Они знают, что невдалеке несут свою вахту соратники из флотской службы, и попросили Гудвара переправить эту весточку через своих людей. Просьба дошла в Сютьтевик. Фигенскоу и Коре пошли помочь коллегам, Юнсен остался на вахте один.

Поскольку и те, и другие разведчики родом были из одних мест на Варангере, да и перед войной судьба свела их под Мурманском, подружились быстро, стали навещаться друг к другу, иногда даже оставались переночевать в Перс-фьорде, нарушая условия конспирации, — сработали дружелюбие и долгая сравнительно безопасная служба. Мурманское руководство, которому доложили, почему они несколько дней молчали и кто помог наладить им передатчик, не осудило их за это. Морское командование тоже молчало, во согласии с самовольством. Так, однажды нарушив запреты, следующие встречи за грех не считали.

Запас продуктов стал подходить к концу, а группу командование снимать не спешило. Беспокойства после известий о новом знакомстве и распространившихся по побережью слухах о русских сидельцах понемногу улеглись, задания выполнялись успешно, почти ни один вражеский конвой не проходил незамеченным, сведения о противнике поступали важные. Поэтому мысль побыстрее снять группу и построже

ее законспирировать постепенно забывалась. 19 февраля с самолета сбросили продукты и другие припасы еще на три месяца.

Точка по-прежнему бесперебойно действовала. Разведчики передали около двухсот радиogramм о местах, где базировались вражеские корабли, отстаивались транспорты, какие части стоят в селениях по побережью и куда перемещаются, какие военные сооружения строятся вблизи моря, когда и где потоплены вражеские суда, сколь успешно атаковали конвои и одиночные суда подлодки и самолеты.

Пришла весна, потеплело, приморские сопки быстро обнажились от снега, вода ручьями сбегала в озера и в море.

Подводным лодкам подходить к берегу стало опасно. Светлый полярный день загонял лодки под воду, гнал дальше от берега.

И снова 12 мая самолет закинул тюки с продуктами. Разведчики в этот момент сидели в пещере, выброску видела Альфхильд. Она тотчас села в шлюпку, подошла к кромке обсушки, где упал груз, перенесла его в промоину между скал и вернулась на хутор. Вскоре на хутор нагрянули немцы. Стали спрашивать, не видела ли она сброшенный с самолета груз, кто в то время ходил на шлюпке по фьорду. Она ответила, что шлюпку в ту ночь от причала не брала, вечером долго ухаживала за скотом, утром тоже рано ушла в хлев. Из разговора она поняла, что заброску видели с другого берега фьорда местные жители и немцы со сторожевого катера.

Но Альфхильд так убедительно рассказывала о своих хозяйственных делах, что сомнений в ее искренности не возникло. В ней, несомненно, таился актерский дар. Немцы ушли.

Когда разведчики вернулись к ней в дом, она рассказала обо всем случившемся. Груз решили не трогать.

Прошло десять дней. Округа оставалась спокойной. Засады нигде не обнаружили.

В ночь на 22 мая фьорд затянуло густым туманом. Фигенскоу, Юнсен и Альфхильд на шлюпке подошли к тому месту, где лежали упрятанные тюки. Быстро все погрузили, переправили к причалу, в серой мгле торопливо перенесли в пещеру.

В предутренние часы потянул ветерок, разогнал туман. Но разведчики уже были в своем укрытии. А Альфхильд, как всегда, хлопотала по дому.

Тревога все-таки закралась в душу. Раз немцы видели заброску, они за этим сектором будут наблюдать.

В дом Бруволдов ходить почти перестали, наведывались туда изредка и поодиночке, в теплое время уходили подальше от своего укрытия и наблюдали за ним, за округой, за хуторком Бруволдов.

Как ни оберегались, службу полагалось нести. Следили за морем. Брали в тайниках донесения. Хотя и реже, но встречались с соратниками из селений южного Варангера. Все так же четко, по графику, выходили на связь с базой.

Подошло лето. Даже у моря стало довольно тепло. Можно посидеть раздевшись, проветриться под ласковым теплым дуновением — только долго не понежишься, комары загрызут. Зимой мучил холод, тревожили следы на снегу, дым от печурки. Летом одолевали другие заботы: круглосуточно светло, видно далеко, ходить приходится пригибаясь, старательно осматривая всю округу. Да и людей в тундре стало больше: собирают ягоды, грибы, косят сено, ловят рыбу в озерах и протоках.

В середине июля Альфхильд, по обыкновению, ушла в Хамнинберг к Андреасу. Разведчики дежурили в россыпях камней невдалеке от сопки, на которую еще весной перенесли свои основные запасы. В Сюльте-фьорд вошли два катера и с ходу повернули к причалу, у которого стояла шлюпка Бруволдов.

Ребята не спускали с них глаз. С катера высадились десятка два немецких солдат и по тропке стали подниматься к хуторку.

Разведчики не стали ждать, пока немцы устроят облаву, изведенными тропами кинулись в Перс-фьорд, к своим мурманским соратникам, надеясь вместе уйти в горы и там укрыться.

Каратели подошли к дому Альфхильд, осмотрели двор, ближнюю округу. Несколько человек вошли в дом, он не был заперт, другие заглянули в хлев, в сарай. Все выглядело жи-

лым, продукты, вещи на месте, скотина в хлеву, очаг еще теплый от недавней топки. Только хозяев не оказалось в доме, но они могли уйти куда-то недалеко по своим делам.

Немцы расположились возле дома: кто прилег на мшистый подсохший торф, кто присел на скамейках возле дома, закурили, заговорили между собой. Похоже, решили ждать, когда придут жильцы.

По годами протоптанной тропке Андреас и Альфхильд возвращались к своему дому. За полтора года, пока Альфхильд укрывала разведчиков, помогала им, у нее выработалась привычка к осторожности. Всякий раз, подходя к усадьбе, она приостанавливалась, старательно осматривала и свои строения, и окрестности. А на этот раз какое-то тревожное предчувствие не оставляло ее. Она заставила Андреаса встать в расщелине скалы, сама, пригнувшись, подошла к повороту тропы и осторожно выглянула из-за камней. Во дворе их хуторка сидели и балагурили немцы.

Андреас и Альфхильд торопливо повернули обратно. На бегу переговорили, в Хамнинберг идти им смысла не было. Они свернули на дорожку, что вела в Перс-фьорд.

А разведчики в это время, добравшись до пещеры своих товарищей возле Перс-фьорда, обнаружили ее пустой. Правда, вещи на месте, но хозяев нет. Было похоже, что они поспешно покинули свою точку. Фигенскоу, Ойен и Оскар, предчувствуя что-то опасное, торопливо повернули назад, в Сюльте-фьорд. Надеялись, если немцы ушли, пробраться в свое жилище, забрать все необходимое и скрыться в горах, в отдалении отсидеться, пока все утихнет, если же облавы захватят и внутреннюю часть Варангера, уйти на материк и добираться домой «по зеленой».

Вскоре к этой же пещере в Перс-фьорде приблизились Андреас и Альфхильд. Они тоже не застали ее хозяев. По излюбленным тропам, которыми издавна ходили и зимой, и летом в этот поселок, супруги повернули обратно к своему хутору.

Возле дома, как и утром, старательно осмотрелись. Там все так же дежурили немецкие солдаты. Путь в свой дом по-прежнему перекрыт.

Как были налегке, повернули в горы, надеясь уйти от облавы и скрыться где-нибудь у друзей в селениях на северном берегу Варангера.

Поисковая команда, прождав хозяев почти до полудня и потеряв надежду, что жильцы все же придут, отправилась осматривать ближайшие окрестности. Только пять человек остались в засаде у дома, старательно замаскировались, даже курили осторожно, под накидками.

Фигенскоу, Ойен и Оскар подползли на бугор возле хутора Бруволдов, осмотрели. Там все было тихо, никто не ходил, лишь блеяли голодные козы и овцы. Причал в фьорде с этого бугра не был виден.

Разведчики проскочили в свою пещеру, чтобы забрать все нужное для себя и уйти.

Но в это время с сопок вернулись солдаты, что ходили на поиски. Переговорили немного с оставшимися в засаде и, разделившись на две группы, пошли вдоль высоких береговых скатов вправо и влево, заглядывая в расщелины, в закоулки, в каменные завалы. Одну группу унтер-офицер вел к тому пригорку, возле которого у разведчиков была основная база. Те торопливо укладывали в рюкзаки продукты и другие припасы.

Выглянувший из-за полога натянутой плащ-палатки Юнсен увидел приближающуюся цепочку немцев.

Все пути отхода оказались отрезанными.

Глава двенадцатая

Визгин вызвал из-под Мурманска, где вдали от лишних глаз, в обычных малоквартирных деревянных домах и в землянках еще с первой военной осени жила норвежская группа Отряда особого назначения, политрука этой группы Нину Ильиничну Крымову. Кроме норвежцев, там квартировали флотские разведчики из отдела и из отряда, они вели боевую подготовку, учились и тренировались искусству приема и передач на специальных радиостанциях, здесь им прививали навыки высадки и съемки малых групп. Туда на жительство приехали из Полярного Андрей Головин, Степан Мото-

вилин, Виктор Нечаев и еще несколько разведчиков. Время от времени там же оказывались те, кого собирались забросить на долгое сидение в дальний вражеский тыл. Уходили для такой подготовки и радисты из отделения Григория Сафонова. Так тихо, незаметно переместились Коровин, Ляндэ, Игнатьев, Костин, Богданов, Чемоданов, Чаулин...

Нина Крымова числилась оперативным работником этой группы. Но между собой ее называли политруком, хотя такой должности по штату не полагалось, а те, кто помоложе, считали ее мамой-хранительницей.

— Нина Ильинична, — после короткого приветствия, справившись о здоровье и о делах, сказал Визгин, — надо установить наблюдение за немецкими и норвежскими радиопередачами и за их прессой. Вызывают беспокойство три наши группы. Они на какое-то время все вдруг замолчали. Потом частично связь возобновилась, но с перебоями.

— В чем усматриваете причину нарушения связи?

— По сообщениям слушающих, они уходят от преследования. Но мы сомневаемся, не работает ли кто из них под контролем. Тем же озабочены и наши мурманские соседи, у них тоже связь прервалась.

— Нам не хватит людей для такого дела. Радисты, работающие с группами, следят за эфиром круглосуточно, без перерыва.

— Надо поставить у вас несколько обычных приемников, пусть переводчики прослушивают немецкие и норвежские передачи, особенно время информации, известий, вдруг что-то проскользнет.

— Но и этого мало.

— Вы правы. Придется поручить норвежцам, чтобы они слушали передачи на их родном языке. Это заметно расширит наш диапазон.

— Но ведь людей надо готовить к заброскам.

— Измените немного график. Пусть слушают те, кто ходит лодчанами, переправщиками, привлечите норвежских женщин, которые готовятся стать радистками.

— При такой расстановке вахт мы сможем охватить почти все основное время их передач.

— Но есть еще одно трудоемкое дело. Надо старательно изучить немецкую и норвежскую прессу. И не только ту, что доставили наши люди в последнее время. Особо всмотреться в то, что попадает к нам по другим каналам.

— Люди и так работают с перенапряжением, читают до помутнения в глазах.

— Мы это знаем. И все же надо нам помочь. Я прикажу выделить дополнительные калорийные продукты. Следите за сном.

— Еще бы избавить от воздушных тревог, от воя сирен.

— Этого гарантировать не можем, немцы не считаются с нашей потребностью в отдыхе. Пусть люди спят в землянках, у дверей повесьте двойные половики.

— Все сделаем, Павел Александрович, — не по уставу ответила Крымова.

Она отчетливо понимала, сколь тяжелую ношу возложил на них Визгин, но еще больше осознавала, что другого выхода не было, никто иной за людей, знающих языки, эту работу не сделает.

За плечами у Нины Ильиничны лежал непростой жизненный путь. Родилась она в Москве в семье мелкого служащего. Оставшийся без отца мальчик-подрочник упорной самостоятельной учебой пробился в конторщики, потом стал счетоводом, а затем и бухгалтером. До самой смерти он работал на московском автомобильном заводе начальником отдела статистики. Нина была старшей из десяти детей, четверо из них умерли в раннем возрасте.

Многодетной семье жилось трудно. Отец постоянно брал работу на дом. И взрослые, и дети ухаживали за огородом и садом, держали кур, кроликов, коз.

Родители мечтали дать образование Нине. Ради этого мать продала свой крест и пару серег, заказала молебен в нескольких церквях, сшила у портнихи новое платье из дорогой ткани. Девочку подготовили в гимназию, экзамены она выдержала блестяще, и как абитуриентку из малосостоятельной семьи ее освободили от платы за обучение.

В гимназии обнаружились ее природные способности к языкам.

За годы учебы она усвоила сверх программы латинский, греческий, английский, немецкий и французский, по которому брала дополнительные уроки. Она мечтала побывать во Франции, посмотреть Париж, появиться там не экскурсантом, а актрисой.

Семнадцать лет она окончила школу второй ступени.

Позже в своей биографии она написала:

«Это было очень трудное время. Мы выстаивали длинные очереди за хлебом. Тот, кто не пережил все это, вряд ли сможет по-настоящему понять, что значит для русского человека кусок черного хлеба. Маленький кусочек хлеба пополам с соломой был для нас входным билетом с правом на жизнь. Мы получали его как право, но иногда какой ценой! Просто удивительно, как мы, молодые шестнадцати- и семнадцатилетние парни и девушки, смогли вынести все это наравне со взрослыми».

Родители хотели ей дать университетское образование, но Нина мечтала стать актрисой. В семье произошел разлад. Нина ушла из дома. Какое-то время работала курьером мануфактурного магазина, курьером-делопроизводителем в транспортном отделе ВЧК, а потом поступила в Московский театральный техникум. Работала в театрах статистом. Но в основной состав театральной группы ее не приняли. Честолюбивым мечтам об актерской профессии был нанесен удар, хотя страсть к театру так и осталась до конца жизни. В 80-летний юбилей Крымовой одна из известных московских актрис говорила, что в театре Нина отключается от всего мира, она всей душой на сцене, ее лицо и глаза в этот момент как у малого ребенка.

Тогда же Нина подрабатывала себе на жизнь, на курсах обучилась стенографии.

Вскоре ее приняли на работу в Наркомвнешторг. Через три года Нине предложили работать стенографисткой торгпредства в Швеции.

В Стокгольме она начала изучать шведский и норвежский языки. Через некоторое время она уже читала классиков

скандинавской литературы в подлинниках. Здесь же, в торгпредстве, овладела пишущей машинкой, научилась печатать десятью пальцами.

В один из отпусков она поехала в Норвегию. Встречал ее по служебной обязанности работник торгпредства Павел Шерманов. Эта встреча стала их судьбой. Они прожили почти полувековую счастливую совместную жизнь. Тогда же в Осло состоялась ее первая встреча с советским послом Александрой Коллонтай. В конце поездки Александра Михайловна предложила Нине работать в ее аппарате. В апреле 1929 года она переехала в Осло, вскоре в посольстве служила молодая супружеская чета. Муж ее участвовал в Гражданской войне, уже давно состоял в партии, хорошо знал скандинавские языки.

В 1930 году молодые супруги вернулись в Москву, получили комнату в десятикомнатной коммунальной квартире. Муж наряду с работой посещал вечерние лекции в университете, готовясь стать «красным профессором», а Нина опять стала работать в бюро съездовских стенографисток, совершенствовалась на курсах иностранных языков, работала в исполкоме МОПРа, а затем в скандинавском секторе Ленинской школы Коминтерна. Пять лет преподавала Крымова в этой школе. Все эти годы наполнены частыми поучительными встречами с иностранными рабочими делегациями, беседами с представителями коммунистических партий, посещениями с ними фабрик и заводов, поездками по советской стране. Накапливался опыт разговорной речи, совершенствовалось умение письма и перевода, обретались политические навыки сотрудницы самых высоких государственных учреждений страны Крымовой.

Многие из ее слушателей возвращались в свои страны, вели подпольную партийную работу, воевали в Испании, сидели в тюрьмах и концлагерях, гибли от рук реакции.

В 1935 году на VII конгрессе Коминтерна она переводила речи и документы делегатам из Скандинавских стран, слышала ставшего известным всему миру после Лейпцигского процесса Георгия Димитрова, страстно призывавшего к

единству рабочего и коммунистического движения в связи с надвинувшейся угрозой фашизма.

Норвежский поэт Нурдаль Григ написал страстную статью о событиях в Испании. Потрясенная Крымова ее быстро перевела и тут же отнесла в «Литературную газету». В ближайшем номере статья увидела свет.

Нина не раз вспоминала, как трудно было переводить Мартина Андерсена Нексе, сколь сложно было угадать, о чем он станет говорить, какая быстрота реакции, находчивость и знание языка требовались, чтобы передать образную, наполненную неожиданностями ненаписанную речь такого мастера слова.

Нина вспоминала: в Москве, в концертном Зале имени Чайковского отмечался юбилей Нексе. Она спросила, о чем он будет говорить. Мартин ответил, что не знает. И когда он обратился к залу, слова его прозвучали на родном языке так:

«Меня можно сравнить со стариком, купившим красивого попугая, который, как ему сказали, может прожить двести лет. Хотелось бы дожить до этого времени».

Нина мгновенно поняла образность мысли писателя о прекрасном будущем человечества — и к одобрению и Нексе, и зала отлично справилась с этой вступительной фразой.

Партийная организация Ленинской школы в начале 1938 года приняла Крымову в сочувствующие партии, а осенью того же года ее утвердили редактором-консультантом Краткого курса истории ВКП(б) на шведском языке.

Когда началась война, Нина и ее муж попросили направить их в действующую армию. Павел получил назначение на фронт под Минск, а Нина 7 июля выехала в Мурманск.

В Мурманске ее зачислили в оперативный состав разведотдела штаба Северного флота и сразу же, наряду с работой над штабными документами, поручили заниматься только что создающейся норвежской группой особого отряда разведчиков. И она с первого дня окунулась в беседы, в размещение, устройство, в создание военной организации из этих сугубо гражданских людей. Каждого надо было изу-

чить и готовить к сложнейшей разведывательной работе во вражеском тылу. Ее, еще не состоявшую в партии, стали считать политруком группы. Знание языков, шведской и норвежской действительности, литературы и искусства сразу сблизили Нину с норвежцами. Она стала среди них своим человеком. И через сорок лет она могла вспомнить любого из членов этой норвежской группы и дать объективную характеристику каждому.

Сразу же, в ходе формирования норвежской группы, приступили к подготовке этих разведчиков к дальним походам. Они сходили в десанты с отрядом, пообстрелялись, почувствовали свист пуль и разрывы гранат, поняли суть боевой разведки.

Топография, хождение по азимуту, маскировка, прыжки с парашютами, изучение силуэтов кораблей и самолетов, для нескольких человек подготовка к работе на специальных приемо-передаточных радиостанциях — все это заняло конец лета и осень. Командир группы Сутягин и Крымова беседовали с норвежцами о положении на фронтах, старались вселить в них веру и надежду в победу, несмотря на неудачи, которые терпела Красная Армия на огромном фронте в начале войны.

Вскоре начались дальние пешие походы через занятую врагом финскую землю, а потом и высадки на Варангер с моря. У Крымовой не было ни одного свободного дня, каждые сутки были заняты до предела.

В отделе работало много квалифицированных переводчиков, но владеть почти всеми европейскими языками никому было не дано. Оттого нагрузка на Крымову выпадала весьма изрядная.

В жизни норвежской группы бывали всякие трудности; кто-то срывался, терял выдержку и самообладание, других угнетали предчувствия.

Как-то ночью к ней прибежала Дагни Сибблунд, во сне ей пригрезилось что-то страшное. И она подумала, что это произошло с ее мужем. Сколько та ни успокаивала ее по-матерински — плачущая годилась ей в дочери, — не помогло, сердце-вещун рвалось от дурного предзнаменования.

Оно не ошиблось: в ту ночь самолет, на котором Альф летел на задание, сбили, муж ее вместе с другими разведчиками и экипажем погиб.

Нелегко было утешать взрослых, бывалых мужчин, испытанных морем и закаленных подпольем, когда то одна, то другая группа попадала во вражеские сети и гибла.

Вот и сейчас тревожное ожидание нависло в норвежской группе. Срок возврата кое-кого истек, а они не вернулись, связь прервалась. Старались вопросов не задавать, даже между собой на тревожную тему говорили мало и редко. Но командира и политрука просили использовать их, если кого-то потребуется выволить.

Немцы продолжали молчать, все было глухо. Наконец, донесся сигнал Лейфа Утне. Группа взывала о помощи, настаивала снять ее морем.

Стали готовить экспедицию по выводу группы.

Глава тринадцатая

Киркенес с самого начала войны привлекал особенное внимание советского флотского командования.

Через него пролегла дорога с запада Норвегии. Хотя была она узка и не благоустроена, но по ней сливался в Киркенесе поток грузов с теми поставками, что приходили сюда морем. В порту велась основная погрузка никеля и других редкоземельных руд, отправляемых на переработку в Германию и другие страны.

И на отдых с фронта на Лице и у Среднего часть войск отводилась в Киркенес. Тут находились корпусные и армейские склады. Против воздушных налетов город основательно прикрывали зенитками и истребителями, а подходы с моря — несколькими тяжелыми и малокалиберными батареями.

В конце лета и осенью сорок первого маршрутные группы из отряда особого назначения подходили к нему. Но основательную разведку провести не удавалось. Много раз пытались приблизиться с моря и на катерах, и подлодками, но батареи открывали такой плотный огонь, а прожекторы

так ярко освещали море и небо, что попытки прорваться были бы безрассудны.

В отделе ставку сделали на заброску парашютистов.

В октябре сорок второго на выброску четырех разведчиков вылетели два самолета. Вблизи цели они попали под сильный зенитный огонь, в машину пилота Шишина попал снаряд, вместе с экипажем погибли разведчики Альф Сибблунд и Рольф Сёдерстрем. Другой самолет с командиром группы Оскаром Нистремом и Оддваром Сибблундом — братом погибшего Альфа — вернулся на аэродром. На базе норвежской группы отряда под Мурманском осталась совсем молодая вдова Дагни Сибблунд. Она написала рапорт начальнику отдела с просьбой зачислить ее в группу радистов и разрешить готовиться для самостоятельной работы во вражеском тылу.

Спустя три месяца была организована новая заброска под Киркенес. В операцию опять шли Оскар Нистрем и Оддвар Сибблунд, третьим членом группы — Хенри Петерсен.

Нистрем открыл счет своим походам в дальнюю разведку еще в конце лета сорок первого года. Уже тогда он подбирался к Киркенесу. Прошлые его походы описаны в моей книге «Отряд особого назначения».

Соратники Нистрема по операции — его земляки из коммуны Сер-Варангер, которая находится в окрестностях Киркенеса на южном берегу Варангер-фьорда.

Петерсен и Нистрем почти ровесники, каждому за тридцать, оба состояли в компартии Норвегии.

Петерсен довольно заметно отличался от своих земляков. И политическая подготовка у него была приличная, и способности хорошие, развит лучше многих других. Но характер имел неуравновешенный, ершистый, быстро вспыхивал. Со множеством идей, которые постоянно роились в его голове, соратники не всегда были согласны. Нистрем говорил, что Петерсен по любому вопросу имел свое мнение, отличное от позиции товарищей. Он даже считал, что по компасу надо ходить не так, как все ходят. Его инициатива и страсть к изобретательству могли бы принести много поль-

зы, не будь он связан рамками разведывательной конспирации.

Радист группы Оддвар Сибблунд был моложе своих товарищей на десяток лет. Он норвежский комсомолец.

Своих семей ни у кого из них нет.

В конце подготовленного отделом письменного задания разведчики прочитали для себя особую часть. В ней говорилось, что немецкое военное командование и гестапо приняли строжайшие меры по ужесточению режима возле Киркенеса. Создана целая сеть скрытой агентуры из местного населения. Кое-кого из них удалось выявить, фамилии их поручили накрепко запомнить. Некоторых разведчики знали сами, те и раньше являлись с норвежской полицией, о других, скрытно служащих оккупантам, узнали теперь.

Поэтому группе необходимо было соблюдать особую осторожность и возле Киркенеса, и в самом городе.

Держаться следовало ближе к Бугей-фьорду, к Нейдену. Оттуда входящие в Киркенес или выходящие из него конвои видны, а в город предписывалось ходить их маршрутникам, через своих людей добывающим сведения, нужные разведчикам.

Надо было непременно подыскать такого соратника из местных жителей, который мог ездить в Киркенес, в Вадсё и в Вардё.

Вылетели на дальнем бомбардировщике около полуночи 25 апреля. Без четверти час самолет подошел к озеру Гарше — месту намеченной выброски. Первым прыгнул из люка радиста Оддвар Сибблунд, за ним из штурманской кабины Нистрем и последним Петерсен. Едва разведчики успели отделаться от самолета, следом полетели тюки с грузом. Все парашюты раскрылись, и летчики наблюдали, как они дошли до земли. Видели также, как другой самолет бомбил аэродром Хебуктен возле Киркенеса, там стреляли зенитки, и он отвлекал внимание немцев от выброски парашютистов.

Пока спускались к земле, разведчики успели разглядеть, что по снежному покрову озера Гарше, куда им полагалось сесть, перекатывает снег, дует сильный низовой ветер, тянет за собой поземку. Чуть только ноги коснулись заснежен-

ной ледовой тверди, стропы отрезали, парашюты мгновенно погасили, скатав в клубки. Нистрем и Петерсен приземлились невдалеке друг от друга, сразу же сошлись вместе. Сибблунда не было видно. Как было условлено, посигналили ему криком куропатки. Оддвар его услышал и вскоре появился на зов товарищей.

Отправились искать груз. Бродили без лыж по глубокой заснеженной равнине, покрывшей за зиму ледяной панцирь озера, до рассвета, однако тюки с грузом не нашли. Только начало рассветать — выбрались на западный берег и на деревьях развесили парашюты, опустив их пологом до земли. Края врыли в снег, притоптали. В этом перкалевом шалаше не так дуло, как на открытом берегу. Связаться с базой не могли, батареи были упакованы в одном из сброшенных тюков.

Зная, что с грузом может случиться всякое, те продукты, что уложены как аварийный запас в рюкзаках, распределили по жесткой норме, чтобы вместо трех дней с ними можно было продержаться декаду.

Весь день дул сильный ветер, над озером висела снежная мгла, пришлось отсиживаться в матерчатом прибежище.

Следующим утром ветер утих, похолодало, снег подмерз, стал крепче, местами даже держал ногу.

Снова отправились на поиски груза. Бродили недолго, наткнулись на него километрах в трех от того места, где приземлились, на материковой полосе.

Тюки упали на торчащие из-под снега большие камни, обшивка разорвалась, все содержимое рассыпалось и перемешалось. Часть банок лопнула, сгущенкой залило табак, печенье, масло, мыло. Собирали все из снега, складывали на обрывки мешков, сортировали.

Вскоре нашли и третий мешок, который был сброшен без парашюта. Там оказались лопата, кастрюли и не выдержавшие удара и оттого сломавшиеся лыжи. Из их обломков связали сани, на которых потянули собранный груз. Все сложили в своем перкалевом пологе.

Еще через день Сибблунд связался с базой, доложил, как приземлились и как собрали груз.

Вскоре довольно близко от них на небольшой высоте пролетел вражеский самолет. Не исключено, что натоптанные ими следы могли сверху разглядеть.

Снова собрали все свое имущество и теперь уже то возле камней, то вблизи кустов передвинулись километра на два южнее, взобрались на невысокую скалу и на ней спрятались. Место свое называли Блосенборг, потому что возле него сильно дует ветер. Соорудили себе жилище из снега и торфа.

Первые майские дни никуда ходить не могли, по глубокому снегу без лыж далеко не отшагаешь. Связь с базой держали не часто, сообщали о погоде и о виденном поблизости.

12 мая самолет сбросил им продукты и лыжи. Груз упал на лед озера, на нем уже накопилось много талой воды. Все быстро оттуда вытащили и снесли по берегу к своей базе. Только управились и сели отдохнуть, снова возле них пролетел самолет.

Под вечер, когда похолодало и снег затвердел до нетолстого наста, встали на лыжи и отправились осмотреть округу. Поблизости, километрах в двух-трех, ни лыжных следов, ни тропок пешеходных, ни проезжих дорог не попало. Дорога от западной оконечности Варангер-фьорда к Нейдену и Киркенесу тянулась на несколько километров севернее, возле самого морского берега, только у Гамвика она поворачивала на юго-восток.

Постоянных чужих глаз тут не должно было быть. Если немцы не отправят поисковую команду, отсиживаться можно довольно спокойно.

Петерсен однажды пошел в разведку, хотел поглядеть на округу, узнать, не ходят ли люди, нет ли троп и дорог. Он надеялся встретить кого-нибудь из жителей или пробраться в одиночный хуторок и купить продуктов. Накануне самолет сбросил им груз, но его не нашли.

В нескольких километрах от озера Гарше наткнулся на землянку. Он зашел в нее, чтобы отдохнуть и согреться. Через какое-то время туда пришли двое юношей-лопарей. Поскольку Петерсен был одет в ватную одежду и сапоги явно

не здешнего образца, молодые люди спросили, кто он такой.

Петерсен объяснил, что он из Нарвика, основательно на-солил немцам и ему пришлось убежать. Сюда пришел с немецким дезертиром, тот помог ему одеждой и питанием. Они собираются бежать в Финляндию или в Швецию.

Молодые люди отнеслись к норвежцу спокойно, без тревоги и опаски. Они предложили ему пойти в их селение Гресбак и там спрятаться. Или же укрыться в одной землянке, ее хозяин Матяс Ульсен непременно им поможет, он коммунист.

Когда расставались, Петерсен попросил ребят никому не рассказывать, что они его видели. Парни ответили:

— Мы не из таких, которые болтают. Да и вообще в Гресбаке нацистов нет. Есть только один выродок на всю лопарскую общину, зовут его Айкью.

Когда большая талая вода скатилась в ручьи, реки и болота, а нижние скаты сопки и тропинки подсохли — наступила уже третья декада мая, — разведчики втроем отправились в Бугей-фьорд. Они намеревались в прибрежных селениях навестить старых знакомых и, если удастся, завязать контакты попрочнее.

У селеньица Бугей-фьорд — оно приткнулось к берегу в самой южной оконечности фьорда, дорога пробегала возле домов и тянулась на юго-восток, к Нейдену, — подошли к трем домам, особняком прилепившимся между дорогой и берегом. В одном из них жил Пер Равна.

Оддвар залег на высотке — она крутым спуском прижималась почти к самому фьорду, оставляя только узкую полосу для дороги, — наблюдать, чтобы его друзей не застигла какая-нибудь беда. Нистрем и Петерсен пошли к этим домикам.

У одного дома увидели женщину. Нистрем узнал сестру Пера, поздоровавшись, расспросил ее про брата. Выяснилось, что он отправился ловить семгу. Нистрем сказал, что они с приятелем занимаются проводкой телефонной линии, — когда-то он и в самом деле работал на таком подряде,

научился ставить столбы и тянуть провода. Они из своего укрытия видели накануне, как немецкие солдаты прокладывали телефонный кабель невдалеке от дороги. Посещение выглядело вполне убедительно. Никаких сомнений в душу женщины не закралось. Нистрем спросил, не намеревался ли Пер подработать на строительстве этой телефонной линии. Но, по словам сестры Пера, в селении незанятых людей нет, все при каком-то деле. Только один человек не работает — Арне Педерсен, но он болен, живет в соседнем доме.

Разведчики отправились к соседу. Шли по поселку в открытую, встречались с немцами и с молодыми норвежцами. Один парень ремонтировал велосипед. Немцы раскатывали с барабана кабель.

Педерсен копался возле своего дома в садике. Хенри Петерсен знал его раньше, когда тот работал в Якобснесе, виделся и позже, но Арне не узнал пришедших. Присели на скамье, закурили. Постепенно разговор перешел на оккупантов.

Педерсен сказал, что ненавидит немцев, со злостью бросил окурки под ноги и затоптал его каблуком, потом добавил, будто он рад, что на норвежской земле появились партизаны, будь он помоложе, поздоровей — сам бы пошел к ним.

— А ты тоже можешь быть полезным освобождению Норвегии, — заметил Хенри Петерсен.

Арне впервые внимательно посмотрел на собеседника и тут же его вспомнил.

— Хенри, я тебя сразу и не узнал, — сказал он Петерсену. Хозяину дома было известно, что Петерсен еще летом сорокового года ушел в Советскую страну.

— Пойдемте в дом, что сидеть на улице. — Педерсен поднялся и пригласил гостей к себе.

В доме заговорили о деле.

— Раз ты болен не тяжело, можешь иногда съездить в Киркенес.

Нистрем рассказал Педерсену, что их интересует, дал адреса знакомых и родственников в Киркенесе, к кому Педерсен мог бы обратиться.

Педерсен сообщил, что он видел у немцев в Чельмансесе, когда работал там до болезни.

Из бесед с Педерсеном, с другими жителями прибрежных селений разведчики уяснили, как живут при оккупационном режиме их соотечественники. В месяц на человека полагалось менее пяти килограммов муки, килограмм маргарина, двенадцать килограммов картофеля. Рыба, соль и спички продавались без карточек. Мяса не было совсем. Одежду, обувь можно было достать с большим трудом. Торговали салфетками, гардинами и одеялами из бумаги. Суд в Киркенесе постоянно рассматривал дела о кражах, контрабанде и других деяниях подпольного бизнеса. Недавно судили контрабандистов, которые провозили товары из Финляндии и продавали норвежцам по баснословным ценам: чулки вместо цены в 5 крон продавались за 45, костюм мужской, обычно стоивший 200 крон, шел на этом рынке уже по 600. Пачка папирос стоила от 20 до 40 крон.

Как-то в газете «Киркенес» попало на глаза объявление о том, что стало много случаев, когда дети воруют развешенную для сушки рыбу. Местные власти предупреждали, что виновные будут выдаваться полиции для наказания, а взрослым за поимку детей, ворующих рыбу, было обещано вознаграждение в 25 крон.

Ужесточились меры против дезертиров. Немецкий военный суд присудил к расстрелу солдата за то, что он покинул часть и скрылся в горах. Женщина, помогавшая ему бежать, посажена в тюрьму на три года.

После посещения хуторка на берегу Бугей-фьорда разведчики перебрались на новое место, к дороге, к тем хуторкам, что расположились у оконечности залива. Перенесли туда все свое имущество, основали себе более удобную базу. Назвали ее Фредхейм — мирный дом.

Больше в Бугей-фьорд не ходили. С Педерсеном встречались довольно регулярно в условных местах в горах. Но в последних числах июля Педерсен сообщил, что его отпуск по болезни заканчивается, свободного времени будет мало. Да и в горы стало ходить опасно: созрели ягоды, грибы, их собирают местные жители. В окрестностях не на один десяток километров все друг друга знают.

Педерсен предупредил разведчиков, чтобы они держа-

лись настороже, могут прийти люди собирать морошку, которой нынче уродилось много. Да и сами разведчики видели охотников и рыболовов. К ним Арне не советовал подходить: только людям доверенным комендатура и ленсманы дают разрешения появляться с оружием. Он указал на землянку Виктора Ларсена, областного инспектора по охоте из Бьерневатна, члена национал-социалистской партии.

Арне сказал, что в ближней округе людей, которым можно довериться и которые вхожи к оккупантам, больше не сыщешь, все держатся возле своих домов, рыболовных и сенокосных угодий, даже в Киркенес не ездят. А без пропуска туда не попадешь.

К концу июня продукты иссякли. Через две недели самолет пошел на заброску, но его сбили. Разведчики жили только крохами, что удавалось покупать Педерсену и приносить им, да ловили рыбу на озере и в протоках. В конце июля самолет удачно скинул тюки.

Арне Педерсен на одну из последних встреч принес разведчикам полный экземпляр новой инструкции об оккупационном режиме в Норвегии, разработанной службой безопасности, полицией, согласованной с военным командованием и утвержденной рейхскомиссаром. В ней подробно расписано, кому и куда можно ездить и на каком транспорте, чьи разрешения иметь, какие документы выдаются на руки, как выходить на лов рыбы, какая кара ждет тех, кто посягнет нарушить этот режим. Изложение этого документа, выдержки из него отпечатаны и развешаны в городах и поселках. Население должно было усвоить эти предписания и неукоснительно их исполнять. Особые строгости вводились в пограничной зоне, примыкающей к фронту на Лице и водам вокруг Варангера. Суровые карательные меры, которые ввели оккупанты, испугали даже людей, дружелюбно настроенных, готовых помогать разведчикам и бойцам Сопротивления.

Доносить немецким властям стали не только о неизвестных лицах, но и о родственниках, которые появлялись неожиданно.

Арне рассказал, что совсем недавно в Бугей-фьорде к

своему дяде Гоарнсарну зашел Рикард Юхансен. Этот разведчик еще осенью 1941 года высаживался на Варангер в группе Кудрявцева. Когда начались облавы, Юхансен сумел скрыться. Пробираясь к линии фронта, Рикард зашел в Бугей-фьорде к своему дяде и попросил его на боте перебросить на другую сторону фьорда. Дядя не только не помог племяннику, но сказал, чтобы тот немедленно уходил от него, а сам донес в комендатуру. Немцы организовали погоню и поиск. Невдалеке от линии фронта Рикард попал в засаду и в перестрелке погиб. Группа снова сменила базу, перешла со всем своим имуществом в долину реки Пасвик-Эльв.

В последних числах июля разведчикам рассказали о довольно курьезном случае. Несколько немецких судов в охране боевых кораблей плыли возле Вардё в густом тумане. Кому-то из наблюдавших показалось, что на караван вышли советские корабли. Конвойные открыли огонь, к ним подключились батареи с Кибергнеса и Вардё. Пока разобрались, несколько снарядов попало в свои суда и корабли.

Чтобы скрыть конфуз, немцы пустили по селениям слух, что к Варангеру шел русский десант, но его уничтожили корабли и береговые батареи.

Когда группа вела наблюдение с круто падающей высоты у Бугей-фьорда, отчетливо виделось, как по Бек-фьорду проходят в Киркенес и обратно транспортные суда и боевые корабли. Радиограммы об их движении поступали в Полярное без задержки, оперативно.

Ходок в Киркенес выведал расположение складов, что в них хранится, показал на карте, сверясь с принесенной им схемой, точные местонахождения береговых и зенитных батарей, узнал, что морем завезли химические снаряды.

Кроме того, ему удалось за приличную цену купить у служащего комендатуры немецкую карту, на ней был показан маршрут вражеской разведывательной группы, которая высадилась на советское побережье с подводной лодки в губе Вичаны, обследовала довольно большой район и незаметно вернулась к себе. Разведчики передали сообщение на базу, карту оставили себе, чтобы переправить потом командова-

нию. С добытчиком ценной информации щедро расплатились.

Пошла последняя неделя августа. Радист Оддвар, по обыкновению прослушивая эфир на случай экстренного вызова базы, наткнулся на передачу норвежского радио из Осло. Диктор читал сообщение немецкого командования и канцелярии рейхскомиссара. В нем население оповещалось, что в районе Берлевога за помощь советским разведчикам арестована и осуждена большая группа норвежцев, 11 человек казнены, остальным даны большие сроки тюремного заключения и лагерей. Фамилии большинства он успел записать. Донесение об этом Оддвар тут же отстучал на базу.

В те же дни разведчики собрались в Скуфосс — местечко в южной оконечности коммуны Сер-Варангер, возле самой границы с Финляндией, невдалеке от Никеля.

Часа два-три наблюдали из кустов за селеньицем. Место тут довольно пологое, ровное, долина пограничной, вытекающей из большого озера Инари и то вливающейся, то протекающей через целую цепь озер реки Паатс-Йоки, пока она у Киркенеса вольется в Бек-фьорд. Неприятельских солдат не было видно, патрульные машины не проезжали. Только временами то в одну, то в другую сторону шли грузовики, некоторые с натянутыми на стойки брезентовыми полами, да проезжали повозки, запряженные лошадьми.

Нистрем и Сибблюд пошли в селение, хотели наведаться к владельцу мелкой лавочки Хальворсену, но на дверях ее висел замок. Рискнули зайти к торговцу домой. Хозяина не застали, жена его сидела с гостьей — сестрой милосердия из Скуфосса за дружеской беседой. Пришельцы попросили хозяйку дома продать им спички. Она узнала Оддвара, но вида не подала, тут же поднялась, взяла ключи и пошла в лавку.

Отпустив разведчикам спички и немного продуктов, она предупредила покупателей, чтобы они были осторожными — у них в селении и в соседних недавно были обыски. В Нюруде группа русских столкнулась с немцами, произошла перестрелка. В те же дни в Мелькефосе к Иетменсену зашли двое русских, но хозяин выдал их оккупационным властям.

Совсем рядом от их дома, всего в двух сотнях метров, стоят солдаты из 6-й немецкой дивизии. Дней через десять они должны уехать на фронт. Поэтому она посоветовала прятаться понадежнее.

Нистрем и Сибблунд попросили заботливую хозяйку передать мужу, что хотели бы его видеть. И назвали место в лесу, где будут его ждать.

Вечером Хальворсен пришел в перелесок между озерами. Он так же, как и его жена, насторожил разведчиков, чтобы они вели себя крайне осмотрительно. Оставаться в лесу, вблизи селений и дороги весьма рискованно, можно навлечь беду и на себя, и на местных жителей. Сам он недавно отсидел пять месяцев в тюрьме по подозрению, что знал о готовящемся бегстве в Советский Союз соседа, но не донес. Из тюрьмы он выбрался только под поручительство полицейского.

Сибблунд попросил Хальворсена достать немного олова: в радиостанции нарушились контакты, и она работала с перебоями. Но Хальворсен отказался выполнить эту просьбу. По всему чувствовалось, что он боится немецких карателей.

Нужно было уходить, искать другой канал проникновения в окрестности Киркенеса.

Разведчики задумали переправиться через реку, пройти по финской территории к своей базе, чтобы миновать лишние посты и патрули.

Сапоги у разведчиков расползались. Хальворсен сходил в селение и принес им две пары ботинок. Он посоветовал переправиться через реку на лодке и объяснил, где это лучше всего сделать.

Поблагодарив Хальворсена за советы и расплатившись за покупку, пошли тропой, которую указал торговец.

Спустились вдоль берега к югу на три километра, обогнули стороной дом хуторянина Томассена, вышли к воде. Лодка хозяина стояла у берега чуть ниже по течению около большого камня, как в заводи, нос на обсушке, якорь отнесен на всю длину цепи.

Уже за полночь сели в лодку, а на ее месте на камне ос-

тавили придавленную булыжником так, чтобы край ее был виден, записку: «Одолжил лодку, не хотел вас будить. Верну в субботу. Виктор Ларсен». Подпись областного инспектора по охоте служила надежной гарантией, что скорых поисков не наступит. Хозяин спокойно будет ждать, когда взявший вернется через пограничную реку.

Шли на веслах не прямо, а наискось, чтобы проскочить финский сторожевой пост, который стоял почти напротив дома Томассена.

Сориентировались по карте и курс взяли к советской границе, к тем тропам, по которым советские разведчики ходили уже третий год.

Были совсем рядом с родительскими домами, но зайти и навестить своих домашних не довелось. Чужая власть заставляла ходить крадучись, обходить родное гнездо стороной.

Глава четырнадцатая

Подводная лодка, взяв на борт Трюгве Эриксона, вышла из фьорда в море и повернула к базе.

Командиром группы остался Франс Матисен.

Франсу шел сороковой год, когда он вторично высадился на Нолнес. Более десяти лет он уже состоял в Норвежской компартии. Семья Матисенов с момента оккупации Норвегии немецкими захватчиками включилась в активную борьбу с фашистами. Из таких, как Матисены, состояло норвежское Сопротивление. В Киберге живут его отец, мать, младший брат Туральф. Второй его брат Альфред был одним из руководителей Сопротивления в Финмаркене. Осенью 1941 года он шел на встречу с разведчиками группы Кудрявцева, но попал в засаду, был арестован, просидел в тюрьме до июня 1942 года, потом немцы его расстреляли. Сестра Торгунд замужем за Пером Андрессеном, живет с мужем в Вадсё. На контакты с ним вышел Сверре Сёдерстрем. Связь старались проводить пореже, в основном через вторые и третьи руки, через тайники. Конспирация строго соблюдалась, поэтому Пер не попал под подозрение гестаповских и жандармских ищек.

Односельчанин и однофамилец Франса и почти ровесник его Арнульф Матисен в партии состоял более десяти лет, в борьбу с фашистами включился сразу, как только те пришли в Норвегию.

Он переправлял с подлодки на резиновой шлюпке на берег Нолнеса своего земляка, когда тот шел на смену Эриксену.

Вахта над морем продолжалась без перерыва. Сан-фьорд на весну, на светлое время, без присмотра не остался.

Связи с помогающими им патриотами из Берлевога, из других селений по Тана-фьорду и по южному берегу полуострова Варангер продолжались. Всю весну и начало лета радиogramмы от группы поступали ритмично.

Жили разведчики на оконечности Нолнеса в расщелине между двух скал, в сложенном из ящиков шалаше, укрытом плащ-палатками. Ни тепла, ни уюта, но зато вдали от чужих глаз. Весь простор моря через фьорд был перед их глазами.

Ближние соседи — Стенманы и Луэ — знали о них, но встречались редко.

Прошла весна, началось лето. Связь держалась устойчиво, радиogramмы с донесениями поступали по расписанию. На базе о группе перестали беспокоиться.

Во второй половине июля связь на некоторое время прервалась.

Затем радист Утне сообщил, что на прежней точке находится опасно: часто стали появляться патрули с моря и по суше, поэтому пришлось почти на неделю уйти в горы и замолчать. Теперь снова вышли на берег, но в другом месте, обосновались на новой точке.

Группа по радио запросила продукты, так как пришлось уйти только с аварийным запасом в рюкзаках. Все основное осталось схороненным у Нолнеса.

Снарядили самолет, погрузили двухмесячные запасы. Когда самолет вернулся, экипаж доложил, что сбросили тюки примерно в полутора-двух километрах от точки, которая была указана им на карте. Группа донесла, что продукты не получили. Через четыре дня закинули груз с продуктами снова. И опять от группы радиogramма: «Слышали самолет. Продукты не получили. Идем к берегу».

На этот раз, когда Визгин докладывал командующему, Головко разгневался:

— Почему такая безответственность? Кто разрешил сбрасывать не в то место, куда указано? Составьте мне справку о всех неблагополучиях с забросками. Надо разобраться, научить экипажи строго исполнять указания, а тех, кто проявляет халатность, наказывать. Передайте выговор и мое строгое предупреждение начальнику службы.

Через шесть дней снова состоялась выброска. И опять группа сообщила, что груз к ним не попал.

Визгин скрепя сердце докладывал командующему о третьей неудаче.

Головко вскипел:

— Кто позволил бросать без сигналов с земли? Почему не организовали как следует?

— Товарищ командующий, у меня появились сомнения в этой группе.

— Почему?

— Не должно быть подряд столько неудач. Не водят ли нас за нос?

— Что предполагаете делать?

— Дадим радиogramму, чтобы шли к берегу. На лодке пошлем съемочную группу из разведчиков. Она разберется.

— А если будет засада?

— Такую вероятность я не исключаю. Подберем бойких ребят, чтобы не попались, сумели отойти на шлюпке к подлодке.

— А если будут стеречь у самой воды?

— Это маловероятно. Орудия туда не доставят, а от стрелкового оружия разведчики и подлодка со своими пушками отобьются.

— Согласен. Все тщательно проработайте, доложите мне план. И действуйте быстро. Людей надо вызволять.

Через несколько дней Визгин докладывал командующему флотом предложения, как отыскать и вывести с Варангера группу Франса Матисена.

— Мы предлагаем двойной, комбинированный выход на поиск группы. Сначала забросим с воздуха во внутреннюю,

материковую зону Варангера двоих разведчиков — норвежца, хорошо знающего те места, и радиста. Но о их выброске сразу Матисену не сообщим, лишь известим, что спасатели-поисковики за ними вышли, и прикажем держаться поодаль от берега, километров на пять-шесть. Потом по нашей команде группы пойдут по встречному маршруту.

— Кто в этой группе?

— Оскар Нистрем.

— Но он ведь недавно вернулся из-под Киркенеса.

— Да, и еще не отдохнул. Но послать больше некого. Пять групп готовятся к заброске в другие места.

— С Нистремом говорили?

— Да. Он все понимает, согласен.

— Добро. Кто радист?

— Николай Коровин. Он парень опытный. Много раз ходил в походы. С весны работает в группе подготовки к длительным заброскам.

— Как они станут действовать дальше?

— Разберутся в обстановке на материке, сообщат о себе. Тогда дадим команду двигаться в сторону берега, к высоте 637. Туда же заставим идти Матисена. Встретятся они в четырех километрах от высоты, там небольшая база, запас продуктов, батареи к радиостанции. В командование обеими группами вступит Нистрем. Затем двинутся к берегу. В действие придет вторая часть операции.

Далее Визгин доложил, что в Сан-фьорд подойдет к назначенному времени подлодка, обменяется условленными с Нистремом или Матисеном сигналами, к берегу отправятся на шлюпке переправщики. Один переправщик — Хенри Петерсен. Он ходил с Нистремом в последнюю операцию под Киркенес. Второй — Оле Халвари, тоже из норвежских предвоенных эмигрантов, плавал на наших подлодках лоцманом, места те знает хорошо. Люди задание проработали и усвоили.

— У вас нет сомнений, что с группой все так, как она передает?

— Я вам докладывал, что подозрения закрались, но радист не дает повода быть в полной уверенности, что он подконтролен. Условного сигнала не подал.

— А если он не может его дать?

— Мы думали об этом. Поэтому и разделяем операцию по съемке на две стадии. Когда Нистрем будет точно знать ситуацию и отсигналит нам, тогда и подойдет подлодка.

— Что ж, добро. Проводите операцию. Следите за ней лично. И регулярно докладывайте. А при неожиданностях — немедленно.

— Есть. Мы также надеемся, что Нистрему станут известны какие-либо сведения о группе Фигенскоу Коре. Связи с ней давно нет. Много оснований считать, что группа погибла. Ведь немцы сообщили о суде и казни норвежцев из Берлевога. Но точных данных о наших людях мы не имеем.

— Это тоже нужно. Постарайтесь до конца разобраться в обеих историях.

Визгин ушел от командующего.

План проведения операции по вызволению разведчиков с Варангера вступил в действие.

Прошло еще несколько дней.

Вечером 5 октября самолет «Бостон» вылетел с аэродрома в Ваенге.

В его экипаже были командир самолета старший лейтенант Федоров, штурман младший лейтенант Кривошей, стрелок-радист старший сержант Агафонов. Руководил операцией по выброске капитан-лейтенант Николай Лобанов, ему помогал старший лейтенант Радаев.

Через час с небольшим самолет подлетел к цели. Сначала сбросили грузовой парашют, в котором находились продовольствие и снаряжение, затем прыгнул радист Коровин, следом — Нистрем. Лобанов и Радаев видели, как парашюты раскрылись и пошли к земле. До нее было пятьсот метров. Сели разведчики в назначенном месте.

Еще через час самолет сел на своем аэродроме.

На следующее утро от Коровина получили радиogramму: «Приземлились хорошо. Обследуем район».

Первая часть операции шла по плану.

Сначала, как было намечено в задании, разведчики пошли несколько восточнее высоты 637. Снег лежал неглубокий, чуть выше щиколотки. Идти было нетрудно. Спустились

к югу километра на два с половиной — три. Никого не встретили, только местами попадались заячьи да лисьи следы. Прошли еще восточнее на километр, повернули на север. Под ногами пружинили мох и более мягкие, не сильно подмерзшие кочки. И опять ни малейших признаков пребывания людей. Отдохнули, сидя перекусили, старательно оглядели округу. Никого. Двинулись вдоль северных скатов высоты на запад. И опять безлюдье.

Повернули по западной стороне на юг. Кое-где из-под снега торчали кустики голубичника, черничника, морошки, брусники. Изредка краснели застекленевшие от холода бусинки клюквы.

Снова топтали нетронутое снежное покрывало. Стало смеркаться, день торопливо покатился к закату.

Некоторое время постояли, перекурили. И опять повернули на восток. Вышли на свою тропу. Обошли гору кругом, но ни Матисена, ни его товарищей не обнаружили.

Вернулись к месту приземления, где лежали свернутые парашюты, тюк с продуктами и грузом. Ходить ночью было бесполезно. Распаковали рюкзаки, плотно поели. Коровин развернул рацию, отстучал радиogramму, в которой сообщил, что вокруг горы все обследовали, но никого не нашли. Спросил указаний. Завернулись в парашюты и уснули.

Чуть забрезжил рассвет, небо еще оставалось совсем серым, когда разведчики встали, умылись снегом, позавтракали. Связались с базой. Оттуда передали, что группе Матисена дано задание идти к высоте 637.

Отправились вновь на поиски. Безуспешно ходили до полудня. В наушниках снова зазвучали позывные базы.

В радиogramме передали сообщение группы, что она сильно устала, отошла от голода, идти к высоте не в силах, просит, чтобы встречающие вышли к морю. Поисковикам приказали держать курс на Сан-Фьорд, слушать сообщения. Место встречи база сообщит в радиogramме.

Фьорды — иногда их называют шхерами, — изрезавшие все норвежское побережье, именуются часто по крупному, основному фьорду. Но в нем бывает еще по несколько небольших заливов. Им тоже присвоены имена. Так вот, в

Сюльте-фьорде, на его восточном берегу, тяготеющем к Перс-фьорду, есть небольшой заливчик Сан-фьорд. Там, в еще меньшей бухточке Итре-Сюльтевик, в прошлом году обосновались две группы разведчиков.

Но с середины лета связь с группой Фигенскоу Коре прервалась, точных сведений о судьбе разведчиков добыть не удавалось. Только за контакты с ними немцы покарали в августе многих местных жителей.

А на западном берегу Сюльте-фьорда тоже есть селенье такого же наименования — Сан-фьорд. Но в обиходе, чтобы не путать, его называют еще Маккеур-Сан-фьорд, поскольку он тяготеет к Маккеуру.

Нистрем и Коровин, которых еще в базе сориентировали, что группа Коре с точки на восточном берегу исчезла, а население округа строго поплатилось, к той бухточке не сунулись, пошли к западному Сюльтевику, к Маккеуру.

А от группы Матисена, которую пришел искать Нистрем, в Мурманск шли радиограммы, что они ждут у восточного берега. В каждой радиограмме сообщалось, что совсем нет продуктов, люди вымотались и болеют.

Нистрему дали задание повернуть на восток, идти чуть дальше Итре-Сюльтевика, там к берегу подойдет подводная лодка. Такую же радиограмму получила разыскиваемая группа.

Нистрем и Коровин ночью подошли к месту съемки. Укрылись в камнях и стали наблюдать, когда покажутся Матисен и его соратники, но их нигде не было видно. Нистрем, человек очень опытный и осторожный, в открытую по сопкам даже в ночной темноте не пошел. Он не сомневался, что, как только лодка подойдет, те, кого они ищут и ждут, сами вылезут из щели, в которой отлеживаются.

Около полуночи Нистрем заметил приближающуюся к берегу подлодку. Он следил за ее движением, Николай — за берегом, высматривая, откуда появятся Матисен и его спутники.

Лодка остановилась. Нистрем подал фонарем условный сигнал, стал ждать, когда придет ответный. Но с лодки отзывать не подавали, Матисен тоже не оповещал о себе.

— Пойдем ближе к берегу, может, наши сигналы не за-

метили. Посветим оттуда. — Нистрем собрался выходить из-за камней. Поднялся и Коровин.

Вдруг темноту прорезал луч прожектора, раздались выстрелы.

— Коля, засада... Быстро уходим...

Разведчики опрометью кинулись из опасного места.

— Куда пойдем? — на бегу спросил Коровин.

— Обратно в горы, к нашему складу.

Нистрем и Коровин весь остаток ночи безостановочно уходили все дальше от берега.

Подводная лодка М-105 капитана 3-го ранга Хрулева вышла 12 октября из Полярного под покровом темноты. Тройку разведчиков, отправившихся в операцию по съемке групп Матисена и Нистрема, возглавил лейтенант Аркадий Яковлев, переправщиками с ним пошли двое норвежцев — Хенри Петерсен и Оге Халвари. Чтобы избежать лишних глаз при посадке разведчиков на подлодку, из Екатерининской гавани они вышли сначала на рейсовом боте, какие ходят между недалёкими бухтами, перевоза мелкие грузы и пассажиров. На выходе из Кольского залива бот подвалил к подводной лодке, и разведчики прошмыгнули на нее. Часть страхового запаса продуктов, если обстоятельства задержат поисковиков у берега или на материке дольше расчетного времени, доставили вместе с продовольствием для экипажа лодки.

Ночью на 14 октября, через двое суток, приблизились к месту съемки у Маккеур-Сан-фьорда. Осмотрелись в перископ: на море ни судов, ни кораблей. Всплыли, оглядели берег. Все замерло в безмолвии и неподвижности. Походили галсами от берега в море, то склоняясь к западу, то к востоку, возвращались обратно. Берег был по-прежнему беззвучно темен.

Спустили две шлюпки, на них переправщики пошли к берегу. Потом обе шлюпки вернулись назад. Переправщики доложили, что на берегу никого не видно.

Время подходило к рассвету, лодка ушла миль на пять в море, погрузилась. День переждали на глубине. Следующей ночью опять подошли к берегу, снова на него глядели с

надеждой и ожиданием, оттуда ни звука, ни просвета. Так прошло еще три ночи. Из базы приказали перейти к запасному месту съемки.

Приблизились к северо-западному берегу входа в Персфьорд. Дрейфовали с отключенными от двигателей винтами минут двадцать. С берега мелькнули ожидаемые зеленые проблески. Яковлев сказал Хрулеву:

— Наши тут...

— Но почему сигнал от одной группы?

— Командир поисковой группы после встречи становится старшим. Поэтому он, видимо, и подал свой позывной.

— Пошлем шлюпку?

— Да.

К берегу пошел Оге Халвари. Когда он вскочил на сушу — не видели: то ли удаленность и темень сделали его неразличимым, то ли накатная волна и прибрежные валуны скрыли. Его потеряли из виду. И зеленые проблески больше не повторялись.

— Почему не сигналият? — тревожился Хрулев.

— Там усталые, голодные люди. Может, им трудно добраться до берега? — Яковлева тоже охватило беспокойство. Может случиться любая неожиданность.

— Пошлем вторую группу?

— Пусть идет.

В принаитовленную к борту шлюпку спустился Хенри Петерсен, она быстро удалялась от подлодки, ее видели почти до самой береговой кромки.

Хрулев, Яковлев, сигнальщик не сводили глаз с того места, к которому ушли шлюпки.

Неожиданно ярко вспыхнул луч прожектора, он заметался по воде, нащупал лодку, осветил ее. И в то же мгновение трассирующие пули и малокалиберные снаряды потянулись к лодке, забарабанили по обшивке легкого корпуса. Из-за мыса выскочил сторожевик и устремился к лодке, со стороны Харбакена показался второй. Они брали ее в клещи, стреляя на ходу.

Хрулев скоординировал срочное погружение. Сторожевики настигали лодку. Посыпались глубинные бомбы — одна,

другая, третья. Некоторые грохотали довольно близко. Корпус содрогался от взрывов, и под их шум она торопилась ускользнуть в море.

Хрулев приказал выпустить порцию мазута, а через несколько минут выбросить мусор — деревянные обломки, пробочную крошку, тряпье...

Сторожевики остановились, для страховки сбросили еще с полдесятка бомб и ушли, вполне уверенные в том, что лодку они утопили.

Когда все утихло, подлодка вернулась домой.

В разведотделе разбирали операцию.

— После неудачи со съемкой от Нистрема поступила радиограмма. Он спрашивает, почему ему приказывают идти пешком в обход Варангер-фьорда и через линию фронта «по зеленой». Ответили, что снять с моря нельзя. Да он и сам понимает, засаду видел. Радиограмму они приняли, квитанция есть. Значит, оба живы, — первым начал обсуждение капитан-лейтенант Лобанов. Он готовил к заброске Нистрема и Коровина.

— Но как рядом с ними оказалась засада? Ведь мы четко видели сигналы Нистрема. Раз он сумел вырваться оттуда, значит, о засаде не знал. Случайно она появиться не могла. Переправщики, если их поймали, за столь короткое время не успели бы дать показания, чтобы немцы смогли по ним подготовиться, — размышлял вслух Яковлев.

— Я думаю, нам подставили ловушку. — Визгин высказал мысль, которая возникала и у других. — Мы очень хотели вызволить группу Матисена и на этом попались. Теперь очевидно, что радист работал под контролем. Немцы рассчитали все психологически точно. Они воспользовались нашей заботой о людях и завели в сеть. После стычки у берега радиосигналы от той группы тоже замолкли. Немецкие затейники могут считать, будто мы думаем, что группа Матисена ненароком оказалась в том месте к моменту съемки. Они нас намеренно тянули к Перс-фьорду, ведь к Маккеуру им с тяжелым оружием и с прожектором добраться было почти невозможно. Во всяком случае, за короткое время.

— Но где же люди? И почему радист не подал условный знак, что работает под контролем? Я спрашивал в радиоцентре. Прослушивали пленку с записью. Работал наш радист Лайф Утне. Это его почерк. Но мог быть столь жесткий контроль, что и одного лишнего знака не отстучишь. Да и наверняка ему пообещали жестокую расплату, если он не подчинится. — Николай Лобанов мыслями был на берегу.

— О людях узнаем. Может быть, не скоро. А если поторопятся их казнить, то и быстро.

Договорились снова установить тщательное слушание эфира, возможно, что-то сообщат немцы. Группам, готовящимся к отправке в Норвегию, постараться вызнать, что случилось с разведчиками.

Удар нанесен тяжелый. Но разведку прекращать нельзя. Люди на Варангере, под Киркенесом и у Тромсё должны быть и работать.

— Как будем вызволять Нистрема? — спросил Лобанов.

— Он опытный. Зря в силки не попадет. Если не раскроют нашу тропу «по зеленой» — уйдет. Подаст сигнал — вышлем людей навстречу, возможно, самолет где-нибудь посадим.

— Но он уже пять дней молчит.

— Это немного. Он может поосторожничать. Знает, что его будут искать, и потому не выходит в эфир, чтобы не запеленговали.

Так что же случилось с тремя группами разведчиков — Матисена в Конгс-фьорде, Фигенскоу в Сюльте-фьорде и Нистрема, заброшенного на поиски и вывод попавших, как считалось, в тяжелое положение шестерых норвежцев?

Высадившиеся позже в Норвегии другие группы, тщательный анализ немецкой и норвежской печати и радиопередач помогли в основном тогда же прояснить ответ на вопрос: куда исчезли люди?

Рейхскомиссариат Тербовена, гестапо и военное командование, опубликовавшие множество материалов о судебных процессах и казнях норвежских патриотов, информацию о поимке русских и норвежских разведчиков не давали. Ви-

димо, считалось политически невыгодным признавать, что советская разведка проникает в глубокий тыл.

И все же некоторые сведения стали известны через зарубежные источники Центра. Уже через несколько месяцев Центр сообщил отделу ряд данных, поступивших по его каналам.

Прошли годы, усилился интерес норвежской общественности к подвигу ее сынов и дочерей, отдавших свои жизни для освобождения страны от фашистских оккупантов. Начались кропотливые изыскания, беседы с еще живыми тогда участниками событий, бойцами Сопротивления, изучение архивов немецкой разведки и контрразведки, норвежской полиции, оставшихся после бегства германских войск.

По советским и зарубежным исследованиям получилась вот такая картина.

Франс Матисен принял командование группой после ухода Трюгве Эриксена. Было это в первых числах апреля 1943 года. Матисен и двое Утне — дядя и племянник — несли вахту на Нолнесе. Перебравшись после ухода Эриксена в другую расщелину между скал на берегу моря, они продолжали свою службу, реже встречались с помогавшими им бойцами Сопротивления из Берлевога и других селений, выходили на контакты только в уединенных местах, сами в крупных поселках и городках не показывались. Посещения ближайших соседей — Луз и Стенманов — тоже стали крайне редкими.

В середине июля на северное и южное побережье Варангера стали высаживаться большие группы немецких солдат. Одна из таких команд высадилась в Берлевоге. Немцы привели в действие план операции «Полночное солнце» по розыску и уничтожению советских разведчиков.

Помощники разведчиков из Берлевога выйти никак не могли, но все же им удалось переслать короткую записку в Конгс-фьорд, оттуда тревожная весть докатилась до группы Матисена, и они поспешно собрали самое необходимое, уложили в рюкзаки, прихватили радиостанцию с батареями, оружие и покинули свое укрытие на берегу. Спрятать или уничтожить все свое имущество и следы долгого жительства времени уже не было. Выпорхнувшие по тревоге из гнезда

его обитатели поспешно уходили в горы, надеясь на время там укрыться.

На марше, не останавливаясь на длинные привалы, они сообщили на базу, что обстановка резко ухудшилась, вынуждены свое место покинуть, просят сбросить продукты.

Высадившаяся в Лёквике поисковая команда карателей, обыскивая округу, наткнулась на пещеру разведчиков и поняла, что тут было чье-то долговременное пристанище.

Часть отряда отправилась в горы, намереваясь отловить там беглецов, другая возвратилась в долину.

Улики найдены, можно было приступить к арестам. Первыми взяли под стражу ближайших соседей — жителей Лёквика.

Матисен со своим помощником и радистом временно остановились возле одного из озер в глубинной, удаленной от берега части Варангера. Было лето. Самая пора сенокоса. Пospели ягоды и грибы. Кое-кто ловил рыбу на озерах.

Трое рыбаков видели, как с самолета сбросили груз на парашютах. Один из наблюдавших позвонил по телефону в Конгс-фьорд и сообщил о случившемся.

Вдоль линии электропередачи от Комагвера до Конгс-фьорда шли в очередной обход проверяющие ее надсмотрщики.

В один из дней Харальд Утне столкнулся с Эрнлеем Бангом. Они знали друг друга с довоенных времен. Банг, сразу понявший, по каким делам теперь на родной земле ходит Харальд, не только не выдал своего земляка, но и помог ему. Он видел разведчиков и после того, как они покинули свою точку.

Позже разведчиков видел Пауль Хагала. Он столкнулся с Харальдом лоб в лоб. Вроде обширна и пустынная гористая тундра, но в страдную пору и в ней не затеряешься. Видели разведчиков и косари на сенокосе. Вести, куда убежали разведчики с побережья, дошли до немцев.

Из Комагвера в горы отправились двадцать карателей. Дорогу им показывали двое норвежцев, один из них — Улаф Хагала, сын Оскара.

Ищейки почти вплотную подошли к упрятавшейся в мел-

ком кустарнике группе, до нее оставались считанные шаги. В этот момент двое из них выскочили из кустов и кинулись бежать. Солдаты открыли стрельбу, полагая, что свист пуль заставит их остановиться. В то же мгновение из кустов выпрыгнул третий человек и побежал в другую сторону. Несколько немцев погнались за ним. Разрыв сокращался, они уже почти достигли бежавшего, когда он поднял руку с пистолетом и выстрелил себе в голову.

Хагала опознал в нем Франса Матисена из Киберга. Так погиб за освобождение Норвегии второй из братьев Матисенов.

К концу дня немцы арестовали Харальда и Лейфа Утне.

Захватили их поодиночке и под запором держали тоже порознь. Допрашивали особняком, очных ставок не устраивали. Да они и не требовались. Улик предостаточно, отпираться смысла не было.

Как только немцы узнали, что младший из захваченных — радист, за него и принялись. Чтобы сломить неокрепшую волю молодого человека, больших усилий не потребовалось. Через сутки Лейф согласился передавать в эфир те радиogramмы, которые ему напишут.

Немцы спешили: большой перерыв в радиосеансах мог вызвать в Полярном подозрения, а Лейф не выходил на контакт уже вторую неделю. Сначала его заставили простучать на ключе вхолостую, потом записали на пленку. И под контролем этой пленочной записи Лейф послал первое составленное немцами донесение. Он оповестил, что последние радиogramмы из базы им получены, но он не мог ответить, даже квитанцию о приеме подать, поскольку передатчик при переходе испортился, а батареи намокли. Теперь аппарат исправили, батареи просушили. Заброшенное с воздуха продовольствие нашли, сыты.

В ответной радиogramме база спросила, могут ли они пройти обратно пешком «по зеленой», не добудут ли лодку. Посылать подлодку было весьма рискованно.

Началась вторая радиоигра. Первую немцы затеяли чуть раньше, когда захватили в плен у Перс-фьорда радиста мурманской группы Василия Осипова. Двое других разведчиков

из той группы погибли. Теперь два радиста работали под контролем немцев и давали продуманную в их штабе информацию.

Немецкое командование решило воспользоваться ситуацией и заманить в ловушку тех, кто пойдет вызволять разведчиков, попытаться захватить подводную лодку или хотя бы утопить ее.

Удача плыла к немцам в руки. Лейф работал аккуратно, да и глаз с него не спускали. И держали без особых строгостей, кормили сытно. Обещали безбедное, обеспеченное будущее.

Харальд Утне в тяжких раздумьях проводил день за днем под арестом в одиночной камере в Вардё. Немцы понимали, что он знает о русской разведке куда больше, чем его племянник, однако полностью он себя не раскрывал.

Из Вардё Харальда перевезли в Тромсё, там поместили в лагерь пленных, где за него взялись более умелые специалисты добывать признания. Раньше они уже занимались представленными на нашумевшей пресс-конференции Климовым и Широковым, норвежскими и английскими моряками из конвоев, и не безуспешно.

Его приговорили к смертной казни, но он сумел бежать из лагеря. И морем и сушей он пробирался на восток. Возле Вадсё его задержал патруль. Для выяснения личности перевезли в Киркенес. Тут и всплыло, что он приговорен к смертной казни, находится в бегах и разыскивается.

Харальда расстреляли возле старинного русского православного монастыря невдалеке от Киркенеса.

Нистрем и Коровин вырвались из засады у моря, куда их упорно заманивали радиogramмами Лейфа.

Теперь они укрывались возле высоты 637. Еще в первые дни, когда искали Матисена с его напарником, они наткнулись на избушку, в каких норвежцы живут в сенокос или во время осенней охоты.

Убежав от погони, они обосновались в ней и просили, чтобы их сняли морем. Однако база вполне резонно отвечала, что после случая возле Перс-фьорда подходить к берегу

невозможно, предлагала идти домой «по зеленой», обещала сбросить с воздуха продукты и снаряжение.

Из радиogramм немцы знали, что для вывода группы Матисена кто-то заброшен. Во время засады на берегу они заметили зеленые сигналы, поняли, что для встречи с подлодкой кто-то пришел. На захват ее побежало отделение солдат, однако разведчики успели уйти. Пока стреляли, бомбили лодку, преследователи вдаль от берега не пошли. А к утру следы заporошило снегом.

Через несколько дней следящие за эфиром слухачи засекали выход молчавшей некоторое время рации. Пеленгаторщики передали, что она снова подает сигналы от высоты 637.

В горы отправилась поисковая команда. У избушки завязался бой. Разведчики отстреливались долго и отчаянно. Даже через десять лет в стенах и в дверях виднелось множество следов пуль, а внутри домика впитавшаяся в дерево кровь.

Прошло еще недели две. Центр сообщил Визгину, что, по достоверным данным, Нистрем погиб 7 ноября невдалеке от Петсамо в стычке с вражеской засадой. Кто-то раскрыл немцам ту тропу, которую называли «по зеленой», когда группы или одиночки возвращались из дальних мест на свою землю.

Неожиданный обстрел подлодки не позволил дожидаться, когда вернутся назад переправщики. Хенри Петерсен и Оге Халвари остались на берегу. С Нистремом они встретиться не успели, иначе Оскар увел бы их с собой и сообщил об этом.

В отделе строили предположения, куда они исчезли. Если поспешили от берега оторваться в горы, должны уйти. Тропу «по зеленой» Петерсен знает, он там уже ходил. Продукты добудут, деньги есть. Но добираться будет тяжело, они для столь дальнего маршрута не снаряжены.

Хуже, если сразу попали в лапы карателей.

Когда Петерсен подходил на шлюпке к берегу первый раз, он слышал голос Лейфа Утне, но на берегу его не нашел.

Оге Халвари, подошедший к берегу минутами позже Петерсена, ни возле воды, ни на каменной гряде напарника не

встретил. Он сделал лишь несколько десятков шагов, как начался обстрел. Оге бросился бежать, но в свете прожекторов немцы заметили его, погнались, не однажды для остротки выстрелили в воздух. Он сдался в плен.

Но второго высадившегося со шлюпки не нашли.

Хенри Петерсен несколько дней скрывался в сопках. У него не было ни продуктов, ни теплой одежды, ни снаряжения для дальнего маршрута. Через трое суток его тоже захватили в плен.

После непродолжительной квалифицированной обработки Оге дал устные показания, а потом и написал их сам. На основе этих показаний немцы составили обстоятельное представление о советской морской разведке на севере.

Норвежские авторы располагают сведениями, что Халвари пошел на службу немцам, его через Финляндию послали в Германию, но следы его там потерялись.

Хенри Петерсен вел себя в плену твердо, на допросах давал малозначащие показания. Его подвергли основательной физической обработке. Выколотили признание, что недавно он был в долгой разведке у Киркенеса. Это привело к аресту нескольких жителей Бугей-фьорда и Киркенеса.

Немцы записали в своих документах, что допрашивать Хенри Петерсена трудно, он старается говорить как можно меньше, правду выдает только по принуждению. Норвежские исследователи следы его найти не могли.

После обстрела и бомбежки подводной лодки возле Перс-фьорда немцы понимали, что Лейфа Утне надо выводить из игры. Свою роль он сыграл. Как разведчик никакого интереса не представлял. Даже перевербованного, его нельзя ни забросить на советскую землю, ни внедрить в норвежское Сопротивление. Жители Киберга, Вардё и Вадсё видели, как он в сопровождении вражеских солдат уходил в горы с радиоприемником. Он был в эсэсовской форме.

Обстоятельства заставляли немцев спрятать Лейфа подальше до лучших времен. Его обучили элементарным навыкам наблюдения за погодой и забросили на самолете на остров Медвежий, чтобы он передавал метеосводки. Позже

его напарник донес в радиограмме, что Лейф на резиновой шлюпке ушел в море и не возвратился. Искать его не стали.

Андреас и Альфхильд Бруволд видели, как возле их дома дежурила карательная команда, на их глазах солдаты ходили в горы, потом пошли по берегу в ту сторону, где находилось укрытие разведчиков.

Бруволды поспешили поскорее убраться подальше от своего гнезда, которое теперь стало для них засадой. И они кинулись в горы. Побродив несколько дней между прибрежными сопками, укрываясь в расщелинах и стелющихся кустарниках, Бруволды забрались в удобную пещеру возле Сандфьорддалена.

После многодневных скитаний, изголодавшиеся и оборванные, они пробрались в Бос-фьорд и обосновались в хлеву своих давних знакомых, который стал для них долговременным пристанищем.

Разведчики, не заставшие возле Перс-фьорда своих мурманских соратников, вернулись в свое укрытие у Лёквика, чтобы наскоро собраться и уйти в горы. И хотя их поросшая мхом и травой расщелина почти не различима ни сверху, ни с моря, немцы на нее наткнулись. Трогать ничего не стали. Укрылись в засаде. Видели, как разведчики прошмыгнули в свое логово.

И когда Фигенскоу увидел приближающихся солдат, он сразу же начал стрелять. Из укрытия выбежали Ойен и Оскар, бросились плашмя возле своего командира. Очередями из автоматов встретили карателей. Те залегли и открыли ответный огонь.

Ойен сказал:

— Из этой западни нам не вырваться...

Оскар, самый крепкий и напористый, подбодрил:

— Их немного, если еще не подойдут, с этими справимся, уйдем...

От немцев полетела граната, но упала метрах в десяти с другого бока валуна.

— Это худо, гранатами закидают...

— Отползем в пещеру, — скомандовал Фигенскоу.

Пронырнули под пологом плащ-палатки, выкинули его

нижний край вперед и придавили булыжниками. Сами встали по краям, наблюдая в щели.

В воздухе засвистела следующая граната, отскочила от полога, скатилась вниз по тропке и там взорвалась. Осколки пронеслись вверх. Потом еще гранаты, потом еще... И все рвались поодаль. Полог пружинил и отбрасывал их.

Солдаты перестали стрелять. И разведчики тихо стояли у выхода своей берлоги, не смея высунуться. Слышались крикливые команды.

Прошло около часа.

Мысли мелькали всякие. Сдаваться разведчики не собирались, но и надежды на спасение не было никакой. Одно понимали: надо отстреливаться, сколько хватит сил и патронов.

От хуторка появилось отделение солдат. Они принесли два ранцевых огнемета.

По пологу полоснула струя огня, потом вторая... Пламя занялось внутри. Группы разведчиков у Лёквика не стало. А на базе еще долго ждали, когда Ойен подаст свой сигнал...

Глава пятнадцатая

Большинство германских конвоев, пливших с грузами, снаряжением и людьми для горного корпуса на мурманском участке фронта, завершали свой путь в Киркенесе. Лишь немногие разгружались в Лиинахамари.

Проникнуть на эти базы разведчикам оказалось необычайно трудно. Многие попытки заканчивались трагически.

В штабе флота пришли к мысли установить наблюдение за теми портами, где конвои формируются.

Таким портом считался Тромсё. Туда подтягивались груженные суда, определялся походный ордер, там конвойные корабли принимали суда под свое охранение. Большинство кораблей плыло до Киркенеса или Лиинахамари, а потом шло обратно до Тромсё. Лишь немногие конвоиры, в основном сторожевые катера и тральщики, подключались на наиболее опасных отрезках морского пути, проходили назначенный участок и возвращались к месту своей обычной стоянки.

Тромсё был точкой, через которую пролегла разграничительная линия между английскими и советскими морскими и воздушными силами: южнее Тромсё советские корабли и самолеты, во избежание инцидентов и потерь, не должны были ни плавать, ни летать. То же касалось и союзников. Каждый исключительный случай непременно заранее согласовывался.

Операционная зона Северного флота начиналась от Тромсё и пролегла восточнее Карского моря. Ни один из советских флотов не имел тогда столь обширного района плавания и наблюдения.

Но и в Тромсё пробраться было непросто. Весной 1942 года туда пытались высадить группу, но случилась неудача.

На один из близких к Тромсё островов мурманское руководство закинуло свою группу, но она тоже осталась без связи.

Вторично подготовили и снарядили ту же группу, которой не удалось выполнить задание в прошлом году.

Место не было досконально изучено ими, но прошлогодние скитания позволили разведчикам выйти на контакты с жителями, установить первые связи, убедиться в надежности новых норвежских соратников, скрывавших разведчиков и помогавших им.

Предполагали высадиться снова на Арней. Там надо было обосноваться, возобновить контакты с жителями острова, потом проникнуть в Тромсё и осесть в городе.

Командиром группы опять назначили Аспоса. Места эти были ему родные, близкие. Он родился и провел детство в Нарвике, затем с семьей переехал в Тромсё, там учился, окончил семилетнюю рабочую школу. В 1926 году вступил в комсомол, а в 1930-м — в компартию Норвегии. Отсюда эмигрировал в Советский Союз вместе с братом Леонартом, назначенным сотрудником исполкома Коминтерна. С женой разошелся еще в Тромсё, детей у него не было.

Характер Аспос имел твердый, был уверен в себе, в своих силах. Мысли выражал четко и логично, умел мотивировать сказанное.

Норвежцы с восточного Варангера, из Киберга, Вардё,

Сер-Варангера ему не очень симпатизировали, подозревали в заносчивости. Это происходило скорее всего от различия в воспитании и образовании. Большинство норвежской группы отряда было из одних мест, многие — родственники, в довоенное время знали друг друга и по работе, долгие годы дружили семьями. Доверие между ними обусловлено родством, соседством, товариществом по убеждениям. А Ингольфа они не считали своим.

Помощником себе он выбрал Ингвальда Микельсена — одного из шести братьев многолюдной семьи, жившей в Киберге. Ему 35 лет. Четверо Микельсенов ушли из родного селения на советскую землю, как только оккупанты стали вводить жесткий режим. Пятый из братьев — Хильмар — присоединился к группе Кудрявцева глубокой осенью 1941 года, когда встретился с находившимся в ней Ингвальдом, потом с частью группы ушел в Перс-фьорд, а оттуда на подлодке в Полярное.

Радист группы Владимир Чижевский тоже участвовал в боевых походах отряда.

Его пытались забросить на Арней, но подлодка вернула его на базу почти со всем имуществом. Потом полгода он выполнял задание в Итре-Сюльтевике.

Поздней осенью 1942 года, вернувшись с задания, Чижевский получил отпуск, съездил в Омск, навестил мать. На фланелевке его красовался орден Красного Знамени. В ту пору такой высокой награды удостоивались немногие. Володя в отпуске с гордостью носил орден, но о том, за какой подвиг его получил, никому, даже матери, не рассказал.

Когда его просили выступить перед молодежью, перед сослуживцами матери, он деликатно отказывался. Говорить, чем занимается на войне, он не имел права.

Задание им дали большое и трудное. Прежде всего предстояло восстановить и упрочить те связи, которые завязались в прошлый приход, подыскать новых боевых соратников и через них взять под надзор труднодоступные или недоступные точки. Необходимо было проникнуть не только в Тромсё, но и в Нарвик, и в Хаммерфест, самим или через доверенных

людей связаться с группой разведчиков из Мурманска, находящейся на острове Серей.

Столь сложные цели немислимо было достичь легко и быстро, поэтому тройка шла в операцию на год. На весь срок вместе с ними забрасывались продовольствие, обмундирование, снаряжение.

Имущества набралось почти девяносто мест, около половины из них — ящики длиной до полутора метров.

Крейсерская лодка К-21 Героя Советского Союза Николая Лунина приняла разведчиков на борт со всем их многоместным и весомым грузом и вышла на задание в середине февраля 1943 года. Руководил высадкой капитан-лейтенант Николай Лобанов.

Ночью 18 февраля подошли к цели — к бухте Молвик, вклинившейся в остров Арней. Было ненастно, в сторону берега дул сильный ветер, неся с собой снежные заряды, которые временами скрывали все из видимости.

Разведчики не хотели высаживаться в такую погоду: можно замочить все имущество.

Лобанов с их мнением не согласился, посчитал, что они излишне осторожничают, а Лунин высказался еще резче: десантники неважные моряки, боятся моря. Это задело за живое и норвежцев — их было вместе с переправщиками шестеро — прирожденных мореходов, — и Чижевского, который окончил морской техникум и плавал на судне радиостом. Настроение испортилось. Еще на базе произошла стычка с капитан-лейтенантом Ермолаевым, который нередко несправедливо относился к разведчикам, давал им необъективные характеристики. К тому же у Микельсена случились семейные неприятности: его брат — сотрудник Коминтерна — попал в трагическую ситуацию.

Выведенные из равновесия, Микельсен с переправщиком Торлейфом Утне пошли к берегу на шлюпке, нагруженной примерно вполовину грузоподъемности, оставшиеся наблюдали за ними.

Шлюпка дошла до берега и через некоторое время отправилась в обратный путь. Переправщик доложил, что груз

подмочен, его оставили на обсушке под наблюдением Микельсена.

Лобанов и Лунин приняли решение высадку прекратить, груз и Микельсена вернуть обратно на лодку.

Подводная лодка ушла в море, погрузилась.

Разведчики и переправщики написали на имя начальника отдела рапорты, в которых объяснили причины, по коим считали высадку невозможной. Особенно убедительно доложил об этом Чижевский, за год до этого попавший в этих местах в подобную ситуацию, из-за которой операция оказалась невыполненной.

За ночь нарастили весла, рации и батареи к ним запаяли в жестяные банки.

Через сутки вернулись на прежнее место. Первым рейсом на шлюпке с аварийным запасом продуктов, рацией и оружием ушли разведчики. Потом Тулейф Утне, Рейдар Микельсен, Франс Юппери и Ялмар Петерсен семью рейсами за полтора часа перебросили все остальное имущество.

Вчерашняя размолвка забылась. Лунин убедился, каковы в деле моряки, что шли на утлых резиновых шлюпках с горбами торчащего над бортами груза в неизвестное будущее.

Первые дни на связь с базой не выходили, осматривались, обживались, раскладывали по основным и запасным хранилищам имущество и продукты. Прежних знакомых пока не навещали.

Через неделю, когда вошли в ритм новой жизни и пригодились выполнять основное задание, сообщили о себе на базу, установилась ритмичная двухсторонняя связь.

В первых же радиограммах донесли о вражеских транспортах, плывших курсом на северо-восток, к портам Варангера.

Заметно потеплело, стояли остатки снега, зазеленела трава, набухли почки, кое-где появились крохотные листочки, подсохли тропки. Весна набирала силу.

Аспос и Микельсен пошли в знакомый хуторок Иоргенсенов. Чижевский остался на точке дежурить, следить за морем, стеречь пристанище и имущество.

Встретились по-дружески, как боевые товарищи, связанные общим делом.

Альф Иоргенсен теперь уже не прятал разведчиков от своей многочисленной семьи. Еще в конце прошлого визита домочадцы знали, сколь опасные соседи у них появились. А приемный сын Иоргенсена Хокон Христиансен и зять Иохим Хаммер и в ту пору помогали разведчикам, добыли немало интересных сведений, особенно о стоянках кораблей и о береговых укреплениях.

После кофе, будто для задушевного перекура, ушли из дома, сели на солнцепеке на зеленой лужайке. Со спины нагромождение валунов прикрывало их от северного ветра. Иоргенсен, Хокон и Иохим немало рассказали о новых порядках, установленных оккупантами, где стоят и какими проливами ходят немецкие корабли от Нарвика мимо их острова к Хаммерфесту и дальше на север, вплоть до Альты, где в ближних водах выставлены минные заграждения — об этом они сами знают, поскольку обязаны строго держаться курса, когда отправляются на путину.

Доброе товарищество со старыми друзьями возобновилось, начался новый тур совместной с норвежскими патриотами разведки на морских путях в провинции Тромсё.

Иоргенсен посоветовал поискать для базы другое место, назвал бухточку, где можно было обосноваться. Возле нее проходит главный фарватер, от которого не уклоняется ни один корабль, ни одно судно. Он порекомендовал сходить к его брату Отто, живущему в хуторке поблизости.

Побыв денек на базе, отправились к Отто Иоргенсену. Тот на своем катере сходил с разведчиками к берегу, который назвал им Альф. Место понравилось. Пока осматривали бухту и берег, разыгрался шторм. Пришлось отстаиваться почти сутки. Когда вернулись к своей точке, ее было трудно узнать. Волны обрушились столь яростно, что докатились до расщелин, в которых была спрятана часть имущества и продуктов, вымыли груз и унесли его в море.

Дежуривший на базе Чижевский буквально вырвал у воды некоторые тюки и ящики, перенес их выше, уберег рацию и батареи.

Когда шторм утих, жители соседних селений видели, как плавают в воде какие-то тюки, одежда. Часть груза волной выбросило на берег на другой стороне бухты. Норвежцы считали, что море выкинуло кое-что из содержимого потопленного накануне транспорта. Иоргенсены, зная о потере, не разубеждали их.

В очередной визит к Альфу с Аспосом пошел Чижевский. Аспос представил его как своего товарища, выполняющего здесь боевое задание. Володя к этому времени немного говорил по-норвежски, полгода в Итре-Сюльтевики при ежедневном общении с Альфхильд помогли ему основательно. Норвежцы на Арнее посчитали, что он их соотечественник, но много лет прожил в Советском Союзе, поэтому на родном языке объясняется немножко коряво. Аспос и Чижевский не стали разуверять друзей. С окладистой густой бородой, в добротном шерстяном свитере, по груди и по спине которого вручную вывязаны олени, он и в самом деле был похож на их земляка. Называли они его Альфом Эриксом. Под этим именем он и остался в памяти тех, кто его там знал и видел.

Строгий режим вблизи военно-морской базы Тромсё, проверка документов на каждом посту, куда приставал пароход или бот, заставляли разведчиков нечасто бывать за пределами Арнее. В Тромсё в основном наведывался Альф Иоргенсен. Он собирал и привозил те сведения, что успевали приготовить друзья из Сопротивления. Иногда ходили в маршруты и родственники Альфа.

Но изредка либо Аспос, либо Микельсен отправлялись в рейд, чтобы поглядеть своими глазами на то, что там делается, передать задания из первых рук.

Однажды в такой вояж в Тромсё собрался Ингвальд Микельсен. Пошел с теми же документами, которыми пользовался много раз. Он переправился на рейсовом боте с острова, на пристани проверили документы и пропустили. Пошагал по городским улицам. Попался новый контрольный пост. От него потребовали предъявить пропуск. Унтер-офицер долго в него вчитывался, сличал со стоящим перед ним гражданином. Потом, не говоря ни слова, лишь махнув ру-

кой вниз, к земле, что означало, видимо, оставаться на месте, пошел в дом, похожий на военную канцелярию. Через недолгое время вернулся и предложил Ингвальду следовать за ним.

Микельсен лихорадочно соображал, что же случилось. Видимо, немцы ввели какое-то новое ограничение либо дополнительные знаки на пропусках, но разведчики об этом еще не знали. Ингвальд понял, что начнется тщательная проверка, выяснение личности, будут узнавать, к кому идет, где живет, кто его знает. При строгом сличении он может попасться. Тогда из лап гестапо уже не вырваться, дознаются, кто он на самом деле и откуда.

Улучив минуту, Ингвальд рванулся в сторону, бросил за собой гранату. Но солдат, державший автомат на изготовку, прострочил его очередью.

Аспос и Чижевский остались вдвоем, если не считать тех норвежцев из Сопротивления, которые беззаветно и рискованно помогали им.

Но на точке, на вахте над морем дежурили только двое, корабельного повахтенного расписания не получалось. Службу наблюдения за морским горизонтом несли только в часы наиболее вероятного хождения кораблей и транспортов. Если Аспос уходил для встречи с боевыми норвежскими соратниками, то море доставалось одному Чижевскому. А контакты эти не прерывались, они становились все более сложными и опасными. Через невидимых помощников добывали существенные и достоверные сведения. Формировался ли в Тромсё очередной конвой, собрались ли боевые корабли выходить в море, пришли ли на смену ушедшим на отдых частям другие, начали ли оккупанты новое военное строительство или установили батареи, которых раньше не было, — норвежцы через Чижевского извещали базу. Дважды на их глазах подводные лодки пустили на дно вражеские транспорты. В бригаде подплава могли вполне уверенно написать на рубке подлодки новую цифру о числе потопленных судов.

В таком напряженном дежурстве прошли конец весны и

все лето. Радиogramмы Чижевского шли через эфир одна за другой.

Норвежские соратники ходили на соседние острова, на материк, там посещали городки и селения, встречались со своими доверенными, привозили донесения, доставляли немецкие и норвежские газеты, справочники, карты, документы на право проезда и проживания. Время от времени в поездки отправлялся и Аспос. Одевался по такому случаю в приличный костюм, брился начисто, выглядел вполне респектабельно. Иногда в некоторых селениях на Арнее бывал и Чижевский. Но Альф Иоргенсен был самым подвижным связным.

В первых числах августа подошел срок встречи с человеком в Тромсё. Аспос попросил Иоргенсена побывать там, повидаться с тем товарищем, попутно сделать необходимые покупки для разведчиков. Альф отправился рейсовым пароходом. На верхней палубе к нему подошел Бетен Ньюольд. Иоргенсен знал, что он состоит в местной организации квислинговской партии. Ньюольд стал интересоваться, куда Иоргенсен надолго исчезает из дома, где бывает, почему часто ходит на парохоте и делает много покупок. Иоргенсен объяснил, что у него большая семья: четыре дочери, сын, зятья, невестка, внуки да еще его брат — нужд в такой семье много. Вот он и рыскает по побережью, чтобы найти место для добычливого промысла, иногда не день и не два болтается по фьордам. Если отправляется за покупками — заказов набирается много. Потому-то и приходится каждый раз тащить почти полдюжины рюкзаков с разными припасами. Ньюольд кивнул и отошел, а Иоргенсен после этого разговора никак не мог избавиться от тревожного чувства.

В Тромсё он пробыл два дня, жил в отеле «Норге». Ходил по городу, наведывался в магазины, покупал, что ему было наказано, присматривался к жизни, к людям. По обусловленным адресам друзей не шел, не рисковал ни ими, ни собой, боялся, что за ним следят.

Утром 10 августа к нему в номер постучали, вошли двое полицейских и сказали, что он должен немедленно отправиться вместе с ними. Но отвели его не в полицейский уча-

сток, а сразу в гестапо. Там долго допрашивали, били, требовали признаться, как он помогает русским разведчикам и где они теперь укрываются. Держали в гестапо неделю. Никакой весточки о себе ни своим домашним, ни соратникам он подать не мог. Потом заставили показывать дорогу отряду гестаповцев и полицейских. Он повел их через горы, но совсем не туда, где прятались двое разведчиков. По скалам, по узким тропинкам ходили целый день. Непривычные к подобным походам гестаповцы устали, потребовали сделать привал для отдыха. Пока сидели и закусывали, натянуло густой туман. У немцев разыгрался аппетит, они доставали из рюкзаков то банки, то фляжки. Иоргенсен, видя, что гестаповцы разгулялись за едой и за ним не следят, побежал по ложине, прячась между камнями. Вслед раздались выстрелы, пули визжали поблизости, немцы что-то истошно кричали, потом погнались за ним, но в тумане потеряли след и найти не могли. Он добежал до берега, влез в небольшую промоину, выточенную волнами в камне за тысячелетия, укрытую сверху сползшей гранитной плитой, и по шею в воде просидел шесть часов. Раззеваи ходили поблизости, кричали, стреляли, но напасть на след не могли. Ночью они вернулись в город, а Иоргенсен ушел в горы, несколько суток скитался там, питаясь только ягодами. Потом вышел на побережье, добыл лодку, переплыл через пролив и спрятался у верных друзей.

Пока он бродил в горах, немцы высадили на остров Арней, где схоронились разведчики, не менее двух рот солдат и стали старательно, будто частой сетью, прочесывать побережье. Один из них проследил в бинокль из засады, как дочь Отто Иоргхильд ушла в горы со свертком, а вернулась без него. Они ее тут же схватили и заставили показывать дорогу. Ни убежать, ни отказаться она уже не могла. Рядом шли гестаповцы с собаками.

Разведчиков они врасплох не застали. Укрывшись за камнями вблизи своего шалаша, ребята отчаянно и долго отстреливались. Пути в горы уже не было, все кругом оказалось оцепленным. Да и далеко с острова не убежишь. Фашисты ползком возле валунов все ближе и ближе подбира-

лись к осажденным. Они потеряли убитыми восемнадцать человек, но взять разведчиков не могли.

Тяжело ранили Аспоса, он лишился сознания. Володя продолжал отбиваться один. Когда подошли к концу патроны и стрелять стало нечем, Владимир достал последние гранаты и взорвал ими себя, Аспоса и радиостанцию.

Немцы тут же застрелили Иоргхильд. После этого они вернулись в поселок, арестовали всех жителей, а через несколько дней расстреляли их, оставив в живых только малолетних детей. Вся семья Иоргенсенов — братья Отто, Карл, Эдвин, Бернгарт, их жены, сыновья и невестки совершили подвиг во имя освобождения Норвегии от фашизма.

Вскоре Сверре Сёдерстрем, находившийся с группой на задании недалеко от Нордкина, сообщил в Полярное, как погибли Аспос и Чижевский.

Заброшенная карателями густая сеть операции «Полночная тундра» захватила своим западным крылом и разведчиков на Арнее.

За короткое лето сорок третьего погибла четвертая группа советских флотских разведчиков на самых крайних северных рубежах Норвегии.

Глава шестнадцатая

После разгрома на Могильном отряд пополнился новыми добровольцами, в него пришли с кораблей и из береговых частей краснофлотцы и старшины, настойчиво просившие зачислить их в разведку.

Но в поредевшей норвежской группе разведчиков становилось все меньше и меньше. Если в самом начале войны, осенью сорок первого, немного норвежцев перешло на советскую землю с остатками группы Кудрявцева, то теперь бойцы Сопротивления, что помогали заброшенным на долгое сиденье разведчикам, в Советский Союз не уходили. Они оставались на родине и там несли опасную службу. Изредка кого-нибудь переправляли на короткое время в Полярное или в Мурманск, чтобы проинструктировать, снабдить всем нужным для работы. И снова через море на родину.

Разведку на Варангере необходимо было усилить, но норвежская часть отряда задачу эту в полной мере решать уже не могла.

В отделе скрупулезно исследовали все обстоятельства провала групп, извлекали уроки.

И хотя не докопались до полной ясности, в северную Норвегию в начале октября высадили с моря еще две группы: одну — в район мыса Нордкин, другую — к северной оконечности Порсангер-фьорда.

Наряду с долговременными группами отряд получил приказ высаживать на Варангер разведчиков на несколько суток или на ночь, добывать документы, приводить пленных.

Всем боевым ядром перебазировались на Рыбачий. У самой вершины губы Большой Волоковой, на перешейке между Рыбачьим и Средним отряду подыскивали большую землянку. До войны тут помещался минный склад. Война постепенно опорожняла его, раз за разом выгребала смертоносные чудища. Настал день, когда он совсем опустел.

В этом бывшем складе и поселился отряд. Вдоль длинных стен поставили сплошные двухъярусные нары, потолок из-за нехватки досок обтянули плащ-палатками, чтобы не сыпалась в щели между бревен накатника торфяная труха. В середине вытянутого в длину сводчатого помещения на кирпичное основание положили большую железную бочку, пристроили к ней дверцу, вывели трубу. Получилась печь. Топить ее приходилось круглосуточно, иначе воздух до углов не прогревался, чуть только дрова в топку переставали подбрасывать, мгновенно выстуживало недавнее тепло. У входа и у дальней стены повесили два фонаря «летучая мышь», возле печки на неоструганном дощатом столике стояла керосиновая лампа.

Жилье получилось сравнительно теплое, здесь можно было и поесть, и переодеться, и оружие почистить, имущество привести в порядок. Спать, правда, приходилось все же одетыми.

До причала было всего с сотню метров. Там стояли торпедные катера, когда два, когда четыре, а то и целый дивизион собирался. В дополнение к изрядно побуравившим мо-

ре катерам Д-3 пришли от союзников, из США, «хиггинсы» и «восперы». Они были крупнее советских, быстроходнее. И торпед на каждом находилось тоже по две. Только «хиггинсы» покрашены в шаровый цвет, как и североморские корабли, а «восперы» почему-то американцы прислали белые. Может, рассчитывали маскировать на фоне заснеженных берегов и плавающих льдов?

В ту зиму катеров стало столько, что они образовали целое соединение. А в войну вступали одним звеном.

Невдалеке от жилья разведчиков на склоне небольшого увала находились землянки катерников.

Первое время разведчики кормились сухим походным пайком. Он питательный, калорийный, с мясными и рыбными консервами, галетами, сгущенным молоком и шоколадом, но для оседлой жизни непрактичен: сухомытка скоро приедается.

У катерников в одной из землянок был камбуз, там они готовили и питались. Боцман катера и одновременно кок Володя Ягоджинский — матрос богатырского роста и сложения, хоть картину с него пиши, — ловко управлялся с бачками, мисками и чумичками. В землянке-столовой у него порядок, все вымыто, прибрано.

Отряд тоже встал к ним на довольствие. Выписали паек по базовым нормам, внесли свою долю и стали ходить в эту общую столовую.

Постепенно обжились, ознакомились. Узнали дорожки и тропки к соседям — морским пехотинцам, артиллеристам, отыскиали путь к недалекому госпиталю, где служило немало симпатичных медсестер, стали навещаться в клуб. Но местное начальство особого гостеприимства не выказало, пришлось командиру и замполиту просить, чтобы ребят пускали в кино и на танцы.

По вечерам, когда завывал ветер, пуржило, переметало все тропки-дорожки, усталые, намаявшиеся за день на море и в снегу разведчики собирались в своей просторной землянке, жались поближе к печке, к свету. Только те, кто постарше годами да у кого характер не слишком общитель-

ный, оставались лежать на нарах, отдыхали да в уединении размышляли о чем-то своем.

Редко к общему разговору присоединялся Миша Черных. И ростом он удался, и статью, и лицо мужское, крупное, привлекательное, но был молчалив, не любил вклиниваться в беседы, лишь изредка бросал меткую, ядреную фразу и опять замолкал надолго. Неразговорчивость его была, видно, от крестьянского происхождения. Родом он из Коми, из самой южной ее окраины, присоседившейся к землям вятским, из села Летки. Хотя большая часть крестьян занималась земледелием, Миша в молодости больше таежничал, охотился. Может, тогда и привык к одиночеству.

Не часто подходил к компании Андрей Пшеничных. Он воронежский, из Лисок, давно на Мурмане. Перед войной и в первое ее время служил по вольному найму в бригаде подплава, потом, когда был мобилизован, попросился в разведку. В отряде было много подводников, знавших его. Они и рекомендовали его в отряд. Годами он был постарше большинства, у него трое или четверо детей, все в эвакуации. Семья жила в Лисках по военному времени трудно. Андрей надеялся получить отпуск, съездить к домашним. Он готовился к поездке, откладывал из пайка в запас сгущенное молоко, шоколад.

Хотя Андрей человек разговорчивый, все же он часто сидел в уединении, видимо, тосковал о родных.

Зато возле печки в полном разгаре «травля». Тут изощрялись Гугуев, Фаткин, Максимов, Барышев. Над ними возвышался Иван Лысенко. Он не острослов, чаще рубил сплеча, но если кто рассказывал явную несуразицу либо через край хвастал, Иван резко осаживал сочинителя:

— Ври, да знай меру... Мы сами из таких... И тебя насквозь видим...

Слегка картавя, покручивая между пальцами спадающую на лоб густую шевелюру, потешал забавными анекдотами Виктор Максимов. Неисчерпаемый запас их он вывез из Ленинграда, где окончил десятилетку и начинал учиться в военно-морском училище. Он водил своих слушателей, как экскурсовод, по зоопарку и с кавказским акцентом расска-

зывал про зверей и птиц, попутно отвечая на наивные вопросы зрителей.

Изворотливый и продувной Борис Гугуев, родом из Подмосковья, чаще других заседал на Володю Фатькина. Этот интеллигентный парень из семьи врачей из Спасска пришел на флот после десятилетки. Скромный, стеснительный, на загляденье красивый, он часто краснел, смущался, не всегда ему удавалось отбиться от назойливого панибратства Гугуева.

— Иду я как-то в Полярное в увольнение. Навстречу матрос — красна девка. Подкатываюсь к нему, пойдем, дескать, есть одно местечко, где можно сообразить, выпивка недорогая и с закуской не обидят. А он мне заплетающимся языком бормочет, будто ни сам не хочет, ни мне не советует попадать на губу.

Все понимают, что байка адресована Фатькину и скорее всего такого и случая не было, но Борис придумал его, чтобы лишний раз поддразнить целомудренного Володю.

Но за Фатькина всегда вступался Иван Лысенко. Он по-дружески оберегал его. И, повернувшись всем туловищем к Борису, вполголоса произносил:

— Ты Володьку не тронь, портить я его тебе не позволю. На таких непорочных земля русская держится.

В отряде по штату полагалась должность военфельдшера. Первый военный год ее занимал Коля Заседателев. После тяжелой сентябрьской операции на Могильный Заседателева, получившего орден Красного Знамени, послали учиться в военно-медицинскую академию. На смену ему прислали молодого лейтенанта медицинской службы Сергея Холина. С новеньким дипломом военно-медицинского училища, он начинал в отряде первую практику. Родители наградили его завиднейшим здоровьем. Глядя на его полные, пышущие румянцем щеки, казалось, что кровь может из них вот-вот брызнуть, они не выдержат ее напора. Ему одному комендант главной базы разрешил ходить по городу зимой не в шинели, а в кителе и фуражке. На лыжные тренировки он отправлялся в ботинках, надетых на простой хлопчатобумажный носочек, брюки ни в гетры, ни в теплые носки не за-

правлял. Перчаток и рукавиц он тоже не носил, палки держал в голых руках.

В таком же виде ходил на шлюпках. В стужу и в пургу купался в Кольском заливе. И очень ему хотелось, чтобы его кто-то поломал на ковре, победил в борцовской стойке.

Володя Ляндэ был пониже Холина, но шире в плечах, с крепкой шеей, которая выдержит тяжелую руку или многопудовую штангу. Еще фабзайчонком на ростовском заводе сельхозмашин он стал заниматься тяжелой атлетикой, борьбой. На Черноморский флот пришел уже основательно натренированным тяжелоатлетом. Война застала его в Одессе на торпедных катерах. Когда войска оставили город, Володя в составе морской бригады защищал Москву. А потом, после госпиталя, пробился в отряд североморских разведчиков.

Натура у него широкая, размашистая.

Так сошлись два любителя испытать силу, помериться хваткой и ловкостью. Ляндэ, постарше годами и поопытнее, знал много приемов. А Холин не столь натренирован, но изворотливее и живее, руки имел очень цепкие, в стойке сдвинуть его с места было нелегко.

В самом просторном отрядном кубрике они основательно мутузили друг друга. Потом вставали, пожимали руки. Их окатывали водой из ведра, растирали полотенцами, затем они садились пить крепкий чай с клюквенным экстрактом, который Саша Манин называл калистратиком. Володя при этом старательно причесывал на пробор свои редковатые волосы, а Холин шумно дул в горячую зеленую кружку и жадными глотками опорожнял одну за другой.

Вечером тихо, вполголоса пели — про тесную печурку, в которой бьется огонь, про моряка, выплывшего из Севастополя с камнем в руке, про море Баренца, за которое собрались в бой моряки...

Когда звучала команда: «Проветрить помещение... Гаси фонари... Отбой...» — разведчики нехотя расходились по нарам. А завтра их ждали опять тренировки, а может быть, и поход в Норвегию.

Как-то командир приказал сходить в Восточное Озерко, в тыл оборонительного района. Командующий районом гене-

рал Кабанов распорядился поддержать разведчиков крупной, картошкой, квашеной капустой.

В землянке у начальника тыла полковника Зюбченко появилась шестерка довольно экзотичных лыжников: в байковых лыжных штанах, в лыжных ботинках с гетрами, толстых, крупной вязки свитерах, поверх которых меховые, из оленьих шкур жилеты, на головах вязаные спортивные шапочки, с автоматами через плечо, с ножами на поясах. Никто на Рыбачьем в таком виде не ходил.

Полковник принял их, написал записку и отправил в соседнюю землянку, где находилась канцелярия.

Здесь было тепло и чисто. Дощатый пол выдраен до желтизны. В окно падал дневной свет. За столами сидели немолодая женщина в гражданской одежде и девушки в форме, с погонами.

Ребята отдали бумагу, попросили оформить документы, присели на табуретки, на большой кованый сундук.

Высокая, стройная девушка, туго перетянутая ремнем по гимнастерке, встала и, горделиво запрокинув голову, прошла к начальнице за бумагой. И никто из парней не подумал, что кому-то из них она станет судьбой.

Приглянулось разведчикам в землянке тыла. Поваяло домашним уютом: до желтизны вымытые полы, на которые ребята стеснялись ставить свои намокшие от снега ботинки, двойные, плотно подогнанные двери с тамбуром-сенцами, аккуратно сложенная кирпичная печка с чугунной плитой в нише, оштукатуренная и побеленная, нарядные занавески на окошке. На столе керосиновая лампа с начисто вымытым и протертым стеклом. И служащие одеты тщательно. Все подогнано, отутюжено, подшиты беленькие подворотнички.

За два года позиционной войны, неподвижного сидения в стойкой обороне выработался и земляночно-блиндажный быт. Особенно старательно он прививался в штабах, медсанбатах, узлах связи, тылах, на тяжелых батареях.

Однажды Саша Манин принес в землянку соленую треску килограммов на пять.

— Саша, ты где таким деликатесом разжился?

— Во рту мутит от сладкого. Так соскучился по тресочке. Дай, думаю, схожу к солдатам. Взял банку сгущенки да плитку шоколада. Прихожу к их коку, говорю, браток, угости тресочкой, истосковался, аж душа болит. Тот отвечает, как я тебе ее дам: она ведь у меня на едоков рассчитана. А я ему обмен предложил. У него даже глаза заблестели. Тогда, отвечает, другое дело, по калориям вполне соразмерно. Не обидятся.

— Так он и подаст на стол твои гостинцы, жди — не дожدهшься... — тут же усомнился смекалистый Борис Гугуев.

— Мое какое дело? Мне треска нужна. Как они съедят сгущенку с шоколадом, я не думаю.

— Как бы не так, — опять вмешался Борис, — себя этим баловать не станут. Девчонкам в санбат или телефонисткам отнесут, их порадуют.

— Разговорились, забыли, что перед вами треска, — вернул к лежащей на столе рыбине Семен Агафонов, помор, немало поплававший на подлодке коком. — Давай, я ее сейчас приготавлию...

Он мигом выхватил нож, располосовал рыбину, очистил, разделил на кусочки.

— Саня, ты муки у кока не попросил?

— Так я думал сварить...

— А ну быстро кроши сухари...

В крошках от сухарей Семен обвалил кусочки трески, разложил на большой противень. Кто-то сбегал к Ягоджинскому, принес растительного масла.

На печке зашипело, потрескивая, постреливая масляными брызгами, рыбное жариво. Аппетитный запах потянулся по землянке.

Все сгрудились вокруг печки, шеи вытянулись, ноздри зашевелились, принюхиваясь к рыбному духу.

— Сеня, ты не пережарь...

— Стоп, братва, — сообразил Иван Лысенко, — всем не хватит, делю по справедливости. Вовка, — повернулся он к Фаткину, — будешь называть, кому, а я стану раздавать куски...

— Так не пойдет, Володька сначала свое отделение под-

кормит, а потом взвод. Другим не достанется, — опять вмешался Гугуев. Он числился связным у Леонова, а потому почувствовал, что при такой дележке его могут обойти.

— Не тебя же назначить делить, ты дважды себя вспомнишь, — обычно молчаливый Миша Черных отвел кандидатуру Гугуева.

— Давай по-другому. Кто у нас прокурор? Я. — Лысенко напомнил о своей неуставной функции выносить товарищеский приговор тем, кто допускал провинности, опаздывал из увольнения, приходил с замечаниями из комендатуры, появлялся в отряде навеселе — за такие погрешности существовал суровый спрос самих разведчиков. И он был взыскательнее и чувствительнее, чем наказания командира. Такой урок никому не проходил бесследно.

— Я отвернусь с противнем, буду вилкой указывать на кусок. Каждый сам станет говорить: мне. Я и подам.

— Так пойдет.

— А кому не хватит...

— В следующий раз получит.

Манин смотрел на принесенную им треску, видел, как радовались друзья.

— Так я еще схожу разок, теперь с их коком я дружбу завел.

— Саша, на вот банку с какао.

— Ладно, потом.

Разделили треску по-свойски. Манин получил первым кусок. А потом уж шло по цепочке через одного. Чуть больше половины разведчиков полакомились соленой рыбой.

К ужину Манин принес еще одну рыбину. Она досталась тем, кто не разговелся днем.

С утра, еще не дождавшись, пока рассеется серая запыленная мгла, начинались тренировки. Ходили на лыжах, маскировались, отлеживались в снегу. Но больше всего учились владеть резиновыми шлюпками. В этом деле нужен навык, доведенный до искусства. В такой шлюпке сидеть приходилось на днище, под ним ходуном ходила, переливалась вода. Когда шлюпка была основательно загружена, в ней сидели двое или трое, она подтапливалась почти до половины

баллона, вода плескалась у заушин и опоясывающего троса. Вытанув или поджав ноги, усаживаться приходилось ниже поверхности воды.

Не сразу приловчишься грести короткими веслами-лопатками, продетыми через резиновые уключины. Шлюпку крутит волна, течение, сильный рывок одним веслом. Руля у нее нет, править надо гребными веслами. А волны накатываются на бортики, осыпают брызгами, наклоняют шлюпку так, что она вот-вот опрокинется, только присоска днища к воде да груз, сложенный ниже ватерлинии, удерживают ее на плаву. Но случается, нахлынет такая волна, что шлюпка мигом оказывается вверх днищем, а седуки барахтаются в воде, стараясь поскорее ухватиться за страховочный трос.

Чаще же выкидывает на камни и перевертывает шлюпку у берега, на мелководе, на откатывающихся водоворотках. Тогда уж надо брести по воде, ухватив шлюпку за трос, чтобы вытащить ее на сушу.

За день семь потов сойдет, одежда не просыхает, а надо садиться, грести, причаливать, выпрыгивать.

На руках от весел не проходят мозоли, сначала они с тонкой кожей, кровавые, лопаются. Потом загрубеют, станут сухими, неспадающими.

Зимой сорок третьего отряд собрался в поход через Варангер-фьорд на южный берег полуострова, к мысу Лангбюнес, куда осенью сорок первого года высаживалась группа Кудрявцева, где на норвежской земле погибли первые разведчики.

Предполагалось выяснить, есть ли на побережье огневые точки, охраняется ли дорога, ездят ли патрули. Попадутся автомашины — взять в плен шоферов или пассажиров.

9 ноября два торпедных катера вышли из Большой Волоковой и взяли курс на маяк Стуршер.

На катере с номером четырнадцать в море вышел командир отряда Николаев с шестнадцатью разведчиками, на тринадцатом — старшим шел его замполит Леонов, которому подчинялось девять человек. Капитан-лейтенант Сутягин с четырьмя разведчиками был назначен вместе с экипажем наблюдать за морем, следить за сигналами с берега и в слу-

чае необходимости быстро подать резервные шлюпки. Они, накаченные воздухом еще на базе, были принатовлены по бортам и у кормы.

Катера шли неторопливо, на подводном выхлопе, с выключенными огнями. Небо кругом было чистое, видимость приличная. Через два часа приблизились к Лангбюнесу с запада, со стороны маяка, видели его сигнальные проблески. Если их и заметят с маяка, скорее всего примут за своих: советские надводные корабли здесь давно не появлялись.

Начали высадку. Командир отряда Николаев на палубе распоряжался спуском шлюпок за борт. Вторая шлюпка уцепилась опоясывающим тросом, протянутым через резиновые заушины, не то за кнехт, не то за основание леерной стойки и повисла. Николаев перегнулся через леер, пытаясь выяснить, что случилось. Волна качнула катер, и он, не удержавшись за поручень, вывалился за борт. Через несколько секунд вынырнул, ему подали опорный крюк, кинули конец пенькового троса. Первая шлюпка подгрребла к упавшему, его вытащили, переправили на катер, отвели в кубрик, раздели, растерли спиртом, подали сухую одежду, укрыли одеялами. Он остался отогреваться в кубрике, операция началась без него.

За это время спустили еще четыре шлюпки, в них разместились остальные разведчики. Первая шлюпка с отделением Никандрова уже подходила к берегу. С тринадцатого катера на трех шлюпках отошел Леонов с подчиненными.

Берег надвигался темной громадой. Там было тихо, загадочно, ни проблеска, ни движения.

Катера отошли на один-два кабельтовых мористее, с одного наблюдали за берегом, с другого — за морем.

Никандров и еще две шлюпки — на одной шел старшим Ляндэ, на другой — Гугуев — почти одновременно приткнулись к берегу, небольшой накатной волной их подбросило на сушу, шлюпки днищами осели на мелко обкатанную гальку. Моряки, подтянув их повыше, побежали по черневшей обсушке отлива к заснеженной береговой полосе. В полусотне шагов залегли полукругом, поглядывая по сторонам, и ожидали, пока подойдут остальные. Течение и волны раз-

несли их поодаль друг от друга. Выбравшиеся на берег разведчики собрались вместе минут через пятнадцать.

Замполит Леонов, старший среди разведчиков и по должности, и по званию, оставил Ивана Барина, радиста Кожаева, краснофлотцев Толстова и Падерина у берега, приказал им стеречь шлюпки, держать их в готовности, когда отряду придется возвращаться на катера, остальных повел к дороге. В дозорную группу отправил Ляндэ, Гугуева, Михайленко, а в замыкающую цепочку Чекмачева, Зубкова и Тихонова.

Брели по глубокому снегу бесшумно, напрягая слух, настороженно всматриваясь в серую ночную мглу. Больше двух лет не бывали здесь разведчики. Норвежцы сообщали, будто немцы возвели вдоль берега оборонительные сооружения, а по дороге курсируют патрульные машины.

Отошли от берега метров на четыреста. В сумраке ночи возник нечеткий силуэт башни. На картах она не значилась. Отряд развернулся цепью, залег в снегу. Леонов приказал главному дозору подобраться поближе и разузнать, что за сооружение там возвышается.

Вскоре вернувшийся Володя Ляндэ доложил, что перед ними навигационный знак для судов и рыболовных шлюпок. Высота его футов восемь, а диаметр примерно футов пять. Никаких следов возле него нет.

Метров через двести наткнулись на неширокое проволочное ограждение в три ряда высотой чуть больше метра. Отыскали стык в металлических стойках, раздвинули их, через этот проход все прошли цепочкой.

Через полкилометра справа, к северо-востоку, разглядели одиночное строение. Снова залегли в снег, припорошивший мелкие кустики вереска и голубичника. Леонов с отделением пошел к домику. Он оказался необитаемым, двери и окна целы. В таких домах норвежцы живут обычно во время путины.

В начале второго вышли на шоссейную дорогу — Вардё. Отряд укрылся вдоль нее в засаде, а Ивана Матвеева с четырьмя разведчиками Леонов послал по дороге на запад.

Минут через двадцать посыльный сообщил, что в пути

попалась телефонная линия, а от дороги свернуло ответвление на север.

Все пошли по обочине к тому месту, откуда дорога, возможно, повела к посту или землянке патрулей. Отросток оказался коротким, видимо, им пользовались как разъездом. Кабель в толстой каучуковой оболочке проложен прямо по дорожному полотну.

Прошли по дороге на запад еще с километр, наткнулись на мост через небольшую речушку. Леонов остановил отряд в засаде, а в сторону Комагвера послал отделение Никандрова. Осмотрели километра полтора и ничего существенного не обнаружили, возвратились к отряду.

Дорога в эти ночные часы оказалась безлюдной. На исходе был третий час ночи. Сходить к Комагверу до рассвета времени не хватало.

Отряд повернул обратно к береговой кромке. Последними шагали по снегу Леонов, Чекмачев и Ильчук. Леонов часто поглядывал на дорогу, все еще надеясь, что вдруг вынырнет из темноты какая-нибудь машина. Но этого не случилось.

Наблюдатели с катеров заметили подтягивающуюся колонну к морю. Сигналы подавать не стали. Катера приблизились к берегу и задрейфовали метрах в десяти.

Ветер переменил направление и с каждой минутой набирал силу, шла волна балла на четыре. В шлюпки садиться по четверо стало опасно, могло залить. Теперь переправляться можно было только по двое. Сутягин послал на подмогу Рихарда Кеньева с другой шлюпкой на буксире.

В три часа утра отряд вернулся на катера.

— Ну что там, Витя? — спросил Сутягин.

— Пусто. Мы пришли поздно. Немцы по ночам не ездят. Надо высаживаться вечером, на ранней темноте.

— Они любят жить по режиму. И воевать тоже. Ночью предпочитают спокойно спать, а мы этого не учли. На будущее наука.

— Да я не сокрушаюсь. Зато теперь знаем, как сюда ходить. Я ведь из удачливых, вот и надеялся, что сразу повезет.

Впередсмотрящие заметили на море два силуэта. Похоже, корабли шли в Киркенес.

Катера повернули на сближение. Распознали миноносец и тральщик. Головной выпустил по тральщику торпеду, но она прошла мимо.

Катер отвернул в сторону, выбрасывая за собой дымзавесу, чтобы прикрыть себя и напарника. Вражеские корабли ошестинились огнем, в небе повисли осветительные ракеты.

Тринадцатый еще раз вышел в атаку, нацелившись на миноносец. Но одолеть стену огня не смог. Теперь напарник прикрыл его дымзавесой. В корму четырнадцатого влетел снаряд, разорвал трубу, по которой подавалась кислотная смесь дымового облака. Смесь эту стало загонять завихрениями в ахтерпик. А в нем, при открытом люке, сидели разведчики. Ядовитая жидкость полилась на них. У самых ближних к люку Ивана Барина и Якова Чупрова покрытые легкой водонепроницаемой тканью с меховой подстежкой куртки и брюки мгновенно расползлись и свалились ошметками. Ребята кое-как успели выскочить на верхнюю палубу.

— Ничего не вижу!.. — голосил Барин.

— Горит огнем! — Чупров пытался ладонями смахнуть с лица едкую жидкость. А на них расползались куртки, свитера, кальсоны, сапоги.

Через люк выбрались на верхнюю палубу и остальные девять разведчиков, находившихся в ахтерпике. И с них одежда тоже спадала хлопьями.

— Смой скорее...

Но холодная вода не унимала ожоги, соль разъедала обгорелую кожу. Полуголых ребят затолкали кого в кубрик, кого в машинное отделение.

От боли скрипел зубами Барин, пытаясь промыть глаза.

— ...Не могу... у кого есть вата — протрите.

Ему помогли.

— Не вижу ничего, братва...

Он присел на корточки, уронил голову на колени, застонал.

Кто-то подсел к нему, взял за локоть, другой положил руки на спину. Иван дернулся, но вскоре затих, лишь грудь колыбалась от сдерживаемых рыданий.

У Якова Чупрова обожгло половину лица, кожа с нее свалилась лоскутами, обнажив мышцы челюстей, подбородка, лба. А другую половину, как по линейке отделенную, кислота не коснулась; она осталась прежней, какой была до ожога. Он тоже стонал от боли, от досады.

Остальным кислота попала каплями на лица, обожгло руки, ладони, когда хватались за комингс, выбираясь из люка.

Пришли в маневренную базу в Волоковой. Пострадавших отправили в полевой медсанбат. Там им сделали первую обработку ожогов. Баринову и Чупрову перелили кровь.

Через несколько дней всех обгоревших катер доставил в Полярное, в госпиталь.

Так неожиданно поход в разведку на Варангер завершился трагедией на море.

Ивана Баринова, полностью лишившегося зрения, после госпиталя демобилизовали по инвалидности. Уехал он к себе на родину, в Благовещенск-на-Амуре.

У Якова Чупрова к лету обгорелая половина лица покрылась свежей кожей, розовой, как у ребенка. Ни холода, ни жары она не выносила. А другая половина осталась такой же чистой, как у всех белолицых северян.

Летом Яков съездил в отпуск на родину, на приток Печоры Пижму, а оттуда отбыл к новому месту службы — на Черноморский флот. Холодный север оказался негодным для его здоровья.

Глава семнадцатая

После того как на Варангере на путях вражеских конвоев погибли четыре группы разведчиков, на эти маршруты забросили еще две.

Одна должна была принять под наблюдение суда на подходах к Мегерею, другая — восточнее Порсангер-фьорда. А дальше на восток — у Берлевога, Сюльте-фьорда, на южном берегу полуострова Варангер находились другие группы, возле которых, как по передаточной связи, конвои плыли под надзором.

Таким образом, разрыв в полосе наблюдения между Тромсё и Порсангером основательно заполнялся.

Группа Сверре Сёдерстрема начала свою вахту невдалеке от Нордкина 6 октября. В ту же ночь на северо-западном берегу полуострова Порсангер обосновалась еще одна группа.

Вражеские конвои и боевые корабли, плывущие к востоку, к Варангер-фьорду, Киркенесу, Петсамо, Вардё, и обратно, редко выходили к штормовым, ветреным, опасным северным берегам Мегерея, они старались ходить внутренними проливами и фьордами и оказывались под надзором наблюдателей.

К месту своей долговременной базы разведчики пришли на подводной лодке С-55 капитан-лейтенанта Сушкина.

Всплыли под перископ, осмотрелись и, не обнаружив ничего опасного, продули цистерны. Лодка вынырнула на поверхность. Легкая зыбь покачивала ее, слегка подтапливая то нос, то корму. Хмурые темные тучи низко плыли над морем. Казалось, из них сыплется бесконечное снежное месиво.

Берег нечетко просматривался сквозь разрывы снежных зарядов. Тихо, ни огонька, ни движения.

Оперативный офицер разведотдела и командир лодки убедились, что операции по высадке разведчиков ничто не мешает.

Подводники извлекли наверх большой надувной понтон и две шлюпки, подключили к ним шланг, и струя воздуха мигом надула их до звенящей упругости.

Через люк центрального поста наверх с рук на руки ползли рюкзаки, брезентовые мешки, тюки с одеждой, запаянные железные банки с галетами и питанием к радиостанции. Все это сгрузили на понтон и на шлюпки. Разведчики отряда Рихард Кеньев, Степан Овчаренко и Владимир Соколов первыми сели в понтон, приладили весла. Все было готово к отходу. Распрощавшись с командиром лодки и офицером из разведотдела, в шлюпки спустились трое разведчиков — Павел Богданов, Николай Сизов и Арнульф Матисен. Они уходили на норвежский берег на многомесячную вахту.

Понтон и шлюпки отчалили от борта и под веслами по-

шли к берегу — до него всего какая-нибудь сотня метров. Управились за один рейс, все выгрузили на сухое место, обнялись на прощание с товарищами, и переправщики отправились в обратный путь.

Трое остались на зимнем, заснеженном, нелюдимом, каменистом норвежском берегу.

Павел Богданов пришел в отряд летом 1941 года. До войны служил инструктором физкультуры в одном из радиоподразделений штаба флота. В отряде сразу стал пулеметчиком, сначала ходил на мотоботе «Север», высаживал разведчиков на Мотовское побережье. После штурмовки «мессершмиттами» у Пикшуева выплыл на берег. Зимой ему, опытному лыжнику, пришлось покинуть бот и на лыжах торить дорогу во вражеский тыл. В январские лютые морозы отряд ходил к Луостари, где попал под бомбежку. Павла тяжело ранило. Вывезли его, укутанного меховыми куртками, на волокушах, связанных из лыж. Он пролежал в госпитале без малого четыре месяца, потом снова вернулся в отряд, где его стали готовить к многомесячному заданию на норвежском берегу.

Радистом высадился Николай Сизов. В отряде он тоже появился первым военным летом. До этого плавал штурманом на судах рыболовного флота, ловил сельдь и треску вблизи мурманских берегов. Они с Богдановым земляки, оба из Калининской области, только Павел родом из Ржева, а Сизов — из Старицкого района. Родители его, покинув деревню Лаврово в 1929 году, увезли восьмилетнего Николая в Мурманск.

В начале войны он попросился на Северный флот. Там сразу был зачислен в разведку. Потом его перевели в малую группу, учили радиоделу. Он освоил сложную аппаратуру, стал быстро и четко работать на ключе, безошибочно принимать на слух, исправлять неполадки, хорошо запоминал шифры.

Командир группы — уроженец Киберга Арнульф Матисен владел шведским, финским, датским, немецким, английским языками, хорошо разговаривал по-русски. В то время ему было уже за сорок, в начале 30-х годов он вступил в Норвеж-

скую компартию, а до этого четыре года был комсомольцем. Жена его тоже была норвежской коммунисткой. Плавал на судах торгового флота, побывал во многих странах. Когда немцы оккупировали Норвегию, Матисен вместе с друзьями переправился через границу на советскую землю.

Два его брата отдали жизни за освобождение Норвегии от фашизма. Альфреда схватили первой военной осенью, когда он налаживал контакты с группой Кудрявцева, и казнили. Франс, не желая попасть в руки преследователей, покончил с собой, но о его гибели Арнульф еще не знал.

Как только подводная лодка скрылась в темноте, разведчики пошли выбирать место для временного привала. Облюбовали небольшую площадку метрах в ста от берега. За ночь перенесли подальше от воды весь груз, разложили его в нескольких местах, укрыли камнями и снегом. Первый день пролежали в снегу, не смея высунуть носа, осматривали в бинокль море, сопки, лощины, но ничего опасного не обнаружили. На следующую ночь сделали небольшой шалаш и в нем укрылись от непогоды. Прожили тут два дня, а затем пошли искать более подходящее пристанище.

Километрах в двух соорудили другой шалаш. Вернулись к берегу за оставшимся там имуществом, посмотрели оттуда на свое строение и увидели, что поставили его неудачно: с моря их жилье отчетливо виделось. Поневоле принялись за строительство вновь. А выкладывать даже самые примитивные стенки было не из чего, только на самом берегу попадались иногда кое-какие выброшенные морем обломки. Их собирали и таскали на себе на высоту, названную ими Хестен. Разрывали снег, откапывали небольшие камни, с трудом откапывали их от мерзлой земли, резали смерзшийся торф кирпичиками и складывали стены и крышу землянки. Разыгравшийся сильный шторм развалил их сооружение. Пришлось все делать заново.

Когда закончили строительство и убедились, что обосновались тут прочно, сообщили на базу, где находятся и как устроились. Но квитанцию, подтверждающую, что их радиogramма принята, почему-то не получили. На следующий день снова отстучали в эфир сообщение о себе, и опять ба-

за никак не реагировала на их сигнал. Прошло несколько дней, разведчики усомнились в исправности приемника, но в нем все было в порядке. Посетовали на плохую проходимость волн в их зону и решили продолжать посылать свои радиogramмы по тому же графику.

Обошли округу на несколько километров. Ни жилья, ни следов человеческих на глаза не попало. Окончательно уверились, что устраиваться следует на этом месте. Когда пришли к берегу, чтобы понемногу перенести свое имущество к постоянному становищу, оказалось, что во время шторма часть груза смыло волной в море. Так группа лишилась трехмесячного запаса продовольствия. Что осталось — перетаскили к своей базе. Вышло, что на день каждому приходится по банке консервов и по полтора сухаря. А жить надо было зимой, на голом месте, на ветру и в снегу, без тепла.

Вахту несли попеременно. Пройдет ли вражеский караван, патрулируют ли над морем немецкие самолеты — сообщали без задержки. А база по-прежнему молчала.

Однажды, прослушивая эфир, разведчики обратили внимание на день и число, которые назвала Москва в своей передаче, и тотчас поняли свою ошибку. После высадки, когда выбирали место и переносили имущество, они сбились со счета времени, спутали числа, а потому и работали не по расписанию.

Как только передали очередную шифровку по графику, база тут же ответила, что она их слышит, подтвердила, что все их радиogramмы приемным центром приняты и по назначению доставлены, но, поскольку передавались они в неурочное время, закралось сомнение — не работает ли радист под контролем, не затеял ли противник новую игру с Полярным.

Двухсторонняя связь стала регулярной, команды с родной земли пошли без помех.

Что делается на море и в воздухе невдалеке от самой северной оконечности Европы, огибают ее вражеские корабли или держат курс проливами, летают ли над морем самолеты, какая у них погода — день за днем, неделя за неделей четыре зимних месяца подряд в снег и в пургу, на ветру, из холодного неоттапливаемого шалаша шли радиogramмы. Те-

перь разведчики не только четко распознавали классы и типы вражеских судов и их тоннаж, но и куда и каким ходом идут, каким походным порядком плывут караваны, где находятся транспорты и корабли охранения.

Продукты старательно экономили, по жесткой норме варили на керосинке похлебку. Потом керосин кончился. Питаться пришлось только всухомятку. Сухари в банках отсырели и заплесневели, их выбросили. Дров добыть было негде, мелкий кустарник в лощинах скрыт под глубоким снегом. Не было теплой воды, чтобы даже голову помыть. По вечерам, ворочаясь с боку на бок и стараясь унять зудящую кожу, мечтали о бане как о недостижимом блаженстве.

Оленьи меховые костюмы просушить было негде, от сырости, которую непрерывно несло с моря, они начали гнить. Шерсть полезла. Разведчики остались в ватниках и валенках. Белье, как только занасивали до черноты, снимали, закапывали в снег и надевали новое. Обросли, стали длиннобородыми.

Матисен и Богданов отправились на поиски топлива. Ходили почти целый день. Собрали выброшенный морем плавник, несколько чурбаков, лежавших высоко на камнях на обсушке. Они основательно выветрились, подсохли. За два приема дровишки приволокли к шалашу.

Нагрели воды по ведру на каждого и устроили себе баньный день.

Последним мылся Богданов. Исполосованные бугристыми шрамами спину и грудь протирали осторожно, боясь беспокоить, вызвать боль.

— Смелее трите, теперь уж не так ощутимо, как в позапрошлом году. Тогда даже лежать на спине было больно...

Когда Павел оделся, Арнульф заметил:

— Исполосовали тебя — не постеснялись, не жалели... Отметины на всю жизнь...

,

Группа продолжала зимнюю вахту. К концу февраля кончились продукты, спички. Некоторое время еще сохраняли тлеющие угли под слоем пепла, но дровишками удавалось разжиться не каждый день. Наконец лишились всякого огня. Слабели с каждым днем.

База передала, что забросить продукты с воздуха не позволяет погода, поэтому принято решение снять их и вернуть домой. В одну из ближайших ночей им было велено выйти к берегу и ждать условного сигнала.

Прождали всю ночь, но подлодка не появилась. Снова вернулись к своему шалашу, на следующую ночь опять отправились к морю, но лодка не пришла. Так три ночи подряд ходили к урезу моря, без лыж, по глубокому снегу. Измотались до предела. Уже неделю жили только на остатках шоколада. Решили испытать счастье последний раз. На небольшом подъеме от истощения упал и потерял сознание Матисен. Его долго растирали, делали дыхательные упражнения, наконец, привели в чувство. Едва отлежался — снова побрели вперед. Прождали и эту ночь напрасно. Утром увидели, что за семь рейсов на снегу образовалась торная тропа, которая наверняка хорошо просматривается и с моря, и с воздуха. Договорились к берегу больше не ходить, просить по радио, чтобы сбросили хоть немного продуктов. Идти уже не могли, большую часть пути брели на четвереньках, тянули за собой рюкзаки с грузом. На полдороге в полном бессилии свалился Павел Богданов. Часа два сидели возле него, пока он немного пришел в себя. Пожевали шоколаду, погрызли снега и поползли дальше. Так ползком и вернулись на точку. Сутки недвижимо лежали, сил, чтобы подняться и что-то делать, уже не было. И именно в эту ночь подводная лодка, ускользнув, наконец, от сторожевых кораблей противника, подошла к берегу, прождала почти до рассвета, подавала сигналы, но, не получив ответа, ушла обратно.

Разведчики решили идти в ближайшее селение и просить помощи у норвежцев. Лучше всего это мог сделать Матисен — он человек местный, скорее сможет договориться. Условились, что если он через двое суток не вернется, то Богданов и Сизов бросят базу и постараются дойти до Мюр-фьорда и там станут искать спасения. Отдали Арнульфу последний шоколад, и он пешком, через горы пошел в Бак-фьорд.

Ждали его условленные двое суток, но к назначенному времени он не пришел. Но и они не смогли покинуть базу, сил, чтобы подняться и уйти, уже не нашлось.

Глава восемнадцатая

К концу лета к Нордкину и Нордкапу отправились две группы разведчиков.

Одну снова возглавил Сёдерстрем, в апреле вернувшийся из Сюльте-фьорда.

На них возлагались весьма большие надежды.

Командир группы — опытный разведчик, дважды командовал в многомесячных операциях, оба раза полностью выполнил задания. Он коммунист, убежденный антифашист. Район наблюдения исключительно важен и удобен, место от прежних точек удаленное, от Берлевога, где попались в сети германской контрразведки Матисен и его товарищи, по прямой более семидесяти километров, и широкий, более чем на шестьдесят километров врезавшийся в материк Танафьорд.

Группу подготовили и снарядили на семь месяцев. Груза и снаряжения набралось почти полторы тонны. Все следовало забросить одним рейсом подводной лодки, чтобы не демаскировать группу последующими доставками.

Примерно за час до выхода лодки в море 30 сентября 1943 года к борту подлодки подошел бот с разведчиками и грузом. В эту операцию переправщиками были назначены: Семен Агафонов, Алексей Антонов — оба в прошлом подводники, Андрей Пшеничный — до войны трюмный береговой базы подплава — и Сергей Григоращенко. Они перегрузили в подлодку узкие длинные фанерные ящики, рюкзаки, оцинкованные банки с водкой и керосином — сорок пять мест разного имущества, большой резиновый понтон и две надувные шлюпки для высадки на берег, запасные весла, шланги, шлюпочные рыбины...

Разведчики и матросы с подлодки укладывали все по отсекам, размещали по порядку, расписанному еще на базе: вниз — тяжелое, что полегче — вторым и третьим ярусами. Никакой суматохи и путаницы.

Через восемнадцать минут погрузка закончилась, люки задраили, лодка была готова к походу.

На переходе отработали порядок выгрузки, ведь предстояло все имущество разведчиков из носового и кормового

отсеков через круглые лазы перенести к центральному посту, поднять его по отвесным трапам в рубку, с мостика через верхнюю палубу, притопленную в воду по корме и по носу, спустить в понтон и в шлюпки. Процедура очень непростая, требует навыка, сноровки и немало мускульных усилий.

Свободные от вахты краснофлотцы и офицеры собирались возле центрального поста, садились около разведчиков-норвежцев. Завязывался дружеский разговор. И хотя море сильно штормило — волна доходила до восьми баллов, — ни в ночные часы, когда шли в надводном положении и заряжали батареи, ни в дневные, когда скрывались от чужого наблюдения под водой, никого не укачало. В подлодке пропадает ощущение времени суток, ночь заметна лишь большей качкой и вдуваемым свежим воздухом, а вахты идут своим чередом.

Первым, как правило, вступал в разговор Сверре Сёдерстрем. Он старше всех по возрасту, ему сорок, даже командир лодки намного моложе его. Он выходец из большой рыбацкой семьи, где шестеро братьев (двое — тоже разведчики), две сестры. В 1930 году впервые побывал в Советском Союзе с рабочей делегацией. Полностью посвятил себя партийной работе, в Норвежской компартии уже тринадцатый год. Имеет два советских боевых ордена за работу в разведке.

— Всякому с детства в душу западают родные места, — неторопливо, подбирая русские слова, говорил Сверре своим слушателям. — Кому горы, кому реки, а кому степи... Мы, норвежцы, с детства видим море. Я слышал по радио, как ваш оперный солист поет: «Мы в море родились, умрем на море...» Мы рождаемся если не в море, то у моря.

Сверре рассказывал, что, по преданиям, норвежцы раньше других ходили в Новый Свет, узнали Америку... Но своя гористая, сплошь из твердого камня, изрезанная неисчислимыми фьордами, не балованная теплом Норвегия остается глубоко в сердце.

— Жил я в Советском Союзе три года. Научился говорить по-русски. Вы меня приняли по-братски. Оружие дали, обу-

ли, одели. Доверили в разведку ходить. Нравится мне у вас, а как прогоним фашистов из Норвегии, домой вернусь. Дел будет не впрокорот. Много селений пострадало, а сколько судов потоплено... Порядок придется наводить, спросить с тех, кто помогал оккупантам.

Сёдерстрем глубоко озабочен судьбой родины после войны. Он хорошо знает, какую линию ведут норвежские эмигрантские власти в Англии, чем занимаются деятели в Милорге, в «Кретсене», чего хотят после войны те, кто основательно нажил на военных поставках.

Обычно молчаливый, Юппери Франс не проронил ни слова, пока говорил его командир Сёдерстрем. И вдруг его будто прорвало:

— Трудно будет со всем посчитаться. Много их накопилось. А вернутся правители из Англии — за нас возьмутся.

Подводники не знали многого из жизни довоенной Норвегии, подробностей немецкой оккупации страны фьордов, о том, что происходило в годы германского правления в норвежских городах и селениях, чем занимались в Англии эмигрантские власти. Эти вдруг вырвавшиеся слова Франса раскрыли морякам еще одну проблему войны, о которой они не задумывались. Этот простой рыбак и охотник, до войны не занимавшийся политикой, не состоявший ни в каких партиях и профсоюзах, вслух произнес то, что беспокоило многих его сограждан.

— Да, легко все у нас не закончится, — поддержал своего помощника Сверре. — Даже если Красная Армия изгонит фашистов, нам достанется трудная доля. Нас мало, сколько норвежцев уже погибло, сколько еще не дойдет до конца войны...

На какое-то время все замолчали, сидели, понутив головы.

— Мы вас поддержим, будем наступать — не остановимся, — обнадежил кто-то из подводников.

— Да ведь вам надо будет заниматься своими делами, восстанавливать свое хозяйство, — ответил Сёдерстрем. — И нам жизнь по-новому самим придется налаживать.

Так неожиданно этот разговор коснулся другой темы. Не

за горами то время, когда придется держать ответ: на чьей стороне ты воевал, за что боролся?

— Вы, ребята, приезжайте к нам после войны погостить. Жизнь за фьордами не такая, какой видится с подлодки, — вслед за командиром сказал радист Эйлиф Даль. Ему всего двадцать четыре года. Родом он из Киркенеса.

Степенные, обычно немногословные норвежцы оживились, наперебой стали рассказывать о своей родине, о красоте длинных, извилистых, усеянных островками фьордов, о спускающихся в воду каменных скалах, об их отражении в тихую погоду в зеркальной глади моря, о речках и речушках, берущих начало из множества горных озер и скатывающихся через пороги и водопады в неисчислимые шхеры. Как мало у них плодородной земли в южных провинциях, возле Осло и Тронхейма, оттого каждый ее кусочек приходится руками лелеять. Какие сочные травы растут в долинах и на нижних склонах гор, обращенных к солнцу. Но и этого корма для скота не хватает, приходится коров подкармливать рыбной мукой. Море и рыба кормили норвежцев, издревле все заботы с ними связаны. На юге страны, где теплее, озера и реки льдом не покрываются, построены большие гидроэлектростанции, сплавляют лес, плавят металл в электропечах, строят крупные суда. На севере жизнь сложнее, каждая рыба достается тяжелым трудом, поэтому в Норвегии считают Финмаркен и Тромсё самыми бедными провинциями.

— А мы за них воюем, — говорил Сёдерстрем. — Это родные места, нашими предками освоены, отцами обжиты. И мы изгоним бошей с этих земель и вод, будем жить без чужестранного правления.

Днем 6 октября лодка подошла к цели. В перископ осмотрели берег, выбрали место, где удобнее высаживать разведчиков.

Лодка в трех-четырёх кабельтовых от берега легла на грунт. Над головой нависла тридцатиметровая толща воды. Стали ждать вечерней темноты.

Время подошло близко к полуночи, когда снялись с грунта, всплыли в позиционное положение, приблизились к бе-

регу на полтора-два кабельтова. Ближе подходить было рискованно: под водой у берега много рифов.

На мостик поднялись командир лодки и руководитель высадки старший лейтенант Малышев. Всмотрелись в берег. Кругом все спокойно, на море ни огонька, ни проблеска.

Бушевавший накануне шторм утихомирился, волны уже не вздымались высокими гребнями, а увалами плавно катились одна за другой. Море у Нордкина редко бывает тихим, а в зимнюю пору тем более. Даже в штиль оно покачивается, ходит потоками.

Отдали команду начать высадку.

Переправщики и краснофлотцы с подлодки вытащили понтон весла, подсоединили шланг от воздушной магистрали, в мгновение его заполнило воздухом до полной упругости. Через дверь рубки потекли на палубу подаваемые по трапу центрального поста ящики, тюки, банки, рюкзаки...

На понтон первыми спустились переправщики, просунули в уключины весла, за ними сели на груз разведчики с накинутыми на плечи рюкзаками аварийного запаса, радиостанциями и небольшим комплектом питания к ним.

Через сорок минут вернулись за второй партией груза. Агафонов доложил Малышеву, что все доставлено благополучно. Лодку дрейфом немного отнесло от берега, командир приказал подойти поближе. Понтон загрузили для второго рейса. В два часа ночи Агафонов, Антонов, Пшеничный и Григоращенко причалили к лодке.

На берегу виднелись знакомые силуэты. Лодка развернулась и, набирая ход, пошла на назначенную ей позицию.

Полуостров Нордкин принял на свой северо-западный берег новую группу разведчиков. Берег был пустынный, безлюдный, лишь в нескольких километрах к югу находился маленький хуторок.

Береговые скалы круто сбегали к воде, только у самой ее кромки виднелась узкая полоска накатанной гальки да отполированных валунов. Но и она полностью обнажилась только при отливе.

Поднялись метров на тридцать. За сплошным снежным покрывалом в ночном мраке не угадывались ни впадины, ни

бугры. Снег уже довольно глубокий, почти до колена. Накнулись на ущелье, от него до береговой обсушки недалеко, метров семьдесят пять. С моря это ущелье не видно, а из него обзор хороший. Выбрали его себе для становища.

Немножко передохнули и спустились обратно к морю, чтобы переносить груз наверх. Хотелось успеть все сделать до рассвета. Управились ко времени.

После завтрака стали обустройства свой лагерь на открытом берегу. По нескольким местам спрятали груз, разложили запасы так, чтобы использовать кладовушки одну за другой по очереди. Поставили палатку из двойного брезента с двойным пологом, вроде тамбура-сенцев. Жилье получилось довольно сносное.

Разожгли керосинку, приготовили себе горячий обед, после основательной работы на воздухе с аппетитом поели.

Пошли выбирать место для радиопередач. От убежища ввысь поднимался прибрежный горбатый увал. Лучше всего было добраться до самой его вершины, чтобы радиоволны не упирались в гранитную преграду. До базы не близко — по прямой 320 километров. На макушке высоты стоял тригонометрический знак, а возле него виднелось небольшое озерцо со стекающим вниз ручейком. Из него и стали брать воду для питья.

Точка для радиопереговоров подходящая, но каждый раз подниматься сюда тяжело, работать приходилось на ветру, дующем то с одной, то с другой стороны.

Только на четвертые сутки, 12 октября, радиоволна одолела горы и море, прозвучала в наушниках дежурившего на приемном пункте радиста. Тот передал, что командование довольно, желает удачи. База узнала, что новая точка разведчиков приступила к делу.

Сёдерстрем и Даль вернулись к своему жилищу. Сидевший на вахте Юппери сказал, что недавно подводная лодка в четырех милях севернее мыса Сверхольтклубб потопила транспорт примерно на 8 тысяч тонн водоизмещения.

На берег море выбросило мясо, масло и много других продуктов. Жители соседнего Кьелле-фьорда существенно

пополнили свой паек: ведь мясо и масло по карточкам почти не выдавалось.

В следующий сеанс связи сообщили об этом на базу. Какой-то подводной лодке штаб засчитает боевой успех.

После первого донесения сообщения о вражеских конвоях, отдельных судах и кораблях пошли часто. Ни одно судно, плывшее днем, не проходило незамеченным. Ночью вахту над морем не несли: видимость скверная, да и для круглосуточной вахты сил и времени у них не хватало.

Через три дня Сёдерстрем пошел обследовать соседний Окс-фьорд, там небольшое селенье. К одному из его жителей у Сверре было рекомендательное письмо от Альфреда Халвари.

Хозяин дома принял Сёдерстрема гостеприимно.

Когда разговор наладился, Сверре передал Альфу Сагену письмо. Тот прочитал, некоторое время помолчал, потом спросил:

— Так зачем же прислал тебя ко мне Альфред?

— Он мне сказал, что ты человек надежный, бываешь в других местах да и знаешь немало. Вот и хотел, чтоб ты мне посодействовал.

— А в чем я могу быть полезен?

— Я здесь гость не случайный. Мы боремся за освобождение Норвегии от фашистов. А тебя я хочу просить о помощи.

— Я так и подумал. Появился ты здесь не с моря, в эти дни рейсовый бот не приходил. Значит, пришел по суше, с гор. А мы даже к соседям в Мехавну и в Хьелле-фьорд по суше не ходим, у нас не принято пешком мерить горы и тундру. Раз пришел с той стороны, я сразу смекнул — неспроста.

— Выходит, мне и уговаривать тебя не надо.

— Я немцев не жалую. Мы без них жили спокойно, рыба наша везде спросом пользовалась. Они пришли, и все стало хуже. Ловим в основном только в фьорде, все сверх того, что нужно для семьи, обязаны сдавать скупщику. Никуда свободно не пойдешь, не поедешь, везде нужен пропуск. Всем правят теперь члены Нашунал самлинг. Снабжение по карточкам. Одежду и обувь не можем купить вот уже два года.

— Ты рассказываешь убедительно. Вот и помоги нам скорее уничтожить этот порядок.

— Легко говорить — помоги. Я ведь знаю, что за это бывает. Немцы за такие дела карают строго. Сколько нынче летом людей расстреляли в Берлевоге, не меньше на Арнее. В тюрьмы посадили женщин, подростков. — Саген нервничал, руки его тряслись, губы дрожали.

— Вот и будем избавляться от фашистов...

— Об этом не только сказать, подумать страшно. Вы где-то за морем, когда придете — неизвестно. А немцы тут, рядом. Они вас ждать не станут, узнают — иди под пулю.

— Если делать все с умом, не узнают. Мы к тебе ходить не будем. Место встречи выберешь сам.

— Нет. Не хочу рисковать ни собой, ни семьей, ни соседями. И тебя прошу уйти отсюда.

Альф Саген говорил, что норвежцы сильно напуганы зверствами фашистов, расстрелами жителей прибрежных селений, страх поселился в их душах, друг друга боятся. Он и за свою семью очень обеспокоен: если узнают, кто приходил к нему и зачем, горя не миновать. Альф обещал, что никому ни слова не скажет о визите Сверре, но было бы лучше, чтобы этот приход стал первым и последним.

Помолчали. Альф провел гостя в соседнюю комнату. Там у него была столярная мастерская. Альф изготавливал домашнюю мебель, разные поделки из дерева, рамы и двери. Этим он кормился. Но теперь, в военное время, главным источником дохода становилось рыболовство.

В столярке он сказал Сёдерстрему:

— Есть у нас еще один знающий человек. И положиться на него можно. Советую поговорить с ним, вдруг он согласится помочь вам. Зовут его Людер Энгельвертсен.

На следующий день Сверре повидался с ним, но тот сказал, что никуда не ездит, занимается ловлей рыбы в ближних водах, поэтому осведомлен мало, едва ли чем может помочь своему посетителю. Рассказал, что в Мехавне и в Гамвике установлены артиллерийские батареи, но сколько орудий и какого калибра — не знает. Он откровенно признался, что боится помогать Соппротивлению.

Сёдерстрем отправился пешком через горы в сторону Мехавны, хотел посмотреть те места своими глазами.

По дороге встретил двух местных жителей, ловивших рыбу на озере. Поздоровались, познакомились, сели перекурить. Сверре угостил собеседников ароматным трубочным табаком.

Разговор постепенно перешел от дел житейских к самой волнующей теме: войне, оккупантах, квислинговцах.

Рыбаки сказали, что в Мехавне большинство жителей либо сочувствуют нацистам, либо являются ими. Посторонние тут почти не бывают, каждый знает всех жителей селения с детства. Приехать в эти места без специального пропуска комендатуры никто не может. И ему они ходить туда не советуют. Лучше всего ему не встречаться со здешними людьми, чтобы не навлечь на них опасность.

Сёдерстрем вернулся на точку. За время его отсутствия прошел один конвой с запада на восток, через сутки обратным курсом вернулись эсминец и сторожевик, охранявшие транспорт на переходе.

К наблюдению за морем подключился Сёдерстрем. Разведчики опять видели конвой, через пять дней другой. Для радиопереговоров, как и раньше, взбирались на высоту. Там было намного холоднее, чем у моря. Дул пронизывающий ветер, стыли руки. Их растирали снегом. Эйлифу приходилось работать на ключе голыми руками.

Даже отсюда, с самой высокой точки округи, радиogramмы шли как бы через преграду. Не каждую на базе принимали, и они не всегда слышали своих. Приходилось ходить на гору второй и третий раз, чтобы установить связь.

Горячую пищу варили раз в сутки на примусе, но потом резьба на горелке сорвалась, пришлось подогревать еду над баночками сухого спирта. От варева отказались. Питались чуть теплыми консервами. Изредка воду доводили во фляге до кипения, тогда кружка горячего чая становилась настоящим лакомством.

Как-то в один из походов в тундре наткнулись на хижину, в ней нашли старую железную печку. Принесли ее на базу, но с дровами было весьма скудно. Кое-что удавалось иногда

найти на берегу и тащить оттуда на себе через горы по глубокому снегу. Иногда брали сани и везли на них.

Сухой спирт старались беречь, он мог пригодиться, если придется покинуть базу и идти в дальний маршрут.

Ходили почти всегда в ватных фуфайках и брюках, в сапогах и лыжных ботинках, в валенках сидели на наружной вахте да иногда в шалаше. В сильный ветер и холод надевали и полушубки. Канадские на тонком меху костюмы — легкие и теплые — берегли на экстренный случай, если надо будет уходить быстрым маршем.

12 ноября Сёдерстрем пошел на лыжах обследовать Зунд-фьорд и мыс Нордкин. Нигде не заметил ни человеческого следочка, ни лыжни, лишь иногда попадались копошившиеся в снегу непуганные куропатки. Человека они не боялись — не взлетали, лишь немножко отбегали от лыжника.

Сверре обошел округу, вернулся на базу и подключился к товарищам нести вахту над морем. Через неделю снова собрался в Мехавну. В пути встретился с жителем поселка, тот ходил по тундре в поисках своих оленей. Он назвался Педером Нильсеном. Раньше, до войны тот состоял в Рабочей партии, но в 1941 году перешел в Нашунал самлинг — членам этой партии позволяли держать радиоприемники. Он и хотел его иметь, а нацистам будто бы не симпатизировал.

Сверре сказал Педеру, что скоро ожидается вторжение союзников в Норвегию, будут изгонять немецких оккупантов. Надо помочь десанту в сборе информации. Нильсен ответил, что это дело рискованное и очень опасное, может плохо кончиться. Но все же пообещал встретиться еще раз. Договорились увидеться 5 декабря в одной из лощин западнее Мехавны в полдень.

К десяти часам Сверре пришел к условному месту, укрывшись в засыпанном снегом нагромождении камней близ обсушки. Недвижимо пролежал до половины первого. Нильсен не появлялся. Вместо него подкатили на лыжах трое немецких солдат. Шли они на юго-запад от Мехавны к тому месту, откуда за ними наблюдал Сёдерстрем. Сверре сполз с завала и перебежал за большой камень на берегу, при

приливе затапливаемый водой. Солдаты прошли невядалеке. Он предусмотрительно догадался не подходить к этому месту на лыжах, а подобрался по кромке обсушки. Оттого следов его не было видно.

Немцы поднялись на холм, постояли, поглядели по сторонам. Прострочили очередь из автомата и повернули назад по своей лыжне.

Сверре пролежал на камнях обсушки еще два часа, и только когда стемнело, поднялся, прошел по своим следам назад к своей лыжне и заторопился побыстрее уйти.

Видимо, Нильсен донес немцам о чужом человеке.

В своих выходах на радиосеансы заметили, как по противоположному скату высоты появляются проторенные лыжни. Ходить на высоту перестали, подождали, пока их заметет снегом, на какое-то время решили затаиться, эфир не будоражить.

В одну из вахт заметили, как вблизи берега прошел катер. На палубе разместилось отделение солдат. Катер тормозил ход, отключал винт и дрейфовал, солдаты осматривали берег, разглядывали его в бинокли. Какое-то время катер стоял напротив укрытия разведчиков, те лежали не шелохнувшись и через щели в пологе следили за вражеской поисковой группой. Их спасло, что о берег билась большая прибойная волна, подойти на катере для высадки было немыслимо. Пурга, что крутила накануне, основательно заровняла снежный покров, все выглядело нетронутой целиной.

Катер ушел.

На следующий день появился самолет и долго кружил южнее Нордкина. Ребята сидели не шелохнувшись. Через несколько дней самолет появился снова.

Три дня прошли спокойно. Но когда Эйлиф Даль застучал донесение, самолет вынырнул из-под облаков, как будто ждал сигнала. Он пролетел так низко, что казалось, разглядеть их щель ему не стоит большого труда. Эйлиф мгновенно прекратил передачу.

Все же буран хорошо замаскировал разведчиков, и они поступили разумно, не вылезая из своей берлоги.

Мимо проходил небольшой конвой и одиночный сторожевик, но радиogramму о них разведчики не решились передать. Молчали больше недели.

Стало казаться, что все затихло, успокоилось. Сёдерстрем решил навестить селеньице в Хумсе-фьорде. Там жили три семьи. Он побывал у всех. Люди в хуторке простые, едва грамотны, почти не читали газет и не слушали радио. Жили они своими заботами, ловили невдалеке от берега рыбу да ухаживали за скотом. О том, что происходит на войне, знали понаслышке. Сёдерстрем беседовал с ними о делах обыденных, житейских. И ему стало понятно, что ни немцев, ни квислинговцев тут нет.

И все же разговор не получался. Жители слышали, что невдалеке от них немцы недавно искали русских парашютистов. Сёдерстрем показал им свой паспорт, говорил он по-норвежски, знал обычаи жителей Финмаркена, по всему чувствовалось, что он из людей местных. И все же хозяева так и не расположились к нему доверием, но переночевать в одном доме все-таки оставили.

Утром, позавтракав и распроставшись с хозяевами, Сёдерстрем пошел еще дальше на юг, в Эйдс-фьорд. В самой внутренней узости его примостился хуторок. Жители рассказывали, что в прошлом и позапрошлом году тут работали двести человек датчан и немцев. Они рыли канал через небольшой перешеек, отделяющий полуостров Нордкин от материка.

Но прошлой осенью работы прекратили, все строители уехали. После Сталинграда и Курского сражения немцы начали оттягивать силы с севера, снимать береговые батареи, увозить их из Норвегии.

Во второй половине дня Сёдерстрем, подрядив бот у одного из жителей, отправился в поселок Нурменсет. Там он остановился у Ханса Андреасена — десятника рыбацкой артели. В отличие от соседей Ханс был довольно образован. С ним можно беседовать не только о житейских делах, но и о проблемах войны, о ситуации в мире. Проговорили всю вторую половину дня и вечер, и само собой получилось так, что Андреасен рассказал о немецких укреплениях в Свертхольт-

клуббе, на острове Рюней, куда разведчики пробраться не могли, о немецком гарнизоне в Лаксельвене.

Но когда Сверре попросил Ханса помочь ему, поскольку тот часто бывает в других селениях и даже ходит к западному берегу Лаксе-фьорда, тот ответил, что за такое дело не возьмется.

— Как откроют англичане второй фронт, тогда я вам вернейший соратник. Можете на меня надеяться.

— Но ведь надо способствовать открытию второго фронта, показать союзникам, где немцы больше всего уязвимы.

— Это я понимаю, но сейчас помочь не могу. Я знаю, что за мной следят. Доносчиков развелось много. Мигом сунут голову в петлю.

— Волков бояться — в лес не ходить.

— А нам приходится не только бояться, но и остерегаться. Немцы лютуют, не щадят никого. Сколько людей расстреляли...

Ханс пообещал Сёдерстрему, что о его визите никто знать не будет, он завтра же пустит слух, что приезжал инспектор, а ему посоветовал побывать в Челле-фьорде, повидать там Самуэльсена. Человек этот может быть полезным.

Сёдерстрем через горы прошел в Дюнвик, а оттуда на боте перебрался в Челле-фьорд. Повидался с Самуэльсеном. Тот рассказал о недавно потопленном немецком транспорте. Но помогать Сёдерстрему тоже не согласился. Время отлучки подошло к концу. Да и излишне волновать товарищей не следовало. Ходить в другие поселки не было смысла. Люди знали мало да и боялись немцев. Чтобы не оставлять следов, Сверре прошел на лыжах по крутым скатам прибрежных склонов более двадцати километров и вернулся к группе.

На базу передали, что немцы вывезли свои батареи с мыса Свертхольтклубб, с острова Рюней, а из Мехавны забрали две зенитные батареи. В Гамвике осталась полевая трехорудийная батарея. В Мехавне живут еще более двухсот немецких солдат, стерегут побережье, наблюдают за жителями, из Гамвика увезли на юг 180 солдат. В Лаксельвене

еще несут службу полторы сотни немцев. Жители тех селений, где побывал Сёдерстрем, в большинстве своем с симпатией относятся к Советскому Союзу, верят в его победу в войне. Из квислинговской партии Нашунал самлинг начали бежать те, кто сотрудничал с оккупантами. Сообщили, где находятся лагеря русских военнопленных, кто из норвежцев весьма рьяно служит захватчикам.

В Оксе-фьорде Сёдерстрем навестил Альфа Сагена и Энгебертсена. С прошлой встречи прошло более трех месяцев. Перед маршрутом тщательно вымылся, побрился, переоделся в гражданский костюм. Надо было сделать вид, что за время отсутствия он был далеко, а теперь вернулся. Но те никаких существенных новостей не знали. Время зимнее, люди видятся друг с другом редко, больше сидят по домам, только иногда выходят на ближний лов рыбы.

В прежние посещения Сёдерстрему рассказывали, что оккупационные власти объявили распоряжение, по которому для жителей ввели паспортные карточки, а зоновые пропуска оставлены только в пограничных, прифронтовых местностях.

Сёдерстрем попросил достать чистые бланки таких документов.

На этот раз Альф Саген передал разведчику и пропуск, и карточку, а также инструкцию о порядке применения этого распоряжения. В восточном Финмаркене каждый взрослый житель обязан был иметь зоновый пропуск, а в западном — паспортную карточку.

Документы эти надежно оберегали разведчиков от случайностей.

Ему также добыли расписание движения автобусов по маршрутам Киркенес — Тана, Вардё — Вадсё — Тана и другим направлениям с пометками, где стоят контрольно-пропускные посты.

В последних числах марта Сёдерстрем еще раз сходил в Оксе-фьорд к Альфу Сагену.

Саген сказал, что недавно ленсман предъявил ему претензию, будто у него бывают неизвестные люди. Есть подозрения, что кто-то из них перерезал телефонный кабель меж-

ду Оксе-фьордом и Мехавной. В Мехавну и в Гамвик прибыло сто немецких солдат, но места для них там не хватило, часть поселили в Омганге. Будто там собираются ставить новую батарею.

Это был последний маршрут Сёдерстрема в соседние селения. Полугодовое пребывание группы на Нордкине, возле Оксе-фьорда, подходило к концу. За это время в зоне наблюдения разведчиков 96 раз обнаруживались вражеские корабли и транспортные суда, они видели 153 судна, 8 миноносцев, 135 тральщиков и много других плавающих единиц. Сведения об этом передавались на базу.

Вскоре пришла радиограмма, чтобы разведчики приготовились к возвращению домой, им на смену шла другая группа.

Следующая радиограмма оповестила, чтобы лодку ждали в ночь на 3 апреля. Следили за морем, однако ничего не увидели. В половине первого часа следующей ночи наблюдавший за берегом Эйлиф Даль доложил Сёдерстрему, что вдали будто мелькнул силуэт подводной лодки, но точно он в этом не уверен.

Сверре спустился на смотровую площадку, разглядел подлодку, подал фонарем три коротких зеленых проблеска. Затем снова поднялся к своей пещере, чтоб забрать имущество, оружие и спуститься к воде для съемки.

Однако, когда сошли к береговой кромке, подлодки в зоне видимости не оказалось. Стали опять ждать. Время для съемки кончилось, на рассвете их не могли забрать. Пришлось вернуться в пещеру.

Следующей ночью снова вышли к берегу.

Было сорок минут первого, когда заметили подлодку. Даль побежал вниз, к обсушке, чтобы подать сигнал и надуть резиновую шлюпку. Но второпях забыл о сигнале, схватился за шлюпку, стал работать насосом. Когда шлюпка надулась, он вспомнил про сигнал, но фонаря нигде не было. Обшарил карманы, ползал по камням — безрезультатно. Посигналить оказалось нечем.

А на лодке недоумевали. Вторично приблизились к бере-

гу: место точное, группа должна быть здесь, как условлено радиogramмами, от ноля до трех. А сигналов с берега нет.

На мостике находились командир дивизиона капитан 2-го ранга Егоров, командир лодки капитан-лейтенант Васильев, офицер разведотдела старший лейтенант Малышев. Минувшей ночью ходили вдоль берега два часа, смотрели в три пары глаз. Люди с берега о себе не давали знать.

Сегодня к этим трем офицерам вызвали наверх еще двух сигнальщиков.

Погода для съемки была подходящей: облака плыли далеко в вышине, в их разрывах посвечивала луна, видимость отменная, ветер небольшой.

Только разведчиков почему-то нет.

Ходили вдоль берега всего в одном-полтора кабельтовых. Без десяти час Егоров и Малышев заметили у самого уреза воды световые вспышки. Но сигналы не совпадали с теми, что должна была подавать группа.

По заданию подлодка, получив неверные сигналы, обязана была срочно погрузиться и уходить. Но Малышев настаивал:

— Могло произойти что-то непредвиденное, или перепутали сигналы.

— Забывать не полагается, мы не можем безрассудно рисковать кораблем. — Егоров еще не принял решения, взвешивал.

— В прошлом году в Перс-фьорде так же заманили лодку и чуть не утопили, — напомнил Васильев.

— Но сейчас вы видите — тихо, ничто не вызывает беспокойства, давайте пошлем к берегу шлюпку, а сами погрузимся по рубку и будем ждать. Обнаружится опасность — срочно уйдем под воду.

— А как в таком случае заберем переправщиков? — спросил Васильев.

— Я уверен, что с группой все в порядке. До последнего дня перед нашим выходом из базы было все благополучно, связь держалась нормально, — не сдавался Малышев. Он чувствовал, что комдив и командир лодки тоже хотели снять разведчиков, не придерживаясь строго инструкции, поэтому

добавил: — Сейчас не снимем — хуже будет, продукты на исходе, впереди полярный день, сюда не подойти...

Егоров и Васильев согласились послать к берегу одного переправщика.

Виктор Нечаев стал готовиться идти выяснять обстановку.

Но тут сигнальщик доложил:

— От берега к нам идет шлюпка.

Лодка стояла кормой к берегу. Малышев уточнил позывные. Пароль и отзыв совпали.

Шлюпка подошла к борту. Юппери Франс, Эйлиф Даль поднялись на борт, выгрузили четыре тюка.

— Что случилось, Франс? — спросил Малышев.

— Забыли сигналы. В прошлую ночь подавали зеленые. Сегодня велели Эйлифу посигналить белыми, а он потерял фонарь. Поэтому Сверре жег спички...

— Где командир?

— На берегу. Ждет, когда подойдет шлюпка со сменой.

Приступили к замене групп. Подготовили понтон, уложили ящики, банки, сверху лег легкий груз.

Степан Мотовилин и Виктор Нечаев взялись за весла, на понтон спустились двое разведчиков новой группы, и он со шлюпкой на буксире пошел к берегу.

Пока переправляли новую группу, Сверре с командиром пришедшей смены поднялся вверх по береговому откосу, показал пристанище, ввел в курс дела.

Последним рейсом Сверре ушел на лодку.

Шел третий час утра 5 апреля.

Закончившие вахту разведчики радовались окончанию тяжелой работы, во все глаза глядели на своих боевых друзей — Мотовилина и Нечаева, расспрашивали их о товарищах, о семьях, о положении на фронтах, о новостях в Полярном и Мурманске.

Подлодка шла курсом на Полярное.

А на берегу, севернее входа в Оксе-фьорд, долго стояли и смотрели вдаль пришедшие сюда на полугодовую вахту двое разведчиков. Алексей Чемоданов и Александр Чаулин заступили на боевое дежурство вблизи крайней северной точки Европы.

Глава девятнадцатая

После невольной холодной купели у Лангбюнеса, когда Николаев случайно свалился за борт катера, пессимистические мысли крепко осели в его голове. Он все чаще сознавал, что в боевых делах от него отвернулась удача. Ему стало казаться, что опасность сама ищет его. И он не торопился идти ей навстречу.

Первая после длительного перерыва попытка испытать судьбу опять началась с неудачи. При выполнении задания ни с кем из отряда ни на воде, ни на берегу ничего не случилось, а на обратном пути во время атаки вражеского конвоя катер мог погибнуть, в него попали снаряды.

Забрав с собой всех пострадавших, он ушел в Полярное. Обоженные нуждались в основательном лечении, всех их надо было одеть, обууть.

Все разведчики, кроме Баринаова и Чупрова, вернулись на Рыбачий, а Николаев остался на базе, подолгу сидел в одиночестве в своей комнатке, думал или читал, потом уходил на подплав и не торопился возвращаться обратно. Отдел навещал редко, старался на глаза начальству не попадаться.

Командование отобрало из отрядных восемь человек и укрыло в конспиративных точках готовить к высадкам в Норвегию на долговременное оседание.

Не приняв Николаева в роли командира, несколько опытных разведчиков служить под его началом не захотели. Вернулся обратно на подплав торпедистом старшина Алеша Радышевцев. Его уход был весьма ощутим — он был большим мастером тренировать молодое пополнение.

Степан Мотовилин перешел в группу, готовившую людей на многомесячные задания.

Ушли из отряда Иван Поляков, Петр Еремин, лейтенант Александр Синцов.

Летом отряд выполнял тренировочные прыжки на Соловках, на аэродроме острова Муксалма. Один разведчик там погиб, нескольких отсеяли тренировки. К осени, к новым походам, из каждых десяти только двое имели за плечами боевой опыт, все остальные были новичками.

Ноябрьская трагедия прервала операции почти на месяц.

К Леонову, оставшемуся старшим среди разведчиков на маневренной базе на Рыбачьем, переправились из Полярного еще несколько человек, они привезли дополнительное имущество. Отряд снова готовился к походам.

У южного побережья полуострова Варангер, километрах в пяти от берега, приютился островок Малый Эккерей. Напротив него на материковом берегу расположилось небольшое селенье Крампенес.

Над морем сгустилась темнота, полярная ночь вступила в свои права. Небо едва просвечивало через кустистые облака, заснеженные берега отражали рассеянные небесные отблески — из-за этого море казалось более осязаемым. Даль морская просматривалась километра на два с половиной. Дул сильный северо-восточный ветер, но волну большую еще не разогнал.

В 19 часов от причала в Пумманках в море вышли два торпедных катера. На головном — группа, которую вел младший лейтенант Леонов. С ним пятеро разведчиков. На ведомом катере шел старший лейтенант Сутягин, с ним пятеро обеспечивающих, они должны помогать при высадке, наблюдать за обстановкой, пока группа Леонова будет действовать на берегу, а также трое запасных разведчиков.

Леонову была доверена первая самостоятельная операция. Ему поручили обойти остров, осмотреть маяк, если застанут на месте смотрителя Улафа Богданова — расспросить его о времени плавания судов и прохождения конвоев в Киркенес.

Шли сравнительно спокойно, в море ни кораблей, ни судов неприятельских не встретили, самолеты не летали, только волна бросала катера с одного гребня на другой, била в борт и в корму, оттого корпуса то гудели, то поскрипывали. Через два с половиной часа подошли к цели.

Головной катер приблизился к берегу почти вплотную.

Леонов приказал спустить резиновую шлюпку, выбирать ее на берег через нее — так надежнее.

Манин и Воронин быстро пробежали вдоль юго-восточ-

ного берега острова метров пятьдесят. Не встретили ни людей, ни построек. Леонов и Фатькин проскочили к маяку. Помещение оказалось незапертым, в нем нашли шесть запасных баллонов и ящик со стеклом.

Затем попарно отправились осматривать остров вдоль южного и северного берегов. Сначала наткнулись на копну сена, потом на штабель торфа. В центре острова набрали на ложную артиллерийскую батарею.

Невдалеке виднелся дом. Леонов и Фатькин зашли внутрь, в нем ничего, кроме рыболовных сетей, не нашли.

Метрах в пятидесяти увидели второй дом. От крылечка к берегу с двумя ведрами в руках шагал человек в сторону разведчиков. Те затаились, выжидая. Когда он приблизился, Леонов и Фатькин выросли перед ним как из-под земли. Тот испугался, ведра вывалились из рук и покатались с грохотом, он поднял руки и крикнул: «Я ей нурман».

В дверях стояла женщина, которая, услышав звон ведер, выбежала на улицу. Манин и Воронин вместе с нею зашли в комнату. Там сидели мальчик и девочка лет двенадцати.

Хозяйка была матерью того норвежца, с которым столкнулись разведчики на улице. Она хорошо говорила по-русски.

В дом поднялся и Леонов, стал расспрашивать собеседницу. Она рассказала, что их семья постоянно живет на острове. Сын ее Аксель служит смотрителем маяка. Другой сын отправился в Вадсё за продуктами, должен вернуться через два дня. Немцев тут нет, укреплений тоже никаких. Время от времени наведывается патрульный катер, на берег сходят с полдесятка солдат, расспрашивают Богдановых, как они живут, не бывает ли кто из посторонних, и уходят. На ночь никого не остаются.

Леонов спросил, не хотят ли они уйти через море на советскую землю, ведь после посещения разведчиков оставаться им тут небезопасно.

Она ответила, что следует подождать возвращения другого сына и потом всем вместе отсюда сняться. Поэтому в следующий раз она непременно воспользуется этим приглашением.

Аксель согласился уйти с русскими сразу:

— Если немцы узнают, что я виделся с вами, но не донес, головы мне не сносить.

Договорились, что на этот раз с разведчиками отправится Аксель, у него есть что рассказать и написать, а дня через два-три он вернется и заберет с собой всех домашних.

Возвратились к месту высадки, на шлюпке перешли на катер и в половине двенадцатого взяли курс обратно на Пумманки. Через час ошвартовались у своего причала.

Пока сидели в Пумманках, Аксель рассказал Сутягину о порядке плавания судов в зоне маяка, о позывных, которыми они обменивались между собой и зрителем, о курсах, какими караваны и одиночные суда входили в Бек-фьорд, чтобы миновать минные заграждения, о многих других фактах, а также о том, что 7 ноября в перестрелке с патрулями возле Петсамо погиб советский разведчик. Немцы увезли из Киркенеса нескольких горожан для его опознания. Те узнали в нем своего земляка Оскара Нистрема.

На следующий день разыгрался сильный шторм. Выходить на катерах было рискованно. Из-за шторма простояли на швартовых еще пять суток.

Хотя из-за непогоды время возвращения Богданова за своими домашними миновало, посчитали, что сначала стоит решить основную задачу, а на обратном пути подойти к Эккерю. Аксель сходит на берег, и семья уйдет на советскую землю.

Снова пошли на Лангбюнес. Прошлый поход показал, что место для высадки и для диверсий на дороге удобное, но приходиться надо на несколько часов раньше.

В операцию пошли те же катера. На тринадцатом Леонов с группой главного старшины Никандрова. На ведомом катере шестеркой разведчиков командовал главный старшина Анатолий Баринов. Здесь же был Сутягин с четырьмя краснофлотцами обеспечения.

На этот раз в море вышли раньше. Курс лежал на маяк Стуршер. По Варангеру сделали основательный крюк, поодаль от дозорных неприятельских судов. Вскоре подошли к

юго-восточному берегу Лангбюнеса, спустили шлюпки, и группы пошли к берегу.

Катера удалились немного мористее, приглушили моторы, легли в дрейф. Один наблюдал за берегом, другой — за морем.

Едва шлюпки успели ткнуться носом в берег и разведчики выскочили на сушу, с правой стороны, от Киберга, неярко замелькали огоньки фар.

Леонов приказал бежать к дороге и постараться перехватить автоколонну. В минуту все облачились в белые маскировочные костюмы. У шлюпок для их охраны и возможной встречи отряда, если придется отходить с боем, оставили троих разведчиков.

Бежали к дороге растянутой цепью, одолевая глубокий, выше колена, снег.

— Давай быстрее, не останавливаться... — Леонов держал в руках автомат, скинул с головы кожаный шлем катерника с широкими краями-наплечниками, вихры его каштановых волнистых волос разметались, со лба капли пота заливали глаза.

И все же шесть грузовиков проехали на запад, когда до дороги оставалось добежать метров сто. За снежными навалами автомобили промелькнули на глазах.

— Вперед... Могут быть еще...

Пересекли накатанную дорогу. Добежали до шоссе, взобрались на снежный бугор, увидели довольно чистое полотно, убранное либо бульдозером, либо угольником почти до гравия, но проезжая часть была узкой, встречным машинам приходилось разъезжаться через карманы, вдавленные в снежные завалы.

Разведчики растянулись вдоль автострады, залегли на буграх, втиснувшись между снежных глыб либо подрыв себе ложбинку. Дорога хорошо просматривалась.

К стоящим поодаль двум домикам побежали Барышев, Алексеев и Братухин. Леонов велел им укрыться в засаде и, если из домов появится кто-либо и бросится на помощь, отсечь огнем.

— Командир, закурить можно? — Самые нетерпеливые выпростали из-под маскхалатов трубки и кисеты.

— Пока нет. Залежимся тут — закурите. — Леонов прошел по дорожному полотну, проверил, как укрылись разведчики, взобрался на увал и лег рядом с Фатькиным.

Ждать пришлось недолго. С правого конца цепочки донесли:

— Идут четыре машины...

— Замри. Бить по головной и хвостовой...

Автомобили приближались с каждой минутой, еще небольшой изгиб дороги, и они окажутся рядом.

Втиснувшиеся в снег Баринов, Залевский, Коротких, Смирнов и Черняев пропустили мимо себя первую и вторую машины, ждали, пока подъедут две хвостовые. А головные приближались к Леонову и Фатькину, дальше их ждали Бывалов, Гугуев и Воронин, а лежащим левее всех Никандрову и Каштанову полагалось подбить головной автомобиль.

Почти одновременно ударили очереди из автоматов, под колеса полетели гранаты.

Машины замерли, свет потух...

Разведчики ссыпались с бугров на дорогу. Навстречу не раздалось ни одного выстрела. Шофера первой машины вытащили из кабины, он озираясь, не понимая, что произошло. Водитель второго автомобиля выпрыгнул на дорогу и недоуменно поглядывал на небо, высматривая самолеты. Заметив бегущих к нему разведчиков, поднял руки вверх. Выскочивший из кабины шофер хвостовой автомашины кинулся бежать по дороге. Павел Смирнов очередью из автомата ссадил его.

Сосед нырнул под третью машину, из карабина выстрелил раз, другой... Граната Андрея Залевского прекратила его сопротивление навсегда.

Все затихло, разведчики осмотрели машины. В кузовах громоздились крупногабаритные ящики.

Мало-мальски разговаривающий по-немецки Алексей Каштанов спросил пленного:

— Что в ящиках?

— Имущество нашего зенитного полка.

— Какое?

— Тыловое хозяйство, инженерное.

Осмотрели кабины водителей, забрали их сумки, саквояжи, пару портфелей. Прихватили небольшие кожаные мешки из кузова.

Леонов скомандовал:

— Пленных с трофеями к шлюпкам и на катера. Машины подорвать гранатами и отходить.

Взобрались на снежный завал, в открытые двери и в кузова бросили противотанковые гранаты. Там сильно ухнуло, у двух машин снесло кабины, вывернуло с капотом мотор.

Отряд отошел к берегу. На шлюпках переправились на катера. С пленными разговаривал Сутягин. Оба оказались обер-ефрейторами. На севере с лета 1941 года служили в 46-м зенитном полку, дивизион их прикрывал Вардё. Недавно поступил приказ всем полкам передислоцироваться ближе к фронту. Они выехали из Свартнеса колонной в десять машин, но дорога оказалась неважной, узкой. Эти четыре машины отстали от колонны и угодили в ловушку.

— Павел, спроси у них, почему они сначала поглядывали на небо?

— Никак не ожидали нападения, показалось, что обстреляли самолеты.

Со стороны Вардё в небе разорвался осветительный снаряд, затем другой, третий...

В половине десятого катера пошли на запад, к Малому Эккерю.

В носовом кубрике тринадцатого отходили от возбуждения недавней схватки на берегу Леонов, Сутягин, Никандров, Баринов, там же примостились несколько краснофлотцев.

— Пленных прихватили пригодных, знают немало. Они из-под Вардё, бывали и в городе, имеют обширные знакомства с солдатами других частей. Не однажды ездили в Петсамо, видели дорогу через Вадсё и Киркенес. Не запирают-

ся, говорят достаточно откровенно. — Сутягин подвел итог допроса захваченных шоферов.

— Чего им скрытничать, небось понимают, что война проиграна, лживые рассказы не спасут. — Леонов посасывал трубку, выпуская густые клубы дыма.

— В отделе с ними займутся без спешки. Обо всем, что знают, расспросят. И проверить их показания нетрудно — сопоставим со сведениями, что у нас накопились.

— А что в сумках? — спросил Баринов.

— Я заглянул в них, в портфели и в мешки... Много интересного: личные документы, путевки, письма, описи имущества, газеты, даже чей-то дневник есть.

— Я все сокрушаюсь, что не успели к первым машинам, поживились бы основательнее. — Никандров пытался предположить, что могло остаться в проскочившей части колонны.

— Там будто бы ехал офицер, — со слов пленных пояснил Сутягин. — У него могли быть все сопроводительные материалы.

— Да и у шоферов, и в машинах наскребли бы добавку. — Никандров сожалел о недоставшейся прибыли.

— Что теперь горевать. Окажись мы на берегу на полчаса раньше, вся колонна была бы в наших руках. — Анатолий Баринов не видел вины ни в себе, ни в подчиненных.

— Когда бежали к дороге да увидели машины, мне казалось, кишки ртом вылезут. Ноги вязли в снегу, по спине седьмой пот, даже живот взмок. — Валерий Коротких впервые испытывал такую нагрузку. — Задыхаюсь, как жадный, воздух ртом глотаю. Думал, не добегу, да мысль мелькнула в голове: первый поход, опозорюсь, отчислят. И еще поднажал.

— Никто не отстал, все прибежали вместе. — Леонов пытался вспомнить гонку по снегу и не мог соединить воедино эпизоды: все смешалось, ничего не разглядел под ногами, только светлячки фар да бегущие по сторонам разведчики.

— Быстро мы с ними управились. Думаю, ну сейчас мы вам врежем. Сжался весь, гранату держу, автомат щупаю...

Про все забыл, не упустить бы, — вступил в разговор Никандров.

— Удачно обошлось, у наших ни царапины. Будь немцев побольше в кабинах да засеки они нас пораньше, могли бы пострелять. — Анатолий Баринов был доволен, что никто из его товарищей не пострадал.

— Взбудоражили фрицев, теперь остерегаться на дороге будут, охрану начнут выставлять. — Никандров прикидывал, что предпримут немцы после этого набега.

— А мы пока не будем сюда ходить, пусть успокоятся. — Сутягин подумывал, куда отряду высадиться следующий раз.

— Во внутренний Варангер теперь соваться нельзя. Немцы будут настороже. Походим какое-то время к северному берегу. А когда утихнет — снова сюда пойдем.

— По тому побережью дорог нет. Дозоры ходят только морем, на берег высаживаются не часто. Будем искать поселочки с небольшими гарнизонами, — пояснил Сутягин.

— Это сложнее. Они по десять человек не держат. Два-три взвода или рота. — Леонов заглядывал в сводки отдела с описанием вражеских гарнизонов.

— На такую ораву и нам наваливаться трудно. Только на спящих, ночью, — размышлял Никандров.

— Если морской дозор на подходе и патруль на берегу не засекут, управимся. — Леонов был более уверен.

— Как бы то ни было, а ходить туда придется. Надо изучать условия для высадки десантов, готовить наших людей. А здесь пока на время затихнем. — Сутягин пошел к выходу из кубрика.

Приближались к Малому Эккереею.

Путь занял менее получаса. С тринадцатого катера спустили шлюпку, в нее сел Аксель Богданов, прихватив с собой пистолет, две гранаты и рюкзак с продуктами. Через час он вернулся и доложил, что дом их пуст, по всему видно, что жилье семья покинула не по своей охоте. С собой взяли только самое необходимое. Оккупанты, видимо, узнали, что тут побывали русские, что с ними ушел Аксель, и потому отселили семью с острова, посадив ее под наблюдение.

Аксель с разведчиками отправился на Рыбачий, чтобы влиться в норвежскую группу отряда, а его родные остались в Яр-фьорде ожидать часа освобождения от оккупантов.

В кубрике другого катера подобралась, будто по уговору, задорная компания.

— Алеша, как же ты один пошел на шлюпке с пленными? — Барышев недоумевал от оплошности Каштанова, не только севшего с двумя пленными в шлюпку, но еще и ухватившегося за весла.

— А что? — бесхитростно вопрошал Каштанов.

— Качни они шлюпку посильнее, и ты был бы за бортом.

— Куда они денутся, по воде не убегут, а за нами шли вы.

— А все-таки немцы могли скovyрнуть тебя в воду...

— Они были в таком трансе... Им бы выжить, а не бежать, может, благодарили судьбу, что не прикончили, как напарников.

— Алеха прав, у них наверняка мозги отшибло. — Сергей Воронин тоже считал, что пленным ничего иного и не оставалось.

— А все же надежнее было бы сесть вдвоем да одному немцу весла в руки сунуть. А ты — сам греб. — Барышев предостерегал на будущее от таких погрешностей.

— Мне некогда было соображать. Вы еще отходили от машин, а я их уже пригнал к берегу, втолкнул в шлюпку. Они и не ершились, сидели тихо.

— Тебе повезло, не бодливые оказались немцы, послушные, — улыбнулся Сергей Воронин.

Сергей по сравнению с Каштановым в отряде новичок, пришел на год позже. Еще в финскую кампанию на подводной лодке Героя Советского Союза Трипольского, на Балтике получил орден Красной Звезды. В войну лодка перешла на Северный флот. Сходил в несколько походов, видел, как высаживали разведчиков, и сам упросил командование отпустить в разведку. По характеру не говорлив, больше слушает. Но задорной компании не чуждается, изредка может рассказать какую-нибудь морскую или житейскую байку. Привык к флотской аккуратности, одет всегда будто с иголки.

Разговор о высадке иссяк.

Глава двадцатая

Из отрядного дома в Полярном незаметно исчезли трое разведчиков — Володя Ляндэ, Толя Игнатьев и Миша Костин. За годы войны так бывало не раз, когда ребята уходили на длительное задание. Дошла очередь и до этой тройки осесть на далеком норвежском берегу, нести там тяжелую вахту.

В разведке они не новички, у каждого за плечами по два года войны, множество боев и походов. И наградами не однажды отмечены.

Подошло время отправки за море, а вылет со дня на день откладывался, ждали подходящую погоду.

В народе февраль исстари называют: кривые дороги. На севере, на кольских безлесностях, по долинам между сопок, по болотам, озерам да по морской шири ветру раздолье — ему есть где разгуляться. Он и выюжит, и пуржит, и намечает непролазные сугробы в низинах. Даже сопки, которые в другое время обдувает чуть не до облысения, февральские выюги одевают в белоснежные колпаки. Этот буранный, наносный снег не в один метр толщиной местами потом лежит все лето и не тает.

Вторую неделю разведчики сидели на мурманской квартире взаперти, их навещали только капитан 3-го ранга Троцкий да младший лейтенант Головин.

Наконец, бог ветра Один смилостивился, взял передышку. Этим затишьем и воспользовались разведчики.

10 февраля 1944 года самолет взлетел с аэродрома возле Ваенги, прошел правее Кольского залива, пролетел над морем. Сделав крутой вираж над Варангером, он наклонился, повернул на север. Заморгала сигнальная лампочка, перекрывая шум мотора, прогудел ревун.

Около полуночи Володя Ляндэ положил одну руку на колено Костину, другую — Игнатьеву:

— Пора! — По беззвучному шевелению губ друзья поняли поступившую команду.

Командир группы пошел к бомбовому люку. В проеме зияла темнота ночи. Володя нагнулся, остерегаясь напора воздуха, и шагнул в пустоту... Секунда — и следом ступил

Игнатьев, за ним Костин. Стрелок-радист выбросил тюки с грузом.

Один за другим раскрылись парашюты. На душе повеселело — хоть на веревочках, лямочках и тесемочках, все не за воздух держишься.

На шестибалльном ветру качало, но друг друга видели. У земли ветер рвал порывами, парашют захлопал, ребят закружило в стропах, потянуло в сторону. Приноравливались приземлиться понадежнее, не стукнуться в темноте о какую-нибудь неровность. В голове мелькали наставления тренеров.

Игнатьев не успел подтянуть стропы, они не поддавались усилию, отрезал их ножом. Ляндэ намеревался, как только прикоснется к земле, сразу повалиться на бок и погасить парашют, но ноги скользили по заснеженному валуну, стропы на секунду ослабли, одна ступня подвернулась, и он навалился на нее всей тяжестью. Сгоряча боли не почувствовал, рывком ухватил часть строп, потянул на себя. Перкаль пополз по снегу, парашют сник и упал, пузырясь на камнях.

Этих камней-валунов по всему северу что песчинок на морском пляже. Ходила легенда, будто, когда Создатель творил Землю, послал он огромную птицу отсыпать ровной грядой по северу от запада на восток каменный пояс, чтобы оградить материк от холодных ветров да студеной воды. Не удержала птица камни, не долетела до места, уронила их, не пролетев весь путь с запада до востока, не посеяла их длинной чередой вдоль кромки моря. Упали они в начале пути, рассыпались по Скандинавии, Карелии, Финляндии, по всему Мурману, вплоть до Новгородчины. Где огромные валуны, где мелочь, как арбузы. Со временем их обточила вода потоками да волнами.

Опустились на землю недалеко друг от друга, отчетливо видели каждого. Снег оказался неглубокий, можно было идти и без лыж. Собрались вместе.

— Давайте для начала перекурим, — предложил Ляндэ. — Сели хорошо, немцев не видно. И помозгуем, что делать дальше.

— Я, пока гасил парашют, все-таки проехал по снегу, — первым отозвался Костин. — Чувствую, саднит коленки и плечо, наверное, ободрал кожу.

— У меня похуже, — признался командир группы. — Угодил на большой камень, скользнул с него да подвернул ногу. Едва доковылял сюда — больно ступать.

— Разуйся, разотрем спиртом. Может, пройдет, — предложил Игнатьев.

— Это потом, сначала отыщем груз, немножко устроимся. Тогда и займемся врачеванием.

Докурили, снесли в одно место парашюты, придавили камнями, чтобы ветром не унесло.

Пошли искать груз. Через час наткнулись на один тук. К нему были привязаны лыжи. Распаковали, разложили банки, свертки по рюкзакам, остальное поволокли в мешке к месту приземления.

Отправились на поиски вторично. Зигзагами ходили часа два. Нашли еще мешок, перенесли его к своему пристанищу.

Основательно подкрепились, покурили, отдохнули. Володу все-таки уговорили сделать спиртовое растирание.

— А что, братки, вроде полегчало, можем опять идти, — обозначил конец передышки Ляндэ. Снова зашагали на поиски. Опять обшаривали склон сопки и лощину часа три, но тюки с грузом так и не нашли.

Когда они вернулись на место, заметно рассвело. На свету стали определяться, где же приземлились. Осматривали в бинокли всю округу, сверялись с картой. Везде белым-бело от снега. Ни тропинок, ни дорог, ни жилья. Поднялись на соседнюю высокую сопку, в бинокль изучили южную сторону, где должно было быть море. Но вдали виднелись только сопки да снег.

— Завез приятель нас не туда. — Ляндэ высказал вслух таившуюся у каждого догадку.

— Ему что, две-три минуты — не время, а нам, глядишь, километров на двадцать прибавка.

— Все же разберемся как следует, подумаем, куда идти, где устраивать основную базу, — объявил Ляндэ свое командирское решение.

Начали сооружать себе жилье. Нарезали из снега кирпичей, выложили стенки, оставили довольно высокий проем для входа. Из ручья носили ведрами воду и слегка обрызгивали стены, чтобы они покрылись ледяной корочкой и домик стал крепче. Только крыша из снега у них никак не получалась. Пришлось покрыть ее парашютом.

За день так умаялись, что уснули крепко, даже беспокойство не помешало.

Утром первым проснулся Костин.

— Под нами ручей или болото, я насквозь промок...

— И у меня бок мокрый, — ощупывал себя Игнатьев.

— Откуда сочится столько воды, и мне досталось, — отозвался Ляндэ.

Разгадку поняли скоро. От людского тепла оттаял промерзший торфяник, вот вода через ватники и пропиталась.

— Надо что-то придумать. Я даже на одесском пляже любил лежать в сухих плавках. — Ляндэ напомнил друзьям о теплых берегах, где прошла его молодость.

— А я ходить в море начал здесь, помощником повара. На раздолье морское нагладелся, а пляжей не видывал, — не то сокрушался, не то горевал о теплых краях Костин.

— А ты разве не радистом плавал? — спросил Костина Толя Игнатьев.

— Нет. Я родом из Вятки. Мы, вятские, ребята хватские. — Костин напомнил извечную шутку своих земляков. — В тридцатом году сюда с родителями приехал. Закончил семилетку. Отец говорит: «Хватит, и с этой грамотой можно с толком в жизни обойтись. Иди-ка работай». И нанялся я поваренком. Шестнадцать годков мне исполнилось, когда ступил я на палубу траулера «Ким», стал членом экипажа, на нем впервые увидел море. Это вот море, Баренцево.

— Подобрал ты себе хлебное местечко, — пошутил Игнатьев.

— Да уж куда аппетитнее. Судовой камбуз — не ресторан, где ходят в крахмальных воротничках и в смокинге. Все драйки, мойки, помои — мои...

— А потом как же? — уже посерьезнев, расспрашивал Игнатьев.

— Поплавал навигацию, понюхал море, увидел, что го-
жусь, тогда и задумал поступать в мореходку. Приглянулась
мне служба радистов, они не мокнут и не дрогнут на верхней
палубе. На судне самые чистенькие да аккуратные.

Подсушились, поели, пошли искать тюки с грузом.
И опять весь день промаялись без пользы.

Утром снова пробудились от сырости под собой, пара-
шюты пропитались влагой насквозь.

— Не такие мы горячие, чтобы собой оттаивать землю,
да еще сквозь фуфайки. — Костин ощупывал себя по бокам.

— А много ли надо... Тепло по чуточке, минута за мину-
той, отогревает водичку, — размышлял в поисках объясне-
ний Ляндз. — Надо делать подстилку еще толще.

Натаסקали камней, выложили из них лежаки, сверху в
пять-шесть рядов устлали их парашютами. Мокнуть пере-
стали.

Снова целый день ходили в поисках имущества, обыска-
ли еще большой квадрат. Как ни тягостно, пришлось при-
знать, что груз пропал.

На третий день с сопки разглядели море. Сверились по
карте. Выходило, летчик забросил их километров на два-
дцать дальше, чем полагалось.

Место, выбранное для житья, было удобным, но задание
выполнять отсюда нельзя, море не просматривается.

Поневоле придется искать новую базу, обустриваться в
другом месте.

На обратном пути заметили обнесенную колючей прово-
локой землянку. Подкрались поближе, понаблюдали. Ни лю-
дей, ни следов. Рядом стояли опоры, как будто для высоко-
вольтки, но провода не натянуты. Потом еще встречались
такие. Ставили эти опоры, скорее всего, пленные, их и дер-
жали за проволочным ограждением. Подходить к землянкам
опасались.

Подходящую сопку выбрали километрах в двадцати пяти
от того места, где приземлились. Осмотрели ее кругом,
приметили, в какие стороны можно уходить в критические
минуты. Море виднелось отчетливо, обзор широкий. Воду
для питья тоже нашли поблизости. Сопоставили с картой:

обосновались всего в трех-четырех километрах от той точки, которую им определили в задании.

Делать полные марши от одной базы до другой сочли неразумным: утомительно и опасно. Двумя маршами перенесли обе порции груза. На ночь ушли на свою стоянку.

Утром продолжали начатую работу.

К вечеру шли обратно к месту выброски. До снежного домика оставалось километра три, когда Толя Игнатьев, самый рослый из троих, командовал:

— Ложись, немцы...

Плюхнулись в снег, замерли. Огляделись окрест себя, подползли к камням, руками нарыли перед собой снегу, вгляделись, куда показал Игнатьев. Зрение у Толи испортилось в отряде, после майской операции. Ходил он в очках, умудрялся не ронять их даже на лыжных переходах. То ли благодаря росту, то ли очкам, но примечал он все необычное раньше друзей. А может быть, просто был более внимательным.

Вдоль столбов, которые разведчики видели накануне, немцы шли на лыжах по-уставному: двое впереди в головном дозоре, двое в хвостовом, семеро скользили цепочкой друг за другом, затем остановились, о чем-то заговорили, стали оборачиваться кругом, посматривая в разные стороны.

Разведчики следили за ними в бинокль, хотя было и недалеко, всего с полкилометра. Немцы разглядывали старую лыжню.

За прошлые дни, пока ходили по округе, ребята немало наследили. Ветром неслежавшийся снег сдуло, а притоптанная лыжня высилась торчком. Немцы и наткнулись на нее.

Они потоптались минут двадцать, о чем-то между собой разговаривая. Двое больше других спорили, показывали руками по лыжне: один в сторону разведчиков, другой — в обратном направлении.

— Если пойдут сюда — пропала операция... — Игнатьев не договорил, только можно было догадаться, что творилось у него на душе.

— Вот что я думаю: пойдут к нам — всех перебьем, чтобы ни один не ушел. Ты, Миша, целясь в переднего, тебе, Толя,

убрать последнего. Я пушу поплотнее очередь по остальным. И глядеть, чтобы ни один не побежал...

— Но на каждого из нас по четверо придется...

— Мы в выгодном положении: их видим, а они нас нет. Эх, кабы уйти незаметно!..

Немцы пошли по лыжне в сторону разведчиков, но тут на глаза им попалась вторая лыжня. Опять постояли, посоветовались и пошли вдоль столбов. Наткнулись на утреннюю лыжню разведчиков, еще свежую, не выдутую ветром. Опять остановились и о чем-то заспорили. Моряки довольно четко слышали разговор, происходящий метрах в пятидесяти от них.

Один солдат покатился в сторону разведчиков, проехал метров пятнадцать-двадцать. Костин не сводил с него автомата, ссадить немца уже ничего не стоило.

Солдата окликнули свои, он остановился, осмотрелся вокруг и повернул обратно.

Все отделение, вытянувшись гуськом, покатило по лыжне в противоположную от разведчиков сторону.

— Пронесло... — Костин выдохнул радость одним словом, положил автомат на снег, размял затекшие руки.

— На этот раз обошлось, но рисковать так больше нельзя. Может плохо кончиться. Немцы, оказывается, ходят по сопкам, — размышлял командир группы.

— Много мы тут наколесили, пока искали тюки. Может, фашисты не распознают, откуда мы подошли? — У Игнатьева все еще теплилась надежда, что их искать больше не будут.

— Хорошо, что вечереет. Боши по горам в темноте ходить не любят. Сейчас они покатают домой.

Быстро темнело. Ляндз следил за немцами в бинокль ночного видения. Они поднялись на вершину сопки, немного постояли и повернули к землянкам, обнесенным колючей проволокой.

Разведчики надели лыжи и пошли в обход, напрямую к снежному домику идти поостереглись. Когда подошли к жилию, совсем стемнело.

— Что будем делать?

— Сначала давайте поедим. Я на сытый желудок лучше думаю, — предложил Костин.

Сходили к ручью за водой, сварили какао. Попили горячего, плотно поели, собрали и уложили в рюкзаки все, без чего не обойтись первое время. Остальное зарыли в снег, разровняли его и молили бога, чтобы получше запуржило.

В два часа ночи с этой базы ушли. На себе несли рюкзаки, оружие, радиостанцию с запасом батарей, лыжи на плечах. Чтобы не оставлять следов, шагали берегом ручья, прыгали по камням, иногда брели по воде.

На новое место, куда отнесли уже часть груза, идти пока опасались. Двое суток наблюдали за окрестностями первого пристанища, ждали, не появятся ли немцы. Лежать на голой сопке было холодно и неудобно. Вставать на свету не рисковали, ходить, оставлять следы — тоже боялись. К концу первого дня стала мучить жажда, во рту пересохло, тянуло попить. На карте значился поблизости ручей, искали его, но не нашли. Видимо, зимой вымерз. Больше всего страдал без воды Ляндэ. Еще дома, в Мурманске, у него появились фурункулы. Теперь вот ушиб ногу. Володя чувствовал, как его подпекает жаром, но температуру измерить было нечем. Снег жевать не стал, чтобы еще больше не простудиться. Игнатьев и Костин тоже остерегались глотать его.

Через двое суток стало неважно. Разведчики уверились, что их не ищут. Пошли на новую базу.

Снова долго кружили. Вышли недалеко от того места, где накануне наткнулись на немцев. Влезли на вершину самой высокой сопки, все светлое время смотрели за округой, но ничего подозрительного не заметили.

Наконец, отправились на свою вторую точку, ближе к берегу моря.

— Так какие же мы выводы должны извлечь из этого случая, друзья?

— Рановато почувствовали спокойствие, — ответил Игнатьев командиру.

— Посчитали, что находимся далеко от берега, пренебрегли конспирацией, — добавил Костин.

— Оценили вы ситуацию верно, а вот что делать — не

предложили. Урок немцы нам преподнесли хороший: не забывать об опасности. Смотреть и слушать, не спешить. С этого часа для нас будут действовать еще два нерушимых правила: на лыжах ходить только по лощинам, там следы скорее заметает снегом. Поднимаясь в гору — брать лыжи на плечо. Днем, на свету мы больше ходить не будем, только ночью.

Очень жалели, что не нашли тюк, в котором были хлеб, галеты. Разбилась банка со спиртом. В запасе сохранилось только то, что налили во фляги перед вылетом. Условились беречь его на экстренный случай. При крайней нужде можно было воспользоваться сухим спиртом из банок для подогрева пищи, выжимать его давно умели.

Маршами по десять-пятнадцать километров с промежуточными кладовушками перенесли на точку недалеко от моря почти все нужное имущество. Возле старого спрятали небольшой запас шоколада и кое-какие вещи.

Осели на новом месте. Установили вахту, круглые сутки следили за тем сектором моря, который выучили по карте еще в Мурманске. Стали обживать, обустраиваться.

Впереди, чуть в стороне, — норвежский город Вадсё, а за Варангер-фьордом, на южном берегу угадывается Киркенес. В добрую погоду его можно распознать по дыму труб и невооруженным глазом, а в бинокль можно хорошо рассмотреть каждое судно, что идет в Киркенес или выходит из фьорда.

После того как обосновались, снег сыпал несколько суток, скрыл все их следы.

Дни потянулись однообразные. Каждый по очереди нес свою вахту. А когда пропадала видимость, ложился туман или вихрились снежные заряды — отдыхали, занимались мелкими житейскими делами: сшили себе из парашютов одеяла, рассортировали имущество, соорудили из камней очажок...

По расписанию на короткие минуты выходили в эфир, слушали вести из Москвы, знали, что делается на фронтах, чем живут люди на родине.

И здесь разведчики соорудили также снежный дом.

— Когда я плавал на судне, слышал от бывалых моряков, будто эскимосы наловчились строить снежные дома под названием иглу. В них ходят в полный рост. Внутри такой домик обтягивали шкурами, тогда даже печку топить можно. Через снежный коридор вроде траншеи или тоннеля и попадают в жилую часть. Нам бы такой смастерить...

— А я вот читал один роман, — дополнил рассказ Костина Игнатьев. — Написал его еще в старое время писатель Лажечников. Так там царица для утешения и потешной свадьбы указала построить ледяной дом в самом центре Петербурга. Тоже, как я понимаю, был хорош.

— Нам такие хоромы ни к чему. Из них по тревоге и не выберешься. Это не дом, а ловушка. Да и умения нашего не хватит, чтобы его сложить. Будем делать, что смекаем и что нам удобно.

Когда немного пообжились, как-то вечером Костин размышлял:

— Сейчас бы в парную, прогреться до печенок-селезенок. Люблю попариться. Сразу как сто пудов с себя сбросишь.

— Ты это дело, Миша, брось. Помни, о чем на базе договорились, — не сокрушаться без тепла и без мягкой кровати. Не тревожь себя и другим настроение не порти.

— Надо нам, Володя, сходить на старую точку. Там остался керогаз. Может, на нем что согреем.

— Керосину там всего одна маленькая канистра. Но взять керогаз стоит.

По утрам грели чай, днем — консервы. Застывший соус оттаивал, пили его с наслаждением, чувствуя привкус супа.

Отсыревшую одежду и обувь проветривали на холоде. Но все равно были они влажные. Приучились портянки и рукавицы сушить своим телом, когда ложились спать, укладывали их между тельняшкой и курткой.

Дни заметно прибавлялись. Солнышко днем стало пригревать. Кое-где на выступах скал нарастали сосульки.

Как-то по Варангеру к Киркенесу ночью прошел караван. Все суда и корабли в темноте точно не rozpoзнали, но со-

считали их количество, определили курс, засекали время. Передали экстренную радиограмму. Перед рассветом появились самолеты, долго бомбили залив. Конвой стоял двое суток на погрузке, и все это время летчики держали его в напряжении. Отбомбится одна группа, на смену ей появлялась другая.

Обратный выход конвоя из Киркенеса разведчики опять наблюдали, немецкие суда проплыли спокойно.

— Почему наши не бомбят их в этом узком месте? — недоумевали ребята.

— Горловина Варангера более узкая, там катерам удобнее атаковать, — по-своему объяснял Игнатьев.

— В штабе разумно решили. Если ударить сразу, как выйдут из Киркенеса, нас поставят под удар. Чем дальше целыми уплывут, тем безопаснее нам с вами.

Караван прошел, где-то его приняли под наблюдение другие группы разведчиков и повели дальше.

В очередной радиограмме из базы им велели понаблюдать за дорогой, посчитать, сколько и куда прошло автомашин, много ли от Вадсё к Киркенесу, какое число в сторону Вардё. Следить было неудобно: расстояние приличное, зона видимости короткая, машины быстро скрываются за высотами и поворотами.

Наблюдали сутки, вторые, третьи... И утомительно, и полной уверенности в точности счета не было. Попросили уточнить задание. Сначала им приказали следить за дорогой от двух часов ночи до шести часов утра, потом — в дневное время. Недели через полторы получили радиограмму, что задание выполнено.

Невдалеке от разведчиков паслось стадо оленей. У некоторых на шеях болтались и погромыхивали глуховатые звонки. За шебуршащий звук российские северяне зовут его шаркуном. Олени безбоязненно бродили по снегу, подрывали копытами мох, жевали его.

Ребята даже заметили, что олени тянутся к ним, чувствуют людей, держатся вблизи. Если моряки меняли место, то и стадо кочевало следом за ними. Случалось, на сутки-двое олени исчезали, а потом снова возвращались. Разведчики

привыкли к ним, как к соседям, все-таки живые существа среди заснеженных сопок и тундры.

Стадо было добродушное, неприхотливое, но его приходилось остерегаться: возле оленей должны обязательно появляться люди, встречаться с которыми разведчикам не разрешалось.

Толе Игнатьеву еще дома начальство подобрало персональное задание. По условному сигналу, в котором указывался примерный квадрат, какая-нибудь высота или озеро, Толя должен был пройти, осмотреть округу и поискать людей. Это могли быть летчики со сбитых самолетов.

Однажды радиограмма с таким заданием пришла, и Анатолий собрался в маршрут.

Ростом он выше своих товарищей по операции на целую голову, но худощавый, костистый, угловатый. Лицо по его росту мелкогато, иногда ходил он коротко стриженный, оттого голова выглядела несоразмерной. На любительской отрядной фотографии, сделанной поздней осенью 1942 года, коротковолосый Толя сидит на нарах в землянке, перебирает струны гитары, а возле него слушает песню разведчик.

А вот на фотографии, сделанной после возвращения из этой операции, Толя запечатлен с длинными космами, перетянутыми сеточкой, бородатый. Сетки эти всем сплел он. Из троих он самый рукодельный и мастеровитый. Может быть, это было в крови, наследственное, а может, от раннего трудового воспитания в семье да на заводе.

Жизнь его не баловала, легким хлебом не кормила. Учиться много не пришлось, в родном Калининe рано пошел на вагоностроительный завод, выучился на токаря. В отряд разведчиков пришел осенью сорок первого. Ходил в зимние операции, однажды немецкая пуля досталась и ему, он отделался легко: отлежался во флотском госпитале в Полярном и вернулся в отряд.

В майской операции 1942 года, когда многие поморозились от внезапно наступившего резкого похолодания, пострадал и Толя, но с Мотовского берега не ушел, пробыл в операции до конца. Лечили его в стационаре, ноги заживали, пальцы сохранили.

Был он скромн, никогда напоказ не лез.

Такие, как он, неприметные ребята и в отрядном доме, и в кубриках, и в столовой всегда были на втором плане. Делали свое дело, несли службу, в увольнения ходили редко. Изредка бегали в Дом Красного флота (так называли морской клуб в главной базе) на какой-нибудь фильм, а на танцы, на концерт их и не приглашали. В компании их не затянешь.

Ходил Толя двое суток, на привалах подкреплялся да осматривал в бинокль заснеженные сопки и лощины. Ночью спал в снегу часа четыре. Искружил с полсотни километров, но никаких следов не обнаружил. Может быть, летчики в этот квадрат не попали либо живыми на землю не спустились.

Вернулся Толя огорченный, что никого не нашел. Ляндэ утешал его тем, что где искать летчиков — база не знает. Но ходил он не впустую, осмотрел большой район, разведчикам это пригодится.

Сидел Анатолий хмурый, молчаливый, переживал безуспешность своего маршрута. Потом, чтобы отвлечься, сел шить одеяло из парашюта. Затем начал плести сеточку, чтобы повязывать ею волосы на голове. Рукоделье отвлекало от беспокойных мыслей.

На Варангере, как и по всему северу, водились куропатки. Стайки их бродили по снегу невдалеке от разведчиков. Ребятам нравилось наблюдать, как птицы кувыркались, чистили о снег свои перышки, разрывали его, нюхом чувствуя, где под снегом ягоды, кормились ими. Перелетали всего на несколько шагов. К вечеру прятались в снег на лежку, спали. А то вдруг днем запорошятся снегом. Ребята приметили: раз куропатки зарылись в сугроб, жди сильного ветра, непременно налетит пурга. И они крепили и укрывали свое имущество.

Птицы подпускали разведчиков к себе близко. Присядет Толя или Михаил на корточки и долго-долго, пока ноги не занемют, смотрит, как куропатки вышагивают, роются в снегу. Какая-нибудь любопытная тоже могла остановиться и уставиться на разведчика. Толя как-то сказал друзьям:

— Вишь, какая доверчивая и беззащитная тварь, до нее

почти рукой достать можно, а она стоит и глядит на тебя, о чем соображает — не узнаешь. Ведь что-то у нее в уме происходит, раз не боится и не летит...

— Они, наверное, знают, что начальство запретило нам стрелять в птицу и в зверье. Потому и не берегутся. — У Костина было больше юмора, чем у Игнатьева.

Разведчикам не разрешалось без крайней необходимости применять оружие, в том числе и охотиться.

На очередное задание Игнатьев собрал маленький рюкзачок, патроны, гранаты, прихватил фонарь и покатил на лыжах. Ходил сутки, остановился на берегу реки. С час лежа наблюдал. Везде тихо, ни души. Надел лыжи и пошел через реку. На середине лед тихо зашуршал, рассыпался. Толя попал, видно, на промоину, источенную быстринной воды. Не успел толкнуться палками и прыгнуть, как оказался в воде, ноги с лыжами затянуло под лед. Он хватался руками за края, иглистый лед, изъеденный до трухлявости, рассыпался и крошился. Кое-как раскинул поперек палки, автомат, оперся на них, стал подтягиваться на руках, стараясь вылезти из проруби, но мешали лыжи. Держась на весу на руках, тер ногу об ногу, чтобы расцепить крепление, но нога с ноги соскальзывала. Течением поворачивало лыжи, ставило их накрест, и он никак не мог отстегнуть железную пряжку у каблука. Мешал рюкзак, пришлось отцепить лямки и выбросить его на лед подальше. Наконец, кое-как приноровился и откинул одно крепление. Лыжа выпросталась, течением ее унесло под лед. Вторую лыжу откинуть было легче, носком ботинка быстро нащупал пружину у каблука, отвел ее. И другая лыжа уплыла. Ноги освободились. Он навалился на палки и на автомат, подтянулся, вытащил из воды колени, уперся ими о края проруби, стал вылезать. Лед под ним опять раскрошился, осел, автомат юркнул в воду.

Толя лег на лед и на палки грудью, греб по снегу руками, чтобы вытянуть ноги. Намокшая меховая куртка стала грузной, мешала, он рванул ее со всей силой, замок «молния» треснул, разорвался. Куртку сбросил, водоворотом ее затянуло под лед. Несколько раз набрал воздуха, поднатужился и вылез из воды. Отполз подальше. Попробовал встать, лед

держит. Еще немного прошел, подтащил рюкзак, снял шапку, лоб и волосы были мокры.

Стал снимать с себя все намокшее. Хорошая манера сложилась с давних пор в отряде: надевать на себя не всю одежду, в походе идти налегке, а на привале облачаться в сухое.

В рюкзаке у Толи было две пары теплого белья. Надел одну на другую, сухие носки, намотал портянки, натянул ботинки. Так в одном лишь белье, без лыж и оружия прошагал по снегу до своей точки двадцать километров.

Володя и Миша растерли его спиртом, переодели. Анатолий плотно поел, выпался, укутанный куртками, и на следующее утро заступил на вахту. И все последующие дни не чихнул, не кашлянул.

Откуда-то прилетела и обжилась возле разведчиков сова. Она вела себя мирно, спокойно. Еще до рассвета уставится на вахтенного огромными, как угольки, светящимися глазами и глядит, не шелохнувшись. Потом, когда проснутся остальные и станут ходить по обжитому лагерю, следит за всеми, переводит взгляд с одного на другого. Ребят подпускала к себе близко, не улетала и не тревожилась. Ходила по снегу, мышковала. Потом куда-то исчезла.

Третий месяц разведчики несли вахту в западной части Варангер-фьорда, невдалеке от Вадсё. Продукты кончались, пришлось переходить на жесткий режим.

С базы сообщили, что готовят заброску. Но разыгрались штормовые ветры, весна никак не могла набрать силу, одолеть зимнюю стужу, бураны, снежная круговерть лишь изредка сменялась короткими просветами.

Ждали выброску вторую неделю. Кончились консервы, не стало ни сахара, ни сухарей, ни галет. А вкусная и сытная пища бродила рядом.

На охоту решились не сразу, но все же голодные желудки заставили пренебречь запретом. Подстрелили куропатку, ошипали, выпотрошили, сварили. Всласть напились бульона, поели теплого мягкого мяса. Сразу настроение поднялось, сил прибавилось.

На следующий день опять начались голодные колики. На

этот раз о запрете не думали, вчерашний день развязал руки. В котел угодила еще куропатка.

Как только птицы недосчитались двух своих сородичей, они исчезли из округи. Ляндэ и Игнатьев днем несколько раз кружили по прежним птичьим становищам, но ни одна на глаза не попала. Лишь на следующий день наткнулись на небольшую стайку. Сунули в мешок еще двух куропаток. Птицы исчезли.

С 26 апреля в резерве остался только шоколад. Съедали по плитке в день на каждого, запивая подогретой градусов до семидесяти водой.

В первомайский праздник перешли на еще более жесткую норму — плитку шоколада делили в день на троих. За неделю совсем обессилели, вахту несли сидя, старались никуда не ходить, беречь силы. Надвигалось тепло, таял снег, потекли ручьи, на озерах на льду выступила вода.

10 мая прилетел самолет, вышел точно на них. Несколько раз стрельнули ракетами, показалось, что с истребителя их не заметили.

Но летчик, наверное, был предупрежден о бедственном положении разведчиков. Он поднял машину ввысь и сбросил груз на вершину соседней сопки.

На лыжах по талому снегу за посылкой пошли Ляндэ и Игнатьев. Нашли мешки быстро. Распаковали. Первое, что попало под руку, тут же сунули в рот. Оказалось — сливочное масло. Сжевали его по пачке, с голодухи не успев моргнуть глазом. Наполнили рюкзаки, остальное упаковали и укрыли, придавили камнями. Съели по несколько ломтей хлеба. Навьючили рюкзаки на себя и пошли обратно.

Вернулись к Костину, который нес вахту. Михаил после многодневного поста набросился на баранки, ел их одну за другой, пока от целой связки в руках не осталась только лыковая тесемочка.

Ляндэ и Игнатьев хватались за животы, режущая боль сводила желудки. Терли под грудиной, старались унять мучения. Время от времени обоих рвало перегорелой зеленью. Ни тот, ни другой не вставали. Вахту опять нес один Костин.

Он тоже мучился несварением, хотя и меньше, чем друзья, временами его тошнило, истосковавшееся нутро выбрасывало назад то, что не могло принять и усвоить. От одного вида масла, колбасы и консервов его мучило, он старался не глядеть на них.

— Я слышал, на кондитерских фабриках работницы шоколад не едят — идиосинкразия. Не знаю, буду ли я когда-нибудь брать его в рот, но теперь даже видеть не могу, — предположил Игнатьев.

— Голод — не тетка, пустое брюхо заставит — сапоги свои сжуешь. — Володя Ляндэ не считал, что на этом их бедствия кончились. — Я печалюсь о другом: когда с большой высоты летчик сбрасывал груз, немцы могли это видеть.

— Может, уйдем отсюда, отсидимся где-нибудь, переждем. Не придут — вернемся.

— Ты прав, Толя, но взвесить надо. База наша на хорошем месте, обустроена, весь сектор наблюдения прекрасно виден. Придут немцы — все разорят. В тундре сейчас всюду тает, кругом вода. — Ляндэ пытался изучить доводы товарищей.

Они убедили себя, что слабы после голодовки, отложили уход на денек, потом еще на один... Рюкзаки с экстренным запасом и оружие держали возле себя. Через неделю и вовсе успокоились. К тому же вернулось стадо оленей.

— Не могли прийти, когда мы тут пухли с голодухи...

— Они тоже не дурные. По своей охоте не полезут на убой. Нас рассудок удержал здесь, а им какой-нибудь инстинкт подсказывает приближение опасности. — Игнатьев уважительно относился к сноровистым, послушным животным.

— Вот и сова появилась. Зимой ее не было. А теперь прилетела. Наверное, тут гнездовые устроит. — Ребята не раз говорили про новую соседку.

— Олени да сова прижились — поблизости людей не должно быть, — тешил себя и друзей надеждой Ляндэ.

— Станет тундра подсыхать, к оленям могут и оленеводы прийти, проверить молодняк после отелов. — Костин за де-

сяток с лишним лет жизни в Заполярье познакомился с местными обычаями.

— Нам надо быть осторожными и в противоположную сторону почаще поглядывать, особенно в первой половине дня, — определил задание Ляндэ.

На переходе от весны к лету, когда основательно подсохло, получили приказ перебраться на новое место.

Рассортировали имущество. Что нужно было взять с собой на другую точку — уложили в рюкзаки к переноске, остальное замуровали в кладовушку из камней: ни зверь не разроет, ни человек не заметит. Следы своей жизни, накопившиеся за зиму и за весну, постарались уничтожить.

Затем перешли в следующий квадрат. Он располагался немного подальше от дороги, но море виделось не хуже, весь сектор от Вадсё к Киркенесу был перед глазами.

Жить стало легче. Воздух потеплел. Пронизывающие холодные ветры больше не донимали. Тундра оживала. Местами на радость глазу проклюнулась свежая зелень, распустились, хоть и крохотные, листочки на кустах.

Растаяла ледяная избушка. Ее сменил шалаш из плащ-палаток, а разостланные на камнях парашюты по-прежнему служили постелями. Укрывались фуфайками, куртками.

Тельняшки, как потеплело, иногда стирали, они пахли мылом и уличной свежестью, надевать их было приятнее, чем новые.

Из жестяной банки из-под комплекта питания к радиостанции соорудили печку, под топкой прорезали поддувало, из продолговатых каменных пластинок положили колоснички, из консервных банок соорудили трубу. Дым почти не был заметен. Грели воду, варили суп, подогревали консервы. Только с дровами было трудно: собирали валежник, обламывали подсохшие ветки на кустах, складывали их клетками, чтобы продувало ветром и высушивало солнышком.

Почти три месяца жили хорошо, с продуктами не бедствовали, их забрасывали самолетом вовремя и удачно. Вахту несли посменно.

Только командира группы Ляндэ по-прежнему донимали фурункулы. Еда была однообразной, без витаминов и зеле-

ни. Ягоды еще не поспели. Володе не помогали порошки и таблетки — или организм к ним привык, или лечить следовало иначе.

— А раньше на тебя такие болячки наваливались? — молодому двадцатидвухлетнему Костину, не знавшему, что такое простуда, хотелось посочувствовать командиру.

— Милок, я до недавних пор не знал никаких хворей. Видишь мои бицепсы? Я их накатал за многие годы штангой да борьбой. Холод да недуги от меня тоже как от стенки отскакивали.

— Силушку твою я еще в отряде заприметил. На что здоров доктор Холин, ни мороз, ни снег, ни морская вода его не берут, всю зиму ходит в кителе да в фуражке, а ты помнешь его, бывало, на ковре, так от него пар, как в бане, валит...

— Это только здесь, на севере, ко мне болячки прилепились. Наверное, надо было сделать переливание крови, а я на себя понадеялся, все думал, переборю.

— Ты до службы дальше Ростова и Одессы где-нибудь бывал?

— Нет.

— Может, тебе климат не подходит?

— Может, и не подходит. Теперь война, не своя воля, где жить и служить. Судьба меня с Черного моря забросила сюда, к Баренцеву.

— Ты до флота в Ростове так и жил безвыездно?

— Я, милоч мой, коренной ростовчанин. Мы, ростовские, люди особые. Жизнь меня еще в Одессу забросила. Это тебе не фунт изюма. Кто прошел Ростов и Одессу, у того за плечами не твоя вятская деревня...

— А у меня вятской жизни, считай, и не было. В школу я пошел здесь, в Мурманске. А ты где учился?

— После семилетки поступил в техникум связи в Ростове, учился на электрика. Ты думаешь, откуда я кое-что понимаю в твоих «маркони»? На мою специальность тогда большой спрос появился, меня сразу взяли на Ростсельмаш. Это, брат, завод, а не какая-нибудь кустпромартель, на нем и мастерству, и уму-разуму научился. Покрутишься среди старых рабочих, сам другим человеком станешь. Это выс-

шая ступень школы. Жалею, маловато выпало той науки, только два года.

— Чего сорвался?

— Я сам не срываюсь, подошло время служить. Призвали на флот.

— Сразу на корабли?

— Море мне было не в диковинку, Ростов от моря рукой подать. Сначала послали на Балтику, в учебный отряд подплава...

— Через этот отряд на Северный флот пришло людей немало. Наши сослуживцы Виктор Леонов, Сергей Воронин, Петро Алексеев, Алеша Антонов там учились.

— Вернулся на Черное море, назначили на торпедный катер. Бригада стояла в Очакове, потом перешла в Одессу, там и война застала. Из Одессы уплыл в последний день — 16 октября. С тех пор и морячу на сухопутных фронтах.

— Почему не вернулся на корабли?

— Сколько их потопили... Сколько нашей флотской братвы по фронтам раскидало... Батальон с юга занесло на Центральный фронт, столицу защищали. Немало морячков там полегло, вдали от моря. Всего четыре месяца побыл в отряде, увязали меня морским узлом с вами да сюда, в Норвегию, отправили. Думаешь, большая радость после теплых морей сидеть на здешних холодах и ветрах... Ведь никто не неволил, сам пошел. И на сухопутье, и в разведку по своей воле напросился.

— Вернемся домой — ложись в госпиталь, подлечись.

— Нет уж, дудки. Меня, старого воробья, на мякине не проведешь... Чтобы после здешней житухи себя законопатить в госпиталь добровольно?... Как только отмоемся, отъедемся и отоспимся, сразу попрошусь в отпуск. Домой смоюсь, своих повидаю. Тоска гложет.

— Нам с Толей и ехать, пожалуй, некуда и не к кому. А отдохнуть тоже хочется.

— Размечтались... Сначала задание надо выполнить да отсюда целыми выбраться, — осадил друзей Игнатьев.

— Отчего не помечтать. Надеждами и живем. — За доб-

родушием Костина скрывалась большая вера в благополучный исход.

Подошел срок перебираться на другую точку. Месяца через полтора-два полагалось менять обжитое место: пеленгаторщики могли засечь, да и к окрестностям глаз привыкал.

Опять пересортировали имущество, отобрали нужное, подчистили свое становище.

Перешли к высотке, возле которой жили какое-то время зимой. За полгода хождения с одного места на другое, поисков грузов, выбора точек для радиопередач довольно четко обозначились их угодья — немного восточнее Вадсё, почти на меридиане Киркенеса, километров десять в ширину и километров на двадцать в глубину полуострова. В этих условных границах и обитала группа.

Уходить от берега настолько, чтобы терять из виду Киркенес, им не разрешалось. Город стоит в глубине Бек-фьорда, до него от разведчиков по прямой километров сорок. Им надо было видеть Варангер-фьорд от одного берега до другого. Немецкие конвои обычно не ходили южным берегом Варангер-фьорда, они прижимались к северному побережью, держались подальше от огня батарей Рыбачьего и остерегались торпедных катеров. А этот путь всякий раз невольно приближал их к разведчикам.

Летние месяцы текли довольно размеренно. Вахту несли без перебоев. Особенно зорко следили за морем ночью, в это время немецкие суда старались проскакивать в Киркенес и обратно.

Почти круглые сутки обитали на улице, под открытым небом. В шалаш из плащ-палаток забирались только поспать.

Летняя досада — комары. Донимали они и днем, и ночью. Кружатся и гудят неисчислимые стаи, вьются сплошными тучами. Как-то попробовали снять одежду и вымыться до пояса, но раскаялись в своей затее. Комары так успели облепить и нажечь спины, бока, руки, что кожа чесалась сильнее, чем невытая. А руки и лица за полгода на ветру, на холоде и на солнце так задубели, что комариные укусы не ощущались.

На одной из вахт заметили, что из Киркенеса вышел довольно большой конвой. Но курс он взял не обычный, у северного берега не повернул на восток. На какое-то время транспортные суда и корабли охранения остановились, потом перестроились. Одна часть кораблей встала в голове каравана, образовала треугольник, в него и втянулись транспорты. Другая группа кораблей отошла немного, вытянулась в кильватер, а потом сделала поворот и пошла на сближение с караваном. Корабли конвоя открыли огонь. Потом поменялись местами еще раз и еще.

Разведчики поняли, что немецкие моряки проводят учение, отрабатывают тактику охранения своих судов.

Несколькими радиограммами Костин отстучал на базу новый походный ордер немецкого конвоя.

Время от времени недалеко стали появляться норвежцы. Они копали торф, резали его блоками, складывали их в тонкостенные штабеля, чтобы получше продувало и просушивало. Топливо запасали на зиму.

В такие дни в полный рост не вставали, не ходили, огонь не разводили, печку не растапливали.

Наголодавшись в апреле и в мае, теперь питались вполне сносно. Продукты им сбрасывали несколько раз. Особенно себя не морили, но привыкли есть по строгой норме, расчетливо, всегда хранить хоть небольшой страховой запас на непредвиденный случай.

Связь держалась устойчиво, проходимость радиоволн была хорошей. Научились спаривать батареи питания так, чтобы каждая выдавала свои запасы без остатка, до нуля.

Шел седьмой месяц их вахты.

24 августа в Киркенес проплыл небывало большой конвой: более пятидесяти различных судов и кораблей охранения. Столь многочисленного каравана за все время разведчики ни разу не засекли. Только однажды в начале лета видели около тридцати судов и кораблей.

Донесение на базу пошло вне графика. Костин только сменился с ночной вахты, упаковал радиостанцию, как обычно, все подготовил на экстренный случай и пошел в шалаш

отдыхать. Но сон не шел, какая-то смутная тревога не оставляла его. Не выдержав, встал и вышел из шалаша.

Ляндэ и Игнатьев сидели поодаль друг от друга молчаливые, сумрачные.

Не говоря ни слова, закурили, по привычке все время поглядывая по сторонам.

Километрах в полутора по горной тропе показались шедшие походной колонной немцы. Ребята следили за ними, пока те не скрылись за поворотом.

— Пойду-ка я, посмотрю, что делается впереди, — сказал Ляндэ и тут же поднялся поглядеть на ложину, которая от их шалаша не была видна.

Через минуту вернулся бегом.

— Немцы подходят сюда, собаки на поводках, нас чуют, рвутся вперед...

Быстро схватили все приготовленное на случай тревоги и кинулись в сторону Вадсё, ближе к морю, к фашистским гарнизонам.

По конвою, повернувшему на юг Варангера, к Киркенесу, на шири залива, в удалении от зенитных батарей, ударили советские штурмовики. За ними налетели пикировщики. Небо расцветилось облачками шрапнели.

— Вот это да, смотреть приятно... — Улыбка тронула губы Костина.

— Хоть нас гонят, но и немцев колошматят, на душе легче, не зря сработали. — Ляндэ тоже был доволен.

Обернулись поглядеть на свое последнее пристанище. Там немцы осматривали обжитую полянку. Один поднял лыжную палку, на которой ребята иногда что-нибудь сушили, с недоумением повертел ее в руках. Почему она тут, ведь август на дворе?

Другой схватил за угол плащ-палатку, которую ребята накинули на замусоренное становище. Следов жизни разведчиков было много.

Ребята не стали больше испытывать судьбу, побежали прочь. Плато было высокое, ровное, не укрытое сопками, с него хорошо просматривались и Киркенес, и Вадсё, и даже Найден.

Спустились в долину, внизу тек ручеек. Брели по воде, потом перепрыгивая с камня на камень, чтобы сбить собак со следа, пока не стемнело. Остановились на привал. Достали харчи, подкрепились. За едой раздумывали, что делать дальше.

Недалеко оставалось до того места, где принимали самолет, сбросивший им тюки с грузом. Там хранился запас шоколада, других продуктов не осталось. В следующую ночь самолет должен был сбросить им очередную партию имущества. Но в ту же сторону пошли и немцы. Следовало быстро взять шоколад. Потом может оказаться поздно: либо сами удалятся основательно, либо враг помешает подойти.

За шоколадом сходили Ляндз и Игнатьев.

Двинулись на следующую точку, там хранились батареи и антенна. Шли всю ночь до рассвета. День отлеживались в укрытии, ночью отправились дальше. Ранним утром 26 августа появились на запасной точке. Антенна сохранилась в рабочем состоянии, а батареи к радиостанции сели.

Пришлось возвращаться на то место, куда самолет бросал груз. Там в нескольких мешках были заложены небольшие резервные запасы продуктов, спрятаны батареи. Подходить близко к мешкам боялись, опасаясь попасть в засаду.

— Миша, ты поспи, потом примешь вахту. А мы с Толей тут что-нибудь поищем.

Часов около шести вечера Костина разбудили:

— Вставай, поедим. Мы тут кое-что приготовили.

Собрали грибов, в непроточных заглублениях — там, где местами за лето речка пересохла, — от русла отделились лужицы, в них осталась рыба, руками поймали несколько форелин. Сытно подкрепились теплой похлебкой.

— Тут совсем недалеко до нашего первого лагеря. Мы с Толей ходим, посмотрим, может, найдем что нужное. А ты здесь подежурь.

И Ляндз с Игнатьевым ушли.

— Надо бы подняться повыше, посмотреть, все ли спокойно, — собрался Игнатьев.

Через короткое время донесся его голос:

— Володя, иди сюда...

Ляндэ поспешил к Игнатьеву.

— Ты знаешь, этого камня раньше не было. Я их все запомнил.

К камням в округе успевали присмотреться, как к вещам в квартире.

— Верно, я тоже его не засек.

Подошел Костин:

— Камень-то встал и пошел...

До шагающего «камня» было с полкилометра.

Накинули на спины рюкзаки, схватили оружие и побежали прочь. Сначала бежали по речке, временами оборачивались поглядеть назад: немецкую поисковую группу видели, изредка за каким-нибудь поворотом или скалой она пропадала из глаз.

Надвигались сумерки. Разведчики шли то берегом, то по камням, торчащим из воды. Часов в одиннадцать вечера сели передохнуть. Закурили.

— Куда дальше пойдем, Володя? — спросил Игнатьев. Они почти не сомневались, что немцы станут поджигать их с разных сторон, постараются не терять из виду, загнать в какое-нибудь безысходное место.

— Надо было держаться поближе к батареям. — Костин острее других чувствовал, как без источника питания его радиостанция стала лишь тяжелым грузом.

— Батареи надо непременно забрать. Без них нам гибель. Покрутимся тут, понаблюдаем. Может, прошмыгнем, — решил Ляндэ.

После привала пошли почти в обратную сторону. Ночью поднялись на плоскогорье и по возвышенности взяли направление к реке Равдуль. Она течет на север, потом поворачивает на восток, вбирает в себя массу речек и ручейков, набирает силу, становится рекой Вестерильвен и уходит к Сульте-фьорду.

Всю ночь не останавливались. К утру подошли к спуску в долину Равдуля. Весь склон усыпан бесчисленным множеством камней. Они были потемневшие, замшелые, напоминали чугунные ядра для старинных пушек, словно кто-то собирался стрелять из разнокалиберных орудий и так их хитро-

умно уложил, что они не громоздились друг на друге, не лежали слоями, а рассыпались в один ярус, но от камня до камня остались прогалинки, будто для того, чтобы по ним вода скатывалась да земля дышала. В эти расщелины ступня не умещалась. Идти приходилось друг за другом, ступая осторожно, след в след. Если нечаянно нога цепляла какой-нибудь камень, он срывался с места, катился вниз, увлекая за собой другие.

Спустились до воды. Огляделись. Ни отмели, ни порога поблизости не увидели. Разделись, связали одежду и обувь в узлы, все привязали шнурами из строп парашютов поверх рюкзаков. Каждый опоясался таким же тросом, передний конец которого был у Ляндэ, другой — на замыкающем Игнатьеве, посередине шел Костин.

Так, связанные вместе, побрели они через реку.

Дно ее было каменистым, из крупных валунов. Камни шершавые, не заиленные, не скользкие. Течение с ног не сбивало, глубина — по грудь (как говорили в старое время бурлаки — «под табак»). Воду такую теплой считать не принято.

Растерлись, оделись. И полезли в гору по другому берегу реки — такому же длинному покатому склону, усеянному камнями. Наверное, в давние, послеледниковые эпохи река была многоводной, глубокой, оба спуска были затоплены водой, течением обтачивало, шлифовало эти камни, перекачивало их, при половодье они терлись друг о друга, словно между жерновами гигантской крупорушки.

Потом вода ушла, а миллионы окатышей по берегам долежали до наших дней и останутся после нас на века.

Карабкались вверх, стараясь не шелохнуть ни один камень, согнувшись в три погибели, иногда руками цепляясь за мох, за булыжники.

Когда поднялись на сравнительно ровный откос — остановились передохнуть.

— Ребята, привал...

— У меня в глазах круги, аж пошатывает... — Костин прилег на мох.

— Меня тоже мутит, — признался Игнатьев.

— Сейчас хорошо бы поесть да поспать. Кровь стынет в жилах от голода.

Осмотрелись. Невдалеке виднелось небольшое озерко метров двадцать-тридцать в длину да шириной вполовину.

Костин нехотя, тяжело поднялся. Пошли к нему. Припав к воде губами, долго, с наслаждением пили, потом сняли поклажу, расположились на привал.

Высокая гора маячила над округой, на юге виднелся Варангер-фьорд, а на севере бескрайняя даль Баренцева моря.

Вахту наметили по два часа. Первым заступил Костин, потом Толя принял дежурство. Михаил лег невдалеке от Ляндэ и еще не уснул, когда услышал негромкий шепот:

— Володя...

Сон как рукой сняло. Ляндэ и Костин вскочили.

— Может быть снег на макушке сопки?

Все поглядели вверх. Игнатьев вглядывался вдаль через толстые очки.

— Не должен быть... Никогда не видал на вершинах.

— Верхушки летом оголяются самыми первыми, — подтвердил Костин.

Бывают пласты, которые за все лето у солнца не хватает силы растопить. На них новым слоем ложится снег следующей зимой. Но такие годами не тающие напластования случаются на обращенных к северу изломах гор, куда никогда не заглядывает солнце. За лето на подтаявший снег садится пыль, надувает мусор, поверх него падает снег новой зимы. Как-то наткнулись на отвалившийся срез многозимних напластований, насчитали около сорока слоев. Выходило, снега лежали, не вытаявая полностью, с 1905 года.

А на вершине горы белела небольшая проплешина.

Побежали наверх.

— Осторожно, поглядывайте кругом...

Команда Володи насторожила — не попасться бы на приманку.

На маковке сопки распластался парашют, возле него тук с продуктами. Скорее всего самолет сбросил его только вторым заходом в ту же ночь, когда прыгали разведчики.

Радость была неопиcуемой. В мешках оказалось почти

все, в чем они нуждались. Консервы лежали целехонькие, испортились лишь сухари, семь с лишним месяцев хранения — срок слишком большой. Их поскоблили ножами, отчистили от плесени. Продукты уложили в рюкзаки, подготовили запас на переходы. Осмотрели батареи к радиостанции, часть их была абсолютно надежной. У других напряжение немного село, их подготовили для первоочередного использования, соединили в пачки по несколько штук. Самые ненадежные батареи протерли, обернули каждую в отдельности, уложили в жестяные банки и запрятали в камни так, чтобы не попадали ни вода, ни снег, на крайний случай. Исправные батареи положили вместе с резервными продуктами, если придется куда-то опять идти.

Когда со всем этим управились, сам собою встал вопрос: что же делать дальше?

— Надо дать радиogramму, доложить, что у нас случилось. С таким запасом батарей моя радиостанция может работать долго, — предложил Костин.

— Надо объяснить руководству, почему не сидим на месте. Чтобы знали, что мы на марше, переходим, радируем на ходу. — У Игнатьева, как всегда, срабатывало чувство осмотрительности.

— А что передадим о продуктах? — спросил Костин.

— Пока ничего. Мы их нашли случайно. На них уже никто не рассчитывал, поэтому радиogramму дадим короткую, чтобы в базе поняли, что отстучали ее поспешно.

Часов в восемь утра Костин отбил в эфир всего два слова: «Обнаружены. Уходим». Вечером донесли, что обосновались на запасной точке, здоровы, ждут указаний.

Ответные распоряжения не поступали день, второй, третий...

Отдыхали, следили за подходами, чтобы немцы не застали их врасплох. Море виднелось далеко, смотреть на него большого смысла не имело. Погода стояла еще летняя, дождей не донимали.

— Попали на «курорт», немцы помогли устроиться, — радовался наиболее непосредственный Костин.

— Первый отпуск за войну. Еще бы помыться да пере-

одеться во все чистое. — Игнатьева не покидали простые житейские желания.

— Немцы могут и прикрыть нам «курорт». Засекут радию — опять погонятся. — Ляндэ оставался командиром, вслух думал о будущем.

Через несколько дней база ответила: «Ждите указаний». Разведчики поняли, что приближаться к Вадсё им нельзя.

Прошло десять дней. Впервые за все время питались вдоволь. Шел восьмой месяц их жизни под открытым небом Варангера.

Наконец, 6 сентября получили распоряжение идти на северное побережье, к Бос-фьорду.

Заморосил дождь, кочки и кустарники намокли от дождя и тумана. Снова нахмурилась осень.

— Кончился «курорт», — сожалел Костин.

— Хорошо, хоть декаду отдохнули. Теперь до дома выдержим. — Игнатьев вслух высказал мысль, которая у каждого теплилась в душе: раз их двинули к северному побережью, значит, снимут, там подлодкам подходить лучше.

Шагали по мокрому мху и кустарнику. Сапоги раскисли и развалились. Связали их стропами от парашюта. Но километра через два-три все расползлось снова. Опять обмотали веревками, еще прошли небольшой переход, вновь все разъехалось. Вода чавкала в мокрых портянках.

Сняли с себя лыжные куртки, порезали на куски, обернули ими сапоги, как обмотками, сверху обкрутили стропами. Шагать было неудобно. На привалах ноги затекали, становились «чужими». Кончался короткий отдых, вставали, а ноги не слушались, не чувствовали землю, но минут через пятнадцать-двадцать топали опять, как заведенные.

Через четверо суток дотащились, наконец, до места, которое было указано в радиограмме. Сообщили о себе и в полной надежде ожидали указания, когда и где их снимут. Весть от командования обескуражила: им предлагалось указать точку, куда сбросить продукты.

— Что они, не понимают, каково нам здесь? — эмоциональный Костин высказал недовольство первым.

— Командир, надо настаивать на съемке. Мы задачу вы-

полнили. Забрасывали нас на полгода. — Уравновешенный Игнатьев тоже устал.

— Пиши, Миша, что нас надо непременно снять.

Снова передали радиogramму. Впервые за все время сообщили, что давно болеет «Моряк» — под этим именем в штабе числился Ляндз, даже радисты не должны были знать, кто он на самом деле. Костин назывался там «Знатоком», а Игнатьев — «Смелым». Однако база подтвердила приказ. Обсуждать его больше не имело смысла.

Михаил сообщил, что все истосковались по русской еде, по куску сала с черным хлебом, и указал, куда лучше бросать груз, какие сигналы они подадут самолету.

Жили в те дни километрах в четырех от поселка Бос-фьорд. Западнее их, еще ближе к берегу моря, километров в восьми-десяти, виднелся другой поселок, покрупнее.

Самолет пролетел до предела низко, на короткое мгновение включил бортовые огни и сбросил груз.

Получили и продукты, и одежду, и долгожданное сало, хотя и не с черным хлебом, но со ржаными сухарями.

Переобулись в новые сапоги, сменили белье. Как ни было тягостно на душе, настраивались на продолжение вахты. Убеждали себя, что она не затянется на долгие месяцы. Верили, что зимовать здесь не оставят.

Обосновались на горе, но море здесь просматривалось меньше, чем на южном берегу полуострова. Перед ними вытянулся длинный Бос-фьорд, высокие его берега да сопки скрадывали обзор.

Как-то заметили одиночный, без охранения, немецкий транспорт. Донесли на базу. Прилетели бомбардировщики, атаковали, но безуспешно — бомбы легли вблизи бортов. Пароход уплыл.

Прошел месяц их дежурства на этом океанском берегу.

По радио слышали о начавшемся наступлении на севере, об изгнании немцев из мурманского Заполярья. Теперь стало понятным, почему их не вернули домой. Вскоре база приказала сообщить, где лучше всего их снять. В ту же ночь сходили к устью фьорда, выбрали подходящий берег. Из базы велели ждать плавсредства каждую ночь.

Спустились с горы, подошли к той бухточке, которую выбрали для съемки.

Жить у моря осталось недолго, со дня на день их возьмут домой. Жалеть продукты не стали, ели досыта, на черный день не оставляли. Но прошел день, другой, пятый, неделя...

Костин вчитывался в радиogramмы, но долгожданной все не было. К двадцатому октября рюкзаки опустели, продукты кончились.

Немцы откатывались по Финмаркену на запад. Советские войска взяли Киркенес. Караваны вдоль побережья шли чаще. Их замечали и радировали, но база слышала плохо: сидели под горой, у моря, радиоволны на приемный пункт проходили с третьего, с четвертого раза.

Питались только вероникой. Один раз устроили себе «воскресенье»: километрах в полутора росли голубика и черника. Собирать ягоды можно было только при дневном свете. А место открытое, даже из поселка просматривалось. И все же рискнули, прокрались туда, собрали большую стеклянную банку. Пировали почти сутки.

Распознали немецкий караван. Сообщили. Самолеты навалились на него целой стайей — и штурмовики, и бомбардировщики. Впервые увидели, как атакуют с воздуха торпедоносцы.

Очень хотелось поближе посмотреть схватку. Осторожно, то ползком, то крадучись, прикрываясь каменными нагромождениями, пробрались на самую оконечность мыса. Внизу, под утесом, шумело море. Разведчики не могли нарадоваться, как наши самолеты атаковали и топили одно судно за другим.

Какой-то буксирный пароход резко повернул влево и пошел к берегу, не сворачивая. Ребята затаились.

— Неужели нас заметили?

— Если и видят, зачем идти сюда... Дали бы очередь из пулемета.

— Может, хотят взять нас живьем?..

— Наверяд ли будут рисковать судном из-за трех человек...

— Откуда они знают, кто мы такие... К норвежцам зачем им идти?

— А почему сюда двинул буксир? Как мы выбрались на мыс, он и повернул к берегу.

— Я думаю, не за нами идет. Летчики подбили миноносец, он еле на плаву держится. Может, ищут отмель, куда его отбуксировать? — У Ляндэ было побольше житейской смекалки и флотского опыта.

— Нацелился за нами — дешево не дадимся! — Костин высказывался решительнее друзей.

Буксир подошел к берегу настолько близко, что виднелись лица стоявших в рубке немцев. На верхней палубе никого не было.

Откуда ни возьмись из-за камней выскочил лисенок, подбежал к Костину, обнюхал его, потом потрусил к Ляндэ, поводил носом и, прыгнув на камень, присел на задние лапки, уставился глазенками-бусинками на разведчиков.

В это время буксир круто развернулся и пошел прочь от берега. То ли лисенок навел немецких моряков на мысль о полной безлюдности на суше, то ли нужда стоять тут миновала.

Немецкие корабли расстреляли из орудий свой подбитый миноносец, он затонул.

Володя Ляндэ подстрелил лисенка. С него спустили шкуру, освежевали, выпотрошили, основательно промыли, крепко просолили. Сначала съели съедобные внутренности, пожевали немного и мяса, но оно было сырое и зубам подавалось плохо. Остальное мясо сложили в банку с крепким рассолом.

Немецкий караван ушел на запад. Море опустело. Сгустилась осенняя темнота, надвигалась ночь.

Хотя на открытом берегу продувало и пронизывало сыростью, решили не уходить поглубже на материк.

Каждую ночь ждали сообщения о съемке...

Около полуночи к берегу приблизились два катера. Их силуэты разведчикам не были знакомы. Они были новой модификации, пришли на флот уже после того, как ребята глу-

боко законспирировались за Мурманском и готовились к выполнению задания.

С катеров спустили две резиновые шлюпки, те на веслах подошли к берегу, покрутились немного и вернулись обратно. С берега пристально следили за ними, ничем не обнаруживая себя. Смущал не только незнакомый вид катеров. До места, которое разведчики указали в радиোগрамме, катера не дошли километра полтора.

Рюкзаки, все имущество навьючили на себя, чтобы в случае опасности быстро подняться в гору и уйти в глубь Варангера.

Подали фонарем сигнал.

С катеров не ответили.

— Это не наши, сигнал не приняли, ответа не знают. — Игнатьев был осторожнее своих друзей.

— А уходить ох как не хочется, — с дрожью в голосе признался Костин. — Чувствую, тут свои...

— Толя, мы забыли банку с лисенком, сходи, принеси, может, пригодится. Не дай бог тут немцы нас ищут.

Игнатьев побежал за банкой.

С катера донесся знакомый голос их наставника Андрея Головина:

— Эй, где вы тут?

Помедлили мгновение, ждали пароль.

— Если не насиделись, то оставайтесь, сколько хочется, черт с вами! — По голосу узнали своего давнего боевого товарища Степана Мотовилина, его урюпинский говорок.

Таиться перестали, отозвались, встали во весь рост, посигналили фонарем.

От катеров отошли шлюпки.

Наконец-то, почти через девять месяцев на борту своего корабля разведчики обнялись с боевыми товарищами.

— А мы с гостинцами. У нас вот лисенок сохранился, сегодня подстрелили. Угощайтесь.

— Ничего больше нет?

— Это весь запас. Кое-что осталось на последней базе, но туда ходу дня три-четыре. Мы уж подумывали об обрат-

ном марше. Если бы вы сегодня не пришли, может быть, и махнули бы.

Вечером на причале в Полярном судьба свела их с отрядом.

Разведчики, как всегда, неприметно проскользнули к пирсу. Торпедные катера стояли на швартовых бортами, ждали отряд, готовые выйти в море. Моряки сгрудились у сходней, передавая из рук в руки рюкзаки, поклажу. К пирсу подошел еще один катер, и с него спустились три заросших, бородатых, в изодранной одежде человека. Увидев отрядных, они с радостью бросились обниматься: «Братки, здорово! Наконец-то мы с вами дожили до счастливого часа...» В этих неузнаваемых, изможденных, казалось, до крайней степени людях ребята скорее чутьем ощутили своих боевых товарищей.

Встреча была короткой: отряд шел в большую разведку на Варангер, как потом оказалось, недалеко от тех мест, где они дежурили, следя за южным берегом полуострова.

Первое время отмывались, отъедались, потом отчитались о сделанной работе. Кроме вахтенного журнала, каждый из них записывал что-то себе на память. Миша Костин вел дневник. О чем говорили, о чем спорили, про какую жизнь мечтали — много всякой всячины Михаил доверил толстой тетради. Командование дозналось, потребовало сдать. Какое-то время поупорствовал, ведь там были записи о сокровенном, не для чужих глаз. Пришлось их бросить в печку.

Уже дома, на базе, однажды шли на катере из Полярного в Мурманск. По соседству с ними то ли случайно, то ли по предписанию свыше на борту оказались двое немецких пленных. Ребята были в обычной флотской форме, и трудно было догадаться, что они разведчики, недавно вернулись с дальнего норвежского берега. Сопровождавшие пленных переводчик и офицер-политработник, похоже, по какому-то своему умыслу затеяли разговор с одним из солдат.

Тот рассказывал, как они гонялись на Варангере за русскими разведчиками. Называл точные даты, часы, места, сопки, речки, ручьи. В достоверности нельзя было усом-

ниться. Описывал все точно, так, как было. Только едва ли знал, что рядом с ним сидят как раз те, за кем они охотились. А может, догадывался?

Глава двадцать первая

На Рыбачий, в Озерко, на катере пришел капитан-лейтенант Сутягин, привез с собой большой пакет с сургучными печатями. После ужина они с Леоновым уселись в дальнем углу землянки на нарах, поставили возле себя керосиновую лампу. Сутягин вскрыл пакет, достал бумаги, карту, лист кальки с вычерченным тушью участком побережья.

— Витя, — разглаживая карту, обратился Сутягин к Леонову, — я привез новое задание отряда.

— Но мы еще не сходили в Пеуро-вуоно.

— Туда наведаетесь попозже. Сейчас решено навестить северное побережье полуострова Варангер, Сан-фьорд.

— Далековато. Это часа три ходу.

— Выходить надо в вечерних сумерках, иначе не успеть обернуться.

— Надо прикинуть, какая будет погода, ветер да еще подсчитать, сколько времени нам понадобится на берегу.

— Часа за два можно управиться.

Офицеры склонились над картой. Сутягин напомнил, что поблизости от места намечаемой высадки в прошлом году сидели группы, но немцы провели широкоохватные облавы. Из ловушки едва вырвались Нистрем и Коровин, но на базу они так и не вернулись. Может, жители что-то знают об их судьбе. Уже более полугода там никого из наших не было. Есть сведения, что на том берегу немцы выставили наблюдательный пост. Если он действительно существует, напасть, захватить пленных и документы.

Сутягин подал Леонову отпечатанный на нескольких листах план-задание на операцию. Леонов стал читать, время от времени поглядывая на карту. Отряду поручалось выйти на задание большей частью своего состава.

— Паша, почему такая срочность этого похода?

— Не срочность, а скрытность. Ты подряд трижды сходил

к южному берегу полуострова. Немцы там наверняка усилили наблюдение, добавили охрану. Они, скорее всего, не предполагают, что в эти края мы придем опять, особенно после прошлой неудачи с подлодкой.

Обсудив еще некоторые детали операции, Сутягин собрал все документы в пакет, уложил их в добротный кожаный портфель, сунул его под подушку.

Вышли с Леоновым из землянки на улицу покурить. Небо над головой висело темное, дул легкий ветерок, сыпал мягкий, крупными хлопьями снег. У пирса слегка покачивались торпедные катера. Рядом с ними высились более громоздкие, внушительные, но тоже деревянные, покрашенные в темный цвет. Приплыли они с конвоем из-за океана, название их было непривычным — «хиггинсы». Впервые в операцию разведчиков пойдет один из таких катеров. Приходят они теперь сюда по нескольку штук. Появляются с ними и командиры дивизионов Алексеев и Коршунович — молодые, с академическим образованием офицеры с золотыми погонами на плечах.

Утром пошли к Шабалину. Катерники теперь часто принимали пополнение, у них вместо отряда образовалась бригада, ожидалось, что на Рыбачьем будет постоянно стоять дивизион или два. Для экипажей строили новые землянки, одну оборудовали под штабную, поставили там столы, подтянули линию связи.

Шабалину подали три листа задания, касающиеся морской части: перехода катеров к цели, высадки разведчиков, их съемки и возвращения назад.

Обговорили все детали, решили, кто на каком катере пойдет, кто будет ведущим, как разместить людей и шлюпки.

— Что ж, будем готовиться. Мы пока в те места не ходили, с вашей легкой руки станем осваивать Варангер с открытого моря. — Шабалин, по-онежски окая, пригласил гостей попить чайку.

Перешли за соседний стол, матрос принес большой медный чайник, поставил стаканы с блюдцами, а не привычные эмалированные кружки, большую тарелку с печеньем, банки со сгущенным молоком и кофе.

— Шикарно живете, — подзадорил Сутягин.

— Привыкаем потихоньку, — поскромничал Шабалин. — Надоело людям жить по-походному.

За чаем, как и полагалось, разговор на служебную тему не возобновлялся. В застолье действовал неписанный порядок говорить на свободные темы: о кино, о книгах, о поездках в отпуска — их впервые за войну стали давать. Случалась и флотская «травля»: рассказывали разные морские байки, иногда обсуждались какие-нибудь сенсационные зарубежные сообщения. Застолье, особенно обеденное и ужинное, даже в войну оставалось священным корабельным ритуалом, на который никому не полагалось посягать. Здесь старались говорить на легкие темы, чтобы радовать настроение и не портить аппетит.

— Саня! — Леонов поглядел на сидящего напротив Шабалина через кустистые брови, слегка прикрывающие глаза. Чтобы они не мешали смотреть, он кончики их закручивал вверх, как усы у лихого гусара. А вдобавок Леонов отрастил бороду, она у него густая, широкая, каштановая. — Давай посостязаемся на бороду, у кого она окажется окладистее.

— Нет, Витя, ты, несомненно, выиграешь. Я как-то пришел сюда, а бритву забыл в Долгой. Две недели не брился. Выросло три волосины в четыре ряда. Смех, да и только. Отстриг их каждую по отдельности ножницами.

— Наговариваешь на себя, бреешься ведь через день...

— Престиж берегу.

— Ты теперь командир отряда, у тебя полдюжины катеров в подчинении, народу сколько... Для солидности и борода не помешала бы... Может, попросим у артистов в театре из реквизита, подберем, как у адмирала Макарова, в два клина. — Сутягину захотелось поддержать идею о придании Шабалину солидности.

— Ну если только для фотографии, чтобы после войны показывать. А теперь для чего? Выйдем в море, первой же волной так окатит, что поминай бороду как звали.

Шабалин ростом некрупен, белолиц и русоволос, молодой. Да и натура у него добродушная, не начальственная,

распекать подчиненных не в его правилах, голос повышает редко, даже команды его звучат как обыденный разговор. Любимое его словцо «мухобои» прорывалось, когда ему приходилось распоряжаться, чтобы подчиненные поторапливались, не мешкали, व्यюном вертелись на швартовке или съемке с якоря. Словцо это с легкой руки Сани пошло гулять среди катерников, почти у всех командиров оно в обиходе, но особенно сочно его произносил Лозовский. Оно у него звучало и как команда, и как нежное обращение к подчиненным, и как грозный окрик, если кто зазевался и может оказаться за бортом или над кем-нибудь нависла погружаемая торпеда...

Почаевничав, разошлись готовиться к походу.

Шабалин решил руководить операцией сам.

На одном катере рядом с его командиром старшим лейтенантом Чепелкиным на мостик втиснулся Шабалин, на верхней палубе разместились Леонов с группой Анатолия Барина, в кубриках — Сутягин с занятыми на высадке и на съемке тремя переправщиками и радистом.

На «хиггинсе» плыла группа Никандрова, оперативный офицер отряда лейтенант Кокорин, капитан-лейтенант Пасько, три переправщика. На этом же катере находился накачаный воздухом понтон, три запасные шлюпки.

Надувными шлюпками в отряде научились владеть отменно, два месяца чуть не каждый день по несколько часов ходили на них и в штиль, и в волну, сбрасывались с причала, садились с берега, прыгали в них с борта катера, выбирались с перевернутой шлюпки либо на берег, либо на ее днище. Иногда кое-кому удавалось поставить опрокинутую волной шлюпку обратно на днище. Для этого, плавая в холодной воде в одежде и обуви, надо было обладать недюжинной сноровкой и крепкой мускулатурой.

В девятнадцать часов катера вышли из Большой Волоковой в Варангер-фьорд и повернули на север, в открытое море.

Но с моря надвинулась сплошная снежная стена, из видимости скрылись не только горизонт и небо, но и ближайшие окрестности, поневоле пришлось включить сигнальные

огни. Западнее Перс-фьорда, у мыса Хабранесет, снег кружился сплошной стеной. В такую погоду хороший хозяин собаку на волю не выгонит. А где-то невдалеке должен был уже показаться ориентир ко входу в Маккеур-Сан-фьорд. Как только один из катеров отрывался от другого на кабельтов, он пропадал из видимости. Идти ближе было рискованно.

Шабалин приказал сигнальщику написать топовым огнем ведомому, чтобы он ни в коем случае не отставал, шел строго в кильватер по курсу ведущего.

Шабалин и Сутягин, сколько ни старались, берег разглядеть не могли. Приближаться к нему сквозь снежную пелену опасно. Решили идти дальше на запад, по счислению выйти ко входу в Конгс-фьорд, там очень приметный, выступающий далеко в море высокий мыс, по нему сориентироваться, а потом повернуть обратно в Маккеур-Сан-фьорд, найти его по расчету и очертанию берега.

Время склонилось к полуночи, катера четвертый час пробивались на запад сквозь снежный буран. Наконец будто опознали Конгс-фьорд, определились по нему, легли на обратный курс, шли в видимости берега по правому борту. В начале первого справа обозначился вход в фьорд, вошли в него. Минут через пять во внутренней узости фьорда заметили проблески маяка.

Скорость сбавили, перешли на подводный выхлоп, катера легли днищами на волну, форштевни резали воду, отгоняя от себя в стороны округлые усы, но их тут же гасила волна.

Был пик отлива, береговая полоса от воды до снежной кромки метра на три-четыре чернела, наводя темень и на воду. Ночь в фьорде казалась сумрачнее, чем в открытом море. Катера едва видели друг друга.

— Командир, — капитан-лейтенант Пасько, прижавшийся к рубке с правого борта, повернул голову к Серинько, — подойди ближе к головному, чтобы не упустить, когда станут спускать шлюпки.

— Не могу. У меня муфты не в порядке, трудно маневрировать ходом, боюсь столкнуться.

В два часа ночи двенадцатый приблизился к маяку, метрах в пятнадцати-двадцати от берега спустили за борт шлюпки, в них Леонов с группой Баринаова отвалил от катера.

С катера Серинько не заметили, как от двенадцатого отошли шлюпки, потому и со спуском понтона и шлюпок замешкались. Двенадцатый подошел к напарнику, и Сутягин в мегафон покричал соседу, чтобы побыстрее поворачивались с высадкой. Катер приблизился к берегу на двадцать минут позже, чем шлюпки с двенадцатого.

Леонов сразу после высадки, не дожидаясь остальных шлюпок, велел троим разведчикам подняться по крутому береговому скосу на верх каменистого кряжа и выяснить обстановку. Вскоре вернулся Алексеев и доложил, что ни жилья, ни людей там нет, все замечено глубоким снегом.

Леонов с группой Баринаова пошел по заснеженному береговому склону фьорда в его южную оконечность.

Алексеев снова полез на гранитный увал за товарищами. Они назад не пошли, а по южному крутому срезу, сев на снег, покатались вниз, лавина мигом сбросила их в лощину, они выбрались из снежного завихрения и заспешили догонять Леонова с группой.

На берегу у шлюпок радист Морозов, разведчики Максимов и Дараган ждали группу Никандрова, чтобы повести ее следом за ушедшими.

Леонов видел, что вторая группа почему-то запаздывает. Он послал навстречу ей Сергея Григоращенко, велел поторопить. Сергей подбежал, когда понтон едва ткнулся носом в берег, и передал приказание. Лейтенант Кокорин с частью взвода бегом кинулся к Леонову. Никандров, высадив остальных бойцов своего взвода, вытянул на берег понтон и шлюпки и тоже бросился настигать отряд. Они поравнялись со взводом уже на марше, на ходу. У шлюпок и понтона остались радист Кожаев и переправщик Федор Мошков.

Никакого селения поблизости на берегу не оказалось, хотя на карте и на кальке задания такой поселок значился.

Леонов повел отряд дальше вдоль берега фьорда к югу, а Фатькина, Зубкова, Залевского и Овчаренко послал обратно, приказал им вместе с переправщиками перегнать шлюп-

ки и понтон к катерам. Он все более убеждался, что посадку придется проводить в другом месте.

Головной дозор прошагал уже довольно далеко, но пока не видел ни селения, ни дороги, ни тропки. Остановились, немного постояли, размышляя, что делать. Решили идти вперед. Прошли еще километра полтора. Заметили стоящий на отшибе дом, света в окнах не было, осторожно подошли к нему. На крыльце появился хозяин дома. Это был давно живущий здесь пожилой человек. Он пригласил разведчиков в дом, зажег лампу. Испуг от внезапного ночного появления людей в белых маскировочных халатах прошел, хуторянин немного успокоился, но связно что-либо объяснить не мог.

Леонов приказал командиру взвода Баринову с пятью разведчиками подняться на высокий заснеженный увал и посмотреть, нет ли поблизости селения по другому склону. Возле дома он оставил Агафонову с четырьмя разведчиками, а сам, прихватив одно отделение, пошел вдоль залива дальше к югу, надеясь выйти к какому-нибудь поселку. Кончался четвертый час утра. По расчету времени на операцию отряд давно уже должен был идти морем, возвращаясь в базу. А катера все еще дрейфовали невдалеке от места высадки.

Леонов с отделением прошел по берегу еще с километр. Впереди показалось большое селение, в некоторых домах окна уже светились.

Решили проверить стоящие на отшибе четыре дома.

Лейтенант Кокорин с пулеметчиком Сергеем Бываловым остались на улице настороже, с остальными Леонов пошел к домам. Постучав в дверь первого, разведчики вошли, напугав хозяев своим видом в белых халатах и оружием в руках. Спросили, нет ли немцев. Их не поняли. Извинившись за беспокойство, попросили одного из молодых людей пойти с ними и проводить к соседям. В двух других домах ситуация повторилась: перепуганные хозяева ничего толком объяснить не могли, да и по-немецки никто из них не разговаривал. Еще двое молодых людей пошли провожать разведчиков.

В четвертом горел свет, хозяйка уже хлопотала у плиты. В первый момент она побледнела, засуетилась, но быстро овладела собой.

Алексей Каштанов обратился к ней по-немецки, к счастью, язык она знала.

Из ее ответов прояснилось, что катера зашли в Бос-фьорд, а разведчики сейчас находятся на северной окраине селения с тем же названием. В другом конце поселка, южнее километра на два, на полуостровке, с которого фьорд просматривается до выхода в море, стоит немецкий гарнизон в полсотни солдат, невдалеке зенитная батарея, одно морское орудие, прожектор, у причала два катера-охотника.

Хозяйку дома дополнили соседи. Из этого разговора стало понятным, что разведчики попали не в тот фьорд, оттого так далеко им пришлось добираться до селения. Как немецкие наблюдатели, следящие за фьордом, не заметили вошедшие катера, не видели высадку десантников, объяснить трудно. Снежный буран к утру стих, видимость улучшилась. Скорее всего немцы прозевали визит русских катеров, за войну здесь ни один из них ни разу не был.

Распрощались с хозяевами, извинились за беспокойство, попросили немцам о визите не рассказывать.

Разведчики собрались у первого дома, посигналили на катера, чтобы снимали отряд...

Возвращались шлюпками.

— Паша, мы не туда пришли... Это Бос-фьорд. — Леонов, едва ступил на борт катера, подав Сутягину руку для приветствия, сообщил, как ему казалось, самую важную весть.

— Знаю, Витя. Как только вы высадились, мы отошли к правому берегу и стали в тени скал. Оттуда я увидел второй маяк и понял, что ошиблись...

— У меня сомнение закралось после высадки, когда полезли на сопку. Я ведь десятки раз всматривался в карту, изучал наш маршрут по берегу.

— Пурга спутала нам курс. Когда вернулись обратно от Конг-фьорда, надо было пройти еще назад. Торопились, вот в спешке и не разобрались.

— Надо немцам свечку поставить, что прозевали нас. Вползли в фьорд, а там орудия, охрана, катера... Даже прожектор не осветил. А мы на шумели порядочно... И катерами, и высадкой. Да и крик был... По берегу пропороли туда и об-

ратно километров восемь. — Леонов все еще дышал часто, фразы прерывал, говорил отрывисто.

— Сейчас кончат крепить шлюпки, будем уходить. Немцы скоро проснутся, уже пять часов утра. — Сутягин пошел к Шабалину и Чепелкину, которые отдавали команды к выходу катеров из Бос-фьорда.

Море встретило сильным северо-восточным ветром, он разгулялся в предутренние часы. Катера трепало как скорлупки, они скрипели, постанывали, зарывались носом в воду, волна катилась по палубе к корме, сливаясь за борта, завихряясь водоворотами у надстроек, торпедных аппаратов, кнехтов, разметывая брызги и пену. Видимость почти не улучшалась, хотя время подходило к шести утра.

Около половины седьмого, когда по правому борту должен был где-то в снежной круговерти оставаться остров Вардё, катера внезапно сблизилась бортами на полметра — только случайность спасла от столкновения. Рули быстро переложили, катера разошлись в разные стороны и снова потеряли друг друга из вида.

Двенадцатый ошвартовался в девять утра в Пумманках, через четырнадцать часов после выхода со своей базы. Другого катера не было, хотя он мог по своим техническим данным прийти и раньше.

Ждали час, второй, третий...

Разойдясь на траверзе Вардё с двенадцатым, лейтенант Серинько, чтобы не проскочить к Петсамо, избрал курс почти строго на восток. Волна по-прежнему трепала катер, как щепку, его бросало из стороны в сторону. Он был крупнее двенадцатого, парусность у него больше, оттого клало на борт сильнее.

Когда, как полагал Серинько по счислению, прошли половину входа в Варангер-фьорд, он сбавил ход до двенадцати узлов.

Трехчасовая трепка огромными волнами раскачала кое-где обшивку корпуса, форпик и носовой кубрик стало заливать водой. Нос начал оседать, все более зарываясь в волну, натужнее выбираясь из-под нее. Насосы не справлялись с откачкой.

Из носового кубрика, как только в нем появилась вода,

вылезли на верхнюю палубу Агафонов, Смирнов, Колосов, Кокорин, стали черпать и выливать воду.

Чтобы выровнять дифферент, командир задумал сбросить торпеды. Но опытные в морском деле Кокорин, Никандров и Агафонов отговорили его. От сброса торпед катер мог не выровняться, а еще более погрузиться носом, потерять плавучесть, осесть на дно.

На верхней палубе суетились Андрей Залевский, Сергей Воронин и другие разведчики.

Волной сбило с ног стоявшего у рубки пулеметчика, покатило вдоль палубы, но торпедист успел ухватить товарища за лидероловый костюм и удержать, сорвало принайтовленные лыжи и весла, раскрыло магазин крупнокалиберного пулемета, выкинуло оттуда патроны и все унесло за борт.

Водоотливная магистраль стала захлебываться, а потом остановилась. Вода заполняла катер. Наглухо задраили переднюю и кормовую переборки, командирскую турель. Ход уменьшили до самого малого, шли под одним мотором.

Рассвело. Справа на траверзе завиднелась земля. Решили, что это Рыбачий. Так показывало счисление, да и конфигурация берега казалась знакомой.

В десять утра катер встал на якорь в Вайда-губе. Нос его, принявший в форпик и кубрик пять тонн воды, основательно осел выше ватерлинии, уткнулся в донный ил.

Разведчики помогли товарищам привести катер в порядок, откачать воду, потом сошли на берег.

Обсушились в землянках у артиллеристов береговой батареи, стерегущих вход в Варангер. На следующий день им дали лошадку, запряженную в сани, чтобы перебраться в Большую Волоковую, на свою базу.

Сутягин и Леонов отправились в Полярное докладывать о результатах.

Командующий, выслушав рассказ, сказал:

— Не сокрушайтесь. На войне неудач не избежать. Люди живы, в бой не вязались, катера вернулись целыми. В Маккеур не попали, зато обстановку по Бос-фьорду прояснили. Не переживайте. Готовьтесь к новым походам и учитесь, отрабатывайте взаимодействие с катерниками.

Глава двадцать вторая

Наступающая весна принесла не только походы, но и значительные изменения. Начальника отдела Визгина перевели к новому месту службы в Москву. Его заменил капитан 2-го ранга Бекренев — опытный оперативный офицер разведки. По этой специальности он работал в Испании, когда там бушевала первая крупная схватка с фашизмом.

У него была приличная морская практика. На флот пришел в 1924 году по комсомольскому набору, плавал на Черном море на линкоре «Октябрьская революция», с корабля поехал учиться в военно-морское училище. После Испании командовал на Черном море эсминцами «Петровский», «Железняков», «Бойкий».

Война застала его на Северном флоте. Когда наметился переход на север кораблей с Тихоокеанского флота, его, начальника отдела боевой подготовки штаба, послали начальником походного штаба. В пути он передавал морякам тот военный опыт, который успел к тому времени накопить.

Но после прихода кораблей в Полярное долго там служить не пришлось, его вскоре перевели в Ленинград начальником разведки Балтийского флота, оттуда в Москву, в центральный аппарат.

Когда решался вопрос о замене Визгина, начальник управления контр-адмирал Воронцов спросил Бекренева, в то время курировавшего разведотделы флотов и флотилий, кого бы он мог рекомендовать на этот пост. Бекренев предложил себя.

Командира отряда Николаева, после холодной морской купели у Лангбюнеса прочно осевшего в Полярном, почти полтора года не высовывавшего носа за пределы главной базы, освободили от командования по служебному несоответствию и перевели в бригаду торпедных катеров стажером командира катера.

Младший лейтенант Леонов, уже с осени 1942 года ходивший замполитом, всю зиму провел с отрядом на Рыбачьем, жил там с разведчиками в землянке, с ним отряд побывал на Эккерее, дважды высаживался на Лангбюнес, сходил в Бос-фьорд. В отделе и в штабе флота убедились: этому

молодому офицеру сопутствует удача, моряки идут с ним на задания уверенно, и его назначили на командирскую должность.

Замполитом прислали комсорга батальона морской пехоты с Рыбачьего лейтенанта Гузненкова. В первые месяцы войны он досрочно закончил военно-морское политическое училище и сразу же отправился защищать полуостров Ханко. В зиму гарнизон покинул эту военно-морскую базу, Гузненкова перевели на Рыбачий. В разгар весны, когда снега уже таяли, этот худой, рослый, оттого слегка сутулящийся, в обтрепанной короткополой солдатской шинели и кирзовых сапогах с широкими голенищами политработник появился в отряде. По сравнению со щеголеватым, тщательно выбритым, полнощеким и румяным лейтенантом Кокориным и аккуратно одетыми Леоновым и старшинами, он выглядел сиротливо.

Набеги отряда на южный и северный берега полуострова Варангер взбудоражили местные немецкие гарнизоны. На какое-то время полагалось оставить их в покое, походить в такие места, где разведчиков меньше всего ждали.

В отделе посчитали разумным отправиться к южному берегу Варангер-фьорда, поближе к Киркенесу. Ходившие в последний год в тех местах группы к береговой полосе подобраться не могли: сплошные посты, контрольные пункты, передвижные патрули, дополнительные пропуска не позволяли даже нос туда просунуть. Богданов с Эккерее, часто переплывавший через фьорд на боте к своим родственникам, рассказал, где и как можно прокрасться мимо постов и дозоров.

На первый раз избрали Коббхольм-фьорд.

В минувшем году ходоки из Киркенеса известили Нистрема, что на самом юге Коббхольм-фьорда на полном ходу электростанция, от нее ток подается в Киркенес, станцию охраняют тридцать солдат. В Якобсэльвене устроен наблюдательный пункт, оттуда к Сандбуктену ведет хорошая дорога. В Коббхольм-фьорде иногда укрываются транспорты в ожидании разгрузки или перед выходом в обратный путь,

когда их собирают в конвой. В дозор на подходах к фьорду выставляют тральщик и катера.

Подступала весна, кончилась полярная ночь, дни становились длиннее и светлее. Реже наплывали туманы, меньше пуржило. Суровые штормы все чаще менялись тихой погодой.

Отряд приютился в западных Пумманках, на внешнем берегу Большой Волоковой в чудом сохранившихся двух щитовых финских домиках. Перебрались сюда после того, как большая отрядная землянка, приспособленная для жилья из минного склада, дотла сгорела.

Случилось это ночью, пламя мигом охватило подшитый плащ-палатками потолок, подсохшие бревенчатые стены. Огонь полыхнул над людьми и устремился в единственную тягу — входную дверь.

Вскочившие спросонья моряки хватали под руки первое попавшееся и бегом ринулись в дверь. Их выкидывало наружу жарким потоком. Вынести почти ничего не успели. Нужно было срочно новое имущество.

Отряд обули, одели, снарядили, задержки в походах не случилось.

На двух торпедных катерах отправились к Коббхольм-фьорду. Прошли основательно на запад, завязали там петлю, вернулись зигзагами обратно. Через два часа на малом ходу, с приглушенными моторами подкрались к цели. До входа в фьорд оставалось примерно три кабельтовых, когда из тумана вдруг засигналил фонарь ратьера. И тут же обозначились силуэты тральщика и морского охотника. Они несли дозор у входа в фьорд.

Тринадцатый катер лейтенанта Лихоманова, в кубриках и на верхней палубе которого находилась группа мичмана Никандрова и командир отряда разведчиков Леонов, вышел в атаку на тральщик. Торпеда достигла цели, взорвалась в носовой части корабля. Вражеский охотник ринулся наперерез торпедным катерам, стреляя из своих пулеметов. Но в него попало несколько малокалиберных снарядов, он потерял скорость и повернул обратно.

Катера с разведчиками легли на обратный курс — скрытно к цели не подошли, операция сорвалась.

Самолеты-разведчики несколько дней покружили над тем районом. Малым ходом и в дрейфе дежурили дозором и катера. Постоянное корабельное охранение у входа в фьорд немцы больше не выставляли. Они высылали катера и тральщики только тогда, когда поблизости проходил немецкий конвой.

Разведчики собрались повторить попытку высадиться в Коббхольм-фьорд, но из-за поломок двух катеров пришлось возвращаться назад. Пока готовились к третьей попытке забраться в Коббхольм-фьорд, подошел срок высадки небольшой группы в Пеуро-вуоно.

Залив этот вклинивался в материковый финский берег немного западнее Петсамо-вуоно. Скрытно подобраться к нему ни с моря, ни с суши пока не удавалось. Всякий раз, как только катера вступали в прибрежные воды, их встречали артиллерийской стрельбой и яркими лучами прожекторов. Подходы в шхеры немцы стерегли бдительно. На фотографиях, снятых с самолетов, просматривался причал и какие-то старательно замаскированные сооружения. По слухам, там находился вражеский опорный пункт.

Приближалось время, когда этот залив мог послужить нуждам флота. Где прорываться, куда подходить, откуда ждать стрельбу из орудий, с каких мест можно попасть под удар вражеских солдат — без точного знания этого планы десантников были бы зыбкими.

Вышли на операцию в ночь на 20 марта. На катер лейтенанта Травина спустились по сходням идущие на задание разведчики — лейтенант Кокорин, радист Сафонов и матрос-фотограф Алексеев, двое переправщиков, распоряжающийся морской частью операции командир отряда катеров Шабалин и ответственный за высадку и съемку Сутягин. На катере находились две запасные шлюпки. Предполагалось, если случится неудача, разведчики должны вернуться через Варангер-фьорд к берегу Рыбачьего. Второй торпедный катер прикрывал своего напарника.

В три часа ночи разведчики беспрепятственно выбрались на берег.

Катера, отойдя немного мористее, час наблюдали за берегом, за морской далью. Берег и море были безмолвны, катера повернули на Рыбачий.

Трое разведчиков огляделись вокруг — ни людей, ни строений поблизости не было, — закопали запасные шлюпки и весла в снег.

Встали на лыжи, надели рюкзаки, рацию, белые маскировочные костюмы и пошли вдоль невысокого, обрывистого хребта на юг.

Вскоре идти на лыжах стало невозможно. Снег днем на солнце подтаивал, с моря на него ветром несло морось, к вечеру он покрывался толстой скользкой ледяной коркой. Лыжи разъезжались в разные стороны, пришлось снять их и нести на плечах.

До устья залива оставалось километра полтора, когда на пути выступом высунулся обрывистый залеженный склон горы. Идти по нему, как ни пытались, не смогли, вскарабкаться в ботинках по ледяной круче оказалось немыслимо. Обошли этот скат стороной, основательно уклонившись от вычерченного на карте маршрута. Поднялись на вершину соседней сопки. Часы показывали около половины восьмого утра. На море виднелся транспорт, плывущий в Петсамо. Его сопровождали два катера-охотника.

Примерно через час из Пеуро-вуоно вышел в Варангер катер, из видимости он исчез за береговыми кручами, там, где разведчики высадились.

Рассвело, начинался пасмурный весенний день. Кокорин велел всем зарыться в снег и, не поднимаясь, наблюдать за округой, пока не стемнеет. Весь день вылежали, укрытые в снегу, не вставали даже на колени. Никто поблизости не появлялся.

Легкие и довольно теплые канадские костюмы из плащевой ткани, подбитые мехом, для долгого лежания в снегу оказались непригодными. Сначала они промокли на коленях и на локтях, а потом на животе и на груди. Сменили портянки и носки, какое-то время лежали в запасных, проветривая

ботинки, чтобы хоть немного их подсушить. Рукавицы при ползании намокли настолько, что заledenели и стояли колом. Сухих больше не осталось, лежали в снегу с голыми руками.

Когда сгустились сумерки, снова пошли по курсу. И опять перед ними оказались такие же заledenелые крутые скаты. Идти без ледорубов было невысмыслимо. Кокорин убедился, что надо повернуть назад, к морю.

На обратном пути из-за частых обходов скользких круч с дороги сбились. Вышли к озеру, по конфигурации берегов и окрестных высот которого посчитали, что это Лассинг Безко-ярви. Перешли его на лыжах поперек. К девяти часам утра добрались до мыса Соунк-мукк. Опять зарылись в снег и стали ждать прихода катеров следующей ночью.

Холод все более донимал, намокшая одежда и обувь все сильнее студила. Временами одолевал удушашый кашель. Аппетита не было. Мучила жажда. Жевали крупнозернистый, жесткий снег. Десны и губы потрескались и кровоточили. Глаза воспалились, покраснели.

Просидели в снегу на мысу до пяти утра. Катера в назначенное время не появились. Командир группы посчитал, что они отклонились к востоку, и, чтобы окончательно не заблудиться, решили идти вдоль берега на запад, надеясь попасть к тому месту, где оставлены шлюпки.

Когда собрались в путь, ботинки с трудом обули, они никак не лезли на опухшие ноги. Мяли ботинки руками, согревали их, оттаивали, массажировали ступни ног, чтобы хоть немного согнать отечность. Поднявшись, первое время не только шагать, но и стоять едва могли. Опираясь грудью на лыжные палки, разминали ноги, пока не решились переступить ими.

К пяти часам вечера подошли к мысу Хайсумукакниими. Там стояло однорядное проволоочное заграждение и макет пушки.

Лежа осмотрели в бинокль окрестности. На мысе Валкеаниими разглядели проволоочное заграждение, а за ним опорный пункт — шесть жилых баракков, радиостанцию и наблюдательный пост.

Эту зону сфотографировали. Сверившись с картой, поняли, что теперь оказались западнее места своей высадки. Пошли назад. Усталость была так велика, что шагали еле-еле, временами поддерживая друг друга. По пути забрали с собой и понесли, навьючив сверх рюкзаков, оставленные при высадке на берегу шлюпки и весла.

В десять вечера 23 марта с безымянного мыса восточнее острова Манасари заметили свои катера, которые шли вдоль берега малым ходом.

По сигналу переправщики на шлюпках доставили группу на катер.

Задание выполнить не смогли, до цели не добрались, назначенное командованием место не отыскиали.

Командующий приказал операцию повторить.

Сафонова и Алексеева отправили подлечьиться в дом отдыха. Кокорин заявил, что оплошность исправит сам.

Чтобы облегчить выполнение задания, командующий приказал катерам пройти внутрь залива Пеуро-вуоно. Риск операции резко возрастал, можно было попасть под обстрел, но необходимо было уточнить условия плавания и десантирования в этом районе.

С Кокориным шли радист Кожаев, фотограф Максимов и наблюдатель Лысенко. Радист Гриша Сафонов должен был держать с катера связь с группой.

Кокорина пытались отговорить от участия в операции, предостерегали о возможных последствиях недавнего переохлаждения. Но он настоял на своем.

— Я не все предусмотрел, потерял курс. Позвольте мне исправить ошибку. — Его настойчивость поняли.

Разведчики взяли с собой недавно испытанные плавательные костюмы, которые надевались сверху походного обмундирования, рюкзака и оружия, в них можно было не только переходить воду вброд, но и плыть, хотя и с основательным усилием. Еще на тренировках в Волоковой с этими костюмами было немало приключений.

Их привезли в отряд перед весной. Сначала ходили в этих костюмах по бухте, забредая в воду с берега по мелководью, потом, когда уверились в их надежности, стали захо-

дить пешком на большую глубину, но во время плавания чувствовали себя стесненно: одежда, рюкзак, автомат да и сам костюм сковывали подвижность. Больше пятидесяти метров никто сначала проплыть не мог, даже Виктор Максимов — инструктор по плаванию, владевший разными стилями, не одолел и сотню метров, закачался на волне, как буюк.

Командир приказал тренироваться: отряду наверняка пригодится это снаряжение. Стали упорно овладевать им, но большого энтузиазма у ребят оно не вызвало. В северных холодных водах под костюмом обязательно должно быть толстое, теплое обмундирование, и выдержать такую нагрузку могли не все разведчики.

Барышев после одной из тренировок шутливо пояснял за обеденным столом, почему он попросил вторую добавку.

— Давно с таким аппетитом не ел, даже когда приходил с двадцатки на лыжах. Семь потов сошло. Эта штука не по мне.

— Почему, Пашенька? — осведомился вездесущий Гугуев, который в таких случаях обязательно оказывался поблизости.

— Тебя будто всего спеленали. Младенцев, чтобы они не болтали ручками и ножками, укручивают свивальником. И я плыл будто в таком свивальнике.

— Я попробовал плыть в теплом белье. Сначала показалось холодновато, но потом ничего, согрелся. А когда вышел на берег, подумал: как же я на фрицев побегу, в одних кальсонах?

— Вот была бы хохма, егери приняли бы тебя за покойника или оборотня.

Как-то Павел Смирнов выпрыгнул в таком костюме со шлюпки. Тяжелый рюкзак перевесил, повернул его вверх животом. Сколько ни бился Павел, чтобы выправиться спиной вверх, ничего не получалось: беспомощно шлепал руками по воде, плескал, как веслами, но болтался, будто поплавок. Так и покачивало его волнами, пока не подплыли товарищи и не вернули в нормальное положение.

— Таким тебя не только расстреляют, но и в плен безропотно возьмут.

И все же Леонов убеждал, что неудачи от непривычки, от неумелости. Надо тренироваться, набирать опыт, стараться плыть вдвоем, чтобы помогать друг другу.

— А если держаться за надувную шлюпку?

— Зачем тогда костюм?

— Пловца не видно на воде. Прицельно стрелять не станут...

Пока же к этим костюмам привыкали, понимая, что в некоторых случаях для тайных десантов они весьма подойдут.

На этот раз взяли с собой на каждого по несколько пар овчинных рукавиц, если придется долго лежать в снегу неподвижно.

В операцию пошли одним катером, второй накануне зацепил винтами за подводные камни и сорвал их, а ждать прихода сменщика время не позволяло.

Близко к полуночи 29 марта тринадцатый катер вышел в море. Разведчики на время перехода спустились в кубрик. Разыгралась непогода, почти нулевая видимость, в снежной круговерти найти вход в фьорд оказалось не легче, чем в темноте вдеть нитку в игольное ушко. Пришлось вернуться на базу.

Вечером 1 апреля головной пятнадцатый катер лейтенанта Шленского и тринадцатый, на котором шел и командир отряда катеров капитан-лейтенант Шабалин, отошли от причала в Пумманках. Разведчики расположились на пятнадцатом. На этот раз они надели на себя плавательные костюмы на переходе. Море раскачивалось зыбью, волна временами перекачивалась с носа до кормы. Прорезиненные костюмы держали воду, промочки никто не ощутил.

Видимость в море была как по заказу, место высадки нашли сразу.

В час ночи, немного не доходя до гряды прибрежных камней, о которые билась и разметывала брызги небольшая накатная волна, спустили за борт резиновые шлюпки, переправщики Пшеничный, Соколов и Огир приняли в них разведчиков со снаряжением, оттолкнулись от борта, навалились на весла, выгребая к берегу. Катер Шленского отошел

от гряды камней чуть мористее, тринадцатый дежурил у входа в фьорд.

Берег надвинулся довольно крутой, у уреза ровной, накатанной галькой или песком полосы не было. Переправщики spryгнули в воду, подтянули шлюпки к берегу, помогли товарищам выбраться на сушу. Остающиеся на берегу осмотрелись. Снег ветрами и соленой моросью изъело, он лежал отдельными островками, а валуны торчали оголенные. Плавательные костюмы, лыжи и шлюпки, которые оставались на берегу для группы, старательно укрыли в расщелинах скал, куда не докатывались волны.

Пошли вдоль западного склона сопок на юг.

Путь, как и в прошлый раз, оказался трудным. Часа через четыре вышли к берегу фьорда. Вход в залив остался позади километрах в полутора-двух. Выбрали место для наблюдения, зарылись в снег. Трое лежали, стараясь не подниматься, только один, сменяя другого, поглядывал за округой.

Перед утром запуржило, со стороны моря летел мокрый снег, он надул над людьми бугор. Снежная пелена слепила глаза.

Так просидели до полудня.

Когда пурга улеглась, весь фьорд стал отчетливо виден.

Вражеский опорный пункт четко вырисовывался на противоположном берегу. У простенького причала стояли три мотобота.

Весь день наблюдали за вражеской точкой. Сфотографировали, записывали, отметили на карте северную и среднюю часть фьорда. Только южную его оконечность разглядеть не могли, ее скрывал поворот.

Следующей ночью двинулись на юг, к вершинному тупику фьорда.

Прошли метров восемьсот. Путь пересекло обрывистое ущелье. Скаты его под ледяными натеками, как под панцирем.

С рюкзаками, радиостанцией, питанием к ней, навьюченными на спине и на груди, по обледенелому обрыву спускаться было невыносимо. Кокорин и Кожаев остались на

верхней площадке утесов со всем имуществом, а Максимов и Лысенко только с оружием и фотоаппаратом, придерживаясь за трос, который намотали на себя Кокорин и Кожаев, осторожно сползли в низину.

Они сходили до конца фьорда, все там осмотрели, сфотографировали. Ночью на 3 апреля вчетвером вернулись к берегу недалеко от обозначенного места. Времени для перехода к точке высадки уже не оставалось, полагалось подавать сигнал. Кожаев отстучал его по радиции, сообщил координаты.

Катер пошел к тому месту, где сидели разведчики, заметили с берега сигнал фонарем.

Сняли группу, повернули к тому берегу, где оставили запасные шлюпки, костюмы и лыжи. За грузом пошли на шлюпке Пшеничный и Агафонов.

В этот момент раздался орудийный выстрел. Шлюпку вернули назад. Выждали, затаившись, осмотрелись. Было тихо: ни всплесков в воде, ни разрыва снарядов на берегу. Агафонов и Пшеничный снова взялись за весла, навалились на них. Минут через десять они вернулись, доложили, что снежным бураном расщелину, где упрятано имущество, занесло настолько, что без лопат не откопать. В этот момент донесся второй орудийный выстрел. Снаряд разорвался метрах в двадцати пяти по носу. На катере врубили двигатели на винты и дали полный ход. Разорвалось еще три снаряда метрах в пятнадцати по борту и в полусотне по корме. Из «вилки» полагалось уходить на полной скорости.

Поздно вечером 4 апреля от причала оперативной базы в Пумманках отошли на выполнение задания два торпедных катера. Третий, «хиггинс», остался у причала в полной готовности к выходу: горючее в цистерны залито до полной нормы, боеприпас у орудий и пулеметов полный, команда вся на катере, одета по-походному. По сигналу тревоги требовалось завести двигатели и сняться со швартовых.

В половине первого ночи, переключив моторы на самый малый ход, катера стали осторожно со стороны западного мыса входить в Коббхольм-фьорд. На пути попался небольшой островок. Оставили его позади себя по правому борту.

Время от времени на самый малый ход включали только один мотор. Шли неторопливо, осмотрительно, почти бесшумно, прокрутив винт на подводном выхлопе, какое-то время плыли по инерции.

Вдоль бортов от носа до кормы присели на корточки разведчики, уперев автоматы в леера.

С головного пятнадцатого катера лейтенанта Шленского начали спускать резиновые шлюпки. На катере Серинько тоже не медлили.

Сразу после высадки Леонов с группой захвата пошел к селению Сандбуктен. Отделение Манина осталось на берегу охранять шлюпки и в случае необходимости вызвать с катера подмогу.

Разведчики прошли по верхнему склону берегового кряжа метров двести. Внизу, у подножия каменной гряды, в прибрежной ложинке виднелось селение, но спуск к нему был очень крутым.

Вблизи домов находился причал, по поселку никто не ходил и не ездил, в бухте судов не было. Леонов отправил посыльного к Манину, приказал отделению со шлюпками вернуться на катера, а им подойти к причалу.

Спустились по заледенелому скату в поселок. Жители спали, в домах ни огонька. На улицах пустынно и тихо, даже собаки не лаяли.

Одно отделение Леонов послал к причалу, чтобы охранять подход с моря.

Постучали в первый дом, во второй... Жители проснулись, зажгли керосиновые лампы, впустили неожиданных посетителей. Испуга ни у кого не заметили. То ли сказывалась природная выдержка, то ли постоянная жизнь у моря, у границы приучила людей быть всегда готовыми к любой неожиданности. Только малыши жались к старшим.

Разговорились с хозяевами. Те рассказали, что всего за сутки до прихода русских моряков немцы сняли из их селения свой наблюдательный пост, который стоял здесь почти три года. Службу несли два отделения солдат. Недавно они поспешно переехали на мыс Белый. Там есть укрепления, огневые точки, все обтянуто колючей проволокой. Норвежцев

на этот опорный пункт не пускают. Знают они о нем только потому, что он виден, когда идешь на боте вдоль берега.

Разведчики пожалели, что не застали неприятельских солдат на их точке, окажись удачными первый или второй выходы, могли бы прихватить «языка».

Но много полезного рассказали и жители Сандбуктена, особенно трое молодых мужчин, попросившихся уйти с разведчиками на советскую землю. Один из них был штурманом, хорошо знал весь район плавания по Варангеру, бывал во всех фьордах, бухтах, селениях, швартовался ко всем причалам и бросал якорь во многих местах.

Катера с отрядом от поселкового причала пошли к Рыбачьему.

Так изучили еще один пункт для будущих десантов.

Глава двадцать третья

Война неумолимо двигалась на запад. Советские войска во многих местах перешли границу и двигались дальше. Удары по врагу следовали один за другим почти по всему огромному фронту от Ленинграда до Черного моря.

По множеству признаков чувствовалось, что приближается время, когда войска Карельского фронта перейдут в решительное наступление.

Верховное Главнокомандование еще с весны начало накапливать силы в Заполярье, туда прибывали свежие сухопутные части, танковые бригады и полки, добавлялись авиационные дивизии, флот пополнялся кораблями, подводными лодками, катерами, полками сухопутных частей. Три бригады морской пехоты расквартировались по Мотовскому побережью и ждали своего часа.

Разведотдел стал детальнее изучать обстановку на Варангере, уточнять действия противника на побережье, морских базах и прибрежных аэродромах. К тем группам, которые длительное время находились в крайних северных точках Норвегии, закинули еще несколько. Но каждой из них сузили зону наблюдения, предписали меньше встречаться с местными жителями, реже выходить на радиосвязь.

В первую свою заброску шли двое норвежцев — Рейдар Микельсен и Ялмар Петерсен.

Рейдар был из той большой семьи Микельсенов, которая по идейным убеждениям включилась в борьбу с фашистскими оккупантами уже летом 1940 года. Следующей осенью он ходил в группах по сухопутью под Петсамо и к Киркенесу.

Его брат Ингвальд дважды забрасывался на Арней, во второй операции погиб возле Тромсё. Еще один его брат, Хильмар, глубокой осенью 1941 года, когда группа Кудрявцева высаживалась на Варангер, помог попавшим в беду разведчикам и вместе с ними ушел в Советский Союз. В родном Комагвере остался только один из шести братьев — Густав.

Ялмар Петерсен был родом из Якобнеса, находящегося недалеке от Киркенеса. В Советский Союз он ушел в 1940 году.

Норвежский писатель Ханс Эриксен довольно подробно описал это событие.

В свой замысел о побеге через советскую границу Ялмар никого не посвящал. Когда он работал на лесопилке в Эльвенесе, на свои скудные деньги купил карту и компас, но пользоваться ими не умел. Попросил товарищей по работе показать, как это делается. На карте поставил крестик в том месте на советской территории, куда намеревался выйти. Чтобы добыть себе денег на дорогу, он пробрался на почту, когда там никого не было. Денег оказалось немного, но деваться уже было некуда, прихватил их. Чтобы не оставлять следов, на руки надел чулки. Но полиция его заподозрила, дома провела обыск, нашла карту с пометкой, компас и авторучку, которую он взял на почте. Ялмара арестовали. Попросившись в туалет, он выбросил авторучку — единственное серьезное доказательство его вины. Из-под ареста его освободили.

От замысла бежать за границу не отказался. На лесопилке стал помогать мотористу, чтобы изучить, как заводится мотор, как им управлять, как выходить в море, держать руль.

Ночью в густом тумане перетащил с причала на самый

новый и быстроходный катер бочку с бензином, разукомплектовал двигатель на другом катере и на веслах вышел из гавани. Только пройдя весь залив и оказавшись в шири Варангер-фьорда, запустил мотор. Куда идти — точно не знал, карта и компас остались в полиции. Запомнил, что советский берег должен быть справа, на востоке.

К утру пристал к какому-то берегу, забросил на причал швартовый трос. Вскоре пришли люди. Будто бы занятый мотором, прислушался. Разговор шел по-фински и по-норвежски. Хильмару объяснили, что он находится в Вадсё. За ночь он пересек лишь свой Варангер-фьорд и пристал к противоположному берегу.

Ялмар побыстрее завел мотор и на полной скорости пошел обратно на юг. Потом, немного не дойдя до кромки тумана, повернул на восток. Утренний туман становился все реже, местами в разрывах проглядывал берег.

На пути встретилась рыбацкая шхуна. Шкипер сказал, что они вблизи Яр-фьорда, дал Ялмару воды и хлеба и, посчитав, что туман скоро совсем рассеется, показал, в каком направлении надо идти, чтобы добраться до Вайда-губы. Советовал быть осторожным, обогнуть мыс подальше: там сильное течение и много мелей.

Ялмар оказался в Вайда-губе, советские пограничники взяли его под охрану, а потом переправили в Мурманск.

В ноябре 1942 года он вместе с пятью напарниками вылетал на задание для высадки под Киркенес, но один самолет немцы сбили зенитным огнем, и второму пришлось вернуться на свой аэродром.

Задание на этот раз заметно отличалось от прежних. Хотя Ялмар овладел рацией, мог передавать на ключе и принимать на слух, в операцию группа отправилась без радиостанции. Им полагалось в основном вести личное наблюдение, выходить на контакты с местными жителями. При подходящих условиях им разрешалось попытаться выйти на связь с Киркенесом. Невдалеке от Киркенеса, в Сеннесе, жили сестры Микельсена: Хильда и Мидри с мужьями, а Генриетта служила прислугой в самом городе. Через них можно

было попытаться выйти на прежние связи, которые начал налаживать Нистрем.

Они должны были постараться добыть личные документы на право проживания и проезда, другие удостоверения личности, продовольственные карточки. Желательно было попытаться захватить перевозимую корреспонденцию. Командование надеялось сохранить их скрытно до нужного часа, потом выдать новое задание.

О том, что живы и продолжают действовать, оповещать своих они могли только через пролетавшие по графику самолеты. В этом случае они выкладывали на земле условные сигналы.

24 марта с самолета их забросили в район озера Калмиш-ярви, недалеко от границы со Швецией. Высадка прошла благополучно.

На северном побережье полуострова Варангер, в окрестности Бос-фьорда, с самолета в ночь на 18 апреля высадились также Владимир Тараскин и Николай Бурьков.

Эти молодые разведчики пришли в отряд в первые месяцы войны. Владимиру Тараскину было 23 года, родом он из села Калинино Рязанской области. Родители давно жили в Москве, отец Михаил Иванович и мать Ульяна Андреевна работали дворниками в доме 62/64 по Первой Мещанской улице, там и жили в служебной квартире. Володя после семилетки устроился монтажником, а в 1940 году его призвали на флот.

Радистом в операцию отправился двадцатилетний Николай Бурьков. Родился и жил он в селе Коханово Орловской области. После окончания семилетки и школы ФЗУ Николай работал электромонтером в городе Рославль Смоленской области. В отряд разведчиков пришел в декабре 1941 года радистом, сходил шесть раз во вражеский тыл.

Первый необходимый груз, что скинули вместе с ними, нашли сразу. Через десять дней самолет сбросил им основное имущество.

Начали работать. Давали редкие радиogramмы об обста-

новке, о погоде. Шел месяц, второй, третий... Группа действовала. Ее время от времени снабжали с самолетов.

15 августа база приказала выйти ближе к берегу и вести непрерывное наблюдение за морем.

Рихард Кеньев родился и рос в становище Белокаменка Полярного района на берегу Кольского залива. Работал он в колхозе счетоводом, потом в райсовете Осоавиахима. Сначала на войну взяли отца, партизанившего на Мурмане еще во время английской интервенции, потом Рихарда, а в минувшем году, уже после известия о смерти отца в Архангельске, очередь дошла и до брата Федора. Отец был по национальности карел, мать Хилья Антоновна — финка. Поэтому в семье говорили по-русски, по-карельски и по-фински.

Осенью 1941 года по рекомендации райкома комсомола Рихард пришел в отряд разведчиков.

От Полярного до Белокаменки рукой подать. Иногда Рихарду давали день-другой отдыха, и он на рейсовом катере навещал мать, сестер и маленького брата.

Теперь Кеньев шел на новое задание.

Радистом был Евгений Морозов. Он старше Кеньева на два года, родом из Чердыни, до военной службы учился в Горьковском институте инженеров водного транспорта, окончил школу связи Учебного отряда на Соловках, в войну пришел радистом в отряд. Родители его жили в Горьком.

Эту группу забросили с воздуха 26 июня недалеко от аэродрома Банак. Им приказали наблюдать за аэродромом, за стоянками вражеских кораблей в Порсангер-фьорде, за дорогой от Банака к Киркенесу, следить, как бомбят и штурмуют аэродром советские самолеты, как атакуют неприятельские караваны подводные лодки и самолеты.

После высадки Морозов выходил на связь несколько раз.

Три новые точки разведчиков приняли боевую вахту.

Микельсену и Петерсену самолетом забросили очередную партию груза. Когда на волокуше они перетаскивали его к своей землянке возле озера Гарше, неожиданно на них вы-

шли два охотника. Спрятаться было негде. Разведчики попросили земляков помочь им. Те охотно согласились. Потом посидели вместе, поговорили, покурили, разошлись каждый по своим делам.

Один из охотников Виктор Ларсен, ходивший осматривать свои угодья, узнал разведчиков. Год назад брат Хильмара Хенри и Нистрем на лодке ушли по реке через границу. Ларсен немедленно сообщил о встрече в немецкую комендатуру.

Карательный отряд появился возле землянки через несколько часов. Завязалась перестрелка. Разведчики отстреливались, убили шестерых карателей. Когда гранаты стали рваться возле входа в землянку, Рейдер и Ялмар застрелились.

Тараскин и Бурьков рано утром 19 августа со своего поста обнаружили крупный вражеский конвой. Он шел с запада и держал курс на Варангер-фьорд. Экстренная радиogramма пошла в Полярное.

Бомбардировщики, штурмовики, торпедоносцы поочередно наносили удары по конвою. У входа в Варангер-фьорд его атаковали торпедные катера. Из каравана потопили 14 кораблей и судов.

После этого случая радиogramмы от разведчиков шли еще три дня. Местные жители, собиравшие грибы и ягоды, видели, как к мысу по восточному берегу Бос-фьорда прошел большой отряд немцев. Примерно через час с той стороны донеслась стрельба, слышались взрывы гранат.

С Кеньевым и Морозовым связь прервалась в первых числах июля.

Так в норвежской провинции Финмаркен погибли еще три группы разведчиков.

Глава двадцать четвертая

Отряду поручили вновь наведаться на южный берег полуострова Варангер. Два шофера грузовых автомашин, захваченные в набеге на Лангбюнес, показали, что вдоль дороги размещены наблюдательные посты. Место для них выбира-

ется с учетом обзора морской акватории и в зависимости от глубины, позволяющей подходить к берегу катерам или подлодкам.

Один из таких постов находился на мысе Скальнес.

В отделе решили высадиться немного в стороне от него, вне обзора с поста, пройти по дороге и вплотную к нему подобраться. Пленные рассказали, что особенно тщательно наблюдение велось, когда намечалось прохождение конвоя или совместное плавание группы боевых кораблей. В остальное время вахту несли с перерывами. Этим и решили воспользоваться разведчики.

Была поставлена задача постараться непременно живыми взять наблюдателей, забрать вахтенный журнал, таблицу позывных или опознавательных сигналов.

25 марта два торпедных катера приняли на борт отряд и около десяти часов вечера вышли в море. На головном, тринадцатом, где командиром был лейтенант Лихоманов, на задание отправилась группа Никандрова. С нею шли Леонов, оперофицер отдела Пасько, командир отряда катеров Колотий, переправщики. На другом — лейтенант Травин, группа Баринава и трое переправщиков.

Погода для скрытного подхода к цели выдалась как по заказу: снежные заряды чередовались один за другим, небо закрыто тучами, из которых временами сыпалась густая снежная круговерть. Идти морем пришлось по счислению, держать курс по компасам, наземные и небесные ориентиры не были видны.

Около полуночи подошли к цели. На берегу было спокойно.

Скомандовали высадку.

Сначала от борта катера отошла резиновая шлюпка с отделением Саши Манина. Остальные ждали сигнала с берега.

Не прошло и пяти минут, как Манин поморгал фонарем, что возле него все спокойно, можно высаживаться.

Отряд на шлюпках и понтонах отвалил от катеров. Те легли в дрейф и наблюдали за сушей и за морем.

— Толя, — обратился Леонов к Баринovu, — ждите нас здесь. В любом случае вернемся сюда. Не спускайте глаз ни

с дороги, ни с катера. Если будем отходить с боем — поддержите, чтобы успеть быстрее сесть в шлюпки.

Леонов оставил у берега группу Баринава, велел стеречь место для съемки, шлюпки и понтоны. Сам со взводом Никандрова собрался идти на дорогу. Она бежала совсем впритык к береговой кромке, всего примерно в трех десятках метров.

— Саша, — уже на ходу напомнил Леонов Никандрову, — грузовые пропускайте, пусть едут. А легковые постарайтесь обязательно прихлопнуть. Действуй сам, я с ребятами пойду к посту, попробуем застать их врасплох.

— Если не ждут прохода кораблей и спят, — ответил Никандров. И добавил: — Я со своими тут управляюсь.

— Залевского с двумя-тремя ребятами оставь здесь, пусть прикроют наш отход на этом отрезке. — Леонов показал рукой, где Залевский должен ждать возвращения уходящих к вражескому посту.

— Андрей, — повернулся он к Залевскому, — лежите тихо. Но если у нас завяжется перестрелка, бегите на подмогу.

Залевский с Петром Коваленко и Михаилом Колосовым остались на стыке между ушедшими с Леоновым разведчиками и группой Баринава, стерегущей берег. Остальных бойцов увел Леонов.

Почти весь взвод Никандрова вскоре скрылся из вида.

Подожли к двум стоящим особняком домам. Всюду тихо, темно. Выставили возле дороги в засаде пулемет, за ним залег Сергей Бывалов.

Одновременно постучали в оба дома. Зажегся свет, разведчиков впустили беспрепятственно.

Леонов спросил, далеко ли немецкий наблюдательный пост, как незаметно к нему пройти.

Мужчины постарше ответили, что в селении постоянного гарнизона нет. В домике на верхнем склоне холма, за дорогой, всего в полукилометре от них, находился наблюдательный пост. Там несли службу восемь-десять солдат с ефрейтором. Но на днях их увезли либо в Киберг, либо в Вардё, домик оставили на замке. Там больше никого нет.

Женщины и дети в разговор не вмешивались, лишь на-

стороженно смотрели на незнакомых людей, увешанных оружием.

Пока беседовали с жителями домов, по дороге проехали два одиночных грузовика. Их пропустили, не трогая.

Никандров с отделением Валерия Коротких прошел по дороге метров семьсот-восемьсот. Наткнулись на пустой дом. Вернулись к тому месту, где Леонов беседовал с жителями.

По дороге на большой скорости в сторону Вадсё проскочила легковая автомашина. Ее заметили поздно, упустили.

Вскоре в направлении Киберга проехал грузовик.

Леонов решил попытаться захватить пленных и трофеи с автомашин.

Баринову через посыльного передали, что решено поохотиться и за грузовиками.

Вскоре от Вадсё к засаде взвода Баринаова стал приближаться грузовик, посвечивая фарами. Еще далее смутно виднелись, временами исчезая, огоньки машин.

Баринов пропустил грузовик до засады Залевского, когда машина приблизилась к ним, махнул рукой, чтобы стреляли. Очередями из автоматов прострочили по колесам. Машина дернулась, притормозила и уткнулась капотом в высокий снежный завал, образовавшийся во время очистки дороги от снега. Два солдата выскочили из кабины, не сопротивляясь, подняли руки. Разведчики обыскали дрожащих солдат, осмотрели кабину. Там лежал карабин, в кузове — лопаты и цепь.

Залевский отправил пленных с Колосовым к шлюпкам, а сам с Коваленко пошел к Никандрову.

Четыре машины и автобус, что виднелись вдалеке, приблизились к разведчикам.

Леонов приказал пропустить вперед головные, а потом залпом сразу ударить по всем.

Под колеса полетели гранаты, из автоматов строчили по капотам. Образовался затор, машины остановились. У двух еще светились фары.

Из кабин выскочили люди и в замешательстве метались

по дороге, бежали к снежному бугру, кое-кто спрятался под машину. В первые секунды было тихо.

Чуть очнувшись, из-за кузовов, из-под автомобилей немцы стали стрелять. Но их остановили несколько автоматных очередей.

В плен взяли двух обер-ефрейторов, двух ефрейторов и двух рядовых. Полтора десятка погибло.

Пленных отправили к катерам. Машины быстро осмотрели. Забрали четыре портфеля с бумагами, личные документы пленных и убитых, две полевые сумки, винтовки и карабины.

В автобусе оказалось много чемоданов, шубы, пишущие машинки, аккордеон, радиоприемник.

Быстро выгребли трофеи, чемоданы оставили. Все остальное взяли с собой.

С катеров дали сигнал возвращаться на посадку.

Со стороны Киберга засветились фары автомашин. Разведчики подорвали гранатами моторы автомобилей и автобуса.

Ехавшая с востока колонна метрах в 600 от разведчиков наткнулась на следы недавнего боя, остановилась.

Отряд подтянулся к берегу. Взвод Баринава прикрывал посадку. Сначала понтоны, а потом и шлюпки с разведчиками, пленными, трофеями уходили к катерам рейс за рейсом.

Посадка почти заканчивалась, когда со стороны Стурре-Эккерее в направлении катеров лег луч прожектора. Но в снежных завихрениях, смешавших и небо, и берег, и море, катера он не нащупал.

Большинство людей находилось на катерах, только часть взвода Баринава еще прикрывала посадку да двое пленных ждали своей очереди.

На дороге снова мелькали машины, шли они и с запада, от Вадсё, и с востока, от Вардё и Киберга. У места недавней схватки притормаживали, иногда останавливались, слышалась беспорядочная стрельба.

Пошел третий час утра. Прожектор от Стурре-Эккерее опять вспыхнул и стал светить в сторону моря.

На катере допрашивали первых пленных. Они оказались

чехами. По их словам, проскочившая машина поднимет тревогу и из гарнизонов Киберга и Вадсё на место происшествия быстро подъедет подкрепление.

От Комагнеса показала еще колонна машин.

Время подошло к трем часам. Леонов, поднявшись на борт тринадцатого, сказал, что все люди с берега сняты и посажены на катера. Четверо пленных из 64-го зенитного полка и двое чехов из автодорожной роты ждали решения своей судьбы.

Катера взяли курс на Рыбачий. Через час они ошвартовались в Пумманках.

Глава двадцать пятая

Группа Сверре Сёдерстрема после полугодичной вахты, полностью выполнив задание, возвратилась на свою базу под Мурманском. На смену им пришли Алексей Чемоданов и Александр Чаулин. Они должны были дежурить у этой северной оконечности Европейского континента до осени.

Сёдерстрем, пока его напарники доставляли с подлодки груз для новых вахтенных и забирали трофеи уходящих домой, провел Чемоданова и Чаулина по своим недавним владениям, показал, в каких местах безопаснее всего укрывать имущество, откуда надежнее держать связь с базой.

Ни Чемоданов, ни Чаулин по-норвежски не разговаривали, поэтому в их задании не намечались встречи с местными жителями. Из радиogramм Сёдерстрема в отделе знали, что сотрудничество с жителями округа налаживается трудно. Но всех деталей из шифровки не узнаешь.

Сверре рассказал Чемоданову, что контакты с жителями прибрежных селений не получились, они запуганы массовыми арестами и казнями. Поэтому ходить в соседние поселки и хуторки смысла не было.

В обязанности Чемоданова и Чаулина входило наблюдение за морем и небом, за плаванием кораблей и судов, за полетами самолетов.

В задании особо оговаривалось, чтобы на связь выходили только при острой необходимости, когда обнаружат кон-

вой или отряд боевых кораблей, либо при иных чрезвычайных обстоятельствах. Слушать их будут непрерывно. Задания командования пойдут только по расписанию, поэтому радиogramмы из базы предписывалось слушать в назначенное время. Если радист из Полярного не отстучит своих позывных — не волноваться, помнить, что им сидеть полагается как можно тише.

Потом все спустились к самому урезу воды, где горкой лежал весь их полугодовой запас, а имущество уходящих перенесли в лодку. Чемоданов и Чаулин распрощались со своими друзьями по отряду Степаном Мотовилиным и Виктором Нечаевым, перекинувшими их на берег. Шлюпки пошли к подлодке. Оставшиеся долго махали им вслед. Вспомнилось, как они с переправщиками и старшим лейтенантом Соколовым в губе Оленьей, подальше от лишних глаз, перегрузили все свое имущество с бота на подлодку и пришли сюда, чтобы принять вахту. Взморстнулось. У Чаулина даже голос надломленно засипел.

Но долго горевать не пришлось. Впереди дел было невпроворот: поднять на себе от моря в гору весь груз, рассортировать его, разложить по таким укромным закуткам, чтобы в каждом находилось все необходимое, надежно упрятать от воды, от зверья, а особенно от чужого глаза.

Хлопот по обустройству ожидалось поменьше, их предшественники за полгода место обжили, кое-какое хозяйство оставили. Особенно ценной была железная печка, небольшой запас дровишек да шалаш из плащ-палаток и прутьев.

Два дня ушло на все эти хлопоты.

Потом заступили на дежурство. Обзор был отменный, время светлое, весеннее, все чаще светит солнце, на десятки миль никто незамеченным не проскользнет.

Командир группы Чемоданов годился радисту чуть ли не в отцы: Алексею исполнилось тридцать четыре года, а Саше Чаулину, недавно закончившему Соловецкую школу юнг, только восемнадцать.

По привычке, которая сложилась еще в отряде, в Полярном, Саша обращался к командиру на «вы». Чемоданов старался как-то сгладить должностную разницу, просил Чаули-

на называть его просто по имени. Но Саша не мог фамильярно относиться к командиру, заложенное в семье почтение к старшим за два года флотской службы подкрепились уважительным отношением к командирам. Единственно, чего смог добиться Чемоданов, — заставить Чаулина обращаться к нему безличным «командир», без слов «вы» и «товарищ». Сам он называл Чаулина по-отечески Сашей.

Хотя и близок Нордкин и нередко еще задували с полюса, от ледяющей Арктики холодные ветры со снегом, солнце с каждым днем поднималось выше и выше, грело жарче. Снега таяли все быстрее. Сначала обнажились каменные гряды, за ними вылезли из-под снега южные скаты. И вот уже зазеленели полянки, среди мшаника зажелтели крохотные, не набравшие силы и яркости цветочки. Зарумянился иван-чай, появились листочки на карликовых березах.

На вахте днем можно было сидеть без полушубка, ушки у шапки подвязывать не у подбородка, а на голове. Но ноги без валенок стыли, а вечером поверх ватной фуфайки приходилось еще набрасывать полушубок.

Плывущие конвои стали обнаруживать почти с первых дней. Обычно они шли один за другим с интервалом в несколько суток. О них доносили на базу.

Днем все чаще усаживались на скамеечке вдвоем, молча глядели на море. Иногда завязывалась неторопливая беседа. Спешить им было некуда, впереди были долгие месяцы сидения на берегу, где кончается суша и простирается необозримый океан воды и льдов.

Чаще всего говорили о войне. Обсудив прослушанные сводки, прикидывали, где последует очередной удар советских войск. Когда тема обсуждения иссякала, переключались на дела домашние.

Чемоданов тосковал о семье. Он редко об этом говорил вслух, чтобы лишний раз не бередить душу, но иногда накатывала гнетущая грусть о доме, о родных, о жене... Он отчетливо помнил отца, которого лишился в одиннадцатилетнем возрасте, ласковое прикосновение его шершавых рабочих рук, гладивших сына по вихрастой чернявой голове. Часто вспоминал мать, Вассу Ивановну, растившую его в де-

ревне Нижние Баки Шарканского района Удмуртии. С нею он не расставался до самого ухода на военную службу. В 1932 году его призвали в пограничные войска. Отслужил срочную, вернулся домой, но через два года по комсомольскому набору поехал на строительство Мурманска. Здесь его застала война.

Сразу же после мобилизации его послали во флотскую разведку. С лета 1941 года для него начались пешие дальние походы, высадки на вражеский берег с моря. Много дорог исходил, еще больше изведаль.

Жена — Зоя Михайловна Тимофеева — с начала войны была в эвакуации в Ижевске и работала в военном госпитале. Разлука не позволяла теперь самому почитать дорогие строчки, написать теплое, душевное словечко. Только время от времени в короткой радиограмме с базы сообщали, что жена жива-здорова, просит не беспокоиться. Это хоть немного утешало.

Как-то сидели под пригревающим солнцем на дощечке, положенной на два плоских камня, отчего она походила на короткую скамью. Соорудили ее еще их предшественники. За многие месяцы наблюдения с нее за морской далью она так залоснилась, что стала отполированной.

Теплая погода, безветрие, пустынный простор моря навевали спокойствие, настраивали на неспешные разговоры.

— Вот кончится война, командир, и жизнь наступит интересная. Я ведь еще по-настоящему и не пожил. В шестнадцать лет пробился в школу юнг. В отряде походил да сюда. — Чаулин, отбрасывая прутиком от ног галечник, склонил голову, чтобы командир не заметил его потускневшее лицо.

Родился он и рос в деревне Высоково Муромского уезда, потом родители переехали в Выксу, там отец поступил работать на оборонный завод.

— Да, маловато ты повидал в мирной жизни. Это я хватил и сладкого, и горького вдоволь, соленого оказалось даже через край. Жду, что после войны сладкое с горьким уравняю, — размышлял Чемоданов.

— Я сначала пойду учиться. Хочу получить основатель-

ную специальность. На высшее пока не замахиваюсь, а техникум хочется закончить.

— Это тебе вполне доступно. Молодой, семьи нет. Три года проучишься и станешь техником.

— Я иногда раздумываю, может, после войны пойти по другой дороге...

— Не советую. Иди по своей сегодняшней. И учиться будет легче, и специалистом станешь классным. Такого опыта, как у тебя, нынче не часто найдешь. После войны примут на учебу с распростертыми объятьями. Было бы желание. — Чемоданов настраивал Сашу на реальное дело.

Саша представлял будущее смутно. Он верил, что на смену войне придет совсем другая жизнь для всех людей. Какая она будет, точно не представлял, но что она станет лучше, в этом не сомневался. Он не мог вообразить, сколько трудностей свалится на людей, не знал, какой неимоверный труд потребуются, чтобы залечить военные раны.

— Доживем до победы, вернемся домой и заживем в достатке, — мечтательно говорил он Чемоданову.

— Почему ты так считаешь?

— Много горя выпало людям, натерпелись они бед всяческих. По-другому теперь будут строить мирную жизнь, не забудут уроков прошлого.

— Я думаю, это светлое завтра наступит не скоро.

— Отчего?

— Много глубоких ран оставит война, долго будут они напоминать о себе.

Умудренный жизнью Чемоданов подсказывал своему молодому напарнику, что там, где прокатилась война, — все кругом изрыто, исковеркано, выжжено. И все это надо воскресить из пепла. Сколько людей она не вернет в родные дома! Четвертый год она уничтожает самых трудоспособных тружеников, и в тылу люди работают на износ. Как совместить, чтобы после победы восстановить испепеленное войной и дать роздых людям? Наверное, совесть не позволит глядеть бесстрастными глазами на порушенное и обгорелое. Вот и придется опять работать не покладая рук.

— Да я не думаю, что после войны все сложат ладони на

коленях и станут умильно глядеть на небо. Оттуда манна не посыпется. Но ведь и сознание людей будет другим. Придем мы с тобой, истосковавшиеся по доброй мирной жизни... Что же, опять горевать станем? Я считаю, радость наступит и счастье. Ведь плохих людей не останется, их война выметет.

— Конечно, дряни на земле накопилось с излишком. И фашистов, и предателей, и злодеев... Несомненно, война покарает их. Но кое-кто по темным щелям попрячется, подалее от глаз людских постарается скрыться. — Чемоданов строже оценивал людей, не считал их одинаковыми.

— Всех найдем...

— Не удастся. Это народ ушлый, не захочет за грехи расплачиваться. Станет себя другой краской красить, даже нас с тобой попробует очернить.

— Ну уж дудки. Ведь ясно, кто какую сторону баррикад себе выбрал. — Чаулин возмущенно привстал.

— Все не так просто. Многие маскировались, другие свидетелей с дороги убрали. Вспомни, сколько здесь, в Норвегии, погибло наших ребят, скольких норвежцев покарали. Ведь кто-то доносил? Их нелегко вывести на чистую воду.

— Так будем их искать, вылавливать и отдавать на суд человеческий.

— Трудно это.

Чемоданов вспоминал довоенные годы. Он сопоставлял то время с сегодняшним и понимал, что безропотно те, кто жил иными принципами и надеждами, из жизни не уйдут, от своих идеалов не отступят.

— И все равно заживем на зависть. Я верю в людей добрых, порядочных. О них читал в книгах, учил в школе. — Чаулин не прятал свою чистую душу.

— Ты прав. Таких людей большинство. Посмотри на нас. Ради чего несем такую тяжелую службу? Для чего каждый день жизнью рискуем? За светлую жизнь сражаемся, потому что верим в нее. Не было бы веры, не шли бы люди на смерть. — Чемоданов приводил Чаулина к мысли, кто станет созидать новую жизнь.

— Я об этом же толкую да и тебя убеждаю.

— Меня убеждать не надо. Я с тобой не спорю. Только думаю, что светлое будущее не поспешит само нам на встречу.

— Долго, по-твоему, оно не придет?

— Не знаю. Не пророк, но времени пройдет немало.

На следующее утро, когда солнце еще едва поднялось, сидевший на вахте Чаулин заметил, что на север, к морским просторам пролетели одна за другой две большие группы вражеских бомбардировщиков и торпедоносцев. Он разбудил Чемоданова, показал ему на гудящие самолеты. Быстро сообщили на базу, какие самолеты, сколько и каким курсом пронесли над ними.

Через несколько дней Чаулин вернулся к прерванному разговору:

— Помнишь, в прошлый раз ты сказал, что для достижения заветной жизни понадобится много лет. Неужели за пять или за десять годков не возродим все из пепла?

— Это можно сделать. Пройдет совсем немного времени, и люди будут сыты, обуты, одеты. И следов войны не останется, все приберем, почистим, и кров над головой каждый получит.

— О чем же еще беспокоиться? — недоуменно пожал плечами Чаулин.

— Какие сами люди будут.

— Какие... какие... Счастливые. И душа у каждого чистая, раскрытая.

— Чистые души не сами собой появляются, на это время надо. Дома-то построим. А вот все ли жильцы в них порядочными окажутся?

Чемоданов по-отечески внушал своему молодому напарнику, что люди неодинаковы. Одни работают не покладая рук, а другие стараются напрягаться поменьше, а урвать побольше.

— Мы с тобой бессребреники. Когда пошли сюда на задание, все нам для жизни на полгода дали. А торговались мы с тобой, сколько нам за это заплатят? Даже мысль такая в голову не пришла.

— А что еще надо?

— Нам — ничего. Но есть и такие, которые сначала спросят: а что я от этого буду иметь?

— Таких в разведке нет. — Чаулин не сомневался в своих сослуживцах.

— За всю разведку не говори. В нашем кругу не водятся. А в других местах есть. Я их видел и знаю.

— Разве есть такие?

— Есть. Опасные это люди. На языке у них елей, сладко говорят, а в мыслях — темно.

— Что же они смогут сделать?

— Войну мы скоро выиграем. В этом сомнений нет. Но идеальных людей в одночасье не народим.

— Я уже говорил, что фронтовики на свой манер жизнь исправят, с мерзавцами, если те останутся в какой щели, разделяются.

— Хотелось бы... Но это трудное дело. Сознание — штука сложная. Возьми хотя бы собственность. Как ее затронешь — за вилы, за ружье хватаются. Сколько честных людей за нее погубили! После войны не все будут жить в достатке. И кому-то захочется иметь больше, чем у соседа. Он и пойдет на хитрости. — Чемоданов помнил, что случилось, когда кого-то лишали собственности.

— Тем себя и обнаружит.

— Он не настолько глуп, чтобы лезть напролом. Найдет лазейку и будет поживать.

— А межнациональные проблемы. У нас в отряде большинство русских, но есть и украинцы — Михайленко, Лысенко, Григоращенко, Овчаренко, Коваленко... и армянин Джагарьян, и чуваш Толстов, и коми Черных, Артеев, и якут Катаев есть. Вместе в походы ходим, жизнью одинаково рискуем, друг друга из боя ранеными выносим. С норвежцами опасную службу делим, рядом гибнем.

— Так и должно быть. Мы же братья по классу.

— Все намного сложнее. До войны нам казалось, что братья по классу по ту сторону фронта сразу повернут винтовки против своих угнетателей. А вот уже три года воюем. И руки вверх они дивизиями не поднимают.

— Но мы-то ладим!

— Нас в отряде немного. Народы нашей страны связаны общей бедой, за общий дом дерутся.

— Что же, после войны поссорятся? — спросил Чаулин.

— Думаю, до того не дойдет. Будут возрождать страну. Но вера у людей разная, кто верует в Христа, кто в Магомета...

— Думаешь, и после войны будут верить?

— А как же?... Нынче в церквах молебны за победу служат. После войны станут погибших поминать.

— Теперь за веру не будут резать друг друга. Другая грамота.

— Кто его знает... Иногда в одном общежитии не ладят. Неумело дела пойдут — и ссоры возможны. Ведь не все встали на защиту родины. Армия генерала Власова против соотечественников воюет. Вот мы слушали по радио, что делают украинские националисты, прибалтийские... Передают, будто с Нижней Волги да с Северного Кавказа множество народа переселили. Легко это дело не кончится.

— Кому же все это налаживать?

— Нам с тобой. Придем с войны, засучим рукава да и будем строить новую жизнь.

— И я об этом говорю.

— Нет, ты утверждаешь, что жизнь наступит хорошая. А я говорю, что за нее еще придется основательно побороться. — Чемоданов разъяснял различные понятия. — На вас, молодых, вся надежда. Нынешние ребятишки тяготы войны на себе перенесли сполна. Они и будут главной опорой, на их плечи основная нагрузка ляжет. Успеть бы твердость духа в них укрепить, веру в наше дело в душах основательно закалить.

6 июня вахту нес Чаулин. Был солнечный летний день, припекало. Чемоданов сошел на ближней лощине собрать валежник, сухих веток для костра. Шагал спокойно, неторопливо. Время от времени поглядывал по сторонам. Иногда останавливался и из-за кустов или валунов оглядывал округу.

Вдруг заметил, что кто-то мелькнул впереди. Алексей плюхнулся на землю, прополз между кочками и кустиками к

камням, затаился возле них. Минут через пятнадцать силуэт в полроста юркнул за гребень невысокого увала. Алексей раздумывал, как ему быть. Тревожная мысль, как бы не взяли в клещи и не отрезали путь отхода, подтолкнула Алексея покинуть это место поскорее.

В ложбине густели кусты морошечника. Ягоды еще не распустились. Из-за этих кустов снова наблюдал за округой, никого не увидел. Но беспокойство росло. Выискивал взглядом бугристый завал камней, пополз к нему. Добравшись, отдохнул, отдышался. Локти, колени, одежда на животе промокли насквозь.

Снова приподнял голову и обшарил взглядом покатый спуск к югу от себя. Отчетливо увидел, как в сторону моря, к Оксе-фьорду, поспешно уходил человек, по виду гражданский, без оружия, с рюкзаком на спине.

Алексей, пригнувшись как можно ниже, пошел почти напрямую к своей точке. Мысль лихорадочно билась: прозевал наблюдателя, не уследил. Человек наверняка понял, что бродит по тундре не местный житель, поэтому и не пошел навстречу, а постарался скрыться.

В тревожном настроении Чемоданов вернулся к Чаулину, рассказал о случившемся.

Посчитали, что дело это очень неприятное. Ходивший по тундре их обнаружил и ушел. Как он себя поведет — неизвестно. Сёдерстрем предупреждал, что местных надо остерегаться. Как быть? Ждать нового визита или сразу уйти? Позицию жаль. Наблюдение здесь отменное, донесли уже почти о десятке конвоев, плывущих как на экране. Но враг может устроить облаву.

Вышли на экстренную связь с базой. В вечернем сеансе получили ответную радиограмму. Им предписывалось точку покинуть, уйти на запасную, предусмотренную в задании. Взять с собой все необходимое, сколько смогут. Остальное сжечь.

Чаулин отбил еще одну короткую шифровку, указал квадрат, куда сбросить груз.

Остаток ночи лихорадочно собирались в путь. До отказа набили рюкзаки, навьючили на них батареи к рации, запол-

нили патронташи и подсумки патронами и гранатами, запасные магазины к автоматам засунули даже в голенища. Переоделись во все чистое.

За полночь над округой повис туман. Он сгустился очень кстати. Подчистили все оставшееся имущество, снесли к мусорной куче, облили керосином и подожгли. Костер разгорелся факелом, но за туманом его наверняка не было видно.

Взгромоздили на себя поклажу и пошли к новому месту.

Конец ночи и первые утренние часы шли на север. В такое время редко кто ходит по тундре. Едва забрезжило, залегли, замаскировались кустами и отлеживались целый день. Люди в поле их обзора не попадались. Вечером опять двинулись по намеченному курсу.

К следующему утру вышли к Зунд-фьорду. Побережье здесь пустынное, безлюдное, жилья поблизости нет. Невдалеке Нордкин. Наблюдать отсюда за морем удобно, обзор далекий, караваны и суда непременно плывут перед глазами. Но тут заметно холоднее, ветер дует почти непрерывно. Оттого комаров было меньше, чем на прежней базе, воздух более сырой, колющий, пронизывающий.

Точку эту командование выбрало, видимо, потому, что трудно предположить, будто с суши сюда кто-то придет. Место нелюдимое, непривлекательное. Даже за ягодами редко сюда забредают.

Нашли крохотную полянку между торчащих из мшаника гранитных острых бугров, на ней устроились, сложили рюкзаки.

База сообщила, что 12 июня им сбросят продукты. Прождали весь день, но самолет не видели, хотя гул за облаками был слышен. Выброску не засекли. Походили по окрестностям километра на два-три, ничего не нашли.

Через пять дней получили новый сигнал базы о вылете самолета с грузом. И опять неудача.

Рюкзаки опустели. Жевали шоколад с холодной водой. Изредка попадались грибы, но ни сварить их, ни поджарить было не на чем. Ягоды еще не поспели, висели на веточках мелкие и зеленые. С голодухи жевали жесткие ранние ягоды

черной водяники. Они забивали рот множеством жестких зерен, но своим обильным водянисто-сладким соком немного освежали рот. Хотя они и не очень вкусны и питательны, но люди считают их целебными.

К востоку прошел караван — три судна в охранении семи сторожевиков. Выждали часа два, пока он скроется за мысом Нордкин, потом донесли.

Голод все более донимал. Минуло уже двадцать дней, как они ушли с прежней точки. Пробовали ловить рыбу, не получалось. Однажды все же в ручье перегородили камнями протоку выше и ниже заглубленной ложбинки, где плавала форель, забрели с двух концов и рубахами стали тянуть, как сеткой. Рыба металась, пришлось гоняться за ней. Вымотались, устали. После нескольких заходов рыба прыгнула на берег, где проворный Чаулин накрыл ее рубахой.

Ее очистили и крепко засолили, часа через два съели. Стало повеселее, потянуло ко сну.

Наконец, через несколько дней самолет вышел точно на них, сбросил тюки почти к выложенному сигналу. Все посылки получили в целости и сохранности.

Дежурство возобновилось. Сидели в накидках. Растянули из таких же накидок палатку. Собирали валежник, плавник, жгли костерок. Грели консервы, кипятили воду. Шел июль, верхушка лета. Потеплело. Опять возобновились дневные беседы.

Чаулину хотелось, чтобы скорее началась спокойная жизнь без потрясений, без постоянных нехваток. Война, думалось ему, все расставила по своим местам, обозначила позиции каждого. И он не раз возвращался к этой теме:

— Я думаю, немало мы по-другому осмыслили. То, что казалось темным, не стало светлым, однако его должно стать много меньше, сорняки эти люди выкорчуют.

— А я так не считаю. Большие усилия понадобятся, чтобы выскрести всякую шелуху и отребье. И еще, пожалуй, труднее сделать всех людей честными, бескорыстными. Тысячелетиями человека с младенчества учили — это твое, никому не давай, зубами вцепись, но свое сохрани.

— Но ведь мы и воюем за то, чтобы человек не лишал другого жизни ради присвоения себе чужого добра.

— Мы воюем не только за это. Мы бьемся за справедливое общество, за равенство, за братство людей. И я не сомневаюсь, после победы народ добьется этого. Засорена земля сорняками да паразитами. Из войны не все выйдут с такими убеждениями, как у нас с тобой.

— Почему?

— Да хотя бы потому, что не все сегодня взялись за оружие, чтобы защитить советскую Родину.

— Всем и не надо. Кто-то должен делать оружие, кормить, одевать, обувать нас. — Чаулин чувствовал, сколь недешево он обходится своему народу.

— На каждого из нас не один, а десяток людей должен работать. А этого и раньше не все хотели, не каждый рьяно брался.

— Я также думаю, что лодырей в одночасье не выведешь. Даже у нас в отряде.

— Дело не только в лодырях. Общество заставит их работать.

— Как?

— Кормить перестанет. Голод — не тетка, есть захочешь — на всякую работу пойдешь.

— Так кого же?

— Хитрецов. Кто как будто и на деле какую-то обязанность, пусть даже самую неprimетную, на заводе или в колхозе правит. Но весь вопрос: как эту работу исполнять? По совести или время отбывать, чтобы оплата сама собой карман наполняла.

— Таких сами люди разглядят и на всеобщее обозрение выставят.

— Кого-то выведешь, а другой так пристроится и прикроется, что к нему и не подкопаешься. Да возле него такие же присосутся. Или сам их к себе приглубит. И будут ходить возле работы ни шатко, ни валко. И жить припеваючи.

— Я думаю, такие не расплодятся. Что подобные людишки и после войны выживут — тоже не сомневаюсь, но жизни

долгой им не будет. Честные да прямые им ходу не дадут. Мы с тобой первые.

— Таких, как мы с тобой, и нынче большинство, и после войны тоже достаточно будет. Но и дармоеды и прихлебатели в обиду себя не дадут.

— Почему?

— Вот ты как пришел в разведку? — повернулся вдруг лицом к Чаулину Чемоданов.

— Добровольно, рапорт командованию подал.

— И я тоже добровольно. И отряд наш с первых дней войны назывался добровольческим. На такое рискованное дело нужны люди с крепкими нервами и выдержкой, идущие по своей охоте. Лучше всего на него посылать по их желанию, надежнее. Сколько таких с флота под Сталинград отправилось... Там нужнее.

— Но ведь большинство флотских профессий не требует согласия.

— Да, на те посылают по распределению. Да ведь на флот берут не всякого. А кто и пришел по призыву — служат честно. В этом гвоздь. Вот сачки, или, как их точнее зовут, захребетники, будут искать удобные места и хитро в них приспособливаться.

— А мест таких хватит?

— Если не хватит, они для себя их придумают. Одно дело — быть горновым у печи, уголь в шахте рубить, другое — ходить с мерным угольником и дощечкой и записывать, сколько бабы успели сжать. Или так: один в небе летает, его собрат в штормовом море ходит, а иной за бесценое что-то добывает в одном месте и втридорога перепродает в другом. Даже здесь такие встречаются. Придут с караваном из-за границы и приторговывают то чулками, то помадой. Да не втридорога, а побольше.

— Их отлавливать полагается, — считал Чаулин.

— Если попадают, больше их не пускают в плавания. Долго придется от них избавляться.

Подошло время, когда они обычно слушали Москву. Столичные передачи радовали душу, поднимали настроение. Армия успешно наступала. Короткие сводки Информбюро

запоминались сразу. Часто настраиваться на Москву не позволял запас батарей, пользовались ими бережливо. Этому их настойчиво учили и инструкторы на базе, и вернувшиеся с таких же заданий товарищи.

Москва передавала в те дни, что началось освобождение польских земель, в Минске состоялся парад партизанских соединений Белоруссии, а по московским улицам проконвоировали более 57 тысяч пленных, захваченных Белорусскими фронтами.

— Воевать осталось не так уж долго. Свои земли почти все вернули. Теперь предстоит выволить соседей из неволи.

— И союзники наконец-то второй фронт открыли. Теперь дело пойдет быстрее. Может, и нам с тобой полегчает.

— Каким образом?

— Норвежцы тоже почуют скорый конец войны. Не всякий поспешит доносить немцам о ком-то из наших...

— Ты мне не единожды говорил, что советуешь после войны учиться. Я сам об этом и раньше думал, а теперь твердо решил: пойду добывать образование.

— Ты к верному выводу пришел. В мирной жизни наука понадобится на меньше хлеба.

— Только ведь нелегко будет. Сколько сразу после десятилеток ребят в армию забрали... Мы вот, недоучившиеся, вернемся. Да те, кто нынче учится в школе, не остановятся, пойдут дальше. Нам, может, и мест в техникумах да в институтах не хватит.

— Я думаю, что для фронтовиков предусмотрят привилегию.

— И от учебы мы отвыкли, парта стала узкой.

— Была бы тяга к знаниям, а привычка да усидчивость привьются.

— Придется еще на несколько лет подтянуть ремень. Стипендия ведь не ахти какая.

— Нам не привыкать. Не разбалованы обильными харчами. Выдержим и это.

— Я в себе не сомневаюсь. Добьюсь своего. Но ведь не

все готовы к этому. — Чаулин пытался представить себя в окружении однокашников по техникуму.

— А всем и не надо. Пусть учатся те, кто науку по-настоящему постичь жаждет да у кого есть способности. Соберется, скажем, кто-то учиться на врача, а голова у него агронома. Зря займет чужое место да и свое время попусту убьет.

— Выбрать профессию по себе не каждый способен. Если бы все разумели, меньше было бы плохих портных, неспособных архитекторов. Даже в футбол гонять, и то талант требуется.

— Призвание иногда проявляется не скоро, к зрелым годам. До этого человек немало намыкается, шишек набьет.

— Тут наставник нужен.

— Да, очень бы пригодился. Но иногда попадают такие поводыри, что направляют человека не в ту сторону. И будет он маяться, портить жизнь и себе, и людям.

На исходе был пятый месяц их вахты, почти три из которых они дежурили на новой точке.

Кончался август. Временами с моря уже задувал ветер со снегом. Тундра потемнела, зелень стала тусклой, поникшей, ягоды переспели, вытекли.

Ребята прикидывали, когда их снимут. По подсчетам, оставалось сидеть у моря всего с месяц. Впереди был сырой и холодный сентябрь.

В последних числах августа им снова сбросили груз. По набору продуктов и вещей да из записки оперативного командира поняли, что снимать их не обещают, да и дела им добавится.

Весть эту приняли без восторга. В холодную осень оставаться не хотелось. Скоро разыграются такие штормы, что подлодке подойти сюда за ними будет опасно.

Они чувствовали, что назревают какие-то события. Несмотря на непогоду, оживилось движение вражеских судов и кораблей.

В передачах московского, немецкого, норвежского ра-

дио все чаще упоминался север. Вероятно, приближалось время наступления и на этом направлении.

Теперь реже сидели вместе. Все больше донимал холод. Свободный от вахты промышлял в поисках топлива. Костерок жгли маленький, аккуратный, в очажке из некрупных камней. Разговоры вели, глядя на огонек и на тлеющие угли.

Чаулин, вспоминая о прошлых беседах, говорил, что в их нынешнем деле тоже специалисты нужны. И после войны надобность в разведке не отпадет. Чемоданов считал, что им с Сашей, наверное, придется расстаться с разведкой. Ему годов много, новое образование добывать поздно. А Чаулину лучше продолжить занятия радиodelом, либо работать на новейшей радиостанции, либо самому такие изобретать да делать.

— Война повыстригла народу тьму-тьмущую. Все они домой не вернутся. Другие должны будут встать в трудовую шеренгу. — Чаулин пытался прогнозировать послевоенную судьбу.

— Много станков да полей обезлюдует. Вся надежда на юность новую, на молодняк, на подростков.

— А фронтовики?

— Их не хватит на все. Жена мне писала, что в деревнях больше половины мужиков, ушедших на войну, погибли. Похоронки чуть не в каждом доме. Осиротела земля и оскудела. А раненых сколько придет, изувеченных. Они ведь тоже не работники. — Чемоданов задумывался, каково будет безруким, безногим, слепым...

— Тягостная ребятишкам жизнь уготовлена. В войну радости не видели и после не поедят досыта, зато работы будет вдоволь.

— Что поделаешь?.. От войны не убежали и от послевоенных тягот и неурядиц никуда не денемся. Всем достанется нести эту ношу.

— Если бы несли ее все поровну, легче каждому пришлось. Поймут, я думаю, люди и все в этот воз впрягутся.

— Сомневаюсь. Ты ведь знаешь, незадолго до нашего ухода в Мурманске выловили банду. С оружием, подлецы,

были. Людей грабили, отнимали скудные харчи да одежонку. Ничем не брезговали.

— Таких надо казнить на месте. — Чаулин на пакости смотрел бескомпромиссно.

— Может, кого-то и покарать надо. Но по закону. Самосуд нельзя устраивать. Так можно и безвинного обидеть. Но я говорю о том человеческом отребье, которое не воюет и не работает, а живет за счет людского горя. Так вот меня беспокоит, что они останутся, когда мир наступит.

— Не может того быть. Люди такого безобразия не потерпят. Они потребуют, чтобы от этой скверны землю очистили.

Пошел последний месяц тому заданию, на которое их послали. Тоска по Полярному, по отряду, по друзьям становилась с каждым днем все острее. Временами накатывала вялость, не хотелось делать что-то долговременное. Топливо собирали на берегу только на ближайшую неделю-полторы. Теплого шалаша или землянки себе не строили. Зимовать на этой точке не собирались.

Гроном среди ясного неба обрушилась расшифрованная Чаулиным радиограмма, в которой им предписывалось хозяйство свое свернуть, все ненужное и лишнее уничтожить, а самим возвращаться на базу «по зеленой».

В первые мгновения настолько опешили от неожиданной вести, что не могли вымолвить ни слова. Первым опомнился Чемоданов:

— Тут что-то не то. Нас, наверное, с кем-то перепутали. Отсюда топать «по зеленой» — сколько сот километров? Силы на исходе, дойдем ли?..

— Ошибки быть не может, командир. Позывные наши. — Чаулин сказал это как-то отрешенно.

— Да я не о радисте сказал, об отделе. И то сгоряча. Такие вещи не путают. Давай посмотрим на карту.

Достали из планшета карты. Положили одну, заметили свое место, прошлись пальцами и взглядом по ней до кромки, приложили к ней следующую. Потом еще одну... Только в конце пятого листа нашли ту точку, где обычно случаются

встречи с нашими передовыми частями у оконечности «зеленой». Измерили маршрут. Получилось 360 километров. Это по прямой. Не считая зигзагов, обходов гор, болот, озер, переправ через бесчисленные реки и ручьи.

Сели в раздумье. Для чего требуется идти в такую даль пешком? Ведь подлодка может снять их прямо с нынешней точки, нужно только спуститься к урезу воды...

— Саша, пиши радиogramму, что возражаем. Очень устали, силы на пределе, такой путь не одолеть. Просим снять отсюда.

Чаулин отстучал радиogramму в базу. Через два часа получили ответ, но он не принес ни малейшей радости. Приказ о пешем марше подтвердили.

— Пиши новую радиogramму. Продукты на исходе, в маршрут идти не с чем.

Ответ на нее готовили в Полярном дольше, пришел он через шесть часов. Им сообщили, что продукты и все нужное сбросят, куда они укажут. На марше держать связь по расписанию.

Последняя надежда на скорый возврат домой исчезла.

— Давай, Саша, поедим, потом будем думать.

Развели костерок, вскипятили воды, разогрели консервы. Плотно покушали. Впервые за едой сидели молча. Каждого угнетали думы о нежданном задании. Рассудок не мог смириться с приказом.

После еды опять разложили карту. Неторопливо стали выбирать маршрут, вглядываясь в сопки, лощины, ручьи и речки, прикидывая, куда идти, чтобы миновать селения, дороги, посты.

С тоской и горечью начали разбирать имущество. Теперь его было меньше, но для похода полагалось отобрать только самое необходимое. Не обойдешься без продуктов, нужны батареи к рации, при себе должны быть автомат, пистолеты с патронами, гранаты. Понадобятся плащ-палатки.

Котелок, изношенную одежду, немного продуктов, что не втиснулись в рюкзаки, сложили в кучу и сожгли.

Начался трудный переход. Брели по неглубокому снегу. Местами было скользко, на откосах наледи, шагать прихо-

дилось осторожно. Вырубили посошки. Руки и ноги непрерывно находились в деле: то из одной в другую посошок перекидывали, то автомат придерживали, то рюкзак или под сумки подправляли.

Перед утром прошли через свою старую базу. Хотя ее припорошило снегом, но чувствовалось, что кто-то тут побывал.

Задерживаться не стали.

От материковой вершины Оксе-фьорда пошли берегом ручья. Он через порожки, как через ступеньки, взбирался к своему истоку на юго-востоке, откуда был почти прямой путь к узенькому перешейку с Нордкина на материк.

Прошагали маршем двадцать километров с двумя маленькими привалами. Устали основательно. Рассвело. Устроили себе большой дневной привал.

Как только сгустились сумерки, снова отправились в путь. Рассчитали, что перед утром должны проскочить перешеек и выйти в горы на материке. Там надеялись надежно укрыться и опять днем отлеживаться в ожидании вечерней темноты для очередного марша.

Этот бросок тоже удался. Перешеек пронырнули в темноте. В домах хуторочков справа и слева не светилось ни одно окно.

Подъем на гранитный скат за перешейком оказался крутой, тяжелый. Почти отвесные спуски с него обращены к северу, их залепило снегом, местами потеки талой воды протянули длинные, на несколько метров наледи. По ним еле-еле вскарабкались наверх. Прошли еще километра полтора и опять остановились на привал.

От Зунд-фьорда ушли почти на полсотню километров. Впереди было более трехсот.

— У меня не выходит из головы, зачем нас отправили пешком? — После того как подготовили себе в кустах лежанку из нарубленного лапника, Чаулин заговорил с Чемодановым о том, что было в мыслях каждого.

— Я тоже ничего не понимаю. С моря подойти хотя и опасно, но можно.

— Может быть, решили дать нам новое задание на марше? С кем-нибудь связаться или кого-нибудь выручить?

Но доводы эти казались не очень убедительными.

Шли по маршруту день за днем. Селения попадались все чаще. Обходили их стороной. Видели и людей, но встреч с ними избегали. Еще через два дня перешли дорогу, что протянулась от Киркенеса к западному побережью Норвегии вплоть до Тромсё. Перескочили ее ночью, когда у шоферов наступала пауза на отдых и машины не ходили.

Повернули на юго-восток. Снегу стало меньше, он лежал местами и неглубоким слоем. Идти легче, сапоги намокали не сильно, на привалах их удавалось проветрить, подсыхали и портянки: их сушили на ходу, подвесив к рюкзакам.

Автомобильная дорога пробегала недалеко, на привалах разглядывали ее в бинокль. Грузенные машины катились на запад с короткими перерывами. Иногда их считали. Об увиденном и замеченном радировали на базу.

Проходили за сутки километров по тридцать, иногда и более, если путь оказывался не очень тяжелым, не было крутых спусков и подъемов, переправ через большие ручьи и глубокие речки. Холмы от Лаксе-фьорда до Тана-фьорда невысокие, покатые, поросли густыми зарослями кустарника и ветвистыми искривленными деревьями. Без особой боязни шли через них и днем. На марше почти не разговаривали.

С каждым километром приближались к Сер-Варангеру. Селения встречались все чаще, граница со Швецией суживает проход до моря в узкую горловину, прижимая шоссе к берегу фьорда.

В тундре и перелесках былолюдно. Разведчики опасались всякого глаза, но особенно остерегались охотников: ведь разрешения на оружие давались только тем, кто был в доверии у полиции и в чести у немецких властей.

Невдалеке лежал Тана-фьорд с впадающей в него широкой и глубокой рекой Таной. Переходить его по мосту у Сейды немыслимо, там находились контрольные посты, через них без проверки не проскочишь. Идти вблизи берега реки тоже рискованно, селения и хуторки встречались часто.

А там всегда люди. Повернули на юг, чтобы где-то поблизости от границы со Швецией пересечь реку.

Чуть южнее селения Скиперкарст вышли к берегу. Остановились у крутого спуска, впереди бурлила широкая река.

Наблюдали из засады целый день. Машины шли довольно часто, люди ходили по дороге и возле нее. Видели на реке лодки. Последили, где они пристают.

Днем переходить дорогу и реку было немыслимым. Прождали весь день и вечер.

Ночью осторожно пошли к поселку. Еще не все огни в домах погасли, когда они пересекли дорогу и спустились к самой воде. Прошли берегом чуть больше полукилометра. Носом на обсушке стояло несколько шлюпок, якоря с цепями вынесены подальше от воды. Взяли первую попавшуюся, внесли якорь, бесшумно сложили цепь, столкнули лодку в воду, вскочили в нее и ухватились за весла. Гребли изо всех сил, старались, чтобы не снесло вниз. Все время поглядывали на приближающийся правый берег, стараясь не попасть к селению.

Причалили к отлогому берегу. Лодку подтянули носом на сушу, уцепили за землю якорь и, не мешкая, заторопились подальше от этого места.

В очередном разговоре с базой попросили сбросить им продукты на западном берегу озера Гарше, указали квадрат. Полярное ответило, чтобы приготовились принять груз 9 октября. В этот день рано утром пришли к назначенному месту, отстучали короткую радиограмму.

Перед вечерними сумерками самолет прошел над ними, сбросил тук. Разведчики видели, где он упал, нашли сразу. Хотя оболочка и порвалась, продукты и вещи не пострадали. Забили под завязку рюкзаки, сменили белье, одежду, обувь. И снова пошли на юго-восток.

Одолели почти полпути. Устали, намерзлись и намокли. Спали урывками то днем, то ночью, под открытым небом. Моросил дождь, сыпала снежная крупа, до костей пронизывал штормовой ветер. Но с каждым километром приближалась своя земля. Согревала надежда на скорый приход домой, подталкивала ноги шагать быстрее, снимала усталость.

Вышли к дороге невдалеке от Нейдена. Впереди самый узкий участок норвежской суши между шведской границей и Варангер-фьордом.

Невольно пришлось приблизиться к шоссе. Их удивило необычное множество машин и конных повозок. Колонны с грузом, иногда с солдатами ехали днем и ночью сплошной чередой.

Включили приемник послушать известия. Радио передавало сообщения о начавшемся наступлении советских войск в Заполярье.

— Вот в чем причина, а мы с тобой недоумевали, отчего такое обилие транспорта на дороге, — воскликнул Чаулин.

— Теперь нам надо беречься пуще глаза. Наверняка немцы поставили дополнительные посты да и подвижные дозоры добавили. Будем держаться подальше от дорог, днем больше не пойдем.

В следующей радиограмме им приказали выйти к дороге Петсамо — Рованиеми, выбрать позицию, старательно замаскироваться и доносить о том, что увидят.

— Вот, оказывается, зачем нас сюда отправили. — Чаулин, принявший радиограмму, раньше командира узнал ее содержание, но выдержал, пока Чемоданов прочтет маленький листочек.

— Да, теперь ясно, зачем нас заставили топать сюда. Только неужели других сюда нельзя было забросить? Ведь мы отмахали почти триста километров.

— Может, все на постах? Ведь началось наступление...

— Двоих всегда найти можно... — Чемоданов старался осмыслить суть приказа, понять, почему именно их заставили идти в такую даль для выполнения задания, но убедительного объяснения так и не нашел. У командования были какие-то свои соображения.

— Нам надо забиться в такую щель, чтобы коршун не высмотрел, — продолжал он размышлять вслух и советоваться со своим молодым напарником. — Залезть в нее и носа не высовывать. Если фронт двинулся, он и сюда докатится. Только бы своих дождаться...

Разложили карту, склонились над ней, выбирая, куда и

как идти на новое задание, выискивая место, где можно спрятаться и видеть все нужное.

Долго изучали карту.

— От нас до Нейдена всего километров десять. Ночью пройдем лесом между городом и границей. Потом повернем на юг.

Их дальнейший путь шел почти все время по равнине, болотами, через множество ручьев, возле мелких озер.

Разобравшись, куда идти дальше, сели отдохнуть. Разведчики одолели длинный и тяжелый путь. Почти рукой подать до своей земли. Дорогу к ней «по зеленой» Чемаданов знал отменно, ходил по ней много раз начиная с лета 1941 года. И он не сомневался, что пройдет этот путь по осенним сумеркам без ошибок. Только сначала надо выполнить задание, не напороться на засады, не ухватить за собой погоню.

Радио сообщило, что советские войска выбили немцев с Западной Лицы, отбросили через границу. Десанты высадились в Лиинахамари, рядом с Петсамо. Фронт приближался. Только бы выдержать последний рывок, успеть выскочить из ловушки, в которую они поневоле лезут. А затем родная земля, дом, отдых, друзья. И быть может, война для них на этом закончится.

Поздно вечером 14 октября вышли к Нируду. Подыскивали невысокий бугор с нагромождением валунов наверху, по склонам которого разросся кустарник, а на вершине несколько извилистых берез с опавшими листьями. Лучшего места в округе и искать не надо было. Основная дорога на противоположной стороне реки, всего в полукилометре, видна отчетливо.

Тут и устроились. Устлали землю лапником, возле кустов наставили наломанные ветки ельника. Долго наблюдать лежа утомительно и холодно, приходилось вставать и разминяться. Далеко отойти нельзя — могли заметить. Ходили пригнувшись да приседая. Ночью отходили подальше разминяться и погреться.

Против ожидания, машины и обозы ехали почему-то не на юг, а на север. В колоннах везли на прицепах орудия, боеприпасы, тащили тяжелые минометы. Ночью на северо-вос-

токе временами по краю неба сияли сполохи, слышались звуки артиллерии.

Дежурство несли по очереди, спали часа по два-три, дольше не выдерживали от холода, потом менялись вахтами. Раз в сутки передавали радиogramму, сообщали, что видели со своей точки.

Была поздняя осень, ненастье, слякотно. Ветер менялся за сутки не единожды. Если он дул с материка, с юго-востока, то сыпал зернистым, крупитчатым снегом, засыпал их на лежбище, под ним меньше продувало, было теплее. Но как только поворачивал с севера, с моря, приносил морось, мокрый снег, а то и дождь. Тогда на точке мочило сверху и снизу. Хуже, чем при морозе. Слякоть пронизывала, студила, сводила руки и ноги. Согреться было нечем, огонь развести не могли, а холодное небо низко висело над головой. За седьмой месяц пребывания на воздухе ни разу не посчастливилось заглянуть в помещение. Надышались свежего воздуха до отвала.

Во второй половине дня 20 октября дежуривший на приемном центре радист принял экстренную радиogramму: «Окружены... Отстреливаемся... Прощайте...»

На этом связь прервалась. Навсегда.

Глава двадцать шестая

Петсамо...

С первых дней войны в сводках, в массовой печати и в штабных документах замелькало это географическое название. Три года оно было за чертой, разделившей море и сушу фронтом. Там давно стоял неприятель.

Теперь по всему чувствовалось, что недалек тот час, когда придет сюда освобождение.

Разведчики Отряда особого назначения лучше других знали то место, но чаще думали не о нем, а о Варангере.

Если взглянуть в карту, видно, как недалеко от входа в залив Петсамо высунулась из воды каменная громадина, высоким горбом торчащая над фьордом. Это мыс Крестовый.

Первопроходцы называли его так, видимо, потому, что он перекрещивает собой Печенгскую губу, которая тут делает крутой изгиб к западу, образуя широкую и спокойную бухту.

В военные годы немцы соорудили тут крепкий узел обороны: батарею дальнобойных береговых орудий, чтобы в горло залива не посмел сунуться ни один корабль, зенитно-противокатерную, которой можно отбивать атаки самолетов на Лиинахамари, и малую противодесантную. Кроме того, в каменных двориках разместили малокалиберные пушки, пулеметные огневые точки.

Если смотреть сверху, кажется, будто кто-то огромным циркулем вычертил на поляне большими окружностями полдесятка бетонированных двориков, диаметр каждого около двадцати метров. В четырех чашах на монолитных фундаментах находились орудия, а в пятой — пункт управления с дальномером, приборами, узлом связи.

Вся оконечность мыса Крестового напоминала оцетинившегося ежа. Через эту укрепленную позицию практически было немыслимо прорваться с моря в залив. В штабе Северного флота знали только о том, что на Крестовом находится мощная противокорабельная батарея, об остальных информации не было.

В первых числах октября привычным путем через Мотовский залив отряд перешел на катерах в Озерко. Ему предоставили временные землянки невдалеке от причалов. Командование на этот раз ужесточило порядок несения службы, у ребят почти не было возможности навестить соседей, сходить в клуб, в недалшний медсанбат.

Как-то под вечер из штаба Северного оборонительного района вернулись Леонов и Гузненков и объявили приказ собираться в боевой поход.

Проводить отряд пришел на причал член Военного совета флота вице-адмирал Николаев, человек большой сердечной щедрости. Он любил приходить в маленький отряд разведчиков в дни радостные, награждал отличившихся, был участлив в горестях, разбирался в неудачах, распекал за провинности, наказывал за погрешности. Всякое в жизни бывало. Приезжал часто без видимого повода, по-дружески

говорил в матросской столовой: «Заехал к вам на огонек». Ему наливали, как и всем, в зеленую эмалированную кружку «наркомовские» сто граммов, предлагали обычную еду. За обедом завязывался душевный разговор.

И на этот раз, прощаясь с отрядом, он сказал, что командующий приготовил разведчикам задание наивысшей сложности: береговые батареи, преграждающие вход во вражеский порт, должны умолкнуть.

— Вы называетесь Отрядом особого назначения. Поэтому и задание вам поставлено особое. От его выполнения многое будет зависеть. Вы не однажды удачно выбирались из тяжелейших испытаний, командование и на этот раз верит в вас. Вы будете не одни, помогать вам будут и фронт, и флот. Желаю вам удачи. До скорой встречи.

Как позже написал в своих мемуарах адмирал Головкин, операция эта «выносилась за скобки», ее готовили в строжайшей тайне, даже выходявшие вместе с отрядом в десант командиры частей не знали цели этого похода. Очень немногие в штабе флота да командир разведчиков были посвящены, куда и зачем они посылаются.

Немецкое командование не предполагало, что советские десантники дерзнут высадиться на причалы порта в глубине Девкиной заводи, поэтому с моря оно считало себя неуязвимым. В худшем случае предполагалась атака с суши, от Мустатунтури или Петсамо.

Малый десант сел на катера с отдельного пирса, остальные десантники его не видели. Два «малых охотника» и торпедный катер приняли на борт сводный отряд. Командовал звеном катеров старший лейтенант Борис Лях, старый боевой друг флотских разведчиков. Это он глубокой осенью 1942 года на свой страх и риск пробился к вражескому берегу и выручил из неминуемой беды остатки Отряда особого назначения, вырвавшегося из окружения.

Едва успели сгуститься сумерки, как по всему южному побережью Рыбачьего, на перешейке к Среднему, из укрытий, из-под маскировочных сетей, из землянок выползли и зашевелились тысячи людей, потянулись к берегу, к причалам. Это изготовилась в десант бригада морской пехоты,

батальоны и роты из оборонительного района. Одни шли на причал в Озерках, им плыть через Мотовский залив на побережье от Титовки до Пикшуева. Бригада подтягивалась на посадку в Большую Волоковую, в Пумманки. Значит, ей десант уготовлен с западной стороны либо через Малую Волоковую между Мустатунтури и заливом Петсамо-вуоно.

Невелик перешеек со Среднего на материк, в нем всего шесть километров, да вдоль него протянули хребет Мустатунтури. Это крепкий орешек, за три года немцы возвели здесь жесткую оборону.

Ударом сбоку, с моря, со стороны губы Малой Волоковой можно помочь штурмующим Мустатунтури, заставить немцев оглянуться назад, драться там, где они не предполагали.

Под покровом темноты отошли от пирса. Позади остались Пумманки, причалы, у которых швартуются катера, землянки, где отряд по соседству с катерниками прожил две зимы.

Катера шли Варангер-фьордом, старательно прячась от чужого глаза и уха: моторы были переведены на подводный выхлоп, сигнальные огни погашены, радиопередатчики молчали. И погода была как будто с десантниками заодно: мела пурга, снежные заряды нахлобучивали серую мглу на катера. Только с суши временами шарили по небу и морю проекторы да взлетали осветительные ракеты.

Короткое время перехода промелькнуло мгновением. Вплотную подошли к камням, бурлящим прибоем, выбросили трапы. Концы их чуть не дотянулись до береговой кромки, плюхнулись в воду. Матросы-катерники сбегали по ним и, стоя по колено в воде, на руках удерживали сходню, помогали разведчикам быстрее скатиться на сушу. Ребята перемахнули через борт, ссыпались по доскам, едва касаясь балясин. Кое-кого сполоснуло накатной волной, кто-то поскользнулся на обкатанных валунах, загремел о них навешенными железяками. Без малого две сотни разведчиков высадились на берег.

Возле воды остановились на короткое время, подтянули

поклажу, поправили оружие, оделись в белые маскировочные халаты, разобрались в походный порядок.

В отряде издавна предпочитали полагаться лишь на себя, на свои силы, не рассчитывать на приданных по случаю, не слишком надеяться на тех, кого не знали, с кем не тренировались вместе. Не раз случались неудачи, если отряд с кем-то соединяли.

На этот раз цель, видимо, была настолько сложной, что одному отряду без поддержки ее не одолеть.

Оттого-то на задание послали два отряда. С соратниками по походу не знакомы, ни разу не примерились, кому и что вместе делать. В маршрут вышли на заочном доверии, а в деле нужна еще и слаженность.

На первом же отрезке маршрута стало ясно, что отряды идут на запад. Отрядом штаба флота командовал лейтенант Виктор Леонов. Отряд Северного оборонительного района с Рыбачьего возглавлял капитан Барченко-Емельянов. Как старший по званию, он стал командиром сводного отряда.

Высадились поблизости один от другого, но пошли раздельно, чтобы быть менее заметными на марше да и в непредвиденном случае поддержать друг друга.

Выйти к намеченной точке предписывалось одновременно, ночью следующих суток. Пурга разыгралась не на шутку, забелила округу свеженаметенным снегом. В халатах шагать было неловко, они заледенели, покрылись корочкой, топорщились, шуршали...

Уже далеко за полночь широкая полоса неба за спиной вдруг осветилась гигантским заревом. Следом донеслось раскатистое гроыхание, будто разразилась гроза. Земля вздрогнула. Небо и сопки загудели от разрывов снарядов и мин. Более двухсот орудий и минометов обрушили свой огонь на участок прорыва вражеской обороны.

В Мотовский залив вошли эсминцы и из орудий начали обрабатывать вражескую оборону возле Титовки, у Мустатунтури.

Разведчики на марше вздохнули с облегчением, немцам теперь не до них.

Всю ночь шли без помех. Путь незнакомый, в эти мес-

та — между перешейком на полуостров Средний и заливом Петсамо — за всю войну отряд ни разу не высаживался.

Метель яростно обрушилась на побережье. Так случается, когда сталкиваются тепло и холод, борются, кто кого пересилит. Отряд брел, утопая по колено в снегу. Как ни скользко, лучше идти по низким склонам сопок, в лощинах еще не промерзшие болота и не покрытые льдом озера. На верхних скатах сопок снега меньше, но острый ветер пронизывал до костей.

За отрядной цепочкой образовалась торная тропа, она петляла по откосам, между камней-валунов, огибала топи, пробегала по перешейкам между озер, которых тут бесчисленное количество и каждое надо обойти. Километры прибавлялись один к другому незаметно, по карте посмотреть — чуть не двойное расстояние одолели.

До утра отошли от места высадки километров на десять. С рассветом залегли возле камней.

С моря подул нагретый Атлантикой ветер, потеплело, заморосил дождь. Снег стал быстро таять. Лежать на камнях стало сыро и холодно. Чтобы хоть немного размяться, разогнать кровь, ребята лежа делали гимнастику, массажировали друг друга. Маскхалаты пришлось снять.

Чуть надвинулись сумерки — благо осенний день на севере меряется куриными шагами, — опять пошли к цели.

Груз на плечах не легчал, рюкзаки, сумки, ремни хоть и притерлись к телу, но кажется, что давят сильнее. Пятисуточный паек, полные диски с патронами, гранаты, пачки патронов в рюкзаках, магазины к автоматам за голенищами, автоматы и пулеметы — все это надо нести, не теряя подвижности, быть готовым в любую секунду к столкновению с неприятелем.

Шли всю ночь до рассвета. Утром опять замаскировались и отлежали недвижимо все светлое время суток.

Вечером в полной темноте двинулись в путь. Небо темное, мрачное, видимость скверная, зато подобраться к врагу в такую погоду можно незаметно. Только бы выйти точно к цели.

Ближе к полуночи Леонов сообщил командирам взводов,

что отряд идет к Лиинахамари, на здешнем, восточном берегу залива стоит тяжелая береговая батарея, ее приказано заставить замолчать.

В крошечной темноте стали спускаться с крутого обрывистого утеса. На нем ни тропинки, ни следочка. Местами ползли вниз по канату возле мокрой каменной стены. Прошли узкую лошину между двумя обрывистыми краями, перебрались через ручеек на ее дне. Полезли на крутой, почти отвесный подъем. Карабкались иногда живой лесенкой: один взбирался другому на плечи, цеплялся за какой-нибудь уступ, подтягивался на него, а потом, ухватившись за руку или за веревку, помогал товарищу влезть наверх. Вышли на гребень последнего увала. С него угадывался залив. Осталось спуститься вниз, где-то рядом должна быть цель.

Западный склон гранитной хребтины оказался немного положе. Осторожно, поддерживая друг друга, цепляясь за тросы, ухватившись руками за какой-нибудь выступ, бесшумно сползли вниз.

Чуть не вплотную прижались к гранитной холодной мокрой стене, которую только что сверху донизу протерли локтями и коленками. В темноте смутно угадывалась поляна. Края ее скрыты ночным мраком. Постояли, чтобы немного передохнуть, определиться.

Шепотом, с уха на ухо передали команду: можно прилечь, кому невтерпех — укрывшись палаткой, перекурить, разговоров никаких. Командиров взводов, их помощников, командира по оперчасти, замполита Леонов позвал к себе. Спрятавшись под плащ-накидками, фонариком посветили на карту, сориентировались. Определили, что отряд у цели. Леонов показал Баринову и Никандрову, куда идти каждому взводу, где будет находиться сам, велел разойтись по взводам и группам и искать вражеские батареи.

Поднялись и цепью развернулись вширь: взвод Никандрова влево, Баринов со своими ребятами правее. Отряд Барченко-Емельянова остался позади, уступом к материковой части полуострова.

Через сотню шагов тишину ночи прорезал резкий окрик немецкого часового, спросившего пароль...

Моряков будто пружиной подкинуло вперед... И сразу все ожило... Громкий звонок пронзительно оповестил батарею о тревоге.

Громыхнули первые выстрелы, затарахтели очереди из автоматов. Полоснули по дозорному, кинули к нему в ячейку гранату, он умолк.

Шагов через двадцать-тридцать наткнулись на стену проволочного заграждения. С пригорка дробно выкидывал очереди пулемет. Ожесточенная стрельба разгорелась и в левой стороне, куда пошел взвод Никандрова.

В небо взметнулись осветительные ракеты. В их ярком всполохе стало видно, как ребята замешкались перед неожиданным препятствием. Кое-кто кинулся на колючку, бросая на нее фуфайки, палатки. Другие побежали вдоль ограждения, выискивая проход или конец изгороди. С противоположной стороны из каменных гнезд одновременно били пулеметы, трезвонила ершистая стальная щетина, увешанная какими-то погремушками. Вспышки ракет высветили приземистые горбы барakov, облицованных камнем и дерном.

По настилу из фуфаек, рюкзаков и палаток ребята взобрались на растопыренные острые завитки, перемахнули через препятствие.

Разглядели, что спираль с прикрученными острыми наколками намотана на железные треноги, без крепления поставленные на гранитную твердь. Иван Лысенко догадался оторвать стойку от земли и поднять ее на руках над собой. Через этот лаз один за другим разведчики оказались за ограждением. Раненый Лысенко склонился на одно колено, но все еще держал в руках крестовину. Через прорыв прошмыгнули остальные разведчики.

Немецкий пулеметчик разглядел, как бугром поднялась проволочная колючка, как под нее подныривают люди. И пустил несколько очередей в ту сторону. Пули взвизгнули о проволоку, закрикошетили по камням. И в Ивана попала уже не одна. Он стал оседать, клониться не столько под тяжестью проволоки, сколько от ран, от потери крови. Одна

нога подогнулась в колене, но руки еще держали стальную щетину над головой.

— Давай, давай, браточки... Шуруй быстрее...

На Ивана никто не оглядывался, спешили вперед. Чуть левее, на взгорке, в каменной ячейке, выложенной из рваных гранитных обломков башенкой, заливался очередями пулемет. Утихомирили его гранатами.

С разбегу выскочили на край обрыва. Внизу, на ровной большой площадке в округлых орудийных двориках, сложенных из валунника, виднелись четыре орудия. Два уже повернули свои жерла в сторону бугра, откуда скатывались краснофлотцы, возле пушек суежилась прислуга, подтаскивала снаряды, к ходам сообщения бежали солдаты.

Более полувзвода сгрудилось у края обрывистого ската, когда ближнее орудие совсем рядом полыхнуло из своего длинноствольного дула. За ним грохнуло другое. Расстреливали в упор, торопливо, без тщательной наводки. Снаряды рвались поблизости, ударялись о склон, сыпались осколками по обрыву. Запахло гарью, приторным запахом взрывчатки, запорошило мелкой земляной трухой.

Ребята разбежались в стороны.

Пригорок, за которым укрылись, не столь отвесный, с него мигом скатились вниз. Ползком и перебежками охватили пушки с боков. Человек десять проскочили в «мертвый» сектор, снаряды летели над их головами мимо. Бегом рванулись к капонирам, к выложенным из камня переходам от двора к дворику. Немцы отчаянно отстреливались. Моряки кидали за брустверы гранаты, бежали по траншеям, поливая перед собой очередями. Сошлись вплотную, стреляли в упор, кому-то досталось прикладом. Немцы не выдержали атаки и бросились наутек.

Умолкла ближняя пушка, но два орудия, что подальше, еще выкидывали смертоносное пламя.

Чуть поодаль от орудийного двора землянка, в ней пусто. Взрывом гранаты все внутри разметало, дверь скособочилась на одной петле. Возле входа валялись трое пушкарей, которых настиг взрыв.

Орудийная прислуга суежилась, стреляла куда попало.

Дворик забросали гранатами, первую пушку взяли. К остальным пробивались по ходам сообщения, вперед летели гранаты, стрекотали автоматные очереди. Еще рывок — и все орудия захвачены, батарея в руках разведчиков. Артиллеристы откатились вниз по склону, сколько их там — не известно, но убитых насчитали всего с десятков, значит, гарнизон не уничтожен, у него отобрали только пушки. Немцы залегли в темноте между камнями и кустарниками и огрызались из автоматов и карабинов. Преследователи на короткое время замешкались, укрылись за валунами и отвечали огнем. С той стороны стрельба поутихла, разведчики кинулись в новую перебежку, дальше оружийных дворников, проскочили еще метров с полсотни и залегли на склоне: ниже темно, кустарник.

Рассветало. Все отчетливее проявлялась округа и берег за заливом. Перестрелка утихла, наступило короткое затишье.

На зенитной батарее осмотрелись. Она прикрывала береговую, до которой еще не добрались, а также Лиинахамари. Ей была определена и еще одна роль — противокатерная: она способна стрелять шрапнелью по малым быстро движущимся целям. Удачно была поставлена батарея, разумно, решала сразу три задачи. Толковый специалист выбирал ей место.

Возле пушек, около дальномера ходили разведчики, под их ногами погромыхивали стреляные гильзы, валялись снаряды.

Снизу, из темноты выскочил Андрей Пшеничный. Лицо его бледное, осунувшееся, нос заострился, мокрые волосы разметались по лбу, в левой руке широкополый кожаный шлем, в правой — разбитый автомат.

— Я за ними, гадами, гнался! — Андрей в нервном возбуждении посерел, резко выступили рябинки на лице. — Они убегали, я пустил очередь, двое куда-то нырнули в темноту, а третий повернулся ко мне и замахнулся карабином, но я опередил, треснул его автоматом, да неудачно, ложу разломал.

— А немец как?

— Сначала осел, потом пополз. Я чикнул по нему короткой да бегом назад, сюда.

— Почему?

— Там темно... а я один... Сколько их — не знаю. Да и автомат нужен другой...

Подошел Леонов. Андрей немного успокоился, попросил закурить.

Командир спросил о потерях. Промелькнули считанные минуты с тех пор, как кинулись на штурм, а погибло уже семеро. Убит командир взвода Толя Баринов — один из старослужаших в отряде, которых осталось совсем немного. Пришел он во флотскую разведку в самом начале войны, раньше служил пограничником. Друзья иногда спрашивали, как при его небольшом росточке и заметном животики он бегал со служебной собакой. Толя отвечал, что в то время он был поджарым и резвым, проводником считался отменным. Ему было за тридцать. Год назад на базу приехала жена с двумя сыновьями. Как принести ей трагичную весть?..

Леонов приказал помощнику принять командование взводом.

Иван Лысенко так и не бросил поднятую в руках крестовину, пока все не поднырнули под нее. Весь изрешеченный пулями, он упал под треногой. Его вызволили из-под проволоки и положили на полянке возле пушек.

Сашу Манина, отрядного комсорга, пулеметная очередь скосила в атаке. Родом он был из краев старорусских.. И фамилия его происходила от самого распространенного женского имени. Он и внешне ей соответствовал — круглолицый, русоволосый, на молоке вскормленный. Был он до удивления непритязательным, никогда не суетился, изредка вставлял в разговор слово, выношенное и основательно продуманное.

Погиб красавец Володя Фатькин. Не часто мужчинам выпадает такая внешность: и лицом был хорош, и статью, русоволос и синеглаз. Мимо Володи девушки никогда не проходили равнодушно. И душа у него была добрая, незлобивая. Володя никогда не сердился, его невозможно было вывести из себя. Любил жизнь удалую, веселого нрава был моряк.

Вот и сейчас лежит он на земле, широко распластав руки, словно пытаясь обнять ее.

Разрывом снаряда накрыло Павла Смирнова. В этом походе он был непохож на себя, не шутил озорно на привалах, будто оставил на базе в рундуке весь запас бодрости и веселья. В Полярном осталась у Павла вдова с маленькой дочуркой.

Убит фельдшер лейтенант Луппов. Для него это была первая крупная операция, служил он в отряде всего несколько месяцев. Смерть настигла и краснофлотца Ивана Рябчинского.

И раненых давно столько не было. Прострелена рука у офицера оперчасти Федора Змеева. Он носил ее на перевязи, а в другой держал автомат, говоря, что и левой он еще поддаст фрицам, что счет им предъявил еще не весь.

Снова не повезло парторгу Аркадию Тарашнину. Он лежит, закрыв глаза и сцепив руки от боли. У него это не первое ранение. Осенью 1942 года его с трудом вынесли с чужого берега, а перед этим вылежал зимой в снегу возле немецкого опорного пункта больше полусуток.

Бежали рядом в атаке друзья Павел Колосов и Михаил Калаганский. Пулеметная очередь остановила обоих, но, к счастью, они ранены не очень тяжело. Еще поживут и повоюют.

Пуля царапнула по шее Николая Мальцева, к лежащим раненым он идти отказался, попросил оставить во взводе. Воюет с первых дней июля 1941 года. Во вражеский тыл высаживался уже в первых флотских десантах.

Рассвело. Лиинахамари на том берегу залива осветило выглянувшим краешком солнца, видны причалы, дома, по склону на окраине торчали огромные бензобаки.

Опробовали захваченные пушки. Они оказались невредимыми. Дальномер и вся аппаратура управления тоже целы. С отрядом пришли несколько артиллеристов. Они быстро разобрались с незнакомой техникой. Зарядили одно орудие и пустили снаряд на другую сторону залива. Засекли взрыв возле складов с горючим. Затем беглым огнем выстрелили из всех орудий. От грохота заложило уши. С пламенем вы-

летали снаряд за снарядом. Медные стаканы стреляных гильз со звоном откатывались по бетонному полу оружейного двора. У складов горючего, на причалах задымилось, загорелись языки пламени. Начался пожар.

Враг сообразил, что батарея на Крестовом захвачена. И обрушил шквал огня на свою недавнюю позицию. Возле оружейных дворов стали рваться крупнокалиберные снаряды. Батарея тяжелых пушек, упрятанная немцами в гроте в глубине скалы, выкатывалась на рельсах, делала залп-другой и снова скрывалась в туннеле.

От пирсов левого берега отошли к Крестовому катера и шлюпки с немецкими солдатами: на помощь гарнизону, потерявшему свои орудия, шло подкрепление.

Леонов приказал двум отделениям разведчиков отправиться к берегу и остановить контрдесант.

Но и немцы не собирались бросать своих на произвол судьбы — снаряды на Крестовом стали рваться все чаще и чаще. Одно отделение разведчиков добралось до уреза воды и отогнало катер и шлюпку назад. Другое пробиться к береговой кромке не смогло — вражеские зенитчики заняли там оборону и отбили атаку. Часть контрдесанта все-таки достигла берега и высадилась.

Семен Агафонов пытался догнать убегающего фашиста, но тот юрко вилял между камнями, отстреливался. У самого берега солдат затаился за валуном. Семену показалось, что у немца кончились патроны, поэтому предложил ему сдаваться. В ответ солдат бросил гранату.

Это вконец рассердило Агафопова.

— Я тебе покажу кузькину мать, я тебя научу кланяться. — Семен пустил хорошую очередь над головой немца. Тот не выдержал, кинулся в воду, Агафонов за ним. Немец бросил еще гранату. Семен выстрелил последний раз...

Разрывы вражеских снарядов загнали разведчиков в оружейные дворы. Батареяная прислуга и контрдесантники сошлись вместе, слышно было, как кто-то подавал команды. Они подобрались поближе и разразились стеной огня.

Остаться здесь стало опасно. Пришлось вынуть замки

из орудий и отойти на гребень, откуда начали ночную атаку, там занять оборону.

Где ползком, стараясь вжаться в землю между кочками, бугорками, где перебежками взобрались по скату вверх, вытащили раненых. Снаряды не отставали: рвались на поляне, на склонах, сыпали осколками.

Наконец, вылезли на гребень, укрылись на обратной стороне. Сюда ни снаряды, ни пули не долетали. Позиция батареи оказалась на нейтральной полосе. К пушкам никто беспрепятственно не мог подобраться.

Раненых уложили на небольшой полянке.

Возле них присел Гриша Тихонов. Утром, вскоре после захвата орудий, он тащил на себе тяжелоатлета Калаганского на подъем, а не на спуск, по камням, под обстрелом. Взмок и устал, дух едва переводил. Приостановился передохнуть, огляделся, увидел, что впереди кто-то прячется за камнями. Положил Калаганского на землю, а сам нагнал ползущего. Оказалось, притаился немец. Гриша навалился на него сзади, подмял под себя, отобрал карабин. Показал, чтобы тот полз рядом. Вернулись к Калаганскому. Тихонов взвалил немцу на спину раненого, сам взял два автомата и карабин, и опять поползли вверх. Добравшись до оружейной позиции, каждый занял положенное место: Тихонов — в своем отделении, Калаганский — среди раненых, а пленный — под охраной.

С левого берега залива после небольшой паузы снова заголосили орудия. Под разрывами снарядов поползли на сближение и те немцы, что удержались на склонах ниже батареи. Теперь они не метались в беспорядке, как ночью, а старались охватить отряд с обоих концов. Но людей у них маловато, взять отряд в плотные «клещи» нечем.

С левого края дозорные донесли, что два взвода немцев пробираются по прибрежному склону в сторону материка, похоже, собираются пересечь увал, которым Крестовый соединялся с материком. Разведчики увлеклись удержанием позиции возле батареи и упустили из виду, что враг может подойти сзади и взять отряд в кольцо.

Леонов приказал двум отделениям закупорить выход на материк.

— Слышишь, комвзвод, — обратился он к старшине, — чтобы ни одна мышь не проникла на полуостров и ни одна не выскользнула с него. — Леонов, видимо, хотел подчеркнуть новое положение недавнего помощника Баринаова, отличить его от остальных подчиненных. Потом так и стал называть его.

Отделения добежали до крайней высоты и растянулись полукольцом по ее макушке. В это время немцы начали взбираться на этот же пригорок. Подпустили их как можно ближе, потом одновременно встретили очередями из автоматов. Немцы откатились вниз, залегли. Началась перестрелка. Но разведчики оказались выше, им и удерживаться, и стрелять было удобнее.

Патроны таяли на глазах, пустые диски и магазины засовывали в рюкзаки, за голенища. Пришлось перевести автоматы на одиночные.

Такая тягучая перестрелка не сулила никому большой выгоды: к разведчикам подкрепление не подойдет, боеприпасы не добавятся, и у немцев на поддержку надежд немного.

Леонов по радио запросил командование поддержать отряд с воздуха. Прилетела шестерка «ильюшиных», обстреляла обращенные к заливу скаты, на которых укрылись вражеские артиллеристы. Едва она скрылась из виду, появилась другая и снова отутюжила немецкую позицию.

На душе повеселело, немцы попрятались, стреляли изредка.

Не успел затихнуть шум моторов штурмовиков, из-за сопков вынырнула пара «бостонов», сбросила на парашютах боеприпасы и продукты.

Пальцы бегали как по клавишам, укладывая патроны в опустевшие диски и магазины, чехлы на поясных ремнях опять были полны.

Немцы затаились, притихли, похоже было, что они откатились вниз по склону, ближе к воде.

Отряд Барченко-Емельянова тоже подтянулся к неболь-

шому заливику, врезавшемся в материк с восточного края Крестового. Оттуда был не особенно крутой, но узкий спуск к урезу воды возле оконечности полуострова. Это наиболее доступное место с восточной стороны, по которому можно подобраться к береговой батарее. Немецкие артиллеристы ходили к орудиям где-то по другой дорожке, но отряд пока ее не нашел.

Леонов и Барченко-Емельянов договорились, что отряд с Рыбачьего начнет осторожно подбираться к дальнобойным орудиям. Там, конечно, вся обслуга в боевой готовности, внезапно к ним не подкрасться, но ведь они должны понимать, что положение у них безнадежное, выхода никакого нет, орудия им уже не удержать, на материк не вырваться. Единственная надежда на спасение — перебраться на другой берег, в Лиинахамари, бросив все на Крестовом. Если спуск отряда и осада батареи пойдут без трудностей и вражеские артиллеристы в отчаянную драку не ввяжутся, Леонов со своим отрядом снова займет огневую позицию зенитных орудий, столкнет немцев еще ниже к урезу воды.

Так все и произошло.

Утром, как только рассвело, к зенитным орудиям, где хозяйничал отряд Леонова, спустился с той же материковой высоты взвод лейтенанта Пивоварова, ознакомился с расположением. Потом подошел командир другого взвода Петров.

Теперь они отправились к своему командиру Барченко-Емельянову исполнять договоренность.

Леонов убедился, что момент настал самый подходящий, фашисты понимают, что Крестовый они потеряли. Отряду надо вновь добраться до огневой позиции зенитной батареи и закрепиться на ней, загнать орудийную прислугу на оконечность мыса и попытаться взять ее в плен.

Еще раз все внимательно разглядели, условились, кто куда нацелится, и рывком скатились к орудиям, ворвались в дворники и на командный пункт.

Немцы не стали цепляться за свой рубеж, вплотную к себе разведчиков не подпустили, а, огрызаясь и отстреливаясь, отошли еще ниже.

Отряд почти с ходу согнал остатки батарейцев к воде, они сначала отходили к мысу, а потом повернули вправо. Здесь разведчики увидели береговую батарею. С восточной стороны появились бойцы отряда Барченко-Емельянова. Фашисты поняли, что попали в «клещи», отступать им больше некуда, и стали сдаваться в плен.

Орудия береговой батареи оказались изуродованными. Стрелять они не могли. Запасы снарядов в погребах достались новым хозяевам. У самой кромки воды обнаружили еще одну малокалиберную батарею, стволы двух орудий немцы успели бросить в воду.

Остатки гарнизона сдались в плен. Около девяноста человек разведчики проконвоировали по тропке наверх, мимо бывших жилых землянок к позиции зенитных орудий. Оттуда их отвели в лощину, за проволочное ограждение.

День подошел к концу, сгустились сумерки.

Из темноты снизу донесся крик о помощи. Звал кто-то по-русски. Видно, в немощи сам выбраться не мог. Прислушались к голосу, определили место. Отделение отправилось на поиски. Доползли до лощины, поросшей кустарником. Там, в зарослях, нашли Михаила Колосова. Вытащили его оттуда, перенесли на высоту. Он был ранен еще утром. Пуля попала в левый глаз, когда пришел в себя — своих поблизости не было. От потери крови обессилел, даже ползти не мог. Лежал в кустах целый день, то впадая в беспамятство, то в полузабытьи. Старался не стонать. Дождался, пока стемнело, стал звать своих на помощь, не терял надежды, что они где-то поблизости и еще помогут. Говорил он тихо, сдавленно, показывая рукой на горло, где ему что-то мешало. Укрыли его потеплее, и он умолк, будто заснул. Уже дома, в госпитале, доктора разобрались, что пуля через глаз прошла к горлу и там самым кончиком высунулась наружу. Оттого и заливало ему рот кровью, он захлебывался и не мог говорить. Пулю извлекли, рану залечили, а глаз подобрали стеклянный.

Позднее из той же лощины вытянули на палатке Сергея Воронина.

Утром, после захвата батареи, когда в азарте настигли

растерянных немцев и почти загнали их в воду, Сергею перебило ногу. Пуля раздробила кость. Моряк остался на полосе между своими и чужими. Пробовал ползти, но сил не хватило. Когда вражеские орудия из-за залива ударили по отряду, и разведчики отходили на гребень, несколько солдат пробежали невдалеке от Воронина. Чтобы привлечь их внимание, Сергей выстрелил. Немцы обстреляли его, бросили гранату, потом побежали дальше. Вторая пуля угодила в глаз, матрос лишился сознания, затих. Когда очнулся, попытался подтянуться на локтях, но тут же от боли застонал, свет померк. Вечером пришел в себя, собрался с силами и покричал в ту сторону, где должны были быть свои. Его слышали, отыскиали. Полгода лежал Сергей в госпитале. Как ни вытягивали ему ногу, срослась она неровно, стала короче. И только один глаз остался зрячим.

Все это время неотлучно дежурила возле него жена Вера, которая, узнав о несчастье, приехала из Ейска и пробралась в базу без разрешения. Ее трогательная забота помогала, наверное, сильнее лекарств. Она жила без заработка, без карточек. С утра уходила в госпиталь, стирала бинты, мыла полы, меняла перевязки мужу, кормила его, а к ночи возвращалась в отряд, где ей отвели крохотную комнатуху, переделанную из ванной. Отрядные друзья Сергея чем могли помогали ей.

Командир отделения второго взвода Степан Овчаренко доложил, что у него пропал краснофлотец Виктор Артемкин. Виктора в утренней атаке ранило в руку, носил он ее на перевязи. Когда немцы попытались атаковать разведчиков, Артемкин сказал своему соседу, что дело хана, никому из этой ловушки теперь не выйти, он один будет пробиваться к своим. И пошагал с Крестового на материк. Скорее всего он встретился с отходящими от Мустатунтури немцами. Артемкин исчез бесследно...

Кругом нависла крошечная тьма, даже верхушки сопков не видны. Ни огонька, ни звездочки, ни светлого пятнышка. Немцы затаились, не слышно ни звука, ни выстрела. В Лиинахамари тоже тихо и темно, и невозможно угадать, что там делается.

И разведчики затаились, курят сигарки, засунув их между ладонями или в рукав, разговаривают вполголоса.

Шла третья бессонная ночь. Короткие передышки во время привалов, когда шли от залива Пунайнен-лахти к Крестовому, не приносили отдыха, лишь чуть бодрили. Оттого усталость давила теперь тяжелым свинцом, дремота смыкала веки прямо на ходу. Ноги стали непослушными, словно гири к ним привязали, их с усилием удавалось отрывать от земли, они цеплялись за валежник, за камни и корни.

Где-то около полуночи Печенгский залив внезапно ожил. Голубоватые сполохи прожекторов заметались по воде, пересекая темень осенней ночи. То тут, то там в их свете серебрились катера. С левого берега замелькали трассирующие очереди, разрывы шрапнельных снарядов разбрасывали искрящиеся осколки.

С десятков катеров сновало по заливу. Два прошли вдоль левого берега и протянули за собой шлейф дымовой завесы. Остальные нырнули в эту мутно-серую полосу и через нее кинулись к причалам.

Через несколько мгновений выстрелы зазвучали на берегу, а затем и возле домов. В Лиинахамари высадился десант. Батареи Крестового молчали.

До утра продержались без тревог.

На рассвете к Крестовому на соединение с разведчиками прорвалась головная рота бригады морской пехоты. Впереди Василий Кисляков. Ему еще в августе сорок первого присвоено звание Героя Советского Союза. Быстро подошли катера и перебросили их в Лиинахамари, на помощь десанту, который высадился ночью. Вместе с ними по приказу командующего флотом шел Леонов со взводами Никандрова и Баринава.

Оставшиеся два отделения должны были прочесать полуостров и обезоружить немцев, стеречь Крестовый.

Из щелей, из-за каменных завалов, из зарослей кустов вылезали понурые батарейцы и сдавались в плен. С теми, что сидели ночью на поляне, собралось их без малого сотня.

Одни говорили, что командир зенитной батареи был убит во вчерашнем утреннем бою, другие рассказывали, что еще

днем одиннадцатого он ушел на катере в Лиинахамари и не вернулся, а батарею русские захватили без него. Среди убитых его никто не опознал.

Чтобы нести службу возле батареи, следить за входом на полуостров, людей было до невероятности мало.

Легкораненых оставили охранять вражеских солдат.

Уложили на плащ-палатках рядом один к другому погибших, выкопали для них общую могилу.

Около полудня на Крестовый пришел командующий флотом адмирал Головко. Он обошел место недавнего боя, позиции батареи. Поблагодарив моряков за успешно проведенную операцию, он сказал:

— Молодцы, отменно справились с делом, все будут отмечены наградами. Это подвиг не одного бойца, а всего отряда. Я уже объявил Леонову, что его представляем к званию Героя Советского Союза.

В своей книге «Вместе с флотом» адмирал Головко рассказал, как на Крестовом к нему с просьбой о поощрении обратились раненые разведчики Павел Колосов и Михаил Калаганский. Необычность предложения смутила командующего. Он уточнил, о каком поощрении они просят. Те настаивали, чтобы их не отправляли в тыл, а оставили с отрядом до конца операции.

Катер перебросил командующего обратно в Лиинахамари. Там ему доложили, что Леонов на трофейном мотоцикле разогнался по дороге, мотоциклист на повороте не справился с управлением, влетел в озеро, Леонова выбросило из коляски, помяло ребра. Санинструктор Тярасов туго перебинтовал его.

Командующий отчитал Леонова за ненужное лихачество и отправил его на Крестовый похоронить погибших.

Обложив могилу камнями и дерном, разведчики троекратным залпом из автоматов отдали последнюю воинскую почесть боевым друзьям.

Троих Леонов немедленно отправил в Полярное. В штабе по приказанию командующего срочно готовили наградные листы на тех, кто захватил Крестовый, собирались устроить торжественную встречу.

Оказавшись в Озерках, пока не подошел катер, ребята сбегали в Озерки Восточные. Для них десяток километров — не крюк.

Аня Лопатина, Люба Исаева, Гутя Никитина, Валя Лукьянова, Валя Шамина и другие горько оплакали погибших.

Еще сутки отряд пробыл в Лиинахамари. На следующий день советские войска взяли Петсамо. Его морской аванпост Крестовый уже двое суток был в руках флотского десанта.

Отряд вернулся в Полярное. Небывалые за все военные годы почести воздали отряду. По городскому радио объявили, что на стадионе состоится вручение наград разведчикам.

В полдень, при ясном небе и ярком солнышке, на стадионе выстроился отряд. На краю поля, ближе к трибунам, стол под красным сукном.

Награды вручал член Военного совета флота вице-адмирал Николаев.

— Всего несколько дней прошло с тех пор, как я провожал вас в боевой путь. Тогда я сказал, что на вашу долю выпало необычайно важное задание, выразил надежду, что вы с честью справитесь с доверием командования. Вы оправдали его. Ваш подвиг — пример другим.

Не все ваши товарищи дожили до сегодняшнего торжества. Они отдали свои молодые жизни за нашу победу. Честь им и вечная слава.

Поздравляю вас с высокими наградами и надеюсь, что вы и впредь столь же образцово будете выполнять задания командования.

Множество людей не только с трибун, но и с окрестных скал смотрели на это незабываемое зрелище, а в городе и на кораблях слушали по радио.

Событие это осталось в сердцах разведчиков...

Глава двадцать седьмая

Близилось наступление советских войск в Заполярье. По всей западной границе Красная Армия вступила на земли сопредельных государств. Лишь самый северный участок

фронта в непосредственной близости от Баренцева моря все еще оставался недвижимым. Этот плацдарм, удаленный от границы всего на три-четыре десятка километров, в первые месяцы войны захватил 19-й горноегерский корпус и три года удерживал его. Все эти годы советские войска находились в Заполярье в обороне. В длительной позиционной войне наша армия сохранила свою боеспособность, прошла труднейшее испытание на прочность.

К концу 1944 года у 14-й армии накопились небывалые за всю войну резервы. Только в зону наступления, где намечался прорыв вражеской обороны, подтянулось пять корпусов. Против егерей, вгрызшихся в оборону на Западной Лице, встала группа войск генерала Пигаревича. Северный флот к наступлению приготовил крупные сухопутные соединения. Против пяти обороняющихся вражеских солдат — девять советских.

На аэродромах рассредоточились свыше тысячи самолетов 7-й воздушной армии. У немцев же осталось всего около двухсот машин. Танковая бригада и полки изготовились раздвинуть оборону таранным клином. Свыше двух тысяч орудий и минометов стояли на позициях, чтобы по команде обрушить огонь в неширокой полосе прорыва.

Неузнаваемым стал Северный флот. На рейде в Ваенге стояли корабли эскадры. В ней линкор и крейсер, с их артиллерией можно выходить на оружейную дуэль не только с миноносцами, но и с более тяжелыми кораблями, три дивизиона эсминцев. В бригаде подплава 23 новые лодки, их больше, чем в начале войны. Летом лихо стала расправляться с конвоями бригада торпедных катеров. Много сторожевиков, охотников и других кораблей были предназначены для охраны обширнейшего морского района, протянувшегося в операционной зоне Северного флота. В арсенале флота на флотских аэродромах имелось также несколько авиационных дивизий.

Теперь было чем наступать.

Если сразу после заключения советско-финского перемирия партнерство между бывшими союзниками еще по инерции сохранялось и одни довольно миролюбиво отходи-

ли на север, другие столь же ненавязчиво плелись за ними, занимая свою же землю, то по мере приближения к северному поморью между финскими и немецкими войсками все чаще стали случаться столкновения.

Отступая, немцы жгли селения, угоняли людей, взрывали мосты, портили дороги, прихватывали финское имущество. Им очень хотелось воспользоваться портом Кеми, чтобы через него успеть переправить в Германию хотя бы часть войск, где с каждым днем росла потребность в них.

Финны не хотели мириться с новоявленными хозяевами. Они явно не желали выпускать немцев через Кеми, что было бы нарушением советско-финского соглашения о перемирии, по которому им полагалось после 15 сентября разоружить оставшиеся в Финляндии немецкие части.

Дороги на Рованиеми и вдоль реки Муонио-Йоки немцы старались сохранить за собой как можно дольше.

В Рованиеми четыре года находился штаб Лапландской армии. Удержать город за собой она не сумела, но перед отступлением его разрушила и сожгла. Это еще более озлобило финнов. Союзники превратились в недругов.

36-й немецкий корпус вышел к дороге Петсамо—Тромсё, загораживая с востока длинную береговую полосу озера Инари. Впереди пролегла спасительная трасса на запад, но на нее вот-вот могли обрушиться основные приморские силы. По расчетам штаба Лапландской армии через эти узкие ворота должно было отойти стотысячное войско. Другая половина армии уползала по дороге вдоль Муонио-Йоки. Дорога № 50 — так официально именовалась трасса Киркенес—Тромсё — была забита до отказа.

Трехгодичному позиционному стоянию подошел конец. Но неприятель не сложил оружия. Его подводные лодки все еще держали в напряжении акватории морей Карского и Лаптевых, восточнее Новой Земли. От торпедных атак и на минах тонули корабли и суда. На мысе Стерлегова с двух подводных лодок высадилась диверсионная группа, захватила сотрудников полярной станции, продукты, документы. Подводные лодки пытались запереть подходы к Кольскому заливу, к горлу Белого моря.

Весной и летом огненные схватки с конвоями разгорелись на подходах к Варангер-фьорду и в самом заливе. Советские торпедные катера и самолеты научились атаковать вместе. Бои разыгрывались днем, катера и самолеты нападали с разных сторон одновременно. Только 19 августа они утопили десять транспортов и кораблей охранения. Это было не первое сражение.

Флот изготовился наступать. «Громкий» и «Гремящий» собрались в Мотовский залив обстреливать немецкие укрепления у Титовки и возле Мустатунтури. Подводные лодки длинной цепью тянулись вдоль северного берега полуострова Варангер вплоть до Нордкапа. Дозорные корабли встали на вахту внутри Варангер-фьорда, взяли под надзор Бекфьорд, Киркенес, другие шхеры. Торпедные катера, морские охотники приготовились принять на борт небывалые по численности десанты. Корабли эскадры снарядились к походу в норвежские воды, к Вардё. Сотни самолетов ждали команды подняться в воздух. На батареях береговой и подвижной артиллерии находилось не менее семи комплектов снарядов.

Укрепления неприятеля были тут неприступными. Три года их наслаивали, вгрызаясь в гранит скал и сопок, выкладывая из валунов и рваного камня огневые точки, брустверы, переходы. В каменной толще взрывами и компрессорами выдолбили длинные и глубокие штольни. Землянки, штабы, узлы связи, склады облицевали камнем. Все скрепили цементом, а кое-где и стальной арматурой. Поставили добротнo, с дотошной немецкой аккуратностью. Оборона на Лице, на Мустатунтури считалась неодолимой. Лобовой атакой ее не прогрызть, даже если попробовать напрямую бить штурмовыми орудиями и бомбить тяжелыми фугасами.

Разведчики из флотского отряда еще летом 1941 года ходили в дальние вражеские тылы, подбирались к Луостари и Петсамо, к Киркенесу. Там по тайным тропам пробирались на запад и обратно. Начинали дальний маршрут обычно с Зимней Мотовки. Иногда выходили к берегу озера Чапр.

Летом 1942 года дважды подкрадывались под Петсамо. В одном из маршей осмотрели Большой Кариквайвиш. На

вершине его тогда уже стоял вражий наблюдательный пост. По западным скатам, как грибные шляпки, торчали землянки. Егери сустились, таскали камни, выкладывали огневые точки, вели дорогу. Станным тогда казалось, что столь далеко, за десятки километров от фронта на Лице, ставят жесткую оборону.

Правда, в один из походов Вася Кашутин, глядя на раскинувшуюся перед глазами широкую долину, говорил Борису Абрамову, что место это на удивление завидное, забросить бы сюда по воздуху большой десант, натворил бы он дел. И на Луостари можно податься, и на Петсамо. Но никто тогда не предполагал, что мечта эта может стать явью.

И в штабе фронта, и в Ставке Советского Верховного Главнокомандования, когда намечали контуры приближающейся наступательной операции, обратили внимание на сильно вытянутый правый вражеский фланг. От Лицы он загнулся далеко на запад. Сплошной полосы обороны тут не было, да и создать ее практически было немыслимо, но усеять огневыми точками горы, перевалы, растянуть цепь опорных пунктов, подвести автомобильные дороги с выходом на рокаду Петсамо—Луостари немцы успели.

Отсюда и наметили нанести основной удар, вырваться корпусами к Титовке, к Петсамо—Йоки, к Луостари, двинуть с Рыбачьего и Среднего бригады морской пехоты и завязать горных егерей в «мешке» между Лицей и Титовкой.

Сюда подтянулись пять корпусов, тут же сосредоточилась артиллерия.

На правом фланге нацелившихся к штурму войск выдвинулась на рубеж атаки 10-я гвардейская дивизия. В июльских боях 1941 года на Западной Лице она приняла на себя основной удар врага, выстояла, удержала оборону. Командир разведывательного батальона этой дивизии майор Худалов в момент второго наступления егерей, когда казалось, что во фронте вот-вот зазияет огромная дыра, получил пакет с приказом о назначении его командиром полка.

Теперь он генерал-майор, командир этой дивизии, которой снова противостояла 2-я горноегерская, знакомая по боям первого года войны.

Опять сошлись лоб в лоб прежние враги, но роли их переменились.

Худалову было приказано разрезать фронт на главном направлении, пробить брешь шириной в два километра, выйти на Малый Кариквайвиш, занять его, затем рывком вырваться к Чапру и оттуда устремиться к Титовке.

В сорок первом они искали хотя бы один батальон, чтобы заткнуть дыру в обороне. Теперь его дивизию поддерживали корпусной артиллерийский полк, три минометных полка, танковый и тяжелый самоходно-артиллерийский полки, бригада гвардейских минометов.

Наступательная операция практически началась несколько раньше, чем основные силы штурмующих дивизий и корпусов пошли на прорыв.

Чтобы посеять сумятицу, нарушить транспортные связи и управление, за сутки до общего наступления, 6 октября, в глубокий рейд двинулся 126-й легкий стрелковый корпус. Солдатам на лыжах, с грузом полагалось пройти 70 километров за Луостари и вечером 9-го занять дорогу Луостари—Ахмалахти—Никель.

В 8 часов утра 7 октября 1944 года небо в окрестностях Западной Лицы содрогнулось от грохота более 2100 орудий и минометов. Обстрел немецких позиций длился свыше двух с половиной часов. На врага обрушилось 100 тысяч снарядов и мин.

В 131-м корпусе бок о бок шли 10-я гвардейская и 14-я стрелковая дивизии, защитившие Мурманск в 1941 году. Вторые сутки был на марше легкий стрелковый корпус, он шел левее в направлении на Луостари, чтобы там вырваться на тыловые дороги неприятеля.

К вечеру они приблизились к реке Титовке и с ходу одолели ее. Дорога от Западной Лицы к Петсамо оказалась для егерей под угрозой потери. Но к ней не поспевали ни советская артиллерия, ни танки: дорога разбита, взорвана, завалена камнями.

И погода не помогала наступающим: пурга, снежные заряды задерживали самолеты на аэродромах.

Ночью на 8 октября 99-й корпус взял Большой Кариквай-

виш, нацелился идти к дороге, в долину реки Титовки. Фронт на Лице под угрозой окружения стал рушиться и покатился назад.

Командующий Карельским фронтом генерал армии Мерцков приказал адмиралу Головкину вводить в действие план операции «Вест» — двинуть в наступление флотские соединения.

В десант на берег Малой Волоковой вышла на катерах 63-я бригада морской пехоты. После полуночи 10 октября начался штурм хребта Мустатунтури. Артиллерия обрушила с Рыбачьего 47 тысяч снарядов и мин. С севера на приступ двинулись батальоны.

Если кому-то доведется быть в тех местах, непременно стоит подняться по скату, по которому шли в атаку морские пехотинцы. Среди отвесных северных обрывов хребта, где местами висели люльки огневых точек, в которые пулеметчики спускались по висячим веревочным тропам, природа устроила в какие-то древние эпохи столпотворение.

Крутую, обрывом падающую гору в одном месте потрясло, будто подземный исполин расшевелил монолитную гранитную глыбу. По диагонали горную кручу прорезала вздыбленная полоса. Она усеяна бесчисленным множеством огранных, остроконечных, крупных и мелких глыб, угловатых камней. Они легли друг возле друга в хаосе, подкинутые подземным толчком. Между ними расщелины частично засыпаны мелкими обломками.

Вот по этой круче и взбирались на штурм хребта моряки. И на всем пути снизу доверху каждый камень был усеян металлом: осколками снарядов и мин, патронами, гильзами, пулеметными дисками, стабилизаторами, пулями... Кажется, от подножия до вершины не осталось ни одного не посыпанного железом метра пути. Многие не добрались до самого верха, огонь скосил их на бегу. Но те, кто дошел до вершины, увидели зрелище, которое сотворила не природа, а содеяли люди. В подземной штольне хранились многотонные запасы взрывчатки, снарядов, мин. Отступавшие егери взорвали их. Взрыв выкинул наружу и разбросал на десятки метров гранитные глыбы величиной с добрую комнату.

Все выдолбленное в камне, стянутое цементом и металлом не уберегло егерей в их норах. Штурм погнал вниз, в долину, к Титовке, к дороге, которая вот-вот могла перестать быть желаемым спасением. Мустатунтури, о которых с грустью пели австрийские горные стрелки, не стали им надежной защитой. Обильно омытый кровью, этот бастион пал. Морские пехотинцы устремились на юг, к 63-й бригаде, к армейским частям, вырвавшимся от Чапра к магистрали на Петсамо. Хребет считался неодолимым. Огонь, металл и люди за считанные часы сокрушили его.

Днем 10 октября бригады морской пехоты соединились у озера Тие-ярви.

На фронте у Западной Лицы перешла в наступление группа войск генерал-лейтенанта Пигаревича.

Противник почувствовал, как сжимается кольцо вокруг его войск. Рандулич на пять дней раньше срока отдал приказ отходить от Лицы к Титовке и далее на Петсамо.

Держать укрепления егерям уже не имело никакого смысла, наступавшие рвали их в клочья, немцы огрызались, заслонами спасали остальные войска. Бросали сооружения, технику, имущество, склады.

Вражеская оборона рушилась почти повсеместно. Потеряв правофланговые позиции у Кариквайвиша и Чапра, неожиданно для себя встретив за Луостари подвижные корпуса, узнав, что на дорогу у Титовки вырвались русские части, а от перешейка Среднего им навстречу спешит морская пехота, что на входе в залив Петсамо захвачены батареи на мысу Крестовом, а в порт Лиинахамари высадился флотский десант, бегущие с Лицы немецкие части пробили еще слабый заслон на дороге в Петсамо. Тысячами трупов были усеяны дороги, придорожные скаты сопок, оборонительные полосы на Лице, у Кариквайвиша, возле Титовки, на Мустатунтури.

Единой и хорошо построенной немецкой обороны не стало. Вместо планомерного отхода началось бегство. Части стремились как можно скорее вырваться из надвигавшегося «котла».

19-й горный корпус генерала артиллерии Иодля был вы-

бит со всех позиций. В немецких штабах лихорадочно сообщали, как его спасать, уберечь от окружения и полного разгрома.

Войска Лапландской армии срочно бросили навстречу наступающим русским частям 163-ю пехотную дивизию, все моторизованные части первых эшелонов, даже обслуживающие части аэродромов.

Контрудар цели не достиг, но все же помог выскочить из «мешка» большей части 6-й дивизии. Надежды на дальнейшее управляемое отступление не оправдались. По словам одного из немецких военачальников, руководивших отступлением, темп отхода оказался значительно выше, чем этого требовали интересы эвакуации из района Киркенеса. Натиск русских был сильнее воли германского командования и возможностей войск. Эвакуация имущества большей частью пошла прахом. Много судов было потоплено.

Признания эти весьма красноречивы и убедительны.

Прорвавшиеся далеко вперед русские корпуса, десанты с моря нарушили долговременную оборону, взломали боевые порядки, разорвали управление германскими войсками. Привычный порядок командования перестал действовать.

Рандулич, Иодль и их штабы пытались еще овладеть обстановкой, взять в руки руководство операциями.

Но эти намерения оказались невыполнимыми. Планомерный вывод войск, эвакуация техники и огромных запасов имущества не укладывались в заготовленные расчеты. Волю диктовали наступающие советские войска, приходилось подчиняться навязанным обстоятельствам.

Вслед за Рованиеми, Ивало, Луостари, Петсамо надвигалась угроза и Киркенесу. Русские приближались к Наутси на юго-восточном стыке норвежско-финской границы, откуда впоследствии намечалась новая советско-финская граница на севере. Они подошли к Никелю, Салми-ярви, недалеко оставалось до Сванвика и Киркенеса.

Гитлер снял с поста командующего 20-й горной армией генерала Рандулича и назначил командовать войсками в Лапландии генерала Кейтеля, родственника известного фельдмаршала.

Советские войска подошли к норвежской границе. Верховное Главнокомандование дало санкцию на ее переход. Дипломатически этот шаг был подготовлен, еще раньше — по инициативе норвежской стороны — состоялись переговоры, было подписано совместное соглашение.

Дороги были в наших руках, но полностью обеспечивать войска по ним было нельзя. Часть грузов пошла на судах через Лиинахамари и Петсамо, сюда поплыли пароходы в охранении боевых кораблей. Но дальше путь этих грузов все равно лежал через единственную дорогу.

Пришлось остановить наступление. Для продолжения его требовалась подготовка.

Стоявшие во втором эшелоне у Лицы 31-й стрелковый и 127-й легкострелковый корпуса подтянулись к Никелю, и 18 октября вместе с другими частями армии перешли норвежскую границу. 22 октября начались бои за Торнет. На южное побережье Варангер-фьорда, в Сер-Варангер флот высадил десанты в Суоловуоно, Аресвуоно и в Хальменгро-фьорд.

Киркенес освободили 25 октября, затем дошли до Нейдена.

Верховное Главнокомандование дальнейшее продвижение советских войск остановило.

Глава двадцать восьмая

Еще летом в отделе стали готовить несколько групп разведчиков для работы в Финмаркене и Тромсё. По многим признакам чувствовалось, что скоро начнется наступление советских войск на севере, именно поэтому требовалось в дальнем вражеском тылу основательно изучить обстановку.

Подготовленных и опытных разведчиков для этих сложных заданий становилось все меньше. Летом за короткое время погибло три группы.

Сёдерстрем вместе с напарником по прошлой высадке Эйлифом Далем был назначен в новую операцию. Они должны были прыгнуть с самолета чуть поодаль от Киркенеса, возле озера Гарше, проникнуть в Тромсё и устроиться там работать. Из Норвегии были привезены надежные докумен-

ты. В городе жили и родственники, и старые друзья, на которых можно было положиться. На задание вылетели 18 сентября. Подошли к цели, сбросили парашюты с грузом. Но еще в полете Даль почувствовал себя плохо, он почти терял сознание. Пришлось выброску отложить. Разведчики вернулись обратно на аэродром. Заболевшего положили в санчасть на обследование.

Вот по этой причине руководство отдало приказ Чемоданову и Чаулину идти пешком от Нордкина к дороге Петсамо—Рованиеми.

Сёдерстрем сразу же переключился на выполнение другого задания: высадиться на остров Квалей, вплотную подобраться к важной морской базе — Хаммерфесту. По возможности проникнуть в город, легально там осесть. Невдалеке находился аэродром, интересующий флотское командование.

Наступление советских войск продолжалось, уже был освобожден Киркенес. Командование флота хотело знать, как поведут себя убежавшие из-под Мурманска и Киркенеса немцы, будут ли отходить дальше на юг или останутся тут, не нацелятся ли на Варангер вражеские корабли из Хаммерфеста.

Сёдерстрем и Оддвар Сибблунд высадились на Квалее 28 октября, устроились и начали работать. От них поступили первые радиogramмы, однако через несколько дней местная жительница Дина Ну заметила разведчиков и донесла об этом оккупантам. К местечку примерно в восьми километрах от Хаммерфеста, где обосновались Сёдерстрем и Сибблунд, отправился отряд карателей.

Произошла схватка. Как пишет норвежский писатель Х. Фьёртофт, разведчики застрелились. Погибла еще одна группа, пятая за последние месяцы.

Владимир Ляндэ, Анатолий Игнатьев и Михаил Костин после выполнения девятимесячного задания на Варангере, изголодавшиеся, изможденные, 26 октября оказались, наконец, на борту торпедного катера.

На смену им высадились Эйлиф Даль и Юппери Франс.

В прошлую зиму они оба полгода отдежурили с Сёдерстремом на Нордкине.

Им приказали наблюдать за морем с северного берега Варангера, возле которого дежурили в засаде подводные лодки. Работали они полтора месяца, ушли обратно в середине декабря, когда в их зоне на суше и на море прекратились боевые действия.

В те же места, где прошлой зимой и весной дежурила группа Ляндэ, в окрестности Вадсё снова отправился Трюгве Эриксен.

Экипаж командира самолета Захарова рано утром 23 октября высадил с парашютами его и Дагни Сибблунд. До этого они трижды пытались выброситься, но сначала погода не позволила выйти к цели, в следующем полете самолет обстреляли вражеские зенитки, опять пришлось вернуться. Потом полетели на «Боинге». Но при взлете открылся бомбовый люк, два мешка груза разведчиков упали в озеро. Командир повернул самолет на посадку. Однако шасси наружу не выпускались, люк не закрывался. Летали, делая разные маневры, три с половиной часа, пока все не стало на свои места.

Пришлось дать время разведчикам успокоиться, прийти в себя.

В последнем полете Эриксену почему-то подумалось, что Дагни не решится ступить в темную бездонную пропасть неба. Однако по команде она прыгнула без всякой задержки. Следом кинулся в проем и Трюгве. На какое-то время потерял сознание, но в беспамятстве летел, видимо, несколько секунд, когда очнулся, заметил, что земля стремительно надвигалась на него. Приземлился спокойно, поглядел вверх — самолет после разворота взял обратный курс.

Эриксен спрятал парашют, собрал вещи и пошел на поиски напарницы. Перешел небольшую возвышенность. Впереди дорога раздваивалась — одна вела к прожекторной установке, другая к наблюдательному пункту около озера.

У дороги заметил двух человек. Недалеко от них стоял шалаш. Трюгве повернул туда. Однако люди с дороги открыли по нему стрельбу, но, поняв, что он идет не к ним, пере-

стали. Как он потом узнал, до 9 часов утра тут ходить запрещалось, во всякого нарушившего приказ стреляли без предупреждения.

Двое по дороге ушли дальше, а Трюгве, чтобы не накликать еще какую беду, повернул обратно к месту, где оставил парашют.

Навстречу приближался человек. У Трюгве мелькнула тревога, не берут ли его в клещи. Он достал пистолет, приготовился отстреливаться. Но вскоре понял, что это Дагни. От сердца отлегло. Имущество и продукты у них с собой, оружие тоже. Приближалось утро, небо светлело, окрестность вырисовывалась все четче.

В сумраке развернули рацию, попытались передать первую радиограмму. Трюгве вслух бранил радиона начальников на базе, что не отладили аппарат. Про себя же костерил свою напарницу: не могли выделить смышленного мужика, теперь возись тут с неумехой, терпи возле себя это божье наказание.

Договорились днем никуда не ходить, лишь отойти от дорог подальше в сторону. Прошли с полкилометра по болоту и, выбрав довольно сухой кочковатый бугорок, разостлали палатки, легли, завернувшись в них.

Стало совсем светло. Впереди виднелась какая-то хижина, может быть, даже шалаш из жердей и прутьев, покрытый сеном. Невдалеке ходили люди: одни держали путь в горы, другие шли обратно. Эриксен предположил, что они уносят подальше от селений и прячут в горах свое имущество, оберегая его от карательных команд оккупантов.

По дороге на запад проехали две автомашины с солдатами, метрах в ста от лежащих в укрытии разведчиков они остановились. Солдаты выпрыгнули на дорогу, ходили, разминаясь. Потом перекусили.

А Дагни, едва приготовившись передавать радиограмму на базу, вынуждена была быстро свернуть рацию. Когда машины уехали, разведчики перешли на другое место.

Дагни стала чувствовать себя неважно, видимо, сказывалась простуда.

Поблизости от их наблюдательной точки виднелся доща-

тый летний домик. Целый день не сводили с него глаз. Никого не заметили. Успокоенные, отправились туда. Постучали в дверь. Изнутри по-норвежски пригласили зайти. Там оказались трое мужчин — пожилой норвежец и двое его пасынков. Они рассказали, что ушли из селения и спрячутся здесь уже неделю. Немцы, отступая, угоняют с собой всех жителей, жгут дома. Они не хотели бежать вместе с немцами, поэтому скрылись здесь. Сначала разговор шел достаточно откровенно, но потом возникла напряженность.

Трюгве спросил хозяина, отчего они насторожились. Тот ответил, что не может понять, кто они такие. На родню не похожи, с какой целью они тут ходят?.. Может, оккупантам служат?.. Трюгве уверил хозяев домика, что они такие же норвежцы, уходят из Вардё, держат путь в Якобсэльв, к родне. Пронесся слух, будто в Киркенесе уже русские. Вот разузнают все поточнее, чтобы не попасть в лапы к немцам, и пойдут к своим.

Расплатившись за гостеприимство, Трюгве и Дагни собрались уходить. Старик велел старшему из пасынков Петтеру Хильдунену одеться и провести их через болото, указать безопасный путь. По дороге парень рассказал обо всем, что случилось за последние две недели.

В одной хижине невдалеке прятался человек, который назвался русским, бежавшим из плена, якобы он ищет удобный случай перебраться к своим.

Эриксен по выработанной давней привычке к осторожности ответил, что к этому человеку идти не стоит, неизвестно, кто он такой. Лучше сначала понаблюдать за ним.

Подкрались поближе к шалашу, залегли в кустах. Часа через два человек появился на улице. Эриксен постарался почетче запомнить его. Тревожило какое-то смутное беспокойство.

Трюгве предложил незаметно уйти отсюда.

Петтер открыл Эриксену, что по заданию полицмейстера тут ищут каких-то русских.

О том, что началось наступление Красной Армии, говорили сами немцы. Они торопливо собирались и уезжали, бра-

ли только самое необходимое. Все спешили на запад, к Тромсё.

Кое-кто из соседей слушал радио. Дошли вести, что русские навалились небывалой силой. Немцы бежали отовсюду в беспорядке. Они объявили приказ о насильственной эвакуации всего местного гражданского населения на запад. Заставляли отходить под страхом казни. Жгли дома, угоняли скот, взрывали мосты. Забирали у жителей лошадей, велосипеды, отнимали все моторные боты.

Петтер пообещал сходить в селение и поточнее разузнать, все ли немцы ушли отсюда.

Спустились в долину, где притулился хуторок в несколько домов. Их провожатый побыл там немного и вернулся назад. Жители рассказали, что через Якобсэльв проходили три тысячи эсэсовцев, торопившихся побыстрее уйти на запад. По пути они ломали шлюпки, прорубали топорами пробоины в бортах и днищах ботов, топили их.

Ходят разговоры, что через несколько дней после начала русского наступления министр полиции Йонас Лиэ и другой министр Липпестад прилетели в Киркенес, Квислинг назначил их управляющими областью Финмаркен и возложил задание эвакуировать жителей и имущество из этой области.

Но в Киркенесе оба министра увидели, что делать тут нечего, ситуация вышла из-под контроля. Многие норвежцы уезжать вместе с оккупантами не стали, они ушли в горы, спрятались за болотами, укрылись в летних домиках.

Губернатор области заблаговременно убрался со своим окружением в Хаммерфест. Лиэ доложил Квислингу, что эвакуация людей отсюда, особенно из Сер-Варангера, практически невозможна. Все дороги и населенные пункты переполнены немецкими войсками до предела. Гражданскому населению никуда не пробиться. Люди ищут спасения в горах.

Русские войска уже вступили на норвежскую землю.

О том, что удалось узнать, частично сообщили в первой радиোগрамме в базу, которую передали 27 октября. На следующий день об остальном донесли тремя радиোগраммами.

Вечером тридцатого Хильдунен не пришел. Трюгве и

Дагни спустились в долину реки Стуральв, там в кустах уложили свое имущество, пошли осмотреть округу. Невдалеке обнаружили протянутую между двумя невысокими мачтами антенну. Значит, работать тут на их радию нельзя.

На горе Наттфьелл вышли на связь с базой, передали сообщение и попросили срочно пополнить батареи.

Утром 2 ноября над ними появился самолет. Эриксену показалось, что с него подали условный сигнал. В ответ он выстрелил ракетой по курсу. Но самолет улетел. Днем три истребителя кружили на малой высоте, через пять дней видели еще истребитель, шел он низко. Заметили прикрепленные снаружи тюки с грузом, разглядели и летчика в кабине. Сигнализировать ракетами Эриксен не стал, кругом ходили люди. Самолет на последнем круге повернул на северо-восток, уже на отходе от места выброски от фюзеляжа отделился тюк, а самолет скрылся из видимости. Два дня безуспешно искали груз.

Наблюдали взрывы возле Вадсё, на южном берегу фьорда видели, как горели бараки между Кибю и Хевиком. Но связи с базой не было, батареи годились только для того, чтобы их выбросить.

В город идти не могли, гражданскую одежду должен был закинуть самолет.

Их посыльный побывал в Вадсё, принес известие, что немцы оттуда почти все ушли, остались только те, кому приказано привести в действие взрывные устройства.

К озеру пришли два мальчика-подростка. Кто они — выяснять не стали, скорее всего где-то поблизости есть и взрослые.

Эриксен отдал Дагни бинокль, велел наблюдать за округой, а сам пошел поглядеть, что делается у видневшейся в стороне хижины. Подкрался тихо. У двери лежали кожаная куртка, плащ, рукавицы и другие житейские мелочи.

Прислушался. Говорили по-норвежски:

— Черт возьми, ходили-ходили, русских не встретили... Еды теперь у нас хватит... Рыба копченая есть.

Трюгве постучал в дверь. Оттуда вышел человек, затем другой.

Они представились норвежцами, спрятавшимися от немцев. Один остался варить рыбу и кофе, со вторым Эриксен отправился за Дагни.

Утром вместе пошли искать груз. В пути новые знакомые признались, что они не беженцы, а посланы сюда полицией для поиска русских.

Груз не нашли. Норвежцы пошли к хижине, а Эриксен и Дагни отправились в горы.

Немного отойдя, они остановились, чтобы спокойно поразмышлять, что делать дальше.

Связи лишились. Новых батарей нет, да и за день-два едва ли их добудешь. База не знает, что с ними. Норвежцы, с которыми они познакомились, говорят, что тут ищут каких-то русских. Не их ли? Может, лучше пойти в Вадсё, оттуда, видимо, ушел последний отряд немцев, которых оставляли для взрывных работ. Из Вадсё на боте можно переправиться в Киркенес, а там рукой подать до своих.

На том и порешили.

В хуторке нашли Ананиансенов Оскара и Ингольфа. Эриксен попросил, чтобы звали его Сергеем. Их со спутницей надо доставить до ближайшего русского поста, лучше всего, если там есть офицер. Те ответили, что они еще не знают, появились ли русские в Вадсё, надежнее идти к южному берегу, к Киркенесу. Но у них нет бота, не на чем пересечь залив.

Пришли в полицейский участок в Вадсё. В городе боев не было, но многие дома сгорели, в порту повсеместно следы взрывов. Пригодны для жилья лишь несколько зданий.

В полицейском участке старший адвокат Гюннар Мюре узнал Эриксена. Понял, что тот называет себя Сергеем не случайно, — ему давно было известно, что Эриксен еще до войны ушел через море на советскую сторону, а спутница его слишком молода, чтобы он мог помнить ее по тем годам, в жены она Трюгве по возрасту не подходит, прекрасно говорит по-норвежски, ясно, что это ее родной язык и что она не просто прибилась к Эриксену по пути.

Нашли автомашину и поехали по дороге к тому месту, от-

куда было ближе всего до хижины, у которой разведчики оставили свои вещи.

Провожавший их в поездке Самульсберг рассказал, как люди в последнее время скрывались в горах и в болотах, чтобы их насильно не угнали на запад. Когда Трюгве спросил его, почему люди не хотели уезжать вместе с немцами, тот ответил: зачем искать счастья на чужой стороне, лучше и надежнее быть на родине. Ведь многие ждали прихода Красной Армии, помогали ей. Для чего от нее уходить? Не всем выпало счастье дожить до освобождения, своими глазами видеть, как завоеватели в страхе побежали на запад.

Он знал тех, кого арестовали и судили в Комагвере за поддержку русских разведчиков, рассказал о прошлогодних арестах и казнях в Берлевоге.

Эриксен хотел уточнить, кого арестовывали первыми — разведчиков или местных жителей. Самульсберг точно об этом не знал. Но в записях полицейского участка значится, что разведчиков взяли в последних числах июля или в начале августа, а через две недели начались аресты в Берлевоге и в Перс-фьорде. Попали в тюрьму Биргер Ютне, Туральф Матисен, Сигурд Эриксен, Карл Эриксен, Хильмар Халвари и Карл Кристиансен.

Возвратились в Вадсё, оттуда на боте перебрались в Киркенес.

На причале увидели того человека, которого Трюгве разглядывал из укрытия у хижины на болоте. Шел он вместе с чином из полиции, дружески разговаривая.

Эриксен понял, что интуиция его не подвела.

Из Киркенеса перебрались в Лиинахамари, а оттуда морской охотник перекинул их в Полярное.

Последний поход для Трюгве Эриксена и его напарницы завершился. Трюгве не был доволен результатом, он считал, что из-за потери радиоконтакта не удалось полностью выполнить задание.

Впереди был короткий отдых в базе, а потом возвращение со всей семьей на родину, в Киберг. Теперь уже на всю оставшуюся жизнь.

Части 14-й армии за Нейденом остановились, дальше на запад не пошли. Весь полуостров Варангер, где в Вардё, Киберге, Вадсё стояли немецкие гарнизоны, по побережью были расставлены береговые батареи, прожекторные и шумопеленгаторные станции, а в некоторых фьордах базировались сторожевые катера, — остался без надзора.

Во внутренней узости Варангер-фьорда, на северном его берегу, почти напротив Киркенеса, обосновался городок Вадсё. Туда и приказал адмирал Головко подобраться отряду флотских разведчиков.

Связь с Трюгве Эриксоном после нескольких сеансов нарушилась. Он уже пять дней не выходил на контакт, и хотя в своей последней радиограмме донес, что питание к рации на исходе, просил быстрее прислать новое, тревожные мысли настойчиво лезли в голову начальника отдела Бекренева и офицеров, готовивших и забросивших группу. Всякое могло случиться. Наступление Красной Армии ожесточило немцев, не исключено, что группу обнаружили и взяли.

Отряд уже неделю готовился к заброске на Варангер. Получили и продукты, и боеприпасы, и имущество.

В беседе у командующего решили эту часть операции проводить в два приема: сначала послать с воздуха с парашютами одну группу, когда она осмотрится и донесет, что побережье не блокировано крупными немецкими силами, высадить весь отряд с моря.

Кончались вторые сутки, как с самолета закинули группу Лобанова, а никаких сигналов от нее не поступало. Ни разу их передатчик в эфир не вышел. Маловероятно, что немцы изловили группу в глубине материка... Но вдруг какая-нибудь неожиданность?

Бекренев вызвал Леонова, сказал, что задание подписано. Только обстоятельства несколько изменились: если Лобанов на берегу у Лангбюнеса отряд не встретит, пройти в глубь материка километров на пятнадцать-двадцать, к горе Грютауген, там искать группу или ее следы. После этого вернуться к берегу, осмотреться и пойти в Вадсё, выяснить, что происходит в городе, быстро обо всем донести.

Ровно в полночь 2 ноября два торпедных катера под ко-

мандованием капитан-лейтенанта Антонова вышли из Пуманок и взяли курс на северо-запад. Через два часа подошли к Лангбюнесу.

Катер приблизился вплотную к урезу воды, к самой береговой кромке. Шлюпки не потребовались, высадились на берег по трапам.

Группа Лобанова на берегу отряд не встретила. Ее надо было искать.

Катера сразу же ушли обратно. Разведчики вышли на пустынное шоссе. Пошли по дороге походным маршем. Все мосты через ручьи и речки взорваны, дорога местами и броды минированы. Но мины поставлены торопливо, небрежно, не замаскированы. На ходу их обнаруживали и обезвреживали.

Перед рассветом свернули с дороги, спустились в долину реки Комагэльв и по ее берегам — то правому, то левому — там, где идти удобнее, береговая кромочка пошире и не загромождена каменными валунами, а усыпана галечником и некрупными окатышами, пошли вверх по течению.

В предутренние часы разгулялся буран, снег несло почти сплошной пеленой, временами он переходил в дождь. Вокруг ничего не было видно даже на полсотню метров. Курс держали только вдоль русла реки. Благо цель была к ее истоку — гора Грютауген, куда забрасывалась парашютная группа.

Шли подряд весь день, ни разу не останавливаясь на большой привал, лишь иногда присаживались, чтобы наскоро перекусить.

Около четырех часов буран утих, окрестности виднелись чуть четче, хотя и надвигались уже вечерние сумерки.

По карте определили свое место. До подножия горы Грютауген оставалось около пяти километров. В этой зоне выбрасывались парашюты.

Отряд растянулся вширь цепью и, держась за русло реки как за указатель пути, начал осматривать каждый пригорок, ложбинку, заглядывать в каменные завалы, проверять кустарниковые заросли. Местами разрывали снег, если казалось что-то похожее на следы привала или костра.

Уже совсем стемнело, когда наткнулись на полуразрушенный летний домик, в котором сидели в темноте трое из парашютной группы.

Порадовались встрече, расспросили, что случилось. Оказалось, командир группы капитан 3-го ранга Лобанов при прыжке с парашютом разбился насмерть, тело его на месте гибели, в трех километрах отсюда.

— Расскажи, Сергей, как это произошло. Только вы и остались ото всей группы? — обратился Леонов к Григоращенко, который из отряда уехал на это задание всего лишь несколько дней назад.

— Да, тут мы трое...

— А остальные где?

— Не знаем. Мы их не нашли.

— Но прыгали-то все?

— Конечно.

— Куда они могли деться?

— Сами понять не можем.

— Тогда, Сергей, начинай все сначала.

Григоращенко вспоминал, как уехали из Полярного в Ваенгу. Пришли в губу Грязную на катере вечером, кругом было уже совсем темно. Уложили парашюты, упаковали груз в мешки и рюкзаки, закрепили оружие и снаряжение. Все примерили, опробовали, подтянули, чтобы не болталось, договорились об очередности прыгать и сбрасывать груз. Сергею по расчету выпало после прыжка четвертого десантника выбросить через бомбовый люк мешок с боеприпасами и продовольствием, а потом нырнуть туда и самому.

Когда все приготовили и проверили, осталось время отдохнуть. До одиннадцати вечера в красном уголке рассказывали летчикам про свое житье-бытье, те, в свою очередь, шутками и прибаутками отвлекали разведчиков от тревожных мыслей о близкой выброске.

На посадку в самолет пробирались в кромешной темноте, придерживаясь за перила деревянных трапов и ощупью ставя ноги на истоптанные ступеньки. Расселись в гидроплане вдоль бортов на жестких алюминиевых откидных скамьях и с воды без всякого освещения взлетели.

В полете командир группы капитан 3-го ранга Лобанов объяснил задачу. Им предписано выбраться северней Вадсё, внимательно осмотреть место приземления, потом выйти на побережье, выяснить, есть ли в мелких селениях оккупанты, много ли их. Как только узнают, что большие гарнизоны не стоят, а корабли охрану возле берега несут, — подать сигнал на высадку остальному отряду с моря. Каждый запомнил на карте то место, куда назначено приземлиться, условились, где собираться, если ветром разнесет их друг от друга.

Летели часа полтора. Поблизости стали рваться зенитные снаряды, шрапнель сверкала в темноте искорками. По ним стреляли или случайно наткнулись на заградительный огонь — не разобрались. Командир самолета не рискнул подвергать операцию опасности и повернул назад на базу.

Приводнились в губе Грязной, командир группы Лобанов и экипаж ушли к командованию базы, разведчики остались сидеть в самолете. Вернулись через полчаса. Лобанов сказал, что переговаривали со штабом флота, оттуда приказали высадить группу во что бы то ни стало, зенитный огонь обойти стороной.

Снова взлетели.

На этот раз небо над Варангером было мирным.

Около половины четвертого утра подлетели к цели. Сначала прыгнули Агафонов, Пшеничных и Зубков. За ними пошел в люк Лобанов. Он крикнул Григоращенко, чтобы тот выбросил тук с грузом и прыгал. Сергей толкнул грузовой парашют, следом сунулся в люк сам, но за что-то зацепился рюкзаком и застрял, беспомощно барахтался, болтая ногами в воздухе снаружи самолета. Стрелок-радист подтолкнул его ногой. Сергей вывалился из люка и раскрыл парашют. Стропы никак не выравнивались, парашют не висел над головой, а кособочился куда-то в сторону. Матрос догадался, что дует сильный ветер, он-то и оттягивает купол вбок. Секунд через двадцать коснулся ногами земли, но не устоял, почувствовал, что куда-то падает. По скату скалы соскользнул вниз, ударился о камни, почувствовал боль в ногах и поясице. Ветер тащил его с парашютом, бил о валуны. Ото-

рвало сумки с дисками к автомату и гранатами. Кое-как дотянулся до голенища и вытащил нож, отрезал стропы. Встал и осмотрелся. Оказалось, попал в глубокую промоину ручья. Слева и справа теснились гранитные стенки.

Попытался подняться вверх. Ноги скользили по отвесным камням, рукам не за что было уцепиться. Подобрал парашют, сложил его комом, придавил камнями. Побрел по ручью искать пологий берег. Нашел покатый склон и по нему выбрался на плато. Достал компас, посмотрел на фосфоресцирующую стрелку, надеясь определить свое место нахождения. По ветру прикинул, что от первой тройки прыгавших его отдалило не менее чем на километр. Вспомнил, что ему велено было подобрать мешок с боеприпасами и продовольствием. Собрался идти на поиски, шагнул шаг-другой, но почувствовал такую острую боль в ногах и в пояснице, что присел. Ушибы, на которые сгоряча не обратил внимания при приземлении, теперь проявились: при каждом шаге словно бесчисленные иголки впивались в спину и в ноги.

Ползком, забирая кругами все шире и шире, стал осматривать каменную поляну. Ползал минут сорок. Наконец, возле нагромождения крупных валунов, руки наткнулись на мешок.

Перебрался обратно в ручей, приволок оттуда парашют, завернул в него груз. Ножом выкопал в торфе яму, опустил в нее мешок, снова засыпал, придавил камнями, выложив их приметной горкой.

Небо на востоке стало светлеть. Полежал, перекурил в раздумье. Что делать, где искать своих? Надежнее всего идти по ветру, добираться до южного берега полуострова Варангер.

Встал и, с трудом передвигая затекшие ноги, сцепив зубы от боли, попробовал перебраться от камня к камню. Одолеl метров сто. На поляне увидел белый купол парашюта, пополз к нему. Когда приблизился почти вплотную и приподнялся, чтобы посмотреть, сердце дрогнуло от испуга. На большом замшелом камне неподвижно лежал командир

группы Лобанов. Сергей осмотрел его. Не было никаких сомнений, что капитан 3-го ранга мертв.

Снял с погибшего планшет с картой и документами, автомат, кортик, часы, обрезал стропы парашюта, расстегнул «молнию» куртки и кое-как высвободил из нее уже застывшее тело. Сложил парашют в несколько слоев. Поднял покойного, перенес его на парашют и замотал тканью. Сверху накрыл курткой и положил морскую фуражку. Ножом стал резать и копать торф и насыпать холмик над захоронением офицера.

Потом опять долго сидел, курил, соображал, как ему поступить. Живы ли остальные, где их искать, почему никого из прыгавших вместе не оказалось возле него? Ответа на эти вопросы не находил.

Поднял голову, огляделся по сторонам... Краем глаза правее себя схватил, как мелькнул и скрылся за камнем человек. Сергей броском распластался возле валуна, высунул за камень автомат. Человек отрывался все дальше. Сергей крикнул вдогонку по-русски, потом по-немецки: «Стой!» Скрывшийся за камнем больше не показывался. Сергей оглянулся назад — через расщелину между валунов на него смотрело дуло автомата. Он узнал ППШ и изо всей силы заорал в ту сторону:

— Вылезай, я Сергей!

Человек с автоматом поднялся в полный рост. Это был радист-норвежец. Тот по-своему что-то крикнул, убежавший тоже вылез из укрытия. Это был второй радист.

Торлейф Утне и Гуннар Сёдерстрем летели вместе с ним в одном самолете на это задание, прыгали секундами позже Сергея.

Собрались втроем. Стали обсуждать, что делать.

Григорашенко показал, где он прихоронил разбившегося командира. Отырыли мешок, посмотрели боеприпасы и продукты. Все в целости и сохранности. Сильно обескуражило, что в момент приземления была повреждена рация и разбита батарея. В мешке нашли запасной комплект питания, опробовали его, но рация молчала.

День разгулялся, выглянуло солнце. Достали из планше-

та карту, сориентировались. Выходило, что сели поблизости от заданного места. Невдалеке нашли стожок сена, сложили из него шалаш, перенесли в него боеприпасы и продовольствие.

Радист распаковал рацию и стал искать неисправность. Двое устроились в дозоре.

К вечеру передатчик заработал, но на прием станция оставалась глухой. Составили радиограмму, зашифровали и передали на базу. Ответ не получили.

Как стемнело, пошли на разведку к берегу, к поселку Комагвер. Путь избрали по речке, то по кромке берега, то перескакивали с камня на камень посреди бурлящего потока.

К ночи приблизились к поселку. Двое залегли в засаде и стали наблюдать, а третий пошел к домам. Вскоре он исчез в темноте.

Тишину не тревожил ни один звук. Прислушивались, не раздастся ли крик, не залает ли собака, не прогремит ли выстрел. Но ничто не нарушало безмолвия. Даже плеск прибоя не доносился. Через полчаса внезапно и тихо вернулся их посланец. Сказал, что в поселке все спокойно. Не светится ни одно окно. В дома не заходил. Никаких признаков пребывания воинских подразделений не заметил.

Отправились в обратный путь. Добрались до своего шалаша. Снова на базу пошла радиограмма, указали свое место, известили, что командир группы погиб.

Торлейф Утне сказал, что невядалеке должен быть летний домик. Отправились туда.

Распределились поочередно поспать часа по три-четыре, а потом идти к Вадсё и там искать встречи с отрядом.

Уже заметно смеркалось, когда Гуннар, лежавший в дозоре, заметил, как со склонов сопок к ним двигалась длинная людская цепь. Заняли оборону, приготовились к сопротивлению.

Как только разглядели, что это свои, таиться перестали.

Неудача с выброской парашютной группы заметно уменьшила боеспособное ядро отряда. Выполнять задание предстояло меньшим числом и в более короткий срок.

Как ни жестко ограничивает время, уйти, не выяснив судьбу остальных парашютистов, нельзя.

В темноте проводить розыск смысла не имело.

Леонов решил устроить большой привал у домика. Кто сидя, кто приткнувшись к кочке, в полудреме дожидались рассвета.

Утром, едва забрезжило, собрались на поиски. Андрей Залевский с группой пошел правым берегом реки, от ночного привала до подножия горы Фалькефельст. Барышев и Коротких повели другую группу в восточную сторону. Степан Овчаренко отправился со своей группой к северо-западному ее скату.

Ходили целый день. Наткнулись только на грузовой парашют. Никаких признаков остальных высадившихся парашютистов не отыскиали.

После короткого привала собрались обратно в Комагвер.

Разложили по рюкзакам боеприпасы и продукты, выброшенные с самолета. Поплотнее завернули в парашют тело капитана 3-го ранга и отправились назад. Шли берегом ручья, по нему нет крутых спусков и подъемов, как в сопках и лощинах. Ручеек скатывается в Комагэльв, а та впадает прямо в залив Варангер. И следить в темноте за тропинкой лучше, она почти не теряется.

Прошли километров десять. На привале связались по радио с базой, сообщили, что остальных парашютистов не нашли. В ответной шифровке получили приказ как можно быстрее выяснить обстановку на побережье и донести. К берегу идти ускоренным маршем. Поневоле решились похоронить Лобанова, не нести его дальше.

На развилке при впадении ручья в Комагэльв остановились на высоком сухом мысу. Вырыли в каменистом грунте могилу, опустили в нее завернутое в парашют тело Николая Лобанова. Холмик обложили камнями, в изголовье поставили большую каменную плиту, кинжалами выдолбили в ней фамилию русского морского офицера, отдавшего жизнь за освобождение Норвегии.

Встали по обе стороны могилы, сняли широкополые, при-

крывающие даже плечи кожаные шлемы. Лейтенант Гузненков произнес прощальную речь.

— Пусть каменистая земля студеной Норвегии будет тебе пухом, наш боевой друг и товарищ, — с усилием удерживая спазму в горле, глуховато говорил Иван Иванович. — Ко многим могилам флотских разведчиков, погибших тут, на норвежской земле, прибавилась еще одна. Память о вашей короткой, светлой жизни сохраним в своих сердцах.

Здесь, в суровых скалах, на гранитных норвежских берегах и на дне глубокого моря навсегда остались многие наши товарищи. Они храбро воевали и честно служили народу. Даже в самую отчаянную минуту они бились до последнего и живыми врагу не сдавались.

Придет время — и благодарные норвежцы с сердечной признательностью станут возлагать на ваши могилы цветы, зажгут в вашу память негасимый огонь. Вы отдали свои жизни, чтобы приблизить час освобождения их родины от фашизма. А пока мы оставим тебе памятником простой дикий камень. Он от тех, кто делил с тобой горести лихолетья и радости побед. Мы пойдем вперед, наш путь лежит на запад, до полного поражения нашего врага.

Залпом из автоматов и пистолетов почтили моряки память погибшего боевого друга.

Уже после полуночи вышли к небольшому поселку Комагвер на берегу моря. Дома выстроились рядками по обе стороны шоссе, связывающего Вардё и Вадсё. Немного восточнее этого поселка отряд высадился прошлой ночью.

В селении тихо, ни движения, ни огонька. Возле домов чисто, никаких следов поспешного ухода, заброшенности или запустения. Хозяев, видно, свалил глубокий сон после дневных забот и тревог.

Разведчики выставили дозоры на шоссе по обоим концам поселка. Подошли вплотную к ближнему дому, постучали. Открыла женщина средних лет. Она не испугалась, не захлопнула дверь перед незнакомыми людьми с оружием. Норвежки сдержанны, немногословны, умеют управлять собой. Жизнь в каменистом прибрежном крае по соседству с

холодным морем и нелюдимой тундрой, вероятно, уравнивает их характеры.

Сразу же представились, спросили, нет ли на постое немцев. Дверь распахнулась настежь, хозяйка позвала нежданных визитеров в дом.

В комнате сидели еще две женщины примерно одинакового возраста с той, что впустила ночных гостей. Они были в брюках и пушистых цветных свитерах с высокими воротниками. На плечи накинуты не то пледы, не то шали. Из соседней комнаты вышла старуха, довольно крепкая, рослая и худощавая.

Поздоровались с хозяйками, объяснили, зачем пришли, попросили согреть горячей воды.

Старшая из женщин вернулась в соседнюю комнату. Через короткое время она привела троих мужчин и старика. Разведчики оказались в большой рыбацкой семье.

Женщины хлопотали у плиты, кипятили воду. Мужчины раскурили трубки. Табак у пришедших ароматный, трубочный. Завязался неторопливый разговор, в котором гости расспрашивали хозяев, что они знают о немцах, что слышали о наступлении советских войск на севере, каким путем лучше добираться до Вадсё, опасно ли идти по дороге.

Переводил беседу Торлейф Утне, иногда к разговору подключался и что-то уточнял Гуннар. Норвежцы ждали появления русских со дня на день. Как ни карали оккупанты за пользование радиоприемниками, правдивые вести из-за моря доходили до них. О большом наступлении Красной Армии на севере они узнали не только по радио. В последние дни они и сами видели, как через Сер-Варангер и Финмаркен на запад бежали немцы от фронта на Лице. Сплошные колонны машин, повозок, запряженных лошадьми, катились по прибрежной дороге безостановочно. Те, что отходили последними, взрывали за собой мосты.

Хозяева полагали, что из Вардё, скорее всего, немцы ушли. Но точные вести до них не дошли. Весь вчерашний день дорога на запад была пуста. Из Вадсё известий точных нет. Телефон не работает, столбы повалены, хозяева пользуются лишь вестями, что устно передаются от селения к селению.

Им думается, что немцы за эти сутки покинули Финмаркен. Вчерашней ночью в Вардё отсвечивали огромные сполохи, как будто там что-то взрывалось, похоже, что стреляли большие корабли. Почти круглые сутки летают советские самолеты.

Пока беседовали, в комнату набилось народу, как на собрание. Появились жильцы соседних домов, своими глазами захотевшие повидать русских, узнать от них достоверные вести о положении на фронтах. Особый интерес вызывали норвежцы, которые пришли вместе с русскими. Раньше они жили в соседних селениях, давно знали друг друга, только война разлучила их на четыре года.

Пришедших напоили горячим чаем, внимательно слушали их рассказ о том, как разгромили вражескую оборону на Лице, как нынешней осенью завершили освобождение советской земли, какие тяжкие разрушения остались там, где хозяйничали фашисты, зачем Красная Армия переступила границы соседних западных государств.

О советских парашютистах поморы не упоминали. Было ясно, что в здешних местах они не появлялись.

О том, что случилось с воздушным десантом, узнали, лишь когда вернулись на базу.

Андрей Михайленко прыгал последним. Как только купол парашюта раскрылся, почувствовал, что ветром его быстро сносит в сторону. Едва коснувшись ногами земли, он сильно ударился о камни, потерял сознание. Парашют стропами зацепился за валуны. Когда пришел в себя, потянул стропы, купол сник и упал.

Поднялся, ощупал себя. Кости целы, ноют лишь ссадины, шагать можно. Осмотрел округу, искал товарищей. Никого не нашел. Собрал парашют комом и зарыл его в торф. Прикинул по компасу, где могли оказаться остальные, и пошел в ту сторону. Кричал, стрелял из автомата — никто не отзывался, лишь шумел ветер порывами.

Усталый, Андрей лег у большого камня и уснул. Рассвело. Проснувшись, огляделся, наскоро перекусил, поднялся и снова пошел искать своих. Но ни единого следа на глаза не попало. Понял, что ветром его отнесло далеко от группы,

тогда он решил идти к Вадсё, оттуда ближе к материку, к наступающей по побережью армии. Он знал, что там должен появиться весь отряд.

По сопкам, по болотам, по заснеженной безлюдной тундре, через ручьи, возле озер шел он на юго-запад трое суток, один-одинешенек среди заполярного безлюдья.

На четвертые сутки с высокого хребта увидел широкую долину, а на ней разглядел несколько летних домиков. Сел возле камня и долго раздумывал, стоит ли идти к ним, кто там может оказаться — друзья или враги?

Достал из рюкзака консервы, флягу со спиртом, выпил с полкружки, плотно подзаправился. Мрачные мысли улеглись сами собой. И все же сомнения одолевали его. Наконец, решил — будь что будет, автомат снаряжен, гранаты есть, дешево жизнь не отдам. Встал и медленно, настороженно направился к домику, потом пересилил себя и кинулся бегом.

Постучал в дверь. В окно выглянул человек. Андрей нажал на спусковой крючок автомата, но затвор оказался на предохранителе. В запальчивости он по-русски матюкнулся. Дверь распахнулась, и на улицу выскочили трое. Моряк отпрыгнул назад, наставил на них автомат, но услышал родную речь: «Стой, свои...»

Михайленко оглядел их, спросил, кто такие. Это был экипаж штурмовика, сбитого над Варангером. Петр Смородин и Юрий Потехин посадили подбитый самолет и отправились кружным путем на родину, надеясь на материке где-нибудь проскочить через линию фронта. После долгих блужданий по тундре и сопкам набрали на этот домик, где их приютил норвежский патриот Сверре Бьерве.

Теперь уже вчетвером, с оружием можно было действовать смелее. Появилась надежда дойти до своих.

Сходить в разведку вызвался Сверре Бьерве. Пока его ждали, над ними несколько раз пролетали советские самолеты. Подавали им сигналы, однажды даже показалось, будто самолет в ответ качнул крыльями, но в сопках он сесть не мог.

Возвратился Бьерве. Узнал, что немцы бегут из Вадсё, взрывают мосты, топят суда, угоняют людей. После таких

вестей усидеть на месте было не под силу. Сразу же отправились к морю, торопясь поскорее добраться до города.

Невдалеке от Вадсё Бьерве свел их с группой из норвежского Сопротивления. Встретили их радушно, стараясь угостить всем, чем могли. В город идти пока не посоветовали, потому что еще не все немцы его покинули.

Вечером, в сумерках, их отвезли к берегу на стареньком автомобиле в надежде переправить на советскую землю. У взорванного моста машину пришлось оставить и дальше идти пешком. В небольшом поселке Хибю им подыскивали два мотобота. На том, что показался понадежнее, вышли в море и взяли курс на Рыбачий. Кроме Михайленко, Смородина и Потехина на родину отплыли еще два бежавших из плена солдата.

Ночью они видели торпедные катера, но те на ходу их не заметили, не обратили внимания на сигнальные ракеты, которыми стреляли с бота.

На рассвете показались берега Рыбачьего. Навстречу спешил тральщик. Световыми сигналами с мостика их запросили, кто они такие и куда следуют. Фонаря ратьера на боте не было, отвечать было нечем. Не снижая хода, продолжали идти на сближение со встречным кораблем. С расстояния полукабельтова Михайленко флажным семафором написал, что они русские моряки и летчики, идут из Норвегии на Рыбачий, а бот и команда норвежские. С тральщика приказали идти следом за ними. Так они оказались в Пумманках, а затем и на материке.

Более дальним, кружным путем добрались до Полярного Агафонов, Зубков и Пшеничный.

Они прыгали с самолета раньше остальных. Как только парашюты раскрылись, их потянуло в сторону, ветер рвал полотнища, справиться со стропами и выровнять парашюты не могли. У земли сообразили, что надо отрезать стропы ножами, и все же ушибов каждому досталось изрядно.

Видели друг друга в воздухе и на земле сразу сошлись вместе. Парашюты придавили камнями. Уселись ждать, когда подойдут прыгавшие следом. Прошло с полчаса, никто

не появился. Осветили фонарем карту, приложили компас, прикинули, где должно быть место сбора, пошли к нему.

По небольшому квадрату ходили до утра, но никого не встретили. Всю округу изучили биноклем, но видели только сопки и снег.

Посидели, покурили в раздумье, договорились идти к тому месту на побережье, где намечалась встреча с отрядом.

Когда подошли близко к берегу, увидели три землянки, возле которых ходили немецкие солдаты.

Скрывшись от них за высоткой, сели советоваться. Вернее было направиться на запад, к Вадсё, где отряд должен был действовать после высадки. Идти вблизи дороги считали опасным, остерегаясь напороться на немцев.

Лощинами, в стороне от шоссе, шли сутки. На одной из высоток поднялись осмотреться: впереди, у берега, виднелся большой поселок. Сверились с картой. Определили, что они находятся у Свартнеса. Старательно разглядывали каждый дом, улицы, дворы, постройки. Заметили и подвижные вражеские дозоры, и посты у домов.

Влезли в стог сена и пролежали в тепле всю ночь. Семен Агафонов убедил всех идти в Вадсё. Если там отряда не окажется, предстояло обойти западную оконечность Варангер-фьорда, повернуть к Киркенесу.

Снова шли в стороне от дороги, потом руслом небольшой речушки повернули к морскому побережью. Наткнулись на землянку. В ней прятался красноармеец, убежавший из плена.

Пока за разговором подкрепились сами и подкормили солдата, к землянке подошли трое норвежцев. Десантники попросили провести их в обход немецких наблюдателей. Красноармейца, по его просьбе, взяли с собой.

В пути повстречались еще с одной группой норвежцев, по дороге к ним пристал еще один пленный. И его не оставили...

В небольшом поселке их привели к норвежцам из Сопротивления, которые подвезли моряков и солдат на автомашине в Вадсё. К вечеру из Киркенеса пришли два больших бота. С одного сошел офицер из штаба флота, разыскивавший

разведчиков-парашютистов. Он и доставил Агафонов, Пшеничного и Зубкова в Киркенес. В советской комендатуре им показали газету «Правда» с указом о присвоении звания Героев Советского Союза Агафонову и Пшеничному за бой на Крестовом. По такому торжественному случаю в легковой автомашине их отвезли в Лиинахамари, а оттуда на катере на Рыбачий. В Пумманках они встретились с Андреем Михайленко. А с Рыбачьего впервые за все военные годы их на самолете перевезли на базу.

Такую роль сыграл в жизни отрядных десантников штормовой приморский ветер, столько испытаний пережили они, пока не вернулись домой.

Митя Кожаев принял радиogramму и вручил ее Леонову. Командование флота изменило задание отряду. Вместо Вадсё приказано быстро добраться до Вардё и разведать обстановку. Если немцев там нет — установить связь с норвежскими властями и помочь сохранению порядка. Если же оккупанты еще держатся за этот островной порт — узнать, много ли их там и что они намереваются делать. О дальнейших действиях скамандуют дополнительно, когда разберутся в донесении отряда из Вардё.

Отряду вызвались помочь сыновья хозяина и трое молодых мореходов из соседних домов: идти предстояло ночью, дорога незнакомая, кроме того, были сведения, что немцы заминировали дороги, взорвали мосты. Местным тут все знакомо, с ними путь до цели наверняка станет короче.

Построились в походную колонну, распрощались с гостеприимными жителями и с несколькими ребятами из отряда, получившими травмы.

Леонов перекинул через плечо ремень маузера, сдвинул вперед по поясу пистолет и повел отряд. Рядом с ним были его связные и добровольные проводники из Комагвера. Потом шел взвод Никандрова, замыкал колонну второй взвод.

Командир отряда сразу принял быстрый темп. Ходить он напрактиковался: за войну отмерил ногами столько, что не каждому и за жизнь достается. Да и снаряжен был полегче. С ходу переходил ручеек или речушку и, не останавливаясь ни на минуту, шагал дальше.

Забрезжил рассвет. Молва о русских морях опережала идущих. И в каждом селении, небольшом хуторке к отряду присоединялись люди. Колонна росла как снежный ком.

И стар, и млад приветливо пожимали руки, благодарили за освобождение. Женщины обнимали и целовали шагающих разведчиков, на ходу передавали цветы. Люди будто захмелели от счастья. Узнавая своих земляков в отрядной колонне, поздравляли их с возвращением на родину.

Радостное возбуждение охватило ребят. Идти будто стало легче, и груз полегчал, и ноги быстрее зашагали.

Эта картина восторженной толпы так всем врезалась в память, что многие помнили ее всю жизнь.

К полудню второй взвод основательно устал. Марш-броски после переправ через речки и ручьи дали о себе знать. Командир поставил взвод во главе колонны, а Никандрову приказал идти замыкающим.

Рассвело, когда впереди показался Киберг. К северо-востоку, за проливом находился Вардё. Переход не велик, но без мореходной посудины его не одолеть. Стали искать подходящую, но на беду ни бота, ни баржонки-самоходки поблизости не нашлось. Жители с горечью рассказывали, как немцы, отступая по побережью, утопили в бухте все рыболовные суда. В бессильной злобе за свои неудачи они лишили рыбаков главного орудия промысла. Теперь в море выйти было не на чем.

Рыбаки-мотористы отремонтировали в одной из укромных бухточек старательно упрятанный бот, пригнали его к причалам. На нем большая часть отряда отплыла в Вардё.

Командира второго взвода с отделением Виктора Максимова оставили в Киберге. На него возложили ответственную миссию — быть обособленной советской комендатурой. Гарнизон, хотя и мизерный, должен был достойно представлять Красную Армию. В его обязанности входило наблюдение за морем, охрана домов и имущества норвежцев, обследование брошенных немцами береговых укреплений.

Ночевать оставшихся разведчиков разместили в трех домах. Они на безлесном севере не похожи ни на поморские рубленые хоромины со множеством пристроек и прирубов,

ни на бревенчатые пятистенки среднерусской полосы. Островершие, с крутыми крышами, будто легковесные, избушки кажутся неспособными противостоять штормовым ветрам. Сложены аккуратно. Дерево пускалось в дело бережливо. Прочный каркас обшивали изнутри и снаружи тесом-вагонкой, полости между стенками заполняли теплоизоляционными блоками или прессованными брусочками. Внутренние стены облицовывались древесно-стружечными плитами. Опрессованы они очень чисто, поверхности ровные, гладкие, края обрезаны тщательно, поэтому в паз и иголку не просунешь.

И топливо в безлесье научились расходовать рачительно, зря не пропадет ни одна калория. Моряки наблюдали, как хозяйки кипятили воду. Плита была чугунная, на гнутых фигурных ножках, со многими закоулками в ее утробе. Тепло, прежде чем попасть в уличный дымоход, проходило множество трубок, обогревая котелки, кастрюльки, бачки и на выходе — большой бак с водой. И обогревательные печи в комнатах тоже были чугунными. В дымоходах столько извилин, что на улицу выходил совсем остывший дымок.

Селяне с приближением боев укрылись подальше от опасности, ушли в горы, а теперь возвращались домой.

Разведчики отправились осматривать места, которые им предстояло охранять как представителям Советского государства. Вблизи поселка ни орудий, ни военных складов не оказалось. Затем пошли на позиции береговых батарей, обстреливавших морские ворота Варангер-фьорда. Снаряды этих пушек долетали на Рыбачий.

Дальнобойные орудия корнями росли в гранит у обрыва высокой скалы на самой кромке моря. Внизу плескалась о камни голубовато-пенистая волна. Влезали в гору сначала по извилистой дороге, потом по вырубленной в каменной толще лестнице. Она закончилась на площадке, которую немцы отвоевали у скалы. Они взорвали природный монолит, крупные обломки сбросили вниз, к морю, мелкие разровняли, залили бетоном. И на этом фундаменте установили батарею длинноствольных пушек.

Осмотрели их, заглянули в бетонированные колодцы, по

которым транспортерами поднимались снаряды из подземных артиллерийских погребов, зашли в бронированные казематы, потрогали подвесные койки, на которых отдыхала оружейная прислуга. Все сработано добротное, в расчете выдержать массированную бомбардировку с воздуха и обстрел с моря. Твердь скалы толщиной в сотни метров накрыта сверху бетоном и сталью.

Вернулись к орудиям. По скобам-ступенькам взобрались на зарядную площадку. Не удержались от соблазна и взгромоздились на ствол. Расселись на казеннике, попытались обхватить ногами эту махину, но ноги не достали и до половины окружности.

Прочно обустроивались тут оккупанты. Драться за норвежские берега и с моря, и с суши готовились всерьез.

И случись такая баталия — стоила бы она больших жертв.

Удар по фашистским войскам в Заполярье был таким ошеломительным, что, спасаясь от надвигающейся угрозы окружения и плена, остатки фашистских войск бросили все и поспешно побежали на запад.

Немцы на Варангере не стали ждать, пока их отрежут с суши и запрут в мышеловке. Они отступали к Нарвику, а затем на юг Норвегии.

Невольно напрашивалось сравнение. Летом 1941 года проход через перешеек с материка на Средний, а оттуда на Рыбачий прикрывал всего один полк 14-й дивизии. Его поддерживали артиллеристы, корабли. Врага вперед не пустили ни на шаг. Рыбачий и Средний остались неприступным бастионом. Вход в Кольский залив оказался надежно прикрытым. С Рыбачьего отправлялись многочисленные десанты на вражеские позиции. И в наступление на Большую Землю в 1944 году, чтобы соединиться с идущими с юга от Луостари и Кариквайвиша армейскими корпусами, морская пехота тоже пошла с Рыбачьего. Когда суровой осенью первого военного года полки 14-й дивизии отступали на восток, они верили в себя, в свою силу. Потому-то и стояли намертво. А немцам верить стало не во что. Не смутная надежда выиграть войну, а попытка унести ноги и выжить заставляла убежать с этой чужой им земли, от ненавидящего их народа.

Домик, в котором поселили ребят, стал самым людным в поселке. Шли поглядеть на русских моряков, о высадках которых на этом берегу ходило немало слухов и легенд. Не иссякали разговоры о делах житейских, о проблемах сегодняшних и завтрашних.

На юге, где еще хозяйничали немцы, сохранилось квислинговское правление. Но любому было понятно, что оно доживает последний срок. Северные провинции ему больше не подвластны. Говорили, что в Мурманске со своими кораблями появился король. Он будто намерен взять под личное правление освобожденные провинции. В Полярное и в Киркенес пришли норвежские военные корабли для связи с советским командованием на севере.

На самом же деле король, правительство и депутаты стортинга находились еще в Англии.

Бойцы отрядов Сопротивления, воевавшие с оккупантами на скалистом, нелюдимом побережье, возвратились в города и селения. Они надеялись, что вместе с изгнанием захватчиков придет новая жизнь.

Исстари поморы жили ловлей рыбы и промыслом зверя. Рыбой кормились. Ее ловили на продажу, чтобы купить одежду и обувь, хлеб и топливо. Рыбной мукой подкармливали скотину. Теперь, после ухода немцев, затопивших почти все суда, возникло множество проблем. С берега в море сеть не закинешь, на шлюпке на промысел не пойдешь. В укромных шхерах удалось упрятать лишь несколько суденышек. На них и надеялись начать путину. Но для лова в дальнем море суда взять было негде. Приходилось идти в кабальную зависимость к владельцам судовых компаний.

Из Вардё возвратился бот. На нем пришел связной с приказом сторожевой группе приплыть в Вардё.

Моряки сердечно распрощались с радушными жителями поселка, и ботик доставил отделение и пришедшую из Коммагвера группу в Вардё.

Город почти пуст. Вид у него нежилой, обезлюдевший.

В последние дни здесь оставалось всего три десятка немецких солдат с капралом. Но как только до них дошла весть, что русские десантники высадились на побережье

возле Лангбюнеса, они в крайней спешке, бросив все, уплыли в Свартнес, а оттуда на двух грузовиках умчались в Вадсё.

Приплывшие из Киберга через два дня десантники местных жителей не видели. Часть горожан угнали с собой оккупанты, но большинство успело переправиться на материк и нашло себе убежище в глубине полуострова, в стороне от дорог и селений, намереваясь пересидеть опасное время.

Холодный и сырой осенний ветер порывами вихрился вдоль пустынных улиц, колюче бил в лицо и пронизывал до костей, перегонял с места на место мусор, обрывки бумаги, всякий хлам. Осиротелыми были разрушенные дома.

В городе сохранились большие запасы угля, убегающие оккупанты не успели прихватить с собой много продовольствия, на складах лежали мясо, рыба, консервы, галеты, мука.

В порту ошвартовался катер, на котором вернулся полицмейстер и несколько десятков горожан. Кое-кто горделиво потрясал автоматами и винтовками.

Начальник полиции оказался первым официальным представителем местной власти. Ему и досталось вершить людские дела, обеспечить порядок. Все немецкое трофейное имущество, включая продовольствие, русские десантники передали норвежским властям. Охранять город, порт, имущество, дежурить возле укреплений разведчики стали сами.

Днем 6 ноября в нескольких милях за входными воротами в порт Вардё показались два торпедных катера. С головного просигналили, что просят показать вход в порт, провести по фарватеру. Ни лоцманов, ни рейсового бота в тот момент не оказалось. Леонов с группой гребцов вышел на шлюпке навстречу им и показал путь.

Под командованием капитана 3-го ранга Рубашенко два катера вошли в порт и ошвартовались у причала.

Двадцать седьмую годовщину Октября отряд встретил за рубежами родной страны. Не хватало привычной праздничной приподнятости, хотя принимали моряков тут радушно, как своих освободителей.

В доме полицмейстера накрыли столы. Коки сервировали их с завидным искусством.

На праздничный лад настроились и горожане. Из каких-то тайников они добыли редкостные деликатесы: шпроты, анчоусы, диковинные соленья с пряностями, брошенные впопыхах оккупантами дары южных морей. Нашлось и искристое солнечное вино в узорчатых бутылках.

За стол вместе с моряками сели и полицмейстер, и недавние партизаны — бойцы Сопротивления.

Командир отряда поздравил всех с праздником, с освобождением городов Киркенеса, Вардё, Вадсё, земель и вод Финмаркена.

Затем выступил замполит, нашлись и речистые матросы.

Деликатно попросил слово давний знакомый отряда товарищ Ларсен. Появился он в городе накануне праздника неожиданно.

Как-то отряд ходил в операцию к северным норвежским берегам. На обратном пути наткнулся на небольшой бот, с каких обычно ловят рыбу в прибрежных водах, иногда они ходят в рейсовые маршруты между портами. Команда на судне оказалась норвежской, но пассажирами были и немцы, и норвежцы. Необходимо было быстро решить, как поступить: немцев надо было брать в плен, а норвежцам, если их оставить на боте и отправить домой одних, не сносить головы. С какой стороны ни прикинь — выход один: доставить всех на советскую землю. Так и сделали.

И вот в праздник среди гостей оказался один из пассажиров этого бота. Разведчики сразу узнали его. Но теперь перед ними стоял не тот неприметный рыбак, который держался сдержанно, ни во что не вмешивался, спокойно подчинился распоряжениям. Пробыв некоторое время на базе, он скрытно вернулся на русскую землю. Сейчас его представили как одного из руководителей ЦК компартии Норвегии.

Подняв в руке бокал с вином, Ларсен проникновенно говорил о том, что сегодня и у русских, и у норвежцев незабываемый день. Такие события случаются не часто, они остаются в памяти на всю жизнь: одновременно два знамена-

тельных праздника — годовщина Октября и изгнание фашистских поработителей. Норвежцы никогда не забудут своих освободителей. Они накажут и детям и внукам чтить их. Немало норвежских патриотов за годы войны побывало на советской земле. Там они учились, отдыхали, лечились, а потом возвращались на родину продолжать борьбу с оккупантами. Этой дружбы, рожденной в общей борьбе, не уничтожит время, не нарушат никакие силы.

Через несколько дней остатки разгромленных фашистских войск откатились к северо-западным норвежским берегам.

В Вардё пришли два торпедных катера. Командир дивизиона капитан 3-го ранга Холин объявил, что задание по разведке на южном Варангере завершилось, отряду приказано возвратиться домой. Моряки собрались на причалах у катеров, горожане провожали их.

В Норвегии на боевой вахте остались лишь две маленькие группы: одна у входа в Бос-фьорд следила, не появятся ли в мурманских водах германские корабли, другая уже восьмой месяц наблюдала за морем у северо-западных берегов провинции Тромсё. Их час возвращения на Родину еще не пришел.

Глава двадцать девятая

После освобождения Финмаркена и Сер-Варангера наступление советских войск было остановлено. Сил было вполне достаточно, чтобы изгнать разгромленных фашистов не только из Приполярной зоны, но и вообще из Норвегии. Ничто уже не могло остановить продвижения Красной Армии вперед.

Однако король и правительство Норвегии заявили, что с оккупантами в остальной части страны они справятся сами.

Это позволило советскому командованию снять значительные силы для других фронтов. Часть их пошла на запад освобождать страны Центральной Европы, других повезли на восток, к Тихому океану, к протянувшейся на тысячи ки-

лометров границе с Монголией, Маньчжурией, Китаем, Кореей.

В конце зимы на точке возле Бак-фьорда остались лежавшие в полузабытии в голодном обмороке двое разведчиков. Третий ушел промышлять, чтобы спастись от голодной смерти.

Богданов и Сизов временами открывали глаза, сознавали, что еще живы, мутным взглядом смотрели на небо, не в силах оторваться от лежака, и ждали своего командира.

Наконец, Матисен появился с двумя рюкзаками продуктов. Рассказал, как жители поселка в первую минуту в страхе шарахнулись от него, такой он был заросший, грязный, изможденный, в висящей лохмотьями одежде. Его отмыли, подкормили, дали отоспаться, а потом на боте Эдмонда Нильсена с грузом доставили к берегу невдалеке от того места, где он оставил своих товарищей.

Как ни изголодались, как ни тянуло нестерпимо к аппетитно пахнущему хлебу и рыбе, перебороли себя, ели маленькими порциями. Через сутки почувствовали себя лучше, смогли снова нести вахту и передавать радиogramмы.

База сообщила, что 20 марта возле них должен пройти самолет, предлагала разложить на снегу опознавательные знаки, показать, куда сбрасывать продукты. Ночью перед приходом самолета не сомкнули глаз. Днем, как было условлено, выложили на снегу на поляне два красных полотнища крестом. Получили радиogramму, что самолет вышел. Прождали весь день до сумерек, но он пролетел в стороне от них, так и не заметив сигнала. На следующий день база предупредила, чтобы приготовились к съёмке подводной лодкой. Несколько раз ходили к берегу, но безуспешно. Немецкие корабли патрулировали побережье, лодка подойти не смогла.

К этому времени отсырели батареи, испортилась радиостанция, разведчики лишились связи с родной землей.

Снова пришлось идти за помощью к норвежцам. Сизов остался на точке. В поселок отправились Матисен и Богданов. Возвратились они с хлебом, сухарями, рыбой, спичка-

ми. Потом ходили в поселок за продуктами еще дважды. Помогали им Антон и Эдмонд Нильсены, Халдур Лингвал.

С каждым днем все более убеждались, что оставаться на берегу без связи и без продуктов нет никакого смысла.

24 апреля на боте Нильсенов перешли в поселок Бакфьорд.

Просушили рацию, но заработал только передатчик. Сообщили командованию, где находятся, как устроились, какая обстановка.

Хозяева дома рассказали им, как оккупанты зимой и весной обшаривали побережье в поисках советских разведчиков. Первый раз взвод немцев на большом боте ходил вдоль берега, не миновал ни одной мало-мальски заметной бухты и заливчика, но на берег из-за сильного прибоя не высаживался.

Вторично они появились в марте, после того, как Матисен побывал в поселке. Жители тогда уже знали, где укрываются разведчики. Тридцать немецких солдат высадились в селении и на лыжах пошли в горы. Двое суток они ходили то вблизи берега, то уходя в глубь материка, но на пристанище разведчиков не наткнулись. Один из жителей поселка — Астрид Нильсен — тоже надел лыжи и ходил не遠далеке от немецкого отряда, из укрытий наблюдал, куда они двигаются. Когда он увидел, что немцы прошли всего в полукилометре от шалаша группы по другому склону высоты и повернули в горы, облегченно вздохнул и поспешил в поселок порадовать своих земляков.

Теперь разведчики жили в поселке, поочередно находясь то в одной, то в другой семье. По делам хозяйственным жители зачастую отправлялись в соседние селения, особенно в Хаммерфест и Хоннингсвог. Повсюду было много друзей и знакомых, они помогали добывать сведения о немцах. Чаще всего передавали их Нильсенам. Через них же достали питание к радиостанции. Сизов долго копался в приемнике, нашел неисправность — теперь они принимали радиogramмы от своих.

Друзья из Хаммерфеста рассказали, что немецкие суда формируются караваном возле их города, потом в Реппа-

фьорде строятся в походный строй с охранением и отплывают к восточному побережью к Киркенесу или Петсамо. В Хаммерфесте постоянно отстаиваются три миноносца, четыре тральщика, три сторожевых корабля и не менее пятнадцати патрульно-дозорных катеров.

База поблагодарила за важные сообщения и поручила узнать, где стоят крупные корабли, в каких местах выставлены минные заграждения. Соратники из Хаммерфеста узнали и об этом. Командование в Полярном могло нанести на карты точные стоянки «Тирпица», подводных лодок и кораблей противовоздушной обороны. 4 мая Халдур Лингвал из Хаммерфеста предупредил жену по телефону, что к ним намереваются наведаться визитеры. Разведчики не стали ждать их прихода и ушли на другой берег залива, там отсиживались в укрытии.

На следующий день на катере в поселок пришел отряд немцев, находился несколько часов в бухте, затем ушел. Разведчики вернулись к своему жилью. Но через некоторое время катер снова пристал к причалу. Скрыться в горах они уже не смогли. Пришлось прятаться в подвале дома Нильсенов. Люк в подполье забросали дровами и всякой рухлядью. Чтобы отвлечь внимание овчарок, с которыми явились поисковики, хозяйка впустила в дом своих собак, поставила возле крышки в погреб миски и стала их кормить.

Немцы зашли в дом, все осмотрели, потом обошли поселок, заходили в другие дома, проверяли документы, выспрашивали о посторонних, но разведчиков не нашли. Потом они отправились в горы, долго и безуспешно бродили там, затем вернулись и на катере ушли в Хаммерфест.

Подошел к концу май. Стало тепло, снег стаял. Лишь остатки его лежали в лощинах да на северных склонах каменных гряд. Жить стало веселее, но возникла новая трудность: почти круглые сутки было светло, солнце на какие-то считанные минуты погружалось в море на западе. Выходить на сеансы радиосвязи на сопку приходилось едва ли не ползком.

Связь с радиоцентром в Полярном держалась неустойчиво. Расстояние до приемного центра весьма далекое, часто сказывались атмосферные помехи.

Своих продуктов давно не было, но через квартирных хозяев продовольствие покупали в соседних городках по спекулятивным ценам. Деньги подошли к концу. Жить было не на что.

Богданов и Сизов все чаще стали обсуждать, как быть дальше. Решили искать путь возвращения домой. В одной из расшифрованных Сизовым радиোগрамм узнали, что предстоит заброска продуктов с воздуха. 27 мая самолет прошел над поселком на малой высоте и сбросил груз. Тюк вывалился без парашюта, он упал посреди улицы, брезент лопнул, и все продукты рассыпались. Жители быстро все собрали и передали разведчикам.

В старательно упакованном конверте из нескольких слоев пергаментной бумаги нашли письмо от своего оперативного командира и 10 тысяч крон.

В селении в это время был в гостях житель Хаммерфеста, брат одной из жительниц поселка. Он видел, как самолет сбросил груз, и понял, кому он предназначен. Пришлось разговаривать с ним напрямик, строго-настрого предупредить, чтобы он держал язык за зубами, если не хочет нажить себе больших неприятностей. Его земляки-мужчины не хотели отпускать его домой, а оставить в поселке, под присмотром. Сестра вступилась за брата, уверяла, что он человек надежный, на него можно положиться. Ему поверили на слово. И не ошиблись: он не только никому ничего не выболтал, но и впоследствии помогал разведчикам.

Поддержка была весьма существенной, поэтому думать об уходе разведчики перестали.

Флотское командование интересовало, где и какие маяки у немцев действуют, в каких местах установлены брандвахты, где расположены шумопеленгаторные и радиопеленгаторные станции, откуда следят за морем посты наблюдения. Штаб хотел знать подробно все, что делается в Хаммерфесте и Хоннингсвоге. Братьям Нильсенам и Халдур Лингвалу все чаще приходилось наведываться в эти городки. Собранные сведения ждали их там. И через море шли шифровки о том, где расположены казармы, сколько

немцев в них живет, у каких причалов швартуются корабли, где находятся склады, что в них хранится.

В одну из таких поездок Лингвал привез необычайное сообщение. В местечке Форше — в северной оконечности острова Квалей раскрыта группа английских разведчиков. Выдали их гестаповцам местные квислинговцы. Всех разведчиков и тех жителей, кто им помогал, расстреляли. Около 120 норвежцев содержатся под арестом и ждут наказания.

В середине июля к причалу в поселке подошли два немецких катера. С них высадилось полтора десятка солдат — все они, как потом стало известно, прибыли с фронта на Лице, и двадцать пять гестаповцев. Разведчики в это время находились в доме Антона Нильсена. В горы уходить было поздно. Они едва успели налегке выскочить и по берегу озера, а иногда и вброд по воде выбрались из поселка, ушли на другую сторону озера и там спрятались в кустах. Арнульф Матисен забрался в узкую расщелину между валунами.

Немцы обшарили все дома и постройки, прочесали округу, ходили совсем близко от разведчиков, ребята даже слышали, как солдаты о чем-то разговаривают между собой, но нагромождения больших валунов удачно спрятали их от ищеек. На ночь немцы остались в поселке, разошлись по домам, выставили посты, а по улице до утра непрерывно ходил патруль. О возвращении в селение нечего было и думать. У разведчиков было с собой только оружие. С утра немцы снова пошли в горы, но в противоположную от ребят сторону. Оставшиеся в поселке поисковики установили радиопеленгатор и стали прослушивать эфир.

Жители Бак-фьорда понимали, что надо как-то помочь попавшим в беду. Они снарядили бот, как бы собираясь ловить рыбу. Вместе с сетями и своей спецовкой прихватили одежду и продукты для ушедших. Целый день ходили по фьорду на боте, в разных местах забрасывали сети, иногда подходили к берегу. Они сумели сказать разведчикам, чтобы ждали их до вечера. Когда стемнело, приняли их на борт и переправили в Кюль-фьорд. Оттуда беглецы пешком ушли в глубь материка километров на двадцать и там в горах укрывались пять дней. Как только немцы убрались из поселка в

Тромсё, жители сообщили разведчиков, и те смогли вернуться назад.

В последних числах июля им снова пришлось уйти в горы. На этот раз друзья Нильсенов позвонили из другого селения по телефону и предупредили, что отряд немцев вышел на поиски их из Лилле-фьорда на Порсангер и на Хоннингсвог, намеревался быть и в поселке, где обосновались разведчики. Им пришлось снова уйти в горы и пробыть там целую неделю.

Август работали спокойно, никто их не тревожил. Видимо, гестаповцы после безуспешных поисков посчитали, что группа либо успела уйти с этого побережья, либо радиопередатчик работал откуда-то с моря.

База настойчиво продолжала интересоваться Хаммерфестом. Их норвежские друзья еще несколько раз побывали в городе. Они засекли точные места зенитных батарей, узнали, где находятся склады торпед и боеприпасов, обнаружили две ранее неизвестные береговые батареи, но выяснить, какого калибра орудия и количество obsługi, не смогли. На плане города в штабе в Полярном появились пометки, показывающие, где стоят казармы и бараки, в которых расквартирован двухтысячный немецкий гарнизон. Радиogramмы давали короткие, чувствовали, что немцы тщательно следят за эфиром. Для радиопередач забирались в горы, иногда на боте ходили вдоль побережья, высаживались в укромных бухтах и оттуда стучали на ключе.

К концу августа удалось добыть сведения о всех немецких гарнизонах в ближайшей округе, где и сколько стояло вражеских солдат, на каких островах они располагались, где разместились штабы.

4 сентября разведчики передали на базу очередную радиogramму. Через два часа в фьорд вошел обыкновенный рыбацкий бот, каких по прибрежным водам плавают десятки, и направился в сторону пристани. Тревожных сигналов ниоткуда на этот раз не поступало. Богданов и Сизов были в доме Антона Нильсена, Матисен — у Лингвала. Как только бот причалил к пристани, с него высадилась группа немцев и бегом кинулась в селение, к дому Нильсена. Уходить было

поздно. Сначала Сизову посоветовали бежать, он было и бросился, но его тут же вернули назад.

Хозяева успели спустить их в подвал, что был под коридором дома. На люк положили доски, а сверху Астрид и Юнетта поставили большой деревянный обрез от бочки. Женщины налили в него воду и затеяли стирку, рядом набросали белье, одежду.

Немцы в это время уже подошли к их дому и через двор направились к крыльцу. Несколько человек остались на улице, наблюдали за домом и за постройками снаружи, остальные вошли в дом и начали обыск. Перевернули все вверх дном, стучали по стенкам, по полу, заглянули на чердак, сходили на скотный двор, на сеновал, обшарили все закутки. Брат хозяина Эдмонд ни на шаг не отставал от немецкого офицера, с виду услужливо показывал все, что тот требовал, а сам тайком ощупывал висящий на ремне под свитером нож. Офицер подошел к четырехлетней дочери Эдмонда и стал спрашивать ее про чужих людей в их доме, но маленькая Нильсен ничего не сказала ему о посторонних.

Возле постовых на улице крутились Антон, его жена, дочь Астрида и сын Селькир. Магнар и Юхан спустились на причал и прошли на бот, на котором появились немцы.

Никого не найдя, ищейки отправились с обыском в следующий дом. За это время Арнульф успел скрыться из поселка и уйти в горы. Немцы походили по окрестностям, но так никого не нашли, вернулись на причал и ушли в Хавесунд.

После этого случая они больше ни разу не искали разведчиков, а те продолжали свое опасное дело, держали связь с друзьями в округе, сведения передавали за море на базу. Отметили годовщину своего пребывания на норвежской земле.

С Квалея пришла печальная весть: на острове обнаружили двух советских разведчиков, донесла об этом гестаповцам местная жительница. О гибели товарищей и фамилию доносчицы сообщили на базу.

Но вскоре оттуда пришло другое известие. На острове

удачно высадился еще один разведчик, он попал к верным людям, те надежно спрятали его.

Когда началось большое наступление советских войск на севере, разведчики были в боевой готовности, спали попеременно, вахту несли без перерыва, боялись пропустить что-нибудь важное или чтобы их самих не застали врасплох.

Наступили тревожные дни. Немцы, отступая, угоняли за собой население, жгли и взрывали поселки, не оставляли даже отдельные дома, что приютились в разных местах по побережью, уничтожали военные сооружения. Артиллерийские установки разбирали, тяжелое оборудование с береговых укрепленных пунктов сняли, вывезли и часть боеприпасов. Все, что не могли взять с собой, взрывали и предавали огню. Все линии телефонной связи разрушили, столбы свалили. Последними жгли Хаммерфест, Хоннингсвог, Хавесунд.

Западный Финмаркен опустел, людей в селениях почти не осталось. Так было по всему побережью. Ни поездок, ни телефона, ни почтовой связи между восточным и западным Финмаркеном не стало. Правда, до населения дошли вести о том, что после освобождения Киркенеса советские войска пошли дальше на запад, освободили Хебугтен, Мункельвен, Нейден, что русские десантники высадились на Варангер, были в Вардё и Вадсё.

Те из жителей, которых не успели угнать оккупанты, постарались уйти в горы и укрыться там. Разведчики убедили их не дожидаться, когда немцы нагрянут к ним и учинят расправу, а отойти в глубь материка, подальше от дорог и от берега. Собрав имущество, попрятав в укромных шхерах свои рыболовные суда, они пешком двинулись по горным тропинкам, угнали скот. Там построили себе землянки и жили три недели. Когда стало известно, что немцы из северной Норвегии ушли, решили возвратиться к своим домам. С ними же вернулись разведчики. Они помогали своим норвежским друзьям устроиться на зиму, наблюдали за морем и воздухом, узнавали, что делается в других городах и поселках, следили, не появятся ли немцы вновь.

В конце декабря получили долгожданную радиogramму:

им предписывалось закончить работу в Норвегии и возвратиться на родную землю.

Сразу после Нового года Богданов, Сизов и Матисен распрощались с норвежскими друзьями, с суровой, каменной землей Финмаркена, на которой они пробыли пятнадцать месяцев. В конце января они появились в Мурманске. Арнульф Матисен после визита в Полярное и доклада возвратился на Варангер, в родной дом. Там, на освобожденной земле, надо было налаживать новую жизнь.

Глава тридцатая

Бои на суше в области Петсамо, в провинции Финмаркен завершились. Выбитая из своих заполярных укреплений, разбросавшая по дорогам и в тундре десятки тысяч погибших солдат, кинувшая огромные запасы военного имущества и техники, устлавшая дно моря вдоль северного и южного побережья полуострова Варангер потопленными судами и кораблями, Лапландская армия уползла к западному побережью Норвегии, к Тромсё.

На эти же рубежи подтянулись три пехотные дивизии и крепостная бригада 71-го армейского корпуса. Все они готовились отразить возможное наступление советских войск с востока и десантных частей союзников, которые ожидались из Англии.

Но 7 ноября Ставка Верховного Главнокомандования расформировала Карельский фронт, 14-ю армию преобразовала в отдельную. Большая часть войск была передислоцирована на другие фронты, освободители Петсамо прошли по Балтийскому побережью, по Дунаю вплоть до Вены.

Десанты союзников в Норвегию высаживать не пришлось, судьба войны решалась не здесь, а в Германии.

Долголетняя охота за «Тирпицем» завершилась. Англичане всячески к нему подбирались, не раз были близки к успеху, но уничтожить не смогли. Наконец, они обратились к советскому командованию с просьбой о содействии. На аэродромы под Архангельском прилетели 40 тяжелых самолетов «Ланкастер», на подвесках у которых были шеститонные

бомбы. Взлетев с советского аэродрома, английские самолеты, отбомбив линкор, утопили его.

Недавно в печати мелькнуло сообщение, что норвежцы подняли со дна Альтен-фьорда злосчастный линкор и бронированный его корпус пустили на иголки. Что ж, отлит корпус был из отличной стали.

Германские армии и по суше, и морем потянулись на юг Норвегии, а оттуда в Германию защищать рейх. В Норвегии оставили войска только для охраны побережья.

Настало время подводить итоги, описывать успехи, подсчитывать потери, отыскивать ошибки.

Мемуаристы 20-й горной армии стыдливо умалчивают, сколько транспортов и боевых кораблей отправилось на морское дно только за один месяц, когда оккупанты изгонялись из Заполярья.

Они представляют дело так, будто во исполнение планов «Береза» и «Северное сияние» горная армия планомерно откатилась к западным норвежским берегам, благополучно забыв, что 30 тысяч немецких солдат навсегда остались лежать в холодной тундре.

14-я армия и Северный флот нашей страны добыли эту победу тоже не бескровно. На крохотном участке норвежской земли полегло более двух тысяч советских солдат.

В многовековой норвежской истории ничего подобного никогда не случилось.

В Киркенес, где стояли и советские войска, и корабли флота, 10 ноября 1944 года прибыла норвежская военная миссия. С нею же высадился отряд около 270 человек. Он начал исполнять функции норвежской администрации. В последующем переправилось туда еще более 2700 человек, в основном из находившихся в годы войны в Швеции норвежских полицейских.

Немецким вооруженным силам у Полярного круга и на побережье Северного Ледовитого океана пришлось сняться со своих долговременных позиций и отойти. Но военные операции на театре Северного флота не прекратились.

Между Порсангер-фьордом и Нарвиком пролегла обширная нейтральная полоса: войск там не было, норвеж-

ская администрация проникала медленно, жителей оккупанты выпроводили к западному побережью. Немцы по им же разрушенной дороге к покинутым землям не возвращались. Они несколько раз высаживали с моря для обследования команды, которые обнаружили хаос и запустение. Только у самого моря в укромных уголках фьордов ютились немногие жители, переждавшие октябрьскую беду в глубине материка.

Надводные германские корабли, самолеты восточнее Нордкапа появлялись лишь изредка. Но подводные лодки операционную зону Северного флота не покинули. В базах северной Норвегии их было более семидесяти. Они еще появлялись на пути океанских конвоев, выскакивали в пиратские рейды в дальние воды Арктики, в одиночку и стайками дежурили у подходов к Кольскому заливу, у горла Белого моря, разбрасывали мины в морской акватории.

Море еще не стало мирным, флот по-прежнему воевал.

За годы войны от союзников в северные советские порты прошел 41 конвой, в них плыло 703 судна. Противник потопил 59 транспортов. Почти половина из них были из семнадцатого конвоя. Менее одной десятой судов не дошло до цели. Считается, что это меньше обычных средних военных потерь.

Германия капитулировала... Отпраздновали День Победы... После 20 мая на морских путях уклонялось от капитуляции еще 37 немецких подводных лодок.

Через неделю после Победы Отряд особого назначения Северного флота получил приказ передислоцироваться на Дальний Восток. Для него война еще не закончилась.

Почти месяц Северный флот оставался на военном положении.

Рассвет отбрасывает тьму,
Оттаивает небо,
Поднимает зарю.

*Чо Ги Чхон, корейский поэт,
погибший при американской
бомбардировке Пхеньяна
в 1951 году.
Поэма «Пэктусан»*

ОТ ОКЕАНА К ОКЕАНУ

I

Далеко за нашими западными границами умолкли пушки. Пламя самой опустошительной войны утихло. После долголетнего громохання наступила непривычная тишина.

Зато неумно бурлило человеческое море. Через край выплескивалась людская радость. Все мы, кому досталась завидная доля увидеть Великую Победу, ходили ошалевшие от счастья, взбудораженные. Казалось, поток небывалой силы приподнял нас над землей и понес к той мирной жизни, к которой мы так долго и тяжело шли.

Уже кончились официальные торжества по случаю Победы, но от праздничного настроения мы никак не могли избавиться. И хотя оружие у нас оставалось боевое, не учебное, и снаряжено оно было боевыми комплектами патронов, хотя все положенное по военным требованиям имущество сохранялось при нас, мы уже старались к нему не прикасаться. Автоматы, пулеметы, винтовки спокойно стояли в своих пирамидах. Никто, кроме вахтенных, к ним не притрагивался.

Да и на вахту старались брать попеременно один автомат, чтоб не чистить свой.

Никакие мысли о занятиях, об учениях, тренировках не лезли в голову. Мы сердцем чувствовали и верили, что вот-вот наступит долгожданный отдых от многолетнего тяжелого военного труда. Нам казалось, что никто не посмеет осудить нас за это желание передохнуть, уснуть спокойно, не боясь, что нервный сигнал ночной тревоги выбросит тебя под холодное небо, под безжалостный свист пуль, вой снарядов, бомб и осколков.

Правда, флоту отбой еще не сыграли, на мирное положение не перевели. Экипажи нескольких вражеских подводных лодок не подчинились приказу о капитуляции и пытались пиратствовать в наших водах. Кораблям приходилось искать их, оберегать подходы к своим базам.

Не только ближние подступы к нашим берегам, но и дальние морские пути были усеяны и своими и чужими минами. Выходя в море, приходилось соблюдать все меры предосторожности. Для тральщиков продолжалась полная опасностей служба.

И все же мы радовались наступившему миру, верили, что военные тяготы остались далеко позади.

И вдруг все это оборвалось. Не прошло и недели, как нам объявили приказ командования: оружие, имущество сдать, а самим отбыть на восток, на Тихоокеанский флот. Наш морской десантный разведывательный отряд переводится к новому месту назначения. В дальний путь должны ехать те, кто помоложе, поздоровее. Почти всем, кого призвали на войну из запаса, кто не однажды изранен и чье здоровье стало основательно сдавать, кому, по нашим прикидкам, выходило скорое увольнение с флотской службы, — всем им посоветовали остаться дослуживать на севере.

Выходит, рано еще нам зачехлять свое оружие, размышляли мы, уж если переводят нас на восток, значит, быть там боевому делу.

Сопоставляя наше новое назначение с событиями последнего времени, мы поняли, почему месяца за два до окончания войны из отряда отобрали трех опытных, боевых командиров отделений и отправили их на Амурскую флоти-

лию. И на востоке, рассуждали мы, настала надобность в опытных, обстрелянных воинах.

Пришло время и нам следом за ними отстучать по рельсам всю огромную страну от одного края до другого. Глянули на карту — и зажмурились: от Мурманска до Владивостока, из угла в угол. Прикинули: добрый десяток тысяч километров... Далековато...

Сборы и расчеты оказались короткими. Имущество наскоро привели в порядок, почистили и смазали на долгую консервацию оружие, и все это сдали на склады тыла, подписали в интендантстве акты, отметили это событие небольшим застольным пиршеством... И настала пора расстаться с севером, где провоевали много лет, с флотом, ставшим родным и близким.

Где-то сразу после двадцатого мая мы покинули Полярное — тогдашнюю главную базу флота. Последний раз мы отошли от тех причалов, от которых десятки раз отряд уходил к вражеским берегам, отправлялся в десанты на занятые врагом земли. На пирсе, где недавно праздновалось торжество Победы, стояли теперь остающиеся на севере наши отрядные сослуживцы, друзья из бригады подводных лодок, катерники. На прощание они махали бескозырками, провожая нас в дальний путь.

Остался позади Мурманск, много натерпевшийся от вражеской авиации, но оказавшийся неприступным для Лапландской армии. Три года, зарывшись в скалы, после неудач своего наступления в начале войны, оборонялась тут немецкая группировка, пока осенью 1944 года не была вышиблена стремительным ударом. В этих последних операциях войны на севере, в походах на побережье Варангера и на норвежскую землю отряд сумел показать лучшее, на что он был способен. Теперь дело шло к новому фронту, дальнему по расстоянию, но близкому по времени.

Едем мы дорогой, уже не однажды каждым из нас езженной.

Миновали Кемь. За два года перед этим, весной 1943 года, через Кемь отряд наш добирался до Соловков. Там тренировались мы для забросок в дальние тылы противника. На Соловках начиналась и моя служба на флоте: туда в октябре

1940 года приехал я молодым краснофлотцем из Архангельска, из флотского экипажа, чтобы в учебном отряде пройти первоначальное обучение. Отсюда за месяц с небольшим до начала войны, завершив учебу по специальности, выехал я в Полярное.

От Коноши поезд наш покатился дальше к югу, к Москве, а на восток пошла новая дорога, построенная в годы войны. Пролегла она через тайгу, болота и топи, через реки и речушки, холмы и увалы, вплоть до заполярной Воркуты. И называлась она в то время Печорской — по имени полноводной и широкой Печоры, которую испокон веков старожилы любовно зовут матушкой. Это моя родина. Там, на далеких приполярных берегах Печоры, в старинном русском селе Усть-Цильме прошли мое детство и комсомольская юность, оттуда я и ушел на флот.

За Коношей дорога для меня уже незнакомая, южнее ее мне еще не приходилось бывать. Да и не мне одному впервые доведется видеть Москву. Многие из моих сослуживцев, как и я, северяне — вологодские, архангельские, с Печоры и с Двины, с Онеги и с Мезени. А Семен Агафонов — из маленькой поморской деревеньки Пушлахты, на берегу Белого моря.

Наш мурманский поезд, не в пример довоенному маршруту, оставил далеко в стороне Ленинград и прошел по дороге, которая поздней осенью 1941 года соединила отрезанное врагом Заполярье с основными районами страны. Не посмотрели на свой родной город наши ленинградцы Колосов, Максимов, Бывалов, Карпов, не повидались там с близкими Антонов, Барышев, Дараган...

Зато радуются москвичи. Нашему командиру Виктору Леонову, Борису Гугуеву, Жоре Саратовскому удастся побывать у родных.

Москва встретила нас радостным, солнечным днем самого преддверия лета. В те дни ее уже заполнили фронтовики — кто проездом на родину, кто по пути на восток, а кто возвратясь к себе домой. На московских вокзалах девушки забрасывали воинов цветами, матери и сестры со слезами радости обнимали своих близких.

Пробыли в Москве несколько дней, пока что-то оформля-

лось у командования. Признаться, мы и не торопились выезжать. Каждому хотелось посмотреть столицу, побыть в ней подольше. Не чувствовал особого резона быстро рваться оттуда и я: оставлял тут, в Подмоскowie, жену у ее родителей. Она ведь хорошо понимала, куда провожала меня. Жена командира отряда уехала в те дни с детьми к себе на родину, в Ростов. Гриша Чекмачев отвез свою Нину в еще не отстроенный Сталинград и там приютил в какой-то наспех сколоченной халупке у родственников. Разъехались по дальним местам и другие наши североморки. Оставляли мы своих подруг на попечение родных и близких, понимая, что расставание это едва ли будет коротким, а кое-кому может и не суждено будет больше встретиться.

II

В последний день мая мы распрощались с Москвой. В дальний путь провожали нас друзья, родные, жены, пришли на перрон офицеры тогдашнего Наркомата Военно-Морского Флота. Ребята через раскрытые окна быстро погрузили в вагон наше имущество. В вокзальной толчее и суматохе невозможно было о чем-то разговаривать. Казалось, все уже не раз обсуждено и обговорено. Мы стояли с женой, взявшись за руки, и молчали перед тягостным расставанием. Я попытался сказать что-то успокаивающее, но она остановила меня жестом, как бы говоря, что словами, пожалуй, больше растревожишь. Она уже давно примирилась с мыслью о неизбежной разлуке, приготовилась ждать, как ей думалось, годика два. Да и потом в письмах на восток писала, что за пару лет война в тех далеких-далеких краях тоже кончится и тогда-то мы вернемся домой уже навсегда.

Паровоз дал прощальный свисток, и мимо нас поплыл перрон, толпа людей на нем, множество девчат и женщин, машущих платками, косынками, утирающих слезы и плачущих громко, навзрыд. Вижу, как по краю платформы рядом с вагоном идет Люба, что-то пытается крикнуть, но уже не слышно. Поезд все более набирает скорость, она уже отстала от вагона, вот мимо нее промелькнул конец состава, кон-

чилась высокая платформа, она остановилась на ее краю и машет голубой косынкой. Громкий перестук колес на стрелках — и за водокачкой, за поворотом скрылся вокзал. Большой воинский эшелон покати́л нас на восток.

Сразу стало так грустно, тоскливо. Щемящей болью сжалось сердце, как будто что-то оторвалось, отошло невозвратно. Пожалуй, никогда до этого я так тяжело не чувствовал горечь разлуки. Даже когда уходил из дому служить на флот. Тогда впереди суровым призраком не стояла война. Сам был моложе, проще смотрел на жизнь. И когда нас, молодых новобранцев, провожали на пристани с плачем и слезами, хоть и муторно было на душе, но мы пели, пели задорные песни нашей молодой поры. Теперь никто из нас даже и не попытался запеть. Брошенный в угол, сиротливо лежит аккордеон, и Миша Калаганский не притрагивается к его перламутровым клавишам. На какое-то время все притихли, ушли в себя.

Но вот по вагонам прошел наш отрядный старшина мичман Григорий Чекмачев и передал приказание командира отряда: разобрать и проверить имущество, дорожный продовольственный паек, все аккуратно уложить по местам, осмотреться и доложить. Все занялись делом, и грустные мысли понемногу куда-то отошли.

III

Забросил я свой чемоданчик на багажную полку и пошел посмотреть на своих товарищей.

В путь на восток отправились боевые, опытные разведчики.

Фланелевки и кителя у каждого богато украшены орденами и медалями. В ту пору еще старались носить их напоказ. Песня со словами «Фронтовики, наденьте ордена» появилась много позже. У редкого из наших нет на груди трех-четырех орденов. У многих по два Красных Знамени. Поблескивают недавно полученные медали за оборону Заполярья.

Года полтора командует нашим отрядом Виктор Леонов. До этого примерно год — с осени 1942 года — он был заместителем по политчасти.

Одно время, после тяжелой неудачи, отряд бездействовал.

Тогдашнего командира военное счастье как-то обходило стороной. Как часто говорят — «не везло» человеку. Отправимся в операцию, все идет нормально, никого не затронет, а командира зацепит какая-нибудь пуля. Или только случаем удастся спасти его от гибели в морской пучине. Человек начал чувствовать, что висит над ним это «невезение». И стал он тогда под всякими предложениями переключать опасные дела на других людей.

А отсидка на базе, длительные перерывы между операциями развинчивают бойцов, падает дисциплина. Из отряда решили уходить боевые, опытные разведчики. Что-то надо было предпринять, чтобы предотвратить разлад, — это понимали не только бойцы отряда, но все отчетливее видело и командование. Нужен был такой командир, с которым бы бойцы без тревоги шли на любое задание, которому бы верили, считая, что он и в трудной ситуации сумеет принять правильное решение.

Леонов, в то время замполит, провел несколько удачных вылазок на вражеское побережье. Это сразу повысило его авторитет в глазах разведчиков. Матросы в него поверили и потянулись к нему. А уверовать в командира на войне, убедиться в силе его разума, способности успешно выбраться из тяжелой обстановки — значит во многом предопределить успех дела. За таким командиром бойцы идут в огонь и в воду, его приказы выполняют с душой, вкладывают свою мысль и сердце. Боевой опыт, удачливость, умение командовать людьми, способность оставаться своим для подчиненных располагают бойцов к командиру, сближают их друг с другом.

Не имевший в то время специального военного образования, но получивший уже хорошую боевую практику, Леонов природным чутьем быстро схватил стремление разведчиков к частым рейдам по вражеским тылам, желание не отстать от общей шеренги рвущейся на запад армии. Военный совет флота назначил Леонова командиром отряда. И в этой новой роли он не ослабил внимания к боевой подготовке, стал добиваться у командования более частых и сложных заданий. Популярность его быстро возросла. И тогда вместе с боевыми делами отряда как к его бойцам, так и к их коман-

диру пришла известность на флоте. Не без оснований стали считать, что такой отряд и с таким командиром способен выполнить любое сложное дело.

Облик командира, как и всякого незаурядного человека, многогранен. Короче и четче всего его характеризует само имя — командир. Такой человек призван и поставлен командовать, распоряжаться другими людьми. Есть такие натуры, которые по складу своего ума, по характеру, по волевым чертам непременно подчиняют себе окружающих. Из этой категории и Леонов. Перед войной у него шла уже вторая половина долгой матросской службы. Призвали его на флот с московского завода «Калибр», плавал он на подводных лодках на Балтике и на севере. Летом 1941 года пришел в отряд морских разведчиков. Был рядовым бойцом и командиром отделения. А теперь вот командует нашей «хитрой конторой», как мы в обиходе часто называем свой отряд.

Леонов смуглолиц. Крупные черты его лица грубоваты, каждая в отдельности не показалась бы красивой. Мясистый, широкий нос, крупные, сочные губы над округлым, упрямым подбородком. Глубоко посаженные темные, с синевой глаза под лохматыми черными кустистыми бровями, кончики которых он по привычке машинально крутит, как усы. Густая, выходящая правильными волнами шевелюра лохматой шапкой накрывает его голову. Но в целом лицо его располагающе, привлекательно, приятно.

Временами Виктор отращивает усы и бороду. Они у него черные, смолистые. И тогда он выглядит не только старше своих лет, но и несколько суровее, загадочнее.

Широкоплечий, коренастый и плотный, он довольно крепок физически, особенно цепки его длинные руки. Еще в довоенные годы он постоянно участвовал в соревнованиях по лыжам и владеет ими хорошо. Умело управляет шлюпкой, может быстро выбрать рифы¹, и парус не полощется попусту, а всегда туго натянут и гудит, посвистывает под напором ветра.

Полученное в начале войны ранение стопы как бы усили-

¹ Р и ф ы — поперечный ряд продетых сквозь парус завязок. Взять, выбрать рифы — убавить парус, уменьшить его площадь.

вает природную тяжеловесность его походки — ходит он, присогнув ноги в коленях и чуть пружиня, как бы приседая. Таким пружинящим ровным шагом с рюкзаком за плечами он может пройти не одну сотню километров.

В поворотах, в движениях не резок, не порывист, скорее угловат, медвежист. Аккуратным, паркетным движениям в молодости не обучился. Танцевать не умеет. И не поет. Не было случая, чтобы он подтянул матросам, которые вдруг заведут что-нибудь про дальние морские походы, про растаявшие в далеком тумане берега Рыбачьего, про бьющийся в тесной печурке огонь. А слушать песню любит. И сидит вместе с поющими. Видно, песню душевно воспринимает, а не поет оттого, что не привык, а может, и стесняется, что певучий голос ему не дарован.

По характеру Виктор размашист, натура у него широкая. Глядя на его длинные, подвижные руки, так и кажется, что они стараются притянуть, прибрать, как бы сгрудить возле себя побольше людей, охватить, обнять мир пошире.

Внешняя угрюмость, хмуроватость его лица — только кажущаяся. На самом деле он общителен, разговорчив. В требованиях к людям не придирчив, не мелочен. С бойцами, даже с молодыми, обращается просто, не строго официально, уставным языком не разговаривает.

Нужды и мысли бойцов-разведчиков ему близки и понятны. Недавно расставшись с матросским званием, он еще не успел вжиться в свое офицерское состояние, остался в кругу тех же товарищей, с которыми был на равном положении. Ему, потаскавшему, как и все мы, на своей спине тяжелый рюкзак, побегавшему и поползавшему под пулями, тревоги и переживания бойца-разведчика не только доступны. Они его.

Виктор способен запросто сидеть с матросами, смеяться и балагурить. А смеется он раскатисто, заразительно, звонко. Усмешка его молодит, делает ребячливым. Ни позы, ни рисовки в нем нет, все обыденно, непринужденно. Уже давно мы к нему обращаемся не только как к старшему по должности, все же это свой среди нас парень.

Виктор не хитер, но смекалист, ум у него оборотистый, быстрый. Узнает какую-то слабинку в человеке, услышит о

чем-то таком, что матрос хотел бы скрыть от других, — с ходу не упрекнет, сразу не выложит. Если уж опять разведчик споткнется на таком же деле — тогда и предъявит ему командир двойной счет.

Что Леонов человек храбрый — в этом не сомневаются не только разведчики. Но храбр он не безрассудной горячей храбростью, которая присуща людям эксцентричным, несдержанным и порывистым. За годы войны он научился владеть собой, выглядеть перед бойцами спокойным и уравновешенным. Конечно, волнение и в нем прорывается: то маузер или парабеллум в его руках пускает частый рой пуль, то он бегом старается поспеть туда, где схватка, посмотреть своими глазами рискованное дело, то резко прикрикнет на связных, гоняя их бегом по взводам и отделениям. При этом глаза его возбужденно блестят, а насупленные брови сходятся у переносицы.

В нем нет холодности, присущей людям, равнодушным к судьбе подчиненных. Он не безразличен ни к себе, ни к нам, десанникам: жить ему, как и всем нам, тоже хочется, он жизнерадостен и жизнелюбив, ради жизни мы все вместе с ним и воюем. Что же касается бойцов отряда, то многие из нас не просто его подчиненные, а многолетние боевые друзья. Только с ними, с этими разведчиками, силен и Леонов. Это он понимает и потому-то согласился ехать на восток с костяком отряда североморцев.

Кроме Леонова, в отряде еще двое моряков — Семен Агафонов и Андрей Пшеничных — за захват немецкого опорного пункта на мысу Крестовом под Лиинахамари стали Героями Советского Союза.

В наш отряд, который на первых порах назывался добровольческим, поскольку комплектовался только из добровольцев, подобрались отчаянные и надежные ребята. Каждому можно безбоязненно дать в руки оружие и послать во вражеский тыл.

У отряда богатый опыт десантных операций и дальних разведывательных пеших походов в глубокий тыл врага. Видно, этот опыт и заставил флотское командование остановить свой выбор на нашем отряде, когда надо было решить, кого

же послать на восток. Опыт этот накапливался годами. И не только от операций успешных. Немалую науку мы черпали и из неудач — ведь они тоже бывали. В народе говорится, что за одного битого двух небитых дают — так было и у нас. На ходу, между боями, учились и переучивались. Каждую операцию обстоятельно разбирали, находили свои ошибки, много тренировались, когда приходили на базу. Появилась осмысленная смелость, основанная на опыте, на расчете.

Принципы проведения десантных операций, особенности скрытной разведки далеко за линией фронта, методы подготовки разведчиков стали складываться с первых месяцев войны и в зиму 1942 года. Затем из них возникла определенная система. Вот тогда-то командование флота и решило, что настала пора отряду оторваться от ближних берегов, он созрел для походов за море, готов к высадкам на оккупированные гитлеровцами норвежские земли. Вторая половина войны стала для нас, как и для всей армии, полосой наступательной. Опыт и учеба стали приносить свои результаты: потерь несли меньше, ходили значительно дальше, сведения добывали важнее.

IV

В бесконечном беге закружились колеса наших вагонов мимо Горького, Кирова, через Урал и все дальше на восток.

Каждый день я отправляю в Москву письмо или открытку. А приходить туда они будут со все большим перерывом. Мы уже приедем во Владивосток, а письма, посланные еще с середины пути, все будут добираться до Москвы.

Недавно я перечитал их. И сразу многое вспомнилось, отчетливо встало в памяти. Неизгладимое впечатление произвели тогда на нас просторы Сибири. Зауральскую степь я видел впервые. Местами еще шли полевые работы, и нам было видно, как в поле трудятся только женщины да подростки. При нехватке машин и лошадей они своими натруженными руками по зернышку все убирали и кормили нас, собранных под ружье во множестве миллионов. Каким же трудолюбием, каким высоким пониманием своей доли в спасении Отечества обладали эти женщины, эти ребята, в

столь тяжких условиях ухаживающие за кормилицей-землей!..

Мы еще не миновали Урал, а уже увидели, что едем на восток не одни. Вместе с нами в поезде было много морских летчиков. Нередко мы обгоняли воинские эшелоны, или составы с войсками убегали вперед нас. На платформах под брезентом танки, орудия, торпедные катера и «морские охотники». Станции запружены вагонами с воинским имуществом, перед окнами мелькают санитарные поезда. И все это движется на восток. Нередко, как бы вперегонки, эшелоны катятся туда в одном направлении по обеим колеям магистрали.

И народ едет все, видно, боевой, обстрелянный. Ордена и медали, золотисто-красные нашивки за ранения, гвардейские значки видишь чуть не на каждом.

Едут солдаты на восток с победной лихостью. Да их можно и понять: только что свернули шею такой армии, которая надеялась поставить на колени весь мир. А раз уж ее сломали, то так и кажется этим бойцам, что перед ними теперь ничто не устоит. Это чувство, родившееся при наступлении на западе, поднималось, подобно лавине, все выше и выше, и теперь, нарастая, покатилося вместе с людьми обратно, к востоку, к другому фронту.

Когда на Западном фронте в начале войны положение стало тяжелым, на подмогу были брошены дальневосточные дивизии, бригады из моряков-тихоокеанцев. Тогда и нам, северянам, помог Тихоокеанский флот людьми и кораблями. Без малого вокруг света прошли подводные лодки. И немало немецких судов отправили они на морское дно. Лидер «Баку», эсминцы «Разумный» и «Разъяренный» добирались в Полярное Северным морским путем. Из экипажа лидера пришел в наш отряд старшина второй статьи Иван Лысенко. Дрался он с немцами храбро, и к его медали за морские походы прибавился орден Красного Знамени за десанты. Погиб Иван славной смертью осенью 1944 года на мысу Крестовом, когда освобождали от гитлеровцев занятые ими северные земли.

Как-то, уже после войны, пришлось мне идти морем к одному из северных островов. Стоял я на мостике и во все глаза жадно смотрел на знакомые места, которые уже давно не

видал. И вдруг на небольшой каменистой косе я обнаружил остатки боевого корабля. Из воды торчала носовая часть корпуса с когда-то красивым, стремительно изогнутым форштевнем¹. Это был «Баку». Отплавал он свое, отходил тысячи миль по морским дорогам. И вышел ему срок уходить на покой. Но не просто ушел он на слом. Еще пригодился для науки нынешним морякам. Испытывая новое оружие, они тренировались в стрельбе ракетами по этому некогда гордому кораблю, ставшему обычной мишенью...

Теперь пришла пора и нам отплатить Тихоокеанскому флоту за товарищество, за флотское братство. Мы снялись с запада раньше других флотских частей. Следом за нами потом к восточным границам приехали и пришли морем другие команды, экипажи для новых кораблей.

Наступила жара. В вагонах стало душно и пыльно. Как только подольше остановка — стараемся добраться до воды и отмыться от сажи и копоти. На станциях по очереди бегаем в продпункты за харчами и к кубовым за кипятком.

Ехали мы скорым, остановки на станциях были короткими, посмотреть города и селения как следует не удавалось. Перед глазами больше маячила привокзальная толчея. С большим любопытством смотрели мы на Свердловск, вспоминали, что туда ездили и наши с флотской делегацией в гости к рабочим. Проехали Омск, Новосибирск и другие зауральские города, всю войну снабжавшие нас оружием и боеприпасами.

Степные просторы Западной Сибири сменились необъятными лесами, могучей зеленой сибирской тайгой. Полноводные и широкие реки, большие и малые озера еще не устоялись от весеннего разлива.

Перед Иркутском зеленый таежный океан все чаще и чаще стали сжимать горы, поезд то шел на подъем, то нырял в узкие расщелины между высот. Наш эшелон приближался к краю гор. Вспомнились давно слышанные непривычные названия — пади, распадки, сопки. Загадочная, немного романтическая страна, оставшаяся в памяти по книгам Арсень-

¹ Форштевень — носовая часть корабля, поковка или отливка в форме носа, служащая продолжением кила.

ева и Фадеева, по песням о партизанах, трех танкистах и зорких пограничниках, бежала нам навстречу.

Хотелось увидеть воспетый людьми несравненный Байкал, на котором баргузин разгоняет морскую волну. Дорога огибала западное побережье озера почти у самого уреза воды. И как только поезд останавливался, вынырнув из очередного туннеля или собираясь заскочить в следующий, — мы выпрыгивали из вагонов и бежали к его чистой, хрустальной воде. Погода стояла тихая, и озеро было зеркально гладким. Купаться не рисковали, вода была еще холодная, но пили ее до боли в зубах, умывались про запас, зная, что впереди еще много песка, пыли и копоты.

Проехали Улан-Удэ — родину наших разведчиков Михаила Калаганского и Степана Горбунова. Потом в стороне остался Благовещенск, в котором живет Иван Баринов, потерявший зрение в одной из набеговых операций нашего отряда в Варангер-фьорд.

Перед Хабаровском ребята как-то подтянулись, сгрудились у окон и в дверях, чтобы посмотреть на эту неофициальную столицу дальневосточного края. Перед нами знаменитая Волочаевка, красавец мост через Амур, могучая полноводная река. Где-то тут, в Хабаровске, на Амурской флотилии служат наши ребята, раньше нас выехавшие на восток, — Андрей Залевский, Виктор Братухин и Валерий Коротких.

И поезд наш повернул к югу, к Владивостоку.

Двенадцатого июня мы добрались, наконец, до цели.

Перед нами — огромный океан, ворота в мир далекий, таинственный и никем из нас еще не изведанный.

V

На первое время отряд расположился в большом старинном особняке. Наше жилье оказалось в центральной, самой людной части города. Владивосток той поры вовсе не походил на виденные нами города и селения на западе страны, сожженные и разоренные губительной войной. Это было заметно во всем, даже в том, как были одеты люди. За многие годы привыкнув к светомаскировке, мы чувствовали себя как

бы выставленными напоказ на залитых светом вечерних улицах. Три года в Полярном отряд жил в растрясенной взрывом, но устоявшей половине дома, а другая его половина была начисто разрушена фашистской бомбой. Стекла не было, и все окна пришлось наглухо зашить досками. Так выглядел не только наш дом. Если где и сохранилось стекло в рамах, то оно было или укрыто деревянными щитами, или заложено мешками с песком.

А здесь на улице глядели своими глазищами огромные витрины магазинов, за зеркальным стеклом ярко горели люстры и лампы. Торговали магазины, были и такие, в которых многое можно было купить по коммерческим ценам. А мы уже давно отвыкли от покупок, много лет не бывали в магазинах. Все получали по нормам от интендантства. Тут вечером можно зайти в ресторан и заказать на ужин блюдо по вкусу, правда, по довольно высокой цене. И совсем уж нашему глазу казалось необычным обилие людей, одетых не в военную форму. На нашей отдаленной базе на севере всегда было мало гражданского населения. А в войну в прифронтовой зоне в штатской одежде красовались лишь заезжие артисты да делегации от шефов с заводов.

Даже женщины и девушки, которым по натуре не свойственно однообразие в одежде, в Полярном сплошь носили фланелевки, шинели и сапоги. И то не было данью моде военного времени. Почти все они служили. А кто служит, того учат носить и почитать форму.

Владивосток — другое дело. Тут мы растворились среди многих тысяч горожан. Хоть и много в городе военных моряков, но матросов торгового флота, рыбаков, рабочих порта, городских заводов и фабрик еще больше.

И все же Владивосток — город военный. Не только потому, что это главная база флота. Но уж и воздух тут стал каким-то предгрозовым, во всем чувствовалось приближение развязки. Горожане все более видели, что они накануне тревожного испытания. Даже вечером в парке или на улицах люди хоть и гуляют, но нет беззаботного смеха и безмятежного веселья. В город прибывали все новые и новые солдаты и матросы. На восток двинулись многие тысячи людей.

Прибавлялись не только люди. В обширной акватории Золотого Рога и множества окрестных заливов собиралось все больше и больше кораблей. У причалов становились на швартовы новые торпедные катера, «морские охотники», в бухте стояли «на бочках» тральщики, сторожевики, фрегаты. Все они уже не умещались на главной базе, да и держать такое обилие скученно в одном месте было небезопасно. И их «распихивали» по многочисленным базам обширного побережья.

Первые дни нашей владивостокской жизни ушли на приемку пополнения. А точнее было бы сказать, если подходить к делу чисто арифметически, то мыполнили тихоокеанский отряд. Только одну треть в новом отряде составляли северяне. Но этой, меньшей доле надо было стать притягательным ядром, с которым воедино слились бы молодые восточники. По флотским понятиям, они все были «зелеными», «салажатами» — служили на флоте всего лишь по году, по полтора. И никто из них не «нюхал пороха». Только один Дмитрий Соколов успел уже немало повоевать. В партизанском отряде на родной ему новгородской земле прошла его юность. К нам он пришел двадцатилетним, а китель его украшен Золотой Звездой, орденом Ленина, орденами Красного Знамени и Отечественной войны. Да еще медалей целый ряд.

В разведотделе произошла радостная встреча: объединять нас с тихоокеанским отрядом командование отдела поручило подполковнику Инзарцеву. Он подбирал на кораблях и в частях флота будущих разведчиков и формировал из них первый такой отряд на востоке. Николай Аркадьевич — наш давнишний боевой товарищ. Еще в первый год войны он командовал нашим отрядом на севере. Мы хорошо его знали и помнили. При нем Леонов был и рядовым бойцом, и командиром отделения. И я пришел в разведку при Инзарцеве. С ним мы прошли большую и трудную школу, немало походили по вражеским тылам. И вот теперь мы вновь встретились. Позже, когда разыгралась война у тихоокеанских берегов, Инзарцев сходил с нами в последний боевой поход.

Среднего роста, плотный и крепкий, этот горьковчанин пришел на флот еще в начале тридцатых годов. С первыми подводными лодками приплыл с Балтики на север. Перед войной был флагманским физруком бригады подводных лодок. Физическая закалка его вызывала у матросов почтительное уважение. Он многие годы занимался штангой и был одним из лучших тяжелоатлетов флота. Даже теперь, уже давно на пенсии, полковник в отставке Инзарцев выглядит все еще молодо и сохранил свою спортивную фигуру. Живет он в Севастополе.

И потому, что бойцов в отряд подбирали Инзарцев, в людях этих можно было не сомневаться: Николай Аркадьевич хорошо знал, какими качествами должны обладать моряки, чтобы воевать в разведке.

VI

В один из первых дней жизни во Владивостоке мы собрались у Леонова. За стол сели Инзарцев, заместитель Леонова по политчасти старший лейтенант Гузненков, мичман Никандров, парторг отряда восточников старшина Козлов, мичман Чекмачев и я. Стали обсуждать, как структурно построить отряд, как расписать и расставить людей.

Хотя отряд теперь и покрупнее, чем на севере, все же решили держаться уже привычной нам и проверенной на опыте разбивки на два взвода и на группу обеспечения — еще примерно полувзвод. В этой группе будут связные, радисты, наш отрядный доктор Тимофей Гончарук с санитарями, матросы хозяйственной службы. Они остаются в непосредственном подчинении командира отряда.

Одним взводом поручено командовать мне, другим — мичману Александру Никандрову. Мичман старше меня почти на десять лет, опытнее, больше походил по вражеским тылам. И характеры у нас разные. Никандров уравновешен, выдержан, его трудно вывести из себя. Нервы у него удивительно крепкие. Я таким спокойствием не обладаю. Спит он крепко, засыпает сразу и тут же как бы проваливается в какую-то нетревожную глубину. Говорил нам, будто не пред-

ставляет, что такое видеть сны. Здоровье у него отменное, никакая хворь к нему не пристаёт. Саша худощав, жилист, хоть ему и порядочно за тридцать — ни малейшего ожирения, сплошной сгусток мускулов. Этакое сухое, выстоявшееся дерево.

Люди в его пору имеют уже детей-подростков, а он еще холостяк. И не оттого, что женоненавистник. Срочная служба на флоте отхватила у него пять годков. Плавал на эскадренных миноносцах сначала на Балтике, а потом на севере. Демобилизовался за пару лет до войны. Не успел устроиться и осмотреться — война, вновь призвали. Опять четыре года службы. Не в пример молодым матросам отряда, не помышлявшим еще о женитьбе, но ухаживавшим за девушками, или тем из нас, кто успел обзавестись семьей, Саша слыл в отряде домоседом, в увольнения ходил редко, знакомых в городе почти не имел. Женился он уже после войны.

Командирами отделений ко мне во взвод определили Степана Овчаренко, Виктора Максимова, Григория Тихонова и Сергея Бывалова. Помощником моим решили назначить Семена Агафонова. Народ все это опытный, обстрелянный, исходивший сотни километров по побережью Мотовского залива и по Варангеру. По отделениям матросов расписали так, чтобы возле каждого двух-трех восточников был кто-то из северян: надо учить, наставлять и тренировать ребят. Потом, когда разгорелась война, такая разбивка опытных и новичков принесла нам немало успеха, избавила от многих потерь и лишней крови. Но об этом позже.

Хлопотные дни начались и у нашего комиссара Гузненко-ва. Надо было присмотреться к десяткам новых бойцов, не только заглянуть в их анкеты, но и поговорить с ними, выспросить каждого о его жизни, прикинуть, кто и на что может пригодиться. Хотя народ в разведку всегда подбирается боевой, с характером, выверенный, как у нас (даже здесь, пополнившись молодежью, отряд наполовину состоит из коммунистов, а на севере в партии было большинство десантников), — замполиту в эти дни дел досталось по горло. Не то что доктору. Среди крепких, пышущих здоровьем молодых ребят наши доктора чаще всего совсем ничего не де-

ляли по своей профессии. На базе вместе со всеми ходили на тренировки, на стрельбы, занимались борьбой, лыжами. Помнится, еще на севере наш фельдшер Холин все сокрушался, что матросы не нуждаются в его помощи, что даже банки поставить некому, ни одного десантника и простуда не берет.

Правда, в бою докторам нередко приходилось туго: они и дрались наравне со всеми, и спасали раненых, случалось, и гибли.

В цепи первых атаковавших вражеские орудия на мысу Крестовом, когда надо было захватить пушки, стрелявшие прямой наводкой по десантникам, оказался и доктор Луппов. В схватке с егерями он и погиб. Предшественник его фельдшер Холин, человек изумительной силы, закалки и выносливости, навсегда остался в глубине студеного Варангера: при атаке немецкого каравана неприятельский снаряд взорвался в баке с горючим, катер взлетел на воздух, из его экипажа и из десантников не удалось спасти никого.

У политработника всегда полно дел. И пожалуй, на базе, во время передышки, до боя, забот у него больше.

Принято считать, что качества политработника, партийная страстность его натуры, умение поднять людей на трудное и опасное дело проверяются поведением солдат и матросов в бою. Это бесспорно. Но это конечный результат. Способность влиять на людей, проникнуть в их душу, поднять настроение, вести их за собой, убедить их в справедливости того дела, за которое им придется драться и, может быть, умереть, заранее определить, куда и с кем пойти — в атаку ли, в поиск ли или в отражение неприятельского напора, — эта особенность комиссарской натуры наиболее отчетливо проявляется в его трудах до боя, в его умении слиться с бойцами еще до сражения. В боевой схватке времени для агитации не остается. Там политработник бьется с врагами в одном ряду с какой-то группой бойцов. Там ему подражают подчиненные, там он видит людей в деле.

В будничную повседневную работу и пришлось с головой уйти нашему Ивану Ивановичу Гузненкову. Нашего замполита, его и его предшественников, по многолетней тра-

диции, еще с первого момента войны, десантники любовно зовут комиссаром. Полюбилось разведчикам это короткое, звучное, ненавистное врагам имя, олицетворяющее с давнего времени в нашем понимании образ стойкого, до каждой своей клеточки идейно убежденного посланца партии. Как-то случилось так, что не прижилось в повседневном общении, в обиходе длинное должностное имя «заместитель командира отряда по политической части». Он всегда для нас продолжал оставаться комиссаром по своей сути, по своему партийному призванию. Ведь на практике изменились лишь его права, но сохранилась суть обязанностей. Слово «комиссар» обычно связывалось у нас с революционной романтикой, с Гражданской войной. Даже теперь, когда после войны прошло более двадцати лет, мы при встречах по привычке сердечно называем наших замполитов комиссарами.

Сперва провели партийное, а потом и комсомольское собрания. Секретарем партийного бюро избрали тихоокеанца старшего сержанта Козлова, а заместителем его — северянина мичмана Чекмачева. Комсомольцы выбрали своим вожаком Павла Колосова.

В этих делах по слиянию с тихоокеанским отрядом, расписанию бойцов по взводам и отделениям, избранию партийных и комсомольских руководителей, представлению новому командованию прошла первая неделя нашего пребывания во Владивостоке.

VII

Девятнадцатого июня отряд в обновленном составе переехал на остров Русский. Остров этот надежно закрывает вход в обширную бухту Золотой Рог. В давние годы, еще до русско-японской войны, там были построены воинские казармы. С толстыми стенами, сводчатыми потолками, небольшими окнами они оставляли мрачноватое впечатление, напоминали мне матросские кубрики, перестроенные из монашеских келий на Соловецком острове. Казармы на Русском долго пустовали, были запущены. Метровые стены от-

сырели, влага местами сочилась из них. Кое-где по углам, у подоконников нависали поросли грибка. Мы счищали их, но они вырастали вновь. Вдобавок время наступило дождливое, мокрое. Оттого жилье наше было неуютным. В кубрик идти не хотелось. Промозглая сырость пронизывала все кругом. Ложиться приходилось в отсыревшую, влажную постель. Имущество пропиталось влагой, вещи плесневели. Мы с нетерпением ждали солнечного дня, чтобы просушить постели, обмундирование и обогреться самим.

Отремонтировали камбуз, обставили столовую, заполнили продуктами кладовую — баталерку, соорудили на ближайшем ручье запруду, а от нее прохладный душ — и зажили жизнью маленького самостоятельного гарнизона. Отряд сразу стал обрастать хозяйством: получили грузовой и легковой автомобили, шлюпки, оружие и боеприпасы. Всем выдали походное солдатское обмундирование.

Отрядный кок Алеша Антонов, которого мы с давних пор ласкательно зовем Антошей, сразу превратил нашу столовую в хлебосольное заведение. Не успели мы еще обжиться, как к нам повадились гости, чаще званные, а иногда и незванные, потом, после боев, в кубриках, в столовой, в кают-компании с утра и до позднего вечера было шумно от приезжих актеров, журналистов, фотокорреспондентов, да и просто друзей-товарищей. Правда, на первых порах меню было довольно однообразное. Четыре года войны везде сказались. Каждый день, да еще раза по два, к столу то на первое, то на второе подавалась рыба. Больше всего кета, основательно, почти по-селечному посоленная, немало полежавшая. Даже после супа из этой кеты тянуло пить нестерпимо. И мы нередко с вождением вспоминали свежую треску, которую иногда удавалось вылавливать и жарить на севере.

Всяким вспомогательным хозяйством отряд поневоле обрастал все больше. Время, когда мы жили на полном довольствии бригады подплава, давно кончилось. А это влекло за собой увеличение числа людей, занятых обслуживанием. Приходилось иметь кладовщиков, коков, экспедиторов, шоферов. Боевое ядро отряда все более сокращалось.

Превращать этих матросов в тыловиков, оторванных от участия в боевых делах, было равносильно сокращению численности отряда. Потому-то к боевой учебе, к занятиям на местности старались привлечь и тех, кто по расписанию числился в «обслуге». Это был наш живой резерв на напряженное время. Как правило, любой боец отряда, будь он кладовщик, кок, писарь или сапожник, должен ходить на боевое задание. Они имеют оружие, снаряжение и наравне со всеми проходят обучение и тренировки. Потому-то мобильность нашего отряда нередко многих удивляла. И не случайно в отряде почти не было таких матросов, которые бы не участвовали в боях. Наши коки Алексей Антонов и Тимофей Пименов, баталер Петр Коваленко, сапожник Николай Мальцев, оружейник Вадим Дараган имели не меньше наград, чем другие разведчики отряда. Некоторые из них, как Петр Коваленко, потому и попали в хозяйственную службу, что полученные ими ранения не всегда позволяли им участвовать в операциях, требующих большого физического напряжения.

За всю многолетнюю историю отряда было, быть может, всего два-три человека, которые под разным соусом уклонялись от походов во вражеское расположение, окольными путями уберегая себя от боевого дела. Одним из них был Боб Крапов. В первый период войны, примерно до конца 1942 года, он служил в отряде оружейником. Оружие он действительно знал хорошо. Специальность эта позволяла ему всегда быть на базе, ремонтировать, исправлять, налаживать винтовки, пулеметы и автоматы. Дело, конечно, нужное. Но он никак не мог решиться на поход в тыл противника. Или к этому времени с ним приключалась болезнь, или скапливалось для ремонта много оружия, но в операцию он выйти никак не мог.

Зато в клубе, на танцах, среди девчат это был лихой парень. Вытянутые в ниточку, подбритые сверху и снизу черные усики, густо напояженные блестящие волосы, зачесанные на пробор, выпуклые, нагловатые глаза и оттянутый нос на худощавом бледном лице — первое, что сразу оставалось в памяти о его внешности. Голову увенчивала мод-

нейшая бескозырка — блин с длиннейшими ленточками, бог знает откуда приобретенными. Клеши непомерной ширины, из одного кармана их торчит чужестранный фонарь, а из другого — кожаные перчатки. Фланелевка заправлена не в брюки с поясом, как у наших матросов, а по образцу английских моряков вытянута из штанов навыпуск и плотно обтягивает тощий зад. Шинель укорочена почти до колен, наподобие лапсердака. Кстати, ко всякого рода заграничным вещцам он питал болезненную страсть, и всякой вновь приобретенной пуштышкой очень любил похвастаться.

Полусогнувшись, упрятав свою впалую грудь, вульгарным жестом обняв партнершу, виляя бедрами, он на танцах выделял какие-то замысловатые фигуры, напоминающие нервно-издерганное трясение в твисте. Ему очень хотелось, чтобы на него обращали внимание. Таких тогда на флоте называли «жоржиками». В послевоенное время к ним приклеилось удачное наименование — стилиаги. Будучи в отряде инородным телом, Боб не мог долго держаться среди разведчиков, боевые ребята не терпели этого ловеласа, и командование списало его в какое-то другое подразделение.

Годами в отряде сложился такой порядок, что, когда большая часть бойцов уходила в операцию, нести службу по охране здания и имущества приходилось тем, кто выздоравливал после ранения или болезни, кто провинился в чем-нибудь (и такое бывало). Самым тяжким взысканием для разведчика считалось отстранение от участия в выполнении боевого задания, лишение права пойти с оружием в руках в тыл противника. Но таких провинившихся было немного, костяк группы для охраны обычно состоял из выздоравливающих. Если же здорового и не провинившегося оставляли для несения службы, — это всегда воспринималось с глубокой обидой и расценивалось как несправедливое наказание.

Пользуясь случаем, хотел бы высказать мою давнишнюю точку зрения на этот счет. Таким узкоспециальным и маневренным подразделениям, в которых каждый человек на счету и где любой боец должен сочетать в себе несколько специ-

альностей и быть способным к выполнению боевой задачи, ни в коем случае нельзя обраться подсобными, вспомогательными службами. Всякого рода обеспечением, снабжением непременно должны заниматься те, кому это положено уставами и расписаниями.

VIII

Еще по дороге с запада и в первые дни после приезда во Владивосток мы много думали и советовались между собой о том, как быстрее обучить боевым навыкам совсем не обстрелянных молодых тихоокеанцев, как успеть самим за короткое время освоить новый театр военных действий, подготовиться к войне в непривычных условиях. Все склонялись к тому, что надо хорошенько изучить топографию тамошних мест, особенно ближайшего побережья, прикинуть, сколь пригодна для высадок береговая полоса, постараться овладеть неприятельским оружием, иметь представление о внешнем виде и обмундировании солдат и офицеров вероятного противника, оттренировать как следует новичков для десантирования, отработать умение скрытно ходить пешком на большие расстояния, достигнуть хорошей физической закалки и выносливости всех разведчиков. В обучении одинаково нуждались все — и северяне и восточники. Североморцам здешние условия были совершенно непривычны. Пути-дороги в разведку тут могли пролегать через города и большие поселения, проходить возле крупных предприятий. В боевом походе будет трудно миновать местных жителей, плотно осевших на прибрежных землях. В отличие от голых заполярных скал здесь в горах и в долинах густые леса. Там мы мокли, мерзли, зарывались в снег. Здешнее солнце так нещадно печет, будто старается прогреть нас до печенок за многолетнее вымораживание на севере.

А молодое наше пополнение, привыкшее к здешней природе и климату, совсем не имеет боевого опыта, почти никто из них даже выстрела из вражеской винтовки не слышал.

И по возрасту они молоды, служат на флоте всего по году, по полтора.

После споров и обсуждений составили хорошую программу специальной подготовки. Командование разведотдела ее одобрило, и занятия сразу же начались.

Много часов мы, подобно ювелирному мастеру, вооружившись лупой, провели, рассматривая аэрофотоснимки чужого побережья, учились их дешифровывать. Подробные топографические карты раскрывали перед нами береговую полосу, показывали доступные и труднопроходимые места. По ним мы прикидывали наиболее возможные маршруты движения. В наших руках были справочники о селениях, о жителях, о их имущественном состоянии. Мы могли почерпнуть сведения, к кому можно обратиться за содействием, а к кому нельзя совать носа. Таких материалов у нас на севере в первые месяцы войны, конечно, не было, больше приходилось добывать самим.

В недалекой лощине часами гулко трещали автоматы, басовито отстукивали пулеметы: матросы учились метко стрелять из того оружия, с которым неминуемо вскоре придется идти в бой. Каждому хотелось выверить надежность своего автомата.

Надували резиновые шлюпки и то по двое, то вшестером учились ходить на них и в штиль и при накатной волне, которая нередко опрокидывала шлюпку у берега. И десантнику ничего не оставалось, как вброд добираться до суши, срываясь со скользких камней, цепляясь за водоросли, таща за собой шлюпку.

Не так легко приучить себя прыгать со шлюпки в воду: и мокнуть не хочется, и не сразу определишь — глубоко ли до дна. А надо. Противник ведь любезно не выложит трап, чтоб ты не замочил свои ножки. И ребята учились, не задумываясь, прыгать в синеву залива.

Доберешься мокрый до берега — и там не лучше. С тебя течет, в сапогах чавкает вода, а тебе надо либо бежать в гору, либо ползти на животе по грязи, по глине, которая разбухла от дождей и стала такой вязкой, что едва отрываешь от нее то локти, то колени.

Только доберутся матросы до сопки, а тут новая команда: спуститься вниз и бегом одолеть ее снова. Стоит духота, от земли идут обильные теплые испарения. И пока взбежишь на сопку — мокрый, будто тебя окунули в кадку с водой. Ребята взмокли, устали, дышат тяжело, прерывисто. Дашь небольшой перекур — и снова марш. Рюкзак на спине, автомат на шее — и цепочкой в чащу, в кустарник, в высокую непролазную траву.

И так день за днем.

У меня разболелась нога. Пролежал неделю в кубрике, не выдержал, поднялся и пошел с костылем на занятия. Бегать сам не могу, но команды ребята слушают и как исполняют их — вижу.

Станет погода уж очень ненастной или наступит вечер — соберутся матросы в кубрике, рассядутся за столы или на койках, и пошел разговор то о прежних операциях, то о том, что нового почерпнули из присланных разведотделом пособий. А материалов — только успевай читать.

Передавая нам справочники о странах бассейна Японского и Желтого морей, знакомя с картами, схемами и фото-снимками, офицеры разведотдела все больше обращали наше внимание на изучение восточного корейского побережья. Не называя прямо места будущей высадки, командование уже в те дни исподволь стало готовить нас к действиям на корейской земле.

На глубоко вытянувшемся в море полуострове издавна сложилось Корейское государство, с трех сторон оно омывается морями. Лишь меньшая часть страны углом вдается в материк на севере. Море — преграда, естественный рубеж, оберегающий страну. Не всякий сможет переплыть его и проникнуть в эту приморскую державу. И в то же время морское побережье оставляет наиболее широко распахнутые ворота в этот благодатный край: охранять столь протяженную береговую полосу можно только большими морскими и сухопутными силами.

Нам, десантникам, это обстоятельство приходится учитывать как первостепенное. Но берега, особенно восточные, для десантных операций неудобны, они гористы и обрыви-

сты, имеют мало бухт и хороших подходов. В стране множество гор, некоторые вершины достигают высоты полутора и даже двух километров. Горы вплотную подходят к побережью и как бы спускаются в море.

О богатстве гор и лесов этого восточного края нам немало приходилось читать и слышать и раньше. Но теперь мы вчитывались в описание природы уже не столь отвлеченно, как в школе, а смотрели с точки зрения пригодности для похода в разведку: где можно хорошо укрыться и через какую чащобу не проберешься. Лесов на севере Кореи много, особенно в горах и в удалении от побережья. Они тут густые, переплелись и перевились между собой. Суровая, почти непроходимая тайга перемежается лиственными рощами, и чем дальше к югу, тем все более переходит в сплошные заросли вечнозеленых и субтропических растений. Разнообразие древесных пород богатейшее. Двигаясь с севера на юг Кореи, можно наблюдать как бы смешение привычной нам русской природы с буйной южной. Близкое сходство с северной корейской растительностью нам пришлось видеть на сопках и в долинах Приморья во время наших учебных походов. На севере больше всего растут аянская и сибирская ель, серебристая пихта, даурская лиственница. Встречаются тут черная и каменная береза, и монгольский дуб, и амурская рябина. Можно увидеть здесь и приглядевшуюся нам, россиянам, осину. Ближе к восточному побережью сохранились рощи могучего дуба, есть корейский клен, а по соседству с ним уживаются ясень и липа.

На тактических занятиях в лощинах и на склонах сопки мы с трудом пробивались через густую траву выше нашего роста. Вот такая же трава, высокий плотный кустарник и лианы образуют часто сплошную непроходимую стену и в лесах Кореи. Эти леса, кустарники и травы могут быть удобны для тех, кто их отлично знает, привык к ним, умеет в них ориентироваться. Осока и камыши в низинах — очень непривычное для нас, северян, препятствие. Многим из нас они доставят немало хлопот и трудностей.

IX

С каждым днем мы все отчетливее осознавали, что война с Японией неизбежна, что военное столкновение здесь, на востоке, приближается с неумолимой быстротой.

Обстановка все более сгущалась. Мы, конечно, в те дни не знали о Ялтинской договоренности о времени вступления нашей страны в войну с Японией. Но не надо было обладать большой проницательностью, чтобы понять, зачем на восток подтянули такое количество войск. И у нас, на Русском острове, накопилось множество морских пехотинцев.

Нам не надо было долго объяснять главную цель нашего пребывания здесь. Мы хорошо понимали и чувствовали: настало время покончить с последним очагом войны на земле. Наша победа над империалистической Японией — главной союзницей фашистской Германии — означала бы для всех долгожданный конец Второй мировой войны.

На политзанятиях нам напоминали о неоднократных наскоках Японии на наши восточные рубежи, о зверствах интервентов на Дальнем Востоке, о многолетней войне в Китае. Мы вспоминали Сергея Лазо, Волочаевку, хасанские события, еще раз задумывались о том, сколько советских судов погибло в последние годы от атак «неизвестных» подводных лодок.

Теперь мы вовсе не сомневались, что предстоит нам вскоре драться с опытным и сильным неприятелем. От давно захваченных земель на материке он не отступится, без боя пощады просить не будет. Корею японцы считают своим заморским генерал-губернаторством. Редкостные богатства ее недр, возведенные потом и кровью тысяч корейцев фабрики и заводы, прекрасные рисовые плантации, миллионы скудно оплачиваемых подневольных тружеников — все это японские захватчики так легко не оставят. Только силой можно их отсюда вышибить. Мы все отчетливо осознавали, что только изгнание японских колонизаторов вернет Корею ее народу.

По соседству с Кореей, в Маньчжурии главным образом, и частично в Корее была расквартирована самая крупная часть японских сухопутных войск — Квантунская армия. Это

главная и наиболее мощная группировка наземных сил императорской Японии в то время. Она считается надеждой Японии на суше, оплотом государства. Если в войне на море и на островах Япония опирается на военно-морской флот, то на материке расчеты микадо и высшего генералитета строятся на Квантунской армии. Это миллионная армия. Ей подчинены как вспомогательная сила сто семьдесят тысяч войск правителя Маньчжурии Пу И и около двухсот тысяч полицейских. Она имеет некоторый боевой опыт, полученный в боях при захвате Северо-Восточного Китая, в операциях против Китайской красной армии, в столкновениях с нашими войсками на дальневосточных рубежах. Шесть полевых армий, сведенных под общее командование Квантунских войск, опираются на мощную сеть укрепленных районов, аэродромов, коммуникаций. Эта армия создана для агрессии против Советского Союза и для захвата советского Дальнего Востока. Свои цели японское командование не только никогда не скрывало, но широко афишировало и прививало их солдатам. На наших занятиях особенно подчеркивали, что личный состав этой армии обладает высокими боевыми качествами, хорошо обучен, умело владеет оружием, отличается стойкостью в обороне и не утратил еще наступательного духа. В офицерскую среду людям из простонародья доступ закрыт, офицеры крепко сохраняют кастовые традиции, пользуются почти феодальной неограниченной властью над солдатами. Генералитет и офицерство всегда воспитывались в духе фанатичной преданности императору, не потеряли еще веры в него, и большинство не предвидит грозящей катастрофы поражения.

Девять пехотных дивизий сведены в так называемый 17-й фронт, охватывающий Корейский полуостров.

В приморских городах и портах размещены гарнизоны, снабженные в достатке стрелковым оружием, береговой дальнобойной, зенитной и противокатерной артиллерией. На аэродромах стоят сотни бомбардировщиков и истребителей.

Япония — крупнейшая морская держава, и у нее мощный военный флот. Правда, расширив военные действия на

обширные районы Тихого и Индийского океанов, японское командование вынуждено было рассредоточить его на огромных пространствах. Да и потери он понес весьма ощутимые. Но линкоры и авианосцы в японском флоте еще есть. На порты восточного корейского побережья базировались транспортные суда и отдельные отряды боевых кораблей, главным образом сторожевики и корабли охраны водного района. Однако в случае надобности крупные силы флота могли быстро перейти сюда из метрополии.

Разложив на столах карты, схемы, фотоснимки, расставив миниатюрные макетики кораблей и фигурок, обозначающих сухопутные части, мы учились понимать положение вражеских сил и прикидывать, как поступать самим, когда придется идти не в учебный, а в боевой поход на чужую землю.

К концу июля мы успели отработать уже многое из нашей программы. Надо было выверить эту учебу в многодневном отрыве от базы. Решили провести большой учебный поход на материк.

Получив все нужное по требованиям боевого похода, отряд собрался проводить большие учения на высоте «Лысый дед».

В разведотделе нас предупредили, чтобы связь работала четко и бесперебойно. Сеансы радиопереговоров установили довольно частые. Дали понять, чтобы мы были начеку, — учение может быть прервано со дня на день.

Шестого августа отряд отправился на учения. Намеревались неделю походить по таежным тропам, по сопкам и падам.

Вышли к месту выброски на торпедных катерах. Высадились на отлогий песчаный берег и ускоренным маршем отправились в лесную чащобу. По пути наши молодые восточники учились пользоваться картой, компасом, ходить по азимуту. Разведчики лучше стали ориентироваться в густых зарослях лесов и кустарников, смелее пробираться в высокой труднопроходимой траве и камышах. Разбивались на мелкие группы и сходились в условленное время на выбранном на карте месте. Отрабатывали и проверяли непременно

ное качество разведчика: умение ходить скрытно, не оставляя за собой следов ни на марше, ни на привале. В походных условиях отстреляли оружие, сами из бревен соорудили укрытия и учились подрывать их гранатами.

Учение предполагалось завершить «захватом» опорного пункта, который должен был «оборонять» взвод Никандрова, а мой — «штурмовать».

Но этот итог учения подвести не удалось. Его подвела война. В ночь на 9 августа экстренной радиোগраммой было приказано срочно возвратиться к условленному месту съемки.

Отряд ускоренным маршем отправился назад к побережью. На рассвете в небе над нами загудели эскадрильи бомбардировщиков. Поутру наткнулись на поселок, колхозники сказали, что по радио передано Заявление Советского правительства об объявлении войны Японии.

К полудню вышли к месту назначения. Катера уже ожидали нас. Без задержки погрузились и полным ходом двинулись навстречу начавшейся новой войне.

Что-то она сулит нам?

Рукопожатья боевых друзей,
Они чисты, как детская улыбка,
Прочны, как материнская любовь,
И горячи, как солнце над Кореей.

Чо Ги Чхон. Поэма «Пэктусан»

ВПЕРЕДСМОТРЯЩИЕ

I

Первая наша военная ночь на востоке прошла спокойно — ни тревог, ни стрельбы.

Утром Леонова и Гузенкова вызвали в разведотдел. Перед отъездом они поручили нам с Никандровым готовить на всякий случай разведчиков к выходу в боевую операцию.

Матросы тут же занялись приведением в порядок оружия, получили походный запас патронов и гранат. Каждый

проверил свое обмундирование, обувь и снаряжение, негодное заменили, испорченное, порванное на учениях принялись ремонтировать.

Покончив со своим оружием и рюкзаком, я прошел по отделениям. Матросы сосредоточенно, без обычных шуток и смеха подтягивают свою амуницию, укладывают боезапас. Волнуются не только молодые, беспокоятся и северяне.

К вечеру вернулись из Владивостока командир и замполит. Получен приказ утром выйти на выполнение первого боевого задания. Мне, Никандрову и Чекмачеву велено еще раз все проверить и посмотреть. Обошел своих ребят. Они уже получили походный паек и раскладывают банки и свертки по рюкзакам.

Перед самой посадкой на катера провели небольшой митинг. Раньше мы всегда уходили в походы без собраний и речей. На большой базе провести их незаметно для окружающих было невозможно. Напротив, чаще всего мы старались прошмыгнуть на причалы под покровом темноты. Здесь поблизости от наших казарм никого нет. Не думаем, чтобы возле нас на острове притаился соглядатай. Но главное не в этом. Уж слишком необычный момент. Идем в первый поход в новой войне. Тут никак нельзя не выразить свои чувства словами. Короткая, от сердца напутственная речь очень нужна.

Обращаясь к стоящим в нечетком, неровном строю десанникам, наш замполит, от волнения чуть сорвавшись на фальцет, говорит:

— Отряд наш идет в свой первый поход на этом новом для нас театре. Мы хорошо подготовились к боям, принесли сюда с запада неоценимый боевой опыт, успели многому научить молодых тихоокеанцев. Мы сильнее врага. Дело наше правое и верное. Командование флота надеется на нас, оно уверено, что мы образцово выполним боевой приказ. За кормой наших кораблей остается Родина. Она ждет от вас подвигов во имя ее чести и славы.

И вот мы уже на пути к чужим берегам.

Мой взвод идет на головном катере. С нами же командир отряда и почти вся группа обеспечения. На ходовом мостике

рядом с командиром катера старшим лейтенантом Соколовым вплотную друг к другу приткнулись Леонов и заместитель начальника разведотдела капитан 3-го ранга Колюбакин. На него командованием возложено обеспечение успешной высадки отряда в заданном пункте. Это тоже одна из наших давних хороших традиций: каждую операцию разрабатывают и готовят с отрядом офицеры разведотдела. Руководитель оперативной группы и отвечает за высадку и съемку десантников.

В кильватере за нами катер старшего лейтенанта Николаева. На нем взвод мичмана Никандрова и часть группы обеспечения. Там же замполит Гузенков. По боевому расписанию он обычно на переходе морем и при высадке наблюдает за взводом Никандрова.

Совсем исчез из глаз остров Русский. Уже второй час немолчно гудят двигатели. Идем мы во вражеских водах. В мирное время кораблям нашего флота плавать тут почти не приходилось.

Разместившись вдоль бортов, на юте, возле рубки, прижавшись спиной к еще не нагретым солнцем трубам торпедных аппаратов, моряки-десантники ни на минуту не прерывают наблюдения за морем и воздухом.

Взбудораженная винтами вода бурлит и пенится. Лучи солнца играют в мириадах брызг всеми цветами радуги. За кормой расходится постепенно исчезающий след.

Далеко позади остался Владивосток. Слева — бескрайняя морская гладь. Только что вынырнувшее из нее утреннее солнце первыми лучами позолотило вздыбившееся справа побережье. Солнце сейчас чистое, яркое, не запыленное как днем, блестит, словно надраенный медный лагун¹ на корабле. Причудливо изломанная линия гор, поросших густым лесом, подсвечена лазоревой дымкой.

Там, по правому борту, лежит не виденная нами до сих пор Корея — Страна утренней свежести, или, как ее еще называют, Страна утреннего спокойствия. В эту минуту она

¹ Лагун — металлический, обычно медный, вылуженный внутри бак с кранами для хранения и пользования питьевой водой.

вполне оправдывает свое красивое поэтическое имя. Берег тих и задумчив, он загадочно молчит. Мирным спокойствием дышит сегодняшнее раннее утро на самом дальнем востоке, откуда, как принято считать, небесное светило начинает свой трудовой день.

И не вяжется эта ласкающая глаз и умиротворяющая душу природа с той суровой действительностью, которая опять взбудоражила всех нас. Не грохотом небесного грома, не вспышками молний, не пронзительным воем бури, а безмятежным солнечным рассветом пришла война в эти восточные дали. У войны свои законы. Она все сразу переворачивает вверх дном. И там, где только что все было спокойно, жди опасности, берегись взрыва, бойся гибели.

Потому-то глаза моряков невольно тянутся к пышным шапкам лесистых сопок, к легким волнам прибрежного наката, а мысль постоянно угадывает за этими мирными картинами затаившиеся где-то, рыскающие в поисках добычи корабли, несущие смертоносный груз эскадрильи самолетов, шагающие по дорогам или плывущие по морям полки и дивизии японской армии.

На тех гористых, покрытых бархатной зеленью берегах, вдоль которых сейчас идут наши катера, расположился неприятель. Каковы его силы, какие намерения у вражеского командования — нам надо узнать и быстро донести своему штабу. Издавна держится в корабельном лексиконе слово «впередсмотрящий». На марсовой площадке мачты, на носу или с ходового мостика такой моряк наблюдает за морем прямо по курсу корабля. Он смотрит вперед. Вот эту роль впередсмотрящего возложило командование теперь и на наш отряд. Нам приказано раньше всех других ступить на занятую врагом землю, своими глазами поглядеть, что там делается. Если же обстановка позволит — удержать плацдарм до высадки более крупных флотских частей. Как и раньше, на севере, здесь отряд снова идет к чужим берегам в первом броске.

В те первые дни нам, рядовым солдатам и матросам, ничего не было известно о существовании двух Дальневосточных и Забайкальского фронтов и о том, что для руководства

войсками на Дальнем Востоке создано специальное Главное командование во главе с маршалом А.М. Василевским. Мы только видели, что пришла в движение военная машина огромной мощи. Десятки кораблей отошли от наших берегов, сотни самолетов поднялись с аэродромов, тысячи и тысячи людей перешли недвижно стоявшие десятилетиями рубежи. И в этой лавине, покотившейся на юг и на юго-восток, острым лезвием вытянутого носочка раньше всех других на полной скорости несется к корейским берегам наш отряд. Даже теперь, когда я гляжу на многочисленные стрелы на картах, показывающие направления ударов наших войск в те дни, я мысленно представляю наш отряд, прорезающий дорогу для других, в самом заостренном кончике стрелы, прочертившей море от Владивостока к городам восточного корейского побережья.

А оно так и было. Во всю скоротечную восточную войну нам пришлось быть на самом тонком заострении бурава, ввинтившегося в японскую армию в Корею.

II

Мотористы выжимают из двигателей все «до последней железки». Звонящий, как струна на высокой ноте, гул доносится через раструбы и приоткрытые люки из моторного отсека.

Мы идем уже вторую половину пути. Леонов позвал меня с командирами отделений в носовой кубрик, куда шум двигателей доносится меньше и не так мешает разговору. Здесь он рассказал нам более подробно о поставленной перед отрядом задаче.

За все годы войны на севере в отряде выработался и строго соблюдался порядок получения задания. Непременное условие разведки — скрытность. Если о добытых сведениях удастся провести противнику, ценность таких сведений будет равняться нулю, а может даже принести и вред. Вот почему об отправлении в разведку, о существовании задания противник не должен знать. Подробно задача ставилась командиру отряда перед самым выходом в море. Нас, коман-

диров взводов и отделений, знакомили уже на переходе морем, когда было очевидно, что все складывается благоприятно, что по погодным или иным условиям возвращаться на базу не будем. Командиры отделений в общих чертах, по примерной схеме, доводили задачу до бойцов. Никто из нас до высадки, а иногда и позже, вплоть до возвращения домой, не знал точного географического расположения и названия места выполнения задания. Такая строгая конспиративность оберегала нас от многих случайностей и провалов.

Командующий флотом приказал отряду высадиться прямо на причалы корейского порта и выяснить обстановку. Уже позже, находясь в этом городе, мы узнали, что это ближайший к советско-корейской границе город Унги¹.

На плане города мы рассмотрели все, что должно особенно заинтересовать разведчика, наметили вероятные маршруты, прикинули, где можно уцепиться, если столкновения с противником избежать не удастся. Нам приказано захватить и удержать плацдарм на чужом берегу прямо среди бела дня. Если противник окажет сопротивление — драться до подхода подкреплений. О возможном времени их прибытия знает только командир отряда. После высадки при всех условиях — с боем или без боя — разобраться в обстановке, узнать о силах противника и его намерениях и обо всем немедленно донести командованию флота. От этого зависит принятие дальнейших решений адмиралом Юмашевым. В поддержку нам должна быть подброшена рота автоматчиков. Если противник эту группу захвата плацдарма не сбросит в море, в порт высадят еще батальон морской пехоты, а затем туда перейдут для базирования легкие силы флота. Что нас ждет в этой первой высадке — бой ли, засада

¹ После освобождения страны от ига японских колонизаторов корейский народ вернул своим городам, селениям, рекам, горам, провинциям и другим географическим пунктам исторические корейские имена. В настоящей книге все географические названия приводятся в переводе с корейского. Так, вместо тогдашнего названия города Юки в книге этот город называется Унги. Расину соответствует корейское имя Начжин, Сейсину — Чхончжин, Гензану — Вонсан и т. п.

ли, или же противник уклонится от столкновения, чтобы дезориентировать нас, — мы в тот момент ничего не знали, могли только гадать и прикидывать.

Нас особенно тревожило, что высадка назначена на дневное время и прямо на причалы порта. На севере мы всегда высаживались ночью, подходили к назначенному месту чаще всего по сухопутью со стороны. К причалам швартоваться для десантирования не приходилось. Лишь садились на катера для обратного пути иногда с причалов занятого поселения.

Мы спросили Леонова, почему командование решило посадить отряд днем и прямо на городские причалы, а не на какой-то слабо охраняемый береговой участок. Виктор ответил, что нашей дневной высадке штаб флота придает особое значение. Прежде всего — это расчет на дерзость. Противник не ждет десанта в дневное время. Он может ожидать нас ночью или рано поутру. Опыт подсказывает, что к отражению десанта в дневное время неприятель меньше всего готовится. С другой стороны, ночная высадка на необустроенный и незнакомый берег грозит и нам неизбежными трудностями: по этому побережью никто из нас еще не ходил, мы его не изучили. Пробираться ночью во вражеский город в приграничной и прифронтовой полосе, недалеко от развернувшихся боев, более опасно, чем неожиданно среди бела дня свалиться прямо на голову противника там, где он считает себя пока неуязвимым. Риска и дерзости в этой тактике больше, но и шансов на успех тоже больше.

Кроме того, выброска десанта прямо в порт для захвата его в целости и сохранности лучше всего отвечала интересам флота. Морское побережье, береговые укрепления на нем, порты, их оборудование и возможности использования для нашего флота — все это весьма интересовало наше флотское командование.

Видимо, оно руководствовалось и еще одним обстоятельством. Но о нем мы в те дни пока ничего не знали, а смогли лишь догадываться дня через три-четыре. С самого начала операции на востоке приобрели стремительный наступательный характер. Первоначальные расчеты пришлось

пересмотреть. Медлить было нельзя. Возникла возможность парализовать противника, рассечь его на части, прервать управление войсками, внести дезорганизованность и панику глубокими высадками и рейдами. Как показали последующие события, этот расчет вполне оправдал себя.

III

Еще раз сверив по карте возможные маршруты, мы поднялись снова наверх. Для меня, как и для многих других десантников, оставаться в нижних помещениях более утомительно. Всего десятка полтора десантников сгрудилось в матросском кубрике, там тесно и душно, иллюминаторы задраены. Большинство же разместилось на верхней палубе, тут освежает ветерком, да и обзор шире. Вместе с командой они ведут наблюдение за морем и побережьем. Каждый занимает то место на катере, которое расписано еще на тренировках и стало привычным. И хотя высадка еще не скоро, десантники готовы к бою моментально. Оружие положено на колени или лежит рядом, за него можно ухватиться мгновенно.

Укрывшись от солнца за боевой рубкой, мы присели на рюкзаках, на пулеметных коробках, а кто и прямо на деревянной обшивке палубы, сложив ноги калачиком, и посматриваем в сторону корейского берега. Рядом со мной притерся спиной к рубке Виктор Соболев. Одет и снаряжен он, как и все остальные десантники, для легкой набеговой операции. Армейское полевое обмундирование признано нами еще с первых месяцев войны. Для действий на берегу оно намного практичнее флотской одежды. Кое-кто вместо гимнастерки предпочитает надевать спортивную куртку. Только через расстегнутые воротники виднеются полосатые матросские тельняшки — неопровержимое свидетельство «морской души». Пояс у Виктора сплошь увешан сумками — тут диски и магазины к автомату, в чехлах фугасные и противотанковые гранаты, в ножнах — отточенный нож. Магазины с патронами к автомату засунуты и за голенища сапог. За голенище же иногда прячут небольшой пистолет. И все же часть

боеприпаса лежит еще в рюкзаке: каждый боец берет к автомату до тысячи патронов. В рюкзаке утрамбован и походный паек. Фуфаек сейчас с нами нет, это не север. Пилотку свою Виктор снял, положил ее на колени. Ветерок раздувает волосы. Каски мы не носим. И не потому, что не прижились: и в дальних походах в тыл, и в коротких бросках на побережье они стесняют нас, утяжеляют и сковывают. По бортам, ближе к корме, принайтовлены к леерам¹ резиновые шлюпки: в случае, если не удастся подойти к причалам, участок от катеров до берега придется преодолевать на шлюпках.

Несколько раз меня тянет поглядеть на Николая Зубкова. Какой-то он сегодня тусклый, непривычный, сидит опустив плечи. Видно, что волнуется. Уже дважды пытался он заговорить об опасности высадки днем, но его никто не поддержал.

Большинство десантников не любит перед выходом на задание и в походе рассуждать на эту тему. Такая уж сложилась в отряде привычка, но о возможных опасностях и особенно о каких-то сомнениях вслух разговаривать перед боем не принято. Чтоб не тревожить ни себя, ни товарища, не расстраивать нервы. Про себя думай, взвешивай, прикидывай, что к чему, но к другому со своими опасениями не лезь. Командир отделения Степан Овчаренко раздраженно одернул Николая, и тот притих, ушел в себя. Но, видно, не успокоился. Оттого я нет-нет да и посматриваю на него. Меня беспокоит настроение Николая.

Во всех прежних походах это был храбрый, уравновешенный и осмотрительный боец. Он один из немногих оставшихся в отряде ветеранов: пришел в разведку в знойное лето 1941 года в группе мурманских комсомольцев-физкультурников, добровольно вызвавшихся защищать свой родной край. Участвовал в большинстве проведенных отрядом операций. За храбрость имеет орден Красного Знамени и орден Отечественной войны. Был ранен, но легко и потому строй надолго не покидал.

¹ Принайтовить — скрепить тросом, привязать. Леер — туго натянутый вдоль борта трос или трубка, предохраняющие людей от падения за борт.

А вот теперь, видно, стал одолевать его червь сомнения и точит потихоньку душу. Да Зубкова, пожалуй, можно и понять: прошел всю многолетнюю войну, уже одной ногой ступил и глазом заглянул в мирные дни, а тут снова иди в бой, стремись одолеть недруга своего. Как бы то ни было, а настроение у Зубкова было неважное. Правда, все боевые походы и на востоке закончились для него благополучно. Но в мирной жизни, за которую он так долго воевал, удалось ему пожить немного: вскоре после войны сделал ему хирург операцию несложную, но неудачно. На этом и оборвалась молодая жизнь Николая Зубкова.

IV

Унги — цель нашего первого десанта — сравнительно небольшой приграничный портовый город, имеющий всего шестьдесят-семьдесят тысяч жителей. В его бухте временами отстаивались легкие силы японского флота, а через порт текли военные и другие грузы в Японию и с островов на материк.

Перед началом войны, с первых чисел августа, наша разведка обратила внимание на усиленное движение крупных групп транспортов между метрополией и портами Северной Кореи. Зачастили неприятельские суда и в Унги. Эту ниточку, связывающую Японию с материком, надо было скорее перерезать. Занятие города частями флота надежно прикрывало с моря фланг нашей наступающей по побережью 25-й армии.

Справа по носу все отчетливее просматриваются выполняющие из-за полуострова очертания города. Боевые расчеты на местах, все десантники теперь на верхней палубе. Взяв оружие на изготовку, они, прижавшись друг к другу, полуприсели вдоль бортов, приникли к леерам. Моторы приглушены, скорость снижена, катера осторожно, как бы ощупью, приближаются к причалам. Первый раз к чужому городу подходим особенно осмотрительно. Берег молчит, как безжизненный, никаких сигналов, ни движения, ни стрельбы, все как бы застыло в неподвижности. Бухта пустынна, не

видно ни военных кораблей, ни транспортных судов. Безмолвный, как бы притаившийся берег тревожит не меньше, чем огневая завеса встречного огня. В двух местах из воды торчат мачты затонувших пароходов: с первых же часов после начала военных действий и в течение вчерашнего дня флотские бомбардировщики и штурмовики совершили на порт несколько налетов, потопили стоявшие в бухте транспорты и подавили огонь зенитной артиллерии. В западной стороне гавани — у стоянки для мелких судов — в нескольких местах клубится дым и видно пламя пожаров.

В причалы, в постройки, в зеленеющие склоны сопкок зорко всматриваются стоящие на мостике командиры катеров, офицеры-десантники, туда же приковано внимание матросов-катерников и разведчиков. Лишь изредка кое-кто бросит короткую фразу.

— Что-то там подозрительно безлюдно, — сдерживая волнение, проговорил один из стоящих рядом матросов.

— Как бы японцы не ударили, когда подойдем вплотную, — отвечает ему сосед.

Моряки до боли в глазах вглядываются в каждый кусочек берега, стараются уловить малейший чуждый звук за рокотом катерных двигателей.

Катера готовы в любую секунду рвануться в сторону или на выход в море, чтобы не попасть в ловушку. Даже винты словно почувствовали это общее возбуждение и не взмывают за собой волн и брызг, а оставляют за кормой множество вьющихся воронок и бурлящих, как в кипятке, пузырьков.

Нервы натянуты, как струна, реакция на все мгновенная, четкая. В таком же состоянии, когда мысль работает удивительно быстро и ясно, все мышцы, подобно сжатой пружине, готовы к молниеносному броску, когда в руках и ногах собирается какой-то небывалый сгусток силы, бывает охотник, который бесшумно, боясь пошевелить хоть одну веточку, впритирку продвигая по земле не только тело, но и голову, приближается к логову опасного зверя.

Кажется, причалы надвигаются на нас, хотят навалиться и подмять под себя. До них осталось всего несколько метров. И вот катер почти совсем сблизился бортом со стенкой.

Не дожидаясь, пока он подойдет вплотную, будут вынесены швартовы и поданы трапы, десантники, стоящие уже за лее-рами по кромке борта и на планшире¹, прыгают на причал, сразу же рассеиваются в разные стороны и, пригнувшись, с автоматами и винтовками наготове разбегаются к ближайшим постройкам и укрытиям.

Все высадились и оторвались от прибрежной полосы. Похоже, что высадка удалась, японцев на причалах не оказалось. На подходе к берегу они не попытались расстрелять и утопить десант. Это уже обнадеживает. Теперь главное — зацепиться за берег, захватить участки для обороны, бросить, как говорят, якоря намертво, чтоб в случае нажима неприятеля было где дать ему отпор.

Катера, так и не закрепив швартовы, тут же отваливают от стенки и идут мористее, к выходу из бухты. Там для них безопаснее, на малых скоростях будут маневрировать и, если не будет волнения или быстрого течения, лягут в дрейф до тех пор, пока мы их не вызовем.

— Катера, гляди, как рванули в море. Теперь бы тут не «прищучили», — на бегу замечает Виктор Карпов.

— А ты жми вперед, отрывайся от берега, — советует его друг Павел Колосов.

— Командир отряда приказал передать по отделениям: быстрее рассеиваться, проникать к укрытиям, держать связь, немедленно докладывать обстановку, — передает приказание Леонова прибежавший его связной Борис Гугуев.

Бойцы и без команд понимают, что надо расширять плацдарм, с первых же минут захватить участок побольше, чтоб можно было передвигаться и не быть под открытым обстрелом врага.

Удача высадки ослабила напряжение, стало как-то спокойнее: в руках у тебя хорошее скорострельное ружье, оно снаряжено в достатке патронами, ты здоров и крепок, непло-

¹ П л а н ш и р ь — деревянный или стальной брус с закругленной поверхностью, прикрепленный к верхней части борта судна и оберегающий борт от ударов.

хо умеешь стрелять из автомата, ты уцепился за берег и оторвался от кромки воды, под твоими ногами твердая земля, а не готовая мгновенно поглотить зыбучая пучина моря, ты можешь, если нужно, вгрызться в эту землю и, вцепившись в нее руками, заставить врага дорого заплатить за попытку сбросить тебя в море. Ухватившись за берег, сразу обретаешь многократно возросшую силу, начинаешь чувствовать себя хозяином положения. Как резко меняется состояние десантника за те короткие секунды, когда надо преодолеть полосу воды от катера или шлюпки до первых прибрежных камней или построек! Сначала как будто неудержимо летишь во что-то разряженное, мягкое, а потом, вдруг подхваченный сильным потоком, обретаешь крылья и уже не падаешь в бездну, а пружинящей силой мускулов рвешься вперед, не цепляешься — нет! — ухватываешься, вгрызаешься в эту сразу ставшую для тебя спасительной землю, сливаешься с ней всем своим существом. И даже чужая земля сразу становится тебе близкой.

Если же по тебе стреляют, стараются вдавить тебя в землю летящим роем пуль, то пущенная перед собой веером плотная завеса автоматного и пулеметного огня служит неплохим щитком, за которым ты хорошо можешь проскочить вперед, добраться до укрытия.

На причалах в ящиках и в мешках лежат какие-то грузы. Укрываясь за ними, перебегаем сначала к складам и от них — к припортовым постройкам и жилым домам. Прошло всего несколько минут, мы проскочили метров двести. Приказал остановиться, чтобы немного передохнуть, осмотреться и доложить об обстановке.

Командиры отделений доносят, что у них все в порядке, противника не обнаружено и они готовы продвигаться дальше в глубь города. Посылаю своего связного Николая Майорова доложить командиру отряда, что первая часть задачи — захват небольшого плацдарма — выполнена, а потому прошу дальнейших распоряжений. Возвратившись, он передает приказ Леонова действовать как предусмотрено планом операции.

Это означает, — хотя мы на такой вариант почти не рас-

считывали, — если японцев в припортовой зоне не окажется и они станут уклоняться от соприкосновения с десанниками, отряду не оставаться на одном месте, а углубиться в городские кварталы и постараться быстрее выяснить намерения вражеского командования. Отрываться далеко от берега опасно: как бы японцы не заманили в какую-нибудь ловушку. Но и стоять недвижимо на нынешнем «пятачке» тоже нельзя.

Пройдя пару кварталов от порта к восточной стороне, я повернул все свои отделения по улицам в северную часть города.

Взвод Никандрова широкой цепью идет тоже в этом направлении, но на левом фланге, по припортовой части.

По центральным улицам, в середине между нашими взводами, продвигается командир отряда вместе с группой обеспечения.

Идем медленно, настороженно, заглядываем во дворы, в дома, за заборы. Смотрим, как бы не оставить за спиной упорывавшихся неприятельских солдат.

Но улицы, дворы, дома совсем безлюдны, на глаза не попадает ни одна живая душа. Даже горожане, местные жители, как сквозь землю провалились.

— Что-то тут подозрительно пустынно, — тревожится Виктор Максимов, — как бы не попасть в ловушку.

— И корейцев будто повымели, — добавляет своему командиру Костя Ермаков.

Позади нас совсем обезлюдевший город. Только у выхода в море маячат силуэты катеров — наша бодрящая надежда.

Пока на нашем пути через порт и на первых городских улицах нам не попадает на глаза ни одно оборонительное сооружение. Ни орудий, ни дотов, ни бронированных колпаков, ни других инженерных препятствий. Возможно, эти укрепления возведены на высотах возле города, прикрывают подходы к порту со стороны моря, размышляем мы.

Но не могли же японцы быть настолько наивными, чтобы не рассчитывать на вероятность набегов наших кораблей на порт. Неужели они полагали, что мы не осмелимся высадить

десант в город? Для отражения атак мелких кораблей, для нанесения ударов по десанту в порту и его окрестностях непременно полагалось иметь хотя бы средства стрелкового противодействия, пулеметные точки, малокалиберное скорострельное огневое прикрытие.

Где же этот вал широко разрекламированной несокрушимой японской обороны?

Надо будет искать его дальше.

А пока у нас нет времени долго раздумывать, почему обезлюдел город, куда могли подеваться японские части и местное население. В причинах разберемся позже. В эти минуты надо скорее выяснить общую обстановку в городе.

Продолжаем углубляться в жилые кварталы. Если удастся, надо посмотреть город до окраин, поглядеть, что делается на выходящих из города дорогах.

Дома вытянулись рядом вдоль улиц. Постройки одно- и двухэтажные. Похоже, что в основном кирпичные. Более крупные дома остались левее, вдоль тех улиц, по которым проходит Леонов со своей группой.

Входов в дома с улиц почти нет. Войти в дом можно только через дверь во дворе. По пути заскочили в два-три дома. Внутри никого не попалось. Но имущество оставлено на месте, ничего не тронuto, как будто хозяева покинули жилье на короткое время.

Чаще заглядываем во дворы. За заборами, то деревянными, то каменными, аккуратные, прибранные дворики, небольшие садики, цветы и водоемы.

Кругом все цело, ничто не пострадало. Бомбардировка и обстрел жилых районов не коснулись. Не видно даже ни одного разбитого стекла в окнах.

По пути встречаются какие-то учреждения, магазины. Надписи на домах, на вывесках сделаны иероглифами. Никто из нас в них не разбирается.

Улица постепенно идет на подъем. Центр города и припортовая часть теперь ниже нас и хорошо видны. Приближаемся к железнодорожной станции. Сюда послал меня Леонов со взводом, чтобы обследовать ее и развернуться для обороны.

Тревожная пустынность улиц нервирует. Так и кажется, что вот-вот что-то должно произойти, вспыхнуть, взорваться, взлететь, загреметь, загрохотать.

Но кругом по-прежнему тихо.

— Куда подевались горожане, неужели попрятались? — добивается Костя Ермаков.

— А мало ли японцы живописали о «жестокостях» большевиков... Корейцы могли и испугаться.

— А может, японцы угнали население из прифронтовой зоны, боятся, что корейцы будут помогать нашим войскам, — предполагает старшина Соколов. Дмитрий подал эту мысль не случайно. Ему не однажды пришлось видеть массовое изгнание гитлеровцами советских людей на оккупированной территории.

V

Растянувшись длинной цепью, осторожно приближаемся к станции и оцепляем постройки. И тут пока никого не видно. Матросы входят в здания и отправляются обследовать вагоны на путях.

Григорий Тихонов докладывает:

— Проверил вокзал. Там все в порядке. Здание в сохранности. Оборудование как будто на месте.

— Нами осмотрены пути и ближайшие складские постройки, — доносит Сергей Вывалов. — На путях не обнаружено ни одного паровоза, стоят сформированные и одиночные вагоны, похоже, что в основном без грузов. Догорают два склада, есть несколько сгоревших вагонов. Других разрушений не видно. Людей нигде не встретили.

Выслушав донесения, с Семеном Агафоновым бегло осмотрели часть вокзала и ближние дома. Затем послал связного доложить командиру отряда об обстановке. Вернувшийся Майоров передает приказание Леонова выбрать удобную позицию, закрепиться, подготовить условия на случай боя, выставить посты и ждать дальнейших указаний.

С командирами отделений определяем сектора для наблюдения каждому, и они разводят матросов по выбранным

точкам. Взвод держит станцию и ее окрестности почти под круговым обзором. Располагаться в помещениях не рискуем, это снижает видимость, уменьшает маневренность и усиливает опасность. Да и тепло — ведь стоит знойный август.

Решаю обойти и посмотреть, как разместились разведчики. Деловито и старательно укладываются на земле матросы, каждый подобрал себе удобное местечко, пристроился в укрытии или сооружает его сам. Друг от друга далеко не отрываются, чтобы было видно или слышно своего соседа справа и слева.

Командира отделения Виктора Максимова с матросами Петром Карачевым, Михаилом Дегтяревым и Архипом Фетисовым посылаю обследовать ближайшие домики и фанзы, поискать там местных жителей и, если удастся кого-то найти, привести, чтобы расспросить об обстановке.

Степан Овчаренко с краснофлотцами Джагарьяном, Никулиным и Захаровым отправляются на разведку к воинским казармам.

Минут через пятнадцать группа Максимова возвратилась с тремя корейцами средних лет. Наши разыскали их в ближайших фанзах. Никто из нас не знает ни корейского, ни японского языка. Несколько корейских товарищей, пришедших вместе с нами из Владивостока в качестве переводчиков, остались в группе при Леонове. Некоторые из матросов-тихоокеанцев, с детства живших на Дальнем Востоке, владеют небольшим запасом корейских слов. С их помощью кое-как объясняемся с горожанами, стараемся расспросить их о противнике и о ситуации в городе.

Старший из приведенных жителей, мужчина лет сорока, одетый в черную хлопчатобумажную куртку, такие же штаны, в сандалиях на босу ногу и с непокрытой головой, отвечает чаще других. Он знает немного по-русски. Через него больше и объясняемся. На наш вопрос о том, где японские войска, он старается ответить возможно подробнее.

В двух воинских городках размещалось около двух тысяч японских солдат и унтер-офицеров. Офицеры и часть унтер-офицеров проживали на городских квартирах. Городок, что

побольше, с тремя казармами, хорошо виден со станции, до него меньше километра прямо на север. К этому городку и отправился в разведку Степан Овчаренко. Другой воинский поселок находится к юго-востоку от станции, примерно в полутора километрах, тоже вблизи железнодорожных путей. Командует частью майор Ямамото, дом, где он живет, стоит в центре города, рядом с полицейским участком, они могут показать его.

Утром 9 августа солдаты из казарм с оружием и снаряжением колоннами вышли в город, расположились в порту, на железнодорожной станции, заняли почту, радиоузел и некоторые другие здания. Примерно треть гарнизона тогда же ушла вдоль железной дороги в сторону советской границы. Весь вчерашний день и предыдущую ночь японцы находились на тех же позициях. Походными кухнями через город туда же доставлялось им питание.

Сегодня рано утром возвратились в город те солдаты, которые уходили в сторону границы. После их прихода остальные подразделения покинули ближайшие сопки, порт и те места в городе, где стояли последние сутки, и в спешном порядке вся часть на короткое время возвратилась в казармы. Затем на автомашинах и подводах с оружием в руках и с кое-каким имуществом они быстро покинули город и выступили по шоссейной дороге на юг.

Спрашиваем, где паровозы. Отвечают, что еще вчера днем несколько паровозов с пустыми вагонами ушли в сторону границы. Остальные, прицепив груженные составы, отправились по дороге в южном направлении. Никаких разрушений в городе и окрестностях японцы не сделали.

Мы интересуемся, почему нет местных жителей, где они, не увели ли их вместе с собой отступающие вражеские войска. Рассказывают, что японцы население не угоняли. И горожане и окрестные крестьяне из-за страха боев и из-за неизвестности попрятались, кто где мог. Многие укрылись в лесу на ближайших сопках.

Выслушав этот рассказ горожан, приходим к выводу, что противник начал эвакуацию своих войск из приморского пограничного района. Далеко ли они будут отходить? На каком

рубеже останутся? Где постараются дать бой нашим войскам? Хорошо бы получить ответ на эти вопросы. Такие сведения может дать только какой-нибудь японский офицер. А вблизи нас нет даже и солдат. Нам пока не ясно, почему ни портовые сооружения, ни предприятия, ни воинские объекты, ни железнодорожную станцию японцы не попытались разрушить. Можно предположить, что с севера должны подойти в город еще находящиеся там войска. Чтобы обеспечить их эвакуацию, все и оставлено пока в сохранности. Вероятнее всего, за ними и погнались к границе железнодорожный порожняк.

Вернулся со своими бойцами Степан Овчаренко. Они дошли до военного городка беспрепятственно. Ворота и пропускная будка оказались открыты. Без помех вошли на территорию и осмотрели. В казармах никого нет, при коротком внешнем осмотре видно, что все объекты в целости и сохранности. Но где находится воинское имущество и сколько его, узнать не успели — было мало времени и стало смеркаться. Решение приняли разумное: лучше это сделать завтра утром. Хорошо, что выяснили главное: казармы пусты, солдат в них нет.

Получив эти сведения, иду к командиру отряда, чтобы доложить им. Местных жителей поручаю пока не отпускать, держать в отделении Максимова.

У Леонова застаю оживленную беседу. Тут и старший лейтенант Гузненков, у него за спиной стоят друзья-мичманы Чекмачев и Никандров, тут и фельдшер отряда старший лейтенант Гончарук со своим помощником Константином Тярсовым, здесь же «отрядные интеллигенты» Толстиков и Каштанов, которых почитают за их образованность, этакую деликатность и учтивость. Вытянув шеи, вслушиваются в беседу связанные, радисты, непереманные спутники Леонова — Пшеничных, Гугуев, Антонов и Горнышев. Народу собралось много, окружили расположившихся в центре Леонова, Гузненкова, переводчиков, разговаривающих с группой корейцев.

Горожане обрисовывают обстановку последних дней, сидя на корточках. Поза эта для нас пока непривычна. На-

ши примостились кто на коробке с пулеметными патронами, кто на рюкзаке, но большинство стоит и внимательно слушает.

Корейцы рассказывают, как вел себя вражеский гарнизон в последние дни и куда отступили японцы. Сведения совпадают с теми, которые получены в нашей группе.

— Теперь можно полагать, что не только в городе, но и поблизости японских войск нет, — сказал Леонов. — Далеко ли они отступили, будут ли подходить к городу с севера, от границы, будем выяснять утром.

И верно, сейчас, в наступающей темноте, выходить нам куда-либо из города бессмысленно. И места совсем незнакомые, и проводников пока у нас нет. Не только ничего не разведаем, но и сами можем напороться на неприятельские засады.

Пока мы беседовали, совсем стемнело, густая темень южного вечера окутала город. Мы сидим сейчас как на дне глубокого колодца. Нигде ни огонька, ни фонаря — сплошная чернота подступающей ночи накрыла нас своей шапкой.

— Поэтому, — заканчивает командир отряда, — сейчас всем разойтись по своим постам, выставить дозоры, а остальным отдыхать в тех местах, где заняли оборону с вечера. Находиться в полной боевой готовности.

Почти все разошлись. Возле Леонова и Гузненкова остались только корейцы и переводчики. Я на минутку задержался, чтобы уточнить с Леоновым текст радиোগраммы в штаб флота.

Наши радисты Дмитрий Кожаев и Михаил Калаганский развернули свое хозяйство и передают во Владивосток первое донесение о результатах высадки отряда. В ответной радиোগрамме нам приказано остаться в городе до утра, а затем действовать, как определено планом операции.

Кожаев и Калаганский — незаменимые бойцы отряда. Никто из наших матросов не может выполнять их обязанности. Каждый в своем деле собаку съел.

Дмитрий Кожаев пришел в отряд еще в первый период его возникновения, в 1941 году. Немного было таких операций, в которых он не участвовал. В первые годы войны он и

друзья его из отделения радистов, которым командовал Гриша Сафонов, таскали на себе громоздкую, тяжелую и ненадежную в работе рацию, имевшую к тому же незначительный радиус действия. Несколько рюкзаков с увесистыми батареями для этой рации, а иногда и ручной движок на треноге, который надо крутить вдвоем, возили на плечах по очереди наши матросы.

Потом появились компактные, легкие, с довольно широким диапазоном работы приемно-передающие радиостанции для разведчиков. С дальних норвежских берегов удавалось держать надежную связь с базой, а кратковременные сеансы с разных мест сбивали с толку вражеских пеленгаторщиков.

Немногословный, скорее даже хмуровато-молчаливый, не улыбочивый, Кожаев вроде бы слился со своей рацией, занимался ею самозабвенно. Он всегда копался в этом хитром хозяйстве, что-то исправлял, налаживал, паял, придумывал какие-то приспособления. Похоже было, что он специально рожден для этой профессии. Смуглый, круглолицый, с черными как смоль, отливающими даже синевой густыми волосами, плотно сбитый, шел он в походе, ступая по-своему — неторопливо, размеренно, с повернутыми внутрь носками. Тяжелый рюкзак как будто прирос, припаялся к его спине.

Пришедшие вместе с ним в отряд друзья и погодки Дмитрия, такие же крепыши Саша Манин и Зиновий Рыжечкин, навсегда остались в скалах Заполярья. Их близкий друг Михаил Костин, тоже в прошлом отрядный радист, не смог поехать на восток. На заключительном этапе войны пришлось ему вместе с двумя товарищами провести на вражеском берегу подряд без малого девять месяцев, выполняя очень важное и опасное задание. Эти горячие, безупречные комсомольцы избрали для себя службу в разведке в первые дни и месяцы войны. В боях они мужали, кровью и походами завоевали себе рекомендации в партию.

Другой радист, Михаил Калаганский, ни внешностью, ни характером совсем не похож на Кожаева. Хоть и служат они вместе и выполняют одно дело, по натуре это почти антипо-

ды. Опасные походы во вражеский тыл так сдружили их, что раздоров между ними никогда не бывало. Несколько лет служил Калаганский в одном из радиоподразделений флота, был отличным специалистом, членом партийного бюро, уважаемым сослуживцами и начальниками. Но что-то в характере, видимо, заставляло Михаила упорно стремиться к походам в тыл врага. Он серьезно готовил себя к разведке. Только в сорок четвертом году ему удалось добиться у командования перевода в разведывательный отряд.

Рослый, сложенный, как тяжелоатлет, прекрасно физически натренированный, он ловко выделял замысловатые фигуры на турнике, легко играл с двухпудовкой, по-свойски обращался со штангой и мог побороться на ковре. Гладко зачесанные на пробор волосы, скуластое, смугловатое, со слегка монгольским овалом лицо и чуть ястребиный нос оставались в памяти. Черные блестящие глаза как будто никогда не знали тоски и печали. Родился и вырос он далеко на востоке, в Улан-Удэ, служил на флоте в Заполярье, а теперь вот судьба забросила в Корею. То задумчиво, трогательно, то лихо, по-матросски, в темпе, с присвистом играл он на баяне или на аккордеоне. По душе пришелся бойцам отряда этот общительный моряк, и все искренне его полюбили.

Отошли они сейчас с Дмитрием в сторонку и стучат на ключе свои тире и точки.

Леонов, Гузненков и один из переводчиков оставили расположение отряда и ушли, как потом нам стало известно, для встречи с нашим советским разведчиком, заброшенным в Унги еще задолго до войны. Беседа, продолжавшаяся более часа, помогла нашим офицерам лучше узнать обстановку в городе накануне и в первые дни войны, получить более подробную характеристику о японском гарнизоне, о командном его составе. Выяснилось, что часть гарнизона совместно с подошедшим от границы подразделением заняла оборону севернее города, километрах в пятнадцати, копают там траншеи, оборудуют укрытия для огневых средств, готовятся к отражению наступления танков. После этого разговора стало очевидно, что нас, десантников, от наступающих с се-

вера советских войск бесспорно отделяет вражеская группировка, во много раз превосходящая по силам наш отряд. Как бы японцы не сунулись в Унги и нам не пришлось бы с ними тут «расхлебывать кашу».

VI

Разойдясь по трое-четверо, матросы располагаются на ночь. Раскрыты рюкзаки, в ход пошли запасы походного пайка. Бойцы подкрепляются колбасой, салом, консервами, попивают из фляг и термосов горячий чай с сиропом. Завязалась оживленная беседа — делятся впечатлениями от высадки, от разговора с корейцами, по привычке сдабривают ужин соленой морской шуткой.

Эксцентричный, горячий южанин Костя Джагарьян с соболезнающим видом подступает к Сергею Бывалову. В отряде, пожалуй, нет более полного человека, чем этот матрос-ленинградец.

— Сережа, понимаешь, при твоей комплекции и аппетите тебе надо выдавать и двойную порцию боеприпасов, надо же тебе отрабатывать расход харчей. Носи постоянно пулемет или таскай питание к радиостанции, знаешь-понимаешь, всегда будешь возле Кожаева, все новости услышишь первым.

— А тебя, Костя, кормить, — немного помедлив, тяжело ворочая щеками и еле-еле выдавливая слова, отвечает ему Сергей, — все равно что в море сыпать. Зря добро переводить. Оттого и тощий, только глазищами сверкаешь из-под своих лохматых бровей.

— Тощий — не беда. От меня интендантам выгода.

— А ты об интендантах не печалься. Они и за тебя и за себя похлопочут. Чтоб недруга побороть — сила нужна. Она бывает от свинины, а у таких звонарей, как ты, вся впустую болтовней выходит...

На помощь Бывалову подключился молодой матрос Семен Хазов, давно понявший выгоду несения наряда на камбузе.

— А что, ребята, это все-таки несправедливо. Таскать на

себе вон сколько надо: и винтовку, и патроны, и гранаты, да еще коробку с пулеметными лентами навьючили... И все на одну спину. А бачок с борщом Антонов подает с камбуза на шестерых...

— Ты-то уж себя не оставишь в обиде, — прервал его высокий и худой Похилько, — «сидор» себе набил продуктами вон какой, даже патронов взял поменьше, да и гранат всего четыре штуки. Моли бога, что командир не знает. А то хватил бы «фитиля».

Чернота наступившей теплой ночи окутала все кругом. Небо вызвездило бесчисленными светящимися точками. Безветренно и тихо, только слышно, как вдалеке легким накатом плещется море.

Десантники поужинали и разошлись по своим местам. Кто пошел сменять дозорных, кто прилег отдыхать.

Но ко многим сон приходит не сразу. Кое-где переговариваются. А то вдруг донесется заразительный хохот. Я тоже не удержался, встал и пошел посмотреть, кто и чем занят.

Слышу, о чем-то рассуждает Иван Резник. Подошел поближе. Лежат пятеро из отделения Тихонова. Иван прилег на рюкзак, смотрит в бездонную чашу неба и как будто сам с собой рассуждает:

— Вот приеду к себе домой на Киевщину, соберутся девчата и хлопцы, спросят меня: «Ваня, а как вы одолели завоевателей Вселенной?» Что я им скажу? Что убежали из-под носа сыновья Страны восходящего солнца...

— Ты, Ваня, не горюй, — отвечает ему Виктор Соболев. — Японцев и тут, и за морями много. Вон сколько островов еще ими занято. Их без десантников не отвоюешь. Крови и жизней ой как много понадобится. Это, брат, не по Полярному всадником гарцевать...

Напоминание о кавалерийских отличиях Резника сразу вызывает общий хохот. Северянам памятен казус, случившийся с Иваном еще там, в Полярном. Будучи изрядно навеселе, взгромоздился он на необузданную и неоседланную лошадь. Видно, заиграла в нем кровь предков — запорожских казаков. А лошадь его понесла. Ухватившись руками за

гриву и прижав бока мерина коленями, лихо, во флотской форме с развевающимися ленточками бескозырки скакал по набережной этот перепуганный всадник. И лошадь остановить не может, и спрыгнуть с нее на скаку не умеет. Оказался он наездником поневоле. На беду его, в это время проходили по улице несколько высших военачальников из командования фронта и флота.

Перепуганного Ивана лошадь несла прямо на них. Кто-то из сопутствующих офицеров не растерялся, бросился на шею скачущей лошади и остановил ее. Окончательно осрамившегося и оконфуженного Ивана отправили на гауптвахту, где он и отсидел заслуженные им пятнадцать суток. Других кавалерийских отличий за нашим морским отрядом не значилось.

Посидев еще немного у Тихонова, я пошел к Максиму. Слышно, как оттуда нет-нет да и донесется раскатистый смех.

В отделении Максимова оказался и связной командира отряда Гугуев. Если вдруг понадобилось найти Бориса — ищи его в компании балагуров, любителей всяких затейливых историй. На базе ли, на привале в походе или в матросском клубе Борис в одиночестве не бывает — непременно всунется туда, где «травят баланду», либо возле него соберутся мастера поупражняться в соленом морском остроумии.

А тут они оказались вместе с Максимовым. Оба стоят друг друга. Кто из них знает больше анекдотов и лучше умеет преподать их слушателям — решить трудно, не всякое жюри разберется.

И сейчас они, видно, стараются блеснуть находчивостью, не посрамить себя перед товарищами. Идет необъявленное состязание.

Похоже, что Борис в этот раз сдал позиции, а Виктор нашел в своей необъятной кладовой какой-то НЗ и выложил его перед слушателями «козырным тузом».

Один из матросов согнул палец и приблизил его к лицу Бориса. Это означает, что рассказчик «загнул», поднес слушателям уж слишком очевидную небылицу. И Борису ничего

не остается, как признать свое фиаско — разогнуть у собеседника согнутый палец.

— Признаюсь, тут дал маху. Наверное, лишнее вытравил в отпуске. Вот уж где я дал простор фантазии. Там мне было привольно. Бывало, так заливал, что самому себе слушать было интересно. Иногда даже сам верил в правдоподобность моих несусветных историй.

— У тебя там и соперников, наверное, не было. Одному-то был простор.

— Но раз встретил одного мастера приврать, а как его посрамили — даже у меня горели уши от стыда. Едем в вагоне. Сидит на нижней полке матрос с голубыми погончиками — в авиации служит. Возле него человек пять-шесть затаив дыхание слушают про воздушные бои. А он вошел в азарт — так и живописует про схватки со стервятниками... Говорит: сбил длинной очередью одного, а в это время с хвоста к нему зашел другой фашист. Оглянулся — сейчас откроет огонь. Я, говорит, ручку от себя и в пике, он тоже, жму к земле, в ушах свистит...

— А ты бы его кнутом, — вдруг раздался совет со средней полки.

Глянул туда рассказчик — и как воды в рот набрал, умолк, глазами заморгал, потом говорит: «Я сейчас» — и исчез.

Оказывается, служил он на аэродроме в обслуживающей команде, возил на лошади в бочке воду. А тот, что советовал воспользоваться кнутом, был настоящий летчик-истребитель и видел на аэродроме этого водовоза. Вот как можно попасть впросак. Так что травы да оглядывайся, смотри, с кем сидишь, тоже наблюдай за обстановкой.

Сам Гугуев сноровистый и сообразительный матрос, очень ловок, пролезет в игольное ушко. Он находчив, хитроват и смекалист. Любит побравировать, показать разудалую вольность, форсануть перед людьми невоенными, особенно перед девушками. За этой на вид бесшабашной головой не сразу распознаешь человека себе на уме. В обычных условиях, в отряде, Борис небрежен: то поясной ремень с блухой расслаблен и болтается, то фланелевка как следует не

заправлена, то форменный воротник надеть забудет... Соломенного цвета реденькие волосы свои он не балует расческой, лишь нет-нет да и проведет по голове растопыренной пятерней, как граблями. А вот в увольнение на берег Борис ходит щеголем, отутюженный, подтянутый и франтоватый. Где-то усвоил своеобразную, ему только присущую манеру: обращаясь к собеседникам, поднимает чуть выше головы правую руку и потряхивает ею, как кисточкой.

Постепенно бойцы выговорились, утихомирились и разошлись по своим местам. Кто прикорнул подремать, кто — в дозоре. Прилег и я, подсунув рюкзак под голову.

Кругом все спокойно, ни звука, ни шороха. А не спится. Какая-то неясная тревога покалывает: ведь в чужом городе, да и ночь надвинулась. Говорят, сердце — вещун. И тут предчувствие не обмануло.

Около десяти часов, когда сгустилась крошечная вечерняя темнота, от крайних постов, где дорога выходит из города на север, вдруг послышалась стрельба. Со связным и несколькими матросами бежим туда. Все отделения быстро заняли свои места и изготовились к бою.

У передового поста Бывалов доложил, что дозорные обнаружили какое-то подозрительное передвижение людей. Было слышно, как через улицу, за домами, кто-то перебегает, а затем останавливается и замирает на месте. На оклик не отзывались. Матросы пустили несколько коротких очередей из автоматов. С той стороны ответили стрельбой из винтовок. Тут мы и подоспели.

Посылаю связного к Тихонову проверить, как дела у него, сам бегу к отделению Овчаренко. У Степана тоже бойцы постреливают по каким-то мелькающим возле домов фигурам. Разобрать в темноте трудно. Вскоре донеслась такая же редкая стрельба из винтовок и автоматов слева, из расположения взвода Никандрова. Похоже, что противник пытается ночью ударить по отряду.

Все залегли в подготовленных укрытиях, осветительные ракеты, точно висячие фонарики, озаряют дома и ближайшие улицы. Хлопки винтовочных выстрелов и стрекот автоматных очередей доносятся с разных сторон. Пули посви-

стывают совсем поблизости. Но вспышки от стрельбы с вражеской стороны пока отчетливо не различаются. Видно, японцы замаскировались в укрытиях. Нашим приходится стрелять больше наугад. Дав очередь из автомата то по изгороди, то по разрывам между домами, матросы ставят перед собой огневой щиток: под такой частокол автоматных пуль едва ли кто посмеет высунуть голову. А японцы, похоже, и не проявляют особой охоты лезть на этот огневой заслон. Никаких попыток пересечь улицу и сблизиться с нами не заметно.

Уже минут пятнадцать-двадцать почти по всей вытянутой цепочке отряда ведется эта перестрелка. В стороне взвода Никандрова протарахтел пулемет. Нет-нет да и прожужжит шмелем, а то и врежется в укрытие или скользнет рикошетом какая-нибудь шальная пуля из японского карабина. Потерь у нас нет. Послал связного к командиру отряда, чтобы выяснить обстановку там и спросить о распоряжениях.

Вскоре стрельба стала стихать, японцы перестали отвечать на наши выстрелы. Прекратили огонь и десантники. Кругом все утихло.

Но возбуждение проходит не сразу, люди встревожены, чутко прислушиваются к малейшему шороху и говорят пока шепотом и вполголоса. В таком положении, выставив оружие в амбразуры, лежим еще минут тридцать. Но во всей полосе отряда спокойно, ни звука, ни движения.

Бойцы приподнялись, сели, приблизились друг к другу, закурили. Завязался разговор.

Матросы прикидывают, почему японцы не полезли на нас напролом и отошли.

Подозреваем, что сил у них днем было мало и они не посмели противодействовать высадке отряда. Тогда, днем, отряд был компактной, сжатой в пружину силой.

Теперь, пользуясь ночью и полагая, что отряд расположился на ночлег вразброс, в разных зданиях, они решились устроить переполюх и «пощипать» моряков.

Но откуда они взялись? Где укрывались, что их не видели корейцы? Остается предположить, что в окрестностях города укрылось небольшое дозорное или арьергардное подраз-

деление противника. Получив по зубам, неприятель ушел для соединения со своими.

Мы не рискнули преследовать японцев, сочтя за лучшее держаться на занятой позиции до утра. Полезешь ночью за город, в сопки, в места совсем неизведанные, можешь «запороться» в такую дыру, что и задание не исполнишь, и людей не за понюх табаку побьют. Ведь и задача перед нами поставлена — разведать положение в городе и удержать порт. Плацдарм нами захвачен, и оставлять его нет никакого резона.

Так на третий день этой восточной войны, находясь на корейской земле, мы впервые оказались в близком соприкосновении с неприятелем.

Остаток ночи прошел спокойно.

VII

В пятом часу утра, когда забрезжил рассвет, прибежавший из дозора матрос Фетисов сообщил, что по шоссейной дороге к городу движется большая колонна войск. Десантники, не дожидаясь команд, быстро разбегаются к укрытиям, опробуют оружие, проверяют гранаты и диски к автоматам.

Я кинулся к отделению Бывалова. Отсюда отчетливо видно, как по шоссе, сбегаящему к городу по отлогому склону сопки, скатывается в долину крупное воинское подразделение. Поток его безостановочно надвигается на город.

— Это прут японцы, — пытается определить Павел Огир.

— С чего ты взял?

— Уж очень открыто идут, без охранения.

— Могут быть и наши, если знают, что мы здесь, — предполагает Бывалов.

Час нашего радиосеанса с базой еще не наступил, и потому никаких известий о наших войсках на побережье до нас не дошло. Если это вражеские части, то нам с такой группировкой вступать в бой весьма рискованно, колонна на боевом марше, она быстро развернется и наверняка сомнет нас.

Прибежал сюда со связным и Леонов. Посмотрев на приближающуюся колонну, решил:

— Подождем немного. Если подходит противник, попробуем устроить суматоху на дороге, постараемся взять «языка» и будем отходить к катерам.

На катерах приняли наш вызов, они ошвартовались у причалов и теперь готовы взять нас на борт или поддержать огнем.

Спустившиеся на равнину машины уже отчетливо виднеются у окраинных зданий за изгибом железнодорожного полотна.

— Давайте подпустим головные машины поближе и вступим в переговоры, — решает Леонов, — пригрозим, что город в наших руках. Наверняка будет заминка, а мы воспользуемся.

И, обращаясь ко мне, заканчивает:

— Пошли на шоссе двух ребят посообразительней и порасторопней.

Матросы Виктор Соболев и Павел Огир с противотанковыми гранатами в руках и с автоматами на изготовку остановились на середине шоссе. Шестеро десантников в укрытиях приготовились моментально открыть огонь и метнуть гранаты, прикрыв вышедших на дорогу товарищей.

Мы в ожидании притаились каждый в своем месте. Сердце так учащенно и гулко колотится, что каждый удар его отчетливо ощущаешь и можешь сосчитать. Мысль возникает четко, быстро. Взор мгновенно замечает каждую возможность укрыться, схватывает удобные для отхода или для стрельбы места. В спокойных условиях на такое взвешивание и прикидку уходит немало времени. Невозможно повторить или прорепетировать эту молниеносную работу мозга и четкость действий мышц всего тела. А перед боем и в бою в организме действуют какие-то подсознательные пружины, происходит испытание на прочность всего того, что отработывалось в тебе и внедрялось в сознание годами.

Движение колонны замедлилось, затем передние машины остановились. Человек пять-шесть направились навстречу к стоящим на дороге морякам. Не дошли они до наших

еще сотню метров, как Соболев и Огир возбужденно закричали, замахали руками, показывая нам, что к городу подошли свои. Матросы высыпали на дорогу и бросились бегом к подошедшим с севера бойцам.

И вот произошла эта встреча. Долго сдерживаемое напряжение ожидания, наконец, получает бурную разрядку, как вода, разливающаяся за сорванной плотиной. Бойцы ликуют, что-то восторженно кричат друг другу. В груди сразу становится как-то тепло. Сдерживающие центры в мозгу выключились, наружу вырвались живые чувства. И совсем не удивительно, что вовсе не знакомые, впервые встречающиеся бойцы сердечно обнимаются, целуются, энергично похлопывают друг друга по плечам, наперебой рассказывают друг другу об обстановке, делятся впечатлениями о виденном, о боях в пограничной полосе.

Встретившиеся с нами солдаты — это передовые кавалерийское и танковое подразделения 393-й стрелковой дивизии из состава 25-й армии, преодолевшей границу на самом крайнем приморском участке. Эта армия, которой командовал в то время генерал-полковник И.М. Чистяков, входила в состав Первого Дальневосточного фронта. Для проведения наступательных операций по восточному корейскому побережью была выделена специально Южная группа войск под командованием генерал-майора Г.И. Шапина. Командир 393-й дивизии полковник Ф.А. Исаков вместе со своим штабом должен прибыть в Унги в течение ближайших часов. Вместе с ним прибудет и член Военного совета армии генерал-майор Н.Г. Лебедев. В оперативном отношении дивизия взаимодействует с Тихоокеанским флотом, поскольку она продвигается по приморскому участку.

Офицеры подошедшего авангарда рассказали, что их дивизия, как и другие части армии, перешла советско-корейскую границу в час ночи на девятое августа и сразу же завязала бои с приграничными войсками противника на долговременных оборонительных рубежах. После мощной артиллерийской обработки, в которой приняли участие и флотские береговые батареи, неприятельская оборона была взломана, и танковые подразделения и подвижные силы

армии ринулись в прорыв. Оборонительные сооружения Хуньчуньского укрепленного района не выдержали напора наших войск, были взяты штурмом, и вчера вечером части армии взяли город Хуньчунь. Армия с ходу форсировала реку Туманган. Теперь ее основные силы наносят удар на Аочжи-Яньцзи. Перед фронтом армии действуют войска Хуньчуньского укрепленного района, 112-й пехотной дивизии и полицейские части. Полкам 393-й дивизии приказано продвигаться по побережью к югу и взаимодействовать с флотскими десантами. У границы остались сравнительно небольшие вражеские подразделения. Сейчас заканчивается их разгром. От командования фронта получена информация об удачной выброске флотского десанта в Унги. Поэтому так безбоязненно, сплошной колонной армейцы и входили в город.

Во время этого разговора мы получили радиограмму, которая предписывает отряду приступить к выполнению второй части задачи. Леонов объявил, что катера должны доставить и высадить нас в следующий к югу город по корейскому побережью. Это Начжин.

Командир нашего отряда и командир колонны армейского авангарда вместе с группой офицеров по карте уточняют обстановку, наносят на нее имеющиеся у тех и у других сведения. Заключив, что противник безусловно будет откатываться на юг по шоссейной дороге, к рубежам в окрестностях Начжина, и там попытается или организовать оборону, или сняться на судах и уйти южнее или в метрополию, командиры приходят к выводу, что в Унги нам и им находится больше нецелесообразно. Решают оставить лишь для его охраны небольшой гарнизон, а основными силами наступать на юг. Армейские части и дальше двинутся по шоссейной дороге. Попутно они выясняют, насколько возможно использовать для переброски наших войск железную дорогу от Унги на Начжин. Мы на катерах пойдем морем. Встреча должна состояться на Начжине. Решили посостязаться, кто из нас раньше достигнет этого города: мы ли морем или танкисты и кавалеристы по суше.

В тот момент, когда мы беседовали с войсковыми офи-

церами, в бухту на небольшой скорости вошли еще два торпедных катера, доставивших роту автоматчиков. Командует ею старший лейтенант К.Н. Девятов. Пройдя в западную часть бухты, катера ошвартовались у причалов, расположенных вблизи канала, ведущего из озера Ёнсухо в море.

Сразу после высадки рота двинулась на соединение с нами. Отряд наш в это время уже готовился для посадки на катера, чтобы следовать в Начжин. Поэтому с высадившимися автоматчиками состоялась короткая встреча. Леонов обрисовал Девятову обстановку в Унги и окрестностях, рассказал о том, что нам удалось узнать от подошедших в город армейских частей.

Пожелав Девятову успешно хозяйствовать в городе и благополучно дожидаться основного десанта, мы расстаемся с ними и идем на причал.

Уже после ухода нашего отряда из города во второй половине дня двенадцатого августа в Унги подошел отряд кораблей под флагом контр-адмирала Н.С. Ивановского и высадил батальон морской пехоты под командованием майора И.П. Маркина. Вслед за этим в порт прибыли для постоянного базирования группы торпедных катеров и других кораблей, была образована охрана этого нового водного района. В Унги транспортными судами были доставлены артиллерийские, зенитные, стрелковые и инженерные подразделения. Новая военно-морская база зажила обычной военной жизнью.

Солнце поднялось уже довольно высоко, наступило утро 12 августа. Пошел четвертый день войны против Японии. Мы расстаемся с армейским авангардом и садимся на катера. Курс — на Начжин.

Набирая скорость, катера выскакивают на внешний рейд. Взглядом провожаем этот первый освобожденный нами корейский город. Видно, как ленточка войск появилась на его южной окраине и покатила на юг. Нас радует, что взаимодействие с сухопутными войсками налаживается. Это обнадеживающее начало. На севере для такой сработанности потребовалось немало времени. Похоже, что армейское и

флотское командование систему совместных действий флота и армии отработали хорошо.

Катера на полной скорости идут курсом зюйд.

VIII

Время на переходе до Начжина не пропадает даром. Леонов передал мне план города, сказав, чтобы мы тщательно изучили размещение штабов, казарм, оборонительных сооружений, внимательно взгляделись бы в сетку улиц. Командирам отделений маршруты вероятного продвижения наметить с бойцами и прикинуть запасные варианты.

— На твою долю выпадет северо-восточная часть, за речкой, — Леонов показал мне на плане, куда должен двигаться взвод. — Там дома богатых японцев. В той стороне есть военные казармы, штаб части, а дальше к северу, видишь, аэродром.

Теперь мы рассматриваем этот план уже не столь отвлеченно, как на занятиях на базе. Тогда это был для нас один из многих незнакомых населенных пунктов, которые мы изучали. Больше внимания обращали на подходы к городам, на прибрежные укрепленные пункты, на места, где лучше искать и захватывать «языков».

Сейчас на каждый условный знак и штрих плана глядим с немим вопросом: а что этот объект может нам дать, какая за ним опасность таится? Теперь это город близкий, реально ощутимый. В него высаживаться через какие-нибудь сорок минут. Потому-то и командиры отделений, и матросы придирчиво разглядывают на плане каждую улицу и поворот, стараясь предположить, где вероятнее всего может расположиться противник.

Помнится, на учебных занятиях на базе говорили нам, что гарнизон по условиям мирного времени состоял из одного полка. Какие произошли изменения в последние дни — неизвестно. Нам и надо узнать это.

С командирами отделений еще раз рассмотрелись в расположение штабов береговой обороны и сухопутного гарнизона, позиций береговых и зенитных батарей, прикину-

ли, как лучше к ним подходить, если придется туда пробираться.

Начжин крупнее Унги. Здесь заканчивается железнодорожная магистраль, идущая по северу страны вдоль границы и частично по побережью. Дальше на юг до Чхончжина путь лежит по шоссейной дороге. Бухта Начжина более укрыта и обширна. В порт тоже нередко заходят для отстоя и пополнения запасами японские военные корабли.

Начжин, как и другие порты восточного корейского побережья, важен для Японии прежде всего своей близостью к островам. Встречный поток грузов между метрополией и Кореей почти безостановочен. Людьюми армию на материке надо пополнять тоже через море. И ближе всего — через восточные корейские порты. Захватить их — значит перерезать живительные артерии, связывающие Японию с материком, питающие Квантунскую армию. А ведь это миллион человек. Их надо кормить, обувать, одевать, обеспечивать оружием, боеприпасами.

Нарушить морские коммуникации врага, овладеть его базами на побережье — в этом специфическая задача нашего флота. А чтобы двинуть туда силы флота — надо знать, что там делается.

Поэтому командующий флотом приказал отряду разведать обстановку в Начжине, выяснить силы противника и его намерения, овладеть плацдармом для первого эшелона, который должен прибыть примерно через полсутки. Следом намечается высадить войска второго эшелона и обслуживающие подразделения.

Море снова, как и на пути в Унги, пустынно. Но вчера мы особенно не задумывались над тем, почему нам не встречаются японские корабли. Как-то было не до того. Предстоящая первая высадка на чужой берег больше всего беспокоила. А вот сегодня, во второй день плавания во вражеских водах, мы невольно все чаще и чаще стали размышлять о том, куда мог исчезнуть японский флот.

Торговые суда, какие и были в плавании к началу военных действий, с объявлением войны, конечно, постарались спрятаться в ближайших портах. А те, что готовились выйти

в море, без конвоирования покидать порт не смеют. За краткостью срока конвой могли еще и не сформировать.

Но где военный флот? Почему в море не попадаются корабли японских морских сил? Ведь у микадо, несмотря на крупные потери, кораблей еще много. Есть не только легкие силы, но сохранилось в строю еще несколько линкоров, крейсеров и авианосцев. Для японских адмиралов не секрет, что по крупным надводным кораблям они превосходят нас. Другое дело — подводные лодки и легкие силы: по ним превосходство на нашей стороне.

Горизонт пока чист. Видно, японское командование не рискнуло выпускать свой флот на коммуникации, связывающие острова с материком. Наверное, решили беречь корабли, боясь ударов со стороны наших подводных лодок и авиации.

Такое решение японского командования не вяжется со здравым смыслом. Без флота японская армия ни Маньчжурию, ни Корею сохранить за собой не сможет. Флот должен прикрывать приморский фланг Квантунской армии, без флота не смогут ни существовать, ни удержаться войска, стоящие в Корее. Без поддержки со стороны моря японская армия на материке не только воевать, но и вообще жить даже непродолжительное время не способна. Да и возвратить эту армию на острова можно только при помощи флота.

Если море сейчас и пустынно, то, наверное, ненадолго. Уж слишком большая зависимость между материком и островами. Японский военный флот должен непременно показаться.

Потому-то быть готовым к встрече с чужими кораблями, опасаться нападения врага и с моря и с воздуха можно в любую минуту. Война есть война. Сейчас тихо, нет врага. Но он может появиться совсем неожиданно. А для японцев эта тактика излюбленна. Так было в Порт-Артуре в 1904 году, так случилось и в Перл-Харборе в 1941 году. Эти опасения, как показали последующие события, не были безосновательными. Позже стало известно, что была предпринята попытка набега японской эскадры на наши десантные силы.

Оттого-то каждый из нас все глаза проглядел, высматривая бескрайнее море и бесконечное небо.

IX

Подходим к Начжину. Справа по носу над побережьем все отчетливее вырисовываются густые облака темного дыма. Они поднимаются из-за гор и, постепенно расплываясь, тянутся куда-то на запад.

Катера огибают мыс, длинной стрелкой ограждающий бухту с востока. Начжин, как и другие порты на корейском побережье, прикрыт со стороны моря гористым полуостровом от холодных северных и северо-восточных ветров. Открытой своей стороной бухта смотрит на юг, принимает теплые южные муссоны. Рулевые, переложив рули, берут курс в сторону порта. Теперь хорошо видны во многих местах очаги огня и вытянутые длинным шлейфом тучи черного дыма.

На средней скорости проходим узким проливом между островом Тэчходо и материком. Когда до островка осталось метров триста, вражеские береговые посты обстреляли наши катера с десантом. Длинные очереди трассирующих снарядов перекрестились с нескольких направлений. Бьют из крупнокалиберных пулеметов и противокатерных автоматов. Снаряды и пули ложатся в воду невдалеке по обоим бортам, не причинив катерам никакого вреда. Наши пулеметчики на ходу ответили несколькими короткими очередями, и корабли, не снижая скорости, устремились в глубину бухты, к причалам.

— А японцы встречают огнем...

— Значит, будет дело и на берегу.

— Причалы придется брать силой, — отвечаю Тихонову и Соболеву, присевшим рядом со мной.

Катер в эту минуту похож на ошестинившегося ежа: во все стороны из-за бортов выставились десятки автоматов и пулеметов.

Взгляды большинства устремлены к западной части бухты, туда, где виднеются портовые постройки, причальные сооружения, а за портом раскинулась наиболее плотно застроенная часть города. От волнения стало жарко, кровь как будто закипела и прилила к лицу, к груди, к рукам. Приотстегнутый только сверху ворот гимнастерки теснит грудь.

Рывком рванул его шире, нижние пуговицы покатались под ноги. Струйка свежего воздуха проникла до пояса, прохватила спину ниже рюкзака.

Приближаемся к полыхающему пламени пожаров, масса огня и дыма обволакивает почти всю припортовую часть. Горят склады и какие-то другие постройки. В этот бушующий огонь надо кинуть сейчас матросов.

В бухте и у самого пирса до десятка затопленных судов. В нескольких местах неподвижными островками маячат затонувшие транспорты, выставив на поверхность верхние надстройки, трубы и мачты. Большой грузовой пароход, примерно на шесть тысяч тонн водоизмещения, полузатонул и бортом навалился на причальную стенку. Закрепленные за кнехты швартовы обвисли, деревянная обшивка причала продавилась. За ним у стенки встал килем на грунт другой транспорт, затонув выше иллюминаторов. Разбито и затонуло несколько судов рейдового флота. Это наши бомбардировщики и торпедные катера вчера и позавчера ударили по скопившимся тут японским судам, и они уже не будут больше перевозить грузы для японской армии, не поплывут на них дети богини Аматерасу.

Описав небольшую циркуляцию, Александр Соколов подводит катер к стенке, моторами отрабатывает полный назад, и катер как бы замер на месте. Метрах в ста от нас приткнулся катер Сергея Николаева.

Разведчики без задержки прыгают на причал и бегом устремляются в город. Перед нами пышущая жаром стена огня, в разных направлениях мечутся люди, по улицам с ревом мчатся автомобили, слышна стрельба из винтовок и пулеметов. Стараемся отыскать для себя какой-то безопасный путь. По тротуарам, по проезжей части улицы, полого подымающейся в гору, люди группами и в одиночку спешат куда-то в южную часть города. Пока трудно различить, кто и откуда стреляет. Но похоже, что не по десанникам: пули вблизи не посвистывают.

— Неужели армейцы обогнали нас по сухопутью? — спрашивает на бегу Архип Фетисов.

— Возможно, танки тоже здорово ходят, — соглашается Костя Ермаков.

— Не может быть, чтобы они флот опередили, — старается удержать престиж моряков молодой матрос Анатолий Красноборов.

— А тут пахнет жареным, — поводя носом, строит догадки Борис Белавин.

Пригнувшись и прижимаясь к укрытиям, десантники без задержки оставляют позади себя причалы и углубляются в густую полосу сплошного дыма. Чтобы прорваться в город, надо преодолеть зону пожара, широкой дугой охватившего портовые сооружения и припортовые постройки. Задыхаясь в едком чаду, плохо различая друг друга, матросы стараются поскорее проскочить через эту удушливую завесу. Пламя распространилось и на различные грузы, лежащие на бетонированных площадках. Асфальт выгорел, расплавился и выделяет приторный нефтяной запах. Горят большие кучи сои, бобов, риса, кукурузы и какого-то другого зерна. Масса разбросанного взрывами имущества, полуобгоревшие трупы убитых японских солдат. Дышать тяжело. Глаза, и так плохо видящие в плотном дыму, застилает слезами. В городской стороне, за припортовой зоной, пожаров нет, оттуда слышна беспорядочная стрельба. Оставив позади порт, разведчики мелкими группами, продолжая маскироваться и оберегать себя от неожиданного нападения, перебежками поднимаются в гору, в наиболее плотно заселенную часть города. Оттуда все еще доносится отрывочная стрельба. Отзвуки ее постепенно удаляются в сторону юго-западной городской окраины.

Остановив на короткое время продвижение, Леонов вызывает нас с Никандровым к себе. Выслушав наши донесения и еще раз сверившись с планом, он приказывает Никандрову с его взводом двинуться в северо-западном направлении. В той части находятся железнодорожная станция, новый воинский городок и промышленные предприятия. Судя по затихающей перестрелке, предполагаем, что противник отходит куда-то в ту сторону.

За концом причальной стенки береговая полоса бухты

делает полукружие вправо, к востоку, а затем уходит на юг, по побережью полуострова. Мне приказано со взводом по этой прибрежной части продвинуться в северо-восточном направлении, разведать обстановку там и на удобной позиции закрепиться.

Развернувшись цепью, захватив в ширину метров двести, сперва прочесываем подряд две-три небольшие улицы и приютившиеся у самого берега домики, сарайчики и склады. Затем широкая асфальтовая магистраль постепенно уводит нас вправо. Обойдя стоянку мелких судов в устье впадающей в бухту речки, по причалам и между домов взвод как бы по уступам все более поднимается на второй и третий ярусы городских строений.

Обстановка здесь совершенно иная: эта часть города ни от бомбардировки, ни от обстрела совсем не пострадала. Тут тихо и спокойно, улицы и переулки безлюдны. Только раз-другой далеко впереди мелькнуло несколько человек, но они тут же успели скрыться.

Мы осторожно, перебегая от дома к дому, все еще выбирая укрытия на случай внезапного обстрела, успели осмотреть два-три квартала.

Меня догоняет связной Леонова Борис Гугуев и передает приказание командира отряда дальше в город не углубляться, выбрать удобную позицию и занять оборону.

Разведчики остановились, и каждый выбирает себе подходящее место на случай, если надо будет оборудовать оборонительный рубеж. Мы с Овчаренко заглянули в ближайшие дома. Судя по всему, тут проживает зажиточная публика, скорее всего — из японцев. Дома тут крупные — двух- и трехэтажные, много особняков, упрятавшихся за садовой зеленью. Впереди, за площадью, видно какое-то массивное здание, внешне напоминающее театр, там же служебные здания городских властей и военной администрации.

Постройки здесь солиднее, богаче, чем в Унги. Там, особенно в припортовой части и возле станции, близко приткнулись друг к другу фанзы или корейские дома, называемые чиби. Каменные дома европейского и восточного стиля

в центральной части города были поменьше и пониже, чем здесь. Весь городок тот приземистей, разбросанней — видимо, многие из его жителей заняты земледелием. Начжин, в отличие от Унги, успел приподняться вверх, одеться в камень и бетон, остеклиться большими витринами и окнами. Некоторые дома облицованы разноцветными глазурованными плитками, крыты в восточном стиле — наподобие пагод, на стенах лепные украшения, похожие на иероглифы. Проезжая часть улиц и тротуары широкие, покрыты асфальтом, мосты, водоотводящие желоба и трубы — железобетонные. По Начжину уже основательно прошелся строитель, снаряженный техникой, бетоном, камнем и стеклом.

Расположившись попарно, десантники укрылись в дозорах, и каждый наблюдает за своим сектором. Обстановка возле нас спокойная, на улицах ни малейшего движения. Ни солдат противника, ни местного населения поблизости нет. Далеко на юго-западной окраине стрельба стала чуть слышна. Только пламя пожаров в порту и в окрестностях железнодорожной станции все еще полыхает.

Х

Посыльный вызвал меня к командиру отряда. У Леонова застаю и Никандрова. Его взвод, рассказывает мичман, преодолев полосу пожаров вблизи порта, углубился в северо-западную часть города. Они отчетливо видели, как впереди их мелкими группами отходили за город японские солдаты. Никаких попыток приостановить продвижение десантников они не предпринимали. Видно по всему, что очень спешили оторваться от разведчиков. Стреляли из винтовок наугад в разные стороны. Следуя за ними, взвод Никандрова довольно близко подошел к вокзалу, где и застала его команда остановиться и обследовать занятый район. Догнать отступающих японцев не удалось, они на автомашинах, на повозках и пешком поспешно отошли по дороге, выходящей из города на юг. Таким образом, отряду снова не удалось захватить ни одного пленного японского военнослужащего.

Они уходят от соприкосновения с десанниками, стараются избежать боя.

Пришлось опять искать горожан-корейцев. Вскоре матросы нашли и доставили к Леонову двух мужчин среднего возраста.

Все еще не избавившись от страха, они заплетающимся языком рассказывают, что было жутко, когда наша авиация бомбила порт и железнодорожную станцию. Над городом появлялось сразу по нескольку десятков самолетов, и они сыпали сверху град бомб. Небо было сплошь в белых облачках от разрывов зенитных снарядов, кругом свистели осколки. Но отразить налеты японцы оказались не в силах. Даже после того как несколько горящих самолетов упали в горах, бомбардировка порта, станции и батарей не прекратилась. Когда в гавань ворвались торпедные катера, грохот от взрывов торпед заглушил все. В порту, в бухте, на улицах было много убитых и раненых японских солдат.

Еще десятого числа японцы стали уходить по дороге на юг. Многие десятки груженных машин отправились на Чхончжин. Офицеры уехали раньше, солдаты оставались в городе только с унтер-офицерами и отступили под их командованием. Вчера и в ночь на сегодня ушли почти все солдаты, которые проживали в казармах Начжина и окрестностей. Уехали японские промышленники, торговцы, чиновники. Следом за ними побежали и те из корейцев, кто ролепно служил им многие годы и боялся оставаться один на один со своим народом. Улетели с аэродрома самолеты.

Сегодня утром стали покидать город последние остатки японского гарнизона. Отступили на юг и те японцы, что прибыли вчера поездами и автомашинами с севера. Когда в порт стали высаживаться русские моряки, из города торопливо побежали солдаты, оставленные, наверное, для прикрытия.

Уходя из города, они подняли отчаянную стрельбу, били по зданиям, по окнам, бросали гранаты. На улицу нельзя было высунуть носа. Немало горожан пострадало от этой жестокой, безрассудной стрельбы. И хотя большинство жителей попряталось в горах и лесах, многие все же оставались у

своих очагов, намереваясь уберечь имущество, а вместо того лишились жизнью. По рассказу корейцев, по старательному уклонению японцев от соприкосновения с нами приходим к заключению, что японское командование решило отвести свои войска и из Начжина. Но в чем причина? Где и на каких рубежах они намерены остановиться и оказать сопротивление нашим наступающим войскам? Пока получить ответы на эти вопросы не удастся. Очевидно только, что они отступают. И нам надо их преследовать, не давая возможности далеко отрываться.

Командованию флота донесли по радио о нашей благополучной высадке, об обстановке в городе и об отходе японских войск. В ответной радиограмме нам приказано установить контакт с высадившейся вслед за нами разведывательной моторотой старшего лейтенанта Попкова. Штаб флота ориентировал также, что южнее Начжина на побережье небольшого залива торпедные катера высадили роту разведчиков, которой командует старший лейтенант Захаренко. Рота начала действовать на вражеском берегу, успела перехватить автомобильную дорогу, имела стычки с отступающими разрозненными группами неприятеля.

Для связи с Попковым Леонов послал нескольких разведчиков из взвода Никандрова. Не пройдя и километра, наши бойцы обнаружили десантников из роты Попкова. Старший лейтенант рассказал, что его роту в Начжин доставили из бухты Золотой Рог два больших охотника капитан-лейтенанта Власова и старшего лейтенанта Епифанова. Наблюдатели на торпедных катерах, доставивших нас, видели эти два корабля, когда они входили в бухту Начжина.

Рота захватила плацдарм в юго-западной части порта и сразу стала разворачиваться в направлении штаба укрепленного района и водокачки, стремясь оседлать выходящую из города автомобильную дорогу. Небольшая группа японцев — до взвода — от боя уклонилась и отошла к горам. Полдесятка скитавшихся японских солдат сдались в плен. Они сообщили, что гарнизон еще до высадки десанта получил приказ отойти на Чхончжин и Нанам. Сегодня утром Начжин покинули последние подразделения. Оставленным не-

большим группам было поручено произвести в городе взрывы и поджоги, а затем пробираться на юг. Из разговоров унтер-офицеров им известно, что японское командование старается сейчас отвести свои войска в укрепленный район Нанама и там, на долговременных оборонительных рубежах, намеревается дать бой советским войскам и остановить их наступление.

В сопках, в окрестностях Начжина, как показали пленные, есть еще до полка японской пехоты, они возводили оборонительные сооружения, но тоже, наверное, отойдут на юг.

— Сейчас рота возводит себе оборонительный рубеж, — заканчивает рассказ Попков.

Наши радисты отстучали во Владивосток шифровку о том, что контакт с его ротой налажен, передали полученные последние сведения о противнике. В ответной радиোগрамме командование флота предписывало отряду оставить охрану занятого плацдарма роте Попкова, а самим возвратиться на главную базу. На пути к Начжину, сообщалось в шифровке, находится первый эшелон десанта под командованием капитана Свищева. Отрядом кораблей и высадкой этого десанта командует капитан первого ранга Полтавский, назначенный в Начжин старшим морским начальником.

Закинув на плечи рюкзаки и оружие, не спеша возвращаемся в порт. Все собрались на причале, у которого стоят ожидающие нас катера. Решили перед выходом в море перекусить.

Леонова догнал связной от Попкова и сказал, что дозор из роты, отправленный на выходящую из города на север дорогу, встретил передовое охранение подошедших к городу частей Красной Армии.

Вскоре и нам стало видно, как на возвышающейся над всеми другими сопками вблизи города высоте 341, что лежит к северо-востоку от Начжина, недалеко от дороги из Унги, показалась группа солдат с красным флагом. Это авангардные части 393-й стрелковой дивизии. Марш до Начжина они проделали в хорошем темпе, стремительно.

У подножия высоты, на автостраде, змейкой извиваясь на поворотах, все более заполняет дорогу армейская колонна.

Десятка полтора воинов, поднявшихся с флагом на высоту, остановились там, повернувшись лицом к лежащему перед ними городу. На фоне безоблачного голубого неба они очень рельефно, как-то монументально стоят плотной группой. Кажется, будто выросли они сейчас из этой горы, вышли из нее и встали монолитом. Живым изваянием возвышаются они над городом, а над ними легкий ветерок полощет огромное багряное знамя, которое вот уже более столетия служит символом братства трудящихся всех стран.

...Тяжка и многострадальна история корейского народа. На протяжении многих веков он вел изнурительную, полную крови и жертв борьбу с монгольскими завоевателями, японскими захватчиками, китайскими феодалами. Воинственные пришельцы огнем выжигали корейские поселения, мечом истребляли жителей, тысячами угоняли их в невольничью кабалу, грабили созданные искусными руками трудолюбивых корейских мастеров ценности. Много раз поднимался корейский народ на борьбу с угнетателями, многие тысячи жизней сложил в этой борьбе, выдвигал из своей среды храбрых воинов и умелых полководцев. Из поколения в поколение передаются легенды о народном герое Кап Гам Чане, в поэмах воспевается флотоводец Ли Сун Син. Но недаром в корейской пословице говорится: «Сокол со сломанным крылом — не сокол». А крылья у народа были подрезаны веками. Наибольшей жадностью к корейскому добру, хищнической алчностью к подневольному труду корейских земледельцев, рыбаков, ремесленников отличались не только древние японские феодалы, но особенно воинствующие правители этой островной страны на рубеже нынешнего столетия.

Но никогда в истории народа Кореи не было случая, чтобы с мечом к нему подступился и посягнул на его землю, на его богатства великий сосед, живущий к северу от Тумангана и Амура. Это соседство не запятнано кровью и войнами.

И вот теперь снаряженные тысячами танков, самолетов,

орудий, сотнями кораблей, поднявшиеся на смертельную войну ради жизни людей труда, воины этой соседней братской державы выбрасывают с земли древней Кореи заморских поработителей. Пламенеющее в голубом небе знамя, которое держат несколько наших воинов, вещает жителям Начжина, что час их освобождения настал.

Это по-своему символично. Не завоевателем, кладущим ноги на стол, не пауком, тянущим живые питательные соки из народа, а братом и другом, открыто и честно входит в Корею армия Страны Советов — армия-освободительница. Эта армия воюет не с корейским народом, она воюет с его врагами, с его угнетателями.

XI

Когда наш короткий обед подходил к концу и до посадки на катера оставалось совсем немного времени, стало видно, как из центра города, спускаясь прямо посередине улицы, движется в сторону порта группа людей с высоко развевающимся огромным красным флагом. По всему похоже, что идет какая-то делегация для встречи с десантниками. Прервав наши сборы к отплытию, поднимаемся и идем их встречать.

Подходят человек десять горожан. Впереди пожилой, коренастый, широкоплечий, с плотной, словно литой фигурой грузчика или молотобойца кореец, с сильно посеребренными сединой, торчащими жестким ежиком короткостриженными волосами на крупной голове. Кривоватые его ноги с развернутыми в сторону пятками как-то весомо, по-хозяйски вышагивают по асфальту. Он несет на бамбуковом древке шелковый алый стяг. За ним вплотную друг к другу идут остальные — в основном люди среднего и пожилого возраста. Только двое помоложе, им нет, видимо, и тридцати лет. Здесь же, на пирсе, встречаемся с ними, сначала крепко жмем друг другу руки, а затем, охваченные каким-то внезапным порывом, горячо, по-братски, обнимаемся. Радостное волнение выдавило на глаза слезинку, которую не стараются ни удержать, ни скрыть.

Переводчик быстро передает, а мы внимательно вслушиваемся в слова старшего из подошедших горожан. Лишь изредка задаем ему вопросы. Первоначально говорит кореец, приведший к нам всю группу и назвавшийся Ким Сон Ченом. Остальные почтительно молчат.

Ким Сон Чен говорит, что они являются представителями жителей города, рабочих городских предприятий и порта и пришли сюда от имени трудового народа, чтобы поблагодарить Красную Армию за освобождение. Знамя принесли с собой как знак братской солидарности. В нашем лице они горячо приветствуют могучую армию Страны Советов, которая изгоняет с корейской земли ненавистных японских колонизаторов. Им известно, что наши войска с моря и по сухопутью заняли Унги, что они разгромили японцев у границы и теперь вот дошли до их родного города. Молва об успехах Красной Армии летит быстрее, чем птица на крыльях. У Красной Армии богатырская сила, а богатырь и на тигре поедет, так считают корейские люди. Сказав это, Ким Сон Чен прикладывает правую руку к сердцу и низко кланяется. То же делают и остальные его спутники.

Командир нашего отряда отвечает, что мы рады слышать эти сердечные слова от представителей трудовой Кореи, что это и есть настоящее признание заслуги нашей армии и нашего флота.

— Этот путь мы прошли не только по приказу нашей Родины. Мы шли вперед по зову своего сердца, мы спешили принести радость корейскому народу, — подключается к Леонову его замполит Гузненков.

В беседу вступают и остальные спутники Ким Сон Чена. Они просят принять от них в подарок шелковое кумачовое полотнище и подносят бочоночек с вином. В то время мы отнеслись к этому как к обычному рядовому явлению, не подумали, что знамя это может стать священной реликвией, и потому попросту посоветовали корейским товарищам поднять его над своим городом как символ освобождения. От бочоночка с вином пытаемся деликатно отказаться: мы в боевой операции, выполняем задание своего военного командования, вот-вот предстоит выходить в море, а в нашей

армии солдаты перед боем не пьют, моряки отправляются в плавание только трезвыми. Однако корейские товарищи настойчиво просят нас отметить такое необычайное событие чашкой вина, расценить это как скромное, но искреннее проявление неоценимой благодарности. Приходится согласиться и чуть-чуть нарушить неписанный закон отряда: не пить спиртного ни перед выходом в операцию, ни во время ее. Исключение составляли только раненые, которых иногда приходилось поддерживать маленькой порцией водки или спирта.

Кто из кружек, кто из принесенных делегатами маленьких чашечек распиваем вместе с ними по несколько глотков вина. Бочоночек опустел. Все рассаживаемся вокруг рюкзаков, закусываем остатками нашего походного пайка и принесенными корейцами яблоками. Завязался уже не торжественный, а простой, дружеский, непринужденный разговор.

Ким Сон Чен давно, лет пятнадцать назад, работал на КВЖД, встречался со многими советскими товарищами, немного знает русский язык, поэтому речь свою перемежает отдельными русскими словами. Ким спрашивает, не знаем ли Ивана Ивановича, который был большим начальником на КВЖД в те давние годы. Для нас, сравнительно молодых людей, лишь отдаленно слышавших о тех событиях, это имя ничего ровным счетом не говорило. А потом Иванов Ивановичей в России такое множество, как и Кимов в Корее. Не случайно там, когда хотят сказать о пустой затее, говорят: «Пошел в Сеул искать Кима».

Беседа начинается с самого волнующего — о новом повороте военных событий после того, как в войну вступил Советский Союз. С декабря 1941 года, когда Япония развязала военные действия против союзных держав, здесь, в Корее, война казалась далекой, недосыгаемой. Она ощущалась в том, что хуже стало с питанием, и без того длинный рабочий день еще увеличился, администрация стала более жестоко карать, припугивая суровостями военного времени. Да еще транспорты с железной рудой, цветными металлами и дру-

гими ценностями и сырьем бесконечной вереницей потянулись на острова.

Но три дня назад все вокруг перевернулось. Начались военные действия. Уже рано утром девятого августа множество советских самолетов начали бомбить стоящие в порту японские пароходы. Самолетов на аэродроме у японцев оказалось мало, и они на второй день куда-то улетели.

Вчера днем в порт прорвались торпедные катера и довершили то, что начали летчики: потопили все японские суда, какие стояли у причалов и на рейде. Пожары в порту и на станции тушить оказалось некому и нечем. Собирать убитых и раненых японцев командование заставляло местных жителей. Люди начали прятаться и побежали в горы.

Полицмейстер Начжина японский жандармский офицер Нанохора не смог больше ничего сделать, бросил все дела и вчера вместе с ближайшими сотрудниками и семьей на автомобилях умчался куда-то по горным дорогам. Сейчас в городе безвластие, нет никакой администрации и распоряжаться некому. Поэтому корейские товарищи просят нас собрать оставшихся жителей и предложить им навести порядок. Они боятся, как бы пожары не перекинулись на жилые районы.

Леонов ответил, что вскоре в город придут еще советские войска и уже сейчас находится в пути назначенная военная администрация. На них командованием возложена обязанность представлять Советские Вооруженные Силы и поддерживать необходимый порядок. Поэтому надо, не дожидаясь прихода наших частей, собирать население и тушить пожары. Корейские товарищи обещают это сделать.

— Вчера и позавчера было сбито четыре советских самолета. За городом мы подобрали тела погибших летчиков, — говорит Ким Сон Чен.

— Сохраните их до завтрашнего дня, до прихода назначенного сюда командования гарнизона. Они и похоронят погибших со всеми почестями, — отвечает ему Леонов.

Время не позволяет нам больше оставаться в Начжине, пора выходить в обратный путь. Прощаемся с корейскими

товарищами, благодарим за братское радушие, советуем немедленно собирать людей для сбережения брошенного имущества, вывести их на тушение пожаров, наводить порядок в городе.

Мы идем на катера, делегация горожан возвращается в город. Они снова высоко подняли свой огромный багряный стяг.

Закончив посадку, проверив людей и готовность катеров, командир десанта подает команду сниматься со швартовов.

Оторвавшись от причальной стенки, наши катера, набирая скорость, идут на выход из бухты. За кормой остается Начжин. Все, кто не занят несением вахты, не ведет наблюдения за морем, смотрят на удаляющийся город. Совсем крохотными стали фигурки корейских товарищей, только что встречавшихся с нами и поведавших о суровой доле своего народа. Над одним из зданий в северо-восточной части города взвился огромный красный флаг: это Ким Сон Чен и его друзья подняли багряное знамя освобождения.

В Начжине остался со своими разведчиками старший лейтенант Попков, а на дорожное к Чхончжину действует рота старшего лейтенанта Василия Захаренко.

Как потом нам стало известно, остаток вечера и ночь прошли в Начжине в основном спокойно, противник не предпринимал попыток возвратиться в город и отвоевать у роты занимаемые ею позиции. Это позволило десантникам удерживать участок по западной части города, имея позади себя порт с причальными сооружениями.

В шесть часов утра 13 августа под командованием капитана первого ранга Е.Е. Полтавского к Начжину подошел отряд кораблей в составе двух тральщиков, одного эскортного корабля и шести малых охотников. Эскортные корабли в то время назывались старинным романтическим именем «фрегат». В порту высадился первый эшелон десанта — 358-й батальон морской пехоты и рота разведчиков под общим командованием капитана А.Р. Свищева.

Этому десанту приказано составить первоначальный советский гарнизон города, разведать ближайшие к нему под-

ходы, не допустить противника, если он вновь попытается проникнуть в Начжин. Пожары в порту и на железнодорожной станции в короткий срок потушить, взять под охрану имущество, навести в городе порядок.

Развернув свои подразделения на окраинных высотах так, что флангами они упирались в море по обеим оконечностям города, Свищев приказал десанникам подготовить оборонительные рубежи. В тот же день южнее Начжина, в одной из обширных бухт, крупное десантное подразделение флота было высажено с лидера «Тбилиси».

Мелкие группы и одиночные японские солдаты, оставшиеся в Начжине, многие из которых сбросили с себя военную форму и переоделись в гражданскую одежду, стали сдаваться в плен десанникам.

Днем местные жители снова сообщили Свищеву, что в горах к северо-западу все еще располагается японская воинская часть. Командир десанта направил в разведку взвод автоматчиков. Разведчики обследовали несколько высот и долин, но противника не обнаружили. Судя по всему, неприятельская часть, узнав о занятии Начжина советскими войсками, сумела отойти на юг по лежащим вблизи города горным дорогам. Отступали японцы в спешке. У подножия одной из высот десантники нашли брошенные автомашины, несколько орудий, большое количество снарядов, складов с продовольствием и медикаментами. Невдалеке от этого лагеря японцы рыли окопы, но работу не закончили, так и бросив ее. Горевшие во многих местах костры не успели даже потушить.

К вечеру тринадцатого августа на северной окраине города возник пожар и раздалось несколько взрывов. Оказалось, что в пригород проникла неприятельская диверсионная группа и подожгла склад боеприпасов. Десантникам удалось настичь диверсантов и завязать с ними бой. В перестрелке было убито девять неприятельских солдат, а один офицер и семь солдат попали в плен.

На следующий день десантные группы высадились на расположенные у входа в бухту Начжина острова Тэчходо и Сочходо. Небольшой гарнизон этих островов сопротивления

не оказал и был пленен. Трех вражеских офицеров и двадцать семь солдат вывезли на катере в только что созданный лагерь военнопленных.

В течение шести дней на путях отступления японских войск из Начжина совершала рейды рота старшего лейтенанта Василия Захаренко. Вскоре после высадки она овладела тремя высотами и перехватила идущую на юг автомобильную дорогу. После небольшой перестрелки из винтовок и пулеметов противник отступил. В этом первом столкновении трое наших солдат были ранены. Заняв высоту, автоматчики обнаружили трупы трех японских солдат.

Около полудня на позиции роты наскочил отступавший из Начжина без офицеров неприятельский батальон. Завязалась перестрелка. Плотный огонь пулеметов и автоматов принудил японцев к бегству, они бросили имевшиеся при них противотанковые пушки и оставили в лощине более двадцати убитых. Солдаты-десантники обстреляли отступающих японцев из их же пушек. Неприятельские солдаты поодиночке и мелкими группами бежали в горы.

Через два дня роте удалось соединиться с авангардом наступающих частей Красной Армии, пополниться у них боезапасами и снова углубиться в тылы противника. Еще трое суток бойцы Захаренко действовали на путях отходящего неприятеля, порождая панику в его рядах.

XII

Мой взвод снова идет на головном катере. В кильватер за нами, взметая белые усы от форштевня, выносятся катер с бойцами мичмана Никандрова. Корабли оставили позади себя входной створ бухты, вот-вот окажутся в открытом море и возьмут курс на Владивосток. Море по-прежнему тихое и спокойное, день склоняется к вечеру. В надежде на вполне безопасный путь всем не занятым несением службы приказано отдыхать. Матросы, не спеша, начинают располагаться на отдых.

Вдруг корабль встряхнуло так, как будто кто-то набросил на него на всем скаку аркан, многие на палубе, не удержав-

шись, попадали. Вместе с грохотом взрыва за кормой взметнулся столб воды и скрыл за собой ведомый катер. Люди в тревоге вскакивают и быстро осматривают корабль. Из кубриков пулей вылетают все, кто там был. Из оседающей пелены воды вынырнул второй катер. Ход его резко замедлился. Сбавил ход и наш корабль. Описав циркуляцию вправо, идем на сближение с ним. Еще издали заметно, что катер тот сильно пострадал: он как раз попал во взрывную волну, и на него обрушился весь поток падающего после взрыва водяного столба.

Матросы из экипажа нашего катера докладывают командиру, что в нескольких местах обнаружена течь, в некоторые отсеки поступает забортная вода, один мотор вышел из строя и заглох, заклинило руль. Пулеметы вырвало из гнезд и сбросило на палубу. Пулеметчика старшину первой статьи Ромашова взрывом выкинуло из турели, от удара о палубу он контужен. Превозмогая боль от ушибов, Ромашов тут же стал устанавливать пулеметы в гнезда станин. Радиста катера матроса Лопатина в момент взрыва выбросило из рубки. Столкнувшись с сорванным прибором и ударившись о дверную задрайку, он получил тяжелые ушибы. Радиоаппаратура перестала работать, связь с базой нарушилась.

Катер старшего лейтенанта Николаева, резко зарывшись носом в воду, совсем лишился хода и, покачиваемый на волне, развернулся к нам бортом. Подошли к нему вплотную, запросили об обстановке. В мегафон отвечают, что осматривают корпус и машины, проверяют людей, просят оказать помощь, взять на буксир. Став совсем борт о борт, катера слегка покачиваются на улегшемся после взрыва волнении.

Что же произошло? — спрашиваем друг друга. Как катера? Удержатся ли на плаву? Почти все сходимся во мнении, что головной катер на полной скорости кормой ударился о минрепную мину. От взрыва ее и пострадал, видимо, кое-где корпус и дал течь. Мотористы ищут неисправности в моторе, боцман проверяет рулевое хозяйство. Все, кто не занят обследованием корабля и исправлением повреждений, неослабно следят за морем, не поднесет ли оно еще какого сюрприза.

На втором катере положение критическое. Форпик¹ затоплен, дав значительный дифферент² на нос, подняв корму, катер стоит с заглохшими моторами. Сорваны со станин и смыты за борт пулеметы, взрывом снесло и утопило шлюпки, вывернуты и вырваны раструбы, по корме и по левому борту совсем нет лееров. В воде плавают мелкие обломки, обрывки одежды, куски от пробковых спасательных поясов. Убит матрос Карпов. Тело его на катере. Трех матросов недосчитались (при взрыве, видно, смыло их за борт), и три человека из экипажа ранены.

Катер наш на малой скорости делает несколько небольших кругов на месте взрыва. Море улеглось, на поверхности его кое-какой мусор и расширяющиеся пятна соляра. Смытых волной моряков нигде нет. Море приняло их к себе навсегда. Двое из погибших — наши разведчики Мозалев и Халтурин, третий — из команды катера.

Мотористам удалось подладить двигатели на нашем катере, хотя они и не смогут пока работать на полные обороты. Боцман исправил рули. Помпы вовсю откачивают поступающую в корабль забортную воду. Катер сохраняет плавучесть и обретает ход.

Надо помогать другому катеру. Моряка с первого дня прихода его на флот учат свято соблюдать давнюю морскую традицию — не оставлять товарища в беде, помогать терпящему бедствие.

И в боевой истории нашего отряда таких случаев было немало. Похвальный пример братства, воинской взаимовыручки, сохранившей жизнь многим из нас, проявил Борис Митрофанович Лях. Было это осенью сурового 1942 года. Отряд оказался в тяжелом положении на чужом берегу. Горсточка бойцов, потеряв при последнем прорыве еще несколько человек, вырвалась из окружения во вражеском тылу и укрылась в снегу на берегу Мотовского залива. Люди

¹ Форпик — носовой отсек, расположенный непосредственно у форштевня.

² Дифферент — угол продольного наклона судна. Дифферент на нос — заглублие носа больше, чем кормы.

были измотаны жестоким боем предыдущего дня. Тяжелым камнем на душе лежала гибель многих бойцов. Неся раненых на плечах, целую ночь пробирались разведчики к месту высадки, а когда пришли туда, то берег и море были пустынные: ни одного корабля, ни других бойцов.

В ночь разыгралась пурга и намела снегу почти по колено. Насквозь промокшие, голодные, без табака, измотанные моряки вынуждены были зарыться в снег и лежать в нем недвижимо целый день. С мизерными боеприпасами, с ранеными, эта крохотная группа бойцов не могла уже искать противника и вступать с ним в бой. Хочешь не хочешь, а помыслы людей невольно были обращены на самое желанное: как-то вырваться с этого чужого берега, ускользнуть от немцев, которые в поисках десантников бродят поблизости. Человеку жить хочется, она ведь, жизнь-то, у него одна. И оттого люди нащупывали путь к спасению. Немного надо разума, чтобы так вот погибнуть не за понюх табаку, подставив себя врагу там, где он тебя превосходит, а нанести ему серьезного ущерба ты не можешь. Уж при крайней безысходности бросаются на врага, чтобы удушить его, схватив за глотку руками, или погибнуть вместе с ним от последней гранаты.

Когда наступили сумерки, разведчики стали собирать разбросанные прибоем по берегу бревна, чтобы сделать плот и на нем попытаться пересечь Мотовский залив, добраться до Рыбачьего. Затея очень рискованная, но все же лучше, чем лежать на чужом берегу и ждать, когда тебя прикончит враг. А на плоту, при попутном ветре, под покровом ночи, если поставить парус из плащ-палаток, можно уйти далеко, возможно доплыть и к Рыбачьему.

В этот отчаянный момент и появился на глазах разведчиков «морской охотник», вышедший из Озерков. Электрическими фонариками, вспышками добытого из патронов пороха удалось привлечь его внимание к нам. Сколько было радости, когда разведчики увидели, что катер резко изменил курс и взял направление к берегу, где они упрятались. Надежды на спасение сразу стали казаться близкими.

И такая досада болью сжала сердце, когда катер, не дой-

дя до берега с полкилометра, вдруг повернул назад и ушел обратно на Рыбачий!.. Осталось еще более гнетущее чувство оторванности от своих.

Зато какой камень свалился с сердца, как быстро и горячо побежала кровь по жилам, когда десантники увидели, что уже не один, а два катера со стороны Рыбачьего ринулись к тому берегу, на котором моряки все глаза проглядели, их высматривая. Один из катеров поставил дымовую завесу, а другой под ее покровом, опасаясь вражеской ловушки, осторожно приблизился к берегу. Помню, как я бросился тогда в воду, чтобы принять сходню. Какая была тогда вода!.. И это в студеное Баренцевом море, где не сунешься в воду и летом. А тут осень... Добираясь до сброшенного трапа, спотыкаясь об отшлифованные прибоем камни-валуны, я по грудь вбежал в море. Каким оно показалось теплым, приятным, своим, близким...

Спас тогда разведчиков Борис Лях. Надо было иметь большое самообладание молодому лейтенанту, недавно вступившему в командование кораблем, чтобы ринуться на спасение разведчиков. Способность принимать на себя ответственность за последствия, веру в боевых друзей, риск ради их спасения проявил тогда Лях. Катер его не был в свободном плавании, не приказано было ему и искать нас на чужом берегу. Шел он с Рыбачьего в Полярное, на борту его был старший офицер из штаба оборонительного района. Его следовало непременно и быстро доставить на главную базу флота. Видимо, для такого приказа у командования имелись свои основания: был при нем портфель с важными оперативными документами. Однако поняв, что на вражеском берегу ждут помощи друзья-моряки, Лях решил выручить товарищей из беды. Вызволив разведчиков, он продолжил путь в Полярное. По-разному могло закончиться для Ляха это уклонение от курса: случись неудача, попадись он в ловушку, расставленную гитлеровцами, — не сносить бы ему головы. За невыполнение приказа на войне карают по всей строгости. А за разумную инициативу, за смелость и находчивость, за спасение разведчиков командующий наградил его орденом.

Снятые тогда Ляхом Леонов, Никандров, Барышев, Агафонов, Каштанов, я и еще некоторые разведчики провоевали на севере до конца войны, а часть из нас и сегодня здесь, на востоке, опять столкнулась с коварной морской стихией и напрягает силы, чтобы не поддаться ей. Вспомнив эту давнишнюю историю, я хотел бы и сегодня отвесить земной поклон Герою Советского Союза капитану первого ранга Борису Митрофановичу Ляху.

XIII

Берем второй катер на буксир и продолжаем идти к своим берегам. Путь этот кажется сейчас куда длиннее, чем тот, которым шли в Начжин. Идти теперь очень трудно. Не только потому, что скорость мала от неисправных двигателей, но и оттого, что на буксире второй катер. Течь не уменьшается. Помпы работают на полную мощность, но не успевают откачивать поступающую забортную воду. Несколько матросов, вооружившись ведрами, отливают ее из машинного отделения и через люк кормового отсека вручную. Осадка увеличилась до опасной полосы.

Старшине Асмановцу не приходится подгонять своих мотористов, они сейчас как доктора, которые шприцем вспрыскивают спасательное лекарство, доводят, дотягивают барахлящие двигатели. Все встревожены, лица посуровели, ни шуток, ни смеха. Каждый действует расторопно, сам ищет выход, не отвлекая расспросами ни командиров, ни товарищей.

Соколов и Леонов с ходового мостика следят за людьми, распоряжаются ими. Несколько человек по секторам ведут наблюдение за морем. Превозмогающему боль Лопатину помогают Кожаев и Калаганский. Они исправили повреждения радиоаппаратуры, и удалось снова установить двустороннюю связь с базой. Командованию донесли о взрыве мины, о повреждениях и потерях, сообщили, что добираемся до базы своим ходом.

На втором катере опытный боцман главный старшина Шумилов залатал мелкие пробоины в носовой части, течь

уменьшилась, откачка воды из форпика пошла быстрее, и катер выравнился, дифферент на нос стал незаметен. Но двигатели пока молчат. Катер тот совсем не боеспособен, скорости нет, пулеметов лишился, в случае появления противника с воздуха или на море он представляет собой беззащитную мишень. Только под охраной катера Соколова его можно довести до базы. Так вот, полузатонувшие, идем около часа, буксируя второй катер и откачивая воду.

Наконец, мотористам, которые с полуслова понимают своего главного старшину Чанчикова, удастся исправить на том катере один мотор. Корабль обретает свой ход. Отдан буксирный конец, и катера, сблизившись всего на полкабельтова, небольшим уступом, со скоростью не более десяти узлов продолжают двигаться к своему берегу. Не только экипажи кораблей, но все десантники противоборствуют воде, откачивая ее и насосами, и ведрами. Разведчики помогают боцману приводить в порядок пулеметы и боезапас. Наши механики Горнышев, Дараган и Овчаренко вместе с Чанчиковым возятся у заглохшего мотора. Остальные мотористы не спускают глаз с работающего двигателя. Никто и не помышляет об отдыхе. Все другое забыто, одно стремление у всех: спасти катера, добраться до базы, перебороть это море, которое прямо-таки тянет корабли в свою пучину.

Потому-то моряки крутятся сейчас на верхней палубе и в отсеках проворно и ловко, на отливе воды мелькают челноком. Что спасение от гибельной морской пучины не придет само собой, со стороны, и ради жизни надо держать корабль на плаву — это каждый понимает сам. Но недолго и до беды: случись еще что, начини вода прибывать быстрее, чем ее откачивают, — и корабль окажется во власти моря. Самое страшное — если экипаж растеряется. Считай, что все пропало. Многое в такие минуты зависит от бойцов, но многое — и от воли командира, его выдержки и хладнокровия.

И надо отдать должное Сергею Николаеву — он сумел передать матросам твердость своего духа. Без суеты, крика и брани отдавал команды. Ему постоянно докладывали, ка-

кова осадка у катера, сколько оборотов дает двигатель, когда исправят второй мотор. Командир ни на минуту не мог оставить свое место на ходовом мостике, ему приходилось следить за курсом, наблюдать за обстановкой, распоряжаться матросами и старшинами, прикидывать, что и как делать при встрече с неприятельскими кораблями.

Но надо было кому-то быть с людьми, возле них, работать с ними бок о бок, улавливать их тревогу и наблюдать за настроением. И тут точно к месту пришелся наш замполит. На таких малых кораблях по штату не полагается иметь политработника. Иван Иванович сразу оказался как раз на том месте, где и был нужен. Он не произносил громких слов, да они и не были нужны. Шутку в такую минуту тоже не примут, тут не до смеха. Но и постную физиономию людям показывать нельзя. Лучше всего быть вместе с людьми, локоть в локоть с ними, сообща делать горячее дело. И он поспевал и к мотористам, и к торпедистам, побывал у радистов и поперекидывал ведра при откачке воды.

В свое время, еще на севере, когда Леонов стал командиром отряда, потребовалось подобрать ему заместителя по политчасти. Командованию надо было сделать сложный выбор. В отряд предстояло послать такого политработника, в натуре которого сочетались бы качества и командира и комиссара. Нужен был такой офицер, который бы вошел к разведчикам сразу как в свою семью, чтоб они его признали. А в жизни отряда однажды был такой замполит, который не обладал силой воли, стойкостью характера, смелостью, необходимой для политработника в особом разведывательном отряде. И командование вынуждено было вскорости перевести его в тыловое подразделение. Разведчики, не отличавшиеся кротостью нрава и мягкостью характеров, почитают такого замполита, которого они увидят в деле, оценят в боевой схватке. К такому они потянутся сердцем и полюбят всей душой. Надо было подобрать офицера с твердым характером, чтобы он мог умерить излишнюю показную вольность и браваду у бойцов не только молодых, но и у некоторых опытных и заслуженных.

Военный совет флота назначил в отряд лейтенанта Гуз-

ненкова. Нелегко пришлось ему у разведчиков с первого же дня. Но он, видно, вовремя понял, что с таким народом нельзя сразу брать круто, с ходу и в лоб этих людей под свое влияние не возьмешь. Не послаблять «признанным», не потрафлять их вольностям, не попадать под влияние авторитетов, славы и известности — не так-то легко на первых порах. Первая настороженность, с которой его встретили, скоро прошла. Комиссар оказался человеком душевным и простым. Он не докучал бойцам монотонными нравоучениями и пережевыванием таких известных истин, которые люди сами давно знали или о которых могли узнать и без него. Разговоры его о жизни, которые принято называть политическими беседами или информацией, не были похожи на привычные застольные занятия. Они как-то сплетались с думами разведчика о его доме и родных, о товарищах по оружию. Большие тяготы страны становились личными, своими. Он быстро успел узнать психологию каждого разведчика, запомнил, у кого что на душе, и научился находить к ней подход. Это и сблизило его с десанниками. А личная храбрость, которую не раз мы видели в бою, поставила комиссара на такое место, которое и положено было ему занимать по его высокому партийному назначению.

— Ты что приуныл? — заметив загрузившего Николая Мальцева, подсел к нему Гузненков.

— Тяжело, комиссар. Лишился я друга. Какой был парень... Даже не мелькнул на поверхности, видно, попал в водоворот и сразу ко дну...

— Этому горю теперь не поможешь, со дна моря не вернешь. Я ведь тоже его давно знаю, еще по Рыбачьему. Лиха хватил он немало. А ты крепись. С японцами дела еще впереди, и за Федю сочтемся.

Поглотило море в свою бездну сегодня Федора Мозалева. О нем и сокрушается Мальцев. Немногим более года воевал Федор в нашем отряде, а до этого высидел стойкую оборону, три года мок, мерз и продувался ветрами на полуострове Среднем, что соединяет Рыбачий с материком. Это на самом правом краю огромного фронта, дальше по сухопутью воевать было уж негде, за Рыбачьим шумело шторма-

ми, укрывалось туманами и снежными зарядами Баренцево море. Там хозяйничали эсминцы, подводные лодки, дальние самолеты. На Среднем, на скалистом полуострове, Федор служил в разведке бригады морской пехоты. Рослый, крепко сложенный, он обладал недюжинной силой. Показывая нам свои увесистые костистые кулаки, он говорил: «Во, смотри, три года на чердаке сушился. К кому приложу, тот не встанет». Про чердак и три года — это, конечно, для образности. А вот насчет того, что после такого удара нелегко подняться, — это была правда. Мы имели такую возможность видеть, когда испытывший силу этого кулака враг так и оставался лежать недвижимым.

Пришел Федор в наш отряд из госпиталя, пролежав там несколько месяцев после тяжелого ранения. Случилось это так. Группа разведчиков ходила в поиск за «языком» во вражеское расположение на Муста-Тунтурн. Дело было недалеко от пограничного столба, оставшегося единственным на всей нашей западной границе, который не удалось пройти и занять противнику.

Преодолев ночью минное поле и проволочное заграждение, группа захвата проникла в неприятельские траншеи, и там завязался рукопашный бой с альпийскими горными стрелками. Австрийские егеря — тоже довольно крепкий и обстрелянный народ, легко и просто их не возьмешь. Федор прыгнул с бруствера на убегающего фашиста и своими длинными ручищами так схватил его сзади, что тот охнул и присел. В этот момент рядом разорвалась брошенная кем-то из немцев ручная граната. Несколько осколков впились в поясницу Мозалева. Но он не бросил пойманного ефрейтора. Крепко сцепив руки, превозмогая боль ранения, он так и понес впереди себя прижатого к груди обеими руками, как клещами, потерявшего сознание австрийца. В суматохе продолжающегося боя, — а в дело ввязались обе стороны, заговорила артиллерия, начали бухать минометы, пулеметная трескотня растянулась не на один километр, — ему удалось дойти до своих, и только там он расцепил руки. Сдав пленного подбежавшим бойцам, Федор упал без сознания от потери крови.

Врачи госпиталя в Полярном несколько месяцев поднимали его на ноги. Исхудавший, с провалившимися щеками, с заострившимся носом, на котором отчетливо выделялась горбинка, с глубокими синими впадинами вокруг глаз, стриженный — таким мы увидели тогда в отряде нового бойца. У захваченного им австрийца со значком эдельвейса оказались сломанными два ребра: так обнял его Федор своими ручищами. Прошел он всю войну, и вот здесь, на востоке, в последних походах навсегда приняла его пучина моря.

...Мотористам удалось исправить и второй двигатель на ведомом катере. Скорость заметно возросла, корпуса поднялись над водой, течь сразу уменьшилась, идти стало легче.

День кончился, над морем навис купол черного неба, с густым фиолетовым отливом, без звезд и луны. Никаких сигнальных огней и маяков нет. Идем рассчитанным штурманами курсом.

Напряжение немного спало, люди стали успокаиваться, действовать более размеренно. Большинство освободилось от дела, и, рассевшись на палубе, матросы обсуждают еще не совсем миновавшую опасность, радуются, что взорвавшаяся мина не оказалась роковой для наших катеров, соболезнуют о погибших друзьях.

Матросы строят догадки, почему проглядели мину. Когда выходили из Начжина, было еще светло. Если бы мина была на плаву, — не могли наблюдатели ее не заметить. Так и порешили, что мина болталась на минрепе на небольшой глубине. Истина всплыла наружу несколько позднее, перед последним нашим походом в Корею — перед высадкой в Вонсан.

Забегая несколько вперед, надо рассказать о том, какие неожиданности преподнесли нам на море не только японцы, но и наши тогдашние союзники. Минная война ведется и на суше и на море. Прибегают к ней с давних времен, не одну сотню лет. Изобретается масса всяких приспособлений и новшеств, чтобы обмануть, перехитрить противника. Даже называть в обиходе их стали сюрпризами. Слово-то какое — неожиданный подарок. И такие вот «подарки» многих жизней стоят.

Когда идешь к чужим берегам — готовишься и к преодолению минных заграждений. Неприятель ведь не сидит сложа руки. Он тоже уберегает подходы к своим базам, к удобным для десантирования береговым участкам.

Мины ставят и минные заградители, и подводные лодки, забрасывают их на фарватерах и с самолетов. А мало ли всякой выдумки и смекалки бывает при минировании на суше? Нередко их высевают тысячами.

И то, что оказалась мина в море, да еще на подходе к порту — дело вполне объяснимое, противник наверняка мог заминировать какие-то участки, оставив себе удобный фарватер. И что не обнаружили ее — тоже можно понять, торпедный катер — не тральщик, а мина под водой.

Уже перед вторыми эшелонами десантов, которые доставлялись в корейские порты на крупнотоннажных судах, вперед высылались тральщики. Они прочищали проходы в минных полях. Позже, как это было в Вонсане, помогали и корейские лоцманы, которые знали такие проходы.

Только в бухте Начжина и на подходах к ней тральщики обнаружили около ста двадцати мин.

Вблизи этого порта подорвались на минах пароходы «Сучан», «Камчатнефть», один танкер, два флотских катера и тральщик. Правда, почти все эти суда удалось спасти, отбуксировать в бухту, не пострадали в основном и грузы, но повреждения оказались довольно серьезными, потребовали продолжительного ремонта в доках. Один торпедный катер затонул. При взрывах погибло несколько человек из команд транспортов и из экипажей боевых кораблей. Десятки моряков получили ранения.

На небольшом островке у входа в бухту Начжина матросы обнаружили глубокие бетонированные колодцы. Из них были протянуты в море кабели. Когда минеры разобрались, то оказалось, что кабели эти проложены под водой к выставленным в заливе минам. Достаточно было включить рубильник при приближении кораблей, как десятки мин рванулись бы одновременно.

Много мин обезврежено и на суше не только в окрестностях Начжина и Чхончина, но и прямо в городах, в порту, в

складах, в зданиях. В Начжине уже после отступления японцев на минах погибло несколько солдат морской пехоты. Пришлось строго ограничить передвижение бойцов и офицеров, да и корейцев предупредить, чтобы они были осторожнее.

При входе в бухту Чхончжина взрывами мин были повреждены пароходы «Ногин» и «Дальстрой», доставлявшие в занятый город дополнительные войска, боевую технику и различные военные грузы.

Борьба с минной опасностью и в море и на суше продолжалась еще долго. Тральщики вытаскивали из морской пучины и расстреляли многие сотни мин. Тысячи хитроумно упрятанных смертоносных зарядов извлекли и обезвредили саперы морской пехоты.

Но на первых днях, при той скоротечности военных действий, которая сложилась на востоке с самого начала, протралить подходы к базам впереди десантов первого броска, конечно, не могли.

Даже позже, после траления фарватеров, случались потери от мин. Не сразу нашли объяснение такому явлению.

Траление на японских минных полях было весьма успешным, их мины наши тральщики хорошо вылавливали и расстреливали. Но подрывались наши корабли и транспорты как раз на тех участках, которые считались очищенными для плавания. И тут-то наш флот столкнулся с весьма подозрительными действиями американцев. Нечто подобное было и на западе, в Германии, на Балканах в последние месяцы и дни войны.

Вдоль корейского побережья большое количество мин в первых числах августа выставила американская авиация, базирующаяся на ближайших островах в Тихом океане. С самолетов были заброшены новые, впервые примененные мины. Донные неконтактные мины с индукционными, индукционно-гидродинамическими и акустическими взрывателями были выставлены у подходов ко многим портам Кореи. Только в ближайших к Начжину водах было сброшено 420 таких мин, причем последние были выставлены 8 августа. В тот период еще никто не имел средств борьбы с этими минами. На од-

ной из таких мин подорвались и наши катера при выходе из Начжина. Это пахивало далеко задуманной провокацией: ограничить районы плавания наших кораблей, навязать нам борьбу с минными постановками, нанести нашему флоту побольше потерь.

Тяжело переживаешь гибель друзей на войне. Еще тяжелее, если друзья гибнут в момент, когда уже засветилась победа. Обидно и горько, что смерть к некоторым из них пришла не в честном поединке в бою с врагом, а от хитрой ловушки, поставленной союзником.

Поникнув головой, сгорбился рядом со своим покойным другом Павел Колосов. Укрытое брезентом, вытянулось на палубе за рубкой, возле торпедного аппарата, тело Виктора Карпова. Лицо, по русскому обычаю, закрыто.

Виктор — из числа приехавших на восток северян. Сам он родом из Ленинграда, там рос и учился, оттуда перед войной пришел на флот, там перенесла блокаду его семья. Скромнейшая душа, даже застенчивый, внешне по-девичьи симпатичный, русоволосый, белолицый и прибранный, Виктор был очень прилежным матросом. Не курил и даже не выпивал, отказываясь от положенных ему походных ста граммов. Во всей его натуре было что-то такое юношеское, чистое, безобидное. Казалось, пороки человеческие пытались пристать к нему, но не смогли, отскочили, испугавшись правдивости и искренности взгляда его синеватых глаз.

Перед войной Виктор окончил десять классов. На базе он любил читать, был членом комсомольского бюро и состоял в редколлегии отрядной стенной газеты. Тяжелые походы в тыл врага легли на его еще не окрепшие плечи, но он не захныкал, выдержал, в десантах на норвежское побережье превратился в разведчика, а в бою на мысу Крестовом заслужил орден Красного Знамени.

Почти одинаковый возраст, одновременный приход в отряд и совпадение интересов сблизили Павла Колосова, Михаила Калаганского, Виктора Соболева и Виктора Карпова. Колосова комсомольцы избрали секретарем своего бюро. Больше, чем они, имел походов за плечами, раньше их прошел испытание огнем и гибелью близких друзей Алексей

Каштанов, но по натуре своей был схож с ними, и потому все они были в большой дружбе. На востоке каждый из них получил под свое попечение кого-нибудь из новичков и старательно передавал ему науку о том, как перехитрить врага, как свалить его, но не поддаться ему. Вскоре мы убедились, что науку эту восточники уразумели хорошо.

Уже около восьми часов мы добираемся до своих берегов. Близок стал остров Русский. Только за полночь катера швартуются у небольшого пирса в бухте Новик, недалеко от казарм отряда. Сгружаемся, выносим рюкзаки, оружие, моряки бережно кладут на причал завернутое в брезент тело Виктора. Катера уходят в свою базу на ремонт.

Лишь немногие из бойцов отправляются в свои кубрики, чтоб улечься в постель. Большинство в полном изнеможении сваливаются тут же на причале, подложив под голову рюкзак, и почти сразу засыпают мертвецким сном.

Отряд возвратился на свою землю из первого разведывательного похода на корейское побережье.

В тигровое логово не полезешь —
тигра не поймаешь.

Корейская пословица

ИСПЫТАНИЕ

I

Пять часов утра тринадцатого августа. Понедельник. Разомлевших в глубоком сне, лишь немного стряхнувших тяжкую усталость вчерашнего дня, разведчиков сигнал боевой тревоги вновь поднял на ноги. Слишком короткими оказались эти пять часов сна душной летней ночью. В других условиях люди не вскочили бы так быстро, но сейчас время боевое, военное. Да и боцманская дудка разносится такой пронзительной трелью, что не улечишь и секунды.

Моряка с первого дня флотской службы старательно приучают мгновенно вскакивать по этому незатейливому

журчащему свистку. Дудка считается неременной принадлежностью не только боцмана и вахтенных — на больших парадах в Москве на груди каждого курсанта, печатающего размашистый матросский шаг по брусчатке Красной площади, красуется эта хромированная свистулька на цепочке.

Передается приказание немедленно приводить себя в боевой порядок, готовиться к выходу в новую операцию.

Связные вызывают нас с Никандровым к командиру отряда. У Леонова застаем старшего лейтенанта Гузненкова и мичмана Чекмачева.

Леонов кратко, всего в нескольких фразах сообщает нам о новом задании командующего флотом: отряду приказано почти немедленно выйти в более крупную и, вероятно, сложную десантную операцию. Предстоит не только разведка. Наверное, придется силой брать и удерживать плацдарм для крупного десанта, так как к месту предполагаемой высадки приближаются отступающие с севера неприятельские войска. Вместе с нами пойдет рота автоматчиков морской пехоты.

Разведчикам тотчас же получить новое оружие, привести его в порядок, очистить от складской смазки, опробовать, взять усиленный запас патронов, противотанковых и фугасных гранат. Оружие наше действительно все надо заменять. Вчера во время взрыва мины его так окатило соленой морской водой, что оно все порыжело, покрылось ржавчиной и в таком виде для боевого применения непригодно.

Продукты выдадут на трое суток, велено уложить их в малые легкие рюкзаки. Шлюпки не брать, они, как показал предыдущий поход, не потребуются. Идти налегке, чтобы иметь хорошую подвижность.

Мне Леонов поручает написать боевой приказ:

— Времени мало. Поторопись. Пусть связной получит тебе автомат и боеприпасы.

После этого он отпускает всех нас для подготовки к выходу.

Придя во взвод, собираю командиров отделений и бойцов, объявляю им приказание. На сборы остается немногим более полутора часов.

Интендантам и оружейникам надо проявить исключительную расторопность. Правда, хозяйственники наши во главе со старшиной Вавиловым и оружейник Дараган с помощниками дело свое знают хорошо и важность момента чувствуют. Все кипит у них в руках. Часть боеприпасов и продуктов решено взять в таре и разложить их по рюкзакам на переходе морем. Иначе времени на укладку не хватит. За этими сборами пошел наблюдать Чекмачев.

С мичманом мы давние сослуживцы, еще с довоенного времени. Когда в 1940 году меня призвали на флот, попал я для прохождения подготовки по специальности в Объединенную школу учебного отряда на Соловецких островах. Учился писарскому делу. Специальность, конечно, не боевая, обычно о коках, баталерах и писарях рассказывают много всяких затейливых историй, и даже в нынешней военной литературе их чаще всего изображают канцеляристами, бюрократами и путаниками. Не то что комендор, торпедист, минер или даже моторист. Какое-то чувство стыдливости за эту многими порицаемую чиновничью профессию долгие годы владело не только мной. И потому-то нередко не одни писари, но и бойцы некоторых других обслуживающих специальностей старательно скрывают от посторонних, что суждено им писать бумаги, варить борщи и учитывать бывшее в употреблении обмундирование.

Но как бы то ни было, а приемная комиссия предназначила мне эту специальность. В те годы многих молодых коммунистов, имеющих подходящее образование, определяли к военному делопроизводству. Так и пришлось мне наряду с морским делом, уставами, стрелковым оружием изучать премудрости воинской канцелярии и овладевать пишущей машинкой.

Командиром нашего взвода был тогда старшина первой статьи Григорий Чекмачев — рослый, статный, с открытым, волевым лицом, словом, такой, какими изображали краснофлотцев на плакатах. Чекмачев был очень опытным и способным младшим командиром. Обладал он удивительной выдержкой, уравновешенностью и в отличие от многих старослужащих не потешался над «салажатами», как иронически

зовут на флоте первогодков. Своим спокойствием, уважением достоинства подчиненных, чуткостью к их маленьким житейским нуждам (например, в поощрение за старательное прохождение в строю — внеочередной перекур), отличным знанием своей военной специальности, умением мастерового человека он так расположил к себе молодых краснофлотцев, что они буквально боготворили его. Боготворили за заботливость, отсутствие высокомерия, желание ничем не подчеркнуть свое служебное положение.

Отслужил он свои положенные пять лет и давно должен был демобилизоваться, намереваясь возвратиться на родину — в Сталинград — и заняться там любимым делом — живописью и лепкой. Однако жизнь распорядилась иначе: сначала финская кампания, затем — Великая Отечественная. Прошло на срочной службе десять лет, а потом присвоили офицерское звание и оставили в кадрах флота. Как говорят на флоте, пришлось ему «трубить как медному котелку» тридцать годков, хотя и поныне он в кругу близких друзей называет себя человеком невоенным и считает, что предназначением его жизни были рисунок или скульптура. И он, пожалуй, был бы неплохим художником.

С самым искренним почтением относились к нему не только мы, молодые краснофлотцы, но и его погодки по службе, да уважали его и старшие начальники. Уже сейчас, вспоминая те годы, думаю, что именно таким должен быть младший командир, таков, в моем понимании, образец ближайшего к рядовым бойцам начальника.

Потом, после окончания школы, меня направили служить в Полярное, а Чекмачев остался в учебном отряде. Началась война. Моряки рвались на фронт, к боевому делу. Во время июльских и августовских боев 1941 года на дальних подступах к Мурманску были сформированы и брошены на сухопутный фронт отряды моряков. В их составе было немало изрядно уже послуживших на флоте старшин и краснофлотцев не только с кораблей и береговых частей, но и из учебных школ. Тогда и пришел в особый добровольческий отряд Чекмачев.

Штаб соединения, где я служил, был совсем рядом с ме-

стом расквартирования отряда. Мы вновь стали встречаться. Наконец и мне после многочисленных просьб удалось попасть в популярный тогда на флоте отряд морских разведчиков. Командиру его капитану Николаю Инзарцеву рекомендовали меня Григорий Чекмачев и комиссар отряда старший политрук Василий Дубровский, который знал меня по политотделу соединения в первые месяцы войны. С тех пор и до конца войны, до самого моего увольнения с флота, мы с Чекмачевым не расставались. На севере он почти бессменно был секретарем партийного бюро отряда, а здесь, на Тихом океане, коммунисты избрали его заместителем секретаря.

В 6 часов 15 минут командиры отделений докладывают, что все разведчики к выходу в операцию готовы. Леонов приказывает построиться на причалах. Перед строем читаю боевой приказ. От волнения временами голос срывается, звучит глуховато:

«Сегодня отряд под моим командованием выбывает на выполнение специального боевого задания. Командующий Тихоокеанским флотом поставил перед отрядом ответственную задачу по разведке и захвату важного порта Японии.

Отряду предстоит серьезное боевое испытание. От каждого краснофлотца, старшины и офицера потребуется максимально проявить свою преданность Родине, партии, боевую выучку, выносливость, все качества моряка-разведчика.

Требую от всего личного состава отряда точного и быстрого выполнения всех приказов и распоряжений, проявления личной инициативы и сообразительности.

Пусть каждый из вас свято выполнит свой долг перед Родиной».

Я стараюсь выразительнее и громче произнести эти слова. Несколько мгновений все стоят в сгустившейся тишине, придающей какую-то особую значимость этому моменту. Внутренняя собранность, сознание своей причастности к большому делу запечатлелись на лицах, до смуглоты загоревших и обветренных, на фигурах разведчиков, выпрямленных даже под тяжестью рюкзаков и оружия.

Через десять минут началась посадка на новые торпедные катера. Командует отрядом катеров начальник штаба

дивизиона капитан-лейтенант Владимир Марковский. С разведчиками сегодня снова идет в поход старший лейтенант Николаев. Сдав свой израненный корабль в ремонт, он тут же принял другой катер и на нем, не отдохнув после трудного предыдущего рейда, опять отправился высаживать наш отряд в Корею. Вторым катером командует лейтенант Бегун.

Экипажи кораблей встречают нас на причалах, заботливо поправляют сходню, придерживают тех, кто несет тяжелую ношу, стараются всячески помочь десанникам.

Дальше, вдоль причала у стенки стоят еще четыре катера. На них грузят имущество и размещаются десантники в форме морской пехоты: это ведет посадку идущая вместе с нами рота автоматчиков.

В семь часов утра катера снимаются со швартовов, отряд выходит из бухты и берет курс на юг.

Как и в прошлом походе, моему взводу пришлось идти на головном катере вместе с командованием, а Никандрову с его взводом — на ведомом.

Винты буравят морскую гладь и скидывают волнистый след. Полдюжины стремительных катеров выглядят внушительно. Погода опять стоит прекрасная, хотя август считается в Корее периодом дождей. Солнце поднимается и все ярче освещает хорошо видимые берега Кореи. Они по-прежнему неповторимы в своей привлекательности. Там, за береговой полосой, в сопках, на дорогах, в городах должны, как и мы, продвигаться к югу наши армейские части. Во взаимодействии с ними флоту приказано освобождать корейское побережье.

Наши матросы продолжают приводить в порядок оружие и снаряжение. Время от времени воздух прорезают короткие очереди из пулеметов и автоматов: новое, только что очищенное оружие надо опробовать.

На исходе второго часа перехода нас приглашает к себе начальник разведывательного отдела флота полковник А.З. Денисин. Он назначен командовать сводным отрядом разведчиков, идущих в десанте первого броска. Ему подчинены и наш отряд, и рота автоматчиков, которой командует старший лейтенант Яроцкий. В операцию отправился и замести-

тель Денисина капитан третьего ранга Ходер. Денисин, раскрыв планшет с картой, разъясняет нам подробности возложенной на отряд боевой задачи. Часа через три предстоит высадка в порт Чхончжин. Нам приказано провести разведку боем, выяснить силы и намерения противника, захватить плацдарм и удержать его до подхода первого эшелона. Боевое столкновение с неприятелем неизбежно. Чхончжин — наиболее крупная военная база противника на северо-восточном побережье, имеющая значительное артиллерийское прикрытие. На окрестных высотах и на побережье размещено несколько береговых и зенитных дивизионов.

Вокруг города построена система оборонительных сооружений, в том числе и долговременных, а гарнизон насчитывает примерно четыре тысячи человек. В городских казармах, в пригородах и далее по направлению к Нанаму, по более ранним сведениям штаба, была расквартирована гвардейская дивизия, спешенный кавалерийский полк и специальный офицерский полк. Надо уточнить, остались ли они там же и какими планами руководствуются. К Чхончжину двигаются отступающие с севера, из приграничного района, японские войска. Чхончжин — форпост крупнейшего приморского укрепленного узла и второй по величине после Пхеньяна город в северной части страны. Металлургический комбинат и судостроительная верфь делают его весьма важным как в военном, так и в экономическом отношении. Хорошо оборудованные железнодорожные мастерские позволяют проводить капитальный ремонт локомотивов. Вместительная бухта, с молом и волнорезами, достаточные глубины и большая протяженность причальных линий дают возможность одновременного базирования доброй флотилии как военных кораблей, так и торговых судов. Через город проходит к югу единственная по восточному побережью железная дорога, на север и на юг от него тянутся бетонированные автострады. Эти магистрали противник использует для переброски своих войск.

— Чтобы узнать, что творится за рекой, надо, как говорят корейцы, реку переплыть, — свертывая карту и укладывая ее в планшет, заканчивает Денисин.

II

Время идет к полудню, солнце почти над головой и нещадно печет. Матросы стараются выбрать хоть маленькую тень и прикорнуть, кто за торпедными аппаратами, кто за рубкой. Лишь немногие бодрствуют. Усталость сваливает с ног, сказываются два предыдущих походных дня и две беспокойные, почти бессонные ночи. Команды катеров бдительно несут свою вахту, и нашим бойцам разрешено поочередно хотя бы немного подремать.

Остался примерно час ходу. Прямо по носу, постепенно увеличиваясь, вырастают четыре белых буруна. Денисин, когда излагал нам задание, сказал, что нас должны встретить торпедные катера, производившие разведку подходов к бухте Чхончжина, и провести по заливу, сопроводив в порт вплоть до высадки. Им приказано разведать незаминированный проход.

Немного замедлив ход, поджидаем, когда они подойдут вплотную. Став почти борт о борт, возглавляющий эту группу катеров командир дивизиона капитан третьего ранга С.П. Кострицкий передает, чтобы следовали по его курсу. При подходе к Чхончжину надо развернуться «всем вдруг» и вее-ром на полной скорости ворваться в бухту.

Катера снова набирают скорость, идя впереди, справа и слева от кораблей с десантниками.

Люди наши изготавились, подстегнули и закрепили рюкзаки, подтянули сумки с боеприпасами и гранатами, держат в руках автоматы и пулеметы. Большинство полуприсели по бортам, у лееров, остальные вдоль борта у торпедных аппаратов, около рубки. Взгляд старательно оставляет в памяти каждый кусочек быстро приближающегося берега.

Вот катера развернулись и стремительно рванулись в бухту. В тот же миг в нескольких местах свечками взмыли вверх водяные всплески, со свистом пронеслись осколки разорвавшихся в воздухе шрапнельных снарядов. Вражеская артиллерия начала обстрел десанта. Похоже, что батареи стреляют откуда-то из глубины полуострова, загнутой клешней охватывающего бухту, а также и с противоположной стороны бухты, с материка, оттуда, где, судя по плану,

стоит металлургический завод. Ведется отсекающий кинжальный огонь и с запада и с востока.

Чувство неизвестности и смутной тревоги прошло, нависший обстрел и неизбежный бой жгутом стягивают нервы, но мелкую, чуть уловимую дрожь в руках никак унять не удастся. От нее не избавишься, пока не побежишь по земле, пока не будешь стрелять, пока не забудешься в схватке с неприятелем.

Катера из всех пулеметов поливают по береговым постройкам, по причалам. Маневрируя на скорости по бухте, делая довольно крутые повороты, чтобы уклоняться от артиллерийского обстрела, они приближаются к пирсам. Очень впечатляющее зрелище, когда стайка юрких, стремительных катеров носится по бухте и от них тянется к берегу множество нависающих дугой пунктирных линий. Море живое, бурлящее от корабельных винтов, разрывов снарядов и взъерошивающих воду тысяч пуль. Нитки трассирующих очередей тянутся и с берега к катерам. Сразу как-то тобой овладевает нетерпение, хочется скорее выброситься на твердую землю и не быть скученной мишенью на маленьком корабле.

Четыре катера принимают влево, к причалам рыбного порта, а немного правее нас, на участок между рыбным и военным портом, устремляются катера с остальным десантом. Корабли прикрытия продолжают маневрировать по бухте и обстреливают ближайшую береговую полосу. До причалов осталось менее ста метров. Теперь по катерам стреляют из припортовых зданий и с надвигающихся на нас глыбой пирсов.

Десантники присели, прижались, к чему можно, но огня еще не открывают. На прибрежные постройки порта перебросили свой огонь пулеметчики.

Снизив скорость, катера проходят вплотную вдоль стенки, и десантники как горох высыпаются на пирс, не дожидаясь, пока будут вынесены швартовы.

Чуть ступив на причал, бегом отрываемся от береговой кромки, стараясь проскочить зону обстрела и выбрать укрытие, поскорее добраться до складских построек и каких-то

других зданий. Неумолчные очереди из множества автоматов и хлопки винтовок слышатся с разных сторон. Японцы стреляют откуда-то из складов, из-за грузов на пристани. Но обстрел какой-то беспорядочный, несосредоточенный. Трудно разобраться, бьют ли по заранее пристрелянным площадям или выбирают на прицел десантников. Но сбить нас и положить плашмя на причал им не удастся. Наша огневая завеса значительно плотнее. Под покровом этого огневого щитка мы перебегаем от одного укрытия к другому.

На бегу вижу, как несколько человек падают, не разглядел — ранены или убиты, их должны подобрать санитары, находящиеся поблизости.

Катера, продолжая огрызаться из пулеметов, отходят от причальной стенки и не спеша идут к выходу из бухты. Наш десантный отряд остался на вражеском берегу.

Японские посты в порту удалось смять с ходу. В нескольких местах огневые точки забросали гранатами. Раз-другой гулко ухнули противотанковые: десантники вышибают пулеметчиков из их гнезд.

На пути попадаются убитые и раненые японские солдаты. Пробегаю мимо длинного большого пакгауза, у раскрытых широких ворот его валяются два изрешеченных японца и исковерканный ручной пулемет: тут их настигла метко брошенная кем-то из матросов граната.

Причалы, складские постройки теперь наши. Мы выскочили на припортовую улицу. По ней, отстреливаясь, прижимаясь к домам, убегают японцы мелкими группами. Кричу, чтоб пулеметчик прочесал улицу. Сергей Вывалов сам схватил пулемет и запустил сразу чуть не полный диск. Японцев как ветром сдуло с улицы. Двое или трое упали, остальные скрылись за домами.

Успех захвата причалов сам собою тянет нас вперед. Отставать и отрываться от отходящего противника сейчас никак нельзя. И матросы без задержки бегом проскакивают на ближайшую городскую улицу. Позади остались один, другой, третий дом. Японцы не задерживаются, лишь постреливают из укрытий. Но их немного, и они не могут закрепиться. Так, наседая на бегущих, взвод успел проскочить несколько

кварталов. Посылаю связных передать по отделениям, чтобы не зарвались, хорошенько осматривались, не оставили бы за спиной укрывшихся японцев.

Никандров забирает правее моего взвода, в припортовой же зоне, продвигаясь среди складских построек и жилых домов. Потом тоже углубляется в городские улицы. Между нашими взводами перебегают в город Денисин, Леонов и вся их группа. Но мне теперь уже не видно ни их, ни взвода Никандрова. Доносится только непрерывная трескотня автоматов и винтовок.

Частая стрельба слышна еще дальше, за концом причалов рыбного порта, там, где высадился со своей ротой автоматчиков Яроцкий. Перестрелка захватывает все более широкую полосу, удаляясь от берега в городские кварталы. На крайнем правом фланге роты Яроцкого наступают два взвода под командованием старшего лейтенанта Мухамедова.

Стараясь не оторваться от японцев, взвод все более принимает влево, в юго-западном направлении, к берегу реки Сусончхон. Разрыв с группой Леонова и взводом Никандрова расширился настолько, что непосредственного стыка у нас теперь нет. Отделения рассыпались широкой цепью и прочесывают улицы, застроенные мелкими, в основном одноэтажными домиками.

По нескольким мостикам проскочили канал, он тянется параллельно реке от залива в глубь города, к высотам.

Перед нами открылось довольно широкое поле, во многих местах перерезанное несколькими дорогами. Теперь взвод снова развернулся, и канал, который мы только что миновали, стал не позади, а справа. По левую руку вытянулась высокая земляная насыпь, что-то вроде дамбы или дорожной отсыпки. Вместе с отделением Виктора Максимова взбираемся на нее. Это дамба, за ней снова низина и берег речки, впадающей в залив. Это Сусончхон. Остальная часть взвода продвигается по ложине между насыпью и окраинными домами.

Пока мы одолевали канал и разворачивались по низине, противник от нас оторвался. Метрах в двухстах-трехстах видны люди, бегущие к высокой насыпи, которая тянется из

города на стык с дамбой. Они торопятся к туннелям, широкой пастью зияющим в высоком земляном валу. На короткое мгновение остановившись и обернувшись в нашу сторону, вражеские солдаты делают по несколько выстрелов и спешат нырнуть в туннель, чтобы укрыться за дорогой.

Впереди четко обрисовались фермы железнодорожного моста. Японцы на подходе к нему не задерживаются и через туннель продолжают отходить дальше. Мы тоже не стали задерживаться — по дамбе и низине возле нее взвод добирается до насыпи с рельсовыми путями и с ходу ее пересекает.

На широком поле впереди опять виднеются отходящие японцы. Но теперь их стало значительно больше — не менее сотни. Видно, прибавились солдаты, отходящие из города. Раньше они были не видны за высокой насыпью. Японцы торопятся к следующей дороге, по виду автомобильной, выходящей из города к реке. Там перекинут шоссейный мост через Сусончхон. Из города по дороге выкатилось несколько автомашин, видны повозки, все они стараются скорее поспеть к мосту. Спешат удрать из города на юг, перебраться за реку.

Участок, по которому сейчас наступает мой взвод, изрезан паутиной магистралей: сюда выбегают окраинные улицы, их пересекает опоясывающая город полукольцом автострада, тут и несколько железнодорожных путей, левее нас — река, а правее — довольно широкий канал. И везде на пересечениях — то насыпи, то выемки, то виадуки, то мосты и переходы. Это очень удобные места, чтобы закрепиться и ударить огнем по десанникам. В узкостях нас можно крепко зажать и отхлестать. Но японцы не воспользовались этой возможностью. Очевидно, ими никто не командует, и они беспорядочно отступают. Нам это на руку, и мы быстро проскакиваем одну преграду за другой.

Приказываю передать по цепи, чтобы матросы бегом одолели участок до шоссе и перехватили его. Но теперь продвигаться приходится уже под огнем, противник простреливает всю эту полосу из винтовок и пулеметов. Чем ближе дорога и мост, тем огонь становится плотнее. Уже не

одиначные пули, а сотни их изрыгают три пулемета, бьющие от моста и с шоссе. Сначала матросы пригибаются и останавливаются на мгновение, приседая или даже распластываясь. Но вот бойцы залегли, перебегать дальше стало невозможно, обстрел прижал моряков к земле.

III

Послал связного передать Тихонову и Бывалову, чтобы их отделения ползком приближались к шоссе, не прекращая ответного огня. Максимову и Овчаренко с отделениями, поскольку они шли по самой насыпи, приказал, перейдя дамбу и укрывшись за нею, бегом рвануться к мосту. Бойцы сообразили, в чем дело, и, воспользовавшись этим хорошим укрытием, обезопасившим их от настильного обстрела, очень быстро проскочили оставшиеся до моста метров полтора-ста.

Но перед самым мостом им вновь пришлось залечь. Укрывшись в канавах, за бетонированными обочинами, за оградительными столбиками, да и прямо с дорожного полотна японцы стреляют непрерывно. Из-за угольника перед въездом на мост бьет пулемет и прямо-таки втирает людей в землю.

Похоже, что на насыпи оказался офицер и ему удалось собрать какую-то организованную группу. Они залегли на подходах к мосту и теперь отбивают нашу попытку взять его. Но мы с ходу успели подойти на слишком близкое расстояние. Японцы не догадались взять под обстрел прямо с моста низину между дамбой и рекой. Она хорошо укрыла десантников. Но выскочить из-за нее на мост нельзя. Сразу попадаешь под обстрел пулеметов.

Отделения Тихонова и Бывалова теперь, по существу, в мертвом пространстве, пулеметные очереди стригут траву позади них.

Из города катятся к мосту еще несколько машин. Кричу, чтобы выбивали японцев с дороги гранатами, надо последним коротким рывком овладеть сейчас въездом на мост. Ребята хорошо понимают обстановку, медлить нельзя: нас тут

зажмут и будут выбивать на выбор или отобьют от моста, и тогда магистраль останется в руках японцев.

Под прикрытием огня бойцов Максимова и Овчаренко вплотную подползли к шоссе со своими отделениями Тихонов и Бывалов. После минутной передышки в сторону японцев полетели гранаты, кто-то удачно метнул фугаску к пулемету, и тот замолчал. Сразу же за разрывами гранат моряки поднялись и, поливая перед собой длинными очередями из автоматов, бегом бросились на дорогу. Эта короткая перебежка удалась. С ходу несколько человек высочили на автостраду.

В это время головная машина поднялась по уклону дороги и теперь могла по ровному полотну катиться прямо на мост. Противотанковая граната Виктора Соболева разорвалась перед ее капотом. На мгновение задрал нос, она остановилась и загородила собой проезд. Ехавшие в ее кузове японцы тут же начали выскакивать на другую сторону и, укрытые за машиной, убегать в канаву. Из нескольких автоматов наши полоснули по ним. Два-три человека, простроченные очередью, так и повисли на борту кузова.

Разведчики теперь не только на шоссе и у въезда на мост, но по обочинам магистрали и по канавам все более продвигаются к окраинным домам. А оттуда навстречу еще катятся машины. Стоит сплошная стрельба, в разных местах рвутся гранаты. Сейчас большинство своих разведчиков я не вижу, командовать и управлять ими невозможно, каждый действует самостоятельно. В эти минуты все зависит от находчивости, сообразительности и умения бойца. Я что-то кричу, распоряжаюсь, но моих команд не ждут, да едва ли и слышат. И я, как и все, стреляю по бегущим японцам, по машинам, бросаю в кузов одной из них выхваченную из-за пояса «лимонку».

В нескольких местах на дороге возле остановившихся машин наши и японцы сошлись вплотную. Схватка тут рукопашная, стреляют в упор, колотят друг друга чем попало, кто автоматом, кто ножом, кто, схватившись, борется, пытаюсь пересилить своего недруга. Это какая-то суматошная драка,

она совсем не похожа на классический рукопашный бой, которому нас учили до войны с трехлинейкой...

Все мелькает быстро: с криком, со стрельбой люди бросаются друг на друга, бьются с тем, кто с кем схватился, кто оказался ближе и попался на глаза, не раздумывая и не взвешивая, сильнее он тебя или слабее... Тут самое главное — не пытайся убежать, побежишь — и тебя непременно настигнет какая-нибудь пуля. Японцы не выдержали нашего напора, побежали. Молодой матрос Андрей Будник не осилил японца и упустил его, тот бросился бежать в сторону от дороги, надеясь укрыться в высоких зарослях кукурузы. Командир Будника Бывалов кричит ему:

— Бей из автомата...

Будник вскинул висевший на шее автомат и очередью пришил японца к земле. Но в ту же минуту и сам вскрикнул и упал: может, случайная, а может, и посланная в него пуля не пролетела мимо.

В кузов одной из машин вскочил Костя Ермаков и схватился с замешкавшимся там японцем. Держа в одной руке отобранную у него шашку, другой он пытается вырвать у неприятельского солдата его карабин. Автомат Ермакова болтается у него на шее. Никто ему не помогает, все заняты своим делом: кто отстреливается, кто ползет по канаве, кто бросает вперед гранаты. Бой медленно, метр за метром удаляется от моста все ближе к городским зданиям. Ермакову наконец удалось отнять у японца и карабин, изловчившись, он пальнул ему в грудь из его же ружья, тот рухнул на дно кузова. Выскочив из машины, Костя бежит ко мне. Левая рука его в крови. Оказывается, японец успел-таки во время этой драки раз выстрелить и пробил Ермакову кисть левой руки. Отрядный санинструктор Тярасов затащил Ермакова в канаву и делает ему перевязку.

А кругом все еще свистят пули и слышатся взрывы гранат. Хотя морякам удалось оттеснить японцев несколько вдаль от моста, перестрелка продолжается возле последних машин, вдоль шоссе, по канавам. Японцы отстреливаются из-за каждого укрытия, но удержаться не могут и отходят в

город. Со мной на шоссе вблизи моста — лишь несколько человек.

Кто-то из матросов, укрывшись за оградительным бортиком с левой стороны дороги, кричит, что за бетонным угольником у въезда на мост залегли японцы и теперь стреляют в спину тем нашим десантникам, что продвинулись далеко вперед по дороге. А мы остановились совсем рядом и в общем шуме не расслышали этой стрельбы.

Приказал бросить за ограждение несколько гранат. Майоров, Огир и Фетисов бросают туда осколочные. После разрывов стрелять оттуда перестали. Бегу сам посмотреть, кто же был за этим угольником. Только высунулся за кромку, словно прутом хлестнуло по лицу, и я инстинктивно отпрянул назад. Теплая струйка покатилась за воротник. Прикоснулся рукой к щеке — на пальцах осталась кровь.

Подбежал Тярсов, объясняет, что я ранен и меня надо перевязать. Теперь кровь уже заливает левый глаз, и я им не вижу. Успел крикнуть, чтоб подкинули японцам еще фугасок. Присел на асфальт. Костя протирает мне лицо и делает перевязку. Говорит, что рана небольшая, пуля рассекла лишь кожу по виску.

А в это время вдоль шоссе перестрелка не смолкает. Наши постепенно оттеснили японцев метров на шестьсот. Вместе с оставшимися при мне разведчиками решаю бежать по канаве туда, где матросы сошлись с японцами вплотную. На мгновение посмотрел за угольник, из-за которого по нам стреляли. Лежат три убитых японских солдата и раненый офицер, по поганам — поручик. Он-то и стрелял в меня в упор из своего карабина. Я счастливо отделался, а ему осталось жить несколько минут.

Перебегаем шоссе и по канаве, то пригнувшись, то ползком, добираемся до отделения Овчаренко.

Краснофлотцы Фетисов и Дегтярев ползком тянут по канаве на плащ-палатке своего командира Виктора Максимова. Он без сознания. Спрашиваю, где его ранили. Фетисов отвечает, что у самого въезда на мост, в тот момент, когда Максимов фотографировал рукопашную драку Ермакова с японцем в кузове автомашины. (Бойцам Максимова и ему

самому вменялось в обязанность фиксировать на фотопленке все важное во время боевой операции.) Откуда-то со стороны поля, видно из зарослей кукурузы, японец угодил Максиму в ногу разрывной пулей.

Архип Фетисов рассказывает о ранении своего командира, а сам с трудом удерживает слезы. За два месяца он успел душой привязаться к Максиму. И сейчас, в бою, Архип все время был поблизости от него — Виктор держал его при себе, напарником. Но когда выбивали японцев из машин, Фетисов увлекся и не заметил, как пуля настигла Виктора. Потому он и терзается сейчас. Круглое лицо его жалостливо вытянулось, губы кривятся в гримасе, как будто он вот-вот заплачет, но брови нахмурены, сошлись у переносицы, а глаза сурово поблескивают. То, что он проглядел командира, не уберег его в бою, Архип тяжело переживает. И не наказания или осуждения друзей страшится он. Душевная жалость к товарищу, обида за свою промашку обливают кровью его сердце. И этот молодой девятнадцатилетний паренек нашел в себе силы не поддаться плаксивому настроению, не убиваться безысходным горем. Сколько я его видел — он старался искупить вину, которую сам за собой признал. То он в последней группе прикрывал отходящих, то бежал впереди тех, кому надо было пробить дорогу через японский заслон для остального отряда, то сам просился у меня в поиск. Все время в деле, все на глазах.

Посылаю связного к командиру отряда вызвать к нам доктора Гончарука, а бойцам приказываю дальше Максимова не тащить, положить тут в низине, быстрее найти Тярасова, чтобы сделать Виктору перевязку. Сами по канаве бежим дальше.

Метрах в двадцати, у раскидистого, ветвистого дерена, между канавой и обочиной дороги, натыкаюсь на убитого десантника. Он опирается на свою полуавтоматическую винтовку, склонившись до земли. Стоял он на коленях, стрелял прямо из канавы, прислонившись спиной к дереву, а не укрывшись за ним. Еще с моста я видел этого солдата: тогда он присел возле дерева и стрелял по японцам вдоль по шоссе.

Перевернул его и заглянул в лицо. Это солдат из высадившейся с нами роты автоматчиков. В суматохе высадки он оторвался от своих и прибил к нашему взводу. Видно, из числа молодых, необстрелянных бойцов. Почему-то он оказался в бою не в пилотке, а в фуражке с ярким кантом. Может, из лихачества: кое-кто из матросов тоже любил покрасоваться в бою в бескозырке. А может, просто по неопытности. Пуля попала ему прямо в лоб, чуть пониже звездочки. Метко стрелял японский стрелок, видно принял солдата по малиновому околышу фуражки за офицера. Немного не дожидаясь победы этот русский паренек, лишился жизни на корейской земле, на которую ступил всего лишь какой-то час назад. Совсем короткой оказалась для него эта война...

По канаве одолели еще метров двести. Тут вдоль края дороги, за бортиками, на скатах и в канавах потянулась цепочка наших бойцов. Упрятались за бетонными столбиками, за оградительным бордюром и шпарт очередями из автоматов. У японцев огонь реже, но звучнее: они отстреливаются из карабинов и винтовок.

Перебираюсь от Овчаренко к Бывалову. Матросы стреляют по японцам, которые укрылись в домах поблизости, спрятались за заборами. Отходить они перестали. Засели в каменных зданиях и отстреливаются теперь из винтовок, держат нас на почтительном расстоянии. Мы сблизиться с ними тоже не можем — автоматы наши их мало беспокоят. Запала для атаки у нас нет, да и соваться к укрывшимся японцам опасно. Если только обходом. Но оставлять захваченный мост взводу нельзя. А растянулись мы до предела. Так залегли друг против друга и перестреливаемся.

Постепенно огонь начинает слабеть. Приказываю Бывалову, Овчаренко и Тихонову выставить и замаскировать на этом рубеже посты, остальных бойцов отвести немного назад, подготовиться на случай, если японцы вознамерятся контратаковать нас. Надо расположить цепочку десантников по обеим сторонам дороги, захватив метров полтораста-двести в одну и другую сторону. Нам никак нельзя пропустить японцев к переправе. Сам со связным отправляюсь к мосту, где остались бойцы отделения Максимова вместе со

своим раненым командиром. По дороге идти еще не рискуем, возвращаемся опять по канаве.

На шоссе стоят отбитые у японцев полдюжину грузовых машин, три легковые. Часть все же успела в начале боя развернуться и умчалась обратно в город. Два грузовика совсем сгорели, остались от них лишь металлические остовы. Кругом следы только что утихшей схватки: на дороге и в канавах еще лежат неубранные погибшие японские солдаты — их наберется десятка два, валяются стреляные гильзы, асфальт во многих местах исковеркан гранатами, выщерблен пулями, кое-где тлеет и дымит сухая трава.

IV

Поднимаемся по насыпи к въезду на мост. Теперь тут тихо. Людей на проезжей части нет, они спустились к подножию насыпи, укрылись, где можно, у подходов к мосту. Он теперь в наших руках, японцы проскочить по нему на юг уже не смогут. И с той стороны подкрепления в город беспрепятственно не доберутся.

Напряжение спало, вспомнил, что надо закурить. Достал из-за голенища набитую про запас свою выдавшую виды трубку и жадно затянулся. Удивительно приятна бывает эта первая затяжка после нескольких часов острого нервного возбуждения. Только солдат может объяснить то блаженство, которое испытываешь от перекура после боя. Тут даже необязательно выкурить всю трубку или сигарку, для первого раза достаточно нескольких глубоких глотков ароматного дыма. Уже потом, когда успокоишься, можно не спеша, смакуя и переговариваясь с товарищем, выкурить еще не одну трубку или «козью ножку». А теперь лишь несколько торопливых затяжек.

Большинство разведчиков-североморцев издавна привязались к трубкам. Разными путями добывали их себе — мастерили сами, покупали, выменивали, приобретали свои и заграничные. Трубка на войне, особенно для разведчика-десантника, имеет много достоинств: табак расходуется экономнее; не надо доставать и беречь такую дефицитную в во-

енное время вещь, как бумага, а нам, разведчикам, вообще из газеты крутить сигарку не полагалось — по окурку неприятель может сделать некоторые выводы; в темноте огонь от трубки не заметен; при холоде горячая трубка руки греет, а когда табак совсем кончится и без него не вмоготу — посошей пустой мундштук, и застоявшийся запах хоть немного побудоражит кровь.

Пока докурил трубку, молодые матросы-тихоокеанцы Дегтярев и Фетисов, впервые попавшие в настоящую боевую схватку, перебивая друг друга, возбужденно рассказывают, как торопились к мосту, как громили автоколонну.

— Когда японские пулеметы положили нас на землю перед мостом, ну, думаем, конец свету, не подняться больше, покосят тут всех, так и останемся в этой ложбинке лежать навсегда. Аж небо показалось с овчинку. Ан нет, оказывается, не конец, еще не самое страшное. И тут нашелся выход. Спрятались за насыпь — и пулеметы не достигают. Опять ожили. Думать, выходит, везде надо, а прижали — быстрее соображай, осматривайся, да не торопись выскакивать. Прикинь, куда лучше бежать или ползти. И долго тоже не лежи, а то страх одолеет, не посмеешь вновь от земли оторваться. Как за насыпью глянули, что до моста можно проскочить без опаски, — тут уж и без команды кинулись вперед. Подобрались вплотную — гранатами по японцам, еще рывок — и мост наш.

Радуются ребята, хорошо, говорят, получилось. И ни царапинки у них ни одной, и машины не пропустили, да и японцев покосили немало.

Фетисов что-то еще хотел сказать, а Дегтярев спешит со своим — как сбили японцев с дороги и вытряхнули из машин. Выскочили, говорит, на шоссе — машины навстречу. Запустил он очередью сразу чуть не на полдиска. И про гранаты забыл. А тут Соболев киданул. И пошла... Машины встали, японцы кто стреляет, кто прыгает через борт и бегом удирать. «Не успеваю поворачиваться, куда и стрелять. Прижал голову к плечам, пригнулся и не сразу пойму, что делать... Кругом пальба, пули и осколки свистят, не разберусь, вдруг попаду в своего. Такая суматоха — не сразу пой-

мешь, в какую сторону и кинуться. Выскочил за машину, вижу, японец спрятался за колесом, боком ко мне. Запустил по нему очередь — смотрю, свалился. А следующая машина горит, я от нее в сторону, вдруг взорвется...»

— Ребята молодцы, уже схватили первую науку. Очертя голову в пекло не суются, — хвалит Фетисова и Дегтярева Петр Карачев. Он помощником у Максимова. Бойцы от похвалы сразу притихли, смутились, как будто своим рассказом сами напрашивались на поощрение.

Оставив ребят, я отправился к группе командования отряда. На поляне, слева от дороги, недалеко от окраинных домиков, расположились Денисин и Леонов. Тут развернулся штаб десанта первого броска, здесь же наш полевой лазарет. Поблизости целым табором расселись на земле не менее сотни горожан. Начавшийся бой загнал их сюда. Тут женщины с детьми, немало мужчин, одетых в простую одежду, есть и довольно интеллигентного вида люди. Кто они такие, нет ли среди них японцев, а может быть, и переодевшихся военных — пока разобраться трудно, надо расспрашивать самих сидящих. Наш переводчик присел на корточки около группы корейцев и о чем-то беседует.

Корейцы говорят, что они хотели укрыться за городом, в сопках, но не успели. А при опасности решили быть возле русских моряков, чем поближе от японцев. От них добра не жди. Что стричь шерсть на спине черепахи, что надеяться на доброту японского самурая — одинаково.

Немного поодаль от корейцев, в сторонке Денисин и Леонов допрашивают пленных. Их четверо: трое солдат и один унтер-офицер. Двоих захватили ребята из моего взвода и двоих бойцы Никандрова.

Чуть позже Леонов коротко сказал мне о показаниях пленных. Общих замыслов старшего командования гарнизона они не знают, никаких приказов на этот счет пока не объявляли. О возможности советского морского десанта предупредили. Но полагали, что выброска может быть предпринята завтра или послезавтра. Они никак не думали, что Тихоокеанский флот столь быстро, буквально на следующий день после Начжина, предпримет десантную высадку в

Чхончжин. Уж очень короткий перерыв. Видно, русские подготовили крупные силы для десантов, раз столь быстро и, по мнению пленных, даже рискованно высаживают один десант за другим. После сегодняшнего утреннего появления советских торпедных катеров на подходах к бухте Чхончжина было приказано готовиться к отражению возможного десанта. Но на такой небольшой интервал никак не рассчитывали. По своему опыту они считали, что пройдут еще сутки или двое, пока после разведки сможет подойти десант к их городу. Столь быстрой высадкой мы смешали все их планы. Правда, они еще не догадываются, что это десант первого броска. Думают, что высадилось уже довольно много наших сил.

Для отражения попытки десанта к Чхончжину подтягиваются подкрепления из Нанама и подходят подразделения, стоявшие вблизи границы и отступившие через Унги и Начжин. Так что завтра и послезавтра они ожидают очень ощутимую поддержку за счет этих сил.

Узнав об этих надеждах японцев, мы сами рассчитываем упредить их, полагаем, что первый и второй эшелоны придут раньше, чем подтянутся японские подкрепления.

Мой помощник Семен Агафонов уже доложил Леонову, как взвод пробивался к мосту и захватил его, как перехватил автомашины и отбросил японцев назад в город.

В той стороне, где расположился взвод Никандрова, и оттуда, где, по расчету, должна находиться рота Яроцкого, все еще слышится стрельба. Правда, она не столь сильная, как полчаса назад, но все же чувствуется, что передышки там еще нет.

Сказав Леонову, что бой на участке моего взвода утих, а матросы готовят вдоль шоссе укрытия на случай, если японцы предпримут атаку, я пошел посмотреть наших раненых, навестить там Максимова.

Виктор лежит на травяной подстилке. Глаза его закрыты. Тимофей Гончарук на мой немой вопрос отвечает, что положение его неважное. Сердце сжимает жалость. Неужели опять такая жертва в этих завершающих боях? И на севере в конце войны отряд постигло непоправимое: буквально в последнем бою при освобождении Печенги погибли наши ве-

тераны Анатолий Баринов, Александр Манин, Иван Лысенко, Владимир Фаткин...

Озорной, словоохотливый, остроумный Макс — Максимов пришел к нам почти три года назад, после тяжелых потерь, понесенных отрядом осенью 1942 года. За последующее время Виктор очень многое постиг в науке разведки, уже более года он командует специальным отделением. Максимов настолько сросся со своими боевыми товарищами, стал своим и близким в нашем кругу, не слишком падким на внешнее проявление сердечной привязанности, что как-то трудно представить отряд без него или его в каком-то другом месте. Он, наверное, не пропустил ни одной операции, а может, даже побывал во вражеском тылу больше кое-кого из тех, кто пришел в разведку вместе с ним. Хранящего в своей памяти неисчерпаемое множество всяких затейливых историй, Виктора часто можно было видеть в окружении товарищей. Перебирая пальцами, как бы стараясь размять свою непослушную шевелюру, чуть-чуть картавя, он не спеша, с серьезной миной, потешал друзей несусветными историями и анекдотами.

Жизнь Виктора очень похожа на судьбу многих его сослуживцев по флоту. Детство и школьные годы прошли в Ленинграде, городе, которому история уготовила роль родоначальника русского флота. Правда, в семье его моряков не было.

Ленинград всегда всей своей жизнью был связан с морем, с Балтийским флотом. Накануне Великой Отечественной войны и после нее базы Краснознаменной Балтики были вынесены далеко на запад, перед флотом открылись дальние горизонты и новые широкие просторы. А до этого основная масса моряков находилась в Ленинграде и в Кронштадте. На глазах ленинградских мальчишек и юношей кипела их жизнь. Многие буквально с младенчества впитывали в себя обычаи и традиции флота, мечтали о морской романтике.

Увлекся морем и Виктор Максимов. И когда после окончания школы его спросили, куда он пойдет дальше, у него был готов ответ: в Высшее военно-морское училище. Ино-

гда с грустью он говорил нам, что учебу эту он принужден был прервать по здоровью и отправился служить на север. А тут и застала его война.

Был он хорошим спортсменом, особенно хорошо плавал и некоторое время служил в Полярном инструктором по плаванию. Как и всем другим разведчикам отряда, в то время называвшегося добровольческим, Максимову после настойчивых просьб удалось добиться перевода в семью морских разведчиков. В своем рапорте на имя командования флота он просил оказать ему доверие, чтобы тут, на севере, драться за истерзанный, осажденный врагом, но несгибаемый родной Ленинград. И написано это было в рапорте не для красивой фразы. Коммунист Максимов выдержал высший экзамен своей принадлежности к партии.

Как-то в операции на мысе Лангбюнес в Северной Норвегии отряду удалось неожиданно напасть на немецкую автоколонну и разгромить ее. Отделение Максимова, как и другие разведчики, укрылось за высокими снежными буграми, за зиму накопившимися при очистке шоссе. Когда более десятка фургонов поравнялись с десантниками, одновременно в головную и хвостовую машины полетели противотанковые гранаты. Сразу же возникла пробка. В суматохе внезапного ночного нападения бойцы Максимова выпотрошили немцев из нескольких задних машин. Те, кто оказал сопротивление и пытался бежать, — навсегда остались на том холодном норвежском берегу, четырех офицеров скрутили и на надувных резиновых шлюпках доставили на катера. Собрав штабное имущество, матросы подожгли машины и подорвали пушку, которую немцы везли на прицепе.

Немецкие артиллеристы так были ошеломлены неожиданным ночным нападением и парализованы бесцеремонностью, с какой их вытряхивали из автомобилей, что никак не могли уразуметь, что на них напали русские матросы, и заплетающимся языком бормотали что-то невнятное. Только оказавшись на катере, они пришли немного в себя и тогда объяснили, что им показалось, будто колонну обстреляли советские ночные самолеты.

Или еще такой случай. Командованию флота надо было

выяснить характер обороны противника на одном из приморских участков. Предстояло это сделать очень скрытно, неприятель не должен был ни в коем случае узнать о пребывании наших разведчиков на этом берегу.

В операцию отправилось отделение Максимова. Долго и тщательно готовились бойцы к выполнению задания.

Высадили их на вражеское побережье глубокой штормовой зимней ночью. Пройдя по пурге около двух километров до назначенного места, разведчики зарылись в снег и стали ждать рассвета. За ночь снежным бураном не только занесло их следы, но и засыпало самих так, что обнаружить можно было с трудом.

При свете короткого полярного дня разведчики делали зарисовки местности и укреплений, фотографировали боевую технику и немецких солдат, которые ходили совершенно безбоязненно и свободно. Когда наступала ночь, зарывшиеся в снег бойцы засыпали чутким сном.

Так прошло трое суток. На морозе, лежа в снегу, почти без движения, моряки зафиксировали весь распорядок немецкого гарнизона: когда сменяются наряды, как работает связь, по какой дороге и в какое время ведется сообщение с другими подразделениями, где и как расположены орудия и огневые точки. Коченеющими пальцами в блокноты было записано все до деталей.

Ушли с берега моряки незамеченными и следы своего пребывания старательно скрыли. Когда вернулись на базу, не скоро удалось залечить обмороженную на лицах и на руках кожу. А там, на чужом берегу, никто из них и не подумал, что можно встать, размяться, согреться, только снегом растирали ноющие от холода пальцы. Зато добытые сведения сберегли жизнь многих бойцов в последующих операциях.

Владел фотоаппаратом Максимов отлично и в нашей лаборатории вместе с Петром Алексеевым нередко колдовал над расшифровкой замысловатых снимков или составлял экспозиции заснятого района.

И сегодня из-за профессиональной привычки фиксировать все примечательное, схватить на пленку какой-нибудь

необычайный кадр, Максимов так увлекся, что забыл на время про осторожность.

Доктор перевязал Виктора, дал что-то утоляющее боль. А что еще можно сделать в походных условиях?

Гончарук говорит, что если удастся вскоре доставить Виктора на базу, то можно надеяться на благополучный исход. Пока же ему нужен полный покой. А как же его не трогать и не тревожить, если каждую минуту японцы могут заставить подняться и быстро переместиться в другое место? Уж если прижмут и придется уходить отсюда — только кому-то из крепких матросов надо будет нести его на плечах.

Виктор пришел в себя, потяжелевшим взглядом обвел нас, склонившихся над ним, пересохшими губами чуть слышно попросил попить. Горлышко фляги стучит о зубы, струйка воды течет по щеке на шею и за ворот гимнастерки. Напившись, откинул голову и снова замолк. Я постоял еще с минуту и больше не смог тут оставаться: тяжелым камнем и на меня навалилась постигшая Виктора беда.

Леонов приказал Владимиру Оляшеву и Николаю Зубкову помогать Гончаруку, ни на минуту не оставлять Максимова. Сейчас только он в таком тяжелом состоянии. Все остальные наши раненые могут ходить сами.

V

День стал клониться к вечеру. Уже пятый час. Денисин и Леонов передали донесение командованию флота о результатах высадки десанта в Чхончжин и об обстановке в нем.

Из штаба флота получили радиограмму, в которой вице-адмирал Фролов сообщил, что Военный совет возлагает на сводный десантный отряд задачу держаться в Чхончжине в ожидании подкреплений дольше, чем это было предположено первоначальными расчетами. Выход первого эшелона из Владивостока задержался, придет он в Чхончжин только завтра утром, а не сегодня, как предусматривалось планом. В ближайшие часы для поддержки будет высажена еще одна

пулеметная рота. Надо во что бы то ни стало продержаться в городе до утра, сохранив за собой захваченный плацдарм.

Известие это нас не обрадовало. На плацдарме десантников всего полторы сотни, а вражеских войск в городе и его окрестностях не менее четырех-пяти тысяч, и что они предпримут за это время — еще неизвестно.

Сейчас очень нужен был бы сведущий «язык», чтобы выведать о планах японского командования. Те несколько младших чинов и рядовых японских солдат, которых успели допросить, пока ничего путного о намерениях своего командования нам не рассказали. Удалось лишь выяснить у них примерную численность гарнизона, расположение основных оборонительных сооружений.

Уже много лет в Чхончжине размещается кавалерийский полк. Казармы его в северо-западной части, на окраине города. В городских казармах живут солдаты пехотного полка. Вчера и на рассвете сегодня и пехотинцы и кавалеристы почти все были выведены из казарм и отправлены на оборонительные рубежи севернее города. Остальным приказали находиться в городе и в порту и быть готовыми к отражению советского десанта. Утром поездом из Нанама приехали курсанты офицерского училища.

Не исключено, что вражеские солдаты, питая еще какие-то надежды на благоприятный поворот событий для себя, стараются скрыть от нас нужные нам сведения.

Решили попытаться порасспросить корейцев, может быть, они помогут нам пролить свет на замыслы японского командования. К тому же это хорошая возможность проверить правдивость показаний японских военнослужащих.

Отозвав в сторону нескольких горожан, спросили их, что они знают о численности японских войск в городе, были ли пополнения в последние дни. Все они вполне искренне, как нам кажется, стараются помочь нам и рассказывают, что видели и слышали. Они тоже подтверждают, что сил у японцев тут много. Как началась война, никакие части из города ни на север, ни на юг не уходили. Сколько точно солдат в гарнизоне — это, конечно, было для них секретом, но, наверное, тысячи три или четыре, а может быть, и больше.

Много японцев на батареях полуострова Комалсандан и на оборонительных позициях вокруг города, но туда корейцам было запрещено соваться под страхом смертной казни. На карте они показали, где, в каких местах японцами установлены береговые и зенитные батареи. Танков, говорят, в городе нет, их тут не видели. Военные корабли были раньше, крупные приходили редко. А небольшие военные суда, но с пушками, наверное сторожевики, ушли из бухты дня три назад.

После допроса пленных и разговора с горожанами не остается никакого сомнения, что японцы не собираются оставлять Чхончжин, более того — они пополняют гарнизон подкреплениями. Оборонительные рубежи на подступах к городу удерживаются постоянным гарнизоном, орудия береговых и зенитных батарей сохраняются на своих позициях. А все это означает, что город этот взять и удержать так бескровно, как Унги и Начжин, нам не удастся, за него придется еще драться и на улицах, и на внешнем поясе. В этой тревожной обстановке нам надо найти в себе силы удержаться на плацдарме самое малое полсуток, если не больше.

— Что подкрепления подойдут не скоро, пока людям не говорить, нечего зря их нервировать, — предупреждает нас Леонов. — Займите их возведением оборонительных укрытий, проверьте место у каждого, как оборудуют огневые точки. Чтоб все диски и магазины были заряжены. После вашего доклада все осматривайте сам.

По пути к своему взводу пытаюсь прикинуть, почему так опаздывает первый эшелон, но строить догадки бесполезно и они не дают ничего утешительного. Видно, случилось что-то непредвиденное, так просто командование оставить нас на ночь одних не могло. Уже позже стало известно, что посадка как первого, так и второго эшелона на десантные суда заняла больше времени, чем было рассчитано планом. Это оттянуло время их выхода из порта, а соответственно, и прибытия к месту назначения. Поэтому все сдвинулось не на минуты, а на многие часы.

Военные действия на востоке с первого же дня приобрели исключительно скоротечный характер. Темп развертыва-

ния боевых операций даже для нас был непривычным. Через два дня после начала войны мы уже высадились во вражеский порт, не прошло еще суток — и снова, не заходя на свою базу, высадка в другой город. Лишь короткая пятичасовая передышка — и опять десантная выброска уже в третий город. И каждый раз прямо в порт, на городские причалы. Мы задумывались над этими быстрыми и дальними рывками, понимали, что за ними кроется какой-то важный замысел. Но полного объяснения найти, конечно, не могли. Пытаясь теперь проанализировать события тех дней, я прихожу к мысли, что мы сами способствовали этим быстрым темпам. От нас командование флота узнало об отходе неприятельских войск из Унги и Начжина, о сосредоточении их вблизи Чхончжина. А раз так, то штабу флота, командующему стало возможным принять решение о форсированном наступлении флотских соединений по восточному корейскому побережью. Несомненно, наше флотское командование знало об успехах фронтов, наступающих по сухопутью. Что управление вражескими войсками в значительной степени удалось парализовать — это тоже уже было известно. Перевес в силах в нашу пользу был неоспорим. И командование, надо полагать, решило использовать эти благоприятные преимущества. Потому-то нам, десанникам первого броска, пришлось вертеться как чертям на сковородке. Конечно, наши столь быстрые высадки сбивали японцев с толку, деморализовывали японских солдат. А это имело весьма немаловажное значение.

Но в такие короткие сроки посадить, отправить и высадить целые десантные соединения, видно, флоту приходилось с перенапряжением сил. И вот в этой обстановке десанникам первого броска пришлось не только разведывать обстановку и захватывать плацдармы, но и держаться на них за счет упорства, стойкости, превосходства в вооружении и боевом мастерстве.

Теперь, более двадцати лет спустя после этой операции, этот очень существенный недостаток признан и в официальной печати. В вышедшем недавно военно-историческом очерке «Тихоокеанский флот» прямо указывается: «Сейсин-

ская десантная операция имела и ряд существенных недостатков, главный из которых — чрезмерно растянутая по времени высадка войск. Нарастивание сил в порту проходило медленно, что ставило десантников порой в крайне тяжелое положение».

Эту мысль подтверждает и последняя высадка отряда в Вонсан. Но об этом позже, в своем месте.

Тогда, в те часы, мы всего этого не знали, могли только догадываться. И раньше, еще на севере, не раз случалось, что приходилось держаться на плацдарме совсем не столько времени, сколько рассчитывалось до выхода в операцию. Так, думали мы в тот момент, случилось и в этот раз. Горько, нерадостно это сознавать. А держаться надо. Только так выполнишь задачу. Только в этом лучшая возможность сохраниться самим.

Приказано держаться — ищи и думай, как это выполнить. Перекинулись об этом с Сашей и расстались.

Никандров пошел в свой взвод, Гугуев и Толстиков побежали для передачи приказа в роту автоматчиков.

Ходер и Гузненков вместе с переводчиками отправились к корейцам, намереваясь побеседовать с ними.

Мы с Агафоновым обошли все отделения нашего взвода, посмотрели, как устроился каждый из десантников, еще раз предупредили, чтобы ничто не застало их врасплох. Убежденный, что все будет в порядке, я вновь вернулся к группе командира отряда, оставив во взводе Агафопова.

Леонов ушел к Никандрову. В ожидании его я отправился к Ходеру и Гузненкову послушать их беседу с корейцами.

Неторопливо один за другим горожане рассказывают о событиях последнего времени. О том, что военные действия могут вот-вот прийти в Чхончжин, его жители поняли на второй-третий день войны.

Они давно уже мечтали об освобождении своей родины от японских оккупантов и потому с радостью встретили известие о наступлении Советской Армии.

После вчерашнего прорыва в бухту нескольких торпедных катеров мирное население стало уходить из города. Люди двинулись в горы, подальше от риска, от возможности

оказаться в зоне боев, где будут свистеть пули и рваться снаряды, которые не разбирают ни правого, ни виноватого, ни военного, ни гражданского, ни корейца, ни японца. Ушло большинство жителей. Те, кто остался, думали переждать еще денек-другой, им казалось, что бои могут докатиться сюда завтра-послезавтра.

— Что-то теперь будет, — спрашивают они, — вдруг сражение затянется, завяжутся тяжелые уличные бои и люди пострадают?

И они просят нас, чтобы мы как-то быстрее разделались с японцами, скорее и раз навсегда изгнали их из города, сохранили бы жизнь и имущество корейцам.

Гузенков старается уверить их, что наши войска взяли город всерьез и не оставят его, что им нечего бояться возвращения колонизаторов. Но в душе мы вовсе не убеждены, что все обойдется удачно, что горожанам опасаться не следует.

На всем участке отряда наступило затишье. Японцы отошли куда-то в глубину города. Может, собираются с силами или продумывают, как перехитрить нас.

Мы с Никандровым присели в сторонке, закурили. Я спросил Сашу, как дела у него во взводе, что он слышал о роте автоматчиков.

Его взвод, рассказал мичман, занял оборону правее группы командования, сомкнувшись флангом с ротой автоматчиков. Река Сусончхон и железнодорожный мост через нее теперь у него за спиной. Весь берег от моста и до самого устья, до залива в руках десантников. От японцев его полностью очистили.

Когда мой взвод, продвигаясь вдоль насыпи и по низине, оставил позади себя железнодорожный мост и устремился вслед за японцами к шоссе, отходящие из города японцы бросились к железнодорожному мосту, надеясь перебраться на юг через него. Тогда Никандров несколько оттянул своих бойцов с городской окраины и отрезал подходы к мосту.

Около часа японцы, прикрываясь ружейным и пулеметным огнем, пытались пробиться к переправе, но матросы

успели залечь крепко, и сбить их не удалось. Не добившись успеха и, видно, решив не терять больше зря людей, остальные вражеские солдаты отошли в город.

После этого Никандров снова несколько продвинулся вперед, и теперь его бойцы выбирают позиции и готовят укрытия на случай оборонительного боя. Убитых у него пока нет, но ранено трое. Высадившуюся одновременно с нами роту автоматчиков, похоже, японцы пощипали крепко, там долго шла частая стрельба, и связные сообщают, что много раненых относили в сторону порта.

Никандрову удалось поговорить с двумя бойцами этой роты. Они рассказали, что японцы намеревались оттеснить роту обратно в порт и сбросить ее с причалов в залив. Несколько раз они пытались сблизиться с автоматчиками вплотную. Но десантники отбили все атаки. Командир роты Яроцкий как будто ранен. Связь с двумя взводами, которыми командует старший лейтенант Мухамедов, непостоянная, но они удерживают участок между торговым и военным портом.

Когда взвод Никандрова овладел железнодорожным мостом и стбил все попытки японцев пробиться на другую сторону реки, мичман решил оттеснить их от окраинных домов и иметь перед собой пространство пошире, чтобы уберечься от неожиданного нападения. Разведчики быстро проскочили пустырь и добежали до окраинных домов. Часть японцев бросилась убежать по улицам, другие засели в домах и продолжали отстреливаться. И хотя уличные бои для нас еще тоже в новинку, ребята успели уже приладиться и хорошо забрасывают дома гранатами. Сам Никандров, прострочив очередью из автомата одного японца, заскочил во двор и почти в упор столкнулся с двумя вражескими офицерами. Мичман, наставив автомат, крикнул, чтобы те подняли руки вверх. Но один офицер бросился на него с саблей. Никандров успел отразить удар автоматом, а Володя Оляшев, заметивший, что командир взвода нырнул в калитку один, кинулся следом и, прыгнув сбоку, треснул японца автоматом по голове. Другой офицер счел за благоразумие просить пощады. Володя отвел его в лагерь, где собралось уже немало

пленных. Саша говорит, что Оляшев молодец, не сплеховал, а то худо могла кончиться для мичмана эта «экскурсия».

Пока беседовали, трубки наши докурились до конца. Постучал о каблук, выбил пепел, засунул трубку за голенище, попрощался с мичманом и отправился к себе.

VI

Снова возвращаюсь к своему взводу. Разведчики, как и час назад, пока я отсутствовал, попарно растянулись по всему участку вдоль шоссе. Лежат возле укрытий, сооруженных из того, что попало под руку. Уже прошло часа три, как наступило затишье.

Я подошел к Овчаренко. Рядом с ним лежат Соболев и Огир. Обсуждают стычку у мостов, прикидывают, как держаться дальше, если японцы опять полезут.

— Немцы старались охватить с флангов, проскочить в тыл. В лоб ходить они не любили. А самураи к переправам лезли напролом. Думали, у нас нервы не выдержат, — сравнивает Павел Огир.

— А огонек у них слабоват, — оценивает Соболев, — бьют из винтовок и карабинов, автоматы не слышны.

— Но бьют прицельно, на выбор. Мы вон привыкли из автоматов запускать очередями. А тоже бы надо поспокойнее выбирать цели, — поучает Овчаренко.

— Тут ухо держи остро, японцы, пожалуй, тоже что-нибудь придумают, чтоб не набивать больше шишек при лобовой атаке, — продолжает вслух размышлять Огир.

— Сегодня им оставалась узкая горловина, а проскочить уж очень хотелось. Увидят, что нас мало, растянут линию и будут обтекать, — поддерживает его Овчаренко.

— Мы тоже не лыком шиты, еще полезут — снова врежем, чтоб дух вон, — обещает Соболев.

— Ты, Виктор, рановато грозишься. Как бы и нам по физиономии не надавали. Разберутся — глядишь, вновь возьмутся за нас. Нельзя их подпускать близко, — предупреждает Овчаренко.

— Не оставляйте больших разрывов, продолжайте де-

лать укрытия, выбирайте сектора для прицельного огня, — советую ребятам.

К нам подошел Гузненков. Присел, прислушался к разговору десантников. Я поинтересовался, что нового. Никаких, говорит, утешительных известий еще нет. Предложил мне пойти посмотреть, как расположились разведчики моего взвода.

По пути я его спросил, где Денисин, что-то его не видно. Иван Иванович ответил, что, прихватив с собой Агафонова и еще двух автоматчиков, полковник под покровом темноты ушел куда-то в сторону порта. Перед уходом в сторонке вдвоем разговаривали с Леоновым. Этот уход полковника меня заинтриговал и обеспокоил. Я об этом с тревогой прямо сказал Гузненкову.

Надо сказать, что участие полковника в нашей небольшой группе первого броска беспокоит не только меня. Ведь он занимает важный пост — начальник разведки флота, ему очень многое известно. Не дай бог, что случится. Мы сейчас как в только что разворошенном осином гнезде. И оттого беречь полковника надо строже глаза. А он куда-то ушел. Прикидываем, где и как искать, если срочно потребуется. Пытаюсь выжать из Гузненкова, не знает ли он еще чего. Иван Иванович предполагает:

— Денисин в прошлом сухопутный офицер, при действиях на берегу командование рассчитывает на его знания. К тому же, — добавляет он, — театр здешний полковнику лучше известен, давно на востоке служит.

Однако эти доводы не показались нам самим достаточно убедительными, чтобы посылать в такую рискованную операцию полковника, владеющего сведениями о всей разведке флота. Уж очень большая ставка в игре. Оправданна ли? Да и у нас опыт не настолько мал, чтобы не доверять выполнение операции без высокого куратора.

Ухватываемся еще за одну мысль, которая бы объясняла такое решение. Военные события нарастают в слишком быстром темпе, они обгоняют ранее разработанные планы. Почему противник отходит, оставив без боя уже два приморских города? Где японцы намерены остановиться и дать нам

бой? Все это не может не занимать командование. Может, для того, чтобы посмотреть на ситуацию глазами офицера, наделенного более широкими сведениями об оперативной обстановке, и послали сюда полковника?

— Я подозреваю, что тут есть что-то общее с нашей вечерней прогулкой в Унги, — предполагает Гузненков.

Вернулись они часа через полтора. Я спросил Агафонов, где они были. Семен что-то невнятно пробормотал, не сказав ничего путного. В тот раз мы так и не узнали истины. Да она нас больше и не занимала. Было не до того. Раз полковник вернулся, поблизости возле нас — все меньше волнуешься за его судьбу. Будет туго — за него-то мы сумеем постоять. Уже позже другие события пролили свет на эту высадку Денисина. Настрога затаившись, во вражеском тылу обосновались разведчики, подготовленные и посланные Денисиным. Получить от них быстро сведения из первых рук, в усложнившейся обстановке дать им ориентировку, направить на нужное дело — вот почему двинулся в такой опасный маршрут полковник Денисин.

Около десяти часов вечера притихшие было японцы опять всполошились. Мы с Тихоновым лежали в это время в его отделении и прикидывали, с какого направления вероятнее всего могут в темноте они двинуться. Вдруг на участке взвода Никандрова застрочили из пулеметов и автоматов, а через минуту в перестрелку втянулся и весь мой взвод. При вспышках выстрелов и изредка взлетающих ракет видно, как японцы короткими перебежками стараются сблизиться с отрядом. Наткнувшись на частокол наших автоматных очередей, падают и лежат сперва неподвижно. Потом, не поднимая головы, стреляют наугад. Мне удалось разглядеть, как с полдесятка их пытаются ползти в нашу сторону. Но матросы заметили ползущих и перенесли на них огонь автоматов. Пострадал ли кто из них — неясно, но больше они не шевелятся. Может, кто и затаился. Тут стрельба из-за домов и заборов участилась. Десятка два японцев высочили из укрытий и кинулись в нашу сторону. С флангов и посередине нашей цепи резанули по ним из пулеметов.

Японцы не выдержали и залегли. Сбить нас рывком им не

удалось. Но и отходить назад тоже, видно, не хотят. Укрывшись кто за чем попало, они палят по нам из винтовок и карабинов. Ущерб от этой стрельбы мы не несем, но поднять голову почти невозможно. Теперь нас от японцев отделяют метров восемьдесят-девять. С той стороны изредка, как только утихнут тарахтенье пулеметов, слышатся резкие крики. Мы отстреливаемся из пулеметов и автоматов длинными очередями, стараемся не дать японцам подняться в атаку. Гранаты лежат на земле, под рукой, чтоб кинуть, если побегут на сближение.

Атакуют нас примерно рота. Это немного, против такой силы мы можем выстоять. Попытка японцев сбросить нас в реку и прорваться к переправам захлебнулась. Еще минут тридцать-сорок продолжаем изредка стрелять. Потом стрельба с той стороны стихла, японцы стали отползать назад. У меня во взводе потерь нет. Не знаю, как у Никандрова. Едва ли ощутило пострадал и противник. Поняв, что их постигла неудача, что прорваться через наш заслон не удалось, японцы отошли куда-то к центру города.

Как выяснилось позже, через день, эта попытка сбросить отряд и снова овладеть мостами не была изолированной. Тогда же японцы насели на роту Яроцкого, надавили на Мухамедова. В эти часы наиболее ощутимые потери понесла пулеметная рота, о высадке которой на побережье между торговым и военным портом мы в то время еще не знали.

На всем участке отряда и дальше к заливу, к Яроцкому, бой прекратился. После неугомонной трескотни как-то непривычно тихо. Ночь окутала все кругом. Тьма непроглядная. Лежим в укрытиях, а от беспокойства все еще щемит в груди: как бы под покровом ночи японцы не подкинули нам какую-нибудь новую каверзу. Тревожусь и за своих разведчиков: усталость наваливается на людей, как бы утомление не сморило их.

Но матросы сами чутьем угадывают беспокойство и потому пристально всматриваются в темноту, вслушиваются во все шорохи и звуки, переговариваются изредка и шепочком.

том. Будь у каждого из нас шестое чувство — и оно бы приспособилось предупреждать нас об опасности.

Агафонов со связным пошел на крайний левый фланг, к Бывалову, посмотреть, нет ли там опасности, не осталась ли какая лазейка, через которую можно подобраться к нам вплотную или даже оказаться у нас за спиной. Если японцы и не предпримут сейчас новую атаку — ночь надо держаться, не сомкнув глаз. Зазеваешься — и поминай как звали. Бойцы крепятся, держатся, стараются отогнать сон, но через силу — уж очень они измотались.

Возвратился Семен и доложил, что за участок Бывалова беспокоиться не надо. Посоветовались с ним, как быть, и решили попеременно ходить по отделениям, проверять людей, чтоб кого-нибудь не сморило изнеможение. Да и нам с ним тоже не легче. Голова у меня болит, рана под повязкой ноет.

Походили мы так с час, видим, что надо находить что-то другое. Семен предложил менять людей местами: перемещение бодрит, к новому сектору приходится заново присматриваться, прислушиваться, осваивать участок.

После полуночи стало держаться совсем неважко. Веки сами собой закрываются даже на ходу. Когда прохожу по цепочке взвода — вижу, что почти все курят, стараются табаком поддерживать бодрость. Приказал передать по отделениям, чтобы матросы по очереди подремали. Оставив в группах дозора по два человека, остальным улечься поблизости и поспать. Договорились с Семеном, что и мы прикорнем поочередно.

Укрывшись за бетонным бордюром по обочине шоссе, мы с Дмитрием Соколовым лежим в отделении Степана Овчаренко. Оставив за себя Петра Карачева, Дмитрий пошел отдохнуть. Но, говорит, не спится, что-то беспокойно на сердце, вот и прилег рядом с нами. Тут же два молодых краснофлотца — Влас Никулин и Семен Хазов. Никулин спрашивает:

— А не могли японцы отойти из города по другим дорогам?

— Отчего же... Без имущества и без тяжелого вооруже-

ния могли и воспользоваться каким-нибудь путем в обход, — объясняет Овчаренко.

— Едва ли, — сомневается Соколов. — Скорее всего они сейчас собираются с силами, приводят себя в порядок.

— Пожалуй, следует ожидать, что утром они опять навалятся на десантников, — поддерживаю я Соколова.

— Поспел бы к этому времени первый эшелон, — высказывает теплящуюся у всех мысль Хазов.

Смотрю я на него и на Никулина и невольно сравниваю с собой: вот такие же «зеленые» и мы были, когда начинали войну. Только нам было куда труднее, чем им: рядом с нами тогда не было набравших опыта боевых товарищей, вооружены мы были куда хуже. Нам, кто постарше и поопытней, надо помочь им овладеть наукой разведки.

Никулин русоволос, светлоглаз, с широким русским лицом. Среднего роста, плотный, точно литой, немного неуклюжий и чуть медлительный. Рассудителен, нетороплив в разговоре, больше слушает и ждет, что скажут другие.

Хазов смугл, черные волосы обычно зачесаны на пробор. С небольшим восточным разрезом смородинные глаза его долго не задерживаются ни на ком, постоянно перескакивают с одного собеседника на другого. Фигура жилистая, сухопарая, но крепкая, как бы свитая из мышц. Он порывист, горяч, часто пытается вставить свое слово в речь товарища или даже старшего.

Двое их, таких горячих, моментально вспыхивающих, с бьющей через край энергией в отделении Степана Овчаренко — Семен Хазов и Костя Джагарьян. Оба, как говорят о них в отряде, «заводятся с полоборота». И сейчас Хазов нет-нет да и пытается вклиниться в разговор. Неторопливый и немногословный Овчаренко быстро умеет их охладить. Попади они к Тихонову — ходить бы им постоянно с наказаниями за свой заводной характер.

За разговором не заметили, как прошло почти полтора часа. Подошел Агафонов, говорит, что поспал, теперь подежурит. Я отошел чуть в сторону, завернулся в палатку и задремал.

VII

Ночь прошла, занялась заря. Рассветает, видно все отчетливее и дальше. Около 5 часов утра. Поднявшийся за ночь над рекой и низиной небольшой туман почти совсем рассеялся. Солнце вот-вот вынырнет из моря.

Мы с нетерпением ждем прихода подкреплений. Поступившая недавно из Владивостока радиограмма обрадовала, что первый эшелон должен прибыть в Чхончжин часам к пяти-шести утра.

Из отделения, укрывшегося в дозоре на другой стороне шоссе, прибежал Архип Фетисов. Соколов послал его доложить, что до роты японцев выше по течению, примерно метров за восемьсот, за километр, переправляются вброд на левый берег реки Сусончхон.

Вместе с Агафоновым бежим к Соколову. Связного послал донести Леонову о том, что японцы начали форсировать реку. Отделение Соколова застаю взбудораженным. Ребята показывают на японцев, которые почти по грудь в воде прошли больше половины реки и совсем приблизились к берегу. Пока мы располагались в укрытиях и подтянули пулемет, японские солдаты начали выходить из воды и, сразу рассыпавшись по берегу, укрылись в густых прибрежных зарослях не то камыша, не то кукурузы или гаоляна.

Огня мы не открываем, стрелять из автоматов бессмысленно, японцы вне досягаемости нашего оружия. Бежать к тому участку, где они вышли из воды, и поздно и неразумно: одному-двум отделениям с ходу ничего не сделать, а по пути большое поле высокой кукурузы. Под ее укрытие вчера и скрылись разбежавшиеся японцы. Они могли прятаться там до утра. Ночью мы туда не рискнули сунуться.

Леонов приказал обоим взводам развернуться вдоль дороги, чтобы встретить переправляющихся японцев. Со вчерашнего вечера и за ночь мы никак не ждали нападения японцев из-за реки. Она была у нас за спиной, и мы готовились, что японцы скорее всего вновь будут атаковать нас из города. А они появились на фланге. Нам пришлось поспешно оставить те укрытия, которые соорудили к ночи, и вытягиваться для боя возле шоссе. Тут кое-где сохранились неко-

которые из вчерашних наших немудрящих сооружений из камней, обломков, разломанных ящиков, разбросанного груза из машин, когда после захвата моста мы отбивали наскоки японцев на шоссе. Мы вновь воспользовались ими. Но всем не хватает, и бойцы быстро подбирают что можно и устраивают мало-мальски прикрытые огневые точки.

В это время далеко позади, где-то за военным портом, похоже даже с полуострова Комалсандан, донеслось громахание разыгравшегося боя. Разобраться в первые минуты трудно, но нам кажется, что там сейчас завязалась перестрелка либо с подразделением Мухамедова, либо скорее всего с той пулеметной ротой, которая должна была высадиться ночью.

Залегли вдоль шоссе и не сводим глаз с поля впереди нас. Видно, как колыхнется во многих местах высокая кукуруза. Японцы все шире растекаются по ее зарослям и, укрытые за сплошной стеной стеблей и метелок, все ближе и ближе подходят к дороге.

Я распорядился, чтобы запустили по колышущейся кукурузе несколько очередей из пулеметов и из автоматов. Оттуда ответили из винтовок. Стрельба донеслась и со стороны взвода Никандрова.

Приблизившись к кромке кукурузных посадок, японцы залегли, стреляя из винтовок и карабинов. Вытянувшись вдоль дороги еще дальше, чем мог охватить своим взводом Никандров, они намереваются обойти его фланг, пересечь шоссе и просочиться отряду в тыл. Никандрову будет держаться там трудно. Стараясь стрелять возможно прицельнее и беречь боезапас, матросы короткими очередями прочесывают край кукурузного поля. Там укрылись японцы. Огонь у нас довольно плотный, и они не рискуют подняться в атаку, мы еще удерживаем их на земле.

Прошло минут пятнадцать-двадцать, из-за реки ударила минометная батарея. Пачки мин стали рваться на поле позади отряда. Пока они никакого ущерба нам не приносят, японцы еще не пристрелялись, но это оружие очень неприятное: оно достает тебя в канаве, в окопе, за горкой, повсюду нащупывает своим навесным падением. Я их очень не

люблю с давних пор: однажды в 1942 году на небольшом пятачке немцы буквально кромсали нас из минометов. А такие подвижные подразделения, как наш отряд, вооруженные только легким стрелковым оружием, совсем беззащитны против минометов, подавить их нечем, приходится или прятаться в недоступном для мин месте, или отходить из зоны обстрела.

Разрывы постепенно приближаются к нашему боевому порядку и, чего доброго, вот-вот нащупают нас. На насыпь перед мостом на той стороне реки въехала японская автомашина со счетверенной пулеметной установкой. Нам отчетливо видно, как пулеметчики копошатся у пулеметов, но достать мы их не можем. Приладившись, они запустили по нашему берегу четыре струи трассирующих очередей. И тут же звонко ухнули несколько пушечных выстрелов: недалеко от насыпи японцы выставили пушки малого калибра, вроде наших противотанковых «сорокапятки». Снаряды стали рваться позади отряда на поле и на нашей ночной позиции.

Огневой налет сейчас настолько сильный, что не только перебегать, но и голову поднять стало нельзя. Люди лежат, стараясь вжаться в землю, втиснуться в нее, выискивая взглядом любое, хотя бы маленькое убежище, к которому можно было при крайней нужде переползти и спрятаться. Мы лежим в канавах, в водостоках, в бетонных трубах, но это не окоп и не блиндаж. Распластался ты на земле под таким огнем, и кажется, будто тебя раздели догола: над тобой свободное широкое пространство пустого неба без кровли, и оттуда, сверху, спереди и с боков, на тебя, как из жаровни угли, вытряхивают массу свистящего, завывающего, скрежещающего металла. В такую минуту так хочется, чтобы тебя кто-то поддержал огнем, прикрыл бы хоть немножко сверху какой-то кровлей.

Лежать под таким обстрелом стало невыносимо трудно. И все же лежать безопаснее, надежнее, чем пытаться бегать в поисках укромного места. Только поднимешься — мигом скосят.

Уже более получаса длится этот обстрел. Самураи подползают все ближе. Умолкнет обстрел — и кинутся на нас.

Лежу я под большим толстым деревом. Отчетливо вижу, как метрах в двухстах от Никандрова десятка два японцев перескочили шоссе и побежали в обход, заходя отряду в тыл.

А в это время через реку вброд переправилось еще до роты японцев. Они бегом кинулись на подкрепление к тем, что залегли в кукурузе, чтобы броситься в атаку. Положение наше, мягко говоря, совсем незавидное. Противник превосходит нас более чем вдвое. Обстрел продолжает бушевать, разрывы не умолкают ни на секунду. Еще немного, они нас нащупают, пристреляются и тогда искромсают отряд на кусочки.

Еще хуже, если под прикрытием этого обстрела они охватят нас с флангов и возьмут в клещи. Тогда придется драться в окружении на маленьком «пятачке». Чем все это может кончиться — понимают не только командиры, но видят и бойцы.

Ко мне по канаве приполз связной Гузненкова Борис Белавин. В короткие паузы между разрывами он кричит мне на ухо, что Денисин и Леонов решили отвести отряд из-под артиллерийского и минометного обстрела. Борис показывает, куда я должен отходить со своим взводом.

Как только углубимся в город и нас перестанут настигать мины и снаряды — подобрать позицию и закрепиться. Связь держать непрерывно.

Я кивнул головой, что понял. Борис пополз обратно. Следом за ним я дополз до трубы, на четвереньках перебрался через нее на другую сторону, вылез и прикинул путь, по которому надо будет провести взвод.

Вернувшись, послал связного передать Тихонову и Соколову, чтоб начали отползать назад. Сам по канаве добрался до Овчаренко. Ему и Бывалову с отделениями пока прикрывать отходящих, а затем попеременно оставлять зону обстрела и самим.

Вижу, как первыми оказались на другой стороне дороги Соболев и Резник, наверное, Тихонов послал их выбирать маршрут. За ними, пригнувшись, перебежали Тихонов и Похилько. Следом ползут и остальные. Зубков и Оляшев протянули по канаве на палатке Максимова, умудрились прота-

щить его через бетонную трубу и поползли за бойцами Тихонова. Отошло все отделение Соколова.

Сказав Овчаренко, чтоб он прикрывал всех и оставил участок последним, поползли и мы со связным. Оказавшись снова на другой стороне дороги, залегли переждать, пока посигналят передние. Воспользовавшись паузой между залпами миномета, перебежали метров пятьдесят и шлепнулись за бугорком. Обернувшись, посмотрел на оставшихся у дороги. Отходит и Бывалов со своими, продолжает отстреливаться Овчаренко.

Перебегаем и переползаем мы за дорожной насыпью, по канавам и по трубам. Скопившиеся для атаки японцы нас не видят. Не заметив нашего передвижения и не поняв замысла, они не пытаются преследовать нас. А скорее всего они не могут сунуться под свой же минометный и артиллерийский огонь, который отсекает их от десантников. И японцы продолжают дубасить минами и снарядами почти опустевший участок. Мы же, пользуясь этим отсекающим огнем, по двое, по трое без потерь проскочили простреливаемую ложщину.

Оказавшись вблизи домов, до которых минометы не достают, я посигналил оставшемуся у дороги Овчаренко. Степан со своими бойцами ползком и перебежками тоже отходит в нашу сторону. Соколов и Тихонов уже добрались до крупных домов. Туда же двигаемся мы с Бываловым. Отходит от дороги и Никандров. Но на его взвод, видно, наседають перескочившие дорогу японцы, оттуда слышна почти непрерывная перестрелка.

Наконец, японцы опомнились, поняли, что мы ушли у них из-под носа, бросились было следом за нами, но тут же, попав под разрывы своих мин и снарядов, залегли на поляне перед насыпью. Нам остается лишь воспользоваться этим удачным обстоятельством. Не стали задерживаться у окраинных домов и успели оторваться от наседающих японцев.

Рассыпавшись на мелкие группы, мы по трое, по четверо, то перебежками, то крадучись шагом, продвигаемся вдоль улиц, прижимаясь вплотную к зданиям и к изгородям. Всех своих бойцов я сейчас не вижу, взвод отходит по двум

улицам, дворами и переулками. Японцы нас преследуют, стреляют, но на близкое расстояние мы их не подпускаем. Прикрывающему нас отделению Овчаренко приходится туго, но послать ему на подмогу я никого не могу. И на городских улицах стало небезопасно. Все чаще раздается стрельба то спереди, то с боков. Разведчики забрасывают окна гранатами или стараются обходить опасные места.

Мы торопимся соединиться со своими, собраться воедино, стараемся избежать окружения и близкого боя в городских кварталах.

Послал связного к Леонову, чтоб доложить, где мы находимся, и спросить, как действовать дальше, закрепляться ли в зданиях или отходить к северу.

Леонов передал, чтоб отходили к северной окраине, к Пхохондону. Там, на высоте, отряду сосредоточиться в одном месте. После этого будем искать возможность соединиться с десантом морской пехоты, если он высадился. Если же у высоты наткнемся на крупные неприятельские силы и пробиться на нее не удастся, то любой ценой прорваться в сторону военного порта и там закрепиться. Это второй вариант возможного места сбора отряда.

Агафонов пошел к Тихонову и Соколову, чтобы с ними быть впереди взвода, выбирать путь к Пхохондону. Связной побежал к Овчаренко сказать ему, чтобы Степан продолжал прикрывать отход.

Мы с отделением Бывалова оказались на довольно широкой улице. Чуть впереди и влево — Тихонов и Соколов, а позади — Овчаренко со своим отделением. Изредка постреливают то наши, то японцы из-за домов и из окон. Не сразу и разберешь, где свои и где чужие. Привыкаем ориентироваться по стрельбе: наши пускают очереди из автоматов, а японцы бьют из винтовок и карабинов. А вот пулеметы я еще различаю нетвердо. Перебегаю, отстреливаюсь, а самого сверлит неотступная мысль — как бы не запороться в какую-нибудь дыру, не оторваться далеко от взвода Никандрова и от командира отряда. Уже с полчаса мой взвод пробивается самостоятельно, лишившись локтевого контакта с Никандровым. Посылал к нему и к Леонову своих связных, но они

вернулись ни с чем: в ближайших двух-трех кварталах обнаружить своих не удалось.

Перебираясь в отделение Тихонова, мы со связным наскочили на тройку наших ребят. В небольшом дворике нас окликнули. Заглянув в сооружение, напоминающее беседку, первым увидел Владимира Оляшева. С ним Николай Зубков, а на полу на плащ-палатке лежит Максимов. Объясняют, что остановились тут передохнуть. Как начали отход от реки, Оляшев несет Максимова на спине, а Зубков выбирает маршрут и охраняет их. Оляшев тяжело, прерывисто дышит, гимнастерка не только на спине, но и на груди насквозь промокла от пота и потемнела. Вижу, что Володя устал, вымотался. А это очень крепкий матрос. Его выносливости, силе, упорству может позавидовать любой разведчик, а мастерству хождения на лыжах — лучшие лыжники флота. Еще на севере Владимир был чемпионом и рекордсменом по нескольким дистанциям. Позже, в послевоенные годы, он стал одним из лучших лыжников страны.

Посидели несколько минут. Подняв Максимова, положили его на широкую плотную спину Оляшева. Виктор ухватился ему за шею руками и повис на спине. Двинулись на поиски своих. Впереди мы с Майоровым, а позади, в прикрытии — Зубков.

Прошли метров триста, пересекли пару переулков, несколько дворов и наткнулись на отделение Тихонова. А рядом с ним, впритык, и Соколов со своими бойцами. Всей этой группой снова пошли вперед. Несколько позади и вправо должны отходить Бывалов и Овчаренко.

Так мы дошли до окраинных домов в северной части города. Нам удалось оторваться от японцев. Стрельба сюда совсем перестала доноситься, тут тихо, и японцев как будто поблизости нет. Во всяком случае, они ничем себя не выдают.

Позади остались крупные дома. Мимо мелких прилепившихся друг к другу домиков — чибби — поднимаемся все выше и выше по уклону. Миновали последние постройки и по тропинке пошли на вершину высокого холма. Бывалов и Овчаренко тоже поднимаются со своими бойцами. Видно, как в

нескольких местах лезут, карабкаются по склону в гору группками по три-пять человек наши десантники.

Так под нажимом неприятеля отряд оставил захваченные вчера по берегу реки Сусончхон позиции и, не удержавшись в городе, отступил на пригородную высоту. Так мы вышли из-под непереносимого для нас обстрела и избежали окружения в городе.

Тигр теряет силу,
покидая горы, рыба — воду.

Корейская пословица

ВЫДЕРЖАТЬ И УСТОЯТЬ

I

С высоты, на которую поднялся отряд, более отчетливо видна панорама города. Теперь большая его часть перед нами как на ладони. Ниже нас, у подножия, пригород Чхончжина — Пхохондон. Далеко к югу осталась река Сусончхон, а за рекой обширный заводской район. В кварталах, примыкающих к бухте, заметно какое-то движение, временами взлетают облачка разрывов. Похоже, что в той стороне продолжается бой.

Часы показывают десять утра. Солнце поднялось довольно высоко и основательно припекает. На открытом месте, без малейшей тени, сидеть жарко. Так и хочется куда-нибудь упрятать голову. На эту же сопку вместе с нами пробились часть бойцов из роты Яроцкого, примерно взвода два. Наши здесь почти все, оторвалась и осталась где-то в порту лишь небольшая группа Кости Тярасова. Сейчас здесь спокойно: ни стрельбы, ни японцев поблизости нет.

С момента вчерашней высадки нам впервые удалось собраться всем вместе и посмотреть друг на друга. Все сильно осунулись, давно не бритые, заросшие щеки запали, глаза ввалились и лихорадочно блестят, в речи и в движениях нет возбуждения, обычно заметного в первый момент после

боя. Матросы обессилели, и нервное и физическое утомление теперь дает себя знать. Появилось желание хотя бы короткой передышки.

Сбросив рюкзаки, снаряжение с гранатами и боеприпасами, моряки в изнеможении развалились на траве. Даже дальних дозоров сейчас не выставили: подходы со всех сторон хорошо просматриваются.

Неописуемое блаженство овладевает человеком, когда ему удастся расслабить мышцы, прилечь и растянуться, дать облегчение телу после такой длительной нагрузки, когда ты был стянут ремнями и поклажами, когда тебя отягощал груз оружия и боеприпасов, а ты сто раз пропотел, и не только тельняшка, но и гимнастерка от пота насквозь промокла, просолилась и, высыхая, стала жесткой, как брезент. Не худо бы в эту минуту окунуться в воду, смыть с себя грязь, пот и сбросить усталость. Но воды нет. Десантники прилегли на траву, еще сохранившую свежесть, и приходят в себя.

Леонов и Гузненков обходят отряд, советуют быстро переобуться, подтянуть амуницию, зарядить опустевшие магазины автоматов и подкрепить всухомятку. Если противник не принудит нас принять бой на этой высоте, то нам самим надо пробиваться к морю, где все-таки должны быть корабли и давно пора бы высадиться первому эшелону.

Денисин и Ходер с радистами стараются установить связь с главной базой. От нас там ждут доклада об обстановке за сегодняшние утренние часы, а нам непременно надо знать, где же батальон морской пехоты, что должен был высадиться в город сегодня поутру. Кто и с кем ведет перестрелку на полуострове Комалсандан, чьи бойцы продолжают бой в военном порту — подошли ли к городу армейские части по сухопутью, высадился ли десант или там отстреливаются два взвода, возглавляемые Мухамедовым, а может, там та пулеметная рота, которая была высажена вечером. Нужна связь не только с главной базой, надо непременно войти в соприкосновение с другими подразделениями десанта. Иначе нам невозможно решать, что же дальше делать.

Никандрову Леонов поручил выделить из своего взвода группу бойцов и направить их в разведку в сторону военного порта. Может быть, им удастся установить контакт с десантниками, которые непременно должны быть в припортовом районе и на Комалсандане. Группе велено поискать слабый участок во вражеских позициях на пути от Пхохондона к порту.

Никандров посылает в разведку Николая Зубкова с полудесятком десантников. Слегка вздернув свои бесцветные брови и моргнув короткими ресницами широко расставленных глаз, между которыми примостился немного приплюснутый нос, Зубков ответил Никандрову «Есть» и пошел собирать своих спутников.

Минут, через десять, подготовив оружие, переобувшись и оставив рюкзаки, они вшестером стали спускаться по юго-восточному склону сопки в направлении жилых кварталов города.

Я присел на рюкзак. Гончарук решил сменить мне перевязку. Бинт на голове пропотел, затянутый вчера неплотно, сегодня при перебежках и ползании сбился и теперь временами скатывается и закрывает оба глаза. Его приходится то и дело придерживать рукой.

Однако снять повязку не удалось, пропитанный кровью бинт подсох к ране и при разматывании вызывает нестерпимую боль. Размотав лишь несколько витков, доктор обрезал его вокруг раны и оставил присохшую часть как тампон. Затем, не спеша, перебинтовал голову, получилось сооружение вроде чалмы, увенчанной красноармейской пилоткой. Теперь повязка на голове лежит плотно, правый глаз свободен, видит, а он и нужен для стрельбы.

Голова нестерпимо болит, временами подкатывает тошнота, все тело какое-то разбитое, тяжелое. Хочется лечь, закрыть глаза, вытянуть ноги и уснуть хотя бы на несколько часов. Но даже и вздремнуть сейчас не удастся. Вяло жую жесткую колбасу и привожу в порядок свое снаряжение. Связной принес только что заряженные магазины к автомату. Гранат у меня еще полдюжины, одну противотанковую вчера бросил под автомашину и одну фугасную швырнул се-

годня в окно двухэтажного дома, откуда кто-то стрелял из карабина.

Кожаев расшифровал только что полученную радиограмму. Денисин и Леонов, прочтя ее, тут же позвали нас к себе. Начальник штаба флота вице-адмирал Фролов сообщил, что сегодня утром в район военного порта Чхончжина тральщик и эскортный корабль высадили 355-й батальон морской пехоты, которым командует майор М.П. Барабольшко. Как донес Барабольшко, высадка началась в пять часов утра и прошла вполне успешно. В первый момент после выброски на берег батальон существенного сопротивления со стороны противника не встретил и почти беспрепятственно продвигался в сторону полуострова Комалсандан. При приближении к высотам на полуострове подразделения батальона наткнулись на значительное огневое противодействие неприятеля. Вынуждены были завязать бой за овладение этими ключевыми позициями противника и сейчас продолжают вести его. Продвижение батальона на полуостров поддерживают артиллерийским огнем доставившие десант корабли. С высаженной вслед за нами пулеметной ротой до сих пор связи нет. Нам предлагается установить с нею контакт и затем соединиться с батальоном Барабольшко.

Телеграмма из штаба обнадеживает: мы в городе уже не одни, подошел батальон полного состава, раза в четыре больше, чем было десантников в первом броске. Нам стало понятно, что отчетливо доносившаяся утром со стороны военного порта перестрелка — это бой батальона морской пехоты при попытке его выйти на пригородные высоты. Глухой гул пушечной канонады, который доносился до нас при переходе к Пхохондону, означал обстрел неприятельских оборонительных сооружений корабельной артиллерией.

Но где пулеметная рота, почему она не вышла на соединение с нами? Остается предполагать, что или ее высадили где-то далеко от нас, или она попала в такие трудные условия, что не смогла выполнить задание.

Десантники привели себя в порядок, прочистили и зарядили оружие, немного подкрепились. Раненых собрали в одном месте, постарались, чтобы им было возможно удобнее

лежать. Гончарук сделал перевязки, тем, кто может двигаться, рассказал, как ухаживать за недвижимыми. С двух сторон растянули плащ-палатки, чтоб хоть немного оградить их от обжигающего солнца. Сюда же собрано ставшее лишним имущество: часть опустевших рюкзаков, магазины и диски, для зарядки которых уже нет больше патронов.

Прошло каких-нибудь полчаса, и Николай Зубков возвратился из разведки. С ними поднялся к нашему лагерю взвод красноармейцев со станковыми пулеметами. Командует взводом старшина, командир взвода убит. Группа Зубкова наткнулась на них на северной окраине города, когда бойцы-пулеметчики, неся на плечах свое тяжелое оружие, начали взбираться на соседнюю высоту.

Старшина рассказал, что их пулеметную роту вчера около шести часов вечера торпедные катера высадили на побережье между торговым и военным портом. Командовал катерами капитан третьего ранга Пантелеев. При входе в залив их обстреляли из пулеметов с полуострова Комалсандан. Однако высадились благополучно, без потерь. Сбив по пути несколько мелких постов, рота, развернувшись в широкую цепь, начала осторожно, поскольку уже стемнело, продвигаться в направлении южной окраины города, где по их предположениям находился десант первого броска.

Примерно через час после высадки к ним попал раненый красноармеец. Видимо, впервые оказавшись в бою, напугавшись и не разобравшись толком в обстановке, он сказал, что отряд полковника Денисина полностью разбит, а ему чудом удалось вырваться и спастись. (Нам, к сожалению, ни тогда, ни позже не удалось установить фамилию этого красноармейца, он, видимо, погиб в ночном бою.)

Получив такое удручающее известие, командир роты не перепроверил его, а решил отказаться от заданного ему плана и не стал пробиваться для соединения с отрядом. Таким образом, это подразделение из группы первого броска, имевшее на вооружении станковые пулеметы, в которых мы как раз очень нуждались, оказалось изолированным, а наш

отряд и автоматчики Яроцкого не получили своевременно огневого прикрытия.

Рота двинулась к железнодорожной станции и наткнулась на хорошо вооруженную большую группировку противника. В вечерние часы, в темноте, не зная обстановки в городе и плана его, они вынуждены были вступить в неравный оборонительный бой.

Ночью противнику удалось разобщить роту на части, связь между взводами нарушилась. Командир роты старший лейтенант Мальцев, насколько им известно, тяжело ранен, но где он сейчас, они не знают. Потерь в роте много.

Остатки взвода оказались на северной окраине. Сейчас, на рассвете, решили пробиться из города и идти на север, на соединение с наступающими советскими войсками. В разных местах слышали стрельбу, но где свои, где чужие — понять не могли. При выходе на сопку и наткнулись на них наши разведчики.

Такие горестные сведения о судьбе роты рассказали нам бойцы этого пулеметного взвода. Леонов распорядился позаботиться о пулеметчиках и помочь им: прежде всего накормить, переобуть, заправить снаряжение, вычистить и привести в порядок пулеметы. Мы понимаем, что четыре станковых пулемета — подмога для нас вполне подходящая. Поэтому разведчики, сами очень уставшие, стараются помочь пулеметчикам поскорее превратиться в боееспособную силу.

Радистам удалось установить прямую связь с командным пунктом майора Бараболько. Ответ командира батальона нельзя сказать, чтоб нас обрадовал. Три его роты ведут бой за овладение укрепленными высотами на полуострове Комалсандан, одна рота заняла железнодорожную станцию, но затем японцы выбили ее оттуда, и она отошла в порт и там удерживает оборону. Положение батальона трудное, подразделения разобщены, две роты отбиваются в горах от наседающего противника, который почти окружил каждую из них по отдельности, связь его командного пункта с командирами рот часто прерывается. На просьбу Денисина послать часть сил для действий в городе ответил, что сделать этого

не может и сам просит полковника постараться приковать к отряду побольше японских войск, атакующих его батальон на полуострове.

Собрав в одном месте наш отряд, около двух взводов из роты автоматчиков, только что подоспевший пулеметный взвод и, рассчитывая соединиться со стрелковой ротой, которая должна быть в городских кварталах, вблизи военного порта, Денисин и Леонов принимают решение вновь возвратиться в город, выбить противника из центральных кварталов и попытаться опять захватить мосты через реку Сусончхон.

Моему взводу приказано продвигаться на правом фланге. Несколько позади меня и уступом влево пойдет пулеметный взвод. В середине, как обычно, Леонов с его группой, потом взвод Никандрова. На левом фланге будут наступать бойцы из роты автоматчиков. Если удастся соединиться со стрелковой ротой из батальона Бараболько, то той предстоит замыкать цепь наступающих.

После того как каждый из нас сверил заданный маршрут с планом города, все взводы заняли свои места и приготовились снова двинуться в город. В этот момент на нашу высоту поднялся взвод минометов, отбившийся в бою от одной из рот батальона морской пехоты. Денисин разместил его в центре, где находилось командование десанта. Сам он решил идти с оставшейся частью роты Яроцкого.

II

Примерно в половине второго этот наспех собранный отряд, многие бойцы которого даже не успели познакомиться друг с другом, спустился с высоты возле Пхохондона и начал новое продвижение в город. Первоначально на окраине японцев не оказалось. Но при подходе к одной из площадей, еще не достигнув центра города, они встретили нас залпом из винтовок и перестуком нескольких пулеметов. Японцы заранее приготовились к отражению нашей попытки пробиться в южную часть города, к пересечению магистралей, засели в нескольких больших каменных домах, укрылись за изго-

родями. Потерь удалось избежать только потому, что шли мы очень осмотрительно, все время прижимаясь к стенам домов, к заборам. Втащив минометы в отгороженный высокой каменной стеной двор богатого дома, наши минометчики выпустили несколько залпов. Пулеметы из окон второго этажа другого дома полоснули по площади, по окнам домов на противоположной стороне.

Леонов приказал по два отделения из моего и Никандрова взводов двинуть в обход по прилегающим улицам, обойти дома, в которых японцы закрепились, и постараться окружить их. Как только японцы увидели, что дело пахнет окружением, а минометы долбят их безостановочно, они покинули дома, в которых намеревались удержаться, и стали отходить в южную часть города, к реке Сусончхон.

Десантники тут же так насели на отходящих, что им больше не удалось закрепиться на удачном участке, и они не сумели остановить продвижение отряда. Теперь они разбились на мелкие группы, лишь изредка отстреливаются из укрытий и стараются скорее оторваться от наседающего на них отряда. Одиночные стрелки, упрятавшиеся в домах, на чердаках, за каменными высокими изгородями, пытаются прикрывать отход, не дать нам сблизиться вплотную. Но наши уже хорошо приладились выкуривать их из укрытий гранатами. Благо, дома у них невысокие и метать гранату в цель нетрудно.

Позже, при допросах, японцы признавали, что наши гранатометчики пришлись им очень не по вкусу. Особенно удручающее впечатление осталось у них от противотанковых гранат. Они говорили, что такой сильной штуки у них нет и они не желали бы впредь испытывать ее на себе.

Мой взвод теперь продвигается снова по тем же улицам, по которым отходил утром.

На всем пути до берега Сусончхона то и дело возникают короткие стычки с разрозненными неприятельскими группами. Очередями мы почти не стреляем: перевели автоматы на одиночные, бережем боезапас, стараемся выбирать на прицел. Японцы удержаться на городских улицах так и не могут, мы подавляем их плотностью огня: как только натыка-

емя на заслон, сразу же минометчики кидают пачку мин, а пулеметчики запускают несколько длинных очередей. У неприятеля на этих городских улицах не оказалось ни пушек, ни минометов, ни даже крупнокалиберных пулеметов.

Но на левом фланге, где с двумя взводами из роты Яроцкого пробивается к южной окраине города Денисин, стрельба почти не прерывается. Те улицы близко примыкают к торговому порту. Похоже, японцы стараются еще держаться в припортовой части.

Часа через два удалось достигнуть утренних наших позиций. Вся сводная группа вытянулась теперь за дамбой вдоль берега Сусончона и заняла тут оборону. Ближе к морю, у устья реки, залегли автоматчики Яроцкого. Под контролем десантников километра полтора-два береговой полосы, мосты через реку снова в наших руках.

Японцы с другой стороны изредка постреливают из винтовок и пулеметов. Мы почти не отвечаем: у каждого патронов осталось меньше половины, стрелять из автоматов по тому берегу нет никакого смысла. Только те из матросов, у кого полуавтоматы, держат под неослабным надзором ячейки, где укрылись японские пулеметчики и стрелки, заставляя их то маскироваться, то менять позиции. Скупое, изредка ведет огонь и наша минометная батарея: мин осталось совсем чуть-чуть. Уже больше часа лежим мы за земляным валом и как бы нехотя, а на самом деле от усталости и от скудности патронов в дисках отвечаем на вражеский ружейный огонь.

Позади нас, в сопках на полуострове Комалсандан, огонь тоже ослабел, гула артиллерии и разрыва мин и снарядов не стало слышно. Наступило подозрительное затишье: или японцы снова что-то замышляют и собирают силы для удара, или, на что каждый про себя надеется в душе, они смирились с потерей города и порта и отказались от возможности разделаться с десантниками.

Было около четырех часов дня, когда со стороны полуострова Комалсандан, из-за военного порта снова донеслись басистые раскаты грома артиллерии. Отчетливо слышно тархтенье корабельных автоматических пушек и отрывистые залпы орудий более крупного калибра. Прислушиваемся к

этому гулу и невольно стараемся угадать, что случилось в той стороне, — наступает ли батальон Бараболько или японцы двинулись на него.

Прибежал связной от Денисина и сообщил, что бойцы из роты автоматчиков, удерживающие участок невдалеке от устья реки, хорошо видят, как огонь по берегу ведут из орудий наши корабли, стоящие у причалов военного порта. В бинокль и мы различаем, как на двух-трех высотах на полуострове Комалсандан и у их подножия рвутся снаряды, там кое-где даже заметны перебегающие люди. Трассирующие очереди видны и без бинокля.

Радисты приняли радиограмму от Бараболько. Японцы предприняли одновременно наступление на все участки, занимаемые его батальоном. Удастся держаться только благодаря поддержке корабельной артиллерии.

Предчувствие худшего сбылось: японцы вовсе не намереваются оставить нас в покое. Около пяти часов вечера они снова стали обстреливать наш участок из мелких пушек и минометов. Возобновила огонь и тяжелая батарея, расположенная где-то за металлургическими заводами, но снаряды ее уходят мимо нас, в глубину полуострова Комалсандан.

Вслед за этой канонадой надо неизбежно ждать неприятельской атаки. Под разрывами снарядов и мин все чаще приходится укрываться, прятать за насыпью голову и плечи. Фронтальный обстрел нам не страшен, нас от него укрывает высокий земляной вал и выложенные из булыжника и обломков ячейки. Но позади то и дело повизгивают осколки от мин, нет-нет да и врежется какой-нибудь возле тебя в землю. Со спины мы от разрывов мин и снарядов вовсе беззащитны.

Противник начинает повторять утренний маневр: там, куда не достают наши автоматы, но все же на глазах у нас группами по десять-пятнадцать человек они обтекают фланг моего взвода, стремясь снова зайти отряду в тыл. Отделения Тихонова и Бывалова опять оттянулись назад, образовали изгиб в конце цепи и залегли вдоль шоссе.

Однако цепь удалось растянуть всего метров на полтора-ста, на большее людей у меня не хватает, и так разрыв от одного бойца до другого очень широк.

Шоссе мы держим под обстрелом, и японцам пересечь его не удастся. Тогда две или три группы их уходят еще дальше, через тоннель проскакивают на другую сторону дороги и выходят во фланг отряду. Как и утром, обходя нас сбоку, они угрожают отряду окружением. Пока их немного и охватить отряд со всех сторон они еще не в силах. Хуже будет, если с той стороны к ним подойдет подкрепления.

Держаться становится все труднее, наши легкие укрытия не выдерживают близких разрывов мин и снарядов, а закапываться в землю мы не можем, у нас нет даже лопат. Пока мы еще лежим вдоль дамбы и по шоссе, японцы сближаются, но не атакуют. Хуже будет, если они нажмут сразу с нескольких сторон. Да и приближается вечер, темнота.

От взвода Никандрова и еще дальше — от моря, от устья реки, стрельба все усиливается и нарастает. Ухо уже давно привыкло чутко улавливать все перипетии боя, где он затихает, а где накал его достигает предела, куда стреляют свои и откуда чужие.

И сейчас, прислушиваясь к тому, что делается у соседей, мы все отчетливее ощущаем, как бой на левом фланге, у моря, стал откатываться от прибрежной окраины в сторону железнодорожной станции и рыбного порта. Ко мне приполз связной Гузненкова Борис Белавин и сказал, что рота автоматчиков, не выдержав напора японцев, стала отходить от береговой дамбы к железнодорожной станции.

Теперь, при отступлении роты автоматчиков, угроза окружения всей нашей десантной группы стала еще более возможной. Денисин и Леонов решили вывести отряд из приречной полосы, чтобы избежать окружения неприятелем. Надо было во что бы то ни стало сохранить локтевую связь с автоматчиками, не допустить, чтобы японцы вклинились между нами и ими. Приказ об отходе передали по взводам и отделениям.

И отряд опять был вынужден оставить предмостный участок. Отступать под напором врага горько, обидно. Тяжело бросать то, что завоевано кровью. Еще горше на сердце, когда осознаешь, что придется вновь брать оставляемое.

А японцы опять надавили так, что десантники не смогли удержаться.

Правда, мы не бежим в беспорядке, не бросаем оружия, рюкзаков с боеприпасами, но вынуждены отходить, отползать и перебегать назад, отстреливаться и опять бежать. Отступать нам далеко нельзя. Удержать плацдарм в припортовом районе до подхода следующего эшелона приказано любой ценой. Можно, уберегаясь от минометного и артиллерийского обстрела, от атак более многочисленного врага, бросить один рубеж, отойти на другой, вернуться, опять перейти на новое место, но оставить прибрежный участок, покинуть причалы мы никак не можем.

Фланги отряда изогнулись назад и образовали большую дугу выступом к реке. Мы стараемся отходить без торопливости, чтоб японцы не погнались нас преследовать. Но они наседают на пятки. Только мы было оторвались от них и проскочили окраинные дома, надеясь за крупными зданиями пробиться в порт, как наткнулись на заслон.

Японцы залегли в укрытиях, засели в домах и встретили нас таким плотным пулеметным огнем, что мы повернули в сторону. Приблизиться к ним и применить гранаты не удалось. Путь в городские кварталы нам отрезали. Пришлось податься вправо, к прибрежной полосе между торговым и рыбным портом. Это довольно обширная низина, недалеко от того места, где вчера проходил мой взвод вскоре после высадки. Место голое, открытое, незащищенное, но по нему придется уводить отряд от противника.

Сунулись к железнодорожной станции, надеялись там уцепиться, но из привокзальных зданий вражеские пулеметчики полоснули так, что нам пришлось снова отойти назад. Подались к заливу и по песчаной косе, отделяющей железнодорожные пути от широкого устья реки с затопляемыми берегами, двинулись на побережье, в район вчерашней высадки.

Тут неприятельские мины и снаряды перестали нас достигать. Но место для боя очень неудобное: песчаная, местами заболоченная низина, никаких крупных построек и укрытий. Если японцы поймут, в какую дыру нас загнали, нава-

лятся и используют свое численное превосходство, то они могут нас основательно раскромсать, а остатки прижать прямо к урезу воды, и тогда положение отряда станет отчаянным. Мы эту опасность почуяли сразу. И потому, не пытаясь даже выставлять группы прикрытия, бегом бросились пересекать это опасное место. Японцы почему-то не воспользовались нашим невыгодным положением и не ударили по десантникам. Такая их оплошность позволила нам беспрепятственно от них оторваться и выйти к постройкам в торговом порту.

Мы за эти дни успели освоиться с повадками противника. Они плохо маневрируют минометами и легкой артиллерией, а от мин и снарядов мы как раз страдали больше всего. На коротких дистанциях у нас очень хорошая плотность огня. И потому японцы никак не могут сблизиться с нами, чтоб подмять десантников под себя, подавить их своим численным преимуществом.

Если бы японские офицеры сообразили и передвигали бы минометы и пушки в одной цепи с наступающими солдатами, положение наше оказалось бы совсем незавидным. Тогда они могли бы захватить нас где-нибудь и методично крошить. Нам остается только умело пользоваться этой оплошностью японцев.

Как только мы вышли на прибрежную полосу, беспокойство и тревожное предчувствие чего-то еще более трудного навалилось на нас. И было отчего: два наших корабля — тральщик и эскортный корабль, прекратив обстрел вражеских позиций, уходили из бухты в открытое море. Кому-кому, а моряку-десантнику особенно понятно щемящее чувство, которое овладевает бойцом, когда он, оставшись наедине с врагом на чужом берегу, провожает взглядом свои уходящие корабли. Когда корабли возле тебя — это сила. Они хоть и позади, но это надежный щит, их пушки прикрывают от нажима врага и спереди. Сейчас так и подмывало чем-то посигналить, обратить на себя внимание, чтобы корабли задержались, подождали бы нас. Но они, набирая ход, скрылись из глаз.

III

В то время как отряд продвигался вдоль железной дороги и осталось совсем немного до первых крупных домов, примыкающих к порту, к нам, размахивая руками и что-то громко крича, бросились бежать человек шесть-семь. Судя по всему, это не могли быть солдаты противника. Чуть замедлив шаг, мы подождали, пока они добегут до нас, и узнали своих. Это оказалась группа разведчиков старшего сержанта Константина Тярасова, которого сегодня рано утром Леонов направил к устью реки на стык с ротой Яроцкого, чтобы прикрыть отряд от неожиданного нападения с той стороны. После того как отряд через город отошел к Пхохондону, группа эта с нами соединиться не сумела и осталась изолированной.

Сейчас на ходу ребята возбужденно рассказывают о том, что с ними произошло. Когда японцы отрезали их от основного ядра десантников, Тярасов, Ермаков и еще трое молодых бойцов залегли у оконечности земляной насыпи, где она вплотную подходит к заливу. Эту горсточку бойцов японцы вознамерились уничтожить или захватить. Не менее двух десятков японских солдат сначала ползком приблизились к насыпи. Матросы хорошо укрылись и удачно отстреливались. Японцы несколько раз пытались пробиться на насыпь, но, встреченные огнем автоматов и гранатами, откатывались назад. Тогда они залегли и повели редкий, но прицельный обстрел. Десантники, экономя боезапас, тоже перестали стрелять очередями. Гранаты у них кончились. Группу зажали почти в кольцо. Позади их оставались только заросшие камышом плавни. Отражая наскоки наступавших японцев, матросы держались за насыпь. Но силы были слишком неравны. В перестрелке трое молодых, впервые оказавшихся в бою десантников из роты автоматчиков, были убиты, вторично был ранен Ермаков. У Тярасова и Ермакова осталось лишь по одному неполному магазину к автомату. Но они все еще сдерживали японцев, не подпуская их вплотную. Прикрывая друг друга огнем, они сумели уползти в заросли камыша и в них оторвались от своих преследователей.

Побродив некоторое время по колено в воде по высокой осотистой, выше их роста траве, они выбрались на кукуруз-

ное поле и тут укрылись. В этой кукурузной чаще они наткнулись на нескольких бойцов из роты автоматчиков, также оторвавшихся от своих во время утреннего боя. Это оказались солдаты Грищенко, Баев, Кедяров, Кальниченко. Тярсов, как старший, принял на себя командование.

Приказав строго экономить боезапас, Тярсов решил вывести группу по побережью в направлении артиллерийской канонады, надеясь в той стороне соединиться с отрядом. То чуть-чуть затихающая, то разгорающаяся с новой силой перестрелка слышалась с разных сторон: бой шел в центральной части — там отходил отряд к Пхохондону, доносилась стрельба из района между торговым и военным портом — там держались остатки пулеметной роты, шум боя слышен был и с полуострова Комалсандан. Понять, где находится отряд, они не могли, пробрались к берегу бухты и залегли в камышах, замаскировались и затаились, перестали отвечать на стрельбу и обнаруживать себя. Японцы искали их, ходили поблизости, но так и не наткнулись на эту группочку.

Тярсов решил, что пробиться через город им не удастся, лучше всего выждать улучшения обстановки, в драку с японцами не ввязываться и, если возникнет возможность, выйти на соединение со своими. Если же боя избежать не удастся, то драться до последнего патрона и живыми врагу не сдаваться. Разделив поровну оставшийся боезапас, оставив каждому по одной гранате, предназначенной только для себя, десантники стали дожидаться, когда поблизости окажутся свои.

Но надежды на удачу не возрастали. Бой удалился куда-то на север и северо-восток. Где теперь свои — неясно. Японцы ходили рядом, прочесывали улицы и побережье. Десантники укрылись хорошо и выжидали. Тярсов предложил написать письмо в политуправление флота, чтобы в случае гибели командование могло знать, что же произошло с ними и как они исполнили свой солдатский долг.

На листке из блокнота они написали: «Мы, моряки отряда Леонова, Тярсов, Ермаков, Грищенко, Баев, Кальниченко, Кедяров, выполнили свою задачу. Мы умираем, но знаем, что за нас отомстят. Прощайте, товарищи, помните нас». На

другой стороне листка добавили: «Кто найдет это письмо, просим переслать его политуправлению Тихоокеанского флота». Под этим текстом подписался каждый из оставшихся в этой группе.

Не чувство обреченности и безнадежности, а желание донести до боевых друзей правду о себе подсказало им мысль написать это письмо. Написано оно было в момент большого душевного волнения, когда их отрезали от своих, они остались крохотной горсточкой почти без надежды на благополучный исход.

К счастью, дальнейшая судьба десантников сложилась удачно. Отходящий через прибрежную полосу отряд оказался поблизости, удалось с ним соединиться, и письмо это не понадобилось.

Сейчас, рассказывая о пережитом трудном дне, Тярасов и его друзья смущенно просят не истолковывать их записку как слабость духа и неверие в спасение. Именно надежда, что их найдут, до них, хотя бы до израненных, побитых, но доберутся боевые товарищи, что не бросят их на произвол судьбы, подсказала мысль написать это письмо.

Наш комиссар забрал себе этот крохотный листок и сунул его в сумку, сказав, что в письме высказаны подлинные думы людей в тяжелую минуту. Не лицемерие и ложная красивость, а желание донести свои помыслы до политуправления флота заставило Тярасова и его товарищей в трудную минуту обратиться к партии, к Родине. Потому его надо сохранить и доставить по назначению.

— Это уж сделаю я сам, раз письмо попало ко мне, — заключил Иван Иванович.

Так эта записка попала в политдонесение, о ней писали в газетах, в книгах и брошюрах о флоте, рассказывали в беседах, разыскивали авторов даже в недавние годы.

Пока Тярасов и его товарищи на ходу поведали нам о своих злоключениях, отряд продолжал уходить в сторону военного порта. Японцы не сумели угнаться за нами и отстали, но в городе в разных местах все еще слышится стрельба. Мы стараемся теперь попасть к тем причалам, от которых недавно ушли наши корабли.

IV

День кончился, вечереет, идут вторые сутки нашего пребывания в городе. Наконец мы добрались до военного порта, это уже на полуострове Комалсандан, в северо-восточной части бухты Чхончжина.

Как только отряд собрался на причалах, Леонов приказал быстро обследовать ближайшие подходы и приготовиться драться за этот последний рубеж. Несомненно, что японцы тут нас в покое не оставят. Еще раз посмотрев план этой части города, мы с Никандровым посылаем каждый по два отделения на разведку. Горы здесь вплотную подходят к заливу, только по узкой береговой кромке проложены железнодорожные пути, огибающие северную оконечность бухты.

Бывалов с половиной своего отделения отправился на поиски наших раненых, которых мы оставили днем у Пхохондона.

Овчаренко и Тихонов со своими отделениями пошли посмотреть окрестные улицы и здания поблизости от порта. Жилые постройки тянутся куда-то в глубь полуострова, на восток. Судя по плану, тут весь полуостров до противоположного берега пересекает довольно широкая лощина. По ней и разместилась восточная часть Чхончжина. Прямо перед нами видны крупные вместительные склады, а за ними на некотором возвышении уступами взбегают по склонам жилые дома.

Никандров посылает своих людей по западному побережью полуострова, туда, где кончаются портовые постройки и железнодорожные пути, откуда бухту пересекает длинная стрела волнореза. Взяв с собой остатки отделения Максимова, мы с Никандровым и группой его бойцов занялись осмотром причалов.

Денисин и Леонов вместе с остальными офицерами, с радистами, санитарами, связными устраиваются в средней части причальных сооружений.

Пирсы добротные, капитальные, стенка выложена из огромных глыб природного камня и бетонных плит, они в сохранности, но очень сильно захламлены. Видно, что здесь побывали какие-то воинские части — во многих местах следы стрельбы, валяются гильзы, патроны. Судя по всему, тут и был высажен батальон Бараболько.

По причальной стенке проложены рельсы, на них несколько десятков платформ, часть из них с грузами. В дальнем углу на путях стоит до десятка вагонов. На другом конце на рельсах застыл в неподвижности большой порталный кран. Множество сложенного штабелями и разбросанного груза: ящики, арматурное железо, рельсы, две большие пирамиды каменного угля. Место для боя вполне подходящее, есть где укрыться, и сектора для обстрела удачные, все ближние подходы к порту можно хорошо простреливать. Хуже будет, если противник применит артиллерию и минометы — площадь для рассредоточения мала. Особенно опасен на свету будет навесной огонь с высоты, которая прямо-таки надвинулась на причалы.

Возвращаются Овчаренко и Тихонов, а вслед за ними и бойцы Никандрова. Командиры отделений моего взвода докладывают, что, как только они прошли два квартала, их обстреляли со склонов сопки и из ближайших домов. Опасаясь засады, повернули назад. Становится очевидным, что лощина через Комалсандан занята японцами. Это совсем поблизости от нас.

Бойцы из взвода Никандрова прошли по побережью около километра, затем наткнулись на неприятельский заслон, обстрелявший их. Выходит, и подходы к вражеским батареям на оконечности Комалсандана в руках неприятеля.

Выслушав донесения разведки и осмотрев портовое хозяйство, Денисин и Леонов вместе с нами присели на ящиках, развернули карту и обсудили, как расположиться, чтобы удачно охватить порт и все ближайшие к нему подходы. Мне с моим взводом поручено быть на левом фланге, держать ту сторону причалов, которая примыкает к материковой части города, сближается с торговым портом. На нашем участке как раз входят на причалы железнодорожные пути, тут несколько платформ, ящики с грузами, разбросанное железо, порталный кран. Я и расположился под его широко расставленными ногами. Над головой у меня толстенная стальная плита, а на ней в несколько рядов сложены железобетонные блоки балласта противовеса. Взвод мой сейчас как раз напротив высоты, которая вплотную придвинулась к заливу и сжимает выбегающую из города сюда дорогу.

Правее от меня Никандров. Ему приказано оборонять подходы к порту из того жилого района, который разместился по долине, проходящей поперек полуострова. Это, пожалуй, наиболее опасный участок, отсюда скорее всего можно ждать нападения. Позади Никандрова, среди платформ и грузов, укрылись Денисин и Леонов. С ними вся группа командования и обеспечения. Далее, к югу от взвода Никандрова, за концом причала и за волнорезом, заняли оборону остатки роты автоматчиков численностью немногим более двух взводов.

За прошедшие сутки, особенно в столкновениях с противником у реки, рота понесла большие потери, там убито более тридцати человек, много раненых. Состоящая в основном из молодых, совсем не обстрелянных бойцов, рота оказалась в трудной переделке. Драться приходилось в наскоро сооруженных укрытиях, часто менять место боя, перебегать и переползать под неприятельским огнем. Не обученные действовать мелкими группами, боящиеся оторваться друг от друга, не умеющие быстро приспосабливаться к местности и искать укрытия, да еще попавшие в бой в условиях города, солдаты этой роты часто попадали под губительный огонь противника. И к нам когда-то наука воевать пришла не сразу.

Мы с Никандровым развели отделения по предназначенным местам, понаблюдали за тем, как они выбрали секторы для обстрела и оборудовали укрытия. Говорить матросам о том, что здесь придется держаться во что бы то ни стало, теперь не надо — они прекрасно видят, что все сейчас зависит от них самих.

Положение у десантников незавидное: в наших руках остались только причалы протяженностью метров триста, позади нас море. Перед нами и по флангам — противник. Как он расположился и какие строит планы — мы точно не знаем.

Где-то в сопках, на полуострове и на материке, батальон Барабольшко. В непосредственное соприкосновение с ним войти все еще не удалось — между нами и батальоном вклинилось какое-то крупное неприятельское подразделение.

Люди наши измотаны, усталость буквально валит их с ног. Отряд сильно поредел, в строю теперь немногим более

сотни человек. Боезапаса осталось очень мало — всего по два-три магазина на автомат. На исходе и гранаты.

Растянувшись по всей линии причала, десантники сосредоточенно устраивают укрытые ячейки для боя. Немножко походили, поприглядывались каждый к своему сектору и начали устраивать для себя такие «берлоги», в которых можно упрятаться не только от пуль, но и от мин. Благо, материала под руками сколько хочешь. Только вот если будут бить тяжелыми снарядами, разнесут эти сооружения в пух и прах.

Торопимся все закончить, пока японцы оставили нас в покое. Таскаем балки, плахи, рельсы, мешки с зерном, укладываем все штабелями, а в голове неотступные мысли: как удержимся, скоро ли придут на выручку десантники генерала Трушина, удастся ли соединиться с батальоном Бараболько. Хочешь не хочешь, как ни отгоняешь эти мысли, но они назойливо возвращаются.

Надо бы самим пробиваться к батальону Бараболько, да сил для этого уже нет. Пойдешь ночью на прорыв — можно и остальных всех уложить. И от причалов уходить нам тоже нельзя — на этот плацдарм надо высаживаться генералу Трушину.

Наш комиссар все это время подходил то к одному, то к другому отделению, прислушивался, о чем они говорят, сам вступал в их разговор. Видимо, он почувствовал, что кое у кого в душу закралась тревога. Договорились они с Ходером и Козловым и пошли по взводам: Ходер — к автоматчикам, парторг — к Никандрову, а Гузненков — в мой взвод.

Мне слышно, как он присел к группе бойцов из отделения Сергея Бывалова и разговорился с Капустиным и Огиром. Показывая на забаррикадированные кирпичом промежутки между колесами платформ, под которыми они устроились, Иван Иванович советует им уложить еще рядок, чтобы уберечься от близких разрывов мин. Наверняка, говорит, они постараются опять стегануть нас из минометов.

Капустин спросил его, рискнут ли японцы атаковать нас ночью или оставят в покое. Комиссар полагает, что нам надо рассчитывать на худшее — скорее всего на атаку японцев вот-вот.

И он прав: чего утешать смутными надеждами. Лучше

горькая, но правда — она поможет лучше подготовиться к испытанию. И как бы мимоходом комиссар советует Капустину переложить диски к автомату поближе к себе, под левую руку, чтоб не искать их, когда надо будет заменить опустевший.

Капустин пододвинул диски, погладил их вороненую поверхность, а сам все добивается у комиссара, когда придет подмога, не скажет ли Гузненков чего нового.

Иван Иванович отвечает поговоркой: на бога надейся, да сам не плошай. Помощь придет, десант уже в пути. Но до утра он может и не подоспеть. Советует Капустину держаться поближе к своему напарнику, замечать, что будет делать тот, и оберегать друг друга.

Подошел к ним и прислушался к разговору Волосов. Улучив минуту, спросил Гузненкова, что узнали бойцы Овчаренко и Тихонова, когда ходили в разведку. Ивану Ивановичу обнадежить ребят нечем, и он, не скрывая, говорит, что японцы поджали нас вплотную, все выходы на материк заперли. Теперь мы только на «пяточке» причалов. За них и надо держаться изо всех сил. Заметив, что Волосов прихрамывает, спросил, не ранен ли тот. Николай отвечает, что за день натер ногу и теперь ступать больно. Гузненков советует ему переобуться, перевернуть портянки, мало ли, говорит, что случится, вдруг придется по-быстрому идти снова в путь, ноги у разведчика должны быть на ходу.

Потолковал он с этими ребятами и пошел дальше. А я невольно подумал: какая хорошая должность у комиссара — думать о людях, заботиться о них, близко чувствовать их душу и настроение. И самому ему, наверное, думы и тревоги ребят стали яснее. И матросу от такого разговора спокойнее; рассеивается тоска, змейкой заползающая в сердце.

Быстро, как это всегда бывает на юге, стемнело.

Из дозора с левого фланга передали, что по узкой полоске между берегом и подножием горы, не спеша, приближаются человек пятнадцать. Идут безбоязненно, открыто, одной общей группой. По всему похоже, что это возвращаются наши, ходившие на поиски раненых. Японцы так к нам не пойдут, не посмеют. Когда они приблизились метров на

пятьдесят, Овчаренко окликнул. Бывалов ответил, что они нашли раненых и возвращаются к своим.

Ребята поднялись из укрытий, чтобы встретить товарищей, помочь им одолеть только что выложенную полосу препятствий. Трое несут Максимова, двое еще кого-то из неходячих, остальные придерживают других раненых и тащат их оружие и снаряжение. На причал подошла и присоединилась к отряду последняя из наших групп. Всех разведчиков удалось собрать в одном месте.

Бывалов доложил Леонову, как, укрываясь за мелкими окраинными домами, прячась за кустарником и деревьями, они прошли по склону горы около километра и наткнулись на наших раненых, оставленных у Пхохондона. Днем, когда отряд ушел в наступление к реке Сусончхон, оставшиеся на сопке зорко следили не только за подходами к высоте, но и за тем, куда десантники пошли и где, на каком рубеже, завязался бой. Когда к вечеру им стало ясно, что отряд возвратиться на высоту не смог и уходит куда-то по побережью бухты, ребята решили, что оставаться им на высоте дальше опасно. Эта тревога сгущалась еще и тем, что за день никакое подразделение из десантного батальона поблизости от них не оказалось.

Прикинув маршрут в направлении военного порта, собрав оружие и имущество, матросы двинулись в путь. Оляшев понес Максимова, остальные пошли сами, придерживая друг друга и попеременно таща груз.

Осторожно спустились с вершины сопки. Осмотрелись и по среднему склону высоты осторожно пошагали дальше. Шли очень медленно, присматриваясь и прислушиваясь ко всему в округе, прячась в кустарнике и около строений. Метров через двести делали привал, отдыхали, затем вновь ползли и шли вперед. Дважды видели невдалеке от себя небольшие группы японцев, слышали их речь. Тогда замирали в неподвижности и молча лежали до тех пор, пока не становилось ясно, что путь опять безопасен. После этого вновь потихоньку брели к востоку, туда, где мог быть отряд.

На одном из привалов и наткнулись на них бойцы Сергея Бывалова, помогли подняться, выбрали рюкзаки, автома-

ты и повели в лагерь отряда. По уже проверенной дороге удалось без тревог добраться до причалов.

Разместили их вблизи группы командования, где Гончарук развернул свой полевой медпункт, перевязывал и укладывал тех раненых, которые пострадали в дневном бою. Только что пришедших положили рядом с ними на плащ-палатки прямо на обшивку причала.

Возле Максимова лежат матросы моего взвода Анатолий Красноборов и Андрей Будник. Дальше — ребята Никандро-ва и больше десятка бойцов из роты автоматчиков.

С возвращением Бывалова немного уплотнили цепь обороны взвода, его бойцы присоединились к своим товарищам, которые оставались тут с Огиром и заняли участок между отделениями Овчаренко и Тихонова.

Отряд в сборе, опоясался десятками огневых точек, бойцы проверили оружие, подсчитали и разложили оставшиеся боеприпасы и приготовились драться за причалы.

V

Ждать пришлось недолго. Часов около десяти японцы вновь кинулись на десантников, намереваясь сбросить их в море. Сначала они обстреляли упрятавшийся на причалах отряд откуда-то сверху, с сопки. По бетонному настилу и по грузам звонко зацокали пули. Мы не отвечаем: приказано беречь боезапас, ждать, когда неприятель с нами сблизится, и стараться бить наверняка, по видимым целям. Но уже совсем темно, разглядеть, откуда стреляют, можно только по вспышкам, передвижения вражеских солдат совсем не видно. Даже короткие зарницы осветительных ракет, которыми мы изредка прочерчиваем небо, лишь немного улучшают видимость, но, наверное, сдерживают перебежки японцев.

Через несколько минут длинные очереди из пулеметов застрекотали с нижнего склона сопки, уже от зданий, сгрудившихся по лощине полуострова. Бьют по взводу Никандрова. И почти тут же, через какую-нибудь минуту, стрельба донеслась оттуда, где крайние группы моего взвода, и с совсем противоположной стороны, где оборону держали морские

пехотинцы. Цепь стреляющих все более сближается, по всему полукольцу стрекочут автоматные и пулеметные очереди, гулко звучат в ночи хлопки винтовок и карабинов. Мы отвечаем очень скупой, короткими очередями, даже одиночными выстрелами. Мелькающие то тут, то там вспышки явственно видны, и оттого кажется, будто их очень много. Наступающие все ниже спускаются с сопки, приближаются к нам.

Наши пулеметы и автоматы простригают теперь свинцовую дорожку возле крайних домов и по самому подножию высоты. Японцы залегли: наткнулись на наш огневой заслон. Но назад они не откатились, продолжают из укрытий обстреливать нас из пулеметов и винтовок. При свете ракет видно, как по склону сопки скатываются еще две цепи японцев на подмогу тем, что залегли. Дело оборачивается совсем unfavorably. Только бы японцы не навалились на нас массой, не прорвались на причал.

Мы стараемся выиграть время, не подпустить их близко. У нас уже нет сил, чтобы подняться и самим броситься на них. Ближний бой нам принимать никак нельзя. Еще обходя отряд перед боем, Леонов всех нас настрого предупредил, чтобы ближе чем на сотню метров японцев ни в коем случае не допускали.

Уже около часа стоит неутрахающая трескотня. На дистанцию броска гранаты еще не сошлись, но держим их наготове: это у нас последнее, чем мы будем отбиваться, если японцы решатся на атаку.

Как дела у соседей, только можно предполагать. Судя по полукольцу огневых вспышек — держатся. Есть ли у них потери и какие — неизвестно. Даже для связи послать стало некого, ни один матрос не может оставить свое место, связанные тоже отстреливаются по своим секторам. И я, как и все, лежа около колеса портального крана, ни на минуту не выпускаю из рук автомат.

Вдруг ударил сплошной ливень, какие бывают в южных широтах. Потоки воды поливают нас не только сверху, но почти тотчас же вода ручьями покатилась от зданий, по улицам, по канавам прямо на причал. Все лежим теперь в воде, окатываемые сверху и ополаскиваемые с боков и снизу.

Мгновенно промокли до нитки. Но перестрелка ни с той, ни с другой стороны не затихает. Опасаюсь, как бы японцы под покровом дождя еще не сблизились с нами.

Оставил связанного стеречь и мой сектор, а сам пополз посмотреть, как дела у ребят. Перебегая между ящиками и под платформами, добрался до отделения Овчаренко. Степан соорудил себе из мешков с мукой и из металлических балок настоящий дот, ни пули, ни мины его тут не возьмут, через свою амбразуру он обстреливает японцев за железнодорожным полотном. Эту ровную площадку перед ним японцы, конечно, не проскочат. Левее от него, вплоть до самого края причала, укрылись и отстреливаются Джагарьян, Никулин, Захаров, а у самого уреза залива упрятался между камней Семен Хазов. Бойцы лишь молча поглядывают на меня или покажут, в какую сторону они стреляют. «Держимся, старшина», — только и прокричал мне Влас Никулин. Лишь Семен Хазов, не изменяя своей натуре, попытался пошутить:

— Все кишки дождем промыло. Где теперь будут меня японцы сушить?

Пополз от них к Тихонову. Длинный сухопарый Гриша, мокрый с ног до головы, показывает мне на нижний склон сопки, усеянный множеством вспышек. По одну сторону от Тихонова лежат Резник и Похилько, а по другую — Поляков и Соболев. Обычно неунывающий, любящий погулять, подвыпить, показать этакую залихватскую натуру, имеющий массу знакомых, Поляков сейчас приуныл, лицо его осунулось, обросло длинной редкой щетиной, глаза глядят устало, говорит он тихо. Видно, бой этот ему тяжело достался. В обыденные дни, на базе, любит он форснуть, потому и в отличие от других лежит сейчас в бескозырке. Как и у всех, одежду на нем хоть выжимай. Похоже, что его знобит. Говорю Тихонову, чтобы глядел за ним — у парня нервы могут сдаться.

Обойдя кран, за платформами перебежал к Бывалову. Его ребята устроили себе амбразуры между колесами платформ, заполнили просветы камнями и железом. Массивный, увесистый Сергей лежит рядом с Капустиным, по сторонам от них Волосов, Огир и Четвертных. Бывалов говорит, что у него порядок, они тут бросили якорь накрепко, японцы их

отсюда не вышибут, только вот патронов и гранат осталось мало, как додержаться до утра?

— Место у меня удобное, если полезут — буду укладывать на выбор, — заверяет Сергей.

Когда я добрался до Соколова, тот стрелял через свою амбразуру и не обратил на меня внимания. Как раз в этот момент над нами повисло несколько осветительных ракет. Потянул Дмитрия за ногу и попытался спросить, как дела. И тут, как обычно уверенный в своем превосходстве над неприятелем, Соколов на мой вопрос, который едва ли он расслышал, но смысл понял, на секунду поднял большой палец. Это означает, что тут тоже все нормально, беспокоиться нечего. Бойцы его отделения Карачев, Дегтярев, Попов и Фетисов на меня внимания не обращают и продолжают обстреливать большой склад, из которого японцы бьют из пулемета.

Обошел и осмотрел своих людей, вернулся на свое место. Нередко в речах и в печатных публикациях говорится, что командир воодушевил своих бойцов, вселил в них уверенность, показал, как надо сохранять самообладание в бою. Не исключено, что так было и сейчас. Но сам я не был уверен, сильно ли воодушевил ребят, когда побывал у них, поговорил с ними. Никаких внешних признаков, которые бы говорили о том, что после разговора со мной ребята как-то по-особенному воспряли духом, мне в глаза не бросилось. Да большинству бойцов было вовсе не до того, чтобы показать себя командиру, попасться лишний раз на глаза, у каждого своих хлопот досыта. Но они увидели, что я жив, тут, с ними, узнали от меня, что все остальные держатся. А раз у товарищей в других взводах порядок, то и им держаться легче, на душе спокойнее.

Этот обход отделений и разговор с бойцами больше, пожалуй, был нужен мне. Я убедился, что ребята не нуждаются в наблюдении и понукании, каждый и сердцем чувствует, и рассудком понимает сгустившуюся над десантниками опасность и любой теперь постоит и за себя и за товарищей до последней возможности.

Мокрому лежать неудобно, тягостно, при переползании и перебежках меньше чувствуешь, что ты промок, вроде бы даже греешься и не так тебя стягивает мокрая прилипшая

одежда. Вернулся я на свое место — и как бы сил прибавилось, свежее самому стало.

Под краном, рядом с моей ячейкой застал Агафонова. Семен был у командира отряда. Говорит, что и у Никандрова и у автоматчиков ситуация как и у нас: держат японцев от себя за сотню метров, отстреливаются, добавилось раненых, но пробиться на причал японцы не могут.

Ливень продолжает хлестать. Перестрелка поредела, но совсем не стихает. Только около часу ночи дождь прекратился.

Минут через тридцать в нескольких местах снова, точно скинув стопорящий крюк, одновременно затарахтели пулеметы. Под их прикрытием японцы ползком опять двинулись в нашу сторону. Стреляя перед собой из карабинов и винтовок, они изготовились для атаки. Мы отбиваемся длинными очередями, сплошной треск наших пулеметов и автоматов заглушил стрельбу японцев.

Японцы приблизились метров на шестьдесят-семьдесят и что-то кричат. Или убеждают нас сдаваться, или командуют своим атаку — не разберем. Вот-вот они могут рвануться на причалы, тогда дело будет худо, нам «труба». Для рукопашной нас осталось мало. Прорвутся через огонь — нам конец, полоскаться тогда в морской водичке.

Кричу, чтобы бросали гранаты. Слышно, как справа, у Леонова и у Никандрова, тоже рвутся фугаски. Полетели гранаты и у нас. Нет-нет да и ухнет противотанковая — они не только опустошают порядочное место возле себя, но и хорошо действуют на психику. Бьемся последними боеприпасами. Достал и положил перед собой пистолет и нож. У меня остался один магазин к автомату и одна граната. Атака японцев опять сорвалась, они приостановились, но и не отходят, залегли поблизости и шпарят по нам из всей мочи. Пулеметы и автоматы строчат неумолчно, рвутся гранаты. Только бы не ринулись японцы в новую атаку... Держаться больше нечем.

Кто-то тянет меня за ногу, оборачиваюсь — Майоров показывает мне на залив. Там входят в бухту два корабля. Мигом всего окатило горячей волной, близко спасение, идут наши. Бросаю в сторону японцев последнюю гранату.

Теперь все бойцы видят входящие корабли. Что-то кричат, видно, радуются. Японцы тоже, наверно, заметили идущее к нам подкрепление. Вражеский огонь стал ослабевать и постепенно откатываться назад, вверх по сопке, удаляться за дома и за склады. Японцы начали отходить, но все же огрызаются, боясь, что мы бросимся за ними. А мы их и не преследуем, мы уже выдохлись и вымотались, да и идти нам не с чем — ни патронов, ни гранат, ни даже злого самолюбия, на котором не однажды выходили в тяжелую минуту. Японские пулеметы строчат уже от дальних зданий и с сопки. Пули еще достигают наших укрытий, но серьезная опасность миновала.

VI

Корабли в это время подошли вплотную к стенке и начали швартоваться. Ближе к нам выставил свои орудия фрегат. За ним привалил бортом к стенке тральщик. Приказав матросам оставаться в укрытиях и продолжать наблюдать за неприятелем, иду к командиру отряда.

Светает, времени около трех часов. Денисин и Леонов собираются на флагманский корабль.

С борта подали сходню, и командир корабля капитан-лейтенант Л.С. Миронов и командир дивизиона сторожевых кораблей капитан третьего ранга М.Г. Беспалов спустились навстречу нашим командирам. Ходить по причалу еще небезопасно. Поэтому офицеры укрылись за штабелями груза. Миронов как-то подчеркнуто по-сердечному открыто приветствует Денисина, Леонова и остальных наших офицеров.

— Рад видаться с боевыми друзьями по Северному флоту, — по-приятельски, как давний знакомый обращается к Леонову капитан-лейтенант.

Оказывается, Миронов служил на севере на эскадренном миноносце «Разъяренный».

К товарищеским приветствиям присоединился и подошедший командир тральщика старший лейтенант В.П. Попов.

Беспалов предложил офицерам подняться на борт корабля и обсудить, как эффективнее поддержать сейчас десантников корабельной артиллерией.

Вернувшись минут через десять, Леонов сказал, чтобы на тот и на другой корабли пошли двое корректировщиков из отряда. Они должны указать корабельным артиллеристам места, где десантники засекли огневые точки противника. Захватив с собою Агафонова и еще кого-то из матросов, Леонов возвратился на корабль.

Через четверть часа с воем и свистом к берегу понеслись увесистые фугасные и шрапнельные снаряды морских пушек. В разных местах на склоне сопки взметнулись разрывы. Постепенно переноса огонь с одного участка на другой, артиллеристы бьют по тем местам, где были наиболее опасные для нас пулеметные точки. Комендоры азартно работают у орудий. Командир артиллерийской боевой части старший лейтенант Балакирев, сбив на затылок фуражку, возбужденно, громко командует артиллерийскими постами, через какие-то считанные секунды включает ревун, подающий сигнал залпа. Снаряды уже рвутся вдалеке, огонь перенесли в глубь материка. Командиры орудийных расчетов старшина первой статьи Лисин, старшины второй статьи Новиков и Крюков быстро репетируют команды Балакирева. Флагманский артиллерист бригады кораблей капитан-лейтенант Терновский, которому наблюдатели докладывают результаты обстрела, быстро проводит расчет, вносит поправки и передает их Балакиреву. Корабль содрогается от мощных орудийных залпов. От вибрирующих бортов по заливу откатывается мелкая рябь, как будто воду простругивают множеством шархебелей. Воздух с шипением и свистом разрезают тяжелые снаряды орудий главного калибра. За вчерашний день и за сегодняшнее утро этот корабль выпустил по врагу более пятисот таких снарядов и около трех тысяч из малокалиберных автоматических пушек.

Бьет по вражеским позициям и артиллерия стоящего поблизости тральщика. Командир артиллеристов старший лейтенант Сарапулов после первого же залпа вносит поправки в расчеты, и снаряды настигают бегущую по сопкам японскую пехоту. Нам хорошо видно, как через короткие секунды посылает снаряд за снарядом носовое орудие. Командир его старшина второй статьи Кузин, оставшись в одной тельняшке, что-то возбужденно кричит после каждого выстрела.

Артиллерийский налет продолжался минут пятнадцать. Затем корабельная артиллерия огонь прекратила. Решено выслать корректировщиков на высоту и по их наводке возобновить обстрел. Старшим корректировочной группы отправился лейтенант Бахарев — командир четвертой боевой части тральщика. Провести ее по сопке вызвался Семен Агафонов. Прикрывает их одно отделение из взвода Никандрова.

Корректировщикам потребовалось всего каких-нибудь полчаса, чтобы передать первые данные. Длинные хоботы орудий вновь зашевелились, приподнялись еще немного вверх и полыхнули огнем. Снаряды загудели куда-то уже в глубь полуострова. Десантники высыпали из своих укрытий, сгрудились на причале и прислушиваются к свисту снарядов и к приглушенному за далью сопки грохоту разрывов.

Рассвело, за оконечностью полуострова над морем всплыло солнце. С корректировочного поста сообщили, что японцы поспешно отходят на материк. Сделав еще несколько залпов по этим разрозненным группам, комендоры прекратили обстрел. Бой утих, неприятель, потеряв надежду разгромить десантников, поспешно стал оставлять свои оборонительные сооружения на полуострове и отступать на материк, за город.

С борта на причал спустились несколько офицеров и старшин, подходим туда же и мы. Завязывается разговор. Первым делом мы спешим сказать спасибо друзьям-морьякам за поддержку. Объясняем, что, не подойди они в эти минуты, туго бы нам пришлось. Выручили они нас из беды почти неминуемой. Наши собеседники считают свою заслугу более чем скромной, говорят: вот десанникам досталась тяжелая доля. Они, если надо, втрое побольше бы постарались и попотели, лишь бы помочь нам драться на берегу. Кто-то из стоящих заметил, что не худо бы записать благодарность артиллеристам. Тут же появился бортовой журнал тральщика, в котором сделали такую запись:

«От имени личного состава 140-го особого разведотряда штаба ТОФ благодарим весь личный состав тральщика за хорошую поддержку десанта, за успешное поддержание огнем на берегу. Надеемся, что моряки и в дальнейшем будут действовать так же. С такими людьми мы поразим врага и

покажем, как дерутся моряки на суше и на море. От имени отряда Герой Советского Союза главный старшина Агафонов, старшина второй статьи Гугуев».

Окружившим нас морякам с кораблей рассказываем, как вчера были вынуждены отойти сюда, на причалы военного порта, и тут всю ночь держались под неприятельским натиском, что всего какой-нибудь час назад японцы так нажимали на нас, что мы с тоской посматривали на залив. Корабли подошли вовремя. Теперь мы за себя уже не беспокоимся. Надо вызволить батальон Барабольшко, постараться разыскать остатки пулеметной роты.

Капитан третьего ранга Беспалов рассказал, как вчера утром они доставили в Чхончжин батальон Барабольшко, как следили по звукам боя за ходом сражения в городе. Однако точной обстановки они не знали, информация с берега к ним поступала нерегулярная и нечеткая.

Из штаба Барабольшко запросили Беспалова о поддержке десантников огнем корабельной артиллерии. На берег были высланы корректировщики, и в течение получаса по их наводке артиллеристы вели обстрел японских войск и укреплений на внутренних склонах высот. Для поддержки десанта из экипажей кораблей была сформирована небольшая группа — двадцать пять человек. Больше, не ослабляя боеспособности кораблей, выделить было нельзя. Командование ею принял на себя капитан-лейтенант Терновский. Моряки около двух часов сражались на полуострове, оттянули на себя одну неприятельскую группу, поддерживали морских пехотинцев и без потерь возвратились на корабли. Молодой краснофлотец комсомолец Моисеенко из группы Терновского ловко подобрался к вражескому дзоту и гранатами подорвал его. Когда группа атаковала вражеский опорный пункт, первыми к нему прорвались старшина второй статьи Озорник, матросы Павинский, Беспалов и Иващенко. Как примерно несли свою службу на корабле кочегар Черношеин, машинист Стрельников и трюмный Анучин, так они сумели быстро освоиться и в бою на суше.

К вечеру, рассказывал далее Беспалов, около девятнадцати часов, японцы повели обстрел кораблей из минометов.

тов, крупнокалиберных пулеметов и мелких пушек. Корректировщики к тому моменту уже возвратились на борт, и точно определить, где разместились вражеские огневые точки, стало трудно. Беспалов принял решение сняться со швартовов и выйти в море. Как раз в это время мы пробивались через прибрежную полосу в порт и увидели их уходящими из бухты. За пределами бухты корабли держались в дрейфе почти всю ночь, а перед рассветом решили возвратиться в гавань. При подходе к берегу те, кто нес вахту наверху, отчетливо разглядели, что бой идет вблизи военных причалов. Тут и состоялась наша встреча.

К этому времени бой на ближайших высотах утих, перестрелка прекратилась, лишь издали, откуда-то с материка, нет-нет да и слышатся еще глухие орудийные раскаты. Солнце взошло, осветило бухту и лежащий слева от нас город.

Леонов приказал выслать в разведку по ближайшим улицам одно отделение. Павел Колосов с пятью бойцами, перекинув через шею ремни автоматов, уходят навстречу солнцу, на восток, по улице, покато пересекающей полуостров Комалсандан.

Времени пять часов утра. Обогнав длинную стрелку мыса и развернувшись, начинает втягиваться в бухту отряд судов. Впереди конвоя два сторожевых корабля, за ними несколько транспортов, следом идут более десятка мелких сторожевых кораблей и тральщиков, замыкает походный ордер эскортный корабль. Наши десантники все теперь сгруппировались на краю причала и смотрят, как в порт входит второй эшелон десанта.

На малом ходу корабли приваливают к дальней стенке военного причала и начинают швартоваться. За кормой подошедшего на рассвете эскортного корабля встали сторожевики «Метель» и «Вьюга», за ними пристали и подали концы три транспорта. Остальные корабли охранения дрейфуют у входа в бухту и несут дозор.

Закреплены швартовы, поданы сходни, и на причал бесконечной лентой по нескольким трапам потекли солдаты с оружием, они тянут за собой пулеметы, несут на плечах минометы и противотанковые ружья. В ящиках выгружают боеприпасы.

На причале взводы и роты выстраиваются в боевой порядок, а затем уходят на Комалсандан, в город, в сторону торгового порта. Денисин приказал Леонову послать с каждой колонной по одному разведчику из нашего отряда провожаемыми. Одна колонна сразу направляется по прибрежной полосе бухты, по которой вчера мы отходили, и уходит на запад, в сторону железнодорожной станции. Другая принимает правее ее и берет направление на Сингандо.

Постепенно поток высадившихся с судов солдат поредел, в горы уходят последние взводы. Первая часть тринадцатой бригады морской пехоты развертывает в Чхончжине свои подразделения.

VII

Поблизости от головного фрегата собралось командование десанта.

Командир бригады генерал-майор В.П. Трушин, начальник его штаба подполковник В.Ф. Козлов, начальник политотдела подполковник Ю.Ф. Сункович и другие старшие офицеры второго эшелона встречаются с полковником Денисиным, его заместителем Ходером, туда же идут Леонов, Гузненков, командир только что подошедшего отряда десантных судов капитан первого ранга А.Ф. Студеничников.

На большом ящике развернули план города и карту Чхончжина и окрестностей. Наши офицеры и только что подошедшее командование сгрудились вокруг. Леонов и Денисин рассказывают Трушину и офицерам его штаба об обстановке, показывают узлы сопротивления и места, которые противник старается всячески удержать. Трушин говорит, что на его бригаду Военным советом флота возложена задача отбросить противника от города, захватить вражеские рубежи на ближайших к нему подступах и удерживать их до подхода войск Первого Дальневосточного фронта. Тут же Трушин отдает несколько приказаний для передачи находящимся на марше батальонам. Первым делом он требует пробиться к высотам 182,9, 196,3 и 130 на полуострове Комалсандан и

вызволить батальон Бараболько, который японцы там блокировали.

Подполковник Сункович говорит, что они знали, сколь трудно сложились дела у десанта первого броска. Бойцы бригады понимали, что судьба разведчиков и автоматчиков зависит от них. Перед выходом бригады из Владивостока во всех ротах солдаты собирались на митинги, повсюду коммунисты и комсомольцы провели свои собрания. Таких горячих собраний никогда до этого в бригаде не бывало. Морские пехотинцы не хотят отставать от своих ушедших вперед товарищей.

— И мы надеемся — и вам об этом вовсе не стесняемся сказать, — не посраим себя, не запятнаем флотской чести, — расставаясь с разведчиками, закончил начальник политотдела бригады.

Прощаясь с нами, Трушин сказал, что сейчас высадился первая часть его бригады, в ближайшие часы подойдет следующий эшелон — еще несколько тысяч бойцов, придут танки, полевая артиллерия и крупные минометы. Тогда положение японских войск в Чхонджине и вблизи него станет безысходным — либо гибель, либо плен.

Наша миссия по разведке обстановки, захвату и удержанию плацдарма выполнена.

Раненых перенесли на эскортный корабль, там уже развернут походный лазарет, квалифицированные врачи в условиях, совсем отличных от полевых, оперируют, оказывают другую медицинскую помощь.

Собрав оружие и снаряжение в одно место, сбросив с себя лишний груз, с наслаждением расстегнув пояса, а многие даже сняв гимнастерки, бойцы отряда сгрудились в центре причала. Ждем, когда возвратятся наши проводники, посланные показать путь батальонам бригады морской пехоты.

Снова яркий солнечный день. Жаркое солнце сушит наши гимнастерки, пропекает полосатые тельняшки. На бревне присели Денисин и Леонов, а вокруг, обступив их полукольцом, стоят наши матросы. Хотя и не спали несколько ночей, усталость опять забылась, уступив место радости победы. Удачный исход почти двухсуточного боя во вражеском кольце, только что подошедшие крупные десантные силы — все

это взволновало людей. Матросы оживленны, громко, перебывая друг друга, разговаривают, размахивают руками, показывают, кто как полз или бежал. Кое-кого утомление все же сморило, и они, выбрав укромное местечко в тени, завалились подремать.

Ждем приказа о возвращении на базу.

Около полудня у причалов военного порта в Чхончжине ошвартовались еще четыре торпедных катера. На них прибыл командующий Южным морским оборонительным районом генерал-лейтенант Сергей Иванович Кабанов со своими ближайшими помощниками. Адмирал Юмашев только что образовал этот новый оборонительный район, в его зону входит все побережье Кореи от советской границы и до Чхончжина, в том числе освобожденные частями флота и 25-й армии Унги, Начжин и Чхончжин. Забегая вперед, следует сказать, что через несколько дней в состав этого района была включена и Вонсанская военно-морская база, после того как десант Тихоокеанского флота пленил находившийся там японский гарнизон.

У нас с генералом Кабановым давнее знакомство. Это опытный военачальник, хорошо знающий особенности боевых действий на приморских участках фронта. В первый период войны с Германией под его командованием была выдержана героическая оборона военно-морской базы на Ханко. (На этом отдаленном полуострове воевал тогда молодой выпускник Ленинградского морского политического училища Иван Гузненков.)

Был Сергей Иванович и командующим Северным оборонительным районом. Там, на Рыбачьем, Кабанов знал каждую нашу операцию. Встречался он с нашими командирами, не однажды беседовал со многими десантниками-североморцами.

Поэтому встретились мы с командующим новым оборонительным районом как со старым знакомым.

Тут же на причале Сергей Иванович сразу начинает входить в курс дел. Денисин и Леонов доложили ему, как был высажен наш десант первого броска, как сводный отряд удержался в городе, не только отразив многократные атаки противника, но и сохранив плацдарм для высадки бригады

генерала Трушина. А высадилась бригада спокойно и без потерь. Кабанов подробно интересуется, какое впечатление мы вынесли от боя с японскими солдатами, чем отличаются приемы боя немцев и японцев, расспрашивает о вооружении, о плотности огня, о наших потерях, просит рассказать, осталось ли в городе местное население и как оно отнеслось к десантникам.

После этого генерал Кабанов вызвал к себе майора Бараболю и заставил доложить о действиях его батальона. К тому, что мы знали из переговоров по радио, из беседы с Беспаловым, теперь мы узнали некоторые новые подробности о положении батальона морской пехоты.

Как уже было нам известно, батальон вел тяжелые бои. Однако удалось захватить несколько высот. Около часа дня 14 августа японцы предприняли наступление и нарушили связь между ротами, изолировали их друг от друга. Создалась опасность окружения каждой поодиночке. За сутки боя то одну, то другую роту японцы отрезали от остальных неоднократно. Десантники дрались в окружении. В ночь на пятнадцатое неприятель на некоторое время отрезал штаб батальона от подразделений. Взвод охраны штаба прорвал кольцо окружения, но потерял много убитыми и ранеными. Как раз в это время начали обстрел берега подошедшие корабли. Японцам не удалось захватить штаб.

В своем докладе командованию Бараболю доносил, что батальону очень помогла артиллерийская поддержка стоявших в бухте кораблей, а также действия нашего отряда, когда днем четырнадцатого августа мы отвлекли часть неприятельских сил в юго-западную часть города. За сутки батальон понес весьма существенные потери: более шестидесяти человек убито и ранено свыше ста.

Позднее адмирал Юмашев писал: «...встретив сильное противодействие противника, батальон не смог выполнить поставленную задачу и перешел к обороне».

Кабанов спросил Денисина и Ходера, почему рота Яроцкого понесла большие потери и каково самочувствие командира. Ходер ответил, что Яроцкий тяжело ранен, близкий разрыв гранаты обсыпал его осколками. В бессознательном

состоянии, потерявшего много крови, старшего лейтенанта вынес в безопасное место комсорг роты Александр Комаров. Врачи считают, что командир будет жить.

Автоматчики роты Яроцкого заслуживают одобрения и всяческой похвалы. Это хорошие, напористые ребята, они старательно удерживали захваченный плацдарм — так аттестовал их Кабанов Денисин. Но почти все они в настоящем бою оказались впервые. Ведь обстрелянный, опытный боец — это уже не сырой материал, а обработанная драгоценность. С ним считаются, на его опыте и генералы учатся. А этим как раз и не хватало опыта, находчивости, они еще не научились быстро схватывать и понимать обстановку, находить укрытия, еще не разобрались, какое грозное оружие их автомат для ближнего боя. Противник же превосходил нас не только численно. Он показал завидное упорство, вел прицельную стрельбу и часто контратаковал. Поэтому в роте погибло более сорока автоматчиков и свыше тридцати человек ранено, только одна треть бойцов осталась в строю.

— С ротой Яроцкого пошел в десант комсорг батальона сержант Мишаткин, — как бы желая подкрепить оценку Денисина, добавляет Ходер. — Днем четырнадцатого, когда японцы предприняли наступление против десанта, Мишаткин с небольшой группой бойцов оказался отрезанным от своих. Расстреляв все патроны, комсорг последней гранатой взорвал себя и приблизившихся японцев. Рядом с ним сражался и погиб член комсомольского бюро солдат Джапаров. Комсорг роты Комаров, до этого вынесший с поля боя раненого Яроцкого, сам был позже ранен, но боевые товарищи сумели спасти его и доставить к месту стоянки кораблей.

Кабанов интересуется у Леонова потерями отряда разведчиков. Леонов ответил, что разведчики потеряли трех убитыми и семеро ранено.

Действия нашего отряда в Чхонджине получили в то время самое наилучшее признание со стороны командования. Так было и в последующие годы. Об этом убедительно сказано и в «Истории Великой Отечественной войны», и в других официальных публикациях. И потому-то вызывает досаду и недоумение оценка роли отряда кандидатом военных

наук, доцентом Л.Н. Внотченко. В своей работе «Победа на Дальнем Востоке» он пишет: «Таким образом, ни разведотряд, ни высаженная вслед за ним пулеметная рота задачу по разведке боем фактически не выполнили. Силы обороны противника для основных сил десанта, вышедшего 13 августа в 13 час. 35 мин. из бухты Новик, оставались неизвестными». Здесь автор явно не в ладах ни с фактами, ни с выводами. Днем 13 августа вышли не основные силы, а лишь первый эшелон — 355-й батальон морской пехоты. Основные силы — это второй и третий эшелоны — 13-я бригада и 335-я стрелковая дивизия, доставленные в Чхончжин морем.

Но главное не в этом. Такое заключение о действиях отряда беспочвенно, оно не имеет под собой прочной основы. Это, видимо, и чувствует автор. Поэтому двумя страницами позже он пишет: «Во всех десантных операциях отряд обеспечивал надежную разведку и высадку главных сил десанта»¹. Невольно напрашивается вопрос: которому Внотченко верить?

VIII

Наши матросы, ходившие проводниками подразделений бригады морской пехоты, возвратились. Весь отряд разведчиков собрался на причал. Пришла радиограмма, предписывающая нам возвратиться на базу. Собираемся в обратный путь на тех катерах, что доставили в Чхончжин генерала Кабанова.

Перед нашим выходом из Чхончжина туда прибыл новый эшелон десантных войск. Первым в гавань вошел эскадренный миноносец «Войков», за ним — танконосец с танками. Следом десантные суда доставили полевую артиллерию, а уже на следующий день на пароходах «Ногин» и «Дальстрой» в Чхончжин приплыли остальные подразделения бригады морской пехоты, почти удвоившие гарнизон советских войск.

Как назло, все дни, пока мы дрались с японцами в Чхончжине, погода в районе наших флотских аэродромов была дождливой, пасмурной, с прижавшимися к земле облаками.

¹ Внотченко Л.И. Победа на Дальнем Востоке. М.: Воениздат, 1966, стр. 230, 233.

И вот только сегодня небо там прояснилось, солнце подсушило землю, самолеты могут взлетать.

Генерал Кабанов вызвал нашу авиацию, и «петляковы» бомбят оборонительные сооружения противника, за ними пришли «утюжить» передний край неприятельской обороны «ильюшины». Земля загудела от разрывов сотен бомб.

Под аккомпанемент этой обработки вражеских позиций уже издавна полюбившиеся нам катера уносят разведчиков из бухты Чхончжина и берут курс на Владивосток.

Потребовались еще сутки, чтобы окончательно разгромить остатки японского гарнизона на оборонительных рубежах вокруг города и полностью овладеть Чхончжином.

К восьми часам утра пятнадцатого августа батальоны бригады морской пехоты в основном заняли всю собственно городскую территорию и вплотную подошли к оборонительным сооружениям противника на высотах, вышли в долину реки Сусончхон, перехватив на дальних подходах к городу железную дорогу.

Подступы к Чхончжину с суши были подготовлены неприятелем для обороны заблаговременно. Со склонов высот все удобные пути через низины простреливались из долговременных огневых сооружений, упрятанных под бронированные и бетонированные колпаки. Цепь окопов, траншей полного профиля, отдельных ячеек для минометов и пулеметов, огневых точек, укрытых несколькими рядами накатов из леса и толстым слоем земли, образовала сплошную дугообразную линию обороны, которая упиралась одним флангом в побережье у открытого моря, другим — в бухту Чхончжина. Противник, бесспорно, понимал, что взломать эту оборону сухопутным частям будет стоить больших усилий.

Однако высадка десанта прямо в порт, на городские причалы смешала эти планы. Наши десанты высадились, по существу, в тыл вражеской оборонительной линии, значительная часть расположенных на опорных пунктах орудий и пулеметов была парализована, и их оказалось невозможно использовать против десанта. Остальные пулеметные точки и минометные и артиллерийские батареи противника, когда развернулось наступление бригады генерала Трушина, были

подавлены ударами корабельной и полевой артиллерии десанта, огнем крупнокалиберных минометов и налетами бомбардировщиков и штурмовиков. Тысячи снарядов и бомб разметали неприятельские долговременные огневые точки. Морские пехотинцы, в боевых порядках которых теперь двигались и танки, занимали один участок вражеской обороны за другим.

Корабли флота доставили в Чхончжин 335-ю стрелковую дивизию под командованием полковника А.А. Волкова, которая вместе с бригадой морской пехоты с ходу завязала бои за овладение Нанамом и сооружениями укрепленного района. Через Чхончжин прошла идущая по приморью 393-я стрелковая дивизия полковника Ф.А. Исакова, с которой мы встречались в Унги и в Начжине, и вместе с дивизией Волкова и бригадой Трушина они овладели Нанамом.

Видя безнадежность положения и невозможность удерживать в своих руках оборонительный пояс, основная часть гарнизона Чхончжина по полевым дорогам, бросив все вооружение и имущество, отошла к Нанаму. Японское командование все еще пыталось уберечь живую силу. Но избежать плена и там не удалось, занятие Нанамы понудило эту группировку сдаться в плен, как впоследствии капитулировали и сдались все японские войска в Корею.

Уже в ходе боев за Чхончжин японским солдатам стал очевиден перелом в войне, понятна неизбежная близость поражения. Потому-то и удалось пленить более четырехсот солдат и младших чинов и столько же рядовых и офицеров жандармерии вместе с воинскими частями, брошенных на удержание оборонительных рубежей. Что касается корейцев, призванных в армию накануне войны и в первые ее дни, то, как только начались бои, они, не желая воевать за чуждое им дело, тут же бросали оружие и либо скрывались в горах, либо старались быстрее попасть в расположение наших частей.

О том, как стремительность действий флота, высадившего в короткий срок целый ряд крупных десантов, спутала планы японского командования, мне довелось узнать несколько позже — после допроса плененных в Северной Корее японских военачальников. Показания начальника опера-

тивного отдела штаба группы японских войск Като раскрыли их замыслы в отношении нашего десанта. Части укрепленного района Нанама, в том числе и Чхончжинский гарнизон, входили в так называемую северную группу войск, которыми командовал генерал-лейтенант Нисевани Соуничи, а начальником штаба был полковник Сиракава Ютака. Когда Като спросили, какие части действовали в Чхончжине, он ответил, что там был спешенный кавалерийский полк, офицерский полк, созданный из курсантов офицерского училища, полицейские подразделения, а также постоянный гарнизон береговых, зенитных батарей и опорных пунктов, построенных на высотах полукольцом возле Чхончжина. Кроме того, в непосредственной близости от города находилась гвардейская дивизия, которая как раз начала подтягиваться к моменту высадки бригады морской пехоты. Эти показания еще раз подтверждали, насколько значительны были силы противника в этом районе и как многократно они превосходили высадившихся в первом броске разведчиков и первый эшелон десанта майора Бараболько.

На вопрос о том, почему же они, имея такое значительное превосходство, не уничтожили десант первого броска и не сбросили его в море, Като ответил, что у них на этот счет был свой план. Генерал-лейтенант Соуничи был убежден, что советское командование вслед за первым небольшим отрядом наверняка высадит второй, более крупный десант в Чхончжин, иначе оно не стало бы выбрасывать такое подразделение для разведки и захвата плацдарма и не удерживало бы его более суток. Потому генерал Соуничи решил использовать свое превосходство за внешним поясом города в виде долговременных сооружений и гарнизона на них, позволить высадиться второму эшелону, дать ему возможность втянуться в глубину, а там, за городом, в зоне действия основных сил, в прямой досягаемости артиллерийского огня дать ему такой бой, который привел бы к разгрому высадившихся подразделений. Чтобы предотвратить передвижение отряда к опорным пунктам, не дать ему возможности разведать оборону в глубину и создать видимость, что все их внимание сосредоточено на первых десантах, по отряду и нано-

сились периодические удары, не оставляющие его в покое. Было приказано постараться не выпускать десантников за город.

Однако план этот осуществить не удалось, стойкость десантников первого броска, численность высадившихся затем войск, насыщенность их артиллерией, танками, поддержка авиацией с воздуха и кораблями с моря разбили намерения японского командования. Да и на других участках фронта обстановка стала складываться явно не в пользу японских войск. Неблагоприятный для них ход военных действий в Маньчжурии и в Корее надломил настроение японских солдат. Утратили боевой дух и способность к серьезной обороне большинство офицеров. Потому-то пришлось думать не о том, как сбросить десант, а о том, как самим вырваться из опасности окружения и попытаться прорваться в южную часть страны. Като показал также, что они недооценили боевые качества нашей морской пехоты, она оказалась значительно лучше вооруженной и обладала хорошим наступательным порывом.

Показания пленных японских офицеров еще раз подтвердили, что нашему отряду грозила опасность не только в первые, но и во вторые сутки пребывания разведчиков в Чхонджине. Такой многократно превосходящий по силам противник, поддержанный сильной, глубоко эшелонированной оборонительной линией, мог и нашему отряду, и батальону Бараболю нанести невосполнимые потери, загнать десантников обратно в море.

План этот не был изолированным и самостоятельным. По десанту на берегу и по судам, подвозившим подкрепления, предполагалось нанести сильный удар и с моря. Мы об этой опасности в то время тоже не знали. Последствия затеянной японцами операции могли быть для нас весьма плачевными. Именно быстрота высадки одного десанта за другим, дерзость, сокрушающие удары и с моря, и с суши, и с воздуха, военная хитрость заставили японских военачальников действовать совсем иначе, чем они сами предполагали.

Четырнадцатого августа японское командование предприняло попытку набега эскадры кораблей к побережью, где

высадились наши десантные части. Несущая дозор в море подводная лодка Щ-127 сообщила, что в направлении Чхончжина движется эскадра в составе линейного крейсера, четырех эскадренных миноносцев и нескольких сторожевых кораблей. Прорвись они тогда в порт — туго пришлось бы нашему отряду и батальону Бараболю. Поэтому командование флота предприняло энергичные меры. Находившимся в море надводным кораблям и подводным лодкам было приказано срочно следовать для встречи с эскадрой. Сделано это было довольно демонстративно с таким расчетом, чтобы дошло до противника, поскольку времени для подтягивания сил флота было недостаточно. Японцы о передвижениях кораблей услышали и, не рискуя вступать в бой, повернули на юг. Нервы у японского адмирала, командовавшего эскадрой, не выдержали. Он побоялся встречи с советскими кораблями и возможного массированного налета бомбардировочной и торпедоносной авиации. Эскадра изменила курс на зюйд и ушла в Вонсан. Постояв там около суток, командующий эскадрой счел за лучшее уйти на острова.

Теперь северо-восточное побережье Кореи было навсегда очищено от японских войск. Но мы уже возвратились на свою базу и получили разрешение на отдых, который оказался опять коротким.

Война и нивы превратит в пустыни.

Корейская пословица

НОВЫЙ ДЕНЬ — ДРУГИЕ ЗАБОТЫ

I

Три дня разведчики провели на своей базе. Бойцы отдохнули, отоспались, отмылись и почистились. Приведено в порядок оружие и снаряжение. Прочитаны и много раз перечитаны письма, скопившиеся за эти дни. Каждый с нетерпением набросился на дорогие,

близкие сердцу весточки от родных, от жен и подруг, от оставшихся на севере товарищей. На войне боец ждет этих треугольничков и четвертушек, испещренных штампами полевой почты и цензуры, как исстрадавшийся в жаркую пору взахлеб ненасытно пьет родниковую воду.

Солдат на войне, он воюет, переносит все тяготы фронтовой жизни, нередко страдает, мучается и истекает кровью. В мыслях у него забота, как бы одолеть, перехитрить и поразить врага своего, а самому остаться живым. Но вырвется свободная минута, наступит затишье — и мысли солдата дома, возле своих, он всеми помыслами уносится в круг родных ему людей. Придет письмо из дому — и умчит оно за собой думы солдата в дальнюю сторону.

Получив письмецо, сначала залпом, быстрыми, короткими взглядами пробегаешь его до конца. Сразу хочется схватить общий его смысл, узнать, все ли живы и здоровы, не случилось ли чего непоправимого. Потом, немного успокоившись, придя в себя, уединенно, не спеша, вдумываясь в каждую фразу, со щемящей грустью сердца запоминая интимные подробности и намеками высказанные чувства, каждый, оставаясь только с собой, вычитывает и перечитывает близкое себе письмо.

Письма эти хранятся в немудреном солдатском багаже, а те, что получены от родных, от жен, от любимых, составляют неприкасаемую душевную святыню. Такие письма редко читают вслух, бывает это, когда уже очень надо излить накопившееся на сердце, держать его одному взаперти больше невмоготу. А чаще, если и читают, то перескакивая с пятого на десятое, пропуская недозволенное для других, произнося вслух лишь житейские новости, приветы и поклоны.

Обзавелись семьями кое-кто из наших недавно, когда стало очевидно, что война на Западе подошла к концу. А пришло время двинуться на другой флот — развезли своих подруг по домам, оставив с отцами и матерями, а то и покинув на время одинокими солдатками. Поведать о себе, узнать о делах домашних можно только через письмо. Телеграммами обмениваться в ту пору было почти невозможно. А о разговоре по телефону даже невозможно было и мечтать.

Письма идут сюда долго, по пятнадцать-двадцать дней, а иногда и того дольше — самолетами в то время их не возили, а поезда ходили не спеша.

Вот и сейчас мы прочитываем письма, отправленные из дома еще в мирные дни, когда война с Японией и не начиналась. Да и наши письма получают там, дома, тоже те, что были написаны еще в летнее междувоенное время.

И меня ждут несколько заветных маленьких конвертов, заботливо склеенных из какой-то розовой и синеватой бумаги. Люба пишет, что жить еще трудно, снабжение по карточкам. Перечисляет все, что удалось получить, или, как тогда говорили, «отоварить». Радует, что на рынке стала появляться картошка и свежая зелень. И хотя пока все очень дорого, но понемножку покупать удастся. Погода стоит хорошая, летняя, и отец ее, отработав длинную военную смену на фабрике, удачно ловит рыбу, поддерживает семью. Вернувшись домой со студеного севера, она радуется, что добралась до солнца и теплого лета, спешит погреться на солнышке и накупаться. А в одном из писем с грустью сетует, что ходила на стадион, смотрела, как тренируются молодые девушки, и плакала, глядя на них. Мне-то понятно, чем вызваны слезы: сама она недавно бегала на соревнованиях, одолевала барьеры и не сбивала планку на рекордной высоте, а нынче ждет ребенка. Намеками и недомолвками советует быть осторожным, осмотрительным, не забывать, что меня хотят дождаться возвратившимся с войны. И будет ждать уже она не одна... А в конце, как всегда, приветы товарищам, она ведь знает всех отрядных северян.

Пришли сегодня письма и с Амура, от наших боевых друзей, воюющих с японцами на китайской земле. Перед самым концом войны, примерно на месяц пораньше нас, уехали в отряд Амурской флотилии Коротких, Залевский и Братухин. Провожая этих ребят на восток, мы тогда не могли предполагать, что пройдет совсем немного времени и по той же дороге следом за ними покатимся мы. Расставание с едущими на Амур было грустным и трогательным. Много было пережито вместе на севере, и уж в слишком далекую сторону уезжали наши друзья.

Теперь мы оказались поблизости. Конечно, относительно — если считать расстояние от Полярного. Мы еще не выезжали на восток, а с наиболее близкими товарищами амурцы успели обменяться письмами, наладилась переписка и здесь, на новой базе. Ребята писали нам, что служат они в таком же отряде, как и на севере, но только состоит он из совсем «зеленого» молодняка. Самые бывалые воины-разведчики — трое северян. Поэтому и офицеры отряда, и молодые десантники к ним отнеслись с большим уважением, всячески стараясь побыстрее перенять их опыт. Каждый из североморцев принял в амурском отряде отделение совсем не обстрелянных бойцов, причем Залевскому поручили специально заниматься минно-подрывным делом, а Валерия Коротких комсомольцы отряда избрали своим комсоргом.

Письма посланы амурцами по горячим следам первых боев. Каждый пишет по-своему. Братухин сообщает о событиях кратко, схематично, хотя на разговор он боек, умеет поговорить. Коротких по натуре сдержаннее, больше размышляет перед тем, как что-то сказать, но пишет подробнее, умеет подметить существенные детали. Из их писем, которые ходят теперь в отряде по рукам, мы довольно отчетливо представляем себе, как там сложилась обстановка и какая роль выпала на разведотряд Амурской флотилии.

На выполнение первого боевого задания они вышли 10 августа.

Братухин и Коротких были в той группе десантников, которую повел в разведку командир отряда капитан Кузнецов. Двигались по Сунгари в головной группе кораблей, впереди основных сил флотилии. Следом за ними вверх по реке, в глубь Маньчжурии шли мониторы, капонерские лодки и бронекатера.

Высадившись в Фунцзине, десантники быстро овладели районом пристаней. Японцы под напором разведчиков и под обстрелом кораблей стали поспешно отступать. Моряки заняли сначала центр города, а затем завязался бой за военный городок. Неприятель старался удержать его в своих руках во что бы то ни стало. Группа Коротких удачно разведала передний край японской обороны и сведения о расположе-

нии огневых точек быстро передала на корабли. При поддержке корабельной артиллерии десантники захватили и военный городок. Десанту удалось пленить большую часть неприятельского гарнизона.

После этого на мониторе «Ленин» разведчики вышли по Сунгари на Цзямусы. Чтобы затруднить плавание наших кораблей по Амуру и Сунгари, японцы пустили по реке много леса в плотях и россыпью. Пришлось осмотрительно выбирать фарватер, по которому шли впервые. На всем пути монитору приходилось вести перестрелку с береговыми батареями и пулеметными точками неприятеля. В Цзямусы отряд снова высадился для захвата плацдарма, быстро овладел прибрежной полосой, портовыми сооружениями, а затем, когда на подмогу им высадились пехотинцы, они вместе пробивались в центр города. Разведчики заняли здание японской военной миссии, жандармское управление и другие учреждения японской администрации.

Часть отступившего из Цзямусы гарнизона укрепилась в поселке Аоци, надеясь там удержаться. Тогда было решено высадить в неприятельский тыл десантную группу. Монитор доставил десантников на побережье в окрестностях Аоци. Бой за поселок длился три часа. Японцы контратаковали, и одна группа их вырвалась из окружения. Тогда разведчики снова обошли отступающих японцев и принудили их к капитуляции. В плен сдалось 350 японских и маньчжурских солдат и офицеров, десантники захватили нескольких старших чинов военного округа и администрации провинции.

Андрей Залевский со своим отделением поднимался вверх по Сунгари в группе заместителя командира отряда старшего лейтенанта Козлова. В Цзямусы эта группа дралась за город и за поселок Аоци. Андрею не повезло, в бою за поселок он был ранен.

Сунгарийская флотилия японцев пыталась избежать боев с амурцами, стремилась уйти в глубь Маньчжурии. Но моряки настойчиво ее преследовали, шли буквально за кормой, стараясь наносить один удар за другим. Уже позже друзья писали, что их отряд дошел до Харбина и вместе с другими частями принудил его гарнизон к капитуляции.

Коротких и Братухин получили по ордену Красной Звезды, а Залевский — медаль «За боевые заслуги».

Нас, бывших североморских разведчиков, радовало, что по Амуру и по Сунгари прошли, освобождая Китай от японцев, и наши боевые товарищи, воспитанники отряда.

II

В старинных флотских казармах в самом большом кубрике, как по неизменной привычке мы называем наши жилые помещения, собрались все матросы, старшины и офицеры, ходившие в первые походы отряда на корейскую землю.

Вместе со всеми на койках, на рундуках и на табуретках вперемешку сидят и те, кто был занят несением службы на базе и потому в десантных операциях не участвовал. Расположились они тут по твердо установившемуся и всегда соблюдаемому правилу: еще от момента рождения отряда сохраняется порядок, чтобы все, кто служит в отряде, ходили бы в разведку. Если же выздоравливаешь после ранения, болел или проштрафился — все равно ты боец, на разборе будь, учись, набирайся опыта друзей.

Сегодня, после двух дней отдыха, идет разбор только что проведенных десантных операций в три северокорейских порта. Леонов сказал, что нам надо по горячим следам обсудить, все ли было правильно при наших высадках и действиях на берегу, найти плюсы и минусы в делах каждого бойца и показать их разведчикам, теперь, уже бросив взгляд назад, взвесить и оценить, почему не все ладилось в контактах с другими десантными подразделениями.

Начали отчитываться каждый за свой взвод по обыкновению мы с Никандровым. В памяти пока все свежо, все события еще рельефно и отчетливо стоят перед глазами. Но пыл первого горячего восприятия уже миновал, все стало укладываться по своим местам.

Пока ни от нашего старшего командования, ни от разведотдела, ни тем более от штаба флота никаких суждений и оценок о тех операциях, в которые только что ходил отряд, до нас не дошло.

Глядя со своей, взводной, колокольни, раскидывая мыслями в пределах того, что мы знали и видели, Никандров и я доложили, что каждый из взводов, как и весь отряд в целом, с заданием командования справился. Леонов при этом заметил, что они с замполитом придерживаются такой же точки зрения. Они полагают, что у командования претензий к нам не должно быть.

Первую науку войны с новым противником мы получили. Оказывается, мы можем его бить, превосходим его и умением и оружием. Оттого-то и потери в нашем отряде, если сравнивать их с другими, с теми, кто воевал с нами рядом, невелики.

Большое физическое и душевное напряжение, выпавшее на отряд в эти быстро проскочившие дни, наши матросы вполне выдержали. Хоть и короткая, но основательная учеба и тренировка сказались.

Впервые пришлось вплотную столкнуться и с неизвестным нам противником. Издавна японские солдаты считались упорными воинами, стойкими в обороне и напористыми в наступлении. И японцы подтвердили на деле это мнение. При нашем появлении они не отступали в беспорядке, не складывали оружия, а упрямо огрызались, лезли напролом, отстреливались до последнего, даже тяжелораненые, не один раз сбивали нас с наших позиций.

В Унги, в Начжине и на первом этапе в Чхончжине отряд в основном действовал так, как было расписано командованием в планах операций. Но вот четырнадцатого и пятнадцатого августа и командованию отряда, а иногда и нам с Никандровым приходилось принимать самостоятельные решения. Обстановка сложилась так, как в планах ее не предвидели. Мы считали, что нельзя допускать такого большого разрыва во времени между высадками десанта первого броска, высаженного для разведки и захвата плацдарма, и последующими основными эшелонами.

Следует учесть, что у нас не хватало огня для дальнего боя. Поэтому разумно было бы иметь во взводах несколько больше полуавтоматических винтовок и еще по одному ручному пулемету. Не худо бы выделить на отряд пару ротных минометов.

Никому из разведчиков — ни бывшим североморцам, ни молодым тихоокеанцам в общем нельзя было предъявить какие-либо претензии. Ни паникерства, ни робости, ни медлительности или неисполнительности — ничего такого ни одному десантнику мы не могли поставить в вину.

Таковы были, по нашему с Никандровым мнению, первые суждения и выводы о трех высадках отряда в корейские порты.

В это время командиру позвонили из разведотдела: приказано всех отличившихся представить к наградам.

— Но не спешите радоваться, — тут же вмешался в оживление матросов Леонов, — не все у нас было хорошо. Случалось немало и промашек. О них надо сейчас поговорить и на будущее учесть.

После этого командир отряда перешел к разбору наших ошибок и погрешностей.

Сразу после высадки с катеров в Чхончжине, увлекшись преследованием отступающих японцев, отряд слишком быстро продвинулся вперед, далеко оторвался от береговой полосы, почти на час был утрачен контакт с ротой автоматчиков Яроцкого.

Много неладов обнаружилось и в организации связи. В тех скоротечных боевых схватках, с которыми мы столкнулись в корейских городах, особенно когда одна группа оказывалась отрезанной от другой, поддерживать связь через матросов-связных оказалось очень трудно. Но какой-то другой путь для поддержания связи мы предложить не могли. Таких радиопереговорных устройств, через которые можно было бы обращаться напрямую, открытым текстом друг к другу, в то время еще не было.

И совсем уж плохо была налажена связь с теми, кто высаживался после нас: с пулеметной ротой и с батальоном Бараболько. Поэтому ни о высадке роты, ни о ее бедственном положении отряд ничего не знал. С батальоном Бараболько связаться напрямик мы не могли тоже в продолжение нескольких часов. Поэтому и пришлось держать радииную связь в течение довольно длительного времени через главную базу. Получалась довольно курьезная картина: две де-

сантные части находятся в одном городе, а разговаривают между собой через радиоцентр за несколько сотен километров.

Противник пользовался этим нашим просчетом, маневрировал своими силами и наносил десантникам удары то в одном, то в другом месте.

Недостатком следует считать и то, что до выхода на выполнение задания подразделения, до тех пор вовсе не знакомые друг с другом, не проводили никаких совместных учений и тренировок. Бойцов роты Яроцкого мы мельком видели только при посадке на катера. Ни с одной ротой из батальона Бараболок, ни с пулеметной ротой Мальцева нам вовсе не пришлось на своем берегу видеться. А раз шли в один общий десант — непременно должны были вместе потренироваться. Бесспорно, надо обеспечивать скрытность операций, добиваться, чтобы они были неожиданными для противника. Но этому нисколько не должны мешать совместные тренировки, хорошая отработанность контактов.

— Поэтому, — говорил Леонов, — мы доложили командованию отдела, что на будущее надо предусматривать хотя бы минимальное время для совместной отработки операций и для знакомства десантников друг с другом.

Последующие дни показали, что первые выводы из этого были сразу же сделаны.

III

И вот короткий отдых опять закончился. Приказано собраться на выполнение нового боевого задания. Девятнадцатого утром отряд снова вышел в Корею. Судя по сборам и по снаряжению, которое берется с собой, путь на этот раз будет еще длиннее, чем тот, из которого мы только что вернулись накануне. На переходе морем к городу, в который собираются нас высадить, предстоит промежуточная остановка в Чхонджине.

Днем девятнадцатого торпедные катера с разведчиками на борту ошвартовались у знакомой нам стенки военного порта Чхонджина. В ожидании выхода к месту нового десанта отряд

поселили в доме, который при японцах был не то третьесортным общежитием, не то временным жильем для маршевых частей. В городе придется задержаться, видимо, на сутки или больше, готовится какая-то внушительная операция.

Бои в окрестностях Чхончжина утихли. Еще когда мы отдыхали на острове Русском, войска 25-й армии и десантные части овладели Нанамом. Центр японского укрепленного района, окрестные города и поселения очищены от вражеских войск и возвращены корейскому народу.

Бойцам отряда разрешили навестить город, осмотреть места недавних боев, наведаться на те улицы и кварталы, куда мы не могли попасть в прошлый раз.

После трех суток боев с четырехтысячным вражеским гарнизоном в городе осталось множество следов.

То тут, то там попадаются на глаза разрушения от разрывов тысяч мин и снарядов. Больше всего город пострадал от японской артиллерии. Вблизи железнодорожной станции стоял японский бронепоезд. Он вел огонь по десантникам и кораблям. Била по нему и наша артиллерия. В конце концов огонь его удалось подавить. Но при этом пострадали и окрестности. В нескольких местах натываемся на пепелища от сгоревших домов. За короткое время на улицах выросли целые завалы мусора, кирпича, штукатурки, обломков битого стекла, стреляных гильз. То тут, то там стоят исправные и разбитые автомашины, валяются повозки и ручные тележки.

Проходя по городу, мы попутно разговариваем со встречаемыми горожанами. Много жителей в город еще не вернулось. Боясь за свою жизнь во время бомбежек и обстрелов, часть горожан ушла в горы. Некоторых угнали вместе с собой отступающие японцы, а кое-кто и сами, по своей охоте бежали вместе с самураями: они боялись оставаться один на один со своим народом, уж слишком крепкой веревочкой связали они свою судьбу с заморскими колонизаторами.

Жители в эти первые дни остались без дела. Работать большинству из них пока негде: предприятия остановились, японская администрация разбежалась, деловая жизнь замерла. А некоторые фабрики и заводы пострадали настолько, что их даже нельзя восстановить, надо строить заново.

Сгорел шелково-трикотажный комбинат. Отремонтировать его будет невозможно, по существу придется строить заново. Другие крупные предприятия пострадали меньше, и через короткий срок они смогут работать. Металлургические заводы получили несколько несущественных повреждений. Можно рассчитывать, что через несколько дней они смогут выдавать металл. Почти в целости сохранились автомобильный завод и все сооружения в рыбном порту. Сразу могут быть запущены в дело довольно крупный лесопильный и бобово-масличный заводы, лишь во время боев приостановил работу завод по производству серной кислоты.

Вечером разведчики собрались в одной большой комнате нашего временного жилья. В соседнем доме размещалась группа офицеров штаба Южного морского оборонительного района. На наш огонек, если можно назвать огоньком постоянно мерцающие плашки с жиром и свечи, подошли несколько штабных офицеров, тут же оказались вездесущие корреспонденты флотских газет. Завязался живой разговор о событиях последних дней, о завершающих боях по разгрому японцев под Нанамом, об обстановке в трех портовых городах в первые дни после освобождения.

Водопровод в Чхончжине разбит во многих местах. Горожане и наши воинские части лишены питьевой воды. Время стоит жаркое, днем зной печет нестерпимо. А вода в городе на строжайшем лимите. Приходится брать ее из бункеров кораблей и транспортных судов и цистернами развозить по городу. Наши саперы и горожане работают над восстановлением водопровода круглые сутки. Приехавшие из Начжина офицеры рассказывают, что и там водопровод пострадал, но за эти дни сумели устранить все повреждения, и теперь вода подается почти бесперебойно.

По вечерам во всех только что освобожденных городах наступает непроглядная темнота. И не от светомаскировки. Электростанция Чхончжина цела, оборудование в исправности. Однако на складах почти совсем нет угля. И наше командование решило подбросить уголь из бункеров советских транспортных судов. Но вся беда в том, что электросети по городу порваны. И солдаты вместе с монтерами-

корейцами тянут временные линии, подвешивают на столбах воздушную проводку. Наши офицеры ищут среди населения людей, мало-мальски разбирающихся в энергетике, чтобы обучить их делу. Японские специалисты убежали из города. А корейцев к этим работам раньше совсем не допускали.

Временный комендант Начжина старший лейтенант Попков обратился к жителям города с воззванием. Поскольку у него еще нет никакой канцелярии, обращение пришлось размножить от руки. Горожане, прочитав его, тут же спешили рассказать о нем своим соседям и родственникам. Комендант призвал население выйти на восстановление города. И на следующий день на работу в порт и на разборку развалин вышло более двух тысяч человек. Пожары в городе удалось потушить еще тринадцатого августа. Рабочие отремонтировали два паровоза, помогли нашим солдатам привести в порядок железнодорожное полотно от Начжина до Унги.

Командование военно-морской базы в Начжине выделило оборудование, медикаменты, а городское самоуправление реквизировало принадлежавшее ранее японской компании хорошее здание, и теперь в городе открылась первая больница, где каждый может получить нужную медицинскую помощь бесплатно.

Когда советские офицеры беседовали с работающими и порту Начжина горожанами, пришлось отвечать на бесчисленные вопросы, множество из которых нередко ставили наших офицеров в тупик. Проходили только первые дни после освобождения. Строевые офицеры не были подготовлены к исполнению административных и хозяйственных функций. А специалисты-политработники, работники специальных обслуживающих подразделений, переводчики находились пока в пути. Непривычные хлопоты свалились на наших морских и сухопутных офицеров с первого дня и буквально захлестнули их.

Корейцы прежде всего хотят знать, как можно быстрее возвратить в город семьи, укрывшиеся в сопках от развернувшихся боев. Комендант города объяснил, что советские

войска изгнали японских поработителей из Кореи безвозвратно. Поэтому жителям можно вернуться к своим домам и очагам смело и безбоязненно, и чем быстрее, тем лучше: сейчас остро нужна каждая пара рук. Только трудом всех граждан можно быстро избавиться от следов войны, пустить в ход все предприятия. Он сказал, что контрольным постам, выставленным на ведущих в город магистралях, приказано беспрепятственно пропускать возвращающихся к своим домам горожан,

Советских офицеров спрашивают, не будут ли подвергнуты наказанию те граждане, которые взяли себе по несколько мешков риса, не отберут ли этот рис обратно. И наши офицеры объясняют, что самовольно растаскивать рис, как и другое продовольствие и имущество, принадлежавшее ранее японским военным властям и убежавшим богатеям, нельзя, что те, кто воспользовался суматохой боевых действий и пытался грабить и наживаться, действовали во вред трудовому пароду. Богатства, присвоенные японскими поработителями, теперь будут принадлежать корейским рабочим и крестьянам. Их надо строго охранять, беречь от расхищения.

Если же кто и взял себе немного риса, то за это ни с кого наше командование взыскивать не собирается. Ведь этот рис пойдет не на спекуляцию, им будут кормиться трудовые люди. Только нельзя заниматься грабежом. Поэтому военное командование вынуждено взять пока под охрану все склады, предприятия и другие ценности, принадлежавшие японским военным властям и бежавшим из Кореи японским собственникам. Остальное должны оберегать сами рабочие.

Некоторых интересует, какие будут теперь в их стране деньги: японские или советские. Вопрос этот поставил наших офицеров в затруднительное положение: никому из них неизвестно, какая и когда должна быть образована администрация, кто будет заниматься выпуском денег. Отвечают, что, бесспорно, советские рубли в Корее обращаться не будут. Японские иены, до сих пор ходившие в Корее, тоже перестанут действовать, поскольку японские колонизаторы изгнаны, а так называемое генерал-губернаторство кончилось.

свое существование. Поэтому, надо полагать, скоро возникнет своя корейская народная власть, она и решит вопрос о деньгах. Скорее всего в ходу будет национальная корейская вона.

Жизнь еще не вошла в мирную колею, кое-где на полуострове еще идут бои, а многих корейцев уже интересует, какие будут у них школы, кто и чему будет учить детей, как будут решаться вопросы религии. И наши политработники растолковывают, что, как они думают, школа в Корее теперь должна быть иная. Обучение по японским учебникам и на японском языке, конечно, прекратится. Японские учителя, ходившие даже на школьные уроки с шашкой, должны быть заменены своими, корейскими педагогами, которые будут учить детей, конечно, на своем родном языке. Бесспорно, среди корейской интеллигенции найдутся люди, способные быстро написать корейским детям учебники на языке своего народа, создать новую школу.

Что касается религии, то это тоже дело самих корейцев. В их стране, разъясняем мы нашим собеседникам, решит это дело корейская народная власть, сами трудовые жители городов и деревень.

Из рассказа побывавших в Начжине товарищей мы узнаем, что встречавшийся там с нами Ким Сон Чен и его друзья развили большую активность, их можно видеть почти везде, где возникает большая и трудная работа, где завязываются горячие споры. Создана рабочая дружина, ей поручено наблюдать за порядком в городе и оберегать народное имущество. Комендатура помогает дружинникам.

Пятнадцатого августа советский гарнизон и жители города хоронили четырех советских летчиков, погибших над Начжином. О них нам рассказывали корейские товарищи. Это была внушительная, многолюдная и запоминающаяся церемония. Рядом с советскими солдатами и матросами шли многие сотни корейцев.

На днях Начжин был взволнован необычайным торжеством: в городе впервые за многие годы открыто состоялся большой митинг жителей. Такого не помнят уже давно, чтобы на площадь собралось более двадцати тысяч человек.

Люди пришли на митинг с красными знаменами. Над колоннами колыхалось множество плакатов, написанных на шелке, на бумаге, на фанерных листах. Все одеты в красочные праздничные наряды, женщины — в традиционной белой одежде. Ораторы приветствовали и славили Советскую Армию, благодарили ее за освобождение их родины, за окончательное изгнание японских поработителей. И не только те, кто горячо и взволнованно говорил с трибуны, но и те, кто стоял в плотных колоннах на площади, просили передать советскому народу, что они никогда не забудут его неоценимой помощи.

После митинга демонстранты со знаменами двинулись по улицам города. Оркестры исполняли революционные песни и гимны. Жители прошли через военный городок, где теперь разместились советские воинские части, и горячо приветствовали наших солдат и офицеров.

IV

В только что освобожденных корейских городах довольно необычная обстановка. Никаких органов местной власти от прежнего режима не осталось. Не ощущается какой-либо власти и в центре.

Во времена японского владычества у корейцев никаких самостоятельных органов власти и учреждений по управлению экономикой не было. Местные и центральные административные учреждения японцы упразднили еще в давние годы, превратив эту страну в свое генерал-губернаторство. Колонизаторы всяческими путями не допускали корейцев до управленческих должностей в хозяйстве, не позволяли им руководить не только предприятиями, но и мелкими цехами и участками. Корейцам не разрешалось занимать даже низовые административные должности. Учить корейцев навыкам хозяйствования было запрещено.

Приехавший из Начжина заместитель начальника политотдела вновь созданного оборонительного района капитан 2-го ранга Михаил Никитич Карпов рассказал о первых попытках создания местной администрации в этом городе:

— Вечером четырнадцатого августа в политотдел и к коменданту обратились несколько человек, назвавшихся представителями интеллигенции города. В беседе они заявили, что намерены возглавить создание местной корейской администрации. Говорят, что теперь японцы убежали из Кореи безвозвратно, и потому просьба к советскому командованию считать их инициативной группой по образованию первого органа городской власти. Однако их домогания и елейный тон, каким они старались расположить к себе советских офицеров, сразу заставили заподозрить, что они не открывают своих истинных намерений. Эта настороженность оказалась ненапрасной. Последующие события подтвердили их скрытые замыслы, показали, что доверяться подобной публике ни в коем случае нельзя. Вскоре после их ухода выяснилось, что один из них раньше служил в японской военной миссии, другой был редактором выходившей в городе при японцах газеты, а еще пятеро — частновладельцы, собственники мелких предприятий и доходных домов.

Этот первый визит заставил и командование и политотдел по-иному посмотреть на обстановку. Долго оставаться без органов управления города и селения не могли. Возложить все дела на плечи военной администрации было невозможно, да и неправильно. Но и создавать такой орган власти односторонним порядком, волевым решением военной комендатуры тоже было нельзя. Решили обратиться за разъяснениями в штаб флота и в Политуправление. А пока остановились на том, чтобы представителей в низовой орган власти выдвинуть на собраниях рабочих, а полный состав согласовать с комендатурой. Вместе же с комендатурой предрешить, чем должен этот орган заниматься и как его лучше построить.

Так в эти дни возникло городское самоуправление в Нахичине. Председателем его стал врач Ли Хон Тык — почитаемый населением человек, выходец из небогатой семьи. Люди его знают с давних пор, и потому многие горожане называли его имя, когда определяли, кого поставить на этот пост.

Острый спор разгорелся вокруг названия еще не родившегося учреждения по управлению городом. Многие горо-

жане слышали о Советах, знали, что это власть народа. И им тоже хотелось по возможности скорее иметь у себя такую власть. Целая делегация явилась в политотдел с просьбой назвать только что появившееся на свет учреждение Советом и корейским исполкомом. Долго пришлось им объяснять, что не пришло еще время называть их власть советской. Убедили корейских товарищей назвать орган местной власти временным городским самоуправлением.

— Правильно поступили, — поддержал Карпова начальник политотдела Южного морского оборонительного района полковник В.М. Гришанов, — местными делами, нуждами населения должны заниматься сами корейцы. Пусть скорее набирают силы низовые управления городской жизнью. На первых порах они будут временные, пока возникнет в Корее какая-то своя центральная власть.

Василий Максимович сказал, что в Чхончжине тоже подобралась первая группа работников городского самоуправления. Сначала нашли начальника отдела торговли, а за ним — и отделов по транспорту, по культуре и народному образованию. Теперь они ищут себе подходящих работников. Чтобы не оказались во главе городских дел бывшие сотрудники японских учреждений, а также свои, корейские богачи и их прихлебатели, руководители самоуправления приходят в политотдел советоваться о всех новых назначениях. По многу часов приходится работникам политотдела и строевым офицерам беседовать с этими товарищами об их делах, рассказывать, с чего следовало бы начинать дело. Нужно будет время, и немалое, чтобы выковались свои, корейские, администраторы и руководители. Сами научатся безошибочно оценивать людей, доверять им или убирать негодных. Устаноятся и избранные народом органы власти вверху и внизу, на их плечи лягут тогда все дела. Но в эти первые дни после освобождения, когда городское самоуправление делает начальные робкие шаги, по всем делам они приходят советоваться с нашими военачальниками и политработниками.

— Что верно, то верно, — подключился к Гришанову капитан третьего ранга Е.Ф. Алексеенко. — Нам никак нельзя

оставлять городские самоуправления без внимания. Ведь прошло-то всего несколько дней, а в них пытаются пролезть всякие подозрительные типы.

И он рассказал, что произошло в Унги.

— Сначала вполне удачно родилось городское самоуправление. Дело как будто стало налаживаться. Но тут в городе появилось несколько человек, заявивших, что они специально посланы из Сеула для создания местной коммунистической партийной организации и для образования органов власти. Эти посланцы из Сеула именовали себя представителями центральных организаций Компартии. Они якобы должны были помочь в подготовке выборов в корейское правительство на базе, как они выразились, «широкой демократии». Все поведение этих гонцов и особенно их притязания вызвали сразу сомнение: Компартии Кореи давным-давно не существует, она распущена и не имеет никаких центральных органов. Да и приехавшие никаких документов на руках не имели. Руководители самоуправления отказались иметь с ними какое-либо дело. Тогда сеульцы стали угрожать силой.

Подобрав себе в Унги несколько сторонников, они начали домогаться, чтобы городское самоуправление было существенно изменено, некоторые неугодные им представители народа были бы оттуда выведены, а прибывшим из Сеула и поддерживающим их унгинцам переданы наиболее важные посты. Они вознамерились заменить начальника народной милиции и предложили поставить на этот пост привезенного из Сеула человека. Приезжие претендовали также на должности управляющего делами, инспекторов милиции, начальника рыбного отдела самоуправления.

Занять все эти посты — означало держать в своих руках наиболее важные, ключевые позиции. Когда руководители самоуправления эти незаконные и необоснованные требования отвергли, сеульцы затеяли драку, пустили в ход палки, разбили имущество в здании самоуправления. Наводить порядок пришлось работникам советской военной комендатуры. Проверка показала, что эти приезжие — самозванцы, никакие не коммунисты. В неустоявшейся обстановке пер-

вых дней после освобождения они пытались поставить во главе только что родившихся городских властей угодных себе людей, лиц сомнительных, совсем не известных жителям города Унги.

— Все это далеко не случайно, — как бы подводя итог, сказал Гришанов. — Разные люди рвутся теперь к рулю управления. И тут нам надо не только держать ухо остро, но и помочь трудовым людям выбрать правильную дорогу, не дать политиканам увести народ в сторону.

Наш партийный долг — помочь людям в этом бурлящем котле быстрее распознать тех, кто своекорыстно пробирается вверх, и показать тех, за кем следует идти ради возрождения свободной Кореи. К истинным коммунистам люди примкнут.

Сейчас хлопот полон рот. Дел свалилось неисчислимое множество. Ежедневно и ежечасно столько ходочков и столько вопросов, что мы во многие места не успеваем. Переводчиков мало, да еще некоторым из них горожане не доверяют. И потому надо стараться, чтобы скорее встала на ноги своя корейская администрация. Чем быстрее подберутся на разные посты местные люди, тем скорее наше командование и политработники освободятся от массы всяких хозяйственных забот.

V

Десантники морской пехоты рассказали нам, что в город привезли японского генерала со всем его штабом. Нас заинтересовали подробности захвата этой важной персоны. Попросили начальника политотдела 13-й бригады подполковника Сунковича рассказать об этом рейде.

— До жителей Чхончжина дошел слух, что генерал ищет возможность удрать в южную часть страны. Его специальный поезд остановился в одном из небольших городов в глубине материка. Об этом корейцы тут же сообщили советскому командованию. А наши войска были еще далеко. Упускать генерала и его штаб не хотели. Решили попытаться его

захватить. Обстановка на пути до города была совсем неизвестна. Но соблазн был уж очень велик.

Срочно снарядили подвижную группу из опытных бойцов. Командовать этим отрядом назначили офицера Лазаренского. К месту стоянки генеральского поезда разведчики ехали на автомашинах около суток. Дорога была тяжелая — горная, разбитая. По ней не ехали, а ползли. Противника на пути не попадалось. Поэтому двигались без происшествий и без потерь. Когда уже приближались к городку, наткнулись на небольшие заслоны и дозорные посты. Но они были так ошеломлены неожиданным появлением советских солдат, что потеряли всякую способность к сопротивлению. Всех их без боя разоружили и взяли в плен.

Рейдовый отряд с ходу ворвался в город и тут же поспешил к железнодорожной станции. Группа лейтенанта Григорьева быстро проникла в станционные постройки. На путях разведчики обнаружили готовый к отправлению поезд. Взвод лейтенанта Шишкина в это время взял под контроль все подходы к нему. В вагонах оказалось полно японских чиновников и военных. Кое-кто, развалившись в креслах, спал, другие развлекались.

Григорьев с группой бойцов вошел в штабной вагон. Чиновники пытались оказать сопротивление и вызвать для поддержки солдат и офицеров. Однако им было твердо заявлено, что это не принесет никакой пользы и только приведет к ненужным жертвам. Тогда генерал сложил оружие и приказал это сделать остальным своим подчиненным. Построив всех военных и гражданских чиновников на перроне, генерал доложил, что он со своим штабом и охраной сдается на милость победителей. Чиновники, военнослужащие охраны и примерно полурота солдат из гарнизона города были посажены на автомашины, на другие — погружено оружие. Рейдовая группа двинулась в обратный путь на Чхончжин. За двое суток пришлось проехать свыше четырехсот километров. Задание рейдовый отряд выполнил.

После рассказа Сунковича посидели еще немного, поговорили и стали расходиться. Нам пора было отдыхать — не

исключено, что в ночь или под утро придется выходить в операцию.

Темно-серое здание штаба оборонительного района почти сразу же растворилось в ночной темноте. Окна наглухо зашторены. Но в комнатах при свете ламп еще работают офицеры. Они отрабатывают документы к очередной десантной операции.

Бои по разгрому группировки противника в районе Чхончжина и Нанама подходили к концу, и тут же стала разворачиваться новая военно-морская база Тихоокеанского флота. Для полной безопасности восточного корейского побережья, для защиты городов и селений, поскольку у корейцев совсем не было своих вооруженных сил, нашим командованием был создан специальный морской оборонительный район.

Вошедшие в состав района Унги-Начжинский сектор береговой обороны, Чхончжинская и Вонсанская военно-морские базы сложились значительно позже. Теперь же, в эти дни, было только название этих баз, название сектора, отряды легких морских сил, небольшая группа командования, разместившегося то на кораблях, то в полевых условиях, да воинские части, только что вышедшие из боя или продолжающие вести боевые действия.

Хлопоты начального периода формирования, прибытие все новых подразделений и частей, неопределенность обстановки, продолжающиеся к югу от города столкновения с разрозненными остатками вражеских сил — все это накладывало на Чхончжин тех дней свой отпечаток. Привычная стройная воинская организация в тот период еще не наладилась. Все как-то ходило, двигалось, переворачивалось, перестраивалось, искало себе установленное приказами место.

Штабы и политорганы в своем полном составе пока не прибыли. Всякого рода инженерные, тыловые, медицинские и другие обслуживающие подразделения либо только грузились во Владивостоке на суда, либо находились на пути к Чхончжину. Командиры входящих в состав оборонительного района частей генерал-майоры А.Г. Сорокин и В.П. Трушин размещали выходящие из боев войска и подразделения по

казармам и береговым сооружениям, налаживали охрану занятого побережья с суши и с моря. Генерал-майор Е.И. Жидилов занимался развертыванием тылового хозяйства. А жизнь каждый день выдвигала перед ним массу все новых и новых вопросов, требовала разбираться в делах, которые совсем не были предусмотрены уставами, инструкциями и наставлениями.

Остаток вечера в Чхончжине перед выходом на задание предоставлен для подгонки снаряжения. Велено тщательно проверить оружие и непременно поспать. Поход может быть тяжелым, потребовать большой физической нагрузки. Поэтому надо поберечь силы.

И все-таки не спится. Не потому, что непривычно лежать на полу на соломенной циновке, а не на кровати в отрядном кубрике. Хочешь не хочешь, а множество мыслей будоражит голову, одному с ними оставаться просто непереносимо. Матросы лежат и переговариваются друг с другом. Кто-то делится впечатлениями от осмотра города, несколько человек вполголоса вспоминают недавнюю беседу в штабе.

Но у большинства на уме — самое волнующее, самое долгожданное — сообщение радио о заявлении императора Хирохито о готовности капитулировать. Сокровенное желание — дожить до исхода войны, выйти живым и, может быть, здоровым из нее — волей-неволей сегодня само собой прорывается наружу. Когда война на западе каждодневно уносила тысячи людей, тоже о жизни думалось, жить хотелось. Ради нее и бились на огромном фронте. Но тогда это желание жизни не было настолько осязаемо, как сейчас. Совсем близкая, осязаемая, такая, что почти можно притронуться рукой, победа невольно рождает надежду на благополучный исход. Что ни говори, а человеку жить хочется. На тот свет люди не торопятся. Матери рожают и растят детей не для смерти. И в этой войне в итоге-то побеждает жизнь.

Судя по передаваемым радиостанциями сводкам, по поведению японских войск на побережье, мы чувствуем, что война с Японией пошла к концу. Если предпринятое летом суровое предупреждение не подействовало на японское правительство и военное командование, то разгром Кван-

тунской армии, изгнание ее войск из Маньчжурии и Кореи сделали конец войны совсем близким и видимым. Мысли невольно стали склоняться к тому, что это последние боевые операции в этой войне.

Хотя и ходят разговоры о капитуляции Японии, но японские войска и в Маньчжурии и в Корее продолжают местами вести боевые действия, в плен не сдаются, стараются оторваться от наших войск. Командованием приказано понудить противника сдаваться в плен. Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал Василевский расширил зону боевых действий Тихоокеанского флота и приказал кораблям и частям флота овладеть Вонсаном. Адмирал Юмашев образовал Вонсанскую военно-морскую базу. Пока она еще в руках противника и ее предстоит отобрать у неприятеля. Генералу Кабанову было приказано овладеть Вонсаном не позднее полудня 21 августа.

Заря взошла над нашу землю, —
И я, седой старик, помолодел,
Встречая армию Страны Советов.

Чо Ги Чхон. Поэма «Пэктусан»

КОГДА КРЕПОСТИ СДАЮТСЯ БЕЗ БОЯ

I

К вечеру двадцатого августа отряд кораблей с десантом вышел из Чхончжина. Штурманы проложили курс на Вонсан. На борту эсминца «Войков», двух эскортных кораблей, двух больших тральщиков и шести торпедных катеров разместились полтора батальона морской пехоты, рота противотанковых ружей, батарея 120-миллиметровых минометов, батарея противотанковых пушек, инженерные, санитарные подразделения и наш разведывательный отряд. В общей сложности для высадки в Вонсан отплыло более тысячи восьмисот человек. Командовать десантом на переходе и обеспечить его высадку поручено ка-

питану первого ранга Александру Студеничникову, только что назначенному командиром еще не отвоеванной Вонсанской военно-морской базы. Командование сводной десантной группой генерал Кабанов возложил на начальника штаба 13-й бригады морской пехоты подполковника В.Ф. Козлова. В его оперативное подчинение входит и наш отряд. С отрядом в новую десантную операцию отправились заместитель начальника разведотдела капитан третьего ранга Г.П. Колюбакин и старший офицер по разведке подполковник Н.А. Инзарцев. Еще в начале повествования я говорил о том, как мы встретились на востоке с Николаем Аркадьевичем, командиром нашего отряда в первый период войны на западе. Теперь обстоятельства вновь свели нас на военной дороге, опять ему выпала доля испытать военное счастье вместе со своими старыми боевыми друзьями.

Разведывательный отдел штаба флота добыл сведения о том, что противник готовится к эвакуации своих войск из Вонсана и к вывозу военной техники и имущества. Десанту приказано быстро и скрытно подойти к этой военно-морской базе, пробиться в бухту, захватить порт, овладеть городом, принудить вражеский гарнизон к капитуляции, разоружить и пленить его. Десантные подразделения должны захватить расположенный вблизи Вонсана военный аэродром, не допустить ухода военных кораблей и других вражеских судов в Японию.

Инзарцев позже рассказывал мне, что ночью на 20 августа они рассматривали план операции у генерала Кабанова. Поставив задачу и обсудив все варианты ее выполнения, Кабанов в заключение сказал, что, если на подходах к Вонсану противник силами флота, авиации или береговых батарей попытается противодействовать десанту, в бой на море и на подходах к берегу не вступать, тут же повернуть обратно к своим берегам.

Вонсан, центр провинции Канвон, считается одним из наиболее крупных городов страны. Он расположен почти у 38-й параллели, как бы делящей полуостров пополам. (Это обстоятельство, как известно, сыграло впоследствии в судьбе Кореи весьма роковую роль.) Вонсан помимо обширного

морского порта с прекрасной гаванью и большого рыболовного хозяйства имеет металлургические и химические заводы, текстильные, пищевые, кожевенные и целлюлозные предприятия, поблизости от него расположен небольшой каменноугольный район. Через город проходит несколько линий железных и шоссейных дорог. Почти полтораста тысяч человек проживают здесь.

Гарнизон Вонсана, по тем данным, которыми располагала наша разведка накануне войны, насчитывает не менее восьми тысяч человек. Это не только крупный порт, но и самая важная морская крепость на восточном побережье Кореи. В северной части залива базируются военные корабли. Для временного отстоя иногда заходят даже крейсера. На многочисленных островах у входа в бухту и на двух полуостровах — Ходо и Кальма, как бы двумя клешнями сузивших этот вход, размещены береговые дальнобойные, противокатерные и зенитные батареи.

Задача перед десантом поставлена трудная. И не только потому, что у противника будет численное превосходство. Дело в том, что в ближайшее время мы не можем рассчитывать на подкрепление дополнительным десантом или армейскими частями с сухопутья. Если уж возникнет крайняя надобность — мы получим поддержку авиацией и кораблями, да и то не сразу.

Отряд опять идет в первом броске. Следом за нами, несколькими часами позже, на разведанный плацдарм ступит остальной десант. Вышли мы из Чхонджина, когда основные силы десанта прошли без малого полпути к цели: скорость наших катеров, которыми командуют Герой Советского Союза старший лейтенант В.И. Быков, лейтенант Н.А. Алексеев и мичман В.Ф. Шамонин, позволяет нам обойти десант на переходе морем. Наши ребята успели хорошо приспособиться к плаванию на катерах в этих теплых широтах, уже приучились беречь силы. Пока экипажи катеров зорко несут свою вахту, наши отдыхают. Несколько человек спустились в кубрики и спят там, но большинство устроились прямо на верхней палубе, подложив под голову рюкзаки.

В первый бросок с отрядом отправилась группа минеров.

По опыту прошлых высадок мы уже убедились, что избежать излишних потерь от мин на берегу можно, если их умело разыскивать.

Для минеров это первый боевой поход. Предчувствуя опасности высадки в занятый врагом большой город, впервые оказавшись в море на боевом корабле, они не могут скрыть своего волнения.

Некоторые солдаты прилегли, но уснуть не могут. Делают вид, что спят, но нет-нет да и приподнимут голову, чтоб поглядеть вокруг. То присядут, то переложат с места на место свой рюкзак, миноискатель...

Глядя на этих впервые идущих в поход ребят, невольно вспоминается, что точно так же не мог найти себе места в первом походе и каждый из нас. Не знали, куда сунуть свои руки, как будто они были лишними, все пытались пристроиться то на одном месте, то на другом.

Обогнав на дальних подходах к Вонсану отряд кораблей с десантом, катера с разведчиками на борту с наступлением рассвета подошли к заливу Иохынман. Погода стоит прекрасная, полный штиль, море изумительно спокойное и гладкое, видимость отличная. Вообще на удивление даже старожилам стоит поразительный август. Видно, ливневые дожди в июне и июле вылили на землю всю летнюю порцию осадков, в том числе и августовскую.

Корабли с основным десантом еще не подтянулись вплотную, оставаясь вне досягаемости береговых батарей, а наша головная группа около девяти часов утра уже начала движение в гавань Вонсана. Пока мы не высадимся, не разведем обстановку, не выясним, можно ли им ступить на берег, основные силы десанта останутся на кораблях.

И экипажи катеров, и все десантники на боевом взводе. Матросы прильнули к прицелам пулеметов, через дальномеры и бинокли они ощупывают буквально каждый метр воды и берега. Ощетинившись множеством стволов, готовые мгновенно изрыгнуть поток пулеметного огня и малокалиберных снарядов, катера сейчас сторожоко, все время как бы примериваясь и прицеливаясь, пробираются в этот далекий, незнакомый порт. Без всякого сомнения катера проходят на

глазах сотен, а может, и тысяч людей. Как они отнесутся к нашему появлению, какими приказами руководствуются на случай приближения советских кораблей — никто из нас не знает.

Чтобы попасть в Вонсан, надо пройти прямо перед стволами нескольких крупнокалиберных береговых батарей. Установлены они на полуостровах Ходо и Кальма, о которых уже говорилось. И в самом узком месте входа в бухту — на островах Йодо и Синдо тоже спрятаны противокатерные и зенитные орудия. Сначала катера с нашим отрядом миновали квадраты обстрела дальнобойных батарей, а затем оказались в зоне досягаемости противокатерных и зенитных орудий. Если японцы вдруг ударят по кораблям с этой очень выгодной дистанции, на давно пристрелянных площадях, то крупных потерь не миновать.

Все отчетливее видно, что множество мелких суденышек — скорее всего рыбацких шхун и шлюпок — снуют на подходах к берегу и в проливах. Постепенно они все более вырастают из воды, сближаются с нами. И почти у каждой на мачте — красный флажок. Катера чуть сбавили ход, чтоб унять волну, а то можно и опрокинуть эти рыболовные ладьи. Люди на них приветливо машут нам руками и шляпами.

Катера снова прибавили ход. Командир дивизиона капитан 3-го ранга Малик передал, чтобы в бухту войти на полной скорости. Проскочили входной створ, острова остались позади, и катера оказались в обширной бухте Вонсана. Развернувшись широким строем, катера устремились к пирсам в западной стороне бухты.

У причальных стенок стоят три крупных транспорта, множество шхун и джонок. Кораблей военного флота не видать. Как оказалось позже, несколько мелких кораблей, типа катеров-охотников за подводными лодками, базировались в военной гавани, расположенной в северной части бухты.

Подойдя вплотную к стенке, катера отрабатывают задний ход и замирают как вкопанные. Отряд за какую-нибудь минуту высадился и тут же без задержки стал продвигаться в глубь города. Противник никакого сопротивления при высадке не оказал, не раздалось ни одного выстрела. На при-

чалах и на припортовых улицах не встретили ни одного японского солдата. В первый момент не попадают и корейцы.

Сразу бросается в глаза, что обстановка в Вонсане совсем отличается от обстановки в городах на севере страны, где мы высаживались накануне: никаких следов боевых действий, ни пожаров, ни разрушений — ничего такого здесь не видно.

Проскочив складские помещения в порту, на одной из улиц встретили нескольких жителей города, успели расспросить, где размещается штаб японского командования. Сверили их показания с планом. Оказалось, что план города уже устарел, в нем имелись существенные неточности. То здание, которое на плане было обозначено как штаб гарнизона, на самом деле служило увеселительным заведением для офицеров. Хорошо, что переводчик успел вовремя разобраться, а то заскочили бы мы вместо штаба к гейшам.

Отряд по трем направлениям продолжал углубляться в город. Взвод Никандрова повернул чуть вправо и по ближайшей улице двинулся в северную часть. С ними пошел в сторону штаба крепости и подполковник Инзарцев.

Леонов с группой обеспечения, прихватив по одному отделению из обоих взводов, направился по прямой широкой улице к центру города, намереваясь овладеть зданием почты и телеграфа.

Мой взвод Леонов послал по соседней параллельной улице, приказав дойти до банка и взять его под охрану.

Разведчики вытянулись цепочкой, держат оружие на изготовку и не спеша все более углубляются в город. Теперь мы идем уже не по пустынным улицам. Горожане группами стоят вдоль улиц, возле своих домов и у заборов и приветливо машут руками, что-то выкрикивают, но понять сразу не успеваем. Обращаются с улыбкой, приветливо. Мы не без оснований считаем, что они радуются нашей высадке.

Прибежавший связной сказал, чтобы к банку отправилось одно отделение, а остальных разведчиков моего взвода командир отряда вызывает к себе. Они остановились у

комендатуры. К банку с группой матросов пошел Андрей Пшеничных.

Не прошло и пяти минут, как оставшаяся половина моего взвода подошла на подкрепление к Леонову. Оказывается, группа командира отряда остановилась у японской военной комендатуры и вступила с японцами в переговоры. В комендатуре несли службу несколько японских офицеров. Леонов заявил им, что в Вонсан подошел советский морской десант, вот-вот он начнет высадку в городе. Во избежание кровопролития, ненужных жертв и в целях недопущения каких-то случайностей он требует от имени нашего командования незамедлительно отдать приказ о капитуляции, о подчинении гарнизона подошедшему десанту. Японские офицеры ответили, что они готовы вступить в переговоры. Разведчики за это время оцепили ближайшие к комендатуре здания, на прицел взяты улицы, перекрестки и подходы.

На площадь подошла грузовая автомашина. Из кузова выгрузили круглый стол и несколько стульев. Похоже, что японцы намереваются вести переговоры в обстановке, напоминающей какую-то солидную конференцию по мирному урегулированию. Хотя никто из наших никогда с дипломатическими условностями и правилами не сталкивался, командир отряда и замполит, не показав ни малейшего колебания, усаживаются за стол и первым делом заявляют, что по поручению советского командования они требуют от японских представителей подписания документа о капитуляции и доведения его до войск гарнизона. На это старший из японских офицеров ответил, что такому диктату он подчиниться не может и приказа своим подчиненным отдать не имеет права. Леонов передает через переводчика, что десант высадился не уговаривать гарнизон капитулировать, а принять капитуляцию, поскольку известно, что император выступил по радио с признанием поражения страны в войне. Если же гарнизон не собирается подчиняться требованию нашего командования, то десант принудит его к сдаче силой. Японский офицер заявил, что гарнизон способен оказать противодействие десанту.

— Если вы хотите воевать, то мы к этому готовы и приказ

о нанесении удара по гарнизону всей мощью авиации и флота будет отдан тотчас же.

Видя, что наши офицеры не собираются упрашивать, а предъявляют категорический ультиматум, что десант подошел сюда с твердыми намерениями, офицер ответил, что он не имеет права принимать решения по всему гарнизону.

— Командиром военно-морской базы является контр-адмирал Хори, а начальником сухопутной обороны полковник Тадо. Вся власть над гарнизоном в их руках. Только они могут вести переговоры о капитуляции гарнизона, — закончил офицер комендатуры.

Поскольку к штабу гарнизона отправился Инзарцев с частью взвода Никандрова, Леонов и Гузненков решают с остальной частью отряда продолжить продвижение в город, разобраться там в обстановке и держать под охраной почту, телеграф и банк.

II

Пока Леонов вел переговоры с офицерами комендатуры, Инзарцев со взводом Никандрова отправился на поиски штаба крепости. По пути наткнулись на приютившуюся на высоте метеорологическую станцию. Подумали, стоит выяснить, нет ли там японцев. Матросы с ходу заскочили в здание. Там сидели два японских офицера. Без всякого сопротивления они отдали разведчикам свои пистолеты и шашки. Но допросить их как следует не удалось. Отправившийся со взводом переводчик знал только корейский язык. А японцы не говорили по-корейски или прикинулись, что не знают корейского языка. К счастью, с группой пошел молодой кореец Мун, приставший к отряду еще в Чхончжине. Так и пришлось разговаривать с японцами при помощи двойного перевода: сначала через отрядного переводчика-корейца задавали вопрос Муну, тот по-японски разговаривал с пленными и потом ответы их переводил на корейский, и только после этого они доходили до разведчиков. Получалась довольно медлительная и едва ли точная процедура объяснения. Японские офицеры ничего путного Никандрову и Инзарцеву не сказали. Тогда наши

решили больше с ними попусту не терять времени. Вооружив двух горожан отобранным у японцев оружием, разведчики оставили пленных под их охраной, а сами двинулись дальше по пути к штабу крепости.

Широкая асфальтированная дорога поднималась на небольшой холм, сплошь покрытый хвойным лесом. На нее в нескольких местах выходили аллеи, обсаженные невысоким кустарником. Декоративные кусты тянулись и по обеим сторонам дороги, между проезжей частью и пешеходными дорожками.

Высокое, из красного кирпича красивой кладки здание штаба отчетливо виднелось за леском на высоте.

Разведчики, держа оружие на изготовку и прижимаясь поплотнее к лесу, двинулись к штабу. Никандров и Инзарцев предупредили ребят, чтобы ни в коем случае без приказа не было сделано ни одного выстрела. Сами они вышли на середину дороги и вдвоем пошагали к дому. Оружие решили на показ не выставлять, но иметь его наготове: заложив патрон в патронник и придерживая курок пальцем, пистолеты держали в опущенной вниз руке, прижав ее к бедру. Получалось, что и оружием не размахивают и в то же время не безоружны. Остальные разведчики шли впритирку к деревьям и к кустам, прикрывая и сопровождая идущих по дороге.

На перекрестке дороги с первой аллеей, прямо посередине шоссе стоял японский солдат. Широко расставив ноги, он держал поперек тела на спущенных вниз руках винтовку. Он как бы загораживал середину дороги, суживал ее.

Разведчики решили возле него не останавливаться, а, обойдя справа и слева, продолжали шагать по асфальту, сделав вид, что японского солдата как будто и не было на их пути. Он тоже не пошевелился и не обмолвился ни словом.

Прошли еще шагов полсотни. Новый заслон японцев. На этот раз более устрашающий. По обеим сторонам магистрали, в кюветах стоят по офицеру и по двое-трое солдат, а в ногах у них, вытянув к идущим десантникам стволы, — станковые пулеметы.

Когда до пулеметов оставалось шагов двадцать пять —

тридцать, японские солдаты присели на одно колено и припали к прицелам.

Сердце у десантников дрогнуло. Оказались буквально на волоске от тяжкого исхода; не выдержи у кого-нибудь нервы, нажми от волнения неосторожно на спусковой крючок, раздайся хоть один выстрел — и пошла бы заваруха. Не соберешь ни своих, ни чужих.

Выработанная годами выдержка и тут позволила избежать кровопролития, хотя наши и не знали об истинных намерениях японцев: собираются ли они подпустить десантников на близкое расстояние и в упор расстрелять или рассчитывают нажать на психику, авось нервы у нас не выдержат — повернем назад и уйдем.

Не обмолвившись ни словом, — даже некогда было переговорить и прикинуть, — лишь перекинувшись коротким взглядом, разведчики прошли и мимо этого заслона, сделав вид, что и это препятствие их не пугает.

Оставив у себя за спиной японцев с пулеметами, разведчики почти вплотную подошли к воротам штаба. И тут оказались двое вражеских солдат с винтовками наперевес в вытянутых вниз руках.

Пришлось остановиться перед закрытыми воротами. Позади и впереди десантников вооруженные японцы с оружием на изготовку.

Ворота открылись, и навстречу вышел японский офицер.

Инзарцева по внешнему виду трудно было признать за старшего среди подошедших разведчиков. Может быть, возраст, осанка и привычка командовать подсказали бы опытному глазу, что это не рядовой разведчик, а старший офицер. Как и все остальные, одет он был в полуспортивную, полувоенную форму: на голове лыжная шапочка с большим козырьком, вместо гимнастерки — спортивная куртка со многими карманами, флотские широкие брюки заправлены в яловые сапоги. В такой же неопределенной форме, без всяких знаков различия были и остальные разведчики. В других походах это было хорошо: удобно, практично. Но в этой операции, когда пришлось не воевать, а вести сложные переговоры, морская форма со всеми знаками различия

очень бы пригодилась. Только Леонов и Гузненков отправились в поход в кителях и с погонями. Позже этот более или менее официальный вид как раз и импонировал японцам, когда пришлось с ними круто разговаривать.

Так или иначе, вышедший из ворот офицер обратился к Инзарцеву, спросив, что нам нужно, зачем мы пожаловали.

Инзарцев ответил, что подошедшие десантники хотели бы видеть коменданта крепости или начальника штаба.

Офицер сказал, что понял хорошо, повернулся и ушел в штаб.

Десантники остались у ворот дожидаться результата. Положение складывалось довольно щекотливое: прорываться силой в штаб рискованно, из-за пустяка можно вызвать конфликт, но и стоять в бездействии у ворот тоже не пристало победителям — ни к чему ставить себя в положение просителей. Ведь разведчики пришли не просить, а диктовать условия. Ожидание затягивалось, прошло не менее двадцати минут. Неловкость стали чувствовать и разведчики и офицеры.

В этот момент дверь снова отворилась — и к разведчикам вышла целая группа японских офицеров. Старшим оказался сухопутный офицер в чине полковника. Он назвался комендантом города.

Услужливый адъютант поставил позади него стул-раскладушку, полковник сел, положил руки на эфес поставленной между ног шашки и передал через переводчика, что он готов выслушать советских представителей.

Инзарцев сказал, что к городу подошел советский морской десант на кораблях. Война Японией проиграна, еще несколько дней назад император заявил о капитуляции. Наш десант прибыл, чтобы принять капитуляцию гарнизона и обеспечить необходимый порядок в городе. Советское морское командование предлагает командиру японского гарнизона вместе со старшими офицерами войск прибыть на советский корабль, стоящий в порту, чтобы там вести переговоры об условиях и порядке капитуляции.

Полковник ответил, что он понял требование советских представителей, немедленно об этом доложит командованию гарнизона. После этого он поднялся, слегка наклонил

голову в знак прощального приветствия и, выпрямившись, стараясь сохранить важность осанки, отправился обратно в штаб. Адьютант подхватил и понес стул, остальные офицеры двинулись следом за полковником. Ворота тут же за ними закрылись.

Вся наша группа повернулась и отправилась обратно в порт. Инзарцев и Никандров решили вести десантников не по той широкой дороге, по которой шли к штабу. Все еще опасаясь какой-нибудь внезапной выходки со стороны японцев, они повели десантников по узким аллеям, которые скорее всего могли вывести их к порту.

Первые отрядные посланцы, сходявшие к японскому штабу, чтобы вызвать вражеское командование на переговоры, пошли назад к стоящим в порту катерам.

III

После рейда по городу мой взвод и Леонов с группой разведчиков возвратились в порт. Задержался лишь взвод Никандрова и Инзарцев с ними. Они вышли на побережье бухты и расположились на одной из небольших высот, выставили дозорных и стали наблюдать за обстановкой. Нам они из порта не были видны, а они хорошо видели и остальную часть отряда, и катера, и всю бухту, вплоть до островов.

Присели, кто на чем, перекурили и решили подвести короткий итог. Предварительные сведения разведотдела, видимо, близки к истине — японских войск в городе много. Намерений оказать десанту сопротивление и развязать военные действия с их стороны пока не заметно. Офицеры то в одиночку, то группами проходят по городским улицам, с десятков их видели возле увеселительного заведения. Солдат на городских улицах нет, наверное, их держат в казармах и на укрепленных позициях в окрестностях города. Власть японского военного командования сохраняется, но чувствуется, что японцы ожидают с часу на час каких-то крупных перемен. Иначе они не позволили бы нам передвигаться по городу столь беспрепятственно.

Горожане настроены к нам дружелюбно. Приветливо ма-

шут руками, стараются заговорить, если что спрашиваем — охотно отвечают и показывают. Но ходят по улицам небольшими группами, по несколько человек. Люди пока притаились, как будто выжидают — что будет дальше, скоро ли кончится власть японцев. Магазины, лавчонки закрыты. Машины и повозки проезжают изредка. Городская жизнь идет в каком-то замедленном темпе. И не жара тому причиной. Состояние неопределенности, ожидания резкого поворота событий нависло над городом.

Передали в штаб десанта очередную радиogramму, сообщили, что воинственных намерений со стороны противника не заметно. Обстановка довольно отчетливо прояснилась, теперь командование десанта может решать, как поступать дальше.

Обследовать весь город нашему отряду сейчас невозможно. Не сможем мы взять под охрану и наиболее важные объекты. Даже мелкими группами, по двое, по трое, не охватим и половины того, за чем надо наблюдать. Да и разбиваться на такие группы в этой обстановке опасно. Для успешных переговоров с японским командованием отряд тоже пока не обладает достаточно внушительной силой. Первый разговор с офицерами комендатуры показал, что для успеха переговоров надо наращивать наши силы в городе.

Прошло уже более четырех часов, как мы одни в Вонсане, нафаршированном многотысячным вражеским гарнизоном. У причалов стоят лишь три торпедных катера, доставивших отряд. Корабли с десантом все еще в море, отстаиваются за островами у подходов к бухте, выжидают прояснения обстановки.

Нестерпимо пекущее солнце прошло зенит. Но дышать все равно тяжело. Слишком непривычны здешняя жара и влажность для нас. Собравшись на причалах, матросы расстегнули воротники, закатали рукава. Хотелось бы разуться, да пока нельзя. Каждый старается укрыться хоть в небольшой тени.

Пока так сидели, курили и разговаривали, было тихо. Вдруг до нашего слуха донеслись отзвуки артиллерийской стрельбы. Матросы встревоженно вскочили со своих мест.

Замечаем белые облачка разрывов зенитных снарядов в небе над морем. Вдали уходят по направлению на восток пять-шесть самолетов. Похоже, что наши артиллеристы обстреляли японские самолеты за пределами досягаемости корабельных зенитных орудий. Через минуту-другую стрельба прекратилась.

Впоследствии оказалось, что наши предположения были правильны. Когда наши корабли, направляясь в бухту, проходили вблизи островов, с аэродрома поднялась шестерка японских самолетов. Командир десанта приказал немедленно их обстрелять. Но было далеко, ущерба нанести им не могли. Так или иначе, а первая стрельба в этой операции раздалась. Нам очень хотелось, чтобы ее вовсе не было, а уж коли случилась, то чтоб была последняя. Когда будут стрелять обе стороны, остановить кровопролитие будет трудно.

В начале третьего в порт вошел один тральщик. Ошвартовался у стенки невдалеке от торпедных катеров. На борту его пришли в город Студеничников, Козлов, Колюбакин и взвода два морских пехотинцев.

Вскоре подошел на причал и Инзарцев с частью взвода Никандрова. Теперь все разведчики собрались на пирсе возле катеров.

Наши офицеры доложили командованию десанта об обстановке в городе, рассказали о разговоре с офицерами комендатуры и с комендантом гарнизона. До назначенного ему времени прибытия на корабль остается менее трех часов. Решили ждать установленного часа.

В этот момент к пирсу подошел один из торпедных катеров, ходивший на короткое время куда-то в южную часть бухты. На причал спустился командир дивизиона катеров капитан 3-го ранга Малик и стал докладывать Студеничникову и Козлову о своем рейде.

Оказывается, Малик решил попытаться высадиться на японский аэродром на полуострове Кальма. Он думал, что ему удастся лишь с несколькими матросами заставить японцев на аэродроме согласиться на капитуляцию.

Подошли к берегу, ошвартовались у стенки, нацелили пулеметы на видневшиеся невдалеке аэродромные постройки

и собрались высадиться на причал. В этот момент с аэродрома подъехал на велосипеде японский офицер. Остановившись шагах в двадцати, он на довольно чистом русском языке сказал, что командир авиационной базы требует немедленно убратся от берега. Если катер сию же минуту не отойдет от причала, по нему будет открыт огонь.

— Нам ничего не оставалось, — закончил Малик, — как сняться со швартовов и уйти обратно. Не могли же мы вступить в перестрелку...

Наши офицеры посоветовались между собой и решили отложить попытку проникнуть на аэродром до следующего дня. Случай этот лишний раз показывал, что надо быть настороже. Видимо, немало японцев настроены далеко не миролюбиво, среди них могут оказаться и такие, кто пойдет на любую провокацию, чтоб осложнить обстановку.

Тем временем показались из-за островов и начали приближаться к причалам остальные корабли с десантом. Осторожно, на малом ходу они вошли в порт и начали швартоваться позади торпедных катеров и тральщика. Десантные части пока остаются на кораблях, на берег не высаживаются. Сошли лишь немногие из офицеров и старшин экипажей кораблей.

Моряки с кораблей и десантники в нескольких местах сошлись небольшими группами и рассказывают друг другу об увиденном и услышанном.

Еще когда корабли стояли в дрейфе, наблюдатели заметили, как из-за острова выскочила на полном ходу и устремилась в море японская шхуна. Катера задержали ее и заставили подойти к борту фрегата. На шхуне оказались два японца и один кореец. Допросили их и выяснили, что один из японцев, одетый в зеленый форменный мундир, служит смотрителем маяка. Задержанные признались, что намеревались уйти на шхуне в Японию. От них потребовали показать проходы в минных полях. Сначала они пытались отговориться незнанием, потом боязнью, но когда им сказали, что их жизнь зависит от них самих, они согласились провести наши корабли по безопасному фарватеру. Так с ними, с их картами корабли с десантом и прошли все опасные места

по пути в бухту. Эти «лоцманы» оказались очень кстати — с их помощью удалось миновать минное заграждение. Правда, одна мина все-таки взорвалась в трале. Но это уже не страшно, потеряли параван¹, но не пострадали корабли.

Мимо береговых батарей проходили в напряженном ожидании: пропустят японцы в порт или ударят по десанту всей мощью своей артиллерии. К счастью, все обошлось благополучно. В напряженном молчании прошли мимо множества крупных и мелких островов и оказались в бухте.

Как только прикрывающие вход в бухту острова остались позади, сигнальщики доложили, что из гавани на полной скорости намереваются уйти несколько мелких судов. Командир десанта отправил торпедные катера перехватить беглецов и под угрозой обстрела не выпускать их в открытое море. Строгость подействовала, шхуны вынуждены были сделать поворот и возвратиться в порт.

Корабли с десантом еще только подходили к причалам, не начали швартоваться, а навстречу им двинулись сотни горожан. Они спускались по улицам, ведущим в порт, целыми толпами. Больше всего мужчин, одетых в белые рубахи и короткие штаны чуть ниже колен, обутых в открытые сандалии на ремешках, на голове — широкополые соломенные шляпы. Есть и женщины, но их немного. Несут какие-то плакаты, написанные иероглифами на белом полотне. У некоторых в руках красные флаги. Постепенно народу прибывает все больше. Теперь на ближайших к порту улицах и у входов на причалы собрались уже тысячи людей. Живущие в ближайших домах примостились на балконах, на изгородях, даже нашлись такие, которые взобрались на крыши. Неумолчный гул стоит над заполнившей улицу толпой. Люди радостно приветствуют наших моряков. Несколько человек влезли на большой штабель дров и, энергично размахивая руками, что-то резко выкрикивая, стали произносить речи. Горожане шумно их поддерживают, кричат.

¹ Параван — приспособление, охраняющее корабль от возможности попасть на мину. Параваны ставят специальные судатральщики.

Переводчик говорит, что жители города приветствуют нашу армию, радуются, что подошли советские корабли, кричат, чтоб мы скорее выдворяли японцев из их города.

Пока шел этот митинг, не заметили, как время явки японского командования для ведения переговоров истекло, а они так к назначенному им часу и не пришли.

IV

Леонов ушел в штаб командования десанта, разместившийся на фрегате в салоне Студеничникова. Через некоторое время он возвратился и сказал, что отряду поручено снова пройти в штаб гарнизона выяснить, почему японское командование не явилось в порт для ведения переговоров, и доставить старших японских военачальников на корабль.

Студеничников, по словам Леонова, телеграммой доложил адмиралу Юмашеву об обстановке в городе, о настроениях местного населения, об уклончивом поведении вражеского командования. В ответ получена телеграмма начальника штаба флота. Вице-адмирал Фролов передает, что Военный совет флота требует от десанта проявить твердость духа, не допускать никаких уступок, понудить японское командование к незамедлительной капитуляции и организованной сдаче оружия. Десанту предписывается гарнизон разоружить в кратчайший срок, всех военнослужащих собрать в казармы, обращаться корректно, ничего, кроме оружия, не отбирать, генералов и офицеров перевести на казарменное положение, всем пленным создать условия соответственно воинским званиям, силами подразделений десанта организовать охрану.

Чтобы выполнить это задание, надо вести прямые переговоры с вражеским командованием, как-то тут, на месте, показать наше превосходство, суметь продиктовать врагу наши требования.

Леонов решил взять с собой по два отделения из каждого взвода и отправиться для выполнения задания.

Наступили уже сумерки. Митинг горожан на припортовых

улицах закончился, но люди не расходятся, стоят в ожидании, что же будет дальше.

Пройдя несколько в стороне от запруженных народом улиц, разведчики снова пошли в штаб, куда ходили днем.

Опять подошли к тем воротам, у которых останавливались первый раз. Приказав взять под наблюдение все подходы к штабу, держаться в полной боевой готовности на случай, если случится какая-нибудь заваруха, Леонов и Гузненков вместе с несколькими разведчиками прошли в ворота и отправились в штаб. Остальные десантники остались на постах возле штаба в томительном ожидании. Поблизости от наших несут свою службу и вражеские посты.

Охрана штаба беспрепятственно пропустила наших офицеров внутрь здания. Командующий базой контр-адмирал Хори и начальник сухопутной обороны полковник Тадо встретили явившихся к ним десантников в кабинете адмирала стоя. Хори — худенький, щуплый, среднего роста, лицо его сухощавое, волосы коротко подстрижены, мундир аккуратно подогнан. Внешностью он мало похож на военачальника, скорее напоминает мелкого чиновника. Но внешность бывает обманчива. Так оно и оказалось. Нашим пришлось встретиться с изворотливым и упорным оппонентом в переговорах. Тадо, напротив, роста выше среднего, мясист, мундир туго обтягивает его большой живот и поперечными складками морщится на спине. На полном одутловатом лице узкими щелочками проглядывают бегающие глаза.

Леонов объявил японским военачальникам, что войска их армии в Маньчжурии и на севере Кореи под ударами советских вооруженных сил потерпели поражение и в основном пленены, к Вонсану на кораблях подошел десант Тихоокеанского флота и сейчас начнет высадку. Нам известно, что токийское радио передало сообщение о капитуляции, которое сделал японский император. Ввиду этого Леонов уполномочен от имени Советского командования предъявить требование о немедленном сложении оружия и сдаче всего гарнизона города и крепости в плен. В качестве первой меры требуется тотчас же отдать приказ по войскам — не оказывать никакого сопротивления подошедшему десанту, с оружием

на городских улицах, вне расположения воинских частей, никому из военнослужащих не появляться.

Контр-адмирал Хори ответил, что первое требование — не оказывать никакого сопротивления подошедшему десанту — сейчас же будет исполнено. Практически ему остается лишь подтвердить ранее отданное приказание. И Хори тут же обращается к своему адъютанту, распорядившись еще раз повторить по частям его прежний приказ. Молодцеватый адъютант с аксельбантами мгновенно скрылся за дверью.

— Что касается капитуляции, — заявил Хори, — то я не полномочен вести такие переговоры и не имею на это права.

— Но ваш император уже сообщил по радио, что Япония капитулирует перед союзниками, — возразил Леонов.

— Вы человек военный и понимаете, что заявление императора относится ко всей стране в целом, ко всем вооруженным силам. Но мы должны получить приказ от своего непосредственного командования. А мы полномочий на ведение переговоров не имеем, — вставил полковник Тадо.

— Не наше дело запрашивать согласие вашего командования на капитуляцию. Об этом уже давно должны были позаботиться вы сами, — обращаясь не к Тадо, а к Хори, сказал Леонов.

Хори заговорил о том, что они совсем не знают, на каких условиях они должны капитулировать, потребуют ли от них только сдачи оружия, а всем солдатам и офицерам позволят возвратиться в Японию. Или же они должны сдать в плен союзным державам. И кому из союзников сдаваться — им тоже не сказано.

Увертка Хори совершенно очевидна. Поэтому Леонов отвечает, что непереносимое и элементарное требование полной капитуляции — сдача всех войск в плен вместе с командным составом, оружием и имуществом.

В разговор вновь вступает Тадо. Он говорит, что они не имеют связи со своими властями с пятнадцатого августа и потому точно обстановку себе не представляют.

— Все попытки связаться в течение последних дней оказались безуспешными. Если русские офицеры могут нам по-

мочь в этом, то мы с признательностью примем такое содействие, — так заканчивает свой ответ Хори.

Он стоит в своей полной военной форме, внешне спокойный и невозмутимый, без малейшего подобия улыбки на лице, но и без выражения скорби и печали. Умение сохранять привитую годами невозмутимость и властность все еще дает о себе знать.

Наши командиры переговорили между собой вполголоса. Вести дальше переговоры в японском штабе бесполезно. Японцы в своем штабе, в своих стенах. Их тут большинство. Надо препроводить их на корабль. Там они будут уже в иной обстановке, там можно будет тверже диктовать условия.

Появившийся в это время связной доложил Леонову, что корабли начали высадку десанта в порту. Об этом же сообщил контр-адмиралу Хори степенно вошедший адъютант. Мгновенная легкая тень пробежала по лицу адмирала. Но он тут же погасил волнение и заявил, что сейчас приложит все усилия для восстановления связи.

— Мы считаем, что нет смысла дальше заниматься словесными препирательствами. Надо переговоры вести в нашем штабе, — сказал Леонов. Он предлагает обоим японским командирам и их штабу незамедлительно отправиться на борт нашего корабля и уже там договариваться о сдаче гарнизона. Жизнь и безопасность офицеров гарантирует наше командование.

Хори спрашивает, будет ли ему предоставлена возможность связи со своим командованием и с подчиненными частями гарнизона. Командир отряда ответил, что адмиралу будет оказано содействие в поддержании таких контактов, но только в пределах ведения переговоров о капитуляции и под обязательным контролем Советского командования.

Видя, что дальше оставаться в таком незавидном положении на глазах своих подчиненных уже неразумно, Тадо и Хори вынуждены подчиниться требованию и соглашаются следовать под охраной разведчиков на борт корабля.

Одевшись и распрощавшись с младшими чинами штаба, они вместе с группой старших штабных офицеров покидают

свой штаб и идут в порт. По бокам, впереди и позади, на некотором удалении от японских офицеров и идущих рядом с ними наших командиров, группу эту сопровождают десантники с оружием наготове. Приходится быть начеку, чтобы не допустить какой-либо провокации, которая бы привела к кровопролитию и развязала бы боевые действия между обеими сторонами. Однако рискованный путь до порта, к счастью, удалось преодолеть без происшествий. Благоразумие и на этот раз одержало верх. Японские военачальники проследовали через порт и поднялись на борт корабля.

Проводив вражеских офицеров в штаб командования десанта на борту фрегата, разведчики снова собрались в одном месте. У выходов на улицы выставили небольшие дозоры, а все остальные примостились на отдых вдоль стен портовых складов.

Совсем стемнело. Но в городе виднеется немало освещенных окон, горят и редкие уличные фонари. Поэтому подходы к порту можно хорошо просматривать.

Разбившись, как обычно, по отделениям, матросы закусывают, беседуют об увиденном и услышанном. Больше всего десантников смущает пассивность японцев. В городе их пока во много раз больше, чем нас. А ведут они себя как-то странно: и в плен не сдаются, и в бой не вступают. Все мы, кроме, может быть, командования десанта, в те часы и минуты не представляли себе достаточно хорошо обстановку, еще не освоились с мыслью, что склонить врага к сдаче в плен можно и переговорами. Нас все еще тревожит — а вдруг стрясется бой, как тогда мы выберемся из этого удаленного от наших войск порта. Нам все еще кажется невероятным, что японцы так спокойно примирятся со своим поражением.

Невдалеке от отряда, там, где ошвартовался фрегат, на причалах устроились морские пехотинцы. Это та рота, что высадилась в порту в тот момент, когда наши командиры вели разговор с Хори и Тадо в штабе базы. Тогда сообщение о высадке роты хорошо повлияло на поведение японских военачальников. Все остальные подразделения морской пехоты пока остаются на кораблях.

Горожане потихоньку расходятся по домам. Улицы вблизи порта и все припортовые постройки опустели.

В это время на фрегате, в салоне Студеничникова, продолжались переговоры с японским командованием. Как тогда сразу же рассказывали по свежим впечатлениям наши офицеры, Хори и Тадо продолжали «тянуть волюнку», надеясь, что какие-то обстоятельства позволят им избежать пленения.

Они все ссылались на то, что не имеют полномочий от своего начальства, а установить связь не могут.

— Я, — говорил Хори, — приказал войскам не чинить препятствий высадке вашего десанта. Теперь ваши корабли и ваш десант в порту. Я видел, как ваши морские пехотинцы начали занимать город. Я сам со штабом на вашем корабле. Вы можете оставить меня в плену, задержать как заложника. Но подписывать документ о сдаче гарнизона я не имею права. Мне мое командование не санкционировало ни ведения переговоров, ни сдачу войск и оружия. Я не знаю, кто будет отвечать за этот позорный акт.

Теперь становится понятным, что Хори стремится избежать личной ответственности за капитуляцию. Он не хочет принять на себя черное пятно за позор пленения. Если же он получит приказ от своих непосредственных властей, то ответственность за сдачу гарнизона и базы сама собой перекладывается на старших начальников. Тогда он будет чист перед богом, перед императором, перед офицерской кастой и перед подчиненными войсками. А то, что он продолжает играть судьбой многих тысяч солдат и офицеров, ставит ее в зависимость от какой-нибудь случайности или порыва фанатика, его как будто не касалось.

Студеничников и Козлов пытаются объяснить Хори, что как командир базы и старший по воинскому званию японский офицер, он, исполняя уже всем известную волю их императора, вполне правомочен принять самостоятельное решение о капитуляции. Во всяком случае, наше командование законность его подписей на документах признает. Гарнизон, зная его должностное положение, несомненно подчинится его воле.

Хори отвечает, что, согласно японскому воинскому обычаю, без ведома своих начальников и без полномочий не в его власти приказать войскам капитулировать. Он может сдаться лично сам, не спрашивая на это согласия свыше, но и то традиции самурая и офицерская честь обязывают его в случае опасности пленения покончить жизнь самоубийством, сделав себе харакири. Но сдача в плен его одного или вместе со штабом еще не означает капитуляции гарнизона.

Не сходятся у Хори концы с концами. Сдаться в плен и остаться в живых — «недостойно» самурая. Отдать приказ и покончить с собой — на это самурайского духа не хватает. А вот если решат и прикажут старшие власти — тогда с них и спрос.

Командование десанта решает попытаться помочь Хори еще раз связаться с его ставкой. С телеграммой адмирала отправляется офицер-порученец, сопровождаемый двумя советскими офицерами и группой солдат-десантников на автомашине. Через час он возвращается и докладывает, что наладить связь не удалось.

— Поскольку, — говорит Хори, — все попытки связаться с моим командованием не увенчались успехом, дальше нам вести переговоры бессмысленно.

И он предлагает прервать переговоры, дожидаться, пока не поступит приказ от его начальства.

Студеничников и Козлов это предложение Хори отклонили категорически. При этом японцам было сказано, что под неослабным контролером со стороны десанта они должны добиваться от своих старших властей приказа о капитуляции. Для полной гарантии безопасности и чтобы не вести переговоры через посредников, решено всех японских офицеров оставить на корабле.

Чтобы обезопасить стоящие в порту корабли от внезапного нападения в ночные часы, командование десанта решило высадить остававшиеся на кораблях войска и занять прилегающие к порту улицы и кварталы.

По сходням на причалы потянулись одна рота за другой. Идут морские пехотинцы, артиллеристы выкатывают свои «сорокапятки», минометчики несут на плечах минометы. На

причал выгружают ящики со снарядами и минами. Разобравшись по ротам и взводам, десант занял порт и ближайший припортовый район.

Отряд наш остается возле складов на причалах. Большинство наших ребят отдыхают. День выдался хлопотливый, немало было беспокойства. На непривычной жаре люди истомились.

На кораблях матросы несут боевую вахту: дежурят у орудий, у пулеметов, прожекторами прощупывают город, в бинокли и дальномеры осматривают всю округу.

V

От командования флота пришла радиограмма. Адмирал Юмашев предписывает немедленно взять на борт флагманского корабля контр-адмирала Хори, полковника Тадо и группу старших офицеров, на корабле продиктовать им требование о немедленной капитуляции гарнизона, о передаче десанту аэродрома со всеми находящимися там самолетами. На случай отказа поручено заявить, что будет вызвана авиация для бомбардировки военных объектов, а флот начнет артиллерийский обстрел города и крепости. Находящиеся в порту транспорты и шхуны приказано не выпускать, на выходе из бухты поставить брандвахту, а при попытке прорыва в море нарушителей запрета немедленно топить. Студеничникову предписывается предупредить японских командиров, что вся ответственность за последствия ложится на них.

Радиограмма эта частично уже запоздала. Командование японской базы на борту нашего корабля. А вот от капитуляции они все еще уклоняются. И принудить их отдать приказ по войскам о сдаче в плен пока не удастся.

Козлов и Студеничников передали приказ по десанту: непрерывно сохранять повышенную бдительность, ни одному человеку не отлучаться с постов и занятых позиций, оружие держать в готовности, постоянно поддерживать связь между всеми подразделениями, об обстановке на каждом участке регулярно докладывать. Приказ этот оказался как раз кстати.

Было около девяти часов вечера, когда дозорные донесли, что во многих местах заметно передвижение больших групп японских солдат. Они покинули казармы и теперь намереваются вплотную сблизиться с десантом. Подтягиваются к порту они через южную часть города, стараясь оказаться в тылу у десантников.

Отряду приказали быстро подняться, перейти к южной оконечности причалов и там занять оборону. Леонова, Гузенкова и Инзарцева посыльный вызвал на фрегат. Вернувшись через короткое время, они сказали, что японцы задумали какую-то авантюру или даже готовятся напасть на десант. Десанту приказано не пускать японцев в порт, не позволять им сближаться с нами. Всемерно избегать применения оружия, огня без приказа не открывать.

Отряд вытянулся цепью от оконечности причала мимо складов к домам, прихватил и часть улицы. Рядом встала рота автоматчиков, только что подошедшая из северной оконечности порта.

При свете корабельных прожекторов видно, как японцы плотными цепями, держа оружие наперевес, все более и более заполняют улицы, подтягиваются к порту.

Десантники выбрали себе укрытия, выставили в амбразуры пулеметы и автоматы, приготовились, если потребуется, драться и за причалы и за стоящие у них корабли. Положение стало обостряться до опасного.

В штабе десанта на корабле встревожены передвижением японцев, пожалуй, не меньше, чем мы.

На вопрос Студеничникова и Козлова, почему японские части производят передвижения и сближаются с нашим десантом, Хори и Тадо отвечают, что причина им не известна, но они предполагают, что кто-то из командиров частей проявил самоуправство и непослушание.

В этот момент вбежавший в салон переводчик доложил Козлову и Студеничникову, что им удалось перехватить приказ полковника Тадо оставшимся на берегу офицерам подтянуть войска к порту, атаковать десант, захватить корабли и на них и на стоящих в бухте шхунах немедленно отплыть в Японию.

Какое вероломство! Нашему возмущению нет предела. Такая тяжкая опасность нависла над десантом...

Японских связанных тут же задержали. Хори и Тадо предупредили, что, если только будет сделана попытка нападения на десант, при первом же выстреле они будут немедленно расстреляны, корабли всей мощью своего огня обрушатся на японский гарнизон, а стоящая в боевой готовности на наших аэродромах бомбардировочная авиация нанесет массированный удар по базе и военным объектам.

Орудия кораблей зашевелились и вытянули свои хоботы в сторону перемещающихся частей противника. Комендоры и пулеметчики быстро производят расчеты и готовы открыть огонь в любую секунду. Лучи прожекторов кинжально вспарывают вечернюю мглу, в их ослепительном свете видны заматавшиеся на берегу фигуры.

Угроза подействовала. Хори побледнел, встал, руки его задрожали. Попросил разрешения послать офицера для передачи его приказаний гарнизону немедленно прекратить всяческие передвижения в направлении порта и не затевать какие-либо провокации. Посыльного сопровождает в этот раз надежный эскорт десантников. Через полчаса японский офицер связи доложил, что приказ адмирала по гарнизону передан и к исполнению принят.

И действительно, японские войска перестали передвигаться по городу и сближаться с десантом. Но на свои прежние позиции и в казармы они все же не отошли. Во многих местах только проезжая часть улицы разделяет два еще не примиренных войска: по одну ее сторону по тротуарам растянулась цепочка десантников, а по другую ошетинился своим оружием японский гарнизон. Ведется тягостная, напряженная война нервов... У кого они раньше не выдержат? Кто первый отступит? Как на бочке с порохом: один выстрел — и все взорвется, загрохочет, и концов не найдешь. А этого в канун окончательной победы ох как не хочется! Решили принять все меры, чтобы избежать случайностей, японские офицеры связи оставлены на кораблях. Контакты с противником поддерживают наши переводчики в охране группы десантников.

В цепи десантников никаких разговоров. Притихли и японцы, от них тоже не доносится ни говора, ни шума.

Тишину безветренной ночи лишь нарушают отдаленные гудки паровозов и перестук вагонов.

Не то маневры поездов на станции, не то передвижение составов по дороге натолкнули на мысль, что японцы могут попытаться под покровом ночи вывезти ценности, технику и войска в южную часть страны, где наших частей еще нет.

Леонов, Гузенков и Инзарцев посоветовались и решили предложить командованию десанта план. Студеничников и Козлов тут же согласились. Быстро сформировали небольшую подрывную группу. Несколько саперов и одно отделение разведчиков под командованием нашего оружейника Дарагана сели на торпедный катер и быстро пошли на выход из бухты. Через полчаса тишину пререзал сильный взрыв. Затем катер возвратился к причалу. Наши ребята задание выполнили. Немного южнее города дорога проходила по самому побережью. В одном месте через речушку пролегал мост. Его-то и взорвали десантники.

Японцам этот сюрприз был совсем не по вкусу. Через короткое время шум поездов на станции прекратился.

Остаток ночи прошел без изменений. Японцы, понявшие, что их намерения разгаданы, что десант запросто их к кораблям не подпустит, примирились с неизбежным и недвижимо простояли на занятых рубежах до утра.

VI

Ночь прошла. Как только взошла заря, люди наши, разминая затекшие за ночь руки и ноги, стряхивая усталость от многочасовой неподвижности, поднялись, пошли посмотреть, что делается поблизости.

Японцы тоже за ночь утомились. Они уже не стоят сплошной цепью, а разбились группками и дежурят на тротуарах, возле домов, по улицам и переулкам.

Только начало рассветать — и в порт потянулись десятки корейцев. Они торопятся в сторону тех причалов, у которых притулились друг к другу десятки рыбацких суденышек. По-

грузив в свои лодки кое-какое имущество, они поднимают паруса и отправляются к выходу в море: война войной, а им надо ловить рыбу. Наши корабли им не препятствуют.

С моря в гавань тоже возвращается множество джонок. Они идут с ночного лова. Гавань в эти минуты играет многоцветным радужным переливом: джонки подняли свои паруса из тонких бамбуковых реек, ярко расписанных драконами, морскими чудовищами, цветами, и все это только что всплывшим, еще розоватым солнцем освещено как через призму. Легкие суденышки, скользящие по тихой воде и подгоняемые бризом, кажутся корабликами из сказки.

Те, что возвращаются с моря, встречаются в середине бухты с уходящими на промысел. Они подходят друг к другу бортами, останавливаются. До нас доносятся шумные радостные крики. Затем расходятся в разные стороны: одни идут на выход из бухты, другие собираются пристать к причалам.

Любоваться на эту идиллическую картину удалось всего несколько минут. Только стоит повернуться спиной к заливу, как перед глазами бесконечная вереница японских солдат, несколькими цепями охвативших припортовый район. И все они держат в руках заряженное оружие.

По десанту передан приказ подполковника Козлова: начать продвижение в город, оттеснять японские войска от порта и с главных городских улиц на окраины, за город, в сопки.

Под наведенными стволами корабельных орудий десантники, поднявшись в полный рост, держа оружие на изготовку, сплошными цепями стали сближаться с японскими солдатами. Первые минуты японцы стояли на месте, разрыв между десантниками и ими все более сокращался. То в одном, то в другом месте казалось, что недруги вот-вот сойдутся вплотную. Но нервы у неприятеля не выдержали, вступить в драку, видно, им не захотелось. И японцы стали медленно отходить, оставляя одну улицу за другой. Десант, наседая им буквально на пятки, все более расширяет плацдарм, шаг за шагом оттесняет японцев из припортового района, постепенно возвращает себе более выгодное положение. Одну за другой прошли несколько улиц и площадей.

Отряду приказано возвратиться в порт. Передав свой участок морским пехотинцам, которые сдвинулись и заполнили разрыв, разведчики отправляются обратно к кораблям.

Командование решило поставить отряду новую задачу. О ней был разговор еще с вечера, когда катера неудачно сходили к аэродрому.

Посоветовавшись между собой, еще раз обсудив ситуацию, командование десанта приходит к выводу, что сейчас надо быстрее брать в свои руки инициативу, добиваться успеха и развивать его. Неподвижность десанта противник расценит как его слабость. Тогда он осмелеет и переговоры будет вести еще труднее. Надо нажимать, давить на неприятеля, заставить его забыть о своем численном превосходстве. И десантники при наступлении будут действовать смелее и увереннее.

Пока наши командиры обсуждали план операции для отряда, разведчики собрались на причале.

Сюда же пробрался старик кореец, одетый в белые короткие штаны и в такого же цвета рубаху. Сняв с головы свою широкополую шляпу из рисовой соломки, он низко поклонился несколько раз. Потом, поглаживая свою седую клинышком бороду, сказал, что пришел поблагодарить русских моряков за освобождение его города. Он немного изъясняется и по-русски, но, прежде чем что-то сказать, на некоторое время задумывается, видимо, вспоминая забытые им слова. Потому-то он и пожелал нам спокойной ночи, хотя приветствовал нас ранним утром. Оказывается, до начала тридцатых годов он жил во Владивостоке, выращивал овощи и торговал ими. Тогда хорошо говорил по-русски, но за эти годы забыл.

Старик рассказал, что этой ночью все корейцы, что работали на железной дороге, отказались служить японцам, машинисты спустили пар в котлах, и все железнодорожники разошлись по домам. Посоветовав старику передать, чтобы горожане выбрали делегацию от железнодорожников, рыбаков и грузчиков для переговоров с нашим командованием, разведчики распрощались с ним. Он снова несколько раз

низко поклонился и пошел обратно, опираясь на свою палку и постукивая ею по настилу.

С фрегата возвратились наши офицеры. С ними же подошел командир дивизиона торпедных катеров капитан 3-го ранга Малик.

Леонов построил отряд и объявил поставленную перед разведчиками задачу. Отряду приказано высадиться на летное поле, захватить самолеты, какие там имеются, а летчиков и всю аэродромную команду понудить сдаться в плен.

Катера перебросили десантников через бухту на побережье полуострова Кальма. С ходу выбросившись на берег, разведчики без задержки двинулись к авиационной базе. Расстояние оказалось небольшое, конец взлетной полосы почти упирался в залив. Несколько хороших дорог подходит к береговым батареям, к аэродрому, к прибрежным поселкам, в которых живут японские солдаты и офицеры. Десантники с ходу проскочили взлетно-посадочную полосу и залегли вдоль нее, укрылись в траве, в низкорослом кустарнике. В нескольких местах возле полосы и на поле аэродрома залегли пулеметчики. На прицел взято все поле и аэродромные постройки. Часть разведчиков рассеялась по краям аэродрома, осматривая капониры. Исправных самолетов не оказалось. До десятка машин стояли в кустарнике и в капонирах, но почти все они были полуразобраны.

После того как разведчики заняли летное поле аэродрома, наши офицеры тоже сошли на берег и двинулись по дороге к штабу базы. Не то по привычке, не то чтобы унять волнение, они на ходу раскурили свои трубки и вчетвером — Леонов, Гузненков, Инзарцев и Колюбакин — неторопливо вышагивают по асфальту.

Укрывшимся в траве разведчикам хорошо видно, как на встречу им едет на велосипеде японский офицер. Остановившись от них шагах в пятнадцати, он сошел с велосипеда и стал ждать. Наши подошли к нему вплотную и остановились. Произошел почти такой же разговор, как и накануне. Японский офицер приложил руку к козырьку фуражки и на отчетливом русском языке сказал:

— Приказываю немедленно покинуть территорию аэродрома. Если задержитесь, по вам будет открыт огонь.

— Это что — приказ? — спросил наш командир.

— Да, приказ.

— Приказываем теперь мы, а вы потрудитесь выполнять наши приказы. Следуйте за нами.

После этого наши снова двинулись к штабу воздушной базы. Японец, придерживая рукой велосипед, пошел следом за ними.

Разведчики продолжают наблюдать за аэродромом, за подходами к нему, не упускаем мы из вида и офицеров на дороге. Вот они повернули на аллею, ведущую к высокому трехэтажному каменному дому. Это штаб базы. Подойдя к цветнику перед фасадом дома, они остановились и послали пришедшего с ними японского офицера с велосипедом в штаб. Приказали ему передать командиру базы, чтоб он немедленно вышел на улицу для переговоров. Времени для вызова отвели двадцать минут.

Офицер тут же отправился в штаб, прошел мимо двух солдат-часовых и скрылся в подъезде.

Леонов, Гузненков, Инзарцев и Колюбакин присели на скамейку, продолжая дымить своими трубками. С десятков десантников из моего взвода остановились поодаль от них, как бы оберегая их и показывая, что они тут не одни.

Эти минуты ожидания до того томительны и тревожны, что сердце как бы поскрипывает в груди. Находиться на открытом поле аэродрома, окруженного сотнями, а может, и тысячами людей, которые, наверно, держат всех нас на мушке, — испытание для нервов серьезное. Мы продолжали сосать свои трубки, стараясь унять боль под ложечкой.

Прошло минут пятнадцать. Дверь штаба распахнулась, из нее вышел полковник и, спустившись по ступенькам, двинулся в сторону цветника, к сидящим там офицерам-десантникам. Следом за ним, отступив на шаг, идет тот офицер, что встретил нас у берега, а рядом с ним другой — по погонам в чине лейтенанта, вероятно, адъютант.

Когда японцы подошли шагов на десять, наши поднялись

со скамейки и слегка наклонили головы в приветствии. Японцы в ответ тоже поклонились.

— Что вам угодно и чем могу служить? — спросил полковник через переводчика.

— Мы явились требовать капитуляции воздушной базы, — ответил Леонов.

Далее он сказал, что полковнику, бесспорно, известно о заявлении императора. Война Японией окончательно проиграна. Долг полковника и дело его чести — сделать все возможное для своего народа, для подчиненных солдат, чтобы не допустить кровопролития.

— Поэтому мы хотим, чтобы вы отдали приказ по гарнизону — никакого сопротивления десанту не оказывать; немедленно сложить оружие и сдаться в плен. На решение и извещение войск вам дается тридцать минут, — заканчивает Леонов.

Полковник ответил, что ему нужно связаться с его командованием и с командирами подчиненных частей. Он также сослался на отсутствие полномочий для переговоров о капитуляции.

— Не наше дело запрашивать разрешение на сдачу в плен. Вы командир базы, и вы отвечаете за судьбу гарнизона. Не тратьте зря времени — вам дано только тридцать минут.

Полковник слегка поклонился, повернулся и отправился в штаб. Следом зашагал и адъютант. Переводчик остался возле наших офицеров. Ему передали текст условий капитуляции, полученный радиогаммой от командующего флотом, объяснили, куда складывать оружие, где выстроить гарнизон.

Еще не прошло назначенных тридцати минут, как из штаба вышел адъютант и сказал, что полковник приглашает советских командиров к себе. Леонов, Гузенков, Инзарцев и Колюбакин пошли вслед за ним. Группа разведчиков осталась у входа дожидаться их возвращения. Перед уходом Леонов успел сказать, чтобы, если в здании случится заваруха, при первом же выстреле отряд немедленно уводить с аэро-

дрома и постараться пробиться в сопки. А там — добираться к своим частям.

Снова потянулось тягостное ожидание.

В штабе переговоры приняли интересный оборот. То ли стараясь оттянуть капитуляцию, то ли желая удостовериться в твердости наших намерений, полковник сказал, что он не может капитулировать перед младшим офицером. Ему пристало вести переговоры только со старшим по званию или хотя бы с равным.

Леонов ответил, что обстановка не позволяет заниматься чинопочитанием и соблюдением каких-то старинных ритуальных условностей. Они должны капитулировать не перед нашими младшими или старшими офицерами, а слагают свое оружие перед Советскими Вооруженными Силами, склоняются перед нашим военным превосходством. Если же приказ о капитуляции немедленно не будет подписан, то по базе будет нанесен массированный удар корабельной артиллерией и авиацией. Тогда уж полковник едва ли сможет вести переговоры, а множество жизней будет погублено.

И тут произошло как в спектакле. В этот момент над базой пролетело звено наших скоростных истребителей, а через бухту к причалам прошли два больших морских охотника. Это была чистейшая случайность. Самолеты были не флотские, а принадлежали армейским воздушным силам, и прилетели они на разведку.

Но полковник и его штаб восприняли все это как угрожающую демонстрацию.

Полковник заявил, что он принужден склониться перед силой.

Трясущимися руками он подписал приказ и акт о сдаче гарнизона авиационной базы в плен, тут же отцепил с портупей шашку, вынул из кобуры пистолет и положил их на стол. То же сделали остальные офицеры его штаба. Понурился, они двинулись к выходу. Несколько матросов вышли сопроводить их на улицу, неся в руках оружие плененных офицеров.

Почти рядом с полковником, отступив всего на полшага, идет Володя Толстиков. Глядя на него, не сразу поймешь,

ведет ли он пленного офицера или составляет почетный эскорт большому военачальнику. Вид у Володи сейчас важный и недоступный. В душе он, видимо, доволен своей миссией и момент считает чуть ли не историческим. А в общем примерно это так и есть. Не всякому матросу удастся брать в плен полковников. Володя Толстиков своими руками опускает занавес над последним актом Второй мировой войны...

Высокого роста, увешанный оружием, он представляет как нельзя более удачный контраст плетущемуся коменданту авиабазы. Толстиков уже довольно хорошо освоился в обстановке. Чхончжин для него, как и для других восточников, оказался хорошей школой. Потому-то здесь, в Вонсане, он действует расторопно, всячески старается показать быстроту и сообразительность. И это ему удастся. Быть связным при командире отряда — довольно трудное дело. Нередко приходится бегать и ползать с большим риском для жизни. И с командира глаз не спускай, оберегай его. Судя по награде, которую вскоре получил Толстиков, экзамен он успешно выдержал.

В это время радиоузел передал приказ по гарнизону: всем военнотружущим немедленно явиться на летное поле, сдать присвоенное каждому оружие, оставить в целости и сохранности все имущество и оборудование. Отныне должны выполняться приказы командира высадившегося советского десанта.

Японская военно-воздушная база на полуострове Калька начала сдаваться в плен. Из казарм, мастерских, из укрытий и из штаба на летное поле потянулись сотни солдат, младших чинов и офицеров. Шли они поодиночке и мелкими группами, нестройно, опустив головы, неся в руках оружие. Дойдя до центра взлетной полосы, они на момент останавливаются у места, обозначенного для сдачи оружия, и бросают в кучу винтовки, автоматы, карабины, шашки и пистолеты. После этого каждый отходит к своему бывшему подразделению. Офицеры стоят в стороне, отдельной группкой, и даже тут, в плену, они строго соблюдают иерархию чинов. Нам сразу бросилось в глаза, как строго соблюдалось чиновопочитание в японской армии и какая там большая дистанция

между солдатом и офицером. Солдаты не только не могли приблизиться к офицерам, но даже на любой раздающийся окрик тянулись навывтяжку и замирали в неподвижности.

А тем временем пленные все идут и идут. Уже почти два часа длится учет и проверка по спискам сдавшихся японских военнослужащих. Первые явившиеся на летное поле устали стоять, да и солнце печет немилосердно. Разрешили им присесть на траву. Сложив ноги калачиком, они расселись огромным табором. Только офицеры продолжают стоять. Отряду сдалось более тысячи двухсот человек из гарнизона воздушной базы. Закончив приемку оружия и учет пленных, наши матросы повели эту колонну в сторону ближайшего военного городка, где они и должны были пока разместиться в казармах под охраной десантников.

Командир японской авиабазы обратился к Леонову и попросил под охраной матросов сопроводить его на дачу. Пришлось согласиться на эту просьбу. Нельзя было допустить какую-либо провокацию. Да и насолил он корейцам, видимо, немало, потому и боится, думали мы, оставаться с глазу на глаз с горожанами.

Отправив пленных, разведчики осмотрели штабные помещения, взяли под охрану имущество и документы. Побывали в мастерских, в ангарах, в капонирах, где укрывались самолеты. Японская воздушная база перестала существовать.

VII

В городе обстановка все еще неопределенная. Десанту удалось оттеснить противника с центральных улиц, занять район учреждений и контор, пройти кварталы крупных жилых домов и особняков, в которых проживала японская знать. Под контролем десанта оказались полицейское управление, здание жандармерии, почта, телеграф, радиостанция, железнодорожный узел. Одна рота вышла на северо-западную окраину города, оставив позади себя штаб военноморской базы. Японцы отошли на городские окраины, остановились в воинских городках. Сидят они и на береговых укреплениях.

Командование гарнизона в это время продолжает «жевать резину» и акта о сдаче не подписывает. Они, как мы полагаем, знают, что авиабаза нами занята и теперь на аэродроме хозяйничают десантники, но все еще надеются на какое-то чудо.

Около пяти часов вечера вблизи железнодорожной станции, где закрепились около двух рот десантников, вдруг слышался нарастающий шум, стало заметно, как там быстро забегали множество людей. Вскоре оттуда донесли, что несколько сот японцев пытаются пробиться на станцию и захватить железнодорожные эшелоны. Подполковник Козлов немедленно направил на помощь отряд десантников из своего резерва. Командиру сводной группы на станции приказано ни в коем случае не допускать японцев к эшелонам, пригрозить применением оружия. Стволы орудий на кораблях зашевелились, поворачиваясь в направлении железнодорожной станции, комендоры застыли в ожидании команды об открытии огня. Около трехсот десантников, встав в полный рост, с автоматами наперевес, цепью стали сближаться с японцами и охватывать их кольцом. Положение стало критическим.

И опять нервы у неприятеля не выдержали — вражеские солдаты остановились в растерянности. Потоптавшись несколько минут, они стали складывать оружие. Попытка захватить железнодорожную станцию им не удалась. Почти восемьсот солдат и офицеров сдались десанту.

Тут же, на станции, были допрошены офицеры из этой группы. Перед нами оказалась большая часть стрелкового батальона. По наущению и при подстрекательстве нескольких фанатично настроенных офицеров, которые запугивали солдат ужасами расправы большевиков, японцы решили избежать плена, попытаться захватить стоящие на путях эшелоны и на них вырваться из Вонсана, проскочить в южную часть страны и оттуда морем перебраться на родину. Они считали, что, пока приказ о капитуляции не подписан, у них есть право на самочинные действия. Все их надежды были на внезапность и на численное превосходство, перед которым русские не устоят. В случае успеха этого прорыва за ними должны были проскочить на юг и остальные крупные

части гарнизона. Лишь прислугу береговых и зенитных батарей предполагалось бросить на произвол судьбы.

Так была сорвана последняя попытка японцев избежать капитуляции. Твердость и выдержка десанта заставили японское командование отступить.

В восемнадцать часов двадцать второго августа Хори и Тадо заявили, что доставленная офицером связи радиogramма разрешает им капитуляцию советским войскам. Тут же в кают-компании эскортного корабля они подписали приказ и акт о капитуляции гарнизона.

Несколько позднее стало очевидным, что командование базы затягивало переговоры неспроста. Выяснилось, что расположенная за городом радиостанция еще вечером двадцать первого связалась со своим высшим штабом и тогда же получила задание пока затягивать переговоры, вести двойную игру. Вдруг нервы у нашего малочисленного десанта не выдержат и он повернет назад к своим берегам. Тогда можно избежать плена и сдачи оружия. Но этим надеждам не было суждено сбыться.

С этого момента обстановка в городе резко изменилась. Японские солдаты и офицеры стали утрачивать строгую воинскую организацию, привычный регламентированный порядок жизни нарушился. Гарнизон массовым порядком начал сдаваться в плен. Кроме двух тысяч человек, сдавшихся днем на аэродроме и к вечеру — на железнодорожной станции, до конца дня сложило оружие еще около полутора тысяч солдат и более двухсот офицеров.

Десантникам выпало новое хлопотное дело: надо было собирать трофейное оружие, грузить его на автомашины и отвозить на один общий сборный склад, группировать пленных, конвоировать их в только что созданный лагерь. Нередко можно было видеть довольно курьезную картину: под охраной всего лишь одного десантника шагают на сборный пункт несколько десятков, а то и сотня пленных японских солдат. Нельзя было оставить без охраны и город: наступила ночь, а сдалась только треть гарнизона, могли возникнуть еще какие-нибудь осложнения. Людей наших в городе было

еще очень мало, и трудиться им приходилось с большим перенапряжением сил.

Ночь на 23 августа прошла спокойно. Те из японцев, что еще не сдались в плен, продолжали отсиживаться в казармах, в военных городках, на береговых батареях. Многие бесцельно бродили по поселкам или, присев на корточки, молча часами безучастно смотрели на окружающее.

На следующее утро разоружение и пленение японского гарнизона продолжалось. За этот день десанту сдалось более тысячи солдат и офицеров. Было решено, не дожидаясь окончания пленения городского гарнизона, провести одновременно операции по захвату лежащих у входа в бухту Вонсана островов, занять крупнокалиберные береговые и зенитные батареи.

Отряд разведчиков и боевые группы морских пехотинцев высадились на острова Йодо и Синдо. Нам пришлось разоружать гарнизон на острове Йодо. Теперь удалось вплотную подойти и поглядеть, сколь серьезные оборонительные сооружения прикрывали подходы к Вонсану. Какая удача, что не пришлось их брать ценой большой крови и многих жизней.

В бронированных башнях, за бетонными стенами и потолками, с подземными переходами и глубокими колодцами укрылась четырехорудийная батарея 280-миллиметровых пушек. Невдалеке от нее для прикрытия с воздуха и для отражения атак катеров устроена батарея 75-миллиметровых орудий. Орудия такой же мощности, но в еще большем количестве, установлены на полуострове Ходо. Подходы к бухте с юга прикрываются группой батарей на острове Синдо и на полуострове Кальма. Почти три десятка орудий большой мощности и несколько батарей среднего калибра держат под своим контролем буквально каждый метр морской поверхности на дальних и ближних подходах к Вонсану. На побережье установлено множество мелких автоматических и полуавтоматических пушек противодесантного и противокатерного назначения, крупнокалиберных пулеметов. Огневая мощь береговых батарей в случае надобности может быть

дополнена десятком орудий большого калибра полевой артиллерии.

Случись артиллерийская дуэль с кораблями — тем кораблям, на которых подошел наш десант, эту дуэль бы не выдержать. Корабельные орудия были значительно меньшего калибра, чем пушки береговых японских батарей. (Насколько крепким орешком были эти береговые артиллерийские укрепления, показали события последующих лет. Во время американской интервенции в Корею в 1950—1953 годах морские силы США неоднократно пытались пробиться в Вонсан с моря. Американская эскадра длительное время вела обстрел одетых в бетон и сталь позиций, выпустив сотни тысяч снарядов. Эскадрильи «летающих крепостей» бомбили укрепления. Врагу удалось разрушить город, разметать его по камням. Но морские ворота Вонсана пройти не удалось.)

За три-четыре последующих дня нашему десанту удалось полностью разоружить и пленить более чем восьмисотый гарнизон военной базы и ее окрестностей. Почти четыреста офицеров сложили оружие. Более пяти тысяч винтовок, около трехсот пулеметов, множество военного снаряжения, боеприпасов, автомобилей и другой военной техники составили трофеи десантного отряда.

На полуострове Кальма возник обширный лагерь для военнопленных. Из казарм, с батарей и укреплений на материке и на островах, из штабов и городских квартир под охраной матросов и солдат десанта потянулись на полуостров колонны японских солдат и офицеров.

Многое из того, что здесь описано, особенно детали переговоров с японским командованием, тогда же сразу и много позже рассказывали мне мои боевые товарищи, командиры. По их словам, по сохранившимся для истории документам я и старался воспроизвести примерную картину той обстановки.

На третий день после освобождения Вонсана в только что отнятую у противника военно-морскую базу на эскортном корабле прибыли член Военного совета Тихоокеанского флота генерал-лейтенант береговой службы Семен Егоро-

вич Захаров и командующий Южным морским оборонительным районом генерал-лейтенант береговой службы Сергей Иванович Кабанов.

Посетив позиции батарей, аэродром, укрепления вблизи города, они согласились, что высадка такого малочисленного десанта в Вонсан оказалась делом весьма рискованным. Встретившись с нашими разведчиками, к этому времени собравшимися на причалах порта, генерал Захаров сказал тогда:

— Вы проявили высокое самообладание, выдержку и твердость духа. Среди вас не оказалось ни одного труса, паникера или нарушителя дисциплины. Военный совет флота еще раз уверился, что мы правильно решили, доверив вашему отряду самые сложные операции по освобождению северо-корейских городов. О вашем подвиге мы донесем Верховному Главнокомандованию. Всех, кто отличился в десантах, достойно отметим. От имени Военного совета объявляю вам благодарность за отличное выполнение задания.

Затем Захаров сказал, что в Вонсане, как и в других приморских городах Кореи, создается база советского военного флота. Надо помочь трудовому народу Кореи окончательно избавиться от японского владычества. Пока у корейцев нет своей армии, мы должны взять на себя защиту ее земель и берегов. Будут они создавать свой флот — мы научим их владеть кораблями и оружием.

Жизнь в Вонсане вновь забурлила.

Горожане высыпали на улицы, митингуют на площадях. На домах, на высоких трубах, на мачтах вывешены красные знамена. Горожане показывают нашим бойцам склады с воинским имуществом и дороги к оборонительным сооружениям, шагают рядом с десантниками, конвоирующими военнопленных, помогают собирать трофейное оружие. Рабочие вылавливают полицейских, жандармов и тех из соотечественников, которые не за страх и за совесть служили заморским порабощателям. Они просят наше командование помочь быстро создать городскую власть из корейцев, пустить в ход остановившиеся предприятия, дать людям работу. Торговля замерла, и горожане просят снабдить их продо-

вольствием. Рыбаки хотят, чтобы наши корабли не препятствовали им выходить в море на путину.

На наших глазах жизнь в городе стала входить в мирную колею, начали возникать органы местной власти. Всей картины городских событий мы, рядовые десантники, в те дни отчетливо не видели. Но судя по рассказам старших офицеров, по докладам командования базы и политотдела, обстановка в городе складывалась так.

Уже при нас возникло и приступило к работе городское самоуправление. Для начала в него вошло тридцать пять пользующихся наибольшей известностью горожан. Председателем самоуправления назначен Кан Ки Тэк — беспартийный интеллигент, лет пятидесяти. В годы оккупации страны он японскими властями был посажен в тюрьму за активное участие в антияпонском национально-освободительном движении. Первым его заместителем назначен Ли Чу Ха, сообщивший, что он является членом Компартии Кореи с 1928 года.

Возник в Вонсане оргкомитет по созданию городской организации компартии. На первых порах сообщили о своей принадлежности к компартии в прошлом более тридцати человек.

Зародилась и молодежная организация, объявившая себя коммунистической. Член партийного оргкомитета Тон Той Бом возглавил эту группу.

Начали работать школы. Им передали несколько зданий, принадлежавших ранее японцам. С двумя трудностями сталкивается школьное дело — не хватает учителей-корейцев и совсем нет учебников на родном языке. Самоуправление и наше командование ищут других специалистов, которые бы смогли вести обучение ребят.

Улицы в эти дни вместе с мужчинами заполнили и женщины. Нередко их можно видеть целой толпой. Выходят они в город, как на праздник, принарядившиеся. В длинных белых юбках, стянутых у груди, в белых же кофтах с широкими рукавами, с непокрытой, гладко причесанной головой, они кажутся выпорхнувшей в город большой стаей белых птиц.

Эта невиданная раньше энергичность женщин резко бросается в глаза всем, ей поражаются многие пожилые горо-

жане. Десятилетиями и веками сдерживаемая жажда действия вдруг прорвалась и теперь неудержимо проникает во все уголки городской жизни. Вместе с мужчинами женщины выходят на общественные работы, наводят санитарный порядок, готовят школы к занятиям, не требуя никакой оплаты за свой труд.

На пятый день после освобождения возникло городское женское общество. Руководит им Ким Ен Сун. Эту уже довольно пожилую, но крепкую и привлекательную кореянку весьма почитают в городе. Еще в двадцатые годы она была активисткой молодежного движения. За участие в партийной работе в подполье японские власти в апреле 1930 года арестовали ее и продержали в тюрьме более пяти лет.

Женщины открыли первые в городе детские ясли, создали курсы по ведению домашнего хозяйства и школу по обучению женщин грамоте.

Кому-то эта энергия женщин пришлась не по вкусу. И по городу поползли слухи. Чтобы отбить охоту к открытию детских яслей и садов, женщин запугивают, будто детей отправят в Советский Союз и больше не вернут их на родину. В надежде отвлечь женщин от общественных дел, загнать к домашним очагам, какие-то закулисные «доброжелатели» пророчат им тяжкие опасности на будущее, советуют бежать от большевиков на юг страны. Начальник политотдела базы и Ким Ен Сун ходят на собрания женщин и рассказывают, кто и для чего старается их запугать.

Трудности возникли и в снабжении города продовольствием. Японские иены быстро обесценились, а новых денег еще нет. Крестьяне стараются не продавать, а обменивать продукты на городские товары. Сократился улов рыбы. Много рыбацких судов вдруг оказались неисправными. Кто-то пустил слух, что скоро все суда уведут в Советский Союз.

В городе почти десять тысяч безработных. На предприятиях нет администрации и инженерного персонала. И найти их из местного населения почти невозможно.

Такая гора дел и трудностей свалилась с первых дней на только что родившееся городское самоуправление, на командование и политотдел военно-морской базы. Потребов-

валось несколько месяцев упорной работы городского самоуправления и командования гарнизона, пока жизнь в городе вошла в полную нормальную колею.

VIII

Пребывание нашего отряда в Вонсане подошло к концу. Военные действия на материке почти повсеместно прекратились. Советские войска овладели легендарной крепостью Порт-Артур. Моряки-тихоокеанцы водрузили на Золотой горе советский военно-морской флаг. Флот занял и город Дальний. Армейские воздушные десанты высадились в старинную столицу Кореи — Пхеньян.

Все мы в эти дни считаем, что война практически кончилась. Вот-вот должен быть подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии.

Но флот еще остается на военном положении. Хотя нам, разведчикам, как и экипажам кораблей, еще и не сыграли отбой, но все же ясно, что мы на пороге победы, конец войны отчетливо виден. Только армейские саперы да наши флотские тральщики продолжают нести свою опасную службу, для них полная неожиданностей и трагических случайностей работа осталась еще надолго. Пройдет не один месяц, пока тысячи морских и сухопутных мин будут обнаружены, обезврежены, расстреляны, пока движение на суше и плавание на море станут окончательно безопасными.

Из Владивостока передали приказ отряду возвратиться на свою базу. Решили обратный путь проделать своим ходом. Японская военная шхуна, вооруженная пушкой и несколькими пулеметами, с хорошими двигателями и во всем вполне исправная, пришлось нашим разведчикам очень кстати. Командир отряда выбор одобрил. Изучение корабля заняло немного времени. Все нужные специалисты корабельных служб оказались в отряде. Мотористы разобрались в двигателях, опробовали их на разных режимах. Комендоры и пулеметчики научились стрелять из вражеского оружия. Нашлись рулевые, сигнальщики, радисты. В общем, укомплектовался весь экипаж боевого корабля. За двое суток от-

работав корабельную службу, походив для пробы в бухте, отряд изготовился к отплытию к своим берегам.

Собрав все оружие, имущество, расставив людей по боевым постам, Леонов отдал приказ: «Корабль к походу и бою изготовить». И вот все боевые посты доложили о полной готовности. Отошли от стенки, дали прощальный салют из всего нашего оружия, и шхуна, сопровождаемая приветствиями сотен боевых друзей, расположившихся теперь на японских батареях и береговых постах, медленно вышла из бухты Вонсана и взяла курс на север, к Владивостоку, к родным советским берегам.

Корабль наш навсегда уносит разведчиков из этой солнечной страны, гостеприимные, трудолюбивые люди которой с искренней радостью принимали нас — своих освободителей. Позади, за кормой, остались знаменитый Кымгансан — очаровательнейшие Алмазные горы. Совершенно бесспорно считается, что это самый красивый, самый редкостный уголок этой омытой морями и обдуваемой морскими ветрами страны. Яркое летнее солнце в многоцветье отблесков отражается от этих скал, и они сверкают, подобно бесчисленным алмазам. Горы имеют затейливую, какую-то прихотливую конфигурацию, непривычное для нас, таинственное, как бы удаленное в другие эпохи очертание. Они поросли многовековыми соснами, стволы и ветви их изогнулись так замысловато, как, кажется, нигде в других местах. Густые заросли клена, дуба, кустарников, увитые плющом и лианами, переливающиеся разноцветьем, как бы сливаются с голубовато-бирюзовыми облаками. Круто падающие глубокие ущелья, местами имеющие плоские выступы и площадки, отделяют друг от друга величественные горные вершины. Наполненные чистой горной водой озера, водопады и ручьи бесчисленными солнечными бликами играют перед глазами. Дивная природа в Стране утренней прохлады!

Прощай, Корея! До свиданья, Лучезарная страна!

Когда корабль с разведчиками на борту находился в водах Японского моря, радиограмма из штаба флота принесла нам радостное известие: народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал флота Н.Г. Кузнецов, находящийся в

те дни на Дальнем Востоке, за боевую активность, за умелые действия, за образцовое выполнение приказов преобразовал наш отряд в гвардейский. Отныне он будет именоваться особым гвардейским отрядом. Долгий и тернистый путь прошли разведчики от суровых и голых скал Заполярья, от заснеженных, нелюдимых норвежских фьордов до солнечных, зеленеющих сопок Приморья, до многолюдных приморских городов Кореи, пока удостоились высокой чести иметь гвардейский флаг нашего флота, носить на своих бескозырках черно-оранжевые ленточки морской гвардии. В приказе Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина по случаю великой победы на востоке в числе отличившихся кораблей и частей назван и наш отряд. Как и всем другим, нам объявлена благодарность за отличные боевые действия.

Построив всех свободных от вахты на верхней палубе, Леонов, Гузненков и Инзарцев поздравили матросов, старшин и офицеров с гвардейским званием, с благодарностью Верховного Главнокомандующего, сообщили, что все отличившиеся в боевых операциях по освобождению Северной Кореи представлены командованием к правительственным наградам. Вскоре были опубликованы Указы Президиума Верховного Совета СССР. Командир нашего гвардейского отряда моряков-разведчиков Виктор Николаевич Леонов был удостоен второй Золотой Звезды Героя Советского Союза. Звание Героев было присвоено мичману Александру Никандрову и мне.

Другую, еще более радостную весть принесло радио: Япония окончательно признала свое поражение в войне, назначена церемония подписания акта о капитуляции, третье сентября объявлено праздником Победы над Японией. Вторая мировая война закончилась.

Мы оказались участниками величайшей человеческой драмы. Наше поколение стояло у истоков пожара, когда он еще тлел и только начинал разгораться. Мои современники прошли самое жаркое пламя из всех огненных бурь, когда-либо бушевавших на земле. Вот, наконец, огонь потушен, умолкла многолетняя канонада пушек. И мы остановились

перед пепелищами, покрывшими планету. Долго бились, уничтожили миллионы врагов, но избавили человечество от самого страшного — от фашизма, от тяжелой неволи. Придет время — на смену явятся новые поколения. Оглянутся они назад и спросят: что же это были за люди, откуда черпали они свои силы? В торжественном молчании склонят они свои головы перед памятью рядовых великой армии и положат к памятнику букет незабудок.

* * *

Несколько лет назад как-то пришлось мне плыть по Печоре. Спускались мы с верховьев этой широкой, многоводной северной реки. Весна отсчитывала свои последние дни. Вот-вот должно было наступить лето, а там и страда сенокоса — горячая пора в деревнях и селах, раскинувшихся по берегам печорской поймы. На севере в это время стоят белые ночи. Небо тогда бывает безоблачным, лазурным и таким бесконечно высоким, что его мягкую синеву взгляд не может охватить разом. На диво хороши тогда ночи. Часов после одиннадцати все кругом ненадолго приобретает розовато-голубой оттенок, наступают легкие сумерки, солнце коротке где-то спрячется, чтобы навести предутренний туалет, а затем снова всплывает далеко за горизонтом. В эти минуты кругом тихо, спокойно, ничто не шелохнется. Воздух такой хрустальный, поющий, напоен таким ароматом, что пьянит и рождает буйную энергию. Люди в такие ночи, особенно молодежь, ходят как шальные. Радость так и распирает их. Поет тогда природа, а с нею поют и люди.

Края эти мне родные, близкие. Там я рос, учился и работал до призыва на флот. И вот недавно пришлось мне вновь работать в тех местах.

Катер наш, названный красивым морским именем «Альбатрос», шел полным ходом по вздувшейся от весеннего половодья реке. Вода стояла еще высокая, местами берега лишь угадывались где-то на горизонте. Ночь была на исходе, приближалось утро. В такие ночи не спится, да и грешно отдавать их сну.

Тишина, простор и радующаяся весне природа навевают хорошие воспоминания, будят в памяти прошлое. Думается в такие минуты легко.

Стоял я возле рубки, в которой несли свою вахту старшина катера и матрос-рулевой, и смотрел на знакомые и незнакомые мне места.

Высокий правый берег реки с круто падающими к воде щельями (как там зовут такие обрывистые берега), пересеченный бесчисленными ручьями и речушками, с надвинувшимся до самой кромки густым лесом, навис над рекой. Левый же — низкий, просторный, луговой — раскинулся широко. За кормой катера плавной волной разбегается в стороны след. Вздывившаяся от винтов волна почти сливается с округлой, стеклянистой волной, отходящей от бортов, и, постепенно расплываясь, оседая, уходит вдаль.

По правому борту осталась деревня Аранец. Далеко на востоке, за Уралом, заалела заря. Небо как бы задвигалось, заиграло разноцветьем. На мгновение что-то потемнело, а потом, быстро растекаясь, стало светлеть, превращаться в оранжевое, яркое, широкое. И вот медленно из-за горы Сабля в сияющей нежнейшей короне выплыло непривычно огромное светило. Грани его в тот момент казались четко очерченными, оно еще не было таким расплывшимся, каким бывает днем. Полыхающий шар повис над горизонтом. Снежные вершины Уральских гор отразили лучи, и они преломились в окружающих легких облачках, заиграли, как драгоценное ожерелье, — солнце казалось вставленным в радужную оправу.

Эта утренняя заря навевала память о прошлом. Перед глазами встала Корея, утро этой чудесной страны. Воспоминания о давних годах нахлынули горячей волной, вновь напомнили о днях окончания войны, о друзьях-товарищах — фронтовых соратниках.

И тогда я окончательно утвердился в намерении написать о морях-десантниках, о нелегкой службе разведчика. Мне захотелось поведать молодому поколению о тех, кто прошел через пожирающее горнило войны, не согнулся и не преклонил колени перед врагом, кто пронес в своих руках до

конца наши кумачовые знамена далеко на западе и на востоке.

Нам суровая доля досталась. И теперь, когда прошли десятилетия после победы, хочется повесть об этом коротком периоде боевой жизни отряда разведчиков закончить рассказом о дальнейшей судьбе хотя бы некоторых моих боевых друзей.

В мирное время отпала надобность в нашем отряде. Новые дела и заботы разнесли бывших разведчиков по разным концам страны, как в свое время война собрала нас всех из дальних и ближних мест под общее боевое знамя.

Сняли они свои фланелевки и кителя, украшенные боевыми наградами, и принялись за то дело, которое было каждому по душе. Разменяли после войны третье десятилетие. Долгой была наша разлука. И вот недавно, после двадцати с лишним лет, разведчики впервые съехались на свой большой сбор. Посмотрели друг на друга, и не каждого сразу смогли уж узнать.

В забайкальском городе Улан-Удэ живет Михаил Калаганский. Окончил он институт, работал на комсомольской и партийной работе, а последние годы неизменно трудится на любимом поприще — возглавляет физкультуру и спорт в Бурятской АССР.

Прижились на востоке и двое наших амурцев — Андрей Залевский и Виктор Братухин. Женившись там, они так и осели в Хабаровске, навсегда расставшись с родной своей Архангельской областью.

Сибиряком стал и Александр Никандров. Уже много лет живет он в Омске, работает там на одном из заводов.

Семен Агафонов не вернулся больше на свое северное Поморье, где родился и вырос, а обосновался на жарком солнечном черноморском берегу, в Евпатории.

Больше всего наших друзей в Ленинграде. Сергей Бывалов все эти годы не оставляет свою профессию слесаря. Виктор Максимов лет пятнадцать еще служил на флоте, а потом, уволившись, не расстаётся с любимым водным спортом. Павел Барышев, отслужив сверхсрочную до пенсии, ра-

ботает шофером. Вадим Дараган и Алексей Антонов тоже давно демобилизовались и возвратились в Ленинград.

В послевоенные годы закончил институт и теперь работает директором лесокombината в Архангельске Константин Тярсов. В Череповце живет Константин Ермаков.

Давно уже на пенсии бывший командир отряда капитан второго ранга Виктор Леонов. Выслужив положенный срок, ушел в отставку подполковник Чекмачев. В Москве работают Владимир Толстиков, Виктор Соболев, Владимир Оляшев. Толстиков за эти годы закончил институт, академию, стал кандидатом наук. В Свердловске трудится Григорий Тихонов, совсем неожиданно для нас избрал себе пристанище в Киргизии Андрей Пшеничных, постоянно обосновался в Севастополе полковник в отставке Инзарцев.

Продолжают флотскую службу капитан первого ранга Гузненков, инженер-подполковник Колосов.

Двадцать прошедших лет изменили нас внешне. Сплошная седина посеребрила головы Дарагана и Чекмачева. Белыми как лунь стали некогда смолистые волосы у Кожаева. Сдает здоровье у Максимова, у Бывалова. Жалуются на недуги Костя Ермаков. У многих уж сыновья отслужили военную службу. Многие зовут дедами.

Далеко мы друг от друга и потому видимся редко. Но память о службе морской неизменна. Не забыты наши дороги и на севере и на востоке. Как самое драгоценное чувство пронесли мы в сердце свою фронтовую дружбу.

Осталась память о наших людях и у народа Кореи. Она не только в памятниках и обелисках Начжина, Чхончжина и Вонсана. Она теплом сохранилась в сердцах людей.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЙНА В АРКТИКЕ	5
НА ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ	385
От океана к океану	385
Впередсмотрящие	415
Испытание	480
Выдержать и устоять	525
Новый день — другие заботы	567
Когда крепости сдаются без боя	589

Макар Бабилов

**ОТРЯД ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ
Диверсанты морской пехоты**

Издано в авторской редакции

Художественный редактор П. Волков

Технический редактор В. Кулагина

Компьютерная верстка А. Пучкова

Корректор Л. Фильцер

ООО «Издательство «Яуза»

109507, г. Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.

Тел.: (495) 745-58-23.

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 01.10.2009.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 33,6.

Тираж 3000 экз. Зак. № 19126.

Отпечатано по технологии StP

в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Боец легендарного 181-го отдельного разведотряда Северного флота Макар Бабилов в годы Великой Отечественной участвовал в самых рискованных рейдах и диверсионных операциях в тылу противника – разгроме немецких гарнизонов на берегах Баренцева моря, захвате артиллерийской батареи на мысе Крестовый и др., – а Золотой Звезды Героя был удостоен за отчаянный десант в южнокорейский город Сейсин в августе 1945 года, когда, высадившись с торпедных катеров, его взвод с боем захватил порт и стратегический мост и, несмотря на непрерывные контратаки японцев, почти сутки удерживал плацдарм до подхода главных сил.

Эта книга вошла в золотой фонд мемуаров о Второй Мировой войне. Это – захватывающий рассказ о подвигах советской морской пехоты, наводившей ужас на врага и прозванной «черной смертью».

ISBN 978-5-559-38223-1

9 785699 382231 >

Боец легендарного 181-го отдельного разведотряда Северного флота Макар Бабилов в годы Великой Отечественной участвовал в самых рискованных рейдах и диверсионных операциях в тылу противника – разгроме немецких гарнизонов на берегах Баренцева моря, захвате артиллерийской батареи на мысе Крестовый и др., – а Золотой Звезды Героя был удостоен за отчаянный десант в южнокорейский город Сейсин в августе 1945 года, когда, высадившись с торпедных катеров, его взвод с боем захватил порт и стратегический мост и, несмотря на непрерывные контратаки японцев, почти сутки удерживал плацдарм до подхода главных сил.

Эта книга вошла в золотой фонд мемуаров о Второй Мировой войне. Это – захватывающий рассказ о подвигах советской морской пехоты, наводившей ужас на врага и прозванной «черной смертью».

ISBN 978-3-699-38223-1

